Дэфид аб Хью, Брэд Линавивер

DOOM: По колено в крови

Когда первые люди высадились на Фобосе, эти ворота уже были там… Тяжелые, неподатливые, выглядевшие совершенно чуждыми для землян, они в течение двадцати лет оставались лишь безмолвным памятником, надежно хранящим тайны своих создателей. Но наступил день, и ворота ожили… Капрал морской пехоты Флинн Таггарт, личный номер 888 — 23-9912, был одним из лучших бойцов двадцатого века. Судьба забросила его на Марс, а вернее сказать, в ад, и ему не оставалось ничего другого, как драться, защищая человечество.

ПРОЛОГ

Ближе к аду, чем Кефиристан, на Земле, пожалуй, места не сыскать.
Это я заявляю со всей ответственностью. Мне пришлось провести в тех краях последние восемнадцать месяцев, когда мы сдерживали натиск Народной армии освобождения Кефири — прозванной ее бойцами «Косой славы», — чтобы не дать ей возможности расправиться с правыми хорастистами и поддерживавшими их переселенцами из Азери, с юга (стремившимися сохранить свои анклавы), которые вели «грязную войну» против кубинских коммунистов и перуанских наемников… Такая вот там сложилась обстановочка! В общем, в этом клубке противоречий, сплетенном из миллиона тайных и явных опасностей, поджидающих вас на вершине мира — в северных отрогах Каракорума, между Афганистаном и узбекским Самаркандом, — сам черт ногу сломит.
Мы только что продрались через скалистое ущелье — местные жители с присущим им простодушием ласково называют его на своем языке «рваная рана» — и вошли в небольшой мусульманский городок Низганиш, разрозненные строения которого невесть как угнездились на склонах горного хребта высотой в 2200 метров.
Открывшаяся взору панорама повергла меня в ужас. Несмотря на то, что за все это время мне много раз доводилось подниматься в горы, охотясь на членов «Косы славы» и их дружков из «Светлого пути», к виду того, что осталось от Низганиша, я, надо признаться, готов не был.
Зрелище походило на полотна Босха. Повсюду на земле, как обгрызенные кукурузные початки, валялись оторванные конечности, обезглавленные и изуродованные тела — я молил Бога лишь о том, чтоб их уничтожили звери, — двери и стены в пятнах крови, будто здесь совершалось жертвоприношение агнцев… с той лишь разницей, что то была кровь людей, а не ягнят…
Итак, разрешите представиться: капрал Флинн Таггарт, рота «Фокс» (или попросту «лисы») 15-го легковооруженного десантного полка морской пехоты Соединенных Штатов, личный номер 888-23-9912. Но парни зовут меня Флай, если только в этот момент не мочатся.
Потрясенные увиденным, «лисы» разбрелись по городку, без особого успеха пытаясь прикинуть по разрозненным кускам человеческой плоти, каковы были потери. Вершину горы совсем некстати покрывало облако густого тумана, и все вокруг застилала легкая пунцовая пелена, скрадывавшая звуки шагов. Как будто мы шли по обложенному ватой коридору, повсюду натыкаясь на кошмарные отметины войны, особую жестокость которой придавала неистребимая ненависть одного племени к другому, отбрасывающая людей к доисторическим временам первобытной дикости, когда еще не знали бронзы и не умели обрабатывать землю.
В тумане почудилось едва уловимое движение.
Промелькнувшая тень, зыбкие очертания неясных контуров — и больше ничего. Сержант Гофорт еле слышно присвистнул, и мы замерли как вкопанные. «Лисы» чертовски хорошо подготовлены даже для легковооруженных десантников.
Подле меня остановился Гэйтс; он слегка коснулся моей руки и молча показал сначала налево, потом направо. Мне тут же стало ясно, что он имел в виду: чем бы ни были эти тени, они оставили нам лишь путь к отступлению — впереди и с флангов мы были окружены.
Я бросил взгляд в сторону сержанта: ему в ухо что-то нашептывала Арлин Сандерс, наш разведчик — самый «легкий» из всех легковооруженных десантников морской пехоты. Эта девушка обладала

способностью растворяться во мраке ночи так, что даже оборотень не нашел бы ее след. Арлин была моим лучшим другом.
Она могла бы стать мне даже больше, чем другом — и как-то раз так оно и случилось, — но продолжения не последовало. Мы остались друзьями. После мы никогда не говорили о той ночи. Как бы то ни было, у нее с Доддом еще раньше сложились вполне определенные отношения, а я не отношу себя к любителям разрушать налаженные связи.
Арлин отошла от сержанта, неслышно прошмыгнула мимо меня и исчезла в тумане. Она как будто растворилась в том проходе, который еще оставался в незамкнутом кольце окружавших нас движущихся теней. Я понял, что ей было поручено выяснить обстановку и доложить лейтенанту и сержанту Гофорту по секретной линии связи, что происходит.
Ни я, ни другие «лисы» не двигались с места; до меня доносилось лишь дыхание стоявшего рядом Билла, а Додда и Шейла и вовсе не было видно. Если нам повезет, может быть, эти чучундры вообще нас не заметят и пройдут мимо.
Но тут подбежал лейтенант Вельзевул и, как обычно, резко, но на этот раз еще и с раздражением рявкнул:
— Что здесь, черт побери, происходит?!
На самом деле имя лейтенанта — Вимс. Это я называю его Вельзевул, потому что вокруг чудовищно толстого, вечно взопревшего недотепы вьются полчища комаров. Видать, им нравится вкус его пота.
Чучундры замерли так же внезапно, как перед этим мы, и растворились в клубах серого тумана. Мы сразу же потеряли все преимущества внезапности и с ними наш единственный шанс выйти из передряги без выстрела… И все из-за этого шута горохового, который хоть и ходит уже три года в младших лейтенантах, до сих пор никак не может в толк взять, в какие игры мы здесь играем!
Вдруг одна из теней стронулась с места, потом другая. Но двигались они поодиночке — то тут, то там — и определить, где сосредоточена основная их часть, не было никакой возможности.
Вимс запаниковал — такое мы уже не раз проходили.
— Мы что, не собираемся их ликвидировать? — вцепился он в Гофорта, который остервенело прижимал палец к губам. — Надо, чтобы кто-нибудь это сделал.
Гофорт, приложив одну руку к уху — он слушал доклад Арлин, — другой принялся отмахиваться от ретивого лейтенанта.
Но Вимс справа видел призраки, а слева — привидения. В голове его — хоть здесь я вполне могу ошибиться — они были индейцами, а мы — 7-й Кавалерийской дивизией, и он, конечно, в роли Кастера.
— Лейтенант не может мириться с таким положением вещей! — резко сказал Вимс. — Гофорт, уничтожьте солдат! Сержант сделал ответный ход:
— Сэр, мы даже не знаем, что это за люди… Сандерс докладывает, что они в рясах с капюшонами…
— «Коса славы»! — взвизгнул Вимс.
— Нет, сэр, просто люди в рясах…
— Сержант, я отдал вам приказ… так что уложите их!
Арлин снова прошмыгнула мимо меня.
— Что здесь творится? — прошептала она.
— Вимс хочет, чтоб их уложили.
— Да они же монахи! Ты должен остановить этого чокнутого ублюдка!
Я был вторым по званию бойцом сержантского состава, и Гофорту не помешало бы прислушаться к моему мнению. Пригнувшись, я медленно подошел к нему.
— Сержант, Арлин говорит, что они — монахи.
— Это и впрямь так, Таггарт? — Вимс произнес свой вопрос с таким видом, будто столкнулся со мной на приеме, где подавали устриц.
— Сэр, они всего лишь монахи.
— Вы в этом твердо уверены? Кто-нибудь знает это наверняка?
— Сандерс сказала…
— Сандерс сказала! Можно подумать, что это Сандерс каждую неделю имеет дело с полковником Бринклом!

— Сэр, — снова попытался вставить слово Гофорт, — мне кажется, перед тем, как открывать огонь, нужно выяснить, что это за люди.
Вимс, трясясь от ярости, уставился ему прямо в глаза.
— Пока что здесь я отдаю приказы, пехотинец, а вы обязаны их исполнять. А теперь — уложите их!
Монахи. Чудаковатые, несчастные монахи!
Меня передернуло. Не знаю, от чего я так завелся — может быть, из-за обезображенных человеческих тел или так на меня подействовал разреженный горный воздух и явная нехватка кислорода. А может быть, тупая наглость Вимса, испуганный взгляд Арлин, которая просто не могла поверить в реальность происходящего, и то, с каким видом Гофорт скрипнул зубами и повернулся, чтобы отдать приказ. Этому человеку, которому давно уже перевалило за тридцать, совсем не хотелось кончать ни в чем не повинных чудиков в монашеских рясах.
Тут мне внезапно пришло в голову, что если бы Вимс уткнулся мордой в грязь, он бы не смог отдавать приказы и мы без проблем позволили бы этим проклятым монахам исчезнуть.
— Вы уж извините, сэр, — начал я, легонько хлопнув лейтенанта по плечу.
Он повернулся, и я от души ему врезал. В этом ударе сконцентрировалась вся моя жизнь — замах шел из Орландо, где я вырос, скорость — с островов Пэррис, а сила — из Кефиристана. Поэтому не было ничего удивительного в том, что в маленьком горном городке Низганиш лейтенант Вимс от него тут же вырубился.
К сожалению, совсем ненадолго — скоро силы стали к нему возвращаться. Надо было, видимо, треснуть не в челюсть, а по кумполу.
Вимс распластался всей своей тушей в грязи, а на мне тут же повисли двое парней, как макаки на дереве.
Какое-то время лейтенант неподвижно лежал на земле, похожий на гигантского, застывшего паука, потом принялся медленно шевелить конечностями. Глаза его на миг застыли на мне, и в них блеснула дьявольская усмешка, зловеще исказившая черты.
— Позже разберемся, — прошипел он. Потом, обернувшись к Гофорту, добавил: — Это ничего не меняет, сержант, кончайте этих людей — или вместо них вы собираетесь стрелять в меня?
Гофорт бросил взгляд в мою сторону, потом на Вимса и уставился в землю. Затем взвел свою М-92, переведя ее в автоматический режим, и глухим голосом спокойно произнес:
— Рота «Фокс», слушай мою команду: приказываю убрать противника.
Закрыв глаза, я слушал свист пуль, хлопки разрывов, лязг затворов, вопли и стоны умирающих, крики победителей. В носу стояли запахи бездымного пороха, запалов, свежей крови.
«Это сущий ад, — вертелось у меня в голове. — Я попал прямо в пекло».
Мы расправились с «противником» в рекордно короткий срок. Странная вещь: ни один из врагов в нас так и не выстрелил, да по-другому и быть не могло — оружия при них никакого не было найдено… Только пятьдесят три мужских трупа с наголо бритыми головами — от совсем еще мальчиков до восьмидесятилетних старцев в коричневых рясах с капюшонами. У нескольких в руках зажаты молитвенники.
Парни все время продолжали торчать у меня за спиной, а Вимс избегал попадаться мне на глаза, убийца проклятый. Тем не менее, позднее он выдвинул против меня обвинение, и я ждал разбирательства военного трибунала, пытаясь как можно скорее забыть о нашивках ротного.
Господи, Пресвятая дева Мария! Ведь должен же был хоть кто-нибудь послать пулю в его тупые мозги! Я просто физически ощущал пальцем спусковой крючок. Даже не знаю, кто мог бы отпустить мне грехи, но сам я постоянно чувствовал угрызения совести и раскаяние.
1
По Земле я особенно не тосковал, хотя Марс ненавидел всеми фибрами души. Поэтому пребывание в грязном и неубранном помещении на Фобосе — одном из двух небольших спутников Марса — представлялось мне вполне подходящим компромиссом.
Если бы все шло, как заведено, майор Бойд должен был бы предать меня суду военного трибунала; однако на следующий день после того, как Вимс подал свой рапорт с добросовестным описанием того, как ваш покорный слуга двинул его по зубам, в 15-й полк пришло распоряжение ответить на тревожный запрос, поступивший с Фобоса. Зона действий роты «Фокс» не ограничивалась Землей, и Бойд решил

послать «лис» на Марс.
Нас погрузили в транспортную ракету. Свободного времени там было предостаточно, чтобы всесторонне обмусолить вопрос о том, какого черта на этот раз шахтеры Объединенной аэрокосмической корпорации мутили воду.
Морская пехота, морская пехота… Слава морским пехотинцам! Не думаю, что вы представляете себе, какую роль играет в моей жизни морская пехота. Отчасти это связано с отцом… Нет-нет, он-то, слава Богу, морским пехотинцем не был. Скорее это имеет отношение к тому, что я рос в Орландо, во Флориде, и в ЛосАнджелесе. Именно поэтому я сначала увидел некое подобие «Голливудского бульвара» на «Юниверсал студиос ист», а потом и еще более аляповатые подделки дальше к западу. Блеск мишуры и показухи… и не поймешь, что же там на самом деле настоящее?
Все в моей жизни было таким же пустым, как тот бульвар, пока я не нашел свое место в частях морской пехоты.
Честь по кредитным карточкам не выдается. Ложь здесь не принято было оправдывать необходимостью «закрутить гайки», а если речь заходила о гайках, то имелись в виду настоящие, те, что накручиваются на винты. Да, конечно, вы справедливо полагаете, что знаете об этом больше меня. Не спорю, все это верно до определенных пределов, даже в морской пехоте. Я прекрасно понимаю, что дела на службе идут полосами — то черными, то белыми, и дерьма там хватает, как в любом другом месте. «Нет дела настолько благородного, чтобы к нему не присасывались всякие проходимцы», — написал один из тех писателей-фантастов, которых Арлин мне постоянно цитирует, — Дэвид Наивен или кто-то еще.
И тем не менее — слава Тебе, Господи, — мы говорим о чести без кривых усмешек. У нас есть свой кодекс чести: «Я не буду лгать, мошенничать и воровать и не потерплю этого ни от кого из ближних своих». Правда, хоть все ему присягают, не все следуют. Кроме того, у нас есть цель, к которой надо стремиться, а то, что не каждому она по плечу, — это уже вопрос иной. А еще для меня было важно то, что порядочность обрела у нас юридически четкую формулировку во Всеобщем кодексе военного правосудия, а слава и доблесть никогда не подменялись бравыми лозунгами на выцветших транспарантах. К шести утра мы уже успевали столько всего перелопатить, сколько вы, гражданские, и за весь день не сможете. Так что, морская пехота для меня — это морская пехота: semper fidelis, черт побери, и мы знаем, кто мы такие и для чего живем! А вы знаете?
Арлин никогда не смотрела на все это моими глазами, да и другие, как я понимаю, тоже. Так что в каком-то смысле я гордый одиночка.
Но если б не мой рассказ, вы не смогли бы меня понять и узнать о том, что есть такое место в мире, где по улицам ходят порядочные люди, где реки текут вспять, где в тылу у врага парни творят чудеса даже без поддержки с воздуха и где кто-то из них — а, может быть, и девчушка — стоит в воротах той стены, которая отделяет вас, людей, от варваров, и не только отражает удары подонков, но и сам их наносит, когда возникает потребность.
Если сами вы никогда там не стояли, то и узнать вам о том неоткуда. А я хочу вас туда отвести.
Путешествие на Марс было скучным и нудным. У того голоса, который без передыха гундосил в моей голове, было вполне достаточно времени, чтобы извести меня вопросом о том, сидел бы я в этой ракете, если бы имел хоть какой-то шанс заняться чемнибудь другим. Я честно вынужден был себе признаться, что сидел бы.
Забавно, но я всегда чувствовал, что в один прекрасный день полечу в Космос… хотя, конечно, совсем не так, как теперь. Мне хотелось оказаться на борту корабля, исследующего далекие миры за пределами Солнечной системы, раздвигать границы известного. Но когда я набрал всего 60 баллов по тесту на пригодность к полетам в дальний Космос, вероятность того, что я смогу принять участие в такого рода экспедиции, колебалась где-то между бесконечно малой величиной и «забудь об этом навсегда». Так что самым большим сюрпризом оказалось то, что путь к звездам мне открыл апперкот в цементную челюсть лейтенанта Вимса.
Без всякого сомнения, я снова вмазал бы ему, представься такая возможность, — и опять получил бы от этого истинное наслаждение!
Глядя на двух парней, в чьи обязанности входила охрана моей скромной персоны, я испытывал странное ощущение нереальности происходящего.
— Кофе хочешь? — спросил один из них с таким видом, будто действительно был этим обеспокоен. Его

немного вытянутая, худощавая физиономия напомнила лицо убитого монаха.
— Да, — ответил я. — Если можно, черный.
Малый улыбнулся. Сливки у нас закончились еще в Кефиристане, и, когда мы вылетали на Фобос, снабженцы не позаботились о пополнении запасов.
Охранника звали Рон, как, впрочем, и его товарища — поэтому я величал его Рон Два, но парней почему-то это не забавляло.
Говорили мы мало. Мне даже было немного обидно, что такого опасного преступника охраняли только двое морских пехотинцев; однако остальные уж слишком увлеклись досужими домыслами о том, что могло стрястись на Фобосе.
После того, как мы высадились на марсианской базе, разговоры велись вокруг того, почему служащие Объединенной аэрокосмической корпорации послали сигнал и что им мешает ответить теперь. И в морской пехоте иногда случается скука смертная, так что, кажется, готов даже на военный трибунал согласиться, только бы хоть немного развлечься. И тут сваливается какое-нибудь неожиданное, невероятно опасное дельце, камня на камне,не оставляющее от заведенного распорядка, как очередное напоминание о том, что с Вселенной надо держать ухо востро.
Последняя информация с Фобоса звучала так: «Сквозь Ворота идут объекты». Когда происходит нечто серьезное, скука сразу же становится непозволительной роскошью. Военный суд над заурядным капралом морской пехоты в свете такого сообщения куда менее важное событие, чем угроза, нависшая над Марсом; а в сравнении с прибылями Объединенной аэрокосмической корпорации — и вовсе сущая ерунда.
Звонко выкрикнув: «Вроде бы они там что-то пронюхали», — лейтенант Вимс с бесшабашной храбростью повел своих людей в транспортную ракету. Сначала я подумал, что меня не возьмут, но то ли Вимс решил, что жизнь на базе покажется мне чересчур сладкой, то ли, что лучше держать меня при себе, — но, так или иначе, я полетел. И без колебаний, лишний раз доказав, что иногда бываю не в меру туп.
Майор Бойд попытался нас проинструктировать по видеозаписи, сделав все возможное, чтобы скрыть полное отсутствие представления о том, что происходит в действительности. Нам выдали скафандры для пребывания в открытом Космосе на тот случай, если мы удалимся от Ворот на приличное расстояние. Хоть в них и нельзя долго находиться вне зоны нормального давления, да и тепло они выпускают быстро, тем не менее они дают шанс продержаться какое-то время в вакууме и добраться либо до корабля, либо до зоны нормального тяготения. Тот факт, что мне тоже выдали скафандр, я воспринял как доброе предзнаменование; гораздо хуже было то, что Вимс запретил выдавать мне оружие.
Пока я размышлял над тем, как лучше всего использовать в этом качестве бытовые предметы, Рон Два принес обещанный кофе. Но он оказался слишком плох для стратегического оружия устрашения. Выражение лица охранника было такое, будто он уже хлебнул из чашки перед тем, как передать ее мне. А, может быть, он просто немного боялся. Как бы то ни было, винить его не стоило.
Теперь — пара слов об этих Воротах. Вы, скорее всего, кое-что о них слышали, хотя официальные сведения хранятся в тайне.
Так вот, Ворота уже были там, когда мы впервые высадились на Марсе. Конечно, когда стало известно, что кто-то — или что-то — побывал на нашем ближайшем космическом соседе за миллион лет до нас, многие испытали неслабое потрясение! Случилось это, естественно, задолго до того, как я о том узнал. Не трудно представить панику в Пентагоне, когда на Фобосе обнаружили древнюю, целиком искусственную конструкцию, а на самом Марсе не прослеживалось даже намека на существование какой бы то ни было формы жизни.
Без сомнения, Ворота — создание разума. Но чьего? На протяжении всей моей сознательной жизни я слышал бесконечные рассказы о пришельцах и неопознанных летающих объектах… «Сетчатые», «люди в черном», «древние марсиане» — подобные популярные теории казались высосанными из пальца, потому что никакой жизни на Марсе никогда не существовало. Однако попробуйте объявить об этом тем, кто из поколения в поколение воспитывался в духе «Прогулок по Марсу», «Марсианской язвы» или «Марс, восстань!».
Что до меня, так я считаю, что на планете побывали пришельцы-антропологи. Прилетели, поглядели и

сказали себе: «Да, здесь, пожалуй, для нас еще рановато», — и оставили на всякий случай что-то типа запасной базы, если кто-то из них решит вернуться… может, завтра, а может быть, и через сотню тысяч лет.

С чьей-то легкой руки непонятную конструкцию стали называть Ворота, и она как стояла себе, так и стоит до сих пор. Тем не менее на прилегающей территории существовала зона гравитации, равной примерно половине земной силы притяжения — и это на малюсеньком спутнике Марса, где гравитация должна быть близка к нулевой! Помимо огромных, недвижных Ворот, там и тут находились небольшие платформы, которые мгновенно переносили человека из пункта А в пункт Б, не причиняя ему при этом никакого видимого вреда. Если хотите, можете называть такой способ передвижения телепор-тацией. Я слышал, конечно, о них, но никогда не видел; хрен бы я дал затащить себя на одну их них.

Когда Объединенная аэрокосмическая корпорация подкупила достаточно конгрессменов, чтобы заключить эксклюзивный контракт на освоение природных ресурсов Фобоса и Деймоса, они там черт знает что понастроили вокруг этих самых Ворот, воспользовавшись преимуществами искусственной гравитации. А то, что должно было быть в невесомости, вывели за пределы «зон притяжения». После такой реорганизации охранять столь важный объект поручили морским пехотинцам.

Так вот, сейчас вроде как стало прорисовываться, что Ворота вовсе не такие неподвижные и инертные, как до этого полагали.

После высадки на Фобосе меня с охранниками оставили на заброшенном складе ракетной базы в западной зоне притяжения — если идти против часовой стрелки. А «лисы» во главе с Вимсом направились к техническим постройкам, чтобы восстановить связь и «обеспечить безопасность положения».

Сооружения Корпорации концентрировались в конусе гигантских размеров, уходящем своим острием на много сотен метров в глубь скальной породы. Внутри он делился на несколько уровней, точное число которых назвать не берусь — не то восемь, не то девять. Конструкции были возведены вокруг самой большой в Солнечной системе открытой шахты, разработка которой могла бы нанести непоправимый вред экологии Фобоса, хотя, конечно, какая там экология! Кроме обледенелых скал на крошечном спутнике Марса ничего нет.

Постройки находятся на противоположной от базы стороне Фобоса. Последнее обстоятельство существенное, особенно если учесть, что его диаметр составляет всего около двадцати пяти километров. Дойти пешком от одного полюса до другого большого труда не составит. Единственная трудность заключается в том, что гравитации на марсианской луне — за исключением зон притяжения — практически нет.

В том помещении базы, где мы находились, было радио, и мы периодически принимали сообщения от ребят, которые ушли с Вимсом. Что же касается сотрудников Корпорации, остававшихся на Фобосе, то от них мы уже отчаялись получить хоть какую-то весточку. Потягивая горячую жидкость и соображая, против кого мне придется подавать иск в том случае, если обожгу себе язык, я не мог отделаться от мыслей о двух Ронах. Ни тот, ни другой не выглядели так, будто полностью владеют ситуацией. Они то и дело поглядывали на закрытые двери расположенной рядом закусочной, на радио, друг на друга, и у меня сложилось впечатление, что подопечный особенно их не волновал.

Примерно через каждые двадцать минут они затевали один и тот же разговор. Начинался он так:

— Ну, и что, по-твоему, здесь творится?

Мне настолько надоело слушать перепевы этой бестолковщины, что я предложил охранникам собственную теорию происходящего:

— Ворота каким-то образом раскрылись, и те, кто их построил, решили, что Корпорация стала наступать им на пятки. Может быть, даже они их уже уничтожили.

— А нас-то какого лешего сюда загнали? — спросил Рон Один. Забавно: мне бы никогда в голову не пришло отождествлять «нас» с Объединенной аэрокосмической корпорацией.

— Они говорили, что в Ворота прошли монстры, — произнес Рон Два с таким же точно выражением удивления, какое он уже с полдюжины раз демонстрировал до этого.

— Они называли их «объектами», — поправил его я, но мои слова остались без внимания. Объекты это были, монстры или чудовища, моей веры в Арлин и остальных «лис» данное обстоятельство не подрывало никоим образом.

Охранники, целиком поглощенные рассуждениями о высоких материях, пришли к некоторым неопровержимым выводам, опираясь на новейшие достижения биологической науки в популярном изложении. В существование монстров они верить отказывались.
Должен заявить со всей откровенностью — я тоже.
Кроме того, я был солидарен с этими ребятами и разделял их опасения еще в ряде вопросов, остававшихся пока без ответа. Кто наши враги? Как они попадали на Фобос через Ворота? Самое большое беспокойство вызывал вопрос о том, почему «лисы» до сих пор не нашли тел. Майор Бойд и полковник Бринкл там, на Земле, очень хотели бы это знать.
Снова оживший радиоприемник приковал к себе наше внимание, будто чья-то невидимая рука, схватив за горло, остановила дыхание. Молодой морской пехотинец — рядовой Грэйсон, посланный на разведку, докладывал Вимсу, что обнаружил труп. Вимс в ответ радировал подчиненному соответствующие инструкции.
— Идентификация тела невозможна, сэр. — Голос Грэйсона звучал напряженно. — Оно разорвано на куски. С полной определенностью могу сказать лишь то, что это белый мужчина. Труп выглядит так, как будто — о, Господи, — сэр, это выглядит так, словно его драли когтями. И грызли…
Дикие хищники в безвоздушном пространстве Фобоса? Судя по тому, ках оба Рона сбледнули с лица, можно было без труда прийти к заключению, что ни тому, ни другому в крутых передрягах раньше бывать не доводилось. А на мою долю выпадало такое. Мелькнула мысль, что страшно хочется дожить до заседания военного трибунала, но загадывать на столь долгий срок было просто несерьезно. Даже пять лет в Ливенворте выглядели в нынешнем положении заманчивой перспективой. Сознание того, что я безоружен, глодало меня изнутри, как ненасытный червь. Именно в этот момент пришло решение коренным образом изменить ситуацию.
Расчлененное тело обнаружено в помещении электростанции. Вимс отдавал распоряжение всем там собраться… И тут начались помехи.
Когда голос лейтенанта донесся снова, он звучал громко и отчетливо. До этого момента я еще находил в происходящем какой-то смысл. Однако все знания, которыми я располагал по части военных действий, показались абсолютно бесполезными после того, как из динамика раздался вопль:
— Господи, спаси и сохрани! Да это же не человек! Это что-то слишком большое… члены несуразно выглядят… гуманоид какой-то… с дикими, красными глазищами…
Отрывочный доклад морского пехотинца прерывался автоматными очередями. И прежде, чем мы смогли что-то понять, раздались громовые раскаты нечленораздельного рычания, в котором клокотала животная боль того объекта, по которому вел огонь Грэйсон, и вслед за ним новый крик:
— Я никак не могу его вырубить!
Очередной вопль на этот раз имел явно человеческое происхождение.
У меня по всему телу пробежала дрожь. Ведь там была и Арлин!
Успокойся, возьми себя в руки — она же, черт возьми, из морской пехоты!
Один из Ронов выглядел так, будто его вот-вот вывернет наизнанку.
— Ладно, ребятки, — сказал я. — Теперь, по крайней мере, у нас есть хоть какая-то информация. Ясно, что в этом деле мы должны быть вместе. Возвращайте-ка мне мою пушку и давайте прикинем, с какого конца эту бодягу лучше раскручивать.
Если в Арлин выстрелят — чтоб им всем провалиться, — за мной не заржавеет, всажу в ответ пулю промеж глаз! В этой заварушке на кон поставлена не только честь морской пехоты, но и жизнь лучшего друга.
Не успел начальничек Вимс взять контроль над ситуацией в свои потные лапы, как приемник начисто вырубился. Растерянное перемигивание сбитой с толку парочки охранников навело меня на мысль о том, что палочная муштра начисто лишает людей инициативы. Подумать только, когда жить им, может быть, оставалось с гулькин нос, оба Рона больше всего были озабочены тем, чтобы действия их ни на йоту не отступали от уставных требований, пусть бы даже их имена огненными буквами светились в списках павших.
В конце концов к одному из парней вернулся дар речи.
— Оружие мы отдать тебе не можем!
Я сделал вторую попытку:

— Перед нами сейчас стоит только одна задача — шкуру спасти. Там внизу наши ребята. Кроме того, погибших в сражении военный трибунал не судит! И потом, имейте в виду, что покойник ни защитить, ни помочь никому уже не сможет. Так что давайте-ка по-хорошему мою пушку обратно!
Если бы хоть у одного из Ронов в глазах мелькнула слабая искра сообразительности или воли, я бы воздержался от следующего шага. Но парни упорствовали в своем стремлении оставаться дебилами.
Что тут скажешь! Как любил приговаривать в бытность свою Крестный отец, есть такие люди, которые идут по жизни, как будто напрашиваются на пулю.
2
— Заткнись, — буркнул первый Рон.
— Тебя же снова отдадут под стражу, — поддакнул второй.
Прямо спектакль какой-то патетический разыграли! Внезапно до меня дошло, что я стал для своих охранников угрозой уже просто потому, что заставил их взглянуть прямо в лицо непростой ситуации.
В следующее мгновение в динамиках снова раздались крики и пальба, причем мне почудилось, что в числе других кричала женщина. Ближайший ко мне Рон расстегнул кобуру, вынул десятимиллиметровый пистолет и направил на меня; потом жестом указал в ту сторону, куда хотел, чтобы я перешел. И как раз той рукой, которая сжимала пистолет.
Разве можно было удержаться от столь навязчивого приглашения?
Я схватил бедолагу за кисть, отводя дуло, и от души врезал ему по почкам — пушка выскользнула на пол. Второй Рон все еще возился с кобурой, поэтому я, не мешкая, подскочил к нему и схватил за глотку… не так сильно, чтобы придушить насмерть, но достаточно крепко, чтобы дышать ему стало трудновато.
Вы уж простите меня, ребятишки, но боец Арлин Сандерс значит для меня гораздо больше, чем вы оба вместе взятые!
Повернувшись к первому Рону, я с удивлением обнаружил, что он умудрился подняться на ноги и вот-вот схватит меня еще пока действующей рукой. Но бедняге снова не повезло — он потерял равновесие и повалился в мою сторону, опять превратившись в заманчивую цель. Ребром ладони я дал ему по шее, и он отбросил копыта. Когда я собирал оружие, второй Рон все еще ловил ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег.
— Да, парни, сдается мне, что для легковооруженных десантников у вас кишка тонка, — выдавил я самым что ни на есть елейным голосом.
Теперь передо мной встала следующая проблема. Охранники, в сущности, были неплохими ребятами, но поверить в их благоразумие и в то, что они не попытаются меня догнать, я не мог. Не исключено, что страх остановил бы их от опрометчивого шага, однако особенно на это рассчитывать не приходилось. Вместе с тем мне совсем не хотелось оставлять их в качестве подопытных кроликов для неизвестного врага, разгуливавшего по станции. Поэтому я помог тому Рону, который все еще был в сознании, подняться и подождал, пока его замутненный взгляд не прояснится.
— Слушай меня внимательно, мы попали в крепкую переделку. Если я правильно понимаю, у нас на троих только пара пистолетов. Ничего хорошего в этом не вижу. Лейтенанту следовало бы оставить нам побольше оружия, тебе не кажется? — Вопрос был чисто риторический, поэтому ответа на него я дожидаться не стал. — Один пистолет оставляю тебе, но он не заряжен. — Я дал парню снова сползти вниз и разбросал патроны по полу. — Когда ты очухаешься настолько, чтобы зарядить пушку, советую забаррикадировать дверь попрочнее, а не надеяться на замок, который захлопнется, когда я отсюда уйду. А потом просто сидите здесь и ждите указаний.
Парень выглядел как побитая собака, но согласно кивнул. После этого я предоставил ему возможность самому решать свои проблемы, предварительно рассовав по карманам оставшиеся боеприпасы. Мне хотелось иметь их как можно больше, пока я не подыщу в производственных помещениях Корпорации что-нибудь более солидное, чем этот пистолет — если, конечно, там вообще можно что-то найти.
Закрывая за собой дверь, я снова услышал доносившиеся из динамиков бессмысленные, хаотические помехи, не содержавшие никакого намека ни на Вимса, ни на Гофорта, ни на Арлин. Ну что ж, последние сведения, которые я смог уловить из этого ящика, сводились к перспективе устроить небольшую вечеринку с останками Грэйсона в качестве почетного гостя. Нет, хватит дурацких мыслей — не время шутки шутить. Пора настраиваться на серьезный лад.

Минут десять я бродил между строениями базы, пока не наткнулся на небольшой наземный вездеход на гусеничном ходу, который кто-то предусмотрительно здесь оставил. Фобос настолько невелик, что я мог бы и на своих двоих добраться до промышленной зоны, особенно если учесть отсутствие силы тяжести. Однако вездеход мог пригодиться для эвакуации тех, кто остался в живых. Кроме того, далеко не последнюю роль играл фактор времени.

Хоть клаустрофобией я и не страдаю, белые стены замкну-тогс(пространства — особенно в ракете, доставившей нас на Марс, — меня прилично утомили. Пролететь сквозь миллион миль пустоты в малюсенькой жестянке, чтобы в конце пути оказаться почти в такой же коробке — совсем не тот способ покорения космического пространства, о котором я мечтал.

По крайней мере, в тот день, проведенный на Марсе, нам было что посмотреть. Купола, покрывающие постройки, сделаны там из толстенного, изолирующего пластика, но когда смотришь сквозь них, создается впечатление, что они не толще мыльного пузыря. Беда лишь в том, что вокруг пустота бескрайности, упирающаяся на горизонте в такую же пустоту темно-багряного неба. Тем не менее эта панорама завораживала меня так же, как вид звездного неба. Мне казалось, что здесь должно быть интересно. Фобос с марсианской базы тоже можно было разглядеть, хоть он казался лишь одной из ярких звездочек, неспешно скользившей по небосводу. Луны такого размера в темную ночь едва ли хватило бы, чтобы разогнать мрачные мысли.

Теперь же, когда я вел вездеход под черным, пустым небом Фобоса, у меня впервые за последнее время возникло чувство, что после отлета с Земли я снова стал свободен. Почти полный диск Марса медленно проплывал вверху, величиной своей превосходя самую что ни на есть полную Луну, — кроваво-красный, как будто впитавшей в себя кровь, пролитую солдатами всех армий во времена бесчисленных битв, — тупая, идиотски-пустая, чудовищная рожа, лик бесконечности, морда монстра.

По контрасту с ним серая, унылая поверхность Фобоса выглядела, как ломкие крошки стирального мыла или ссохшаяся овсяная каша; единственным нарушением однообразия ландшафта был Стикни — огромный кратер, покрывавший четверть поверхности марсианского спутника, от которого во все стороны расходились миниатюрные горные кряжи.

Я подумал о том, что вид Марса с Фобоса вполне мог быть последним красочным зрелищем, которое мне довелось увидеть в жизни. Будущее не предвещало ничего хорошего. Мысль о возможной скорой гибели беспокоила меня гораздо меньше, чем страх перед тем, что я не смогу помочь людям, которые были для меня дороже жизни… как это уже, к несчастью, не раз случалось в прошлом.

На Земле таких людей осталось совсем немного, но один человек, находившийся здесь, на Фобосе, значил для меня все. Может быть, я ее и не любил, мне трудно было сформулировать то чувство, которое я испытывал. Я хочу сказать, в прямом смысле слова… точнее, я просто выговорить этого не могу, зная, что она связалась с этим грязным ублюдком — Вильгельмом Доддом. Однако, в сущности, это ничего не меняло — если Арлин попала в беду, самым легким для меня было бы отдать за нее свою жизнь. Хотя, естественно, исполнение долга вовсе не означает, что я ищу смерти — наоборот, это значит, что я должен оставаться в живых так долго, как только возможно, чтобы найти ее и вытащить из передряги. И остальных «лис», конечно, тоже.

Странное то было ощущение — гигантский Марс и наше Солнце, сжавшееся до размеров далекого, пламенного шарика, быстро закатывающегося за близкий горизонт по мере того, как я приближался к промышленным конструкциям, расположенным за линией терминатора, в непроглядной тьме черной ночи.

В тот момент, когда я выехал из зоны притяжения и попал в нормальное гравитационное поле Фобоса, где сила тяжести была близка к нулевой, в желудке моем что-то булькнуло, перевернулось и завертелось, к горлу подкатила тошнотворная волна. Теперь следовало быть очень осторожным — я не знал, при какой скорости можно оторваться от поверхности марсианского спутника. Не исключено, что при гораздо большей, чем та, что доступна вездеходу. Но у меня не было никакого желания закончить жизнь на орбите Фобоса — уж там-то гусеницы вездехода помочь не смогли бы никак!

Очень хотелось въехать на этом вездеходике прямо в очистные помещения фабрики, но пришлось оставить его в гараже перед входом. В зоне очистки, где притяжение достигало половины земного, я почувствовал себя гораздо лучше. Под поверхностью марсианской луны располагались сооружения, где находились морские пехотинцы роты «Фокс» или их останки.

Перед долгим спуском вниз я пообещал себе действовать как можно тише и осторожнее. В самом начале службы в десантных частях нередко приходится сталкиваться с необходимостью научиться врать самому себе. Шум, конечно, был, причем источником его служил я сам. Даже при половинной гравитации ботинки слегка поскрипывали. Каждый такой звук воображение усиливало до кошмарного скрежета, казалось, издаваемого гигантским грызуном, хватавшим меня зубами за пятки. Светлый прямоугольник пространства внизу неуклонно увеличивался.

Сначала я хотел воспользоваться лифтом, на поостерегся — мало ли с кем я в нем встречусь. Запасная лестница казалась более безопасным вариантом.

Одним из достоинств такого типа стационарных конструкций является то, что, пока там работает небольшой генератор, не возникает проблем ни с воздухом, ни с освещением. Можете себе представить мое огорчение, когда, спустившись наконец в большое помещение, я сразу же заметил признаки серьезных неполадок: свет едва мерцал, звуков насосов, перегонявших воздух по помещениям, не было слышно.

И все-таки даже такого освещения хватало, чтобы разглядеть длинный, пустой коридор, где я оказался. Никаких явных признаков недавних вооруженных столкновений здесь не было, но я был настороже. И тут поблизости раздался резкий шипящий звук. Не раздумывая, совершенно автоматически, зажав в руке пистолет, я пригнулся к полу и занял оборонительную позицию. Однако тревога оказалась ложной — из отверстия в трубе просто вышел под напором горячий воздух. В такие моменты, после того как безотказно срабатывает реакция, самое главное расслабиться.

Я осторожно подошел к поврежденной трубе, чтобы не обжечься новой струей пара, и стал внимательно ее осматривать. В конце концов я обнаружил кое-что любопытное. Труба была повреждена тупым металлическим предметом, а на полу как раз под этим местом расплылось пятно цвета ржавчины.

Идти вперед можно было только в одном направлении, что я и сделал. Коридор вел к комнате, откуда осуществлялся контроль всего уровня — или этажа, где располагались производственные помещения. Могу поклясться, что из них до меня донеслось не то рычание, не то ворчание. Так что убирать пистолет обратно в кобуру желания не возникало. Кроме того, мне совсем не нравилось, что сжимавшая его ладонь сильно потела.

Ступая как можно тише и осторожнее, я пошел дальше. Впереди все было видно ясно и отчетливо — неприятных сюрпризов там не предвиделось. Но хоть никаких звуков до слуха моего больше не доносилось, лучше я себя от этого чувствовать не стал. В конце концов я добрался до отсека с приборами контрольного управления и уже собрался было распахнуть дверь, как за спиной почувствовал что-то неладное и тут же отскочил в сторону, пытаясь смотреть сразу в двух противоположных направлениях — как двуликий Янус. Однако ничего подозрительного не вырисовывалось. По крайней мере я не увидел никаких признаков опасности.

Помещение, где были сосредоточены приборы контроля и управления, оказалось пустым, но там стоял какой-то странный запах лимона с гнильцой. После месяцев, проведенных в казармах — будь то в Кефиристане, на Марсе или в космической ракете, — привыкаешь к запаху краски и дезинфекции. Однако это было что-то совсем иное и очень неприятное.

Оборудование находилось в рабочем состоянии — за исключением систем связи, вдребезги расколоченных. Меня осенило: в комнате могло храниться оружие, еще с тех времен, когда Фобос был только ракетной базой. Что-нибудь более солидное, чем десятимиллиметровый пистолет, и в значительной степени увеличивающее мои шансы на приспособление к той обстановке, в которой я оказался.

Шкаф, где обычно хранится оружие, я скоро нашел, но, взломав его, не обнаружил того, что искал — даже рогатки в нем не было. Однако чтоб он не пустовал, в него положили защитные бронежилеты. Конечно, боевыми доспехами их назвать было нельзя, но все же человек в них чувствовал себя в большей безопасности, чем в обычном скафандре. Один пришелся мне впору, и я в него облачился.

Мне ничего не оставалось, как продолжить прогулку по коридору, ведшему в другие помещения станции. Мое психическое состояние достигло той опасной стадии, когда ощущаешь себя единственным солдатом, уцелевшим на поле брани. Такому состоянию есть и более краткое определение — беспечность.

Ты же в разведке, недоумок! Внутренний голос подсказывал, что нужно действовать в соответствии с четко продуманным планом и не спешить с выводами. В этот самый момент я увидел очертания человеческой фигуры, которая, появившись из-за поворота, двинулась в моем направлении.
Я чуть не выстрелил, но краем сознания сообразил, что, если сделаю это, потом, возможно, уже некому будет задавать вопросы. Напомнив себе о том, что Арлин, мои друзья и служащие Объединенной аэрокосмической корпорации здесь, я не дал пальцу, лежавшему на спусковом крючке, сжаться на тот сантиметр, который мог бы решить исход дела. Тем не менее дуло пистолета продолжало целиться в неясные очертания приближавшейся фигуры. Я ощутил не то чтобы сходство, но некоторое подобие тех ощущений, которые в свое время в затерянном в горах селении испытал лейтенант Вимс по отношению к монахам.
Когда все ваше существо пронизывает омерзительно-непреодолимое чувство страха, от которого даже дух перехватывает, нет ничего легче, чем начать палить без разбора во все, что движется.
Вскоре я узнал в приближавшейся фигуре капрала Вильяма Гэйтса.
— Билл! — крикнул я, обрадованный встрече с однополчанином. — Что здесь, черт возьми, творится? Надеюсь, с вами всеми ничего не случилось? Где Арлин, где остальные «лисы»?
У меня ни на секунду не зародилось сомнений по поводу того, что приближавшийся человек именно тот капрал нашей роты, с которым я столько раз резался в покер, пил и обменивался скабрезными историями. Мы были с ним настолько близки, что я не держал на него зла даже за то, что он был одной из тех обезьян, которые, как на дереве, повисли на мне, когда я звезданул Вимсу по роже. У Билла было очень характерное лицо с широко расставленными глазами и шрамом, пересекавшим до нижней губы выдающийся вперед подбородок.
Походка его, правда, казалась немного странной — устал, наверное, решил я. В бою люди изматываются быстро, так что мне нередко доводилось видеть и не такие отклонения от нормы.
Напряжение, которое Гэйтс, видимо, испытал в сражении, объясняло и удивительные звуки, слетавшие с его губ — какое-то нелепое бормотание, походившее разве что на реплики персонажей старинных фильмов ужасов. Билл смотрел прямо перед собой, однако казалось, что он меня не узнал. Он как-то, нараспев, с заунывной монотонностью повторял:
— Ворота… Ворота — это ключ… Ключ — это Ворота… Не понравилась мне и струйка слюны, стекавшая у него по подбородку.
Поддавшись внезапному порыву, я чуть не подбежал к нему, но тут же отпрянул. Что-то здесь явно было не то, хоть определить, что именно, я не мог, как и с непонятным запахом в комнате с контрольными приборами. Однако я нутром чуял — на Фобосе творится неладное.
— Билл, — я снова попытался образумить друга. — Билл, я же кореш твой, Флай.
На этот раз он меня заметил. Это я без труда определил по зловещей ухмылке, скользнувшей по его губам, — такой жуткой гримасы мне еще в жизни не доводилось видеть.
Потом он поднял автомат и открыл огонь!
Но даже в тот миг я не мог поверить в реальность происходящего. К счастью, рефлексы мои отреагировали более оперативно — я мгновенно отскочил за колонну и приготовился открыть ответный огонь.
И все-таки я должен был сделать последнюю попытку.
— Кончай палить, Билл! Это же я, Флай, чтоб тебе пусто было. Прекрати стрельбу!
3
Не прекращая стрелять, Билл подходил все ближе. В полном отчаянии, чувствуя себя Каином, я открыл ответный огонь. Учитывая то состояние, в котором он находился, убить его, по логике вещей, было проще простого. Первая же пуля попала ему в шею — прямо под шлем. В принципе, этот выстрел должен был уложить его наповал, но он продолжал идти. Я выпустил в него еще несколько пуль, из которых одна попала в голову. Она-то его и успокоила.
Однако даже после того, как мозги Билла, перемешанные с кровью, замызгали пол коридора, его тело продолжало двигаться, как у петуха, которому отрубили голову. Для человеческого существа такое было невозможно… Кроме того, человеческие трупы не издают запах лимона с гнильцой, который стал ощущаться в воздухе с такой силой, что стало трудно дышать.
Меня колотило так, как будто я попал в Калифорнию во время землетрясения.

Глядя на то, что осталось от бывшего моего приятеля, я все глубже осознавал, что передо мной не что иное, как… зомби.
Это слово буравило мозг, буквально разрывая череп, стучало в ушах — зомби, зомби, зомби! Ну, просто дьявольщина какая-то фантасмагорическая. Может быть, Арлин еще и могла бы поверить во всю эту хренотень с прибамбасами — слишком уж много она пересмотрела идиотских, дурацких «ужастиков», — но только не я. Мне и в кошмарном сне привидеться не могло, что я наяву когда-нибудь столкнусь с зомби. Я чувствовал себя как псих, как какой-то сопливый хи-пующий панк, словивший от дури кайф.
Да не бывает же этих треклятых зомби на самом деле! Это же реальный мир, это же…
Гэйтс проковылял еще несколько шагов и упал, окоченев настолько быстро, что, казалось, был мертв уже в течение нескольких часов. Я здорово напугался, но меня тянуло к нему, как железяку к магниту. Я подошел к трупу и дотронулся до него.
Малыш Билли был холоден как лед, тело его уже начало разлагаться.
К горлу подкатил комок, я отвернулся, и меня вырвало. Он весь посинел. Кржа его была жесткой, как из дубильни.
Морской пехотинец Гэйтс превратился в урода-зомби — живого мертвеца. Сначала его убили, а потом высосали из тела все жизненные соки, так что уже через полчаса он стал таким, словно умер много дней назад.
Арлин!..
Теперь мне стало ясно, что делать. Оставалось только надеяться, что я смогу найти у Билли несколько полных магазинов к новому своему приобретению — десятимиллиметровой полуавтоматической пехотной винтовке (мы называли их «Сиг-Кау»). Не дай Бог никому получить ее так, как она мне досталась. Занимаясь мародерством, я только что не рыдал.
У Гэйтса была лишь одна запасная обойма. Магазин в самой винтовке оказался пуст. Когда я перезаряжал ее, меня все еще бил колотун, я ронял пули направо и налево, ползал по полу, собирая их и с трудом прикидывая в уме, кто еще прибежит на звук выстрелов, сразивших моего мертвого приятеля.
Обыскав тело, я пошел прочь — все быстрее и быстрее, и в конце концов припустился бежать. Страшно мне не было — меня душила слепая ярость, хотя внутренний голос, который обычно следит за тем, чтобы я не сорвался с катушек, пытался прокричать что-то о дисциплине, разработке стратегии и сдержанности. Он призывал тщательно и всесторонне проанализировать происшедшее.
К доводам разума следовало прислушаться, однако та часть мозга, которая двигала нижними конечностями, видимо, имела на этот счет другие соображения, потому что ноги мои, не замедляя хода, несли меня прочь от трупа, который некогда был человеком, к ублюдкам, превратившим его в нелюдя.
Я всегда отличался очень неплохим инстинктом самосохранения. Раньше он меня никогда не подводил, даже в самых горячих перестрелках и сражениях, которых немало выпало на мою долю во время службы в морской пехоте. Но здесь, в этой унылой, серой дыре под скалистой поверхностью Фобоса тело мое начало мне изменять. Если бы я только мог хоть на миг перестать думать об этих безвольно расслабленных челюстях и остекленелом взгляде потухших глаз, то, скорее всего, смог бы взять себя в руки. Но страшное лицо напрочь выбивало меня из колеи, а характерное подрагивание правого века Гэйтса, которое так раздражало меня при его жизни, теперь доводидо до исступления. Мысль о том, что мне подмигивал зомби, была непереносима.
Да. Именно зомби. То, что я подобрал правильное определение, немного меня успокоило. Наконец замедлив бег, я стал внимательнее приглядываться к тому, что меня окружало. Теперь вместо стоявшей перед глазами призрачной маски смерти я различал стены коридора, слышал эхо своих шагов, прерывистые хрипы собственного дыхания… и шаркающие звуки еще чьих-то ног.
За поворотом меня поджидали четыре зомби. Они уставились на меня своими мертвыми, остекленевшими глазами. Один из них некогда был женщиной.
Я не знал ее; значит, раньше она работала на Объединенную аэрокосмическую корпорацию. Слава Богу, это была не Арлин. Я даже мысли не мог допустить, чтобы Арлин с серой плотью и запахом гниющего лимона со зловещей ухмылкой выпускала по мне автоматные очереди, не имея даже отдаленного представления о том, что стреляет по своему самому верному и преданному боевому товарищу.
На меня накатила волна такой безудержной ярости, какую раньше я никогда не испытывал. Кровь буквально кипела в жилах, гнев прорывался сквозь поры кожи. Никакая выучка не смогла бы смирить

дикого бешенства, от которого я трясся в прямом смысле слова.
Стрелять в эти жалкие существа, чудовищные подобия людей я не хотел — меня так и подмывало разорвать их на части голыми руками! Шаркая подошвами по полу, они приближались ко мне, неумело вертя в руках автоматы и беспрестанно паля из них, так что железо стволов, казалось, вот-вот раскалится докрасна. Что мне оставалось делать? Шатаясь, я пошел прямо на них, поднял свою М-211 и выстрелил одному из живых мертвецов в плечо… на него это не оказало никакого действия, вот уж и впрямь — что мертвому припарки.
С женщины как будто спало заклятие. В ее мозгу, видимо, теплилась еще какая-то крупица разума, тусклый отзвук человеческой мысли. Она перезаряжала оружие не с таким бездушным автоматизмом, как трое других; она повернулась и спряталась за укрытием, поскольку оттуда было безопаснее стрелять.
Я качнул головой и, не прекращая пальбы, тоже скрылся за колонной. Из-за прикрытия я смог нормально прицелиться и выстрелил первому зомби точно в голову. Он взревел, завертелся на одном месте, словно обезглавленная курица, и рухнул на пол. До меня дошло: только прямое попадание в голову приносило в этой игре очки. Прямо как в заправском фильме ужасов!
Лимонное зловоние ударило в нос. Я бросил в сторону зомби, от которого шел едкий запах, быстрый взгляд… в его мозгах, видимо, корячились обрывки каких-то мыслей. Подавив накативший приступ тошноты, я поймал в прорезь мушки второго зомби.
Женщина что-то прочирикала, и двое мужчин судорожно затопали в сторону консоли, за которой она спряталась. Второго зомби я снял на полпути к укрытию, но третий все-таки успел занять позицию за выступом стены и вместе с женщиной продолжил в меня стрелять.
Ничья. Я оказался загнанным за колонну, двое зомби — за консоль, на которой красовалась эмблема Объединенной аэрокосмической корпорации и были налеплены клейкие листки-записки. Нас отделяло друг от друга не более двадцати метров. Я повернул голову в поисках чегонибудь, что могло бы мне в этой ситуации пригодиться.
Не успел я провести и пяти минут в недрах Фобоса, как оказался между моргом и адом — на полу от открытой двери комнаты с приборами управления, где я стоял, до поворота коридора, за которым ничего не было видно, валялась дюжина тел. Некоторых мертвецов я узнал, и от этого остро засосало под ложечкой. Другие, по всей вероятности, были в прошлом сотрудниками Корпорации.
Возникло такое ощущение, что я снова на войне в Кефиристане. Только мы с живыми трупами вроде как в салочки вокруг колонны играю — стоило мне высунуться и, послав в них очередь, спрятаться обратно, как то место, где на мгновение показывалась моя голова, поливал град пуль.
Времени на то, чтобы обращать внимание на второстепенные детали, не оставалось. Когда я высунулся в третий раз, то поскользнулся о растекшуюся кровь. Еще в раннем детстве мне часто удавалось превращать недостатки в преимущества, а специальная подготовка за годы службы лишь увеличила мой природный инстинкт выживания.
Я упал на колени, потом растянулся на брюхе и, вжимаясь в пол, стал целиться. Третий мужчина высунулся, чтобы в очередной раз в меня выстрелить, но я угодил ему в глотку. Выстрел отбросил его назад, и еще до того, как он снова нашел глазами цель, ваш покорный слуга влепил ему пулю точно в правый глаз.
На женщине не было ни формы, ни бронежилета. Боец из нее точно был никудышный, поскольку она никак не могла правильно прицелиться. Она пару раз выстрелила, но пули просвистели на приличном расстоянии от меня.
«Эта война может превратиться в нескончаемую, — сказал я себе и снова испытал приступ ярости. Потом добавил: — Могла бы превратиться в нескончаемую, поскольку конец ее настанет только тогда, когда меня в конце концов кто-нибудь пришибет, и я так и не узнаю, что же произошло на базе Фобоса». Хоть одну из этих гнусных тварей я должен был взять «живьем», если только это слово можно применить в сложившейся ситуации.
План операции созрел мгновенно — между двумя выстрелами. Теперь, когда я знал, что следует делать, меня можно было снова считать настоящим морским пехотинцем!
Быстро, до того, как женщина успела осознать, что происходит, я стрелой пронесся вокруг колонны слева направо, потом справа налево и достиг ее укрытия. Она повернулась не в ту сторону, и, не давая

ей возможности исправить оплошность, я прикладом двинул ей в висок.
Она отвалилась навзничь, как кирпич. Автомат выпал из ее рук и звякнул об пол. Я забросил за спину М-211, шарахнул еще раз бесчувственную тварь по роже и, заткнув ей в пасть пистолет, сурово спросил:
— Что здесь, черт дери, происходит?
— Мммф, хмммф, рмммф, — донеслись нечленораздельные звуки.
Я вынул пушку из глотки женщины-зомби, но она продолжала бормотать так, как будто пистолет был у нее все еще во рту.
— …это ключ. Ворота — это ключ. Ключ — Ворота… На подходе… Всех вас перебьют…
Глаза женщины бегали из стороны в сторону; она была феноменально, неестественно сильной, но все же не до такой степени, как здоровый амбал — Флай Таггарт. Я слегка опустил руку, и она тут же вцепилась в нее, как бульдог.
Я понял, почему глаза у зомби такие сухие, а зрение — плохое: они совсем не моргали.
Приставив пистолет к виску женщины, я сказал:
— Если в тебе еще осталось хоть что-то человеческое, ты должна знать, что эта штука может сделать с твоими сморщенными, куцыми мозгами. Отвечай, что за дьявольщина творится с этими Воротами?
— Огромные. Эти. Эти огромные. — Женщина пристально взглянула на меня, как будто видела в первый раз. Она ничего больше не сказала, но на какой-то миг лицо ее исказила такая гримаса, что вести допрос дальше стало просто невыносимо.
Я взвел курок; глаза ее закатились, она глядела куда-то мимо меня.
— Ты хочешь этого? — спросил я.
Женщина-зомби закрыла глаза. Это была единственная молитва, которую оставили ей те, кто сотворил из нее то, чем она стала.
Нажимая курок, я тоже закрыл глаза. Звук выстрела будто разбудил меня от сна и снова вернул к жизни. Я поднялся, взял «Сиг-Кау» на изготовку и пошел прочь от теперь уже действительно мертвого мертвеца.
Так что же здесь происходило на самом деле? Мне показалось, что кое-что я уже узнал.
«Кто построил Ворота?» — на этот вопрос теперь, пожалуй, можно было попытаться ответить. Однако являются ли «огромные… эти», проходящие через Ворота, теми, кто их построил? Или же создатели Ворот сами давно покорились еще более могущественным и ужасным существам, которые теперь, как орда завоевателей, перемещались от Ворот к Воротам, порабощая все новые колонии?
Ни первая догадка, ни вторая особой радости мне не доставили: в любом случае род человеческий, по всей видимости, нарушил границы их владений, за что должен был быть наказан и либо изгнан, либо истреблен вслед за расой строителей Ворот.
Состояние было омерзительное. На слабо освещенном отрезке коридора, у поворота я прислонился к стене, направив дуло М-211 в направлении движения, и присел на корточки. То тело, которое я смертельно боялся и вместе с тем так надеялся найти, мне еще не встретилось. Но ведь Арлин в том или ином виде должна была находиться где-то здесь.
Я молился лишь о том, чтобы она лежала на полу, а не шла на меня на негнущихся ногах, с сухими, немигающими глазами и запахом гнилого лимона.
Я вполне мог быть единственным живым человеком на Фобосе. На тех ребят — моих охранников, наверху, в помещении базы, надежда была слабая. При первой же встрече с зомби они, по логике вещей, сыграют в ящик, точнее говоря, из моих потенциальных союзников превратятся в противников. Я представил себе такую картину: лейтенант Вимс приказывает им стать зомби, и оба Рона, отдавая честь, отвечают:
— Так точно, сэр, будет исполнено! — и тут же прямиком отправляются в ад.

Надо сказать, мне всегда немного не с руки играть в команде. Рассматривать же себя в качестве охотника на зомби
гораздо легче
, полагая, что я — единственное живое двуногое существо на Фобосе. Этих ребят-мертвецов хорошими солдатами назвать трудно. Я их, пожалуй, мог бы всех передавить — если не считать одной маленькой

детали.

Мне даже подумать страшно, что в числе других придется расправиться и с тем,» во что превратилась Арлин Сандерс. Такая перспектива меня совсем не прельщала. И дело совсем не в том, что я считал ее своей девушкой — у нее был Додд, который, казалось, вполне ей подходил. Конечно, мы с ним не были закадычными друзьями, но ради Арлин относились друг к другу терпимо.

Клянусь вам, это не было любовью. Просто Арлин жила в том же мире, что и я, а это значило для меня гораздо больше, чем просто носить одинаковую форму. Она не была похожа ни на одну девушку из тех, в которых… я хочу сказать, которых я знал.

Арлин не хуже меня представляла себе, что такое тренировки до полного изнеможения, когда после побудки придурок-сержант выгоняет всех в спортивный зал и что есть силы .вопит:

— Падай на брюхо! На руках — вниз, вверх, раз, два, раз, два. Отжиматься до тех пор, пока я не выдохнусь!

Она знала, что значит вставать в пять утра, а в пять-ноль-пять отправляться на пробежку на дистанцию в восемь миль. Ей был хорошо известен запах дезинфекции и все тонкости процесса соскабливания со стен грязи и плесени, накопившейся за два года, чтобы стоящий рядом парень мог тут же замазать мастерком это место антикоррозионной краской на четверть дюйма.

Мы вместе столько месяцев топтали сапогами одни и те же коридорные половицы, измученные долгими часами занятий физической подготовкой, преодолением препятствий, боевыми учениями, стрельбой по мишеням, бесконечной, доводившей до полного отупения и автоматизма сборкой и разборкой вслепую наших «Сиг-Кау» и лекциями об экзотических венерических заболеваниях, которые можно подцепить в Кефиристане, на Марсе, Фобосе и в Огайо, что возникало ощущение разбухания суток до двадцати шести, а то и до двадцати восьми часов.

Арлин узнала обо мне очень многое в рекордно короткое время. Она схватывала все налету и относилась к карьере военного так же серьезно, как любой служака нашего подразделения.

Пока я сидел и стирал с лица кровь и грязь невероятной бури, разыгравшейся на Фобосе, мысли об Арлин очень мне помогли. Воспоминания вытеснили на время чудовищные картины, которые мне пришлось наблюдать. Я вроде бы сам с собой играл в игру, образы которой, нарисованные моим собственным воображением, должны были вытеснить заползавший в душу панический ужас.

Ничуть не лукавя должен признаться, что Арлин самая красивая женщина, с которой мне доводилось встречаться. При том, что на первый взгляд в ней нет ничего особенно яркого — в обычном понимании этого слова. Если использовать старое выражение, бытовавшее в более изысканные времена, она «в меру привлекательна». Ростом пять футов десять дюймов, плотно сбитая, Арлин работала больше и лучше любого солдата нашего взвода. У нее отлично развитая, просто точеная мускулатура. (Однажды, когда несколько дней ей казалось, что у нее будет ребенок — не мой, к сожалению, — Гэйтс сказал: «Арлин — такой крутой парень, что поспорить могу на что угодно, она сама от себя забеременела». Правда, сказал он это не очень громко.)

Мне нравилось, как она смотрит чуть прищуренными глазами на мужчин, которым показалась легкой добычей. Шутки с ней могли боком выйти, как это случилось однажды с одним затейником, решившим, что было бы забавно незаметно подкрасться к ней сзади и стащить с нее брюки. Всем нам, естественно, очень любопытно было взглянуть на великолепные формы, которое они скрывали, но кретинами мы не были. Даже не обернувшись, Арлин вмазала шутнику так, что сломала нос. В тот момент я думал лишь о том, какое удовольствие мне доставили ее точные и быстрые движения, чем-то напоминавшие балет.

Конечно же, у Арлин еще масса всяких достоинств — как я уже говорил, котелок у нее варит что надо. Такие люди всегда редкость, даже в частях легковооруженных десантников, и мне трудно было допустить самую мысль о ее потере. Я приглашал Арлин на концерты, которые иногда давали в полку, а она водила меня в кино на старые фантастические фильмы. Иногда мы вместе немного поддавали, время от времени резались в покер. Правда, шансы ее обставить у меня были только тогда, когда я капли в рот не брал и был холоден как лед.

Как-то ночью мы набрались до такого состояния, что кинулись в объятия друг друга. Но оба испытали от поцелуев неловкость — мы ведь друзья, а не любовники.

Потом у нас было достигнуто молчаливое соглашение о той ночи не говорить. Наоборот — чтобы

доказать дружеское расположение, Арлин начала знакомить меня со своими подругами. Все они девочки как на подбор, и каждой хотелось сделать одолжение подружке, погуляв с ее приятелем. Я особенно не брыкался, но платить Арлин той же монетой за заботы не собирался.
Однажды она сказала мне, что очень хотела бы скопить денег, чтобы со временем поступить в колледж. Я за это зла на нее не таил, желая ей только хорошего.
Самого лучшего. Эта мысль вдрызг разнесла мое мечтательное настроение. Что было лучшим для Арлин теперь, в этом проклятом месте? Смерть, я так думаю. Все что угодно лучше серой плоти, сухих, немигающих глаз и ходьбы на негнущихся ногах.
— Нет, — вырвалось у меня, — она ни за что в жизни не позволит превратить себя в одну из этих тварей.
А что, если с ней сделают такое после смерти?
Я встал, тяжело дыша, решив снова заняться делом. Прежде всего мне нужны боеприпасы. Безумная пальба опустошила магазин одной из винтовой «Сиг-Кау» и вывела из строя механизм подачи патронов. Теперь ее можно использовать разве что только в качестве дубинки, поэтому я оставил ее на полу. Ни у кого из зомби не было оружия для ведения прицельного огня. С одной стороны, это плохо, поскольку не оставляло мне шанса сразу отключать врагов, пуская им в головы по три-четыре пули. Здесь мог бы очень пригодиться оптический прицел. Однако, с другой стороны, если бы у них имелись одна-две винтовки для прицельного огня — скажем, М-220 «Догчоп-пер», — которые находились на вооружении в нашем подразделении, я был бы уже избавлен от всех забот, в том числе об оружии и боеприпасах.
Я рассовал несколько найденных полных магазинов по карманам и перезарядил обе исправные винтовки. Запасаться еще одной «Сиг-Кау» не было никакого смысла. Мне бы сейчас совсем не помешала та мощная пушка, с которой обычно против повстанцев ходила Дардье — если бы, конечно, не пришлось для этого вырывать оружие из ее окоченевших пальцев, пробив для этого дырку в красивой, светлокудрой головке.
Пройдя по усеянному трупами коридору и миновав еще два поворота, я набрал столько боеприпасов, сколько мог с собой унести, не громыхая ими при этом, как средневековый рыцарь доспехами. Нам всем полагалось иметь шлемофоны, чтобы мы могли поддерживать между собой постоянную связь, но мне не удалось обнаружить ни одного — это было весьма подозрительно. Я также не заметил нигде ни «ЕЛФ», ни «МилДэйтаБэйсиз»: не было вообще никаких средств связи, которые могли бы служить для передачи информации о той дьявольщине, что здесь творилась.
Склонясь над каждым трупом, я внимательно вглядывался в их черты, но пока не находил ту, которую искал… По крайней мере, хоть это обстоятельство вселяло надежду.
4
Наткнувшись еще на двух зомби, я даже испытал нечто вроде облегчения. Теперь, когда было ясно, что надо делать, это стало уже своего рода упражнением. Я «убил» только одного из них, а у второго я сначала выбил из рук винтовку, а потом прострелил колени и бедра — он нужен был мне живым, чтобы получить ответ на некоторые вопросы перед тем, как я разнесу ему пасть с желтыми зубами.
Раньше я его не видел — когда-то это был мужчина, скорее всего, служащий Корпорации. Но у него не осталось даже тех остатков разума, которые теплились в мозгу женщины-зомби. Я дал ему возможность какое-то время побормотать:
— Большие, они идут, огромные, Ворота — это ключ, убьют, убьют, всех убьют, они идут, идут убить вас всех, Ворота — это ключ, ключ, ад и дьяволы — это ключ, идут сквозь Ворота… Фобос! Страх, страх, страх, страх, страх! Приходят на Фобос, приходят с Фобоса, пересекают Стикс, подминают Стикс, Стикс — это ключ.
Я ждал, пока зомби не кончит повторяться, но он твердил одно и то же, как заезженная пластинка. Напуганный сильнее прежнего, поддавшись безотчетному внутреннему импульсу, я помог ему освободиться от той беды, в которой он оказался (и себе, кстати, тоже).
Потом я спрятался за темным выступом коридора и принялся молиться, чтобы меня не заметил еще какой-нибудь недоумок с прибором для ночного видения. Мне нужно было время, чтобы переварить услышанное.
Единственная полоска чертовски яркой люминесцентной лампы в центре потолка мигнула и погасла; от

всей осветительной системы осталась только аварийная лампочка. Отбрасываемые ею длинные тени, как призраки, подбирались ко мне со всех сторон. Но ни запаха гнилого лимона, ни звуков невнятного бормотания не было… только где-то вдали раздавались странные щелкающе-стрекочущие звуки, как будто их издавал осипший дельфин. В данный момент, как мне казалось, я находился в безопасности.

С Фобосом все прояснилось — они здесь, на базе Фобоса. Они прибыли на Фобос… но что же означали слова о том, что они приходят с Фобоса?

Я снова почувствовал, как к горлу подкатила тошнотворная волна, а мурашки пробежали по телу с такой силой, что, казалось, барабанили по костям… Если зомби и вправду не знают разницы между прошлым, настоящим и будущим, тогда, может быть, эта тварь хотела дать мне понять, что не Фобос — конечная цель вторжения; ведь они собирались пересечь Стикс — реку мертвых в греческой мифологии.

А что находилось на противоположном ее берегу? Ад, наверное, что там еще быть могло? Подземное царство — Гадес. Стоп! Ну-ка напряги мозги — если ты выходишь из ада, то есть, когда снова «пересечешь Стикс», то окажешься в…

Их целью была Земля. Твердь земная. Наша чудная колыбель человечества, дом наш обетованный.

Я вполне допускал, что Господь скоро упокоит мою душу. После четырех лет, проведенных в католической школе, которой управлял отец Бартоломео из Ордена иезуитов, я полагал, что свою норму молитв за это время отчитал сполна на всю оставшуюся жизнь. Поэтому не было ничего удивительного в том, что за четыре года армейской службы, три из которых я провел в морской пехоте, я ни слова не произнес в адрес Вседержителя, хоть Он, может, и был готов их выслушать.

Но теперь, в первый раз за все семнадцать напряженнейших недель беспрерывных сражений, последовавших за четырьмя годами жизни в казармах, я, наконец, понял, что казавшаяся мне поначалу дурацкой фраза о том, что «в лисьих норах безбожники не водятся», обретает вполне реальный смысл. Мне не нужно было прибегать к тем затертым и истасканным словам, которым научили меня иезуиты, чтобы попросить у Того, к кому я обратился, мужества и сноровки для завершения начатого дела.

Определение «миссия самоубийцы» не в полной мере отражало то, что я решил предпринять. Я боюсь смерти точно так же, как и любой другой; но, черт возьми, мне вовсе не светило превратиться в одного из проклятых ходячих мертвецов!

Я исповедался Господу во всех грехах, совершенных за прошедшие семь лет, и дал обет, что на всю оставшуюся жизнь наложу на себя епитимью, если Он простит меня и снова пошлет в бой. Я полностью отдавал себе отчет в том, что дело это зряшное — продолжительность «оставшейся жизни», скорее всего, измерялась несколькими часами. Спасибо Тебе, Господи, за то, что вразумил меня, послав эту мысль.

Переведя дух, я направил винтовку дулом вперед, положил палец на спусковой крючок и пошел из своего укрытия в том направлении, откуда раздавались щелкающие звуки.

Невдалеке промелькнуло нечто, похожее на исправный радиоприемник! Я бросился прямо к нему, забыв об опасности, но, приблизившись, увидел, что это лишь передняя панель аппарата и часть деталей. Все остальное вдрызг разнесено. Если до этого еще могло показаться, что остальные приемники повреждены случайно, в ходе сражений, то теперь я получил окончательное подтверждение намеренного вывода их из строя, причем такого рода тактическую задачу мог перед собой поставить лишь разум, уровень развития которого, по крайней мере, не ниже человеческого — зомби до такого додуматься не в состоянии.

Очевидно, кроме зомби на Фобосе таился кто-то еще. Если бы я поохотился здесь подольше, то, думаю, смог бы выяснить, кто именно это был… Хотя, конечно, не исключено, что меня выследят первым.

Пройдя немного вперед по коридору и повернув за угол, я увидел наглядные примеры стратегии несколько иного рода: висевший на стене план построек был выжжен до основания, в то время как стена рядом лишь слегка обгорела. Кем или чем ни были бы эти другие существа, они прекрасно понимали, что вслед за первыми людьми сюда придут следующие; и им явно не хотелось, чтобы они легко нашли дорогу к цели.

Немного впереди находился боковой проход с приоткрытой дверью. Висевшая перед ним лампа не горела, однако изнутри коридора исходило призрачное зеленоватое свечение. Источником неясно мерцающего света не могло быть никакое известное мне электрическое устройство. Я решил

направиться к загадочному тусклому сиянию, хотя интуиция подсказывала, что лучше бы этого не делать. И тут меня настиг другой запах, гораздо более омерзительный, чем лимонная гниль — приторно-сладкая вонь разлагавшейся плоти, трупный запах такой силы, что нос не выдерживал.

Рука сама собой потянулась к маске, которая прилагалась к найденному мною бронежилету. «Господи, — подумал я, — чего бы только я сейчас не дал за скафандр для открытого космоса!» Трясущимися руками я натянул маску, думая лишь о том, насколько сильным могло быть отравляющее воздействие паров, которых я уже наглотался.

Дышать стало чуть-чуть легче, но молекулы вони были явно меньше молекул кислорода, и фильтры их не улавливали — омерзительный аромат продолжал явственно ощущаться даже под маской.

Всеми фибрами я ощущал надвигавшуюся опасность — в кожу как будто впились тысячи малюсеньких иголочек, волосы, как говорится, встали дыбом. Я сделал несколько специальных движений, чтобы размяться и немного сбросить напряжение. Потом осторожно продвинулся еще на несколько шагов и замер, обнаружив источник зеленоватого мерцания.

По обе стороны от меня пузырились лужи изумрудной жижи, причем эта гадость фосфоресцировала и, вполне возможно, была радиоактивной. Выглядела она наподобие раскаленной лавы в День св. Патрика. У меня не возникло никакого желания останавливаться для выяснения, что же это за дрянь такая. В одном я был уверен: дай ей достаточно времени, и она разъест ткань скафандра. Так что самое мудрое держаться от зеленой слизи как можно дальше.

Едва эта мысль промелькнула у меня в голове, как справа с потолка обрушилось не менее тонны кирпичей, опрокинувших меня на пол и сорвавших с пояса пистолет вместе с кобурой. Кто-то, видимо, решил поэкспериментировать надо мной.

Кобура с пистолетом, на прощание с шипением выпустив воздух, скрылась из виду, утонув в зеленоватой мерзости. Это меня особенно не расстроило — нужно было решать проблемы посложнее.

Несколько раз поскользнувшись, я поднялся и приготовил к бою большую «Сиг-Кау», все еще пытаясь сообразить, кому захотелось похоронить меня под грудой кирпичей. Зеленые брызги заляпали стекло маски, и я почти ничего не видел. После падения меня немного мутило, и я слегка потряс головой. Тот, кто хотел со мной расправиться, стоял в тени, так что разглядеть его было непросто. Сначала мне показалось, что это еще один зомби, но существенно больших габаритов, чем те, с которыми я уже встречался.

Незнакомое существо издало шипение, и я услышал уже известные мне щелкающие звуки. Ну что ж, значит, еще одна маленькая тайна раскрыта.

Невероятная сила этого… зомби? требовала от меня большей осторожности. Я направил в его сторону М-211, ожидая, пока он подойдет поближе. Мои ожидания оправдались.

Когда громадина вывалилась на свет, я разглядел коричневую, жесткую кожу, грубую, как шкура крокодила, и рога цвета слоновой кости, которые торчали повсюду — из груди, рук и ног. Нечеловечески большая голова с узкими прорезями красных глаз, казалось, могла свести с ума. Это чудовище — невероятный, фантастический монстр! Сущий демон!

5

Неожиданно возникло дикое желание рассмеяться. Это был какой-то кошмар, детский бред, нелепый и чудовищный. Все во мне протестовало против немыслимой реальности происходящего, смириться с которой было просто невозможно.

Единственная закавыка состояла в том, что сама эта тварь проклятая совершенно не хотела считаться с абсурдностью своего существования. Она сделала ко мне несколько шагов и оказалась в более освещенном месте. В движении фигура монстра выглядела не столь уж нелепой. Тени плясали на грубой шкуре, и я обратил внимание на то, что морщинистые веки чудовища влажные. Сама мысль о том, что эта тварь создана из живой плоти, представлялась омерзительной. Красные глаза злобно сверкали. Однако еще более гнусными были раскрытые, обвисшие губы, за которыми виднелись безобразные, желтые клыки. Это вовсе не была маска ряженого на День всех святых с ее натужной гримасой. Причислить монстра к представителям рода человеческого было совершенно невозможно, как, впрочем, и к миру животных.

«Ублюдочный пришелец», — повторял я снова и снова. С мыслью о том, что это пришелец, пусть даже солдат внеземной цивилизации — эдакий космический вояка, — смириться все-таки было проще. Лишь

бы только не демон.
Космический выкидыш застыл на месте, повернув башку под таким углом, под которым у человека голова просто бы отвалилась, но при этом не сводил с меня взгляд. Прямо какая-то мексиканская ничья.
Несмотря на угрозу нападения, я хотел попытаться вступить с ним в контакт. С пустыми телесными оболочками, оставшимися от моих друзей-пехотинцев и бывших сотрудников Объединенной аэрокосмической корпорации, из которых выхолощена жизнь, достичь какого бы то ни было взаимопонимания оказалось невозможно. Единственное, йа что они были способны, это бессвязное, механическое повторение слов, услышанных до или после смерти.
С этим же, с позволения сказать, субъектом дело обстояло по-другому. Но зачем мне вести разговоры с галактическим демоном, интерес которого к роду человеческому, очевидно, заключался лишь в утолении голода?
— Кто ты? — бросил я пробный камень.
При этом я исходил из того, что если он и не понимает по-английски, то сможет догадаться по тону вопроса, о чем его спрашивают. Чудовище растянуло губы в уродливой гримасе и, мне показалось, беззвучно выплюнуло, как бы издеваясь надо мной:
— Кто ты?
Вторая попытка:
— Человек. — Я похлопал себя по груди, защищенной бронежилетом. — Понял? Ты можешь говорить?
Ничего. Пустое место. Я решил пойти на рассчитанный риск: не выпуская из одной руки винтовку, протянул вторую к монстру, раскрыв ладонь и растопырив пальцы в традиционном жесте миролюбивых намерений.
Ответ я получил, но как на него отреагировать — понятия не имел. Нелепый гуманоид медленно поднял правую лапищу к плечу и стукнул себя по выступающей белой кости, намеренно задев большим пальцем острие. Жест выглядел очень странно и о мирных «устремлениях отнюдь не свидетельствовал. Ну точно мексиканская ничья!
Я немного напрягся из-за того, что левая рука все еще оставалась вытянутой. Острые зубы повернутой ко мне оскаленной пасти свидетельствовали об отменном аппетите. К тому же беспокоила позиция, в которой я находился. Пузырящаяся зеленая слизь забурлила активнее, и я впервые услышал дыхание чудовища.
Вдруг оно прервалось.
Автоматически сработал защитный инстинкт. Так перед атакой солдаты иногда делают глубокий вдох, некоторые специально задерживают дыхание, и тогда в крови набирается достаточно адреналина, чтобы труса превратить в героя.
Монстр напал с такой невероятной скоростью, что я не успел бы в него выстрелить, даже если бы мою «Сиг-Кау» и не заело.
Кем бы ни был мой враг, дураком его назвать не повернулся бы язык. Налетев на меня, он одной когтистой лапищей потянулся к моей глотке, а другой — отбил в сторону штык винтовки.
Это был ободряющий знак: если пришелец боялся лезвия штыка, значит, оно наверняка могло причинить ему вред.
Если бы только я мог нанести удар…
Прекратив сопротивление и внезапно поддавшись натиску монстра вместо того, чтобы сопротивляться, я плюхнулся на пол, и четыре сотни килограммов грубой шкуры и железных мышц навалились на меня — точнее говоря, прямо на штык винтовки, которую я держал перед собой. С нечеловеческим воплем, от которого чуть не лопнули мои барабанные перепонки, демон сдох, содрогаясь в конвульсиях, и, застыв, превратился в некое подобие уродливого каменного изваяния.
Я страшно обрадовался, обнаружив, что и демону можно пустить кровь, по крайней мере на Фобосе. Почему-то мне стало легче, когда я увидел, что его кровь тоже красного цвета.
Гораздо меньше мне нравилось ощущать невероятный вес этой глыбы, буквально вдавившей меня в пол. Что бы я сейчас только ни отдал, чтобы хоть на миг выключить гравитационный генератор марсианского спутника!
Мне снова вспомнились годы, проведенные в католической школе, похожая на старого пингвина сестра Беатрис, поистине одержимая библейской заповедью избегать нечистых вещей. Надо же — нечистых

вещей!
В желудке бушевала буря. Невероятным усилием я сдвинул тело монстра, и меня чуть не вырвало на то самое место, где из брюха пришельца вытекала на пол кровь.
Слишком быстро вскочив, я поскользнулся в красной жиже, растекавшейся рядом с зеленой пузырящейся слизью. От этих кипящих и лопающихся пузырей исходило тепло. Мне совсем не хотелось, чтоб эта зеленая дрянь достала-таки меня — наверняка люминесцентное свечение отнюдь не безвредная фосфоресценция, но времени ставить опыты у меня не было.
Пара минут понадобилась на то, чтобы перевести дыхание. До чего же трудно смириться с тем, что люди — и в их числе мои друзья! — превращались в зомби; но эта тварь, бездыханно распластавшаяся у моих ног, являла следующую стадию какой-то чудовищной галиматьи. Мне пришлось сдержать воображение, поскольку реальность момента и без того была достаточно кошмарной.
Выйдя из детского возраста, я редко испытывал потребность в молитве. Впервые в жизни я ощутил своего рода отчаяние, когда суровые монахини отказались отвечать на те вопросы, которые ставил передо мной взыскующий разум. Однако теперь я нуждался в Боге, который обладал бы достаточным могуществом, чтобы ему можно было дать клятву под присягой.
— Я вас остановлю, — торжественно пообещал я, — кем бы вы ни оказались и сколько бы вас ни было.
Высказав этот обет вслух, причем достаточно громко, несмотря на то, что кто-то из этих ублюдков мог меня услышать, я почувствовал некоторое облегчение. Да, и черт бы с ними — они все равно могли вычислить меня хотя бы по звуку шагов.
— Господи, если Ты есть, дай мне сил продержаться, чтобы не допустить монстров на Землю!
И без того тихий голос разума все больше ослабевал. Научное знание! Физические законы! Как в народе говорят: не надо нам лапшу на уши вешать, мы и без того от беспробудного вранья устали.
Сейчас первая и самая важная задача — выжить ради того, чтобы перебить как можно больше чудовищ. А для этого нужно получить о врагах побольше полезной информации. Кроме того, существовала еще одна проблема: как и кому передать результаты своих фантастических открытий?
На глаза попался очередной разбитый радиоприемник, на панели управления которого лежала оторванная кисть человеческой руки. Сама рука отсутствовала. Наиболее вероятное объяснение несуразицы — это что тело, которому некогда принадлежала кисть, растворилось в луже зеленой, пузырящейся слякоти, растекшейся под столом.
Самым разумным шагом для скорейшего решения сформулированных трех задач было бы незамедлительное бегство из помещения, залитого горячей, зеленой жижей. Встреча с монстром здорово выбила меня из колеи. Я просто не мог себе вообразить, какие еще фантомы таятся на дне этих черных, точнее зеленых омутов, наполненных мерзостной, ядовитой отравой.
Если я встретился с одним двуногим кошмариком, значит, вполне возможно, мог наткнуться и на других — его корешей. При этом я допускал, что они совершенно не обязательно должны в точности походить на тварь, с которой я уже разделался. Я мог наткнуться и на еще более жутких монстров— короче, на все, что угодно! Интересно, по каким законам они жили? Я принялся воображать, что таится под поверхностью зеленой, радиоактивной слизи. Может, там существовала такая жуть, которая себя прекрасно чувствовала вне искусственных сооружений, в безвоздушном пространстве? И если ей не нужно было дышать, то и крови у нее вообще не было?
Сделав усилие, я заставил себя выкинуть этот бред из головы. Иначе врагам моим не было бы нужды на меня охотиться — я бы сам свихнулся и избавил их от лишних хлопот.
Выйдя из помещения, залитого токсичной жижей, я с облегчением вздохнул и первым делом проверил медный затвор заевшей «Сиг-Кау». Исправил неполадку, но дела это практически не меняло, потому что в запасе оставалась всего пара-тройка зарядов, а где еще можно было бы разжиться боеприпасами, я понятия не имел.
Как бы в качестве вознаграждения за пережитое я заметил в дверном проеме еще несколько тел обездушенных мертвецов, которые, казалось, лежали здесь специально для того, чтобы я их обыскал на предмет пополнения боеприпасов. Впервые с начала всего этого безумия я даже некоторое облегчение почувствовал при виде мертвых человеческих тел. По крайней мере, они были некогда людьми — не зомби и не монстрами. Хотя если подумать: зомби мог и прикинуться трупом. Но где-то в подсознании у меня уже сложилось убеждение в том, что на такого рода трюки у них мозгов не хватит. Шутки

шутить они не способны.
То, что зомби не всесильны, обнадеживало и в какой-то мере помогало вышибить из головы бредовые идеи о супермонстрах, способных на любые гадости! Пока я обыскивал мертвых, осматривал поврежденное оружие, убеждался в отсутствии боеприпасов, а на закуску наткнулся на очередной разбитый радиоприемник, до меня дошло, что должны были испытывать солдаты в тот миг, когда их настигала смерть.
Я понял, почему они не предпринимали никаких привычных действий — не отступали, не перегруппировывались, не докладывали о происходящем по инстанциям: их настолько переполняла внезапная безотчетная ярость — впрочем, как и вашего покорного слугу, — что они начинали бессмысленно палить по врагу, пытаясь уничтожить все, что только могло шевелиться. Они переставали думать и только стреляли, а в это время их убивали одного за другим.
Мое внимание привлек сильный грохот, раздавшийся сзади. Установив очередной рекорд в скорости поворота на 180 градусов, я смекнул, что пора возвращаться в проклятое помещение с зеленой отравой и выяснять, что там стряслось.
Так я и поступил.
Меня ждал очередной сюрприз: когда я скинул с себя убитое чудовище, оно, видимо, задело рычаг подъемника, который я не заметил. На такой вывод меня навело то, что прямо перед моим носом из стены на пол опустилась большая металлическая платформа, а за ней раскрылся вход в новый коридор.
Войти или нет? Вот в чем заключался заковыристый вопрос, подобный тем, с которыми в этот злополучный день мне пришлось сталкиваться. Оставаться на месте означало встречу с невообразимыми опасностями и непредсказуемыми последствиями. Движение же вперед сулило, напротив, невообразимые последствия и непредсказуемые опасности. Из двух зол выбирают меньшее, хотя определить навскидку это нелегко.
Коридор манил меня по двум причинам: там не было омутов с зеленой булькающей жижей и освещение было поярче. Последнее обстоятельство и определило мое решение — должен же я, в конце концов, найти убедительный довод в оправдание своего выбора!
Я отошел немного назад, чтобы разбежаться для прыжка; страх окрылил меня, но, к сожалению, не снабдил реактивными двигателями. Долететь я смог лишь до края самого большого в истории творения ядовитого зеленого омута, оступился, замахал руками, но, чувствуя, что не устою, вынужден был сделать шаг назад — иначе бы я просто свалился навзничь в поганое месиво.
Нога мгновенно похолодела, причем ощущение было такое, будто я вляпался в жидкий азот. Потом накатила волна нестерпимой боли. Я попытался резко выдернуть ногу, но не тут-то было — мышцы, сведенные судорогой, отказывались повиноваться!
От пальцев до бедра нога горела. Я подался вперед и упал на пол. Нога была вызволена из ядовитого плена, но сдержать вырывавшийся сквозь сжатые зубы крик я не мог.
Противясь самоубийственному порыву схватиться за покрытую жижей ногу, я обвил руками тело. Если бы на меня сейчас наткнулся зомби или монстр-демон, он в миг прикончил бы меня. Прошло несколько минут прежде, чем боль немного стихла. Я вытер ногу об пол, сняв как можно больше слизи. Тем не менее я чувствовал, что внутри изгаженного ботинка ступня распухла и покраснела.
Как бы то ни было, омут остался позади.
После омерзительной жижи, в которую я вляпался, новый коридор казался не просто чистым, а продезинфицированным. Если тут и были какие-то неприятные запахи, фильтры маски не пропускали их.
Я шел по коридору, пока не наткнулся на комнату, расположенную по правой стороне. Я не испытывал желания войти внутрь. Это не было ощущением опасности. Скорее, меня насторожило то, что двери в комнату закрыты. По большей части они здесь распахнуты настежь. Надо сказать, что я не верю в пресловутое шестое чувство и другую мистическую ерунду; но вместе с тем мне хорошо известно, что когда люди в бою не доверяют своим инстинктам, они чаще всего обречены на гибель. В человеке от природы заложены те же инстинкты, которыми наделены все хищные звери, но обычный, цивилизованный образ жизни сильно их притупляет.
Я держал винтовку наизготовку, хотя еще пара выстрелов — и «Сиг-Кау» превратилась бы в обычный гарпун или дротик.

Отворить двери нетрудно, гораздо страшнее заглянуть внутрь. На полу лежало только одно тело, женское, повернутое ко мне спиной.

6

На миг все внутри у меня похолодело, мне показалось, что это Арлин. Впечатление продлилось всего несколько секунд, после которых я понял, что это Дад Дардье. Мы бок о бок сражались с ней в Кефиристане, а в такой обстановке очень скоро начинаешь узнавать своего товарища со всех сторон, особенно если товарищ этот — женщина из твоего же воинского подразделения.

Голова Дад была нетронута, лицо все еще сохраняло миловидность маленькой рыжеволосой девочки, что нередко вводило в заблуждение мужчин, считавших столь хрупкую особу легкой добычей. Кто ее убил — зомби или монстр? В животе девушки зияла ужасная рана.

Поза, в которой она лежала, казалась странной — будто бывшая моя соратница хотела перед смертью утаить что-то.

Некоторое время я смотрел на ее мертвое тело, словно надеялся уговорить его поделиться со мной этой последней тайной. И вдруг я понял, в чем дело: Дад что-то прикрывала собой, прятала от сухих, немигающих глаз зомби.

Я легонько к ней прикоснулся, потом осторожно перевернул тело. Дад Дардье лежала поверх помпового ружья, их мы использовали против повстанцев. О такой пушке я мог только мечтать. Да, такой вот подарок Дад преподнесла мне в день своей смерти.

Чувствуя себя чуть ли не осквернителем, я понимал в то же время, что любые ощущения сейчас непозволительная роскошь. С таким оружием шансы на выживание существенно возрастали.

Проверив ружье, я убедился, что оно исправно. В патронташе, опоясывавшем тело девушки, было полно зарядов. Огромная, искренняя благодарность к малышке Дад за то, что она до конца сохранила верность принципам морских пехотинцев, затопила мое сердце. Такие вот дела…

Вернувшись в коридор, я обнаружил на стене остатки еще одной схемы помещений того уровня, на котором находился. Эти подонки последовательно воплощали в жизнь план варварского уничтожения всех без исключения радиоприемников и схем расположения базы. Но на этот раз информации осталось достаточно, чтобы определить, где находится лифт. Только бы он не был сломан. Получив достойное вооружение, я воспрянул духом и подумал о том, что надо бы составить тактический план действий.

Ни севера, ни юга на Фобосе не было, поэтому я принял за точку отсчета ось, вдоль которой располагались основные конструкции марсианского спутника. Следующий мой шаг — проникновение в помещение, где расположена ядерная энергетическая установка — там наверняка полно всякого оборудования, так что даже такой слабый инженер, как я, сможет из каких-нибудь деталей сварганить нормальный радиоприемник.

Я нашел лифт без проблем. Он, конечно, был полностью выведен из строя — гидравлическая система была повреждена выстрелами, и вся жидкость из нее вытекла наружу. Тем не менее аварийный люк оказался в исправном состоянии. Сами понимаете, что перспектива лезть в эту дыру, чтобы оказаться в узкой кишке замкнутого пространства, особой радости не доставляла — проклятое воображение рисовало такие картины, которые в тот момент никак не стимулировали к действию мое чувство долга. Вообще же мое воображение никак нельзя было назвать патриотическим — ему бы сейчас совсем не помешало месяца полтора тренировочных лагерей.

Свет в шахте горел слабый. Предполагалось, что каждый квадратный фут базы — за исключением помещений казарм — должен постоянно освещаться. Наверное, когда кого-то из здешнего руководства в детстве фотографировали, ему так понравился свет вспышки, что он отдал распоряжение залить всю базу таким же ярким светом. Впрочем, жаловаться вроде пока было бы грешно — освещение в большей части помещений вполне приличное.

Пока я карабкался вниз по длинной шахте, то старался думать о чемнибудь ободряющем — ведь не зря же говорят, что нет худа без добра. И в сгустившихся надо мной темных, грозовых тучах должен наметиться хоть какой-то просвет.

Такой просвет на самом деле был — тело Арлин я пока не нашел, а значит, надежда оставалась.

Мне казалось, что атомная электростанция должна располагаться где-то в шести уровнях подо мной. Поэтому единственное, что мне оставалось, это ползти все дальше вниз. Ползти и надеяться. А еще поглядывать, чтоб из какой-нибудь щели не появилась очередная нечисть. Ничего сложного в этом не

было. Но больше по душе мне были мысли об Арлин.
Я вспомнил тот день, когда она прибыла с островов Пэррис к нам, в действующие части морской пехоты, которые вели тогда нешуточные бои. Я оторвался от ремонта небольшой автоматической пушки, в которой что-то заедало, и увидел эдакую крутую амазоночку в камуфляжной форме, шерстяных гольфах и десантном жилете, щеголявшую безупречной выправкой и только что сделанной прической десантников. Поймав ее взгляд, я тут же получил исчерпывающие ответы на все вопросы, которые мог бы ей задать. Она всегда точно знала, что делала. В морской пехоте к стрижке относятся ревностно, оставляя немного волос сверху и напрочь выбривая виски. Это у нас вроде такого знака отличительного — мы как бы тем самым бросаем вызов военнослужащим других родов войск. Господи, помоги уцелеть парням из ВМС, армейских частей и космических сил, которые осмелились бы появиться на одной из наших баз с такой же, как у пехотинцев, стрижкой! Впечатление невинной овечки. Арлин не производила. Она гордо и с достоинством несла свою свежевыбритую с боков голову, как и две красные одинарные нашивки рядового.
Лейтенант Вимс (было это, конечно, еще задолго до того, как я звезданул ему по челюсти) бросил в сторону девушки долгий, тяжелый взгляд и скривил в презрительной ухмылке губы. Он смотрел, как Арлин передала свои вещи Додду, уставившемуся на нее, как будто она была о двух головах. Насколько мне известно, в тот раз они встретились впервые, эти двое, которые, казалось, были предназначены для… ну, не для любви, конечно — правильнее, наверное, было бы назвать его чем-то вроде обоюдного взаимного влечения. (После того, как Арлин его в течение года нарочито игнорировала, а следующие шесть месяцев избегала, она невозмутимо призналась мне, что в ту же ночь осталась в его квартире.)
Как бы то ни было, первый день в роте «Фокс» прошел для первой ее женщины непросто.
К мнению лейтенанта Вимса уже тогда мало кто прислушивался. Однако с впечатлением, которое Арлин произвела на наших парней, нельзя было не считаться. Никто в роте не мог бы выразить его более красноречиво, чем сержант Гофорт, наш достопочтенный «дед», которого все мы уважительно называли «стариком». И он, как пить дать, того заслуживал: Гофорту было уже под сорок, из них восемнадцать он протрубил в морской пехоте, причем последние десять лет — в легковооруженных десантных частях.
Выглядел сержант, как Альдо Рей в старых картинах Джона Уэйна. В его могучем, мускулистом, крепко сбитом теле не было ни единого лишнего грамма жира; голову он, правда, брил наголо, хотя лысины ему все равно было не избежать. Порой Гофорт напоминал мне двуногий танк, у которого руки запросто могли превращаться в пулеметы.
Так вот, наш старик неспешной, фланирующей походочкой, которую надо было видеть, подошел к Арлин и процедил с присущей ему певучей растяжечкой, типичной для коренных обитателей штата Джорджия:
— Кто это такой симпатичный к нам пожаловал! Интересно, где же это лэйдии успела себе такую причесочку клевую соорудить?
Арлин пристально посмотрела сержанту прямо в глаза. И все. Достойный ответ получился, хоть я бы на ее месте в сложившейся ситуации присовокупил к нему пару замечаний цензурного, но достаточно емкого текста.
Впрочем, я тогда так и сделал. Отчасти потому, что мне нравились женщины с характером; отчасти потому, что я уважительно относился к нашим парням и полагал, что их точка зрения может быть выражена в иной форме, чем ее сформулировал Гофорт. И все-таки скорее всего я вступил в беседу потому, что в глубине души ненавижу все эти порядки, символы, ритуалы, слова уставных команд и обращений, цвета отдельных подразделений, распорядок службы, ордена и регалии, нашивки и значки — словом, то, что предназначено лишь для того, чтобы к людям, находящимся в одинаковой ситуации, относились поразному исключительно из-за тех цацок и бирюлек, которые они на себя навешивали. Кроме того, у меня с пушкой треклятой никак дело не ладилось.
Я сидел со всеми за столом в казарме, и то, что там происходило, в общем-то мне было до фонаря. Тем не менее я сказал:
— Такая прическа, рядовой, не последний писк моды. Право ее носить нужно заслужить.
Ледок напряженности, сковавший атмосферу в комнате, вроде бы стал подтаивать. Арлин, должно быть, согласилась с этим утверждением, потому что ее реплика была адресована мне, а не Гофорту.

— Я точно такой же морской пехотинец, как и любой из вас. — Она бросила на меня беглый взгляд перед тем, как снова сосредоточиться на бравом сержанте.
Первой моей реакцией на заявление Арлин стало желание тут же откусить приличный кусок красного яблока, которое я в тот момент держал в руке. Мне показалось, что чем дольше я буду пережевывать сочную мякоть, тем более глубокомысленно прозвучит мой ответ.
Поэтому я не спешил глотать. Гофорт тем временем, сделав шаг в направлении Арлин, навис над ней своим внушительным торсом. Несмотря на это, она ни на дюйм не сдала позиций.
Продолжая тщательно пережевывать яблоко, я попробовал подойти к вопросу с другого конца.
— Знаешь, — заметил я, — такая стрижка вообще-то на женщинах не лучшим образом смотрится.
— Для мужчин она тоже не уставом предписана, — бойко отбрила меня Арлин. Этот довод я оспорить никак не мог, но, по счастью, у меня еще оставался в запасе большой кусок яблока.
А вот у Гофорта яблока не было.
— Морской пехотинец, который носит такую прическу, — сказал он, — должен сначала заслужить право ее носить, мисси.
Мне показалось, что обозвав девушку «мисси», Гофорт хватил через край.
Арлин Сандерс подалась к нему настолько близко, что, казалось, хотела либо поцеловать, либо укусить навязчивого сержанта за нос. Но ни того, ни другого она не сделала, а вместо этого произнесла только три слова:
— Я не против.
В упрямстве Гофорт ей не уступал. Хоть родился он в штате Джорджия, но когда дело шло на принцип, вполне можно было бы предположить, что родина сержанта — штат Миссури.
— Каждый морской пехотинец прежде всего должен быть отличным стрелком, — наступал он. — Если вы, мисси, хотите оправдать эту стрижечку, берите-ка лучше свои симпатичные ножки в ручки и идите за мной в тир — там и поглядим, чего вы стоите.
Арлин лишь слегка кивнула головой — вызов был принят. Когда они уже выходили из комнаты, Гофорт взглянул на мое сочное, красное яблоко, вкус которого доставлял мне гораздо больше удовольствия, чем дурацкий спор.
— Эй, Флай, — бросил он на ходу, — ты бы захватил с собой свои яблочки.
Я взял яблоки и пошел вслед за ними к небольшому полигону. Должен честно признаться, я и понятия не имел о том, как сержант собрался их использовать.
Тир располагался неподалеку от казармы. Все без исключения бойцы, присутствовавшие при перепалке, гурьбой повалили вслед за нами. Никто не хотел пропустить предстоящее развлечение — слов на ветер морские пехотинцы не бросают.
Гофорт снова чуть ли не впритык придвинулся к Арлин и проговорил:
— Так вот, рядовой, чтоб носить такую причесочку, прежде всего нужно иметь железные нервы. Для этого мало просто научиться твердо в руке винтовку держать!
На этот раз он, по крайней мере, не стал называть ее «мисси».
Протянув ко мне раскрытую ладонь, сержант крикнул:
— Ну-ка, Флай, подкинь-ка яблочко. Я сейчас преподам урок, который надолго запомнится.
Только теперь у меня зародились неясные подозрения, вовсе не вызвавшие бурного восторга, но Арлин лишь едва заметно улыбнулась. Мне показалось, что она уже вычислила нашего бравого вояку.
Я бросил яблоко в огромную лапищу сержанта. Он несколько раз как ни в чем не бывало подкинул его на ладони, потом обратился к Арлин:
— Маленькая леди не будет иметь ничего против короткой байки? — Его напевный говор усилился настолько, что даже я с трудом понимал, что он говорит.
— Дайте-ка мне самой догадаться. — Арлин ослепительно улыбнулась, обнажив ровные зубы. — Вам, наверное, очень нравится история о Вильгельме Телле?
Гофорт явно закручинился от того, что она смекнула, куда он клонит, и тем самым ослабила ветер, трепавший его тугие паруса. Но, поскольку словесные баталии славы ему не принесли, он тем более укрепился в своем намерении от слов перейти к делу — это я определил по выражению его лица: теперь на нем не осталось и следа былого добродушия.
Когда я появился в роте «Фокс», Гофорт из кожи вон лез, чтобы я почувствовал себя там как дома.

Самым дурным его поступком стало то, что он приклеил мне прозвище «Флай». Так что ко мне он в свое время проявил гораздо большую лояльность, чем сейчас по отношению к Арлин. Гофорт велел Додду принести винтарь, и тот притащил снайперскую винтовку со скользящим затвором — лучшую, какая была в роте. Сержант одарил Арлин широкой, хитроватой улыбочкой с подтекстом, но девушка не дрогнула.

Меня удивила не столько винтовка, сколько наши парни, злорадно скалившие зубы и бросавшие в адрес новичка язвительные реплики. Вообще-то они были серьезными вояками, образцовыми отцами и мужьями, но когда дело доходило до состязания с женщиной, в них просыпались поистине волчьи инстинкты.

Гофорт, вполне оправдывая звучное имя, которое носил, продолжал разыгрывать спектакль в духе Вильгельма Телля, и я слегка запаниковал, хоть вида и не подал. Арлин, видимо, тоже решила доигрывать пьесу до победного конца. Я это определил по тому, как она уперла в землю ноги, сомкнула за спиной руки и произнесла: , — Ну, что ж, сержант, флаг вам в руки!

Ехидные усмешки как по команде тут же стихли. Гофорт чуть сбледнул, но деваться ему было некуда: на него смотрели восемь — именно восемь, я это точно помню — наших парней. Он очень деликатно и даже как-то бережно установил яблоко на голове Арлин. Потом взял в руки принесенную ему снайперскую винтовку и стал не торопясь удаляться от девушки. Точно так же, без спешки он прицелился и произнес уже без всякого сарказма:

— У тебя, милая, еще есть последний шанс.

«Милая» прозвучало уже совсем по-другому, чем давешнее «мисси».

Арлин не шелохнулась, но, несмотря на ее браваду, я заметил, что она не могла унять бившую ее мелкую дрожь. Обвинить ее в этом никто бы не смог. Гофорт глубоко вздохнул:

— Ладно, дорогуша, я очень надеюсь, что ты не шелохнешься.

Я первым вскочил с места, когда наш циркач спустил курок — это чертово простреленное яблоко распалось ровно на две половинки, с двух сторон свалившиеся с головы Арлин! Все парни как один с облегчением вздохнули и восхищенно загудели.

— Молоток ты у нас, сержант! — выкликнул один из них.

— Да здравствует рота «Фокс»! — выкрикнул другой.

Только одну мелочь мы упустили из вида: Арлин свою голову под мишень уже подставила и теперь имела право кончать игру.

Так вот, пока Гофорт грелся в лучах славы, Арлин тихонько подошла к нему, продолжая держать руки за спиной и демонстрировать ровные зубы в ослепительной улыбке.

Что у нее в пальцах, я заметил раньше сержанта — то было яблоко. Гофорт увидел его только тогда, когда девушка приблизилась к нему почти вплотную. Она кинула ему это яблоко, и он его поймал.

Снова как по команде воцарилась мертвая тишина. Все напряженно застыли. Арлин Сандерс вкрадчивым, как у кошки, движением взяла со стола винтарь, изогнула дугой бровь и выжидательно посмотрела на Гофорта.

У меня ни на миг не возникло сомнений в том, как сержант поступит — мне было отлично известно, насколько сильно в нем развито чувство справедливости; да и мужества ему было не занимать. Не говоря о том, что он даже мысли допустить не мог, чтобы в присутствии своих «олдат вильнуть хвостом. Гофорт был сделан не из того теста! Так что мы опять стали зрителями спектакля, который только что посмотрели, разве что герои поменялись ролями.

Гофорт установил яблоко на своей лысине, ледяным взглядом сверля Арлин. Она смотрела на него не менее выразительно — вряд ли даже самые страстные любовники в состоянии с такой жадностью пожирать друг друга глазами.

Девушка стала не торопясь поднимать винтовку. На ней даже оптического прицела не было — только железная прорезь мушки. Парни, окружавшие сержанта, разошлись в стороны, чтобы не маячить в зоне огня. Меня это настолько резануло, что я — в пику им — на пару шагов подошел к Гофорту. Что-то в этой девушке внушало доверие и убежденность в том, что она не собиралась убивать ни сержанта, ни стоявших рядом зрителей.

У Гофорта, однако, на этот счет было собственное мнение.

— Если будешь мазать, — сказал он так тихо, что я с трудом расслышал его слова, — лучше бы тебе

взять чуть выше, чем ниже.
Он натянуто улыбался, хотя просьба его прозвучала вполне обоснованно.
Ничего не ответив, Арлин стала аккуратно целиться. Долго ждать она себя не заставила — при звуке выстрела яблоко как ветром сдуло с лысины Гофорта. Подскочивший капрал Стаут поднял его. В отличие от первого, это на половинки не распалось, но чуть выше центра в нем зияла пробитая пулей дыра.
Растерянное молчание затянулось — никто не мог подобрать нужных слов. Гофорт встал и подошел к Арлин Сандерс. Уперев руки в бока, он подчеркнуто внимательно разглядывал ее прическу, пока остальные ждали, затаив дыхание. Затем Гофорт наклонился и взглянул девушке в глаза, как равный равному.
— Ты и в самом деле морской пехотинец. — Он подмигнул.
Я был абсолютно уверен, что больше он в жизни не назовет Арлин «мисси». Вы же сами понимаете — она не промазала.
После этого случая некоторые наши ребята стали называть Арлин «волевая».
7
Шансы на то, что Арлин в этой дьявольской передряге удалось уцелеть, были ничтожно малы; но и у меня, по логике вещей, их было ничуть не больше. Надежда на то, что она жива, давала мне силы идти вперед; злость, вскипавшая при мысли о ее смерти, побуждала к действию. Когда, казалось, уже все силы были на исходе, я вдруг остро ощущал прилив кипучей энергии в ожидании справедливого возмездия.
Как будто желая испытать на прочность мою вновь обретенную решимость идти до конца, Фобос вознамерился подвергнуть меня новым испытаниям. Взглянув вниз, я заметил, что шахта аварийного выхода не доходит до того уровня, где находилась атомная электростанция. Лестничные перекладины завершались несколькими погнутыми и искромсанными металлическими прутьями.
— Проклятье! Я же нутром чувствовал, что слишком уж все подозрительно хорошо складывается! — воскликнул я.
Немного ниже того места, где лестница обрывалась, располагалась толстая металлическая крышка люка, открывавшего путь в коридор, по которому можно было попасть на следующий уровень подземных сооружений.
Эта крышка, служившая дверью на очередной этаж, выглядела тяжелой и массивной. Она была заперта на замок, и, чтобы открыть ее, нужно было повернуть похожее на штурвал колесо на внешней стороне люка. В обычных условиях сделать это было бы несложно, но, так как лестница обрывалась в нескольких ступенях над ней, задача становилась почти неразрешимой.
Какое-то время я оставался в растерянности. Если бы я повис, ухватившись одной рукой за последнюю перекладину, то другой мог бы с трудом дотянуться до колеса, однако проблемы это не решало, поскольку никакого рычага, чтобы его открутить, у меня рядом все равно не было, а свалиться в дьявольскую преисподнюю в таком положении было легче легкого. Я глубоко вздохнул, закрыл глаза и принялся соображать.
Да неужели же я совсем из ума выжил?! Повернувшись на сто восемьдесят градусов — лицом к лестнице, я просунул ногу между последними ступенями, после чего, закрепившись таким образом, стал медленно разгибаться до тех пор, пока не повис вниз головой. Теперь, когда искомый рычаг найден, дело за мускулами. ‘
Поворачивать колесо в направлении часовой стрелки стоило сначала больших усилий, но потом оно пошло свободнее, и дверь распахнулась. Теперь предстояло сделать самое трудное
Вцепившись обеими руками в колесо уже открытой настежь двери, я распрямил ноги, и тело мое, тяжело соскользнув вниз, стало раскачиваться, как маятник на ходившем туда и обратно колесе. Остановить эту качку мне удалось лишь через некоторое время.
Подтянувшись, я сумел перекинуться на противоположную сторону массивной двери и ухватиться за такое же колесо, расположенное с внутренней стороны. Только после этого я смог перебраться в шахту. Проведя этот сногсшибательный акробатический трюк, я остался цел, потеряв разве что желание и дальше оправдывать свое прозвище безумными полетами.
Я оказался в туннеле, где лампы то загорались вполнакала, то гасли, бледно мерцая, как зазывная

реклама ночного клуба. Проход был достаточно просторным, чтобы идти не сгибаясь, в полный рост.
Метров через пять туннель предстал одним из самых загадочных архитектурных сооружений, которые мне доводилось здесь видеть. Несмотря на паршивое освещение, удалось внимательно разглядеть его стены — гладкие и серые, с подозрительно грубо обработанной поверхностью, как будто их вырубали в скальной породе волшебным топором.
Большие прямоугольные изображения, видневшиеся на них, вызвали ассоциации с гигантским кладбищем. Но самым сильным ощущением, которое навевал узкий коридор, был образ седой древности, где царили неистребимые силы всепобеждающего зла. Странное это было чувство — одновременно и чуждое, и знакомое. Будто я оказался пленником первозданного вселенского лабиринта и остаток жизни должен провести в поисках выхода из подстерегающих повсюду тупиков.
Будь оно трижды проклято, мое неуемное, неистовое воображение! Лучше бы заняться воспоминаниями — это, по крайней мере, давало хоть какую-то соломинку, за которую можно было уцепиться. Связь с прошлым — самыми яркими эпизодами моей жизни — придавала сил в безысходном кошмаре настоящего.
В этот самый момент я увидел старину Гофорта, нашего бравого старика-сержанта, который шел по коридору мне навстречу. В мерцающих бликах неясного света трудно было определить, какого оттенка его кожа; но походка — легкая и целеустремленная, вселяла надежду на то, что его не сумели превратить в зомби.
Да, это был Гофорт, причем живой!
— Друг! — закричал я от переполнившей меня радости. Наконец-то я нашел в этом беспросветном мраке еще одну живую душу!
Сержант ничего не ответил, что должно было меня насторожить!
Гофорт поднял свою старую винтовку модели 30-99 и навел ее мне прямо на грудь. К счастью, я успел свалиться на пол в тот самый момент, когда пуля просвистела над головой.
— Чтоб тебя приподняло и прихлопнуло! — крикнул я в сердцах; меня душила ярость оттого, что теперь против меня выставили усовершенствованную модель зомби. Не оставалось больше никаких сомнений в том, что человеком Гофорт быть перестал.
Этот новый персонаж показался мне еще более нелепым и несправедливым, чем сумасшедший коричневый монстр с шипами и рогами. Теперь, правда, я точно знал, как следует поступать с зомби — никаких правил в играх с ними не было и быть не могло!
Эй, Гофорт, подожди, опомнись, ты же всегда был нормальным малым!
Сержант двигался прямо на меня, не виляя из стороны в сторону, не пригибаясь и не пытаясь защититься, чтобы стать менее уязвимой мишенью. Тем самым он оказал мне своего рода последнюю любезность. Но перезарядил Гофорт свою снайперскую винтовку с единственной целью: всадить мне в башку такой заряд, чтоб мозги по стенке размазались.
Я, конечно, не стал дожидаться, когда он приведет свое намерение в исполнение — у меня были другие планы.
При жизни сержант был отменным стрелком — что и говорить. Да и после смерти стрелял лучше всех зомби вместе взятых. А еще он моргал.
Я катался по полу до тех пор, пока он не приблизился метров на десять, и тогда, подняв ружье и прицелившись, спустил курок. От этого выстрела останки бедняги зомби облепили стены коридора, да так, что хоть ножом соскребай. Да, шарахнул я по нему просто артистически. Что-то попало мне в глаз. Я принялся моргать, однако соринка продолжала беспокоить.
Тут до моего слуха донесся странный, неестественный смех, скорее похожий на безумное, сухое кудахтанье.
— Заткнись! — крикнул я психованному балагуру, вытирая щеки.
Нелепый смех стих, и до меня дошло, что радостное кудахтанье издавал уже почти съехавший с катушек бедолага по прозвищу Флай.
Ничего обнадеживающего. Мне любым путем надо было восстановить контроль над собственной психикой. Пробежавшая в голове таблица умножения помогла мне немного остыть, пока я обшаривал зомби в поисках боеприпасов. Дыхание замедлилось до разумных пределов, сердце, готовое до этого выпрыгнуть из груди, стучало в нормальном ритме.

Я и впрямь успокоился, так что даже глазом не моргнул, когда над головой с жужжанием проплыл металлический череп.
Неужели воображение мое разыгралось не на шутку. Даже когда я был ребенком, галлюцинации меня не посещали, а в нынешней нелепой ситуации и вовсе глупо было насылать на меня этот огромный белый череп, видимо, очень куда-то торопившийся (наверное, в магазин, где продавали демонические головы). Поэтому я решил договориться с собственным воображением: если оно не будет больше посылать мне эти раскрашенные воздушные шарики, я дам ему возможность время от времени прерывать нить моих воспоминаний. Игру всегда надо вести по-честному.
Я как сумасшедший помчался по коридору, пару раз споткнулся, но, видно, летун почел за лучшее от меня отвязаться. В большой, просторной комнате я ощутил приступ клаустрофобии. Может быть, звучит это и по-дурацки, но поглядели бы вы сами на это веселенькое местечко. Невероятно высокий потолок с арочными сводами, поддерживаемыми причудливыми колоннами, которые были бы вполне уместны в каком-нибудь древнем индийском дворце, меня особенно не волновал. Гораздо больше беспокоило то обстоятельство, что в огромном помещении полным полно емкостей с ядовитой зеленой жижей, с которой, как мне казалось, я уже распрощался.
Пустая комната с бесчисленным множеством закоулков — очень удобное место для сборищ гоблинов, демонов, монстров и зомби — заторможенных и сверхбыстрых, туповатых и суперсообразительных.
Как только эта невеселая мысль промелькнула в моей голове, шлюзы раскрылись, и они стали со всех сторон заполнять комнату.
Я отскочил назад и забился в темный угол, пытаясь изобразить из себя бездушного мертвеца; некоторое время такая тактика себя оправдывала. Казалось, зомби не обращали на меня никакого внимания.
Хоть времени на психологические тесты у меня не было, один я все-таки решил провести. Где-то мне довелось прочесть о таком состоянии ума или философии (уж и не знаю, как точнее выразиться), которое называется солипсизм: стоит вам только о чем-то подумать, и это происходит. Последняя стадия наступает тогда, когда вы начинаете думать, что реально существуете лишь вы сами, а вся Вселенная — не более, чем плод вашего воображения. Я уже готов был купиться на сомнительные истины этой теории, лишь бы только сила воображения избавляла меня от чудовищ так же быстро, как они заполняли огромное помещение.
Ну, что ж… терять мне все равно было нечего! Я закрыл глаза и с предельным напряжением сосредоточился на мысли о необходимости очистить комнату от фантастических уродцев.
В тот самый момент, когда, казалось, мозги напряглись до предела, раздался оглушительный взрыв, и меня сбила с ног волна горячего воздуха. Открыв глаза, я обнаружил, что валяюсь на полу не один — неведомая сила, опрокинувшая меня, не пощадила и нескольких зомби, оказавшихся поблизости.
Сам собой напрашивался вывод, что солипсизм — одна из разновидностей шарлатанства.
Взглянув вверх, я увидел, что мой давешний знакомец — коричневый монстр с кожей крокодила и рогами цвета слоновой кости — не только вернулся сам, но и привел парочку приятелей. Они смотрели, как я, пошатываясь, поднимаюсь, и смеялись.
Потом один из них бросил в меня комок слизи, который тут же превратился в ослепительно яркий, огненно-красный шар. Я снова повалился на пол и прикрылся обгорелым трупом одного из зомби, а эта чертова пылающая слизь пролетела прямо надо мной, чуть не спалив одежду.
Я судорожно искал хоть какое-нибудь оружие, надеясь заметить блеск металла, — хоть кусок железной трубы, хоть что-нибудь! Напрасно. Эти демоны проклятые и впрямь сильны были огненные смерчи голыми руками закручивать… А намерения их не оставляли сомнений.
Монстры шипели и пересвистывались, указывая на вашего покорного слугу. А потом и зомби меня заметили и начали палить что есть силы. При этом их не смущало, если некоторые из них выходили на линию огня — когда они попадали друг в друга или кто-то из демонов обрушивал на приятеля ком слизи, закручивавшийся огненным вихрем, чудовища вступали в борьбу с союзниками, напрочь забывая обо мне. Я с криками отчаяния метался по залу, перебегая от одной стены к другой, в то же время отмечая эту особенность взаимоотношений между моими врагами — я даже подумал, что в будущем неплохо взять ее на вооружение.
Теперь в помещении находились по меньшей мере дюжина зомби и трое демонов из крокодиловой кожи, а я все продолжал нырять, петлять и уворачиваться от визжащих и свистящих кусков металла,

пролетавших над головой. Вдруг откуда ни возьмись появился тот самый проклятый летающий череп со шлейфом ракетного выхлопа на том месте, где нормальная голова смыкается с шеей. Череп развернулся и зашел на новый вираж, пытаясь скосить меня под корень, а потом разгрызть острыми, как бритва, стальными зубами.

И все-таки главной проблемой продолжали оставаться огненные смерчи; коричневые демоны были, конечно, намного опаснее зомби. Я очень радовался тому, что в странной комнате есть колонны — они давали мне хоть какую-то возможность укрыться от грозящих со всех сторон опасностей. Сделав бешеный рывок, чтобы добраться до одной из них, я выстрелил в группу зомби. И, едва переведя дыхание, помчался к следующей колонне.

На этот раз огненный шар пролетел совсем близко, опалив меня своим жаром. С той позиции, которую я занимал, подобраться к монстрам, не будучи предварительно поджаренным, не было никакой возможности, а мощность помпового ружья слишком мала, чтобы с такого расстояния причинить им вред.

Пока я пытался справиться с дрожью, за спиной снова послышалось жужжание, а затем резкий металлический скрежет. Ясно, что звуки эти мог издавать только летающий череп, выследивший меня между колоннами.

Ну, тварь летучая, я тебя сейчас, наконец, достану! Даже толком не прицелившись, я выпустил заряд.

Промах получился знатный!

Череп увильнул от пули; я снова выстрелил, и попал в одну из бочек с зеленой жижей.

Она взорвалась со страшным грохотом. Взрывная волна ударила меня в защитный бронежилет и повалила на пол, как мула, сорвав часть амуниции. Череп же разорвался на множество мелких металлических осколков.

Мои несчастные барабанные перепонки в очередной раз чуть не лопнули — теперь от грохота второго взрыва, третьего, четвертого… Одна за другой взорвались пять или шесть бочек с омерзительной гадостью. В голове вертелась лишь одна мысль — я благодарил Господа за то, что оказался с противоположной стороны колонны.

Ядовитое облако голубоватого дыма клубами вилось над полом и у стен. Это было все, что осталось от окислившейся токсичной слизи. Задыхаясь от едкой вони отравляющих паров, я бросил быстрый взгляд через плечо и увидел сцену, напоминавшую кровавую бойню.

Зомби и демоны являли собой клочья серой плоти, перемешавшиеся в дьявольской каше. Вонь, как от тысячи гнилых лимонов, наполнила комнату, забивая даже зловоние ядовитых взрывных паров.

Я с трудом поднялся и поплелся к двери, подгоняемый страхом перед той разрушительной силой, которая была скрыта в сорокогалонных бочках. В самом конце комнаты я наткнулся на единственное существо, которому удалось уцелеть помимо меня.

Вцепившись когтями в пол, там лежал демон. Одна нога напрочь оторвана, другая — неестественно вывернута. Из него по каплям сочился желтый гной. Едва капля вытекала, как она тут же воспламенялась, превращаясь в маленький костер.

Я приставил ружье к безобразной башке и ухмыльнулся:

— Пришел твой черед подыхать, зверюга бессловесная! И услышал в ответ:

— Зззверюга… нет…

Я остолбенел от удивления — никак не думал, что эти твари могут говорить.

— Ну что ж, — я ткнул чудовище дулом ружья, — ты, пожалуй, прав. Звери или убивают, или оставляют в покое.

Распластавшийся на животе монстр, неестественно вывернув огромную голову, не отводил от меня глаз, так что у меня при этом зрелище противно засосало под ложечкой.

— Вы — зззверюги… когда мы организззуем планету…

Я скривил губы, но сердце мое учащенно забилось. О какой планете он говорит? О Марсе? Или же в планы пришельцев входила Земля?

— Да мы от вас места мокрого не оставим, как только вы к нам со своей поганой помойки заявитесь, ты, кусок дерьма!

Чудовищный пришелец рассмеялся, распахнув пасть так, что без труда мог бы одним махом откусить человеку голову.

— Мы бросссаем ссскалы… большшшие ссскалы…
Картина, которую я себе нарисовал со слов монстра, была до смешного нелепой, но, несмотря на всю ее абсурдную несуразность, у меня мороз пробежал по коже. Что-то подсказывало, что эта тварь сознательно акцентирует слово —«большие».
8
Несмотря на свои намерения, я был слишком заинтригован словами чудовища, чтобы тут же разнести ему голову, и решил дать мерзкой твари возможность выговориться.
— Почему твои приятели не пытались заговорить ? Вы что, все разговариваете ?
Монстр широко раскрыл пасть, обнажив десны, поросшие спутанными волосками, и зубы, которые вращались и менялись местами.
— Нет… мы всссе разззные, как вы, люди, всссе разззные.
Пришелец-чуть отполз в сторону. Не думаю, что он намеревался смыться — наверняка отлично понимал, что это невозможно. Я стал опасаться, что он заманивает меня куда-то. Прямо передо мной располагалась зеленоватая каменная стена с барельефом, изображавшим лицо демона. У меня почему-то возникли сильные сомнения, что барельеф — лишь орнаментальная отделка помещения, сделанная по заказу Объединенной аэрокосмической корпорации.
— В чем же мы разные? — продолжал я задавать вопросы, нутром чуя, что монстр вот-вот сделает какое-то важное признание.
— Некоторые… боятссся, — с трудом выдохнуло чудовище. На его морде не отражалось чувства страха перед смертью, но по тому, как тело его судорожно подергивалось, я сделал вывод, что конец близок. — Другие сссильные… ты сссильный.
Господи, только этого не хватало! Признания космической твари в уважительном отношении к Флаю Таггарту!
— Мало сссильных, как ты, сссильных… другие годятссся только быть рабами. Людьми-рабами.
Мысль, давно сидевшая в подсознании, прорвалась наружу. Я не был настолько усталым, чтобы не понять смысл слов, сорвавшихся с языка монстра — его толстого и грубого языка. Некоторые — сильные… Значит, существовали еще какие-то люди, которые сохранили человеческий облик и продолжали оставаться самими собой!
Когда Фобос превратился в ад, я распростился с надеждой на спасение, запрятал ее в укромное место и ключ выбросил.
Несмотря на волнение, ни один мускул не дрогнул на моем лице — монстр мог быть достаточно сообразительным, чтобы смекнуть, какие чувства охватили меня, когда я подумал о том, что в числе этих сильных людей вполне могла оказаться Арлин.
Если на Фобосе остался в живых еще хоть один человек, это могло бы в корне изменить мое положение. Еда и питье меня волновали гораздо меньше, чем возможность хоть немного поспать, потому что без отдыха долго не протянуть. Значит, прежде чем меня свалит усталость, надо найти этого человека. Он предупредил бы меня об опасности. Сон без напарника в таких условиях равен самоубийству. Иначе всем моим благим намерениям грош цена. Бесконечно бодрствовать я тоже не мог, и если мне не удастся хоть немного восстановить силы, то никакие боеприпасы — хоть со всей Солнечной системы — не принесут спасенья.
— Ты до глубины души растрогал меня, — сказал я.
— Договор, — неожиданно предложил монстр, не обратив внимания на прозвучавший в моих словах сарказм. — Ты… жжживешь; ты работаешшшь; ты помогаешшшь.
Все, оказывается, очень просто — мне нужно всего лишь работать на захватчиков-пришельцев и помогать им завоевывать род человеческий, тогда они милостиво разрешили бы мне жить в качестве их раба. «Господи, — подумал я, — надо же, какой соблазн».
Славно, что мне такой экземплярчик разговорчивый попался. Интересно, что же этим гадам ползучим могло от меня понадобиться?
— Отлично, — продолжил я. — Тогда почему бы тебе не рассказать, какого черта вы здесь ад кромешный устроили?
Чудовище снова рассмеялось. Этот смех проскрежетал по моим нервам, как всхлипы расстроенного контрабаса.

— Ад… мы хотим уссстроить, — заявил монстр. — Сседаться… помощщщь; ты — жжживой, ччеловек.
— Как зомби?
— Ты — жжживой, не ходячий мертвец; ты сссможешшшь видеть осстальных.
— Каких остальных? Кому еще удалось уцелеть? Девушка выжила?
Ну, Флай, ты просто великолепен — мил и обаятелен. Да ведь это чудовище, скорее всего, даже отдаленного понятия не имеет о том, что такое девушка!
— Ты помогаешшшь… ты видишшшь осстальных.
Я не отрывал взгляда от омерзительной твари. Теперь я знал, что вытянул из нее все, что можно.
— Давай-ка я тебе отвечу так, — почти прокричал я. — А ты мне потом скажешь, хорошо ли расслышал.
Я навел ружье на верхнюю часть груди монстра и выстрелил в упор. Пришелец дернулся, с удивлением уставился на меня. Как ни странно, он был еще жив, хоть жизнь его еле теплилась.
Монстр скорчил гримасу, его лицевые мускулы, казалось, окоченели. Затем на какой-то краткий момент вновь пришел в себя.
— Когда-то мы могли сожрать вассс всссех, — пробормотал он и затих навсегда.
Даже волоски в его пасти встали дыбом и перестали двигаться.
Я перевел дыхание и почувствовал, как внутри нарастает тупая, неуемная ярость. Оно дело — сражаться с врагами в человеческом облике, другое — вступать в битву со злобными исчадиями ада. Каждый раз, когда я убивал одну из этих гуманоидных тварей, у меня возникало страстное желание еще сотню их перебить. То же самое я ощущал и теперь. Не давать им никакой пощады, убивать, убивать, убивать! На душе стало немного легче при мысли о том, что муштра в морской пехоте не обернулась для меня пустой тратой времени.
Параллельно в моем мозгу лихорадочно прокручивались планы на ближайшее будущее. Прежде всего надо было как-то выбраться с этого уровня и достичь цели — атомной электростанции. Если она уже попала в руки врага, это могло стать самой тяжелой потерей. Лучше бы реактор оказался в моем распоряжении.
Я в последний раз осмотрел тела зомби в поисках боеприпасов. Я бы сейчас кого угодно убил, лишь бы получить приличное вооружение — наверное, так и надо было бы сделать. Пришлось этим дважды трупам даже карманы выворачивать — вдруг там случайные пули или патроны завалялись?
Как же все-таки выбраться с этого этажа? Те, кто за мной охотился, смогли найти сюда дорогу, значит, нужно идти в обратном направлении, по их следам. Но прежде предстояло тщательно обследовать стены, и я медленно обошел большую, нелепую комнату.
Монстры теперь беспокоили меня гораздо меньше, чем странные трансформации, происходившие с помещением. Раньше я не бывал на базе Фобоса, но на Марсе мне довелось побеседовать с ребятами, которые были неплохо осведомлены о специфике здешних построек. Я ни секунды не сомневался в том, что с появлением сумасшедших демонов здесь изменилось практически все.
Так вот, меня беспокоило то обстоятельство, что пол, по которому я шел, и стены, которые я внимательно обследовал, как, впрочем, все это проклятое место, периодически как бы надвигались на меня, совершенно изменяя конфигурацию. Прямо как в фантастическом мультфильме, где пространство растягивается наподобие резинового, оставляя единственной постоянной величиной лишь тебя самого.
Если такое продлится долго, рассудок не выдержит. Я оперся на стену и вдруг, прямо-таки как в одном из старых фильмов Эббота и Костелло, который мне довелось посмотреть на Земле, стена съехала со своего места, и в ней открылась потайная дверь. Я чуть не свалился в неожиданно открывшийся проем.
Оказавшись в новом коридоре, я дошел до тупика, который, по моим представлениям, находился примерно на уровне южной стены того помещения, из которого я вышел. Я заметил еще одну панель, похожую на ту, к которой прислонился, когда распахнулась дверь. Инстинкт подсказывал, что нужно глубоко вдохнуть, что я и сделал, не пытаясь противоречить своему самому ценному дару — интуиции.
На стене я заметил такой же переключатель, как тот, на который ненароком облокотился в предыдущей комнате, и — теперь уже вполне сознательно — нажал на него.
Торцовая стена коридора с легким шелестом скользнула вверх; за ней виднелись ступени ведущей вниз лестницы. Это меня приободрило — если я правильно помнил, атомная электростанция на один-два

уровня ниже. Я начал осторожно спускаться по лестнице, она была слабо освещена. Дойдя до конца, я увидел, что наградой за мою отвагу был самый большой омут зеленой жижи из всех, которые до этого попадались. Если бы я догадался плавки с собой захватить, то нырнул бы не глядя. Ах, какое же это было искушение — лучшая во всей Солнечной системе жидкая отрава, и прямо передо мной! Давай, солдат, вперед, не унывай!

Не без труда обойдя омут по самому краешку, вжимаясь всем телом в стену, я, наконец, вышел за пределы этого проклятого уровня и в узком коридоре, залитом зеленой жижей, наткнулся на искромсанные останки еще одного коричневого демона с рогами и клыками. Если даже он и был таким же разговорчивым, как мой давешний знакомец, кто-то уже успел навсегда его успокоить, вогнав в его тело семь или восемь пуль из «Сиг-Кау». Еще одно очко в пользу морской пехоты.

Монстр лежал рядом с раздвижной дверью лифта. Я откатил ее вбок и даже немного расстроился оттого, что никто в этот момент не попытался изрешетить меня пулями, разорвать когтями или поджарить в пламени огненного смерча.

За дверью действительно оказалась кабина лифта, правда, недостаточно просторная для такого амбала, как я. На его стенке я заметил странное изображение, как будто кто-то пытался нарисовать карту ярко-красным фломастером-маркером, которым мы пользуемся, чтобы пометить наш путь в лесу или в городе. Кем бы ни был составитель плана, его прервали на середине занятия. Какое-то время я старался понять значение рисунка, но так и не смог — не хватало информации, чтобы разобраться в каракулях.

Не без труда втиснувшись в маленький лифт, я постоял секунду-две в нерешительности, не зная, какую из кнопок нажать. Потом в полумраке различил около одной из них надпись: «Атомная электростанция». Так что зря злые языки болтают о том, что у морских пехотинцев не все в порядке с образованием!

С резким толчком хлипкий, тесный лифт поехал вниз, вихляя и дребезжа, будто хотел всему миру объявить: «Это я еду!» Ну, допустим, не всему миру, а всей зоне нормального притяжения на Фобосе.

Теряться в догадках о том, попала ли эта часть базы в руки врага, мне не пришлось. Выйдя из лифта, я сразу понял, что увяз по самые уши. Я увидел такое количество зомби, что непонятно было, как вообще могли они уместиться на столь маленьком пятачке. Правда, если говорить серьезно, места здесь хватало. Проблема, видимо, состояла в том, что трудно верно определить размеры помещения, когда оно от стенки до стенки битком набито живыми мертвецами.

Впервые в жизни мне довелось испытать, что значит клаустрофобия в пространстве, ограниченном стенами человеческой плоти — точнее говоря, плоти, которая когда-то была человеческой. Странно только, почему до сих пор и я не стал ходячим куском человечьего мяса.

В сложившейся ситуации у меня было два преимущества: во-первых, основная часть зомби, спрессованных, как сардины в банке, не могла пошевельнуть ни рукой, ни ногой. Поэтому им дела до меня не было. Во-вторых, только теперь до меня дошло, что мозги зомби способны реагировать лишь на контрастные, я бы даже сказал, черно-белые раздражители, то есть на такие обстоятельства, когда их головы летели с плеч, как гнилые фрукты с дерева. Даже ходячий труп, который некогда являлся сержантом Гофортом, в своих действиях руководствовался исключительно моторными рефлексами, а уж он-то точно был самым опасным из всех этих доходяг.

У меня была масса времени на то, чтобы обстоятельно над всем поразмыслить, потому что идти все равно было некуда, и я ждал, пока кто-то из зомби меня заметит. На помощь пришел слепой случай, добавивший происходящему пикантности. Для «складирования» прибыл очередной контингент мертвяков, и один из неуклюжих придурков толкнул другого локтем в бок, чтобы освободить себе место, куда встать. В этот момент на открывшемся малюсеньком кусочке стены я увидел неповрежденную часть плана базы!

Я тут же сделал вывод, что зомби не имеют отношения к разбитым радиоприемникам, изуродованным картам и выведенному из строя оружию. Очевидным стало и то, что в помещении не было места для демонов или монстров и они не могли туда попасть уже потому только, что не втиснулись бы. Вот почему они не уничтожили этот план. Помещение использовалось исключительно для «складирования» зомби.

Пытаясь походить на живого мертвеца — особых трудностей у меня с этим не было, — я неуклюже продвинулся на несколько метров ближе к карте, чтобы получше ее разглядеть. Она представляла собой

полную схему помещений станции в вертикальном разрезе. К сожалению, там не было вида сверху каждого из уровней; зато я смог, наконец, узнать, насколько глубоко вниз уходит база. Это же надо — там даже была стрелочка с надписью: «Вы находитесь здесь!»

Я и в самом деле находился на том уровне, где располагалась атомная электростанция. Надо мной размещался ангар, а ниже — зона очистки токсичных отходов (не очень-то аппетитно), командно-контрольные помещения, лаборатории и основные производственные мощности. Оказывается, мне еще только шесть уровней осталось очистить, а я-то боялся, что десятка три!

Забавно, но то, что я видел, вызвало в моей памяти ассоциацию со странными народными гуляньями или базарным днем. Но лучше не отвлекаться…

Внутренний голос торопил как можно скорее выкатываться из этой чертовой комнаты. Мне снова показалось, что нынешнее положение слишком хорошее, чтоб длиться долго.

Без ложной скромности признаюсь, что внутренний голос оказался пророческим. В море бледных, безжизненных лиц я вдруг заметил два сухих, как пыль, глаза, сосредоточившихся на вашем покорном слуге.

В надежде на то, что обладатель пустых глаз увлечется другим объектом, я, ни единым жестом себя не выдавая, продолжал стоять как истукан.

Это обычное состояние зомби, когда они не получали приказов и не преследовали живых людей, — застыть на месте, как высеченные из камня.

Однако тот, кто не сводил с меня взгляда, вел себя по-другому. Я не собирался первым предпринимать каких бы то ни было шагов. За последнее время я наделал достаточно дел, чтобы теперь спокойно ждать дальнейшего развития событий. Мне казалось, что это может продолжаться вечно, но тут от толпы отделился ребенок-зомби и нетвердой походкой направился в мою сторону.

Господи! На какую-то долю секунды мне почудилось, что в отличие от остальных девочка живая. Я видел столько зомби — бывших солдат, что как-то упустил из виду тех, кто раньше работал здесь на Объединенную аэрокосмическую корпорацию. Мне в голову не приходило, что в их числе были дети.

Ребенок шел прямо ко мне, открывая и закрывая рот, из которого не доносилось ни звука. Его мягкие, влажные, холодные руки коснулись моей руки. Я не смог сдержать нахлынувших чувств и хотел было погладить девочку по голове, чтобы утешить.

В этот миг предо мной разверзлись врата ада. Тот малый, который неотступно за мной следил, тоже раскрыл пасть, но вместо слов из нее вырвался душераздирающий рев. Однако его со всех сторон так сильно стискивали собратья, что он не мог достать пистолет. Решив, что промедление смерти подобно, я, не раздумывая, выхватил свою пушку и спустил курок.

Заряд, выпущенный в самую гущу тел, мне здорово помог. Перезарядив ружье, я послал ему вдогонку второй, чтобы расчистить путь.

Потом что было сил рванул вперед — пора было сматывать удочки. Лучше всего, если бы я нашел какое-нибудь примыкающее к комнате помещение, где смог бы очухаться, — но только не тупиковое. Я слышал, как толпа бросилась меня догонять, но даже голову не повернул, чтобы посмотреть, сколько их.

Лишь нырнув в подвернувшийся дверной проем, я бросил взгляд назад. Трое тварей пронеслись мимо, но четвертый зомби оказался не настолько туп. Он зашел в дверь, и я поднял ружье.

За миг перед тем, как я собрался превратить эту рожу в ошметки красного месива, что-то в облике мертвеца напомнило мне деда. Очень жаль.

В отличие от того, что произошло сейчас, каждый раз, когда я раньше прикидывал, на сколько времени у меня еще хватит сил, воли, выдержки и способности к точному расчету своих действий, я начисто абстрагировался от эмоций. Уверен, что морская пехота дала мне в этом смысле наилучшую подготовку. Правда, никто нас там не учил тому, как надо себя вести в условиях, похожих на беспрерывный фильм ужасов.

Мне необходима была небольшая передышка. Хоть на пять минут прилечь — дико ныла спина, судорога сводила правое плечо. Одного глотка холодной воды хватило бы, чтоб остудить пожар, бушевавший в мозгу. То обстоятельство, что я разглядел в облике этого — уж не знаю какого по счету — зомби своего деда, было последней каплей, переполнившей чашу.

Я никак не мог заставить себя в него выстрелить. Просто рука не поднималась! Схватив зомби за

грудки, я в припадке слепой ярости с нечеловеческой силой швырнул его назад.
Он повалился на бежавших следом приятелей. Один из тех, кто находился сзади, каким-то образом умудрился поднять винтовку и выстрелом снести ему голову.
Едва я успел упасть на пол, как надо мной просвистела пуля, попавшая в одного из тех зомби, которые несколько секунд назад проскочили закоулок, где мне удалось от них спрятаться. Двум его спутникам это совсем не понравилось.
Они просто как с цепи сорвались. Видимо, выстрел, поразивший того, кто был вместе с ними, задел какие-то их мозговые центры. Обернувшись, они открыли беспорядочную стрельбу по своим собратьям. Через пару секунд уже все зомби палили куда попало без разбора!
Я лежал на полу, не шевелясь, как будто врос в него, изо всех сил стараясь прикинуться мертвяком.
9
Когда боеприпасы в конце концов вышли, дергающиеся надо мной вояки в прямом смысле слова стали рвать друг друга на части с таким видом, как будто репетировали сцену из современного балета. Воспользовавшись подвернувшейся возможностью, я выкатился из-под их ног; винтовка продолжала болтаться у меня за спиной, а помповое ружье в суматохе безвозвратно исчезло.
Я снова бросился бежать. На этот раз никто меня не преследовал. Наконец-то я остался наедине с самим собой — больше рядом никого не было. По дороге я подхватил валявшийся на земле мешок кого-то из бойцов роты «Фокс», даже не помню толком, как это произошло!
Меня охватила растерянность. Кляня себя на все лады за потерю помпового ружья, я бесцельно побрел дальше, пугаясь даже собственной тени, а ведь еще полчаса назад я шагал, как на параде, с гордо поднятой головой. Теперь же, имея при себе лишь пистолет и полуавтоматическую винтовку, я опасался встречи с врагом.
Поскольку под рукой карты не было, я не мог определить, в какой именно части помещения электростанции нахожусь. Крадучись, как мышь,-вдоль стены, я продолжал путь и внезапно наткнулся еще на одну дверь, которую трудно заметить с первого взгляда, открыл ее и оказался в комнате, где стояло много компьютеров. Неясное мерцание гаснувшего и снова вспыхивавшего света усилило головную боль. Блеклый синевато-зеленоватый мерцающий свет не лучшим образом действовал и на мой пустой желудок.
Насколько я мог судить, кроме меня, здесь больше никого не было — по крайней мере, в этой комнате. Тем не менее мне не очень нравилось, что коридор шел под небольшим углом вверх и поворачивал так, что скрывал перспективу. Я решил, что если мне когда-нибудь доведется стать архитектором, все здания, которые я спроектирую, будут похожи на школу, где я учился — все ее помещения были просторными и пустыми, спрятать там что-нибудь было просто невозможно. Как, впрочем, и уединиться, но это даже имело свои преимущества.
Прижавшись спиной к стене, я стал исследовать содержимое найденного мешка и первым делом наткнулся на патроны, подходившие к потерянному под кучей зомби помповому ружью. Нужно при первой же возможности отыскать его — Дад Дардье меня бы на это только благословила. Там же лежало несколько десятимиллиметровых пуль, годившихся как к пистолету, так и к «Сиг-Кау». Еще я нашел фляжку, в которой было немного воды или какой-то другой жидкости, жевательную резинку и небольшой, продолговатый, блестящий металлический предмет, чем-то напоминавший пальчиковые батарейки, которые вставляют во вспышку для фотоаппарата. Что это, я понятия не имел. С одной стороны металлической штуковины была выбита эмблема Объединенной аэрокосмической корпорации, но не орел, распростерший крылья над земным шаром, — символ морской пехоты.
Прежде всего надо было проверить, что за жидкость булькала во фляжке. Я опасался, что это водка, джин, спирт для растирания или что-нибудь еще, в чем сейчас я не испытывал нужды. К счастью, во фляжке была чистая вода. Отхлебнув первый освежающий глоток и подавляя желание одним махом выпить все до дна, я продолжал сжимать предмет, напоминавший батарейку. Тут до меня дошло, что это такое. Раньше мне уже доводилось слышать об этих штуковинах, хоть видеть и не приходилось. Это была очень маленькая ракета.
Я видел нечто подобное на демонстрационной видеокассете Объединенной аэрокосмической корпорации, которая хотела продать этот новый вид оружия Пентагону. (Мы, правда, его не купили — и очень зря!) Да, точно, никаких сомнений — это одна из таких миниатюрных игрушек. Но ни у кого из

роты «Фокс» для мини-ракет не было пусковых установок. Они в основном предназначались для ведения боевых действий в условиях пустыни. Интересно, откуда же здесь могла взяться мини-ракета? Я громко рассмеялся. Совсем не к месту, но что делать, — нервный смех уже вошел у меня в привычку. Если демоны слонялись где-то поблизости, а стены и полы могли превращаться в декорации для спектаклей, разыгрываемых на День всех святых, почему бы потрясающая тактическая ракета не могла случайно заваляться в сумке одного из морских пехотинцев? Я вовсе не исключал, что следующей моей находкой станет, например, томагавк.

Наконец взрыв хохота утих. Я пытался сообразить, где бы здесь поискать ракетную установку, внимательнейшим образом прислушиваясь к тому, что подсказывал мой внутренний голос. Но этому мешал вопль, рвавшийся из другой части сознания. Он тоже требовал найти ракетную установку, но не только в целях самообороны.

Комната, набитая зомби, наверное, произвела на меня более сильное впечатление, чем я мог подозревать. По-видимому, все пережитое за время, проведенное на Фобосе, выбило меня из колеи, но я только теперь ощутил это в полной мере. Господи, неужели я жаждал найти эту пусковую установку только потому, что рассчитывал проглотить ракету?

По натуре я совсем не склонен к самоубийству. Меня скорее можно причислить к тому типу экстравертных личностей, которые с большей вероятностью в клочки разнесут кого-то другого — например, одного небезызвестного вам лейтенанта, который обычно думает тем местом, на котором сидит, — чем позволят нанести вред себе. Такой склад психики — необходимое условие для любого, кто решил пойти служить в морскую пехоту. Поле битвы — не лекарство от депрессии.

Однако тактическая операция, которую мне пришлось проводить на Фобосе, мало чем походила на обычные боевые действия — все было гораздо страшнее. Хождение по кругу… В жизни часто приходится повторять одно и то же. Взять хоть супружеские отношения. Я, слава Богу, знаком с женатыми парнями.

Но то, что творилось на Фобосе, настолько противоречило каким бы то ни было представлениям об обыденности в нормальном ее понимании, что при мысли об этом я холодел и терял дар речи. Если бы я только мог найти хоть одного живого человека! Эта тварь сказала… нет, скорее намекнула на то, что на базе есть еще кто-то живой. Господи, если души и в самом деле существуют, в моей, наверное, уже вряд ли осталось что-нибудь человеческое.

Я не исключаю, что был не совсем искренен с собой. Наверное, и впрямь мог покончить счеты с жизнью выстрелом из винтовки. Или сделать это другим способом — в морской пехоте не зря проходят всестороннюю подготовку. Поиск ракетной установки вполне можно было истолковать, как стремление отложить на время то, чего нельзя избежать. Кто знает… Найдешь эту установку, и возникнет непреодолимое желание выстрелить из нее себе в рот, чтобы обо всем забыть.

К счастью, такого рода решения раньше мне принимать не доводилось. Я всегда находил выход.

Я долго стоял в уходившем вправо длинном коридоре со стальными стенами. Единственными источниками света здесь были голубоватая светящаяся трубка, изгибавшаяся параллельно левой стене коридора, и редкие белые лампочки, вмонтированные в потолок. Я расположился как раз под одной из них, поскольку мне было как-то спокойнее при относительно естественном освещении, несмотря на то, что сравнительно яркий свет делал меня более уязвимой мишенью. И тут, бросив взгляд влево, я заметил это. Сначала я не поверил своим глазам. В последнее время зрение не очень-то способствовало тому, чтобы верить в реальность происходящего. Но если то, что я видел, существовало в самом деле, мне не надо было больше бродить кругами, истощая мозги бредовыми идеями о том, каким способом лучше свести счеты с жизнью.

Прямо перед моим носом на противоположной стене красными каракулями — как на карте в кабине лифта — заглавными буквами было написано А.С., и тем же маркером справа от букв нацарапана указывавшая по диагонали вниз стрелка. Я уставился на странную надпись, память лихорадочно напряглась, пытаясь помочь разгадать загадку. Пару лет назад мне довелось посмотреть старый фильм Джеймса Мэйсона «Путешествие к центру Земли». Кто такой Жюль Верн, по книге которого была поставлена эта картина, я не знал, и Арлин меня тогда чуть не силком затащила в кино. Она обожала фантастику.

Мы обставили это событие со всей возможной пышностью, потому что случилось оно после

напряженнейшей трехмесячной работы в Перу, где мы выжигали плантации коки, чтоб из ее листьев уже никогда не производили кокаин. Так что мы готовы были превратить просмотр в киноургию. Обычно мы не ели всякую дрянь, но в тот день позволили себе побаловаться самыми что ни на есть заурядными кукурузными хлопьями, которые, наверное, готовили на прогорклом масле с черного рынка. Честно могу признаться, что никогда раньше не получал такого удовольствия от похода в кино.

В том фильме знаменитый искатель приключений Арн Сакнуссен первым отправился раскрывать тайны подземного мира. На всех уровнях, которые путешественник проходил, двигаясь к центру Земли, он сажей от пламени свечи оставлял свои инициалы, чтобы те, кто решил бы пойти по его стопам, не сбились с пути. Стрелочками он указывал направление в пещерах, имевших подобно лабиринтам, боковые ответвления.

Я уставился на знаки. А.С. — Арн Сакнуссен… Арлин Сандерс.

У меня перехватило дыхание. Арлин! Арлин жива?! Должно быть… а как же еще это можно объяснить? Она жива… причем шла тем же путем, что и я — все ниже и глубже в недра станции в надежде обнаружить неповрежденный радиопередатчик или живого человека, а, может быть, даже Флая — своего верного друга. Она тоже стремилась к самому сердцу ада в надежде найти там выход!

Теперь у меня не оставалось никаких сомнений: А.С. означало, что моя подруга все еще жива или, по крайней мере, что была жива и оставалась собой вплоть до этого самого места. Должно быть, ей удалось пережить всех бойцов нашей роты, погибших в сражениях со здешней нечистью.

Мысли о самоубийстве мгновенно вылетели из головы, как будто их там никогда и не было. Я почувствовал себя таким сильным, как никогда раньше. Впервые с тех пор, как ступил на эту проклятую космическую скалу, я почувствовал себя счастливым! Военная выправка вернулась сама собой, и я двинулся вперед. Я вновь стал солдатом, которому надо было во что бы то ни стало уцелеть ко времени решающего сражения. Стрелка вывела меня прямо ко входу в очередное странное помещение. Как всегда, оказываясь в незнакомой комнате, я приготовился к внезапному нападению зомби или новой встрече с монстрами. Но теперь у меня появилась новая цель — я должен был найти Арлин, и в этих поисках мне совсем не повредило бы надежное, мощное ружье. В комнате меня никто не ждал, но там находилось нечто, с чем раньше мне сталкиваться не приходилось.

Хоть меня, вроде, в гости не приглашали, но угощение приготовили. Я увидел абсолютно круглый, свободно паривший в воздухе шар, ничем не удерживаемый. Просто висел себе и висел посредине помещения — чисто-голубого цвета, как небо на Земле в чудесный весенний день. Только с небом у него было одно небольшое различие — шар имел лицо. Выражение его я определить не успел, потому что как только увидел эту картину, шар молниеносно спикировал на меня и звезданул прямо в голову. Я и глазом моргнуть не успел, как он с громким хлюпаньем или чмоканьем облепил все мое тело.

Теперь уж точно мне конец. Я даже вздохнуть не мог, потому что нос и рот залепила мокрая масса, стекавшая по телу вниз. Ощущение, сравнимое разве что с прыжком в воду головой вниз. Единственное объяснение, которое тут же пришло на ум: меня отравили! Однако вскоре нос и рот очистились, и я смог набрать в легкие воздух.

Когда я это сделал, возникло ощущение, будто в мое тело проникло что-то прохладное и бодрящее. Я вздохнул поглубже, и мне показалось, что воздух стал чище и свежее.

Я ощутил небывалый прилив сил. Если это было результатом действия неизвестного яда далеких миров, я без колебаний порекомендовал бы его всем своим друзьям. Специальный сувенир, который можно получить у гроба Флинна Таггарта. Цены умеренные… Опасаясь приступа головокружения, я сел на пол, но его не последовало. Жидкость, окатившая меня, быстро испарилась, а, может быть, впиталась в тело.

Снова глубоко вздохнув, я почувствовал себя еще лучше и встал. Никто, похоже, травить меня не собирался, скорее наоборот. Забавный летучий шар подействовал просто великолепно! В моем положении вполне естественно было предположить, что все без исключения создания, появлявшиеся из Ворот, априорно плохие, более того — гибельные для человеческого существа. Замечательная надпись — А.С. — стала первой приятной неожиданностью за день (хотя, надо признаться, на этой космической скале величиной с мусорную свалку среднего размера день от ночи отличить совсем непросто, особенно находясь в ее недрах). Второй хорошей новостью было воздействие голубого шара — я чувствовал себя теперь на миллиард долларов.

Теперь, когда я, можно сказать, заново родился, стремление найти Арлин и выбраться с уровня, на котором расположена электростанция, существенно окрепло. Стрелка на рисунке определенно указывала туда, где находился голубой шар, но, может, она показывала на что-то еще? Может, мне нужно было следовать вниз по тому коридору, который начинался в компьютерной комнате, а в пмещение с шаром и заглядывать не стоило? Я не исключал, что моя подруга не заметила потайную дверь, а я на нее наткнулся, неправильно истолковав указанное направление.

Вернувшись в комнату, заставленную компьютерами, я последовал за стрелкой Арлин и после двадцати минут блужданий в лабиринте снова оказался около нее «Да, — проворчал я. — здесь действительно придется пошевелить мозгами».

В голову пришла отличная мысль — где бы мне ни попадались инициалы А.С., ставить рядом свой знак, скажем, букву Ф. Это позволило бы избежать ошибок в будущем — и, возможно, не только мне, но кому-нибудь еще, например, самой Арлин или двум Ронам, которые, обнаружив наши инициалы, поймут, что не одиноки.

Я снова двинулся по стрелке, но на этот раз избрал иной путь и вскоре попал в весьма неприятную компанию. Один из уже знакомых мне коричневых монстров с белыми клыками жрал что-то, повернувшись ко мне спиной.

До этого момента мне не доводилось видеть, как чудовища едят. Монстр, сгорбившись, сидел на столе и громко хрумкал и чавкал. Когда он немного подвинулся, я заметил в его пасти отблеск чего-то красного; он, к счастью, меня не увидел.

Если бы у меня было сейчас помповое ружье, я бы этой образине сзади без труда голову снес… В этот самый момент колесо фортуны повернулось, и удача мне изменила — я увидел группу дьяволов, двигавшихся в мою сторону по узенькому коридору лабиринта, начинавшегося в компьютерной комнате.

Если бы я и подстрелил монстра, который что-то жрал, от меня сейчас и мокрого места не осталось бы. Хоть меня и трясло от дикого напряжения, я настойчиво повторял, что мне нужно только найти Арлин и убраться к чертовой матери с этого Фобоса проклятого, а еще было бы очень неплохо хоть один исправный радиоприемник отыскать!

Арлин не стала бы тратить время на то, чтобы оставлять на стене знаки, если бы у нее не было на то очень веской причины. Даже на голубой шар она не стала бы мне указывать — потому что если бы Арлин точно знала, что это такое, она бы как истинный солдат сама им воспользовалась.

Единственный вывод, логически вытекавший из ее поступка, мог состоять в том, что Арлин Сандерс хотела показать мне путь, избрав который, можно было покинуть уровень с электростанцией. Сама она наверняка им уже воспользовалась — как и Арн Сакнуссен, она помечала свой маршрут для тех, кто решился бы последовать за ней.

Почему же я не мог найти дорогу? Точно так же, как Арлин не заметила дверцу в ту комнату, где летал голубой шар, я скорее всего пропустил потайной ход, которым воспользовалась она.

Третья попытка оказалась для меня удачной. Эта чертова скрытая дверь не могла быть более, чем в пяти футах от той, в которую вошел я. Так оно и оказалось — я нажал на нее посильнее, и она распахнулась. За дверью находился отлично освещенный прямой коридор, заканчивавшийся гладкой, массивной, металлической дверью, на которой заглавными буквами светилось привычное: «ВЫХОД». Надпись эта, вне всяких сомнений, осталась от тех казавшихся теперь баснословно далекими дней, когда на базе текла нормальная человеческая жизнь. Теперь меня уже ничто не могло остановить. Я, как одержимый, бросился к двери, но, лишь подойдя вплотную, обнаружил, что ей, чтобы распахнуться и выпустить одинокого странника, нужна была магнитная карточка, действовавшая, как известное заклинание: «Сезам, откройся».

Отлично, ничего не скажешь . — самое время снова впасть в депрессию.

10

Еще когда мне было четырнадцать лет, я убедился в правильности одной незамысловатой истины: если мозг напряженно работает, не нужно ему мешать. Я вспомнил об этом, и все стало понемногу становиться на свои места. С чего бы это расстраиваться из-за такого ерундового препятствия?

Если вы не мешаете котелку варить, он, как правило, находит то, что вам нужно. В чавкающих и хрумкающих звуках жрущего монстра слышалось нечто странное. Сначала мне почудилось, что он

обгладывал останки кого-то из бывших моих невезучих товарищей. А теперь — что чавканье слишком резкое и пронзительное. Когда же я обратил внимание, что цвет на магнитной карточке, служившей ключом к двери с надписью «ВЫХОД», должен был быть ярко-красным, в голове моей мелькнула блестящая догадка.

Мне вовсе не хотелось снова натыкаться на монстров, поэтому я тише воды, ниже травы подкрался к обжоре, который в безмятежном уединении наслаждался трапезой. Главным условием для успеха задуманного предприятия была тишина — ведь где-то под боком слонялись такие же твари, чье внимание к моей скромной персоне в данный момент было совершенно излишним. Кроме того, следовало удержать жующего на месте. Теперь я точно знаю, зачем у винтовки штык.

Перед тем, как сдохнуть, монстр лишь булькнул что-то горлом, не закричал, не зарычал и не выстрелил, призывая на помощь собратьев из глубин станции. Шанса на то, чтобы выяснить его интеллектуальный уровень, мне не представилось. Перевернув чудовище на спину, я увидел, что из его пасти торчит что-то красное — ну конечно же, незадолго перед тем, как испустить дух, он жевал красную пластиковую магнитную карточку, наверняка являвшуюся ключом к двери с надписью «ВЫХОД». Кроме нее, в глотке монстра лежала еще целая пачка покореженных и переломанных магнитных карточек — небольшие красные и синие изображения земного шара давали основание предположить, что они тоже некогда служили ключами к каким-то дверям. К счастью, карточка, которую я первой достал из пасти, не успела безвозвратно сгинуть под клыками.

Карточка сработала — дверь откатилась в сторону, и за ней открылась ведущая вниз лестница. Я старался спускаться по ней, сохраняя полнейшее спокойствие. Помповое ружье внизу я не обнаружил.

У последней ступеньки лестницы начиналась самая настоящая свалка. Переработка токсичных отходов — какое милое название! Сначала мне показалось, что я попал в мир, где царили тишь, гладь и Божья благодать. Передо мной раскинулось обширное пространство, так ярко освещенное, что невольно промелькнуло сравнение с погожим солнечным полднем на старушке Земле. Правда, когда я обратил внимание на обилие странного оборудования и непонятных устройств, заполнявших помещение, у меня зародились подозрения, существенно ослабившие это сходство. Слишком уж легко воображение рисовало картину, как монстры и зомби шастают между агрегатами такого размера.

Я начал осматривать помещение и даже обрадовался, наткнувшись на первую бочку ядовитой зеленой жижи. После бойни со взрывами я резко изменил мнение о токсичной гадости! Теперь, когда я знал, что она взрывается не хуже нитроглицерина, я получил в свое распоряжение еще один вид мощного оружия.

Лихорадочно пытаясь найти следующий знак, оставленный Арлин, я огляделся и вспомнил другой наш совместный поход в кино. Мы смотрели сумасшедший, псевдонаучный фантастический фильм, действие которого происходило в лаборатории, до отказа заполненной рычагами и переключателями. Чем больше я присматривался к помещению по переработке токсичных отходов, тем больше оно напоминало бутафорское оборудование из фильма.

Не все рычаги и переключатели приводились в действие рукой. Это я обнаружил, когда проходил мимо ядовито-зеленой, цвета спелого авокадо стены. Внезапное жужжание заставило меня мгновенно обернуться и приготовиться к ответным действиям. Однако на этот раз тревога оказалась ложной — просто сработал детектор движения, который я задел на ходу. Я вспомнил об этих штуках — нам показывали о них учебные фильмы во время подготовки в военном училище. В них, в частности, рассказывалось о строениях с изменяемой конфигурацией, которые Объединенная аэрокосмическая корпорация использовала при транспортировке жидких металлов, добывавшихся в рудниках Фобоса.

Я смотрел, как коридор позади медленно исчезает из вида. Да, не очень приятно оказаться в помещении, где метал и камень вдруг покрываются пластинчатыми наростами наподобие чешуи или в них начинают пульсировать невесть откуда взявшиеся вены. Но, по крайней мере, ужасающих морд здесь не было! Самое плохое состояло в том, что в ходе физического изменения структуры пространства менялось и расположение проходов — путь, который привел меня в помещение, уже не был выходом из него.

На каждом квадратном метре было понатыкано столько самых разных датчиков, что трудно было предвидеть, какое следующее мое движение приведет к очередным трансформациям. Еще большая опасность грозила бы, окажись я в шахте, где добывалась руда. Однако поскольку я не был в состоянии

что-либо изменить, не стоило понапрасну волноваться. Боялся я только одного — что моя неловкость приведет в действие световые датчики, отлично замаскированные, как тогда, когда сработал индикатор движения.
Когда я в свое время решил избавиться от скромного религиозного багажа, полученного в школе, мне казалось, что заодно я освободился и от всех предрассудков. Не скажу, что Фобос вернул меня на стезю, на которую хотели направить меня монахини, но все мои детские суеверия вернулись теперь в полной мере.
Поэтому первое, что мне пришло на ум, когда холодное нечто смазало меня по лицу, были привидения! Боковым зрением я уловил бесплотное шевеление, но, обернувшись в том направлении, откуда исходила невидимая угроза, заметил лишь неясное пятно.
Я размышлял, что бы это могло быть, когда большой и быстрый предмет ударил меня пониже спины. Рассмотреть его я не успел, но смекнул, что привидению, не стесняющемуся дать пинок под зад, не грех ответить такой же любезностью.
Господи, Пресвятая дева Мария, как же мне теперь не хватало хорошего ружья! А еще лучше — мощного дробовика, из которого легче угодить по невидимой мишени. Но в моем распоряжении была всего лишь винтовка, и я решил ею воспользоваться. Я морской пехотинец, черт побери, а любой морской пехотинец прежде всего — отличный стрелок.
Вернувшись на то место, где получил пинок, я выставил перед собой «Сиг-Кау» и приготовился выстрелить в первую тень, которая пронесется перед глазами.
Часть расположенной впереди стены была немного влажная, словно перед ней находилось что-то бестелесное. Не долго думая я четыре раза подряд выстрелил в мокрое пятно.
Я мог предположить, что прольется чья-то кровь, но взрыва никак не ожидал. Призрак взвыл и взлетел на воздух — хоть полностью я в этом не уверен. Потом что-то жаркое и тяжелое сильно ударило меня сзади, и я понял, что же случилось на самом деле: в ход снова пошли огненные шары монстров! Первый из них, миновав меня, убил привидение.
Перекувырнувшись, я отскочил в сторону и увидел двух демонов и двух зомби, стоявших рядом с большой бочкой ядовитых отходов. Хватило всего двух патронов, чтобы она с диким грохотом взорвалась.
Почему-то я подумал о том, мог бы говорящий монстр, которого я мысленно называл «интеллектуалом», произнести по буквам «КА-БУМ»?
Подойдя к кровавому месиву, оставшемуся от вражьей силы, я внимательно его осмотрел. Кровь пришельцев была красная, а внутренние органы по виду чем-то напоминали человеческие. А еще поблизости в беспорядке валялись ошметки человеческих конечностей.
Затаив дыхание, я вгляделся в них. Мне полегчало, когда я понял, что они принадлежали зомби.
Одна из рук сжимала отличное помповое ружье. Настроение мое поднялось, как в канун Рождества, а когда я наткнулся на пусковую ракетную установку, оно стало таким, как в День св. Валентина — будто повсюду расцвели цветы и воспламенились влюбленные сердца!
Ружье представляло собой более усложненный образец, чем то, которое я потерял, — модель устарела. Оно тоже имело двенадцатый калибр, а еще на мушке находилось специальное приспособление, благодаря которому можно было вести прицельную стрельбу как с дальнего, так и с ближнего расстояния.
Я не стал бороться с чувством истинной признательности к зомби — едва ли не лучшим моим друзьям в данный момент. Если бы не они, у меня не осталось бы нормального оружия. Несмотря на то, что пришельцы сознательно уничтожили радиоприемники, карты и многие другие вещи — как полезные, так и декоративные, — лишить зомби оружия они не могли. Людей природа не наделила ни клыками, ни защитными доспехами. Мы, слава Богу, не такие.
Оглядевшись вокруг, я даже слегка расстроился оттого, что больше стрелять не в кого, и, как бы в награду за хорошо проделанную работу, на дальней стене заметил отблеск еще одного А.С.
Я со всех ног бросился посмотреть, не примерещился ли мне этот знак. Да, та самая надпись! Арлин здесь тоже проходила. Стрелка снова указывала направление движения. Сетовать было не на что. Создавалось такое впечатление, что Арлин обладала сверхъестественным даром незаметно следовать за демонами, пока не находила дорогу на более низкий уровень.

Я перекинул пусковую установку через плечо, и меня охватило странное чувство — еще совсем недавно я собирался подорваться случайно найденной ракетой, но Арлин и ее магический маркер в корне изменили мои планы.
Ракетная установка — весьма серьезное оружие. С ней все было в порядке, только отсутствовали две ракеты, обязательные в полном комплекте. Ну, ничего — я зарядил ее той единственной ракетой, на которую случайно наткнулся, и, успокоившись, вооруженный, как при охоте на медведя, продолжил путь по следам Арлин.
Они привели меня к такому узкому проходу, в который я с трудом мог протиснуться. Ясно, что инженеры, проектировавшие помещение по заказу Объединенной аэрокосмической корпорации, никак не рассчитывали на то, что в запасной коридор ввалится мужчина приличной комплекции с оружием да еще в защитном бронежилете.
Проход вывел к спиральному эскалатору, уходившему вертикально вниз. Он не работал, поэтому я стал спускаться по нему пешком, стараясь как можно меньше шуметь.
Эскалатор заканчивался на командно-контрольном уровне-я хорошо запомнил схему помещений в комнате, набитой зомби Именно здесь располагался «нервный» центр всей базы. Если еще оставался хоть какой-то шанс найти в этих дьявольских конструкциях радиоприемник — то именно здесь.
Но стоила ли овчинка выделки? Интерьер помещения выглядел в высшей степени удручающим — тяжелые, давящие своды, серые стены походили на военные укрепления Второй мировой войны. Я невольно озадачился мыслью о том, зачем людям понадобились толстые, хорошо укрепелнные стены глубоко в подземельях Фобоса. Может статься, люди их вовсе и не строили, а просто унаследовали от кого-то, как и эти пресловутые Ворота.
Кружа по длинным коридорам базы, я размышлял о странном сходстве самых темных пятен в истории человечества с бесчеловечными качествами пришельцев-завоевателей. Неожиданно возникшее тяжелое облако паров солярки вызвало острый приступ кашля. Я остановился, чтобы перевести дыхание. Откуда здесь взялась солярка? Что-то явно не так. Но запах-то ее я точно почувствовал!
Мои шаги громыхали в пустом коридоре, как пушечные выстрелы. Я даже обрадовался, когда вышел в просторное помещение, где отзвуки эха не так били в уши. Камень, которым был выложен пол, отличался от использовавшегося в других комнатах, высокий потолок поглощал звуки.
Я стоял в огромном зале, терявшемся в темноте. Ее рассеивали лишь два ярких луча дневного света, бивших сквозь стекла в потолке. Не знаю, были ли это какие-то особые лампы или же настоящий дневной свет, но лучи, вырывавшие из тьмы квадраты пространства, выглядели как на Земле.
На одном из освещенных квадратов я разглядел стол с автоматическим пистолетом АБ-10. Как бы он мне теперь пригодился! Я чуть ли не физически ощутил ладонью вороненую сталь. Глядя на эту игрушку от двери, я прикидывал, насколько велики шансы, что меня хотят заманить в ловушку. Должен признаться, что оценил я их достаточно высоко.
В этой ситуации, казалось мне, надо поступать диаметрально противоположным образом, чем от меня ожидают. Поэтому я повернул назад, вдоль стены, со всеми предосторожностями, которым был обучен в пехотной школе выживания, через каждые несколько шагов внезапно останавливаясь и прислушиваясь.
Я дошел до того места, где стена уходила вправо, и через несколько шагов наткнулся на огромный механизм. Между ним и стеной оставался небольшой зазор. Я не без труда в него пролез, по-прежнему стараясь двигаться как можно тише, и, добравшись до конца прохода, осторожно высунул голову наружу.
Картина, которую я увидел, вызвала у меня лишь кривую ухмылку. Футах в десяти от стола, на котором лежал автоматический пистолет, были свалены в кучу какие-то коробки или ящики, а за ними пристроилось не меньше дюжины коричневых монстров, которых медведь Смоуки никогда не пригласил бы к себе праздновать Рождество. Спрятавшись за ящиками, они жадно всматривались в освещенное пространство с пистолетом, явно ожидая, что какой-нибудь идиот подойдет взять его.
«Позвольте представиться…» — хотелось мне им сказать.
Не трогая ружье, которое продолжало болтаться на плече, я поднял ракетную установку. У меня был только один заряд, и раньше мне никогда не доводилось стрелять из этих штуковин, но мой первый и единственный выстрел во что бы то ни стало должен был быть просто отличным.

Закрыв глаза, я попытался в деталях вспомнить видеоролик, который нам крутили, когда Объединенная аэрокосмическая корпорация собиралась продать нам мини-ракеты. Сначала следовало правильно установить указатель расстояния до цели, потом с силой оттянуть пластиковый рычажок, приводивший в действие запал, снять установку с предохранителя, прицелиться и слегка, до половины, нажать на спусковой крючок, чтобы появился тонкий, красный лазерный луч наведения. Я чуть ли не с любовью направил его точно на крестец самого мощного урода.

Один из его приятелей заметил крошечное красное пятнышко и потянулся к нему лапой. Я спустил курок.

Ракета взорвалась с таким грохотом, что я не на шутку испугался остаться глухим на всю жизнь. В ушах еще стоял дикий звон, когда я отбросил в сторону ракетную установку и снова схватил ружье.

Продолжая пригибаться, я приблизился к тому, что осталось от засады монстров — некоторые еще были живы. Они катались и извивались по полу, как будто хотели отыскать свои оторванные лапы. Оставалось только помочь им избавиться от мучений.

Позже я насчитал тринадцать голов и четырнадцать левых лап — где-то я, должно быть, допустил ошибку. Не выпуская ружья из рук, я медленно направился к столу с АБ-10, но сразу брать его не собирался, опасаясь еще одной засады.

И действительно, метрах в семи от стола послышался звук, не предвещавший ничего хорошего. Точнее говоря, он мог означать только что-то очень плохое. Это было низкое рычание, напоминавшее одновременно поросячье хрюканье и гнусавый хрип, переходящий в утробный, животный рык. Я оцепенел; в моем разгоряченном воображении возник уродливый образ неестественно огромного борова. Я медленно отвернулся от АБ-10. Мне очень не хотелось встречаться с тем, кто издавал подобные звуки.

11

Проклятье! Я был вне себя от того, что, израсходовав единственную ракету, не мог получить автоматический пистолет; по сути дела, для меня ничего не изменилось — только зря мощное оружие использовал, бессмысленно потратил драгоценный подарок судьбы! Я чувствовал себя, наверное, так же, как тот парень, что нашел волшебную лампу, готовую исполнить его единственное желание, но смог произнести лишь: «Как бы я хотел узнать, что мне лучше всего пожелать».

Ничего не оставалось, как двигаться дальше. Простая архитектура и стены, сложенные из больших каменных блоков, уменьшали вероятность потайных дверей; и все-таки время от времени я останавливался и нажимал на выступы, казавшиеся мне секретными кнопками или рычагами. То обстоятельство, что пришельцы устроили ловушку, здорово беспокоило — складывалось ощущение, что чем глубже я пробираюсь в недра базы, тем смышленее они действуют.

А еще я не мог объяснить длительного отсутствия надписей Арлин. Продолжал ли я следовать по ее следам, или ошибся поворотом и сбился с пути?

Войдя в сводчатую дверь, я оказался в комнате, где преобладали голубовато-синие тона. На полу повсюду были выбиты изображения эмблемы Объединенной аэрокосмической корпорации, свидетельствовавшие о том, что интерьер задуман и выполнен землянами.

В комнате находилось несколько кабин, напоминавших киоски — сходу я насчитал четыре. Подойдя к той, что располагалась в центре, я, видимо, снова задел индикатор движения. Как по команде, одновременно раскрылось несколько дверей, скользнувших вверх, и из каждой вывалилось по омерзительному пришельцу. У меня не было больше ракет, и бочек с зеленым ядом тоже.

Одного монстра я уложил с первого выстрела; остальные тут же бросились на меня, как взбешенная родня брошенной жены. Я кинул на пол ружье и едва успел выставить перед собой «Сиг-Кау», как мерзкий урод нанес мне удар.

В своем стремлении разорвать меня на части он не заметил винтовку и напоролся прямо на штык — но оказался слишком бестолковым, чтобы сразу же сдохнуть! Он подался еще немного вперед, так что лезвие штыка вошло в него по самую рукоятку, и мертвой хваткой впился мне в плечо, припечатывая к стене.

Тем самым он спас мне жизнь. Широкая спина врага превратилась в щит, когда его собратья стали метать в меня огненные шары. Скатанные из слизистых комьев и превращавшиеся в пламенные вихри, они попадали в дубленую шкуру монстра. Вскоре она загорелась. Красная жидкость стала стекать к его

ногам, образовав лужу, отбрасывавшую вокруг зловещие багряные отблески. Мне удалось раз девять-десять выстрелить и пробить наконец дыру в теле пришельца — эдакую кровавую бойницу, сквозь которую виднелись остальные чудовища.

Думаю, они просто не могли поверить в то, что их огненные шары меня не поджарили живьем, а потому с тупым упорством продолжали их метать, не обращая внимания на огненно-кровавую лужу, растекавшуюся под трупом собрата. Мне снова отчаянно повезло: два оставшихся монстра столкнулись и, повернувшись друг к другу, вступили в драку, пустив в ход клыки и когти. Сильно потрепанного победителя я уложил наповал одним выстрелом из моей «Сиг-Кау». Я остался в комнате один, придавленный к стене куском шашлыка килограммов в двести весом. Монстр, насаженный на штык, отлично прожарился. Вот уж действительно — неисповедимы пути Господни!

Хоть я ни на секунду не сомневался, что мне еще придется встретиться со многими противниками, не могу сказать, что испытывал острое разочарование из-за их отсутствия в данный момент.

Я решил вернуться к центральной кабинке, в которую чуть раньше не смог попасть из-за появления монстров. Там я нашел голубую магнитную карточку, и в надежде на то, что когда-нибудь она мне сможет пригодиться, сунул ее в карман. Потом снова занялся поисками знаков Арлин.

Заветные буквы А.С. со знакомой стрелкой мне удалось обнаружить около невысоких ступенек. Я с радостной улыбкой пошел в указанном направлении и оказался в комнате, полной компьютеров. Помещения компьютерных центров, в которых я уже побывал, в принципе спланированы одинаково; поэтому я был совершенно не готов к тому, чтобы наткнуться здесь на дурацкую архитектурную выдумку, формой напоминавшую проклятую свастику! Какой-то больной придурок расставил несколько уходящих в потолок колонн в форме ломаного креста, который небезызвестный австрийский капрал сделал в середине прошлого столетия своей эмблемой. Может быть, то было простое совпадение, но я сильно в этом сомневался.

И вообще, события принимали странный оборот. Река Стикс, зомби, монстры, летающие черепа… Какой демонический разум крылся за всем этим невероятным безумием? Но что бы за этим ни стояло, я решил переключиться на более актуальные в данный момент проблемы.

Можно было бы пройти компьютерную комнату, не обращая ни на что внимания, однако полностью сохранившаяся схема уровня не позволяла миновать свастику, составленную из колонн. Если принять за центр отсчета кабинку в помещении, из которого я сюда попал после очередной битвы с монстрами, то свастика была расположена как раз над ней, чуть левее. Определить ее местоположение не составляло большого труда. Да и кроваво-красный оттенок пола наводил на вполне определенные ассоциации. Неповрежденная схема базы в подобных обстоятельствах воспринималась как откровенный вызов.

На этот раз я уже гораздо спокойнее отнесся к тому, что привел в действие еще один скрытый индикатор движения. Пора было уже к этому привыкнуть. Хотя, конечно, назвать привычной изменяющуюся конфигурацию пространства, согласитесь, трудновато. Колонны, расположенные в форме свастики, медленно ушли в пол с отвратительным скрежетом, чем-то напоминавшим звук перемалывания костей миллионов трупов, и я уже было приготовился увидеть следующий леденящий душу кошмар. Но вместо этого меня ждала потрясающая находка.

Я нашел две коробки, в каждой из которых лежало по пять штук мини-ракет. И кроме того, еще одну магнитную карточку — на этот раз желтую. На ней от руки было написано, что искать ее там, где она должна бы находиться — в северной части «лабиринта» (слово-то какое — лабиринт; у меня сразу же возникло ощущение загнанной в угол крысы) — незачем, потому что это она и есть. Как бы то ни было, с ракетами я себя чувствовал гораздо более уверенно. А записка была подписана буквами А.С.!

Да, черт возьми, я эту девушку многими вопросами озадачу, как только найду. Очень трудно выжить и не попасть в подстерегающие повсюду смертельные ловушки, стремясь помочь однополчанину, который лишь благодаря счастливым случайностям все еще движется и дышит. Она, должно быть, совершила поистине невероятные подвиги, проявила чудеса храбрости. Продвигаясь вперед и находя что-то нужное для себя — от оружия и боеприпасов до этих дурацких магнитных карточек, — Арлин брала лишь самое необходимое, а остальное старалась спрятать так, чтоб обнаружить это мог лишь неплохо соображающий человек.

В любом случае, в сложившихся обстоятельствах я счел за благо вставить восемь малюсеньких ракет — двумя я сразу же зарядил пусковую установку — в патронташ, а желтую магнитную карточку положил

в карман рядом с голубой, после чего испытал лишь одно желание — поскорее покинуть это жуткое помещение.

Мне удалось преодолеть еще одно небольшое препятствие, и я уже собрался было протиснуться в узкую дверь, чтобы покинуть командно-контрольное помещение в направлении, указанном последней стрелкой Арлин, когда до меня снова донеслись ужасные хрюкающие звуки. Ненависть с новой силой захлестнула меня. На этот раз хрюканье сопровождалось грузным топотом, дававшим основания предположить, что в условиях искусственной гравитации базы где-то рядом вперевалку брели тонны живой плоти. Звуки на этот раз, как мне показалось, были хлюпающие, плаксивые и более низкие.

Меня так и подмывало задержаться и разделаться с хрюкающей тварью; но голос разума нашептывал не искать себе лишних неприятностей. У меня были теперь ракеты; по доносившимся звукам можно было определить, что чудовищный боров сотворен из плоти и крови, причем и того, и другого у него в таком изобилии, что не грех подсократить.

В свою очередь, сидевший во мне рассудочный педант пытался уверить, что скорее раньше, чем позже, все равно придется выяснить, смогу я справиться с этим новым чудовищем или нет. Зачем же в таком случае лезть на рожон и самому себе рыть могилу?

Пока во мне шла острая внутренняя борьба, гигантский боров — чтоб ему пусто было! — тяжело протопал мимо двери. Затаив дыхание, я подождал еще несколько напряженных минут, потом приоткрыл дверь и прислушался. Снаружи было тихо.

Однако как только я ступил за порог, из совершенно темного коридора справа донеслось настораживающее хрюканье. За ним последовал низкий, глухой гул, будто навстречу, все более ускоряя ход, несся тяжелый боевой танк.

Я с трудом различил неясные очертания чего-то массивного и громоздкого, неуклюже надвигавшегося из непроглядной тьмы, как-то боком забирая вправо. Прямо у меня под носом оказалась тяжелая, бронированная дверь, способная выдержать огромное давление и обозначенная по краям синими огоньками. Стрелой подскочив к ней, я вынул из кармана обе магнитные карточки.

Первой попалась желтая. Как только я всунул ее в щель, дверь злобно зажужжала, и в воздухе разнеслось омерзительное зловоние разлагающихся трупов.

Сглотнув в панике подкативший к горлу тошнотворный комок, я вырвал из щели желтую карточку и вставил на ее место голубую. Дверь мелодично звякнула и тяжело заскользила вверх. Я молнией проскочил внутрь, сорвал с плеча дробовик и принялся ждать, пока появится безымянная тварь.

Тяжелая, бронированная дверь медленно опускалась, словно издеваясь надо мной и испытывая мое долготерпение. Но счастье улыбнулось мне и на этот раз. Дверь хоть и закрывалась не спеша, но хрюкающий кошмар поспешал еще медленнее. Тяжелая, бронированная плита наконец захлопнулась, и существо, издававшее глухие, хрюкающие звуки, в бешенстве налетев на нее, глухо завыло от голода и бессильной ярости.

А я так и не увидел ни одной твари — они все время держались темных углов.

Хоть коленки у меня и дрожали, я продолжил путь и оказался у следующей двери. Чтобы пропустить меня внутрь, ей было нужно немного — желтой магнитной карточки. За дверью оказался лифт. Он, естественно, не работал. По стенам шахты спускались кабели коммуникаций. Для Флая по прозвищу «муха» этого было достаточно, чтобы спуститься. Я соскользнул метров на пятьдесят и увидел еще одну дверь.

На стене следующего уровня висела схема, над которой располагалась надпись: «Добро пожаловать в лаборатории Фобоса».

Пяти минут, проведенных в лабораториях, хватило, чтобы убедиться в том, что здешний командно-контрольный пункт далеко не самое худшее место. Ведь чем дальше вглубь Фобоса я продвигался, тем обстановка становилась опаснее и тяжелее. Но на самом деле это не имело ровно никакого значения. Если этот путь сумела пройти Арлин, значит, смогу и я. Я должен был ее найти, как и других людей, возможно, уцелевших в нечеловеческих условиях.

Для меня такого рода доводы звучали вполне убедительно. Однако как только я увидел очередной омут с ядовитой, зеленой, пузырящейся жижей, то в момент забыл о таких высоких материях, как честь, долг и преданность, потому что желал лишь одного — бежать отсюда со всех ног, как вор с места преступления. И все-таки мы — такие, как есть: верные до конца.

Я убеждал себя в необходимости преодолеть лужу отравы, а ботинки — часть легкого защитного скафандра — шипели, как ветчина на раскаленной сковороде. К счастью, они из достаточно толстого пластика, и ядовитая, бурлящая гадость не достигла моей бренной плоти. Как и в прошлый раз, обойти гнусную лужу стороной не было никакой возможности.

Что же предпринять? Без мощного фонаря я не мог найти дорогу, а если бы фонарь и был, я не осмелился бы его включить.

Стрелка указывала на противоположную сторону омута. Пришлось признать, что без небольшого купания не обойтись!

Единственное, что радовало, это эффект голубого шара, который, разорвавшись, наделил меня удивительным здоровьем и бодростью. Даже вспомнить не могу, когда я в последний раз так хорошо себя чувствовал. Теперь, как никогда раньше, я нуждался в такой же нежданной поддержке.

Я глубоко вздохнул — раз, другой, третий, — набирая воздух полной грудью. Как же мне все надоело! Однако это была единственная возможность оказаться по другую сторону стены, преграждавшей путь. Необходимо преодолеть это чертово препятствие снизу, нырнув в зеленую жижу. Проклиная ненавистных монстров, свалившихся на нас со звезд, я плюхнулся вниз.

Единственной разницей по сравнению с моим первым «купанием» в токсичной гадости было то, что я уже знал о боли, пронизывающей тело от нестерпимого холода. Теперь эта боль не стала для меня неожиданностью. Боль как боль — обычная пульсирующая острая боль, высасывающая все силы, все жизненные соки и перехватывающая дыхание. Так или иначе, заплыв мой не мог быть продолжительным. Жидкая отрава светилась жутким фосфоресцирующим зеленоватым светом, который, как ни странно, мне помог — благодаря ему я заметил металлический предмет, который в темноте проглядел бы наверняка.

Это было что-то похожее на совсем маленький — с ладонь величиной — телевизор. Я зажал предмет в руке.

Я очень постарался и представил, что жижа — заросший тиной и водорослями пруд, на который я частенько ребенком бегал купаться. Вот до чего мне хотелось, чтобы вместо густой, ядовитой дряни была вода!

Стена действительно доходила не до самого дна. Я зажал нос, крепко закрыл глаза и нырнул. В ледяной жиже меня стал бить страшный колотун; мне было так плохо, что я чуть не отдал концы.

Вынырнув на поверхность настолько быстро, насколько возможно, я ухватился за бортик с противоположной стороны омута. Никогда еще глоток воздуха не доставлял мне такого наслаждения, хоть вонь вокруг стояла непереносимая. Вдохнув полной грудью еще несколько раз, я снова надвинул на лицо воздушный фильтр и снова пожалел, что был не в скафандре для открытого космоса с автономным запасом кислорода. Но что бы это изменило? Морскому пехотинцу всегда чегонибудь не хватает.

Не мог же я навсегда сохранить заряд здоровья и бодрости, который мне дал голубой шар. Пока я не искупался в отраве, мне невдомек было, что это за сила такая удивительная. Теперь же я чувствовал себя как выжатый лимон. Сетуя на несчастья и проклиная судьбу, я в то же время отлично осознавал: если бы не воздействие на организм голубого шара, купание скорее всего закончилось бы для меня плачевно.

А как же Арлин? Неужели она и через омут прошла? Может, я просто не заметил ее тело в зеленом, мерцающем мраке? На этот счет следовало основательно поразмыслить — за ядовитым омутом стрелки не было. Возможно, ей удалось найти менее опасный маршрут. Или она обзавелась приличным фонариком, а еще лучше — очками для ночного видения, так что отлично разобралась в ситуации? Не исключал я и того, что на ней мог быть вожделенный скафандр для открытого космоса.

Нельзя было сбрасывать со счетов и возможность встречи Арлин с голубым шаром. Словом, у нее было много возможностей спастись и выжить в этом аду.

Вместе с тем я не мог исключить и печальный исход. Однако о нем думать не хотелось.

Пора было идти дальше.

12

Наконец-то я снова мог довериться инстинктам Флая. Многие ситуации, с которыми мне приходилось теперь сталкиваться, были гораздо более запутанными, чем те, по которым должен был принимать

решения лейтенант Вимс. Что-то в последнее время я стал о нем забывать… Губы мои скривились в недоброй ухмылке: я вовсе не исключал, что Вимс был первым встреченным мною зомби. Если бы я даже и мог снова превратить его в человека, очень сомневаюсь, что мне захотелось бы это сделать.

Тут до меня дошло, что я все еще держу в руке небольшой предмет со дна зеленого омута! Я поднес его поближе к глазам и в недоумении уставился на странную штуковину. Она щелкнула и сама собой включилась — оказалось, что это план, видеосхема того уровня, на котором располагались лаборатории. Пресвятые угодники — даже самые тяжелые и опасные передряги имеют свои светлые стороны.

Я решил не менять направления и спускаться все ниже, ниже и ниже. Задерживаться здесь не было никакого резона. Мне хотелось добраться до самого последнего уровня, двумя ярусами ниже, где — как я видел на схеме в помещении атомной электростанции — находился главный компьютерный центр. Однако отсутствие знаков Арлин вынуждало меня самого отыскивать туда дорогу. Это было значительно легче сделать, освоив управление игрушкой, которую я вертел теперь в руках.

Внезапно на меня накатила волна слабости и лихорадочного жара. Оставалось только надеяться на то, что, нырнув в зеленую отраву, я не подписал себе смертный приговор.

В лаборатории было темно, и вонь стояла, как в коллекторе канализации. Однако если где-то на базе оставались медикаменты, вероятнее всего, что именно здесь их легче всего отыскать; естественно, в том лишь случае, если их не постигла печальная судьба исковерканного оружия и вдребезги разбитых радиоприемников. Сейчас прежде всего нужно было найти средства против отравления и что-нибудь тонизирующее.

Слабость усилилась, и я вынужден был опереться на стену, но это была не стена, а дверца шкафа, в котором хранилось оружие. Под моей тяжестью она без труда распахнулась.

Я ласково поглаживал бесценные находки, рассовывал по карманом боеприпасы и вдруг замер, не веря своим глазам: под пулями и патронами лежал автоматический пистолет АБ-10 — подлинное произведение искусства. Вопрос заключался в том, исправен ли он, если зомби с монстрами раньше имели возможность с ним поиграть.

Я проверил пистолет, прочистил ствол, перезарядил и чуть было не спустил курок, чтобы единственно возможным способом убедиться в его исправности, но вовремя решил сохранить верность своим исходным принципам и поднимать шум только тогда, когда без этого совсем нельзя обойтись.

Не приходилось сомневаться в том, что очень скоро придется испытать это оружие на настоящей цели, но на случай, если б оно меня подвело, необходимо иметь запасной ствол для надежности. В такой ситуации лучше всего в одной руке держать пистолет, а в другой — ружье. В страховке такого рода нет ничего зазорного, хоть выглядел я, как ковбой, осваивающий Дикий Запад.

Поправив рюкзак, набитый боеприпасами, я хотел уже было идти дальше, как вдруг почувствовал приступ головокружения, как будто рядом разорвалась граната. Поиск медикаментов снова стал первоочередной задачей.

Я вертел экран со схемой расположения помещений уровня и нажимал на все кнопки, просматривая мелькавшие перед глазами изображения, стараясь найти место, где сейчас находился — увы, спасительных надписей типа «Вы находитесь здесь» на картинках не просматривалось. Наконец я нашел стену, под которую нырял — естественно, на схеме не было и следа зеленой, пузырящейся отравы.

Должно быть, я все делал правильно, поскольку ближайший пункт медицинской помощи, отмеченный на схеме красным крестом, располагался совсем близко — доплюнуть легче.

Медпункт состоял из нескольких комнат, и, как ни странно, там не было ни одного доктора-монстра и ни одной сиделки-дьяволицы. Короче, увидев атрибуты обычного медицинского учреждения, я был приятно удивлен.

Кроме того, там горел нормальный свет — такое освещение мне встретилось впервые с того момента, как я попал на чертову базу. А если сохранилось нормальное освещение, значит, есть шанс, что необходимые медикаменты в целости и сохранности.

С трудом сдержав импульсивный жест скрестить пальцы, я открыл ближайший шкафчик и выдвинул наобум какой-то ящик. Мама дорогая, это ж надо, чтоб такая везуха поперла! Нетронутая аптечка первой помощи с бинтами, средствами против отравления и даже с противоожоговой мазью! (Лицо до

сих пор горело так, будто я пережарился на солнце, хотя за это я должен был благодарить монстров, метающих огненный шары, а не судьбу, позволившую провести выходные на пляже.)
А еще я обнаружил чисто убранную комнату с металлическим столом под зеркалом и освещением, о котором можно только мечтать. Даже кабинка душа стояла в углу. Пора было доктору Таггарту браться за дело.
Поработал я на славу: прежде всего запер медпункт и выключил свет — везде, кроме последней комнаты со столом и душем, — прислонил дробовик к стенке душевой кабинки так, чтобы в любой момент мгновенно пустить его в ход, повернулся лицом к запертой входной двери, оставив кабинку открытой, скинул одежду и рискнул принять душ.
После ядовитой жижи чувствовал я себя отвратительно. Сам факт того, что я смываю с тела токсичную гадость, заставил меня почувствовать себя значительно лучше. Я вывернул рукоятку крана с горячей водой до предела, чтобы только вытерпеть, и с наслаждением отдался жгуче-обжигающим струям, возвращавшим мне здоровье. Обгоревшее лицо от горячей воды болело еще сильнее, но телу было настолько хорошо, что боль меня особенно не беспокоила.
Если бы я мог уподобить душ небесам, то свежее полотенце сравнил бы с райскими кущами. Смыв зеленую отраву, я нанес смертельный удар дьявольским козням. Остальное сделать было гораздо проще. Самые тяжелые раны и порезы я обработал антибиотиком и перебинтовал, затем, как мог, наложил простенькие шины на ушибленные ребра (даже не помню, где я их так повредил), и без спешки намазал ожоги прохладной, обезболивающей мазью.
Был момент, когда доктор Таггарт едва не спасовал перед своим пациентом — то есть перед вашим покорным слугой, — а все потому, что, заметив тридцать или сорок небольших одноразовых шприцев, с аккуратной надписью СТИМУЛЯТОР ОБЩЕГО ДЕЙСТВИЯ, трухнул. Терпеть не могу уколы и никогда их не делал.
Что ж, настало время научиться нехитрой процедуре. А остальные шприцы обязательно захватить с собой, предварительно хорошо упаковав их. Потому что стимулятор мог пригодиться Арлин, если нам суждено встретиться. Мог я, понятно, наткнуться и еще на когонибудь из уцелевших. В общем, мотивов вколоть себе средство, хватало, поскольку, не сделай я этого, шансы на эту встречу резко снижались.
«Брось, — внушал мне внутренний голос. — Лучше поискал бы еще один годубой шар с намалеванной рожей.
В ответ на эту рекомендацию я привел довод, казавшийся мне достаточно разумным: «Если в жизни разок подфартило, глупо рассчитывать на такой же шар». Я беседовал сам с собой исключительно для того, чтобы как можно дольше оттянуть момент укола! Во всем остальном разговор был пустой.
Я храбро всадил иглу, смочил спиртом ватный тампон и протер место укола. В любом случае, укол не самое страшное из того, что мне пришлось перенести за несколько последних часов. Ну а если и пострашнее, то не намного.
Я вытащил из холодильника немного остававшейся там еды, потом принялся искать фонарь. К сожалению, удалось найти только самый малюсенький, толщиной с карандаш. На случай, если понадобится выяснить, перерезана глотка у зомби или нет.
Миниатюрная электронная схема указывала, что выход на более низкий уровень нужно искать в северном направлении. Слава Богу, хоть компас мой еще не вышел из строя. Уходить из медпункта мне совсем не хотелось, но делать нечего — маленькая больница свое дело сделала. Я чувствовал себя усталым, но не изможденным, есть хотелось, но от голода я не умирал, а главное — меня уже не трясло, как от приступа дизентерии. Единственной проблемой — помимо монстров, топочущих и грохочущих кабанов и несущих смерть ходячих трупов — было то, что я потерял след Арлин. Если ее ранили или еще какая беда приключилась, она, возможно, лежала где-то без чувств, а я не сумел ее заметить, пока добирался до этой комнаты.
Последнее, что я сделал перед тем, как отправиться дальше, — проверил обувь. Ботинки были в лучшем состоянии, чем я предполагал, но прежде, чем натянуть их снова, я обмотал ноги наволочками с подушек.
Снаружи было темно, как раньше, но теперь меня это не беспокоило. Человечество и без голубых шаров неплохо обходилось. Размышляя над этим, я шел себе спокойно на север, переходя из одного коридора в другой и на всякий случай на поворотах высовывая за угол дуло ружья — вдруг бы его в

дело пустить пришлось, — пока не достиг зала внушительных размеров. В нем тоже было темно, но все же немного светлее, чем в коридорах. Так что я смог понять, что помещение большое.

В следующее же мгновение на меня напали — железные когти проскребли по плечу, защищенному спасительным бронежилетом. Отражая наскок противника, я полагал, что вот-вот наткнусь на крокодиловую шкуру рогатого монстра, но вместо этого руки мои уперлись в мягкую, рыхлую массу. От этого соприкосновения, несмотря на толстые перчатки, у меня мурашки побежали по телу.

Даже при слабом освещении, я, по логике вещей, должен был разглядеть эту мразь, но ничего не увидел. Вторично напоровшись на студнеобразную массу, я сделал несколько неловких шагов назад и заметил уже знакомое мерцание — такое же, как то, которое видел, сражаясь с призраком. В тот раз проблема решилась с помощью огненного шара, выпущенного монстром. Теперь я оказался с призраком один на один.

Неужели же проклятому студнеобразному невидимому сукину сыну не известны элементарные нормы поведения привидений? Ни один призрак не может причинить человеку физический вред — им разрешается только запугивать людей до смерти! Но этот Каспар с общепринятыми правилами игры, видимо, знаком не был, потому что подскочил ко мне, сбил с ног, и я так шлепнулся задницей об пол, что дух захватило. Это меня вывело из себя окончательно — я навел ствол дробовика прямо на мерцающую погань и спустил курок в надежде на то, что если у твари есть пасть, то попаду я именно туда.

Подохла нечисть или нет, узнать мне так и не пришлось — да и можно ли их убить? Как бы то ни было, больше меня этот призрак не беспокоил. Чтобы невидимая дрянь за мной не увязалась, я решил сделать небольшую пробежку и помчался что было сил, шныряя глазами по сторонам в поисках прибора для ночного видения. Но, должно быть, доля удачи, отмеренная мне на данный отрезок времени, исчерпалась в маленькой больнице.

Чтобы выбраться с лабораторного уровня, нужно было пройти через темную, как неосвещенная угольная шахта, комнату. Выход, как я это знал, находился в северной части сооружений, и я двигался туда ощупью, в полной тьме, если не считать тонкого лучика миниатюрного фонарика. В конце концов я нашел выход. Он привел меня по узкому коридору к спиральной металлической лестнице, спускавшейся вертикально вниз. От того, что все время приходилось идти по кругу, стала кружиться голова.

На следующем ярусе с главными производственными помещениями коридоры были самыми тесными и узкими. Даже представить не могу, что бы я делал, если бы страдал клаустрофобией. Зато освещение немного лучше, чем в лабораториях, хотя это сравнение звучит примерно так же, как утверждение о том, что в ЛосАнджелесе таксисты ведут себя более вежливо, чем в Мехико-Сити.

Наконец, после стольких треволнений, на стене вновь мелькнули заветные А.С.! Я уставился на буквы с недопустимым в подобных обстоятельствах чувством. Арлин жива! Ей удалось сюда добраться! Я физически почувствовал облегчение, как будто оно удобно свернулось калачиком у меня за спиной.

Теперь стрелка указывала на уходящее вбок ответвление, казавшееся настолько узким, что даже карлик с трудом по нему пробрался бы; одно лишь утешало — ползти нужно было вниз. В противоположном конце коридора я нашел совершенно неповрежденную схему яруса. Складывалось такое впечатление, что чем дальше внутрь Фобоса, тем более мерзкие твари становились беспечными. Если так будет дальше продолжаться, у меня появится шанс наткнуться на исправный приемник. Производственные помещения имели форму треугольника, что почему-то натолкнуло на мысль о роботе, катающемся на мотоцикле. Видимо, все, что со мной приключилось, подействовало на психику сильнее, чем можно было предположить.

В юго-восточной части треугольника находились четыре соединявшихся между собой комнаты. Объявление на стене сообщало о том, что три индикатора движения в целях сохранения безопасности закрывают двери в течение тридцати секунд. Воображение быстро нарисовало такую картинку: я стою в одной из этих комнат, со всех сторон окруженный врагами, и считаю: «Тридцать, двадцать девять, двадцать восемь… пожалуйста, известите о моей кончине ближайших родственников».

Забрать схему расположения помещений я не мог — для этого понадобилось бы стену раздолбить. Что же до экрана миниатюрного электронного устройства, то он все еще показывал схему предыдущего уровня, а как его переключать — и можно ли это вообще сделать, — я не знал.

Подумалось, что люди должны иметь как можно больше информации об ублюдочных пришельцах — иначе Земля станет для них легкой добычей. С теми средствами и возможностями, которыми располагали земляне, справиться с таким врагом и выжить им не под силу. Единственное, что оставалось — перехитрить тварей или… умереть.

Я никак в толк взять не мог, как это мне самому так долго удалось продержаться. Ну, допустим, я был неплохим морским пехотинцем — кокетство и ложная скромность не в моей натуре. Что же касается Арлин, то она просто потрясающий боец: если я выжил, ей это еще проще! Я очень надеялся, что она и дальше сможет продержаться. Хотелось верить, что и сам я тем временем не загнусь — не могла же вся эта кошмарная ерундовина длиться вечно.

Черт, ты же знал, Флай, еще когда брался за эту работу, что она опасная. В конце концов, они тебя достанут.

Но кто же все-таки эти «они»?

Они не были жалкими уродцами, снаружи похожими на людей, но мертвыми внутри. Не могли они быть ни монстрами, ни металлическими черепами, ни приведениями. Сначала я решил, что на эту роль могли претендовать хрюкающие твари, но потом понял, что мозгов у них еще меньше, чем у остальных. Если б не монстр-интеллектуал, с которым мне удалось немного поболтать, вполне можно было заключить, что на нас свалился какой-то галактический скотный двор.

Но нет, за всем этим крылся чей-то мощный разум, сумевший отлично замаскироваться. И без того говорливого демона было вполне очевидно, что уже сам по себе уровень технологических достижений пришельцев красноречиво свидетельствовал об их недюжинных способностях.

Почему же тогда могучий Разум не сконцентрировал силы монстров и зомби на наших поисках и в два счета с нами не разделался? Почему нам с Арлин позволяют из себя героев разыгрывать, переходить с одного уровня на другой, отстреливать врагов, преодолевать опасности, нанося поражение за поражением?

А может, над нами проводили какие-то опыты перед тем, как начать вторжение, или — того хуже — играли с нами в какую-то садистскую игру? В любом случае — опыты они ставили или игры дурацкие разыгрывали — мы смогли этих умников кое-чему существенному научить. Однако гораздо более актуальным для выживания человечества был вопрос о том, чему они смогли научить меня.

Донельзя противно признаться в этом даже себе самому, но пока что их уроки я усваивал, как самый последний двоечник.

13

Хотя нет: одно я знал наверняка — действовать надо быстро.

Пока я сам с собой рассуждал на отвлеченные темы, в дверь в начале коридора, через которую я недавно прошел, гурьбой высыпала группа зомби и клыкастых монстров, да с таким видом, как будто здесь была их родовая вотчина. Заметив меня, они что было сил рванули по узкому проходу. Реакция моя была мгновенной — я со всех ног бросился наутек из этого ада, точнее говоря, из одного его круга в другой. Хоть поиски главарей вторжения были важной проблемой, пока с ней можно повременить — а именно до тех пор, пока не решены более насущные вопросы. Иначе вряд ли останется кто-нибудь, кому они по плечу.

Справиться с таким числом врагов, в буквальном смысле слова дышавших мне в затылок, выстрелом из ружья невозможно. Не лучше ли использовать новый автоматический пистолет? Господи, да ведь я забыл, что у меня пусковая ракетная установка!

Мелькнувшая било мысль о том, что в таком узком коридоре взрывная волна уничтожит меня вместе с нечистью, испарилась без следа. Я замер на месте, готовый сплясать самый отчаянный в своей жизни рок-н-ролл.

Взрыв грохнул с такой оглушительной силой, что я его даже не услышал — только почувствовал. Гигантская невидимая рука швырнула меня на пол. Я лежал с открытыми глазами и видел, как преследователи исчезли в брызгах крови и клубах пламени.

Зрелище заслуживало того, чтобы на него посмотреть, тем более, что это было последнее, что я увидел.

Должно быть, я потерял сознание. Спустя какое-то время до меня донесся громкий и резкий звук. Как будто одновременно прогревали двигатели самолетов и звонили во все церковные колокола. Я все еще ничего не видел, только яркие круги вертелись перед глазами.

Минут через пятнадцать колокольный звон сменился гулом, потом в ушах с тяжестью парового молота ритмично застучала кровь. Как сказал бы наш сержант Гофорт, в эти минуты я вполне мог стать для противника легкой мишенью. Скорее всего, меня спасло именно то, что я напрочь вырубился и отличить меня от трупа было просто невозможно.

Немного очухавшись, я, шаркая, как старик, поплелся дальше. Проводить ревизию оставшегося имущества не было времени, да и смысла не имело. Одно я знал наверняка: если хоть один из упакованных стеклянных шприцев из медпункта уцелел, мне совсем не помешало бы сделать еще один укол.

Я беспрестанно тряс головой, пытаясь прочистить мозги. Пошатываясь на нетвердых ногах, я в конце концов дошел по длинному, достаточно просторному коридору до тесного помещения, в котором некогда перерабатывалась руда. Этот зальчик был четко обозначен на плане. Именно там начиналась лестница, по которой можно было спуститься на следующий уровень. Судя по красноватым, золотистым и коричневато-бурым полосам на грубой поверхности стен, коридор пробили непосредственно в скальной породе Фобоса. Мне это новое обстоятельство понравилось и внушило надежду на то, что ни с чем тошнотворным на этом этаже встретиться не придется.

Однако расчеты мои не оправдались. Дойдя до середины коридора, я почувствовал приличное головокружение, и меня вывернуло наизнанку. Сначала я подумал, что приступ рвоты явился следствием взрыва ракеты, но потом понял, что произошло на самом деле. Нельзя побывать в космосе и не испытать невесомость, причем это ощущение навсегда останется незабываемым. Так вот, я оказался почти в полной невесомости! Нужно более внимательно изучить схему этого уровня, когда выдастся такая возможность. Центральная часть коридора выходила за пределы зоны искусственной гравитации, созданной на Фобосе пришельцами.

Видимо, именно по этой причине в стену были вделаны поручни, за которые мне удалось ухватиться. Одного рывка, казалось, достаточно, чтобы преодолеть мизерную естественную силу притяжения Фобоса. Я немало времени провел на корабле, летящем на Марс, чтобы привыкнуть к невесомости, хотя во время полета — в отличие от нынешней ситуации — никто на меня не собирался нападать. Жаль, что морских пехотинцев не обучают тактике ведения боя в состоянии невесомости.

Повернув за угол, я налетел на троих клыкастых монстров. Полоса удач никогда в моей жизни не была широкой. А эти толстокожие ублюдки как ни в чем не бывало спокойно топали себе по стенам и по потолку, как будто были окружены собственным гравитационным полем, причем все трое брели в разных направлениях.

Картина эта еще раз доказывала, что одержать верх над тварями невозможно. Вдруг один из них взглянул прямо на меня и произнес:

— Черт возьми, есть у нас мяч, в конце-то концов, или нет?

Он сделал неуловимое движение лапой, и в ней оказался комок слизи, тут же превратившийся в ослепительный огненный шар.

Моя согнутая нога задралась чуть ли не за спину, но спрятаться в открытом пространстве коридора было совершенно некуда, а добраться до поворота я не успел. Демон поднял лапу с горящей слизью, ухмыляясь при этом гнусно, как гоблин.

Я резко откинул голову назад, и этого оказалось достаточно, чтобы в невесомости тело мое начало вращаться. Я не стал тратить время на то, чтобы прицелиться. Когда мое вращавшееся тело оказалось в таком положении, что дуло ружья вышло на уровень дьявольской, ухмылявшейся рожи, я спустил курок.

Выстрел оказался удачным — он вчистую снес монстру башку. Значит, удача все-таки не совсем от меня отвернулась.

От выстрела меня по инерции резко отбросило назад и снова закрутило. Остановиться удалось, лишь ухватившись за поручни. Сорвав с плеча ружье, я снова рванулся на прежнюю исходную позицию.

Двое оставшихся монстров обо мне, казалось, начисто забыли — они сцепились в смертельной схватке, пустив в ход клыки и когти, пытаясь разодрать друг другу глотки. Кровавые ручьи стекали по их складчатым подбородкам и мгновенно воспламенялись.

Интересно, не могло ли так случиться, что на несколько тварей приходился всего один мозг и достаточно было убить его носителя, чтобы остальные напрочь лишились рассудка?

Что ж, логично — Разуму, организовавшему вторжение пришельцев, вполне хватило бы проявлять свое могущество лишь через одного или двух монстров в каждой группе. По всей видимости, мне удалось отстрелить голову такому носителю. Этот любопытный казус надо обязательно принять к сведению и впоследствии не преминуть им воспользоваться.
Я терпеливо дождался, пока одна безмозглая клыкастая тварь не разделается с другой, а потом наградил победителя честно заработанным призом — прижавшись спиной к стене, от души всадил ему в харю из дробовика неслабый заряд двенадцатого калибра.
Путь освободился, и я вновь отправился по коридору к зоне нормального притяжения. В самом дальнем северном конце уровня я нашел переключатель, открывавший дверь, которая вела на лестницу — к выходу из центральных производственных помещений.
На следующем пролете вертикальной, металлической, решетчатой лестницы компьютерная станция приветствовала меня очередной лужей зеленой жижи. Но теперь это меня особенно не беспокоило — я был готов топать по ядовитой слякоти столько, сколько выдержат ботинки. Мне просто позарез надо было отсюда выбраться! Я припустился бежать без оглядки и остановился лишь тогда, когда сообразил, что псих ненормальный, который проектировал этот уровень, задумал его таким образом, что здесь сколько угодно можно бегать по кругу, точнее говоря, до тех пор, пока бегущий не заметит этого.
Компьютерная станция была построена так, как будто ее строители занимались этим в бреду. Все здесь пошло у меня наперекосяк с самого начала. Знаков Арлин я не находил, хоть и рыскал по закоулкам и тупикам нелепого уровня без передышки. Либо она пошла совершенно другим путем и наши дороги не пересеклись, либо — что более вероятно — ее уже поджидали, когда она спустилась с лестницы, и ей пришлось вступить в бой и сражаться до тех пор, пока не нашлось подходящего укрытия. Самым гнусным во всей этой ситуации было то, что я — насколько мне известно — находился на последнем, самом нижнем уровне подземных сооружений. Но даже если твари утащили Арлин еще ниже, мне все равно любой ценой надо было ее найти… или ее останки. Больше девушке деваться было некуда. В помещениях станции монстров оказалось немного. Парочку я подстрелил в спину — и гордости при этом особо не испытывал, — но в основном мне удавалось избегать нежелательных стычек.
По дороге я нашел две синие магнитные карточки и три желтые, причем одну позаимствовал у «мертвого» зомби. Кто-то или что-то отгрызло ему обе ноги и одну руку; тем не менее в этом куске неживого тела еще теплилась жизнь, и, когда я к нему приблизился, зомби попытался меня укусить, но я оказался не только проворнее, но и безжалостнее. Выбив из этого огрызка оставшиеся мозги, я облегчил его участь и не побрезговал взять себе заткнутую у него за пояс магнитную карточку. А еще я наткнулся на две почти дотла сожженные схемы уровня. Лишь благодаря присущей мне настырности и упрямству я нашел то, что искал, а именно одну из больших, металлических дверей, стоявших между мной и целью моих поисков и настоятельно требовавших, чтобы в их пасть засунули магнитную карточку.
Однако у этой проклятой двери была еще одна специфическая особенность — скрипучий, гнусавый, омерзительный голос, подобный механическому голосу автомата с платной стоянки для автомобилей, который напоминал каждому владельцу машины: «Не забудьте взять вашу квитанцию», — будто все они были лохами из какого-нибудь арканзасского захолустья и представления не имели о том, как парковаться на платных автостоянках. Никакому монстру и в голову бы не пришло создать настолько дурацкое приспособление для того, чтобы вывести вас из себя. Это было подлинное произведение искусства, предназначенное исключительно для того, чтобы давить на психику, и в нем явно прослеживалась печать чисто человеческого идиотизма.
— Здравствуйте, — гнусаво вякнула дверь. — Чтобы выйти с территории компьютерной станции, пожалуйста, вставьте в щель золотую магнитную карточку.
Ну, что ж, я решил, что желтая карточка вполне могла заменить золотую. Я вставил ее в отверстие, и мерзкая дешевка пробубнила:
— Спасибо. Для того, чтобы выйти с территории компьютерной станции, пожалуйста, вставьте в щель синюю магнитную карточку.
Услышав за спиной вопли, доносившиеся из коридора, я подумал о том, что, пока эта дурацкая дверь полоскала мне мозги, о моих намерениях автоматически оказались осведомлены неведомые «охранники». Я всунул в щель синюю карточку, хотя заранее мог предсказать, что после этого

произойдет.
— Спасибо. Для того, чтобы выйти с территории компьютерной станции, пожалуйста, вставьте в щель красную магнитную карточку.
Могу побиться об заклад, что если на этом уровне была такая карточка, то я вполне смог бы сойти за бабуина с красной задницей.
Не для того я пошел в морскую пехоту, чтобы обращать внимание на маразматический бред. Даже с монстрами клыкастыми легче справиться, чем с человеческим идиотизмом! Обойти возникшую проблему, в принципе, было несложно. Когда в последний раз я воспользовался ракетой, ошибка моя состояла в том, что я находился слишком близко от места взрыва. На этот раз я решил отойти от двери на более приличное расстояние и, кроме того, загородиться от взрывной волны лестничным пролетом и колонной.
Я послал в дверь две ракеты одновременно, чтобы быть совершенно уверенным в действенности выстрела. Результат превзошел самые смелые ожидания — он делал честь морской пехоте. Несмотря на страшный грохот, который на этот раз меня не оглушил, все произошло именно так, как было задумано.
Проходя через дымящиеся, искореженные останки железной двери, я испытывал большее удовлетворение, чем когда взорвал бочки с зеленой отравой вместе с комнатой, битком набитой зомби. На этот раз я нанес нешуточный удар подлинному злу — человеческой глупости и тем ее носителям, которые спроектировали столь нелепые сооружения.
С этого момента меня больше не волновали ни магнитные, ни какие бы то ни было другие ключи. Ничто не могло меня теперь остановить. В самом дальнем углу помещений станции, я наконец нашел лифт, который мог вывести меня отсюда — это стало бы наградой за злоключения с дурацкими магнитными карточками.
Шахта лифта оказалась до отказа забитой останками людей и животных, как какая-то дьявольская силосная башня. Не знаю, сколько времени я там стоял, тупо уставившись на кошмарное зрелище. К горлу подкатила тошнота, и в течение нескольких минут меня страшно рвало. Казалось, последние силы оставили меня, все тело, как в лихорадке, била мелкая — дрожь. Несколько минут в голове вертелась только одна мысль: я спустился на самое дно сооружений, прорубленных в скалистой толще Фобоса, чтобы оказаться в тупике! Дальше идти было некуда — единственный путь, по которому я мог вернуться назад, лежал через те же испытания, которые мне пришлось преодолеть при спуске. Я знал, что не смогу снова пройти той же дорогой, но зарывать, как страус, голову в песок тоже не собирался. Если бы снова пришлось повторить все, что я испытал ради спасения Арлин, я сделал бы это без тени сомнений, а потом уповал бы на чудо, которое одно помогло бы ей избежать ловушку, в которую попал я сам.
Мне снова пришло в голову взорвать Фобос к чертовой матери, хотя такой план требовал серьезной подготовки. В любом случае это было бы лучше, чем дать ублюдкам одержать верх над людьми! Тут я заметил, что в полу образовалась кроваво-красная, зловеще мерцавшая дыра — готов поклясться, что еще секунду назад ее там не было. Из омерзительного отверстия исходило дикое зловоние, словно на сковороде поджаривали человеческую плоть. Как-то ночью, когда я стоял в карауле в нашем лагере в Кефиристане, местный террорист бросил бомбу в казарму, где спокойно спали наши ребята. Живьем сгорело тридцать три бойца. Запах, который там стоял, я не смогу забыть до конца своих дней. Через сорок восемь часов после этого меня перевели в роту «Фокс».
Дыра пульсировала в такт биения сердца. Вглубь этой вонючей скважины вели, если можно так выразиться, «ступени» нежно-розового цвета, которые, на первый взгляд, напоминали не то хрящи, не то позвонки, не то еще какие-то влажные куски еще недавно живой плоти.
И без семи пядей во лбу легко понять, что ни одно человеческое существо даже в бредовой горячке не в состоянии до такого додуматься — очевидно это даже для такого непробиваемо тупого идиота, как морской пехотинец. Покорившись неведомой воле, я перекинул через плечо ружье и винтовку, проверил в кобуре автоматический пистолет и стал спускаться вниз по липкой, влажной, упругой лестнице.
Внизу все тонуло в мутном красноватом мареве. Шаткие ступени из чего-то, напоминавшего человеческие внутренности, вели в самый большой из всех коридоров, которые мне довелось видеть на базе. Можно было подумать, что он выбит в скальной толще Фобоса, как и тот проход, по которому я шел на лабораторном уровне, однако здесь казалось, что на стенах выступает испарина, как и на

ступенях лестницы. Затаив дыхание, я подошел ближе к стене и увидел на ней сотни, нет — тысячи небольших отверстий, которые открывались и закрывались в том же самом размеренном ритме, что и красноватая дыра, через которую я сюда попал. Что сказать, этих наблюдений мне хватит на всю оставшуюся жизнь.

И тут — слава небесам — я снова увидел заветные буквы А. С., только значительно большего размера, чем раньше. Даже в самом сердце ада у меня достало сил на то, чтобы подбодрить себя мыслью о том, что я не один. Правда, насвистывать от радости веселую мелодию я не стал, а лишь печально улыбнулся.

Знак, оставленный Арлин, сопровождался грубым изображением черепа со скрещенными костями и стрелкой, указывавшей прямо вперед. Вторая стрелка была направлена на узкую щель в стене, которая в этом месте проходила в обычной скальной породе — такой привычной и знакомой, а не в покрытой ритмично пульсировавшими отвратительными отверстиями. Щель вела наружу, туда, где был выход из кромешного ада. Это место должно было находиться в сотнях метров под поверхностью Фобоса, и тем не менее, сквозь загадочную расщелину я увидел дневной свет. Зрелище было настолько несуразным, что я отказывался верить своим глазам.

По другую сторону трещины было светло, как днем. Интересно, можно ли в нее пролезть? Могла ли это сделать Арлин? Я дотронулся рукой до края трещины и ощутил липкую, свернувшуюся кровь, которая появилась здесь не больше, чем пару часов назад. Господи, Пресвятая дева Мария… У меня в голове проплыло видение: Арлин выбралась отсюда именно в этом месте. Она протискивалась на ту сторону с таким остервенением, что едирала с тела кожу чуть ли не до мяса — но ей было все равно. Ей надо было выбраться; она должна была выскочить наружу во что бы то ни стало и именно в тот момент, потому что через пять секунд могло быть уже поздно.

Это нехитрое умозаключение привело меня к очевидному выводу: Арлин увидела нечто такое, что даже ее привело в неописуемый ужас.

14

Я обалдело уставился на череп со скрещенными костями. Что бы ни ждало меня впереди, оно должно быть настолько страшным, что Арлин предпочла, сдирая до крови кожу, продираться сквозь щель в стене, лишь бы не встречаться с этим лицом к лицу. И все равно она решилась потратить несколько бесценных секунд на то, чтобы предупредить знаком вашего покорного слугу.

К счастью, мне не пришлось разгадывать тайну черепа со скрещенными костями. С меня было достаточно того, что девушка смогла протиснуться в щель.

Откудато из недр уходившего вдаль коридора стали доноситься тяжелые, гулкие, ритмичные удары, как будто где-то в миле впереди неизвестный размеренно бил в огромный барабан. Ну и пусть себе бьет, мелькнуло в голове, лишь бы меня это никак не касалось. Я снял все вооружение, рюкзак с боеприпасами, бронежилет и просунул правую руку, а за ней и плечо в щель.

Дальше дело не пошло. Уперевшись ногами в пол, я попытался наддать, чтобы еще немного протиснуться в проклятую трещину, но уже через несколько минут, ободравшись, понял, что попаду на ту сторону только в том случае, если расчленю себя и по частям перекину. Я задумался. Интересно, а если бы я действительно столкнулся с тем, что поджидало впереди и что, по всей видимости, пришлось увидеть Арлин, не стало бы такое решение оптимальным?

Я сел на пол и в растерянности подпер руками голову. Назвать Арлин трусихой не мог бы никто. Чего же она так испугалась?

Я поднялся и в оцепенении стал натягивать бронежилет. Как говорил кот Мехитабель таракану Арчи: чтозачерт, чтозачерт. А мне-то казалось, я уже прошел все круги ада; ошибся, видно. Хотя, конечно, можно и здесь сидеть сиднем, пока от голода не сдохну.

Я поплелся черепашьим шагом. Меня всего трясло, как в лихорадке, хоть в руке и была зажата заряженная ракетная установка. А что если я нос к носу столкнусь с… а, черт его знает, с чем? Пущу тогда в этот нос поганый ракету и успокою навсегда. Правда, если действительно нос к носу, то ракета неминуемо поджарит и капрала Флая.

Размышления мои прервал старомодный деревянный лифт, перед дверцей которого в стену была вмонтирована такая же старомодная, покрытая ржавчиной кнопка. Но меня уже ничем нельзя было удивить — в таком месте, где существовали лестницы из человеческих внутренностей, вполне уместен

любой музейный экспонат.
Я нажал на кнопку. Лифт неспешно спустился с противным, скрипучим звуком. Ехал себе и ехал — как ни в чем не бывало. А когда остановился, я шагнул в кабину. Что еще мне оставалось делать? Внутри была только одна кнопка, которую я и нажал.
Лифт скрипел и стонал, будто ему сто лет, оповещая стариковским брюзжанием о моем прибытии тех, кто меня поджидал. Я немного похорохорился, прикидывая, в какую руку взять ружье. Наконец лифт остановился, я вышел и… о, Боже! Увидел картину, от которой волосы встали дыбом!
На двух железных тронах восседали громадные, огненно-красные, самые ужасные из всех демонов, которых можно было себе представить. По сравнению с ними остальные монстры казались забавными чудиками из детских мультиков, которые обычно показывают утром по субботам. То были гигантские минотавры с козлиными ногами и свирепого вида витыми рогами, возвышавшимися над плоскими, широкими головами. Их груди и лапищи, казалось, вылеплены из одних мускулов. А ужасные клыки не шли ни в какое сравнение с хилыми зубьями, которые я видел до сих пор у их меньших собратьев. Воистину, это были князья ада…
Они уставились прямо на меня. Глазели себе и глазели — ничего хорошего это не предвещало.
Я замер. Лихорадка усилилась, я трясся, как осиновый лист на ветру. В мозгу пульсировала только одна мысль: уж если решил Господь подвергнуть меня испытаниям, то чашу сию дал испить до самого дна!
Дьявол, сидевший на левом троне, поднялся и возвестил о себе громоподобным рычанием, от которого кровь стыла в жилах.
Ну, давай, Флай, давай же, черт тебя дери! Шевели мозгами, соображай скорее, как ноги унести или из этих тварей дух вышибить. Мне была ненавистна каждая минута каждого дня, проведенного на островах Пэррис, но вместе с тем до одури захотелось поклониться в ноги сержанту Стерну и поцеловать его до блеска начищенные ботинки за каждую секунду тех уроков, которые он мне там преподал. Мысль тщетно рыскала по закоулкам памяти в поисках слов молитвы, но все время натыкалась на одно и то же: «Эй, Иисус…», хоть я и знал — так молитву творить негоже. А ноги тем временем — спасибо сержанту Стерну — двигались в автоматическом режиме.
Не веря собственной способности бегать с такой скоростью, я стрелой метнулся вперед и, со свистом проскочив между заросшими бурой шерстью ногами, оказался в непроглядной тьме за спиной гигантских минотавров! Будь они хоть немного поменьше, я бы точно на ленч им достался.
Справа и слева послышалось уже знакомое утробное кабанье хрюканье. Несся я до тех пор, пока не наткнулся на стену, прилично стукнувшись о нее ногой. Но сейчас на такую ерунду нечего было внимания обращать. Развернувшись и громко выругавшись, я достал из-за спины ружье.
Если этим ублюдочным свиным тварям нужен Флай Таггарт, пусть попробуют его взять… но дешево он им свою шкуру не уступит!
Хрюкающая нечисть брала меня в кольцо; гнусавое сопение и голодное рычание приближались. Что за черт — я ведь, кажется, еще живой. Я поднял ружье и выстрелил прямо перед собой.
Один из хрюкающих демонов взвыл от боли. Ага, значит, в них все-таки можно попасть, и это им явно не нравится! А мне так очень.
Торопился я не зря — стена, вдоль которой я мчался, изгибалась. Завернув за угол, образованный ее изломом, я стукнулся разбитой ногой о бочку с зеленым ядом.
Слабое изумрудное мерцание привлекло мое внимание. Ни секунды не раздумывая, чтобы не тратить времени зря, по ходу дела взвешивая все «за» и «против», я перевернул бочку. Сто двадцать литров склизкой зеленой отравы растеклись по полу. Угол помещения, где я стоял, озарился дьявольским зеленоватым мерцанием. Теперь я мог разглядеть то, что творилось вокруг.
Значительная часть пространства была заставлена бочками с зеленой жижей. Монстров, которые за мной охотились, я так и не увидел — на меня нападали привидения. Оказалось, что привидения и хрюкающие твари — это одно и то же. А вашему покорному слуге Флинну Таггарту никогда не нравилось выступать в роли дичи.
Отвернувшись от пляшущих зеленоватых теней, я вглядывался в темноту, но ничего не мог различить. Вместе с тем я был совершенно уверен, что меня эта мразь не только видела, но и готовилась растерзать.
Я выстрелил. Только не в привидение, а в бочку с токсичными отходами.

Цепная реакция взрывов прогрохотала уже после того, как я ничком распластался на полу. Об остававшихся десяти или двенадцати ракетах я вспомнил слишком поздно. К счастью, пламя взрывов меня не настигло.
Как только едкий дождь ядовитых брызг прекратился, я вскочил. Меня сильно шатало — видимо, повредился вестибулярный аппарат. Чтобы снова не свалиться на пол, я пытался неуклюже балансировать, а дуло ружья плясало из стороны в сторону. Но привидения мои, вроде, сдохли. По крайней мере, снова нападать на меня они не пытались.
Озираясь по сторонам, в рассеянном зеленоватом мерцании мириадов мельчайших капелек светящейся ядовитой жижи, разлетевшихся повсюду, я с удивлением обнаружил, что нахожусь в огромном зале, имевшем форму пятиугольной звезды. В принципе, это не противоречило остальным здешним странностям. Если тут была свастика, составленная из колонн, уходящих в пол, что могло помешать безумному архитектору спроектировать комнату в форме пятиконечной звезды? Увы, моя передышка оказалась слишком краткой: кошмарные князья ада увидели взрыв и уже шли навстречу выяснить, в чем дело.
На этот раз я четко представлял, с чем мне предстоит столкнуться. Независимо от того, что в свое время нам, мальчишкам, пытались внушить монахини, я снова и снова повторял, что столкнулся с иными формами жизни, а не с демонами. Не могли же они и в самом деле быть исчадиями ада! Ведь ад — это всего лишь мифический вымысел.
Я навел ракетную установку на первого князя ада и с сорока метров послал в него заряд. Взрыв отбросил дьявольскую тварь на спину, но минотавр как ни в чем не бывало поднялся на ноги. Я просто глазам своим не мог поверить!
Выпустив в него вторую ракету, я одним движением перезарядил ракетную установку и снова выстрелил. Гигант снова поднялся с пола. К нему подошел его собрат. Такой расклад в мои планы не входил.
Оба чудовища указывали когтистыми лапами в мою сторону. Однако вместо обычных огненных шаров из гнусной слизи эти дьяволы стреляли зеленоватыми сгустками энергии из каких-то приспособлений, укрепленных у них прямо на запястьях. Я успел увернуться от пролетевшего над головой зеленого заряда, но волосы мои при этом встали дыбом. Уж не знаю, насколько их оружие было демоническим, но в его смертельной опасности сомнений у меня не возникло ни на секунду.
Снова настала моя очередь делать ответный ход. В отчаянии я послал в первого князя ада четвертую ракету. Мне показалось, что на этот раз она причинила ему ощутимый вред. Чудовище упало, но как-то чересчур медленно поднялось. Казалось, ему больше не под силу определить, где я нахожусь.
Стрелять во второго минотавра не имело смысла, пока я не определю уязвимое место первого. Да, теперь я был уверен, что к этой парочке название минотавр подходило, и очень точно. Демонами они не были. Одно такое чудовище убил в свое время грек по имени Тесей.
Снова перезарядив установку, я выпустил по монстру пятую ракету и в конце концов достиг цели: враг мой опять повалился навзничь, но на этот раз подняться уже не смог. Однако из тех же непонятных мне побуждений, что и его меньшие омерзительные собратья, он протянул мощную, когтистую лапу и уцепился за козлиную ногу второго князя ада.
Тот попытался освободиться, и я понял, что пора вмешаться мне. С леденящим душу воплем я подскочил к нему, но не настолько близко, чтобы он мог до меня дотянуться своими когтями. Разъяренный минотавр жаждал размазать меня по стенке, но выстрелить из энергетического устройства не догадался — мольбы мои были услышаны. Я подался вперед и направил ракетную установку прямо в огромную, рычащую пасть чудовища. Осталось лишь нажать на спусковой крючок…
О смрадном дыхании адской твари позволю себе умолчать. Минотавр проглотил маленькую ракету так, как будто это была облатка с поливитамином, и его в прямом смысле слова как ветром сдуло. Я стоял от него так близко, что взрывной волной меня отшвырнуло на пол, и на какое-то время я напрочь вырубился, а когда очухался, то безмерно удивился, что жив.
Потерять сознание в подобном месте равносильно тому, чтобы получить бесплатный билет прямиком на тот свет.
Я лежал в том же самом огромном зале в форме пятиконечной звезды, но стены его обрушились, открывая путь наружу. И это меня обеспокоило, потому что, по моим соображениям, снаружи я должен

был мгновенно превратиться в окоченелый труп, неизвестно куда несущийся в открытом космосе.
Однако воздуха мне вполне хватало, а вместо черной пустоты космического пространства я увидеднебо, точнее говоря, заслонявшие его низко нависшие грозовые тучи, гонимые ветром. Где бы я ни находился, на Фобосе такого просто быть не могло — в этом я был уверен на все сто процентов.
Выйдя из развалившегося здания, я наткнулся на платформу с переключателем и нажал на него. Выдвинулась лестница. Чтозачерт, Арчи, чтозачерт… Я стал медленно по ней подниматься.
На самой ее вершине стояли Ворота… действующие Ворота. На них мерцал какой-то символ, но когда я попытался его получше разглядеть, у меня дико заболела голова. Я отвел взгляд и подошел поближе.
Провалиться на месте, если рядом с этим символом не было долгожданного знака Арлин, причем стрелка указывала прямо на символ, от которого так раскалывалась голова. Арлин написала одно единственное слово — ВЫХОД?
Ответить на ее вопрос я не мог, но сомнений у меня не было никаких. Если этим путем прошла Арлин… Значит, и я им должен пройти.
Не оглядываясь, я сделал шаг вперед.

15

Время утратило для Флая Таггарта всякий смысл, как и осознание того факта, что он — Флай Таггарт. Тело свое он не чувствовал, потому что его не было, хотя какие-то отдаленные реминисценции о том, что это не так, будили в сознании неясные отзвуки мыслей, скорее похожих на бессвязные фрагменты забытого сна. Самым сильным оказалось ощущение движения, но к смутным отзвукам неясных воспоминаний о теле оно не имело ровным счетом никакого отношения.
Вспоминалась рука, творящая другую руку, возникало ощущение ноги, причем оно было болезненным, поскольку он где-то ушиб колено. Чувство боли в пояснице вызывало неясное воспоминание о плоти и крови, которые некогда были его спиной.
Точно так же память о дыхании напоминала о легких. Возникавшее при этом ощущение почему-то ассоциировалось с жаркими летними днями на берегу моря и каплями пота, выступавшими на лбу.
Потом почудилось, что тело парит в жарких потоках воздуха, постепенно становившихся прохладными; головокружение оттого, что он парил вниз головой, вызывало тошноту и воспоминания о желудке. Падение было недолгим; сначала он ободрал колени о твердую металлическую поверхность, а потом о нее же ударился головой. Воздух вокруг обдал холодом.
Он мигнул и вспомнил о том, что болела голова. Кроме гонявшихся друг за другом в непроглядной темноте красных и белых пятен он ничего не видел. При мысли о том, что это слепота, его охватила паника, но зрение стало понемногу возвращаться, хотя ничего подходящего, на что стоило бы смотреть, поблизости не оказалось.
Свет был тусклым. Ему снова захотелось вдохнуть свежий воздух полной грудью, как тогда, когда он решился вступить на платформу. Он так долго дышал спертым воздухом летевшего на Марс космического корабля, марсианской базы и помещений, расположенных в толще скальных пород Фобоса, что почти забыл, что это такое — полной грудью вдыхать свежий воздух. Даже если воздух не был настоящим, ему все равно хотелось снова испытать это чувство. Но, наполнив до отказа легкие, он ощутил запах гнилых лимонов, который был ему знаком с того момента, как он убил первого зомби. Он снова почувствовал себя человеком, но возвращаться в ад ему совсем не хотелось. Ведь он куда-то переместился с помощью неведомой силы! Морского пехотинца не покидала мысль, что он перенесся куда-то очень далеко, чтобы оказаться в…
Я даже отдаленного представления не имел, куда меня занесло. Инстинктивным движением потянулся к поясу за автоматическим пистолетом, который проще и быстрее всего пустить в ход. Рука уперлась в нагое тело. Грудь не была прикрыта абсолютно ничем. Вытянув шею, я обнаружил, что совершенно голый.
Господи, Пресвятая дева Мария! Вместе с одеждой я лишился и оружия —дробовика, винтовки «Сиг-Кау» и ракетной установки, которые досталось мне с таким трудом!
То, что во время этого странного путешествия я лишился одежды, особенно меня не беспокоило, разве что холоднее стало, потому что температура здесь была ниже, чем там, откуда я переместился. Но мне совсем не светило стать дохлым куском мяса лишь потому, что я без оружия — голому и безоружному человеку непросто защищать свою жизнь.

Не теряя ни секунды, я осмотрелся — разведка была сейчас жизненно необходима. Если где-то поблизости притаились монстры, следовало любым путем и как можно скорее раздобыть хоть какое-нибудь оружие. Запах тухлых лимонов явственно свидетельствовал о том, что рядом, в неясной дымке рассеянного света, прятались зомби. Хоть я прошел в створку Ворот в чем мать родила, дышалось, по крайней мере, легко. Мне очень хотелось, чтоб и дальше так продолжалось.

Сила притяжения была здесь такая же, как на Земле. Когда глаза привыкли к тусклому освещению, я обнаружил, что нахожусь в удлиненном прямоугольном здании. Поскольку до этого путешествия у меня был опыт выхода «наружу», возвращаться снова в бесконечные коридоры и переходы кошмарного лабиринта совсем не хотелось. Такая перспектива, пожалуй, импонировала мне еще меньше, чем схватки с монстрами.

Внезапно промозглая прохлада сменилась сильным холодом. Полное отсутствие одежды становилась серьезной проблемой. Несмотря на то, что в последнее время я познакомился со многими отвратительными способами умерщвления бренной плоти, перспектива замерзнуть до смерти совсем не прельщала.

Ощутив прилив адреналина — единственного стимулятора, который был в моем распоряжении, — я бросился в том направлении, которое, с моей точки зрения, было наиболее многообещающим: в мутном мареве прямо по курсу пульсировало красное мерцание. Шорох моих босых ног по металлическому полу отдавался в ушах почти так же гулко, как прежде топот форменных ботинок.

Если здесь дела обстояли так же, как в лабиринтах, я бы предпочел сейчас наткнуться на зомби! Живого или дохлого — все равно. Лишь бы при нем было оружие, заполучив которое, мне было бы гораздо легче разбираться хоть с клыкастыми монстрами, хоть с привидениями.

Вскоре я нашел источник красного света: вся стена излучала пурпурное сияние. Внизу ее было прорезано отверстие в форме перевернутого креста достаточно большого размера, чтобы воспользоваться им как выходом. Рядом на полу стояла квадратная платформа такого же пурпурного цвета. Крест в таком месте показался мне богохульством — вроде как получалось, что любое существо, прошедшее сквозь крестообразную дыру, осенялось крестным знамением. Меня охватило тихое бешенство. Кто бы или что бы ни стояло за всем этим, оно было очень неплохо осведомлено о тех чертах человеческой психики, которые я недолюбливал. Пройдя через крестообразный выход в багровой стене цвета кагора, раздаваемого в церкви причащающимся прихожанам, или крови павших товарищей, я почувствовал себя подавленным и опустошенным, меня обдало ледяным холодом.

Но мысль о друзьях, погибших в бою, пришла мне в голову как нельзя более своевременно. Оказавшись по другую сторону стены, я увидел тело техника Объединенной аэрокосмической корпорации в смертельных тисках бойца моей бывшей роты «Фокс» Ордовера, которого я не смог бы забыть ни при каких обстоятельствах.

Он был самым молодым пареньком в нашем подразделении. Иногда мы немилосердно над ним измывались. Он был фанатично предан морской пехоте, и вывести его из равновесия ничего не стоило. Вглядываясь в останки рядового, к которому в свое время я испытывал самые дружеские чувства и мальчишеские черты которого не смогла исковеркать даже смерть, мне стало жаль, что несколько раз я самолично помогал ему накачаться до состояния риз.

С горечью вспомнил я и о том, что Джонни в такие минуты очень любил петь старинные баллады, хоть страшно фальшивил, потому что ему медведь на ухо наступил. Нас всех это очень веселило.

— Прости, милый, — пробормотал я, стоя над трупом и чувствуя некоторое удовлетворение от того, что смерть бывшего однополчанина была нормальной: в зомби его переделать не успели.

Теперь настала очередь Джонни снабдить Флая Таггарта оружием. Паренек лежал поверх «Сиг-Кау» с магазином, в котором было пятьдесят пуль. Благодаря ему я теперь, хоть и в чем мать родила, мог снова вступать в игру.

Когда я повнимательнее разглядел помещение, в котором находился, мне показалось, что я попал на огромный склад. На повсюду разбросанных больших коробках было написано, что принадлежат они Объединенной аэрокосмической корпорации. Невдалеке светился докрасна раскаленный квадрат, испускавший странное тепло. Какое-то время я опасался к нему подходить, но был рад, что помещение с его помощью обогревается.

Уже привыкнув следовать по стопам Арлин, я принялся искать ее знаки, а заодно и оружие, еду, воду,

исправный радиоприемник. Мое внимание было настолько сосредоточено на поисках, что я чуть было не проглядел притаившихся невдалеке зомби.
Пока они теряли время на озверелый рев, вызванный моим появлением, я скинул с плеча винтовку и, выстрелив, попал прямо в точку — голова ближайшего зомби взорвалась, как переспелый арбуз. Это меня насторожило: пуля-то была обычной, а не разрывной! Значит, зомби и впрямь здорово перезрел.
Следующий живой мертвец реагировал как положено — пуля проделала в его голове обычную дырку, и он, забившись в судорогах, рухнул на пол. Но в это время я уже всадил следующую пулю в башку третьего зомби и стал отстреливать остальных, выпуская в них по два-три заряда. Скоро я сбился со счета, укладывая их одного за другим. Хоть некоторые из мертвяков были вооружены, выстрелить они не успели.
Все получалось подозрительно легко. До тех пор, пока с противоположной стороны кто-то не стал палить по мне, и не в шутку. Взглянув туда, я увидел коричневых клыкастых монстров, обладавших странной способностью метать огненные шары, как будто они были подающими в бейсбольной команде дьявола.
Легкость, с которой я расправлялся с зомби, притупила мою бдительность. Первый огненный смерч пронесся слишком близко от моего лица и шеи. Огонь, жаркий, как в преисподней, обжег кожу, подобно напалму. Это напомнило мне о том, что я голый, а потому тело мое более чем уязвимая мишень.
С натянутыми до предела нервами, дико рыча, под стать князьям ада, я налетел на ближайшего монстра и всадил в него штык. Лезвие раскроило мощную шею, как дыню, и демон, истекая густой, рубинового цвета кровью, повалился на пол.
Но хоть я и всадил ему штык прямо в глотку, из которой, пульсируя, била кровища, он протянул ко мне свою когтистую лапу. Поднажав на приклад винтовки так, что даже крякнул от напряжения, я что было сил резко провернул штык в ране и рассек часть шеи — голова мерзкой твари неестественно вывернулась вбок. Чтобы ее отсечь полностью, надо было еще немного потрудиться, но заниматься этим мне было некогда: чудовище больше не представляло опасности. Да и штыку предстояло еще много работать.
Пока я вырубал монстра, опалившего мне кожу огненным шаром, вокруг столпились зомби. Клыкастые демоны копошились около самой странной из всех виденных мною до сих пор стен — в ней, как изюм в пироге, были понатыканы человеческие черепа.
Ко мне подскочила худая женщина-зомби, за ней — полный мужчина и наконец — бывший рядовой морской пехоты. Расправляться с ними пришлось с помощью штыка, потому что стрелять с такого расстояния просто невозможно.
Я вертелся, как угорелый, резал и колол, выкрикивая все известные мне проклятья — так я их убивал! Все смешалось — чувства, запахи, кровь, бившая из их ран, и кровь, бурлившая в моих жилах. Я оказался в мире крови. Часть ее, должно быть, была моей, но такие мелочи меня сейчас не очень волновали.
В конце концов остался лишь один зомби. Я узнал его лицо, но легче мне от этого не стало, наоборот, только еще сильнее выбило из колеи. Оно было добрым, честным и вместе с тем суровым, как у человека, охранявшего границу.
То был капрал Райан. Мертвые глаза существа, некогда мной очень уважаемого, требовали не просто убить — но стереть его в прах, чтоб и следов не осталось.
Я наколол капрала на штык, но он, даже превращенный в зомби, все равно казался вылепленным из другого теста, чем остальные. Подавшись вперед, мой противник схватил меня за плечи руками с грязными, длинными ногтями, несмотря на то, что из него торчал винтовочный штык! Он был гораздо сильнее не только остальных зомби, но и меня превосходил своей мощью.
Слава Богу, я знал Райана лучше, чем его собственный реанимированный труп. Капрал всегда носил в прикрепленной сзади кобуре запасной десятимиллиметровый пистолет. Я потянул руку к его спине — пистолет был на месте! Я выхватил его, вставил в рот Райана и спустил курок.
Мертвая хватка бывшего однополчанина ослабла в тот самый момент, когда из открытой раны хлынул фонтан крови. Я поскользнулся в кровавой луже и упал на пол, ставший таким скользким, что я с трудом поднялся. В руках у зомби были стволы, значит, они должны были ими пользоваться. И еще: если бы в них оставалась хоть искра человеческого разума, они бы, конечно, помнили о

дополнительном оружии, как у Райана.
Ноги скользили, не давая сосредоточиться. И тут я понял, что всхлипываю. Поскольку еще раньше я дал себе зарок держать чувства на замке, мне показалось, что я предал сам себя. Но теперь у меня, по крайней мере, был пистолет.
Наконец я обрел равновесие и с отвращением сообразил, что подлинная причина сдавливающих горло рыданий то, что я временно оказался без врагов. Все зомби дважды мертвы, а монстры, ошивавшиеся у стенки с черепами, смылись. Ощущение было такое, будто меня в самый интересный момент оторвали от женщины — ей-Богу, такое отвратительное чувство я испытал. Так что у меня была достаточно веская причина реветь, что дитя малое.
— Ну-ка, быстро возьми себя в руки, — приказал я себе. — Шутки в сторону. Хватит хныкать — пора браться за дело! Но почему-то подчиняться приказу желания не возникло.
— А, пошли бы все к чертовой матери! — крикнул я на всю Вселенную. — Сколько же еще раз — чтоб всем пусто было — мне эту бодягу кровавую пережевывать?
Вопрос я задал по существу, только отвечать на него было некому. В отчаянии я пнул дохлого зомби в голову, срывая на нем злость за то, что он вовремя ушел от разговора.
Зомби, однако, не были здесь единственными неодушевленными существами. Я нашел еще металлический ящичек, вскрыл его и забросил на консоль. Шкатулка стукнулась о выступ стены с таким грохотом, который я никак не ожидал услышать. Будто я разбил стекло или что-то подобное. Как оказалось, вспышка гнева имела и положительные последствия. Когда лесной пожар, бушевавший в мозгу, утих до уровня обычной бредовой горячки, я поклялся никогда больше не сетовать на то, что удача обходит меня стороной.
Ударившись о консоль, железный ящичек нажал на потайной механизм, и в стене открылась ниша. Я бросился к ней в надежде найти оружие, но вместо него обнаружил компьютерную дискету, имевшую сходство с магнитными карточками, которые я поклялся никогда не применять, если под рукой есть заряженная ракетная установка. Только теперь ни ее, ни ракет у меня не было. Я взял полупрозрачный, голубоватый диск — не оставлять же хорошую вещицу… Хотя зачем он мог мне понадобиться?
Отличный же видок у меня был: в одной руке — винтовка, в другой — пистолет, а компьютерный диск зажат в зубах. Никогда бы раньше не подумал, сколько возникает проблем из-за отсутствия карманов.
А почему бы, собственно, не заняться мародерством и не снять с какого-нибудь трупа одежду? Жаль, что мозги работали далеко не так, как хотелось бы.
Мне было совершенно безразлично, в каком направлении двигаться, поэтому я решил вернуться туда, откуда пришел. Теперь, когда неистовство боя осталось позади, мне снова стало холодно. Красная квадратная платформа, являвшаяся единственным источником тепла, влекла к себе так же сильно, как камин с пылающими поленьями в промозглую ночь. Я взбодрился, когда исходивший от нее жар согрел мое уже почти окоченевшее тело.
Потом, как и многие другие идиоты, совершавшие на протяжении истории человечества безумные поступки под воздействием дурацкого вопроса: «А почему бы и нет?», — я сделал произвольное движение — протянул руки к теплу платформы и стал потирать их друг о друга.
В то же мгновение прямо перед моим лицом взорвались мириады ослепительных искр.
Я долго тер глаза, моргал, а когда зрение наконец восстановилось и я снова увидел окружающий мир, до меня дошло, что помещение другое.
У меня от удивления челюсть отвисла. «Ну, Флай, ты даешь! — подумал я. — Сдается, ты нашел телепорт!»
Красная квадратная платформа оказалась именно той «телепортирующей» площадкой, о которых мне довелось слышать, когда роту «Фокс» отправляли на Марс. Она, как и говорили, была ровно такого размера, чтобы мог уместиться один человек… если, конечно, он искал приключений на свою голову.
Что же до меня, то я — кстати, как и сержант Гофорт — весьма скептически относился к экспериментам. Если бы я попал в западню к троллям и у меня кончились боеприпасы, может быть, я и решился бы на такой шаг, однако в любой другой ситуации вряд ли поддался бы искушению отправиться не пойми куда.
Телепортирующие площадки уже были на спутниках Марса, когда там появились люди. Их построили, скорее всего, тогда же, когда Ворота и установки для искусственного притяжения. Практичные ребята,

занимавшиеся строительством базы по добыче и переработке полезных ископаемых, включили премудрые диковинки в свой проект — сотрудники Объединенной аэрокосмической корпорации использовали площадки для транспортировки тяжелых слитков и оборудования. Не думаю, чтобы ими часто пользовались сами люди — в большинстве своем они слишком уж пеклись о таких призрачных и абстрактных понятиях, как душа, непрерывность потока сознания и других подобного рода материях.
Капрал Флай Таггарт решился проигнорировать философские дискуссии и метафизическую белиберду, чтобы на собственной шкуре испытать, что это такое!
Пока я разглядывал новую обстановку, из-за угла вывалилась толпа зомби. Первый из них выстрелил — пуля пробила мне плечо, и в тот же миг одновременно несколько мыслей промелькнуло в моей голове. Прежде всего, свалившись на пол, я подумал о том, что надо бы воздать по заслугам беспечному болвану, который запустил телепорт, ткнув лапой туда, куда тыкать вовсе не следовало. А когда я перевернулся на спину, меня посетило второе, более ироничное соображение: а ведь совсем недавно я чувствовал себя почти несчастным, потому что перебил всех зомби. И уже только когда — оглушенный и ошеломленный — я смог сесть, до сознания дошло, что я ранен!
Дотянуться до «Сиг-Кау» я не мог — она осталась где-то валяться вместе с компьютерной дискетой, а потому пришлось открыть огонь из пистолета.
Каменная конструкция рядом послужила неплохим укрытием. Зомби были слишком тупыми, чтобы последовать моему примеру и спрятаться — они чем-то напоминали мне армейских новобранцев.
Ну что ж, я от их тупости только выиграл — целился и стрелял, стрелял и целился. Пули свистели — кровь хлестала. Я отстреливал их одного за другим, а последнего убил выстрелом в упор.
На этот раз жалеть о том, что избавился от зомби, я не стал. Рана отнюдь не улучшила самочувствия — шатало меня, как пьяного. Ничего в тот момент я так не желал, как лечь в теплую, уютную лужу крови и навсегда в ней уснуть.
К самоубийству это не имело абсолютно никакого отношения — сон мне действительно был необходим. Отдых казался запредельной роскошью.
С трудом заставив мышцы работать, я поднялся.

16

Теперь я, должно быть, мало чем по виду отличался от зомби, да и чувствовал себя, пожалуй, так же. Хотя, честно говоря, даже отдаленного представления не имел о том, как нормальный человек переходит в мертвяцкое состояние. Процесс этот мне наблюдать не приходилось. Разговорчивый монстр в свое время намекнул, что мог контролировать зомби, но об источнике, из которого они брались, не сказал ни слова. А о том, что меня не превратят в зомби, если сдамся, наверняка наврал.
А, может, люди вот так и превращались в зомби, ведя непрерывную войну против всех, которая и доводила их до помешательства? Разве уверенность в том, что вокруг враги, не является самым верным признаком сумасшествия? А ведь я именно так и существовал с того самого момента, когда расстался с двумя Ронами и отправился на базу Фобоса. Да и сейчас — где бы я ни находился — положение, в сущности, не менялось.
Повернув за угол, я наткнулся на картину, которая отнюдь не способствовала тому, чтобы разуверить человека в том, что он окончательно свихнулся. Сквозь пустые глазницы на меня в упор уставился гигантский череп размером в половину роста взрослого человека. Казалось, он сделан из латуни. Я, как завороженный, не мог отвести глаз от пустых глазниц и лишь спустя некоторое время перевел их ниже. У этого огромного металлического черепа из дыры, зиявшей на месте рта, торчал язык — извивающийся, как змея, нелепый металлический язык.
Глядя на эту штуковину, я понимал — череп никак не является частью стандартного оборудования Объединенной аэрокосмической корпорации для добычи редкоземельных металлов!
Язык, вне всяких сомнений, не что иное, как рычаг.
«Противостоять такому искушению невозможно», — сказал я себе, потому что с рождения обожал дергать за все, за что можно и нельзя.
Если я уже умер и оказался в аду, вряд ли вообще имело значение, что случится, коснись я столь соблазнительного рычага. Природного любопытства я еще, слава Богу, не утратил.
А если я пока жив и стремлюсь спасти человечество от угрозы вторжения враждебной внеземной цивилизации, любопытство тем паче вполне обоснованное. Словом, потянуть за рычаг следовало в

любом случае.
Прикоснувшись к языку замерзшей рукой, я ощутил гораздо более нестерпимый холод и услышал резкий, скрежещущий, металлический звук, как будто оказался на заброшенных автомобильных заводах в Детройте. Как только раздался этот дребезжащий скрежет, из одного из ящиков, валявшихся на полу, вылезла очередная парочка металлических черепушек с языками-рычагами! Я потянул язык второго черепа и услышал щелчок в стене, перед которой стоял.
Подойдя поближе, я увидел, как в ней вспыхнул свет, вытянувшийся в линию, потом — другую, третью, и так до тех пор, пока желтые световые полосы не сложились в правильной формы квадрат, обозначивший контуры очередной двери в неизвестность. Прежние потайные двери сразу же потеряли для меня былую привлекательность. Если светящийся квадрат предназначался для того, чтобы улучшить мое мнение об этом месте, ему не помешало бы предложить кое-что поинтереснее обычного набора монстров. Мощным рывком я распахнул светящуюся дверь.
В проеме стояла окровавленная, обнаженная фигура с пистолетом, направленным мне прямо в лицо. Рефлекторным движением я выхватил пушку и упер ее промеж глаз противника.
— БРОСЬ ПИСТОЛЕТ!
— БРОСЬ СВОЮ ЧЕРТОВУ ПУШКУ!
— ОПУСТИ ЕГО ИЛИ, БОГОМ КЛЯНУСЬ, ВЫШИБУ ТВОИ ДУРАЦКИЕ МОЗГИ…
— …МЕДЛЕННО, ЧТОБ Я ВИДЕЛ, ПОДНИМИ РУКИ ВВЕРХ…
— …И НЕ ДВИГАЙСЯ ИЛИ…
— …ЛЕЧЬ НА ЗЕМЛЮ! БЫСТРО ЛЕЧЬ НА ЗЕМЛЮ! ДАВАЙ, ПОШЕВЕЛИВАЙСЯ!
Господи, это были ее глаза. Ее живой взгляд. И она говорила… словами. Мы стояли лицом к лицу, наставив друг на друга пистолеты, а в глазах светились страх, удивление и надежда. Неужели это правда? Неужели это все-таки произошло? Неужели это она? Взгляды говорили громче, чем могли бы звучать голоса, слишком слабые, чтобы передать нашу боль, гнев и отчаянную потребность вновь обрести друг друга.
Курок пистолета был взведен, но палец лежал не на спусковом крючке, а на обрамлявшей его металлической дужке. Я еще только начал подозревать, начал надеяться…
Что-то щелкнуло в мозгу, как будто монетка со звоном упала на каменный пол.
Мечта стала реальностью — если то, что я видел и слышал, действительно было правдой в этом мире, полном: кошмаров. Прямо передо мной находилась живая причина того, что заставило меня пройти сквозь немыслимые испытания вплоть до этого самого места и не сдаться; она тяжело дышала прямо мне в лицо, пристально наблюдая за каждым движением, готовая в любой момент выпустить мне в голову половину обоймы.
Так хотелось произнести ее имя, но я не мог. Нас обоих сковала столбнячная немота. Первой поборола ее она.
— Опусти свою чертову пушку!
Требование явно исходило от человека, который не верил ничему, кроме удостоверения личности с фотографиями в фас и в профиль — а такое могло иметь смысл только на Земле! Должно быть, ей нелегко сейчас приходилось — ведь в отношениях с друзьями она всегда руководствовалась врожденным чувством собственного достоинства. И на Марс ей попасть было труднее, чем остальным. А в результате страха она нахлебалась по самое горло.
Но, тем не менее, смогла выжить, как и я, черпавший силы в оставляемых ею инициалах А.С. и указывающих путь стрелках. Я тешил себя мыслью о том, что в жутчайших передрягах ей тоже помогала держаться мысль обо мне — чем иначе можно объяснить эти знаки — наш личный код?
Теперь, однако, на эмоции времени не было — и ей, и мне годилась только стопроцентная определенность.
— Если ты сию же секунду не уберешь пушку — станешь покойником.
Будь что будет. Рука слишком устала и затекла, чтобы поддаться на угрозы; тело одеревенело и утратило способность к молниеносной реакции. Как, вероятно, и ее тело, если она была на самом деле Арлин. Единственной причиной того, что я машинально не разрядил в нее обойму, было время, которое я провел в молитвах о том, чтобы она выжила, и отчаянное желание поверить в то, что она не превратилась в зомби. Кроме того, еще ни один из встречавшихся мне зомби не проронил ни слова. Не

говоря о том, что даже на самом задрипанном из них не было столько грязи и кровоподтеков. Только самый что ни на есть нормальный человек мог оказаться в таком жалком состоянии!
— Арлин, дурочка ты моя дорогая! — воскликнул я. — Считай, что я выкинул пушку, как только открыл эту чертову дверь.
Зомби слабо так разговаривать. Когда до них что-то доходит, они не шутят, не улыбаются, и вообще на их бесстрастных рожах не отражается никаких чувств. Арлин улыбнулась мне в ответ, и я понял, что у нас все будет в порядке.
— Ты бы, амбал, хоть палец держал на крючке. Я могла тебе башку снести. Крутился тут как слепой щенок…
Она была раненая, растрепанная, грязная, до смерти напуганная, совершенно обнаженная… и потрясающе, удивительно живая.
— Надо же, уцелела-таки! — вырвалось у меня.
— А ты сомневался? — с вызовом откликнулась Арлин.
Мы медленно и синхронно, подобно зеркальным отражениям, как по команде, опустили оружие, не переставая улыбаться.
Потом взгляд Арлин скользнул по моему телу, и она с сарказмом заметила:
— Одет ну прямо по последней моде.
Я вспомнил, что стою перед девушкой в чем мать родила, и от смущения механически прикрыл срам рукой.
Этот жест лишний раз доказывал, что ничто человеческое мне не чуждо. Очень сомневаюсь, чтобы зомби страдали избытком скромности.
— Тогда и ты повернись ко мне спиной, — взмолился я.
— И не подумаю, — бесстрастно заявила Арлин, не сводя глаз именно с того места, на которое смотреть ей должна была бы помешать скромность. — Ты — первое приличное зрелище, которое я увидела с того момента, как начался этот идиотский спектакль.
Я подумал, что если мы и дальше будем так базарить, обстановка нормализуется до такой степени, что все монстры быстренько упакуют чемоданы и по-тихому уберутся восвояси.
Когда Арлин хотела добиться своего, она кого угодно могла достать. Чтоб не нарываться на лишние неприятности, я решил одеться, для чего, обозрев валявшиеся кругом трупы, снял с одного из них шмотки. Арлин протянула руку.
— Нет, Флай, прошу тебя, пожалуйста, побудь так еще чуть-чуть, не напяливай эти тряпки.
Но я уже влезал правой ногой в ботинок, который был мне размеров на пять мал. Тем не менее, когда я всунул ногу до конца, ботинок растянулся настолько, что я почувствовал себя в нем вполне прилично — хорошая это штука безразмерная одежда и обувь. Арлин зарделась как маков цвет.
— Ты уж прости меня, Флай. У меня как-то из головы вылетело, что мы с тобой — закадычные друзья. Не стоило тебя так в краску вгонять. Ты на меня не сердишься?
Я кончил одеваться, много времени это не заняло. Теперь настала моя очередь оглядеть Арлин с головы до ног, но я постарался сделать это более целомудренно, чем она. Те места, на которых она бесцеремонно останавливала взгляд, я лишь застенчиво пробегал глазами. Господи, до чего же все-таки она была красива! Грязь и кровь, в которых она перемазалась, создавали впечатление, что на ней невообразимо хиповый костюм. Осиная талия, крепкие, подтянутые бедра, средней величины грудь и слегка удлиненные руки заставили меня подумать о том, что это тело идеально соответствовало требованиям, предъявляемым к орбитальным пилотам — стать одним из них было заветной мечтой Арлин, и осуществить свою задумку она собиралась, заработав на военной службе достаточно денег, чтобы выучиться на космонавта.
Наверное, именно в этот момент Арлин вспомнила, что к полетам в космос допускают только морально безупречных, потому что неожиданно последовала моему примеру. Пока она натягивала вещи дохлого зомби, я за ней исподтишка подглядывал. Лучшее качество такой одежды то, что она плотно облегает каждый извив тела, а потому одетая Арлин выглядела ничуть не хуже обнаженной.
После тщетных потуг придумать какие-нибудь соответствующие моменту слова я хмыкнул, слегка хлопнул девушку по плечу и с улыбкой объявил:
— Вот теперь я тебя прощаю!

Улыбка, правда, не задержалась на моем лице. Я совершенно забыл о пулевом ранении. Волнение от встречи с боевой подругой пошло на убыль, и боль в плече все явственнее стала заявлять о себе.
— Не слабо тебя царапнуло, — заметила Арлин. — Надо здесь получше пошарить — может, на аптечку какую наткнемся. Сможешь спокойно постоять, пока я над твоим плечом поколдую? Заодно расскажешь, каким ветром тебя в этот ад занесло.
— Дельное предложение, — кивнул я. — Но только после того, как ты мне поведаешь, что произошло с тобой, А.С. С тобой и со всей нашей ротой. И еще — о том, какого лешего ты в этом стенном шкафу забыла.
Но Арлин настояла на своем. И я рассказал обо всем, что со мной произошло после расставания с обоими Ронами на ракетной базе. Арлин пришлось пройти через то же самое; перечислять, сколько тварей при этом она перебила, было лишним. Я сам без труда закончил бы любую начатую ею фразу.
Я описал свои злоключения, в душе надеясь, что не слишком занудничаю, а потом, мягко ступая подошвами новых ботинок по холодному, каменному полу, мы побрели искать медикаменты.
— Проще справиться с дюжиной зомби, чем с одним пришельцем-монстром, — говорил я Арлин, когда она отворяла очередную дверь.
Распахнувшись, дверь ударила по стоявшим внутри помещения ружьям, и они со стуком попадали на пол. К счастью, ни одно не было заряжено.
Я поглядел на разбросанное оружие и, скорчив самую злую свою гримасу, спросил:
— Какого черта ты в своих хоромах порядок навести не можешь?
Широко раскрыв от удивления глаза, Арлин подняла одно ружье и протянула мне. Потом взяла себе другое. Мне было очень жаль оставлять здесь столько оружия. Но вместе у нас было только четыре руки. А кроме того, позарез хотелось найти аптечку — плечо горело, как в огне. Не говоря уже о том, что подруга моя просто умирала от голода.
Ох, как мне хотелось вызволить из этой дьявольской дыры мою дорогую девочку. Я готов был даже по электронной почте на Марс ее отправить, а еще лучше — сразу на Землю.
— Давай-ка, сосредоточься, — сказал я, — и бери, что видишь, на заметку.
— На заметку?
— Придется обо всем дать полный отчет, как только вернемся назад. Этот гадюшник поганый нужно так разделать, чтоб от него камня на камне не осталось.
Арлин устало улыбнулась.
— А ты такой умный, что знаешь, как нам отсюда выбраться?
— Я оставил у входа на базу маленький вездеход. Мы сможем добраться на нем до корабля и улететь обратно на Марс. Или даже сразу на Землю… В принципе, такое вполне возможно.
Арлин озиралась по сторонам с таким видом, будто ее очень интересовала здешняя архитектура, которая, надо отдать ей должное, и впрямь захватывала воображение — ни одна деталь не выглядела нормальной. Поверхность стен грубая, неровная, омерзительного розоватого цвета, напоминавшего внутренности. Всюду, куда ни бросишь взгляд, мерещились черепа, морды монстров и разлагающиеся трупы.
Арлин вежливо прокашлялась.
— Твой план, наверное, очень неплох, но существуют два обстоятельства. Вопервых, милый, мы уже не на Фобосе.
— Не понял.
— Мы на Деймосе, где нет ни вездеходов, ни ракет. А корабли, которые на этом марсианском спутнике когда-то были, вывезли отсюда людей еще четыре года назад. Флай, мы здорово здесь застряли, причем неизвестно даже, где это «здесь» находится!
Я, должно быть, выглядел полным идиотом, потому что Арлин настоятельно сказала:
— Ну-ка, напрягись, Флай, постарайся припомнить, когда Деймос исчез со всех экранов?
— Я что-то не в курсе. И вообще, что за околесицу ты несешь?
— Не гони волну, дорогой. Тебя, видно, уже под стражу отдали, когда от Бойда пришло сообщение о том, что Деймос исчез с орбиты.
— И что, были гравитационные эффекты? — спросил я. Арлин звонко рассмеялась и ответила вопросом на вопрос:

— Шутки шутить изволишь? Или забыл, насколько Деймос мал? Он еще меньше, чем Фобос.
— Знаю.
Эти обломки космических скал и впрямь были настолько малы, что их реальная сила притяжения была чисто теоретической, совершенно несопоставимой с уровнем гравитации в зонах, созданных пришельцами. Хоть в последнее время я и стал уже привыкать ко всякой фантастической чертовщине, остававшаяся во мне доля здравого скептицизма мешала поверить в абсурд.
— Откуда ты знаешь, что мы на Деймосе?
— Потому что я уже была здесь раньше, Флай. Перед тем, как попасть в нашу роту, я проходила практику штабной работы на Деймосе.
— Штабной работы? Но ведь в морской пехоте нет штабных должностей — морских пехотинцев готовят только к боевым действиям.
— Правильно. Меня посылали по линии ВМС. Боец на секретарской работе.
Эту информацию надо было переварить. Ничего хорошего новость не сулила. Да и представить Арлин Сандерс в роли секретаря было совсем не просто.
Я посмотрел наверх. Сквозь потолок виднелось небо, но там, где полагалось быть Марсу, зияла пустота. В небе Деймоса не было ни одной звезды, даже обычная чернота космоса куда-то пропала. Лишь серое марево — странная дымка, не имевшая ничего общего с облаками.
— Значит, получается, что мы соскочили с марсианской орбиты?
Арлин усмехнулась и ласково взъерошила мне волосы рукой.
— Прими поздравления, Флай. За такой вывод тебе надо бы Нобелевскую премию дать. Но ведь ты не видишь здесь купола, под которым поддерживается нормальное давление. И, тем не менее, мы дышим нормальным воздухом. Да, я уверена, что мы на Деймосе — все эти конструкции, о которых еще Лавкрафт писал, ни с чем невозможно спутать.
Интересно, кем был этот Лавкрафт. Если он имел хоть какое-то отношение к тому, что с нами произошло, я бы ему с удовольствием двинул по челюсти.
— Не бери в голову, — добавила Арлин, будто прочла мои мысли. — Лавкрафт — это писатель-фантаст, жил в Америке в начале двадцатого века. Он просто помешался на монстрах и подземных лабиринтах и во всех деталях описывал опасности, подстерегавшие человечество, называя их «жуть».
Никогда раньше мне не доводилось слышать это слово в таком контексте, хоть прозвучало оно в устах Арлин авторитетно и внушительно.
— В нашей ситуации, я бы сказал, что мы в этой жути по самые уши увязли.
— Не стану спорить, — согласилась Арлин. — Но то, что мы на Деймосе, парень, это точно; однако главная проблема сейчас заключается в том, что эти твари его куда-то умудрились перенести.
— Просто замечательно. А вторая новость какая? Арлин выглядела озадаченной, потом нахмурила брови.
— Мне бы не хотелось тебя расстраивать.
Я облизнул пересохшие губы, чувствуя в животе неприятную пустоту. Мне всегда не нравилось, когда такое говорили девушки.
— Так в чем, собственно, дело-то?
— Ты, друг мой, всегда был больше предан морской пехоте, чем я.
Напряжение возросло.
— Причем здесь морская пехота? Ты ведь знаешь, детка, она мне многое дала. И забывать об этом совсем ни к чему.
Арлин улыбнулась и кивнула. Она помнила о моем отце — патологическом вруне и мелком воришке, который кончил свои дни, отсиживая двадцать пять лет по четвертому сроку… сбил пикапом рядового. Через пару лет после приговора он умер в тюрьме, как мне сказали, от кровоизлияния в мозг.
Отец мой был самым гнусным, низким и подлым человеком из всех, с кем меня сводила жизнь. Он даже самого отдаленного представления не имел о том, что значит слово «честь». Я так и не сообщил ему, что пошел служить в морскую пехоту, потому что он не понял бы такого поступка, даже если б узнал, что я решился на этот шаг из-за него… чтобы ни в чем на него не походить.
Ну вот, я выговорился, и мне немного полегчало. Прости, отец, потому что я много грешил. Но морская пехота — мой мир, вне рамок которого я бы просто не выжил.

— Морская пехота Соединенных Штатов, Флай, — продолжала Арлин, — здесь вовсе ни при чем. Но, черт дери, в жизни есть другие вещи, более важные и существенные.
— Какие, например?
— Например, растреклятый род человеческий.
В кишках от таких слов снова похолодело.
— Да брось ты эту болтовню о роде человеческом, о деле лучше толкуй.
— Как ты думаешь, парень, для чего вообще существует морская пехота?
На этот вопрос я не стал отвечать — мне не очень нравились выводы, к которым Арлин собиралась меня подвести: я знал наперед, о чем она станет говорить. Но логически вычислить и обосновать допущенный ею просчет мне было бы трудно.
— Ты всегда печешься о чести и долге Но знаешь ли, что такое долг? Мы, дружочек, и есть те самые люди, которые стоят у стены. Другие могут вообще не догадываться о нашем существовании; они могут даже не ведать о том, что такая стена существует, им может быть на это просто наплевать. Но мы-то для того и живем, чтобы эту стену охранять и защищать. Дело, Флай, далеко не в том, что нам двоим удалось уцелеть в кровавой передряге — наша миссия поважнее, чем просто шкуру спасти. Ведь только нам с тобой известно о вторжении, и только мы одни можем хоть как-то помешать тому, что задумали эти твари. Так что, черт меня дери, я даже не подумаю отсюда ноги делать, пока не исполню то, что считаю своим долгом!
Я восхищенно смотрел на девушку — мне хотелось защитить ее, вытащить из дьявольской свистопляски. Я, как-никак, мужчина, а она — моя…
Чушь. Прежде всего я морской пехотинец. И Арлин тоже. Конечно же, я отлично понимал, что она имела в виду, говоря о стене: кто-то должен ее защищать. Но кто, кроме нас?
Я опустил глаза. Мы не могли просто убраться восвояси, даже если бы нашли на Деймосе подходящую ракету. Мы обязаны пройти весь путь до конца. Но если Деймос устроен так же, как Фобос, я боялся, что нам снова придется добираться до самого последнего уровня здешней базы. По какой-то совершенно непонятной причине монстры-пришельцы предпочитали спускаться вниз.
Сообщение Арлин радостным не назовешь. Мы даже не знаем, где это «здесь» находится. Уволокли они куда-то чертов Деймос… Мы были взаперти, без ракет и без каких бы то ни было указаний на то, в какой точке Вселенной обретаемся. Доподлинно известно лишь то, что одного спутника на орбите Марса уже нет. Интересно, что же все-таки над нами? Космическая пустота? Галактический вакуум? Единственный путь отсюда — вниз, если только этот «низ» — через все уровни Деймоса, вплоть до самого последнего — существует.
Я посмотрел на Арлин. Ее взгляд был тверже стали, и вместе с тем в нем было столько тепла.
— Ладно, ты, конечно, права. Только не жди от меня извинений, — пробормотал я.

17

Продолжая разговор, мы двигались по коридору, пока не наткнулись на ящик, выглядевший многообещающе. Единственным разделявшим нас препятствием был один из монстров-придурков, которым так нравилось метать огненные шары.
Но ему не осталось ни одного шанса — Арлин пришила болвана с молниеносной быстротой, так что он и пикнуть не успел.
Этикетка, наклеенная на ящике, сулила продукты и медикаменты. Вскрыв коробку, мы обнаружили полный набор всего, в чем так нуждались.
Прежде чем я смог сыграть роль повара, Арлин поработала за медицинскую сестру — первым делом она осмотрела мое раненое плечо: к счастью, пуля прошла навылет. Один — ноль в мою пользу. Пока я скрежетал зубами и вопил, как глупец-переросток, она ввела мне универсальную антивирусную и противовоспалительную сыворотку и перебинтовала рану.
Когда она наконец закончила, я вздохнул с облегчением. Господи, как же я ненавидел все эти медицинские премудрости! Но радость моя оказалась преждевременной — я забыл об ожогах.
Арлин же о них помнила. Мазь, которой она смазала мне лоб, щеки и подбородок, жгла посильнее, чем укол! Боль оказалась настолько сильной, что я, чтобы отвлечься, принялся выискивать раны и ожоги у Арлин — в тайне надеясь, что изрядная доля мази, доставлявшей мне столько страданий, перепадет и ей. Но, как назло, девушка выглядела до противного здоровой.

Теперь настал ее черед рассказывать мне о своих подвигах.
— Знаешь, — начала она, отхлебнув воды из бутылки, которую мы нашли в коробке, — я бы очень многое отдала ради того, чтобы никогда в жизни больше не ввязаться в такую мясорубку
Арлин сидела на полу, прислонившись к стене, а я стоял рядом, время от времени внимательно поглядывая по сторонам, чтобы не пропустить грозившую опасность. Мне необходимо было выяснить, что же все-таки произошло с бойцами роты «Фокс» Пережевывая мягкую плитку питательной, высококалорийной смеси, вкус которой напоминал бифштекс, я на секунду перевел взгляд на подругу и на шоколадный батончик, который она с аппетитом уплетала.
Положение однополчан оказалось еще более плачевным, чем я предполагал Их экспедиция окончилась полной катастрофой Подавляющему большинству пехотинцев вполне хватило зомби — чтобы вывести их из строя, демоны, метавшие огненные шары, не понадобились. Ходячих, тупо глядящих перед собой, слюнявых, иногда уже начавших разлагаться человеческих трупов было более, чем достаточно, чтобы заставить бойцов нашей роты напрочь забыть все уроки военного мастерства.
Нашим ребятам как обухом по голове врезали — они пренебрегли навыками и дисциплиной и стали бессмысленно палить по зомби. И хотя силы духа парням нашей роты было не занимать, отсутствие плана действий, стратегии и тактики ведения боя оказалось роковым. Каждый действовал сам по себе, на собственный страх и риск. В такой ситуации зомби ничего не стоило изолировать их друг от друга. Дело довершили клыкастые монстры с огненными шарами, по одиночке перебившие тех, кто еще оставался жив.
Винить их я не мог — моя собственная реакция была точно такой же — разум мутился от дикой ярости и жажды рвать мертвяков на части голыми руками.
Арлин спаслась потому, что не поддалась неистовству чувств, сгубившему мужчин. Должно быть, определенную — и далеко не последнюю — роль сыграл здесь тестостерон. Неужели этот запах гнилых лимонов и в самом деле в такой степени стимулировал мужскую гормональную систему, что вызывал резкий приток в кровь адреналина?
А, может быть, она просто лучше мужчин умела держать себя в руках? Прервав рассказ Арлин, я заметил.
— Ты мужик покрепче меня.
— Заткнулся бы лучше, Флай, если хочешь до конца дослушать.
Мне ничего не оставалось, как последовать совету.
— Потом я наткнулась на этот стенной шкаф и решила в нем спрятаться, — продолжила Арлин. — Оттуда было слышно, как твари топали за дверью. А это, доложу я тебе, иногда похуже, чем их видеть.
Я кивнул, считая замечание справедливым.
— Да, эти демоны проклятые могут все нервы истрепать. — Я пнул ногой коричневую шкуру дохлого монстра, которого уложила Арлин. — Они свистят и шипят, как гигантские ползучие гады. В темноте от этого блевать тянуло.
Арлин улыбнулась.
— Только я бы их демонами называть не стала! Здесь других полно, которым такое название подошло бы гораздо больше.
— Пожалуй, — опять согласился я, вспомнив про минотавров. — Мне кажется, те князья ада, о которых ты меня предупредила черепом со скрещенными костями, больше его заслуживают.
— Ну, о князьях ада ничего сказать не могу, — ответила Арлин. — Я их не видела. Ты на них наткнулся, когда попал в комнату в форме звезды?
— Но почему же ты их не заметила?
— Потому что, услышав рев и даже, кажется, смутно различив фигуру одного из них, почла за лучшее убраться подальше. На что они похожи?
— Ростом футов под восемь, огненно-красного цвета, с козлиными ногами и огромными загнутыми назад рогами. Стреляют из установок, закрепленных на запястьях, чем-то вроде электрических разрядов наподобие молнии.
Арлин покачала головой.
— Ну и мерзость! Только знаешь, говоря о демонах, я имела в виду другое — больших, раздутых, розовых тварей с клыками. Может, их проще «розовыми» назвать?

— Эти твои розовые хрюкают, как свиньи?
По тому, как девушку передернуло, я понял, что не ошибся. Арлин кивнула. Она вовсе не преувеличивала, говоря о том, что звуки, издаваемые монстрами, иногда давили на психику сильнее, чем сам их гнусный вид. Я не стал вытягивать остальные детали. Внутреннее ощущение подсказывало, что подобный обмен впечатлениями ни к чему. Ведь пока этот кошмар на самом деле не закончится, с кем только не придется нам столкнуться — не исключено, что с целым зверинцем, где обнаружится полный набор — от самых примитивных до подлинных исчадий ада.
— Так что же ты сделала после того, как оставила тот последний предупредительный знак?
Арлин благодарно улыбнулась, получив возможность сменить тему.
— Рванула оттуда как ошпаренная.
Выпалив эту фразу, Арлин осеклась, словно сказала что-то непотребное.
— Ну, побежала обратно, — поправилась она, — и наткнулась на ту самую щель в стене. Краски в маркере еще хватало для самого последнего знака. Но вообще-то, Флай Таггарт, должна тебе сообщить со всей серьезностью, что, малюя его в надежде предупредить тебя о том, чтобы ты туда носа не совал, я сделала самую большую глупость за весь день — пока я «работала» справочным бюро, один из князей ада, как ты изволил выразиться, появился в коридоре.
— Да, крепко же тебе, должно быть, досталось, — пробормотал я, ничуть не заботясь о том, последует ли. совет боевой подруги заткнуться на этот раз. Напротив, она решительно настояла, чтобы я вернулся к своему рассказу и описал кровавые детали схватки с монстрами, после чего продолжила свою историю:
— Рисуя в спешке череп с костями, я в то же время разглядывала щель и мечтала, чтобы она оказалась как можно шире.
— Мне сквозь нее пролезть не удалось.
— Конечно, по-другому и быть не могло. Я тоже чувствовала себя там не лучшим образом. Но что оставалось делать? Отбойного молотка не было, а если б даже и был, времени на то, чтобы расширить дыру все равно не оставалось. Пришлось так продираться, не жалея кожи. Выбравшись на другую сторону, я сломя голову бросилась к Воротам.
Арлин перевела дух.
— Ты, должно быть, удивилась, что осталась без одежды? Она вздохнула еще раз.
— Да нет, скорее удивилась, что осталась жива и руки-ноги целы. Хотя безумно устала от всех этих хождений по мукам. По другую сторону щели меня ждала целая куча трупов, но, по крайней мере, это не были зомби. Что же касается зомби, то они стали пачками телепортироваться вслед за мной. Их оказалось так много, что справиться не было никакой возможности. Поэтому когда я наткнулась на стенной шкаф, то решила, что лучше всего какое-то время в нем отсидеться… Потом какая-то тварь нажала на переключатель, и чертова дверь захлопнулась так, что сама я ее открыть не могла, как ни пыталась! В конце концов объявился ты, да в таком виде, что… — Арлин подыскивала слова, — …тебя, Флай, даже за зомби принять трудно было.
— Спасибо на добром слове, — не без иронии заметил я. Арлин всегда сильна была на комплименты, от которых хотелось сквозь землю провалиться.
Мне иногда казалось, что она специально подшучивала надо мной. Я показал в сторону коричневого монстра.
— Ну что ж, если не хочешь, чтобы я называл этих тварей демонами, может быть, окрестим их «клыкастыми» или еще как-нибудь?
— А не лучше — бесами?
— Какие же это бесы?
— А почему бы нет? Когда я еще девчонкой была, то читала про гоблинов и тому подобную нечисть. В этих книжках еще картинки были с подписями. Так вот, больше всего клыкастые твари походят на бесов из сказок. Они там тоже волшебным огнем баловались.
Болтовня становилась все более увлекательной, тем более, что других развлечений все равно не было.
— Ну, не знаю, — нерешительно ответил я. — Башка его чем-то напоминает голову урода, которого я видел в старом фильме о человеке-рыбе, обосновавшемся в какой-то лагуне.
— Он тоже бесом был, — настаивала Арлин. Несмотря на службу в морской пехоте, она продолжала

оставаться женщиной. А я не дурак, чтобы спорить с дамским телом.
— Хорошо, согласен: пусть они будут бесами, — сдался я.
— Других тоже надо как-то обозвать, — ободренная такой сговорчивостью сказала Арлин. — Получается, что у нас уже есть зомби, бесы, демоны или розовые и князья ада. Как остальных именовать будем?
Я рассмеялся.
— А мы с тобой Адам и Ева, да?
Арлин уставилась на меня не мигая. С религиозным образованием у нее, судя по всему, было слабовато.
— Да ладно, не переживай — это и впрямь потрясная идея. Если мы все-таки найдем исправный передатчик, то обо всем сообщим на Землю. Если же нет, то можно и просто так разыгрывать из себя библейских персонажей и давать имена всем тварям.
Арлин расслабилась, поняв, что я вовсе не собирался ее дурачить.
— Один из этих бесов захотел со мной немного побеседовать… — начал было я, но Арлин снова меня перебила.
— Он что, и в самом деле с тобой говорил? — она выглядела такой удивленной, какой я ее еще никогда не видел. Значит, наши приключения все же чем-то отличались.
— Он пытался уговорить меня сдаться, обещая за это не переделывать — то бишь не превращать в зомби, что, конечно, чистая лажа. Я ему не поверил и пришиб недолго раздумывая.
Заразительный девичий смех заставил рассмеяться и меня. Я нашел Арлин — и все изменилось. Теперь я страстно хотел жить, сражаться, связаться с Марсом или с Землей, выполнять свой долг и защищать род человеческий, пока это в моих силах.
— А мы сталкивались только с монстрами? — спросила Арлин.
— Нет. Есть еще почти невидимые твари. Я назвал их привидения-убийцы.
— Призраки, — безапелляционно поправила меня моя подруга.
Если все же нам удастся выбраться отсюда, порекомендую ее на редакторскую работу. В какой-нибудь религиозный журнал. В отсутствии чувства справедливости меня никто не посмел бы упрекнуть.
— А я с ними еще не встречалась, — после недолгих раздумий добавила Арлин.
— Кроме того, мне не раз попадались летающие черепа. Как их назовем?
— Летающие черепа.
— Правильно. Так и назовем?
— Летающие черепа, дубина ты стоеросовая! Что здесь думать? Как есть, так и есть.
На таинственный голубой шар Арлин наткнуться не довелось, хоть это была единственная стоящая вещь из всего того, что проникло в наш мир сквозь Ворота. Меня не покидало неотвязное ощущение, что до полного окончания свистопляски нам придется еще не раз придумывать названия новым уродам, с которыми придется столкнуться.
Перерыв на обед закончился. Наш отдых был слишком непродолжительным — и Арлин, и мне теперь совсем бы не помешало как следует выспаться. А для этого нужно было найти безопасное место, где один мог бы спать, а другой — охранять его сон. Кроме того, нам позарез необходима была настоящая еда.
— Сдается мне, здесь немного странно. — Арлин огляделась.
Действительно, на Деймосе — в отличие от Фобоса — меня не покидало ощущение зловещей таинственности, витавшей в воздухе, от которой по телу мурашки бегали. И холод тут ни при чем. То же самое с запахами. Казалось, что у местных ароматов какой-то дурной привкус. Может быть, мы приблизились к источнику лимонной гнили, которая била в нос всякий раз, когда отдавали концы зомби. Но что бы это ни было, нас повсюду сопровождала сладковато-приторная вонь, чем-то схожая с трупным гниением.
Если на меньшей из марсианских лун делами заправляли демоны-малютки, значит, так сам черт распорядился. Летающие черепа начинали действовать на нервы. Они парили повсюду, причем самых разных размеров и очертаний и гораздо более зловещие, чем обычные человеческие.
Чем дальше мы продвигались вперед, тем темнее становилось окружавшее нас красноватое марево — теперь его, пожалуй, можно было сравнить с цветом сырого бифштекса. Странно только, почему не становилось теплее — ведь красный цвет чаще всего цвет пламени. А в аду, как рассказывали

монахини, совсем не холодно.
Пол стал влажным от той же проклятой жижи, что на Фобосе, только ее было значительно меньше, чем раньше. Мне даже пришло на ум, что мы обследуем внутренности гигантской твари, которой совсем непросто выпустить кишки.
Создавалось впечатление, что чем дальше мы продвигаемся вглубь ада, тем ближе подходим к источнику некоей непонятной жизненной энергии, чтоб ей пусто было! Марсианские луны представлялись мне гораздо более привлекательными в образе голых скал, несущихся по своим орбитам в абсолютном холоде космического пространства.
— Как тебе это нравится, — произнесла Арлин, указывая на возвышавшуюся в конце коридора телепортирующую платформу.
Выбора, однако, у нас не было, либо мы воспользуемся ею, либо повернем назад. Теперь, помимо обычных схем и планов помещений, мне очень хотелось получить карту, на которой были бы отмечены входы и выходы, соединявшиеся этими непонятными решетчатыми транспортными средствами. Сколько их нам еще придется обследовать, пока мы не найдем ту единственную дверь, которая приведет к желанной цели?
— Надо же кому-то это сделать, Арлин.
— Что сделать?
— Выяснить, куда ведут телепорты? Арлин опустила руку мне на плечо и не без иронии произнесла:
— Молодец, капрал, объявляю тебе благодарность перед строем за то, что вызвался это сделать добровольно. Долг превыше всего.
— Хватит молоть ерунду, рядовой, а не то отправлю тебя первой! — отрезал я и огляделся. — Здесь эта штука выглядит немного по-другому, чем на Фобосе.
Я бросил прощальный взгляд назад, и мне почудилось, что когда на эти стены никто не смотрел, они сами по себе начинали изменять конфигурацию и изгибаться.
— Снова тупик. Ох, до чего же мне не нравится скакать из огня в полымя! Но делать нечего, Арлин, мы же с тобой вроде как авангард человечества здесь представляем, так ведь? — Прощальные слова прозвучали с ноткой сарказма, хотя мне этого совсем не хотелось. — Ведь надо же в конце концов выяснить, что здесь произошло, и передать кому следует.
Когда Арлин улыбалась, на душе становилось теплее и легче. На некоторых людей боевая обстановка действует облагораживающе. Уж не знаю, как на меня, но на Арлин — точно.
— Кроме того, — развила она мою мысль, — лучший способ обороны — нападение. Только так мы сможем уцелеть. Ну, давай же, а я за тобой.
Я бы предпочел, чтоб в данном случае меня никто не страховал.
— Не сразу — через тридцать секунд. — Я очень надеялся, что эта фраза не станет моей последней, предсмертной.
Ощущение телепортации повторилось, как тогда, у Ворот, но теперь я был к нему подготовлен. Только все произошло гораздо быстрее. Кроме того, одежда и оружие остались при мне. Я изготовился, чтобы при высадке сразу же очистить себе плацдарм и защитить его от потенциального противника, и.. оказался на такой же точно платформе, с которой стартовал.
Мне бы сразу с нее свалить, а я замешкался, услышав гулкие, тяжелые звуки, как будто кто-то в землю сваи вбивал. Гул быстро нарастал.
Господи, Пресвятая дева Мария! То были звуки шагов!
18
Тут я вспомнил, на чем стою, и спрыгнул с платформы. Как раз вовремя: Арлин отсчитала ровно тридцать секунд и последовала за мной.
— Ну как, все спокойно? — спросила она появившись.
— Нет. Слушай внимательно.
Легко, как кошка, девушка прошмыгнула мимо. Глухой гул не утихал.
— Пойдем, заглянешь осторожненько за угол, — предложила она. — Мне кажется, я уже знаю, что там.
Мы подошли к повороту стены. Арлин жестом показала, чтоб я шел первым. Лицо ее было напряженным.
— Тебя интересовало, что я называю демонами, — сказала она. — Погляди на них повнимательнее.

Я так и сделал. Как сказал бы сержант Гофорт, Арлин не трепло.
По верху двухъярусной платформы маршировала тьма тьмущая демонов; казалось, платформа вот-вот рухнет от грохота их шагов Один из розовых стал вдруг издавать те самые хрюкающие звуки, которые так действовали мне на нервы. Когда я повнимательнее присмотрелся к анатомическому строению грохочущих тварей, то понял, что Лига защиты свиней могла бы предъявить мне вполне обоснованные претензии.
Данный вид монстров, как мне показалось, представлял собой наибольшее сосредоточение мускульной силы здешнего дьявольского зоопарка. Темно-розовые, они громоздились футов на шесть в высоту, а пасти у них были такого размера, что зараз, казалось, могли заглотить целый Кливленд. Да, это точно были демоны — по-другому не назовешь. Арлин попала в самую точку. Пока эти твари слонялись по здешним тупикам и проходам, никто, кроме них, носить такое звание права не имел. Арлин дала им кличку, которую они заслуживали.
Пока что они нас не замечали. Но положения это не меняло: дело, по всей видимости, обстояло так, что пока мы с ними всеми не разделаемся, деваться нам все равно некуда — спасительных дверей вокруг не видать Платформу, на которой они маршировали, необходимо было снизить до такого уровня, чтобы мы смогли на нее взобраться.
Розовые печатали шаг короткими, похожими на обрубки колонн, мощными ногами, чем-то напоминая выбритых горилл с рогами и зубами в виде зубьев пилы.
— Они стреляют или бросают что-нибудь? — полюбопытствовал я.
— Что ты имеешь в виду?
— Огненные шары, молнии или еще что-нибудь в этом духе?
— Вроде, нет. — На мой облегченный вздох Арлин заметила: — Только не дай им себя вокруг пальца обвести. Если они подойдут совсем близко, считай, тебе конец.
— А отсюда, снизу, их не достать?
— Думаю, это пустой номер. Чтобы такого уложить наповал, нужна большая убойная сила. Его можно было бы без труда снять, скажем, из «Ветербай» или из ружья двенадцатого калибра. Я видела, как один клыкастый бес столкнулся с демоном. Клыкастый выпустил розовому прямо в морду три огненных шара подряд. Но тот воспринял их, как булавочные уколы, а потом целиком сожрал кретина! Так что бесы для демонов — легкая закуска, после которой только отрыжка беспокоит.
Я отметил про себя, что бесы не ладили с демонами так же, как с зомби.
— Флай, — снова обратилась ко мне Арлин, — если мы собираемся что-то предпринять, первым делом надо опустить платформу. Иначе наши ружья их не возьмут.
Я ненароком прислонился к какому-то твердому, металлическому предмету, оказавшемуся языком очередного черепа, который так и напрашивался, чтобы за него дернули. Но не успел я протянуть к приставале руку, как Арлин хрястнула по ней прикладом. И весьма ощутимо.
— Ну, зачем на неприятности нарываться?! Ты же понятия не имеешь, что случится, если дернуть за эту штуковину, — возмущенно выпалила она.
— Ничего с собой поделать не могу — с рождения обожал дергать за всякие дурацкие загогулины.
Я резко нажал на металлический язык. Платформа, как лифт, стала снижаться с громким скрежетом. Демоны занервничали, начали перехрюкиваться, вертеть мордами и скоро нас учуяли, потому что перестроились в один ряд.
Когда они подошли ближе, нам пришлось отступить за угол. По всей вероятности, демоны не умели бегать, а только перли напролом, как танки. Их топот гулкими ударами отдавался у нас в ушах.
Мы были вооружены только ружьями, но имели самые серьезные намерения. Открытые пасти чудовищ представляли собой отличные мишени, которые так и напрашивались, чтобы я пустил в ход дробовик. Первый демон проглотил мой заряд, и его голова треснула, как спелый арбуз. Стрельба с близкого расстояния всегда дает положительные результаты. Тем временем Арлин уложила второго монстра выстрелом в грудь.
Мы действовали как одно целое, уперевшись спинами в стену, и розовые, наступавшие попарно, так же попарно дохли от метких выстрелов. Трупы передних, образовав кучу, затрудняли движение задних, давая нам тем самым дополнительные секунды на перезарядку ружей.
Еще одним облегчением, способствовавшим нашей работе, было то, что монстры больше не хрюкали.

Подыхая, они рычали, но громогласный рык означал лишь их поражение. Я начинал испытывать удовлетворение от своего кровавого занятия.
— Как будто мы подонков в притоне отстреливаем, — бросил я Арлин.
— Не пори чушь, самоуверенный болван!
Она, как всегда, была права — меня обуяла гордыня.
Ряды врагов заметно поредели, теперь, казалось, их уже можно пересчитать по пальцам. Быстро же мы расправились с нашими демонами, почти с такой же скоростью, с какой стреляли.
— Не нужно розовых недооценивать, — снова предупредила Арлин. А я ее опыту доверял. — Пока держишь их на достаточном расстоянии, все нормально. Я видела, как такая тварь сначала откусила одному из наших парней руку, а потом — голову. Он, конечно, избежал печальной участи зомби, но только для того, чтобы пойти на корм розовому скоту.
Всему хорошему, к сожалению, приходит конец, даже в таком раю, как Деймос. Неожиданно совсем рядом хлопнула пуля, которая чуть было не оборвала жизнь вашего покорного слуги. Не надо иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, что кто-то пожелал меня убить.
— Берегись! — крикнул я Арлин, но она уже пригнулась и укрылась за телами убитых демонов.
В те драгоценные секунды, которые я потратил на то, чтобы спрятаться от новоявленного снайпера, последний розовый, как бульдозер, продрался сквозь груды тел собратьев; обернувшись, я увидел прямо перед собой метровую разверстую пасть.
Мне казалось, что я уже достаточно надышался всякой зловонной мерзостью. Но теперь ощущение было такое, будто я — в самом центре выгребной ямы с человеческими нечистотами величиной в квадратную милю. Вонь была настолько сильна, что ее, без всяких сомнений, следовало отнести к одной из разновидностей химического оружия. У меня потекли слезы из глаз, и я почти полностью потерял зрение.
Арлин что-то крикнула, но слов я не разобрал. У нее своих проблем хватало — невидимый снайпер не бросал своих попыток с нами разделаться.
Одна из пуль, несомненно, для этого предназначавшаяся, угодила прямо в спину демона, который на нее отреагировал, как человек на укус комара. И пока он пытался почесать себе спину (очень любопытно было бы посмотреть, как он это сделает, не сломав себе ребра), я снова пустил в ход ружье. «Мишень» приблизилась ко мне настолько, что дуло в прямом смысле слова уперлось ей прямо в пасть. Я спустил курок.
Глаза залила зловонная кровь монстра — вещь пренеприятнейшая, учитывая тот факт, что снайпер не дремал.
— Этот последний! — услышал я голос Арлин и вслед за ним выстрел.
Скорее всего, она имела в виду монстров, потому что пули не переставали свистеть над моей головой. И, однако же, я испытывал немалое удовлетворение, так как теперь зубы омерзительных тварей не грозили поцарапать мою нежную кожу.
Подползла Арлин и стерла кровь демона с моего лица. С этим я и сам мог бы справиться. Просто еще не успел.
— Отвали, — приказал я, — нечего из двух целей одну делать.
Подчиняясь моему непререкаемому авторитету, девушка молча откатилась вбок, и я сам закончил протирать лицо. Тот, кто в нас стрелял, решил сделать небольшой перерыв — может быть, для того, чтобы перезарядить пушку. Я был уверен, что долго перерыв не продлится. Снайпер засел где-то позади платформы и стрелял сверху. Нам срочно следовало менять позицию, потому что нынешняя являлась самой проигрышной.
— Платформа! — крикнул я и прыгнул на снижавшийся лифт.
Там был свой рычаг, на который я нажал, не раздумывая ни секунды. Лифт пошел вверх, и Арлин, сообразившая наконец, что происходит, подбежала к нему и подпрыгнула, успев ухватиться за самый край. Я тут же втянул ее наверх. Прижавшись друг к другу спинами, мы снова отправились в путешествие.
На следующем уровне мы прошли немного вперед и, повернув за угол, нос к носу столкнулись еще с одним демоном — хотя не уверен, был ли у него нос. Не знаю, как Арлин, но мне эти игры уже порядком надоели. Ведь мы только что закончили дьявольскую битву. Демон послал было в нас

огненный шар, но я упал на спину и выстрелил ему прямо между ног. Он пошатнулся, и Арлин добила его точным выстрелом в голову.
Мы вновь приступили к поискам снайпера.
Неподалеку от платформы располагались две двери. Переглядываясь и посматривая по сторонам, мы подошли к ним вплотную. Косяк одной был синего цвета, другой — красного. Обе, естественно, заперты. Мне очень недоставало парочки мини-ракет.
Я достал синюю магнитную карточку и вставил ее в отверстие.
Дверь тут же распахнулась под чистый, свистящий звук гидравлического насоса. В противоположном конце помещения находился еще один телепорт. Те, кто обустраивал Деймос, видимо, помешались на телепортирующих платформах.
— Дама или тигр? — спросила Арлин.
— Что? — не понял я.
— Да так, ничего, один рассказ вспомнила. У нас осталась красная дверь и телепорт. Что выбираем?
— А что тут выбирать? Красной карточки у нас все равно нет.
— С чего это ты взял, дурачок? — Арлин вытащила из кармана красную магнитную карточку и помахала ею у меня под носом. Одно из лучших качеств морского пехотинца А.С. то, что работала она играючи. — Я нашла ее в том самом стенном шкафу, откуда ты меня вызволил. — Девушка подмигнула.
— Ну, в таком случае я выбираю даму, — ответил я и вставил красную карточку в прорезь дверного замка.
В этот момент нам очень пригодилась боевая подготовка морских пехотинцев, поскольку за дверью раздался шум. Проведя карточкой в щели магнитного замка, я отпрыгнул в сторону и взял дробовик наизготовку. Арлин заняла позицию по другую сторону проема.
Как только дверь распахнулась, моя напарница выстрелила и убила высунувшегося зомби. В руках у него был точно такой же дробовик, как наши. Снайпером он быть не мог. Второй зомби держал в руках «Сиг-Кау». Этого живого мертвеца в расход пустил я.
Мы осмотрели помещение, в любой момент готовые сразиться с врагом. В довольно большой комнате зомби не оказалось. Теперь, однако, меня беспокоило другое: если снайпер стрелял с таким расчетом, чтобы загнать нас именно сюда, значит, здесь нас ждала засада. Но, ведь зомби не могут думать! А засада предполагает обязательное наличие тактического мышления… мышления!
У меня еще не было случая поделиться с Арлин своими подозрениями о том, что вторжение задумано неким всеобъемлющим Разумом, который руководит огромным числом самых разных существ, лишенных способности мыслить, и направляет их действия против тех людей, которые сумели выжить в этом аду, чтобы выяснить пределы их возможностей.
Но вряд ли она была в тот момент расположена к спокойной беседе и всестороннему анализу сложившейся ситуации — слишком уж нагляделась крови, как, впрочем, и я.
Теперь настала очередь дамы нажимать на выключатель. Помещение залил ясный, белый свет, и нашим глазам предстала подлинная сокровищница — медикаменты, еда, боеприпасы, и все в огромных количествах! Но самой драгоценной находкой оказался миниатюрный приборчик с малюсеньким экраном, на котором высвечивалась схема помещений уровня.
— Знаешь, что это такое, Флай? — в восторге воскликнула Арлин. Я не стал ее разочаровывать и дал договорить. — Это же электронный план яруса, на котором мы находимся!
Найденные медикаменты дали мне возможность вернуть Арлин «должок». Снайпер ее слегка задел. Пуля в тело не попала, но плечо поцарапала.
— На этот раз я твой доктор, — объявил я.
Бросая жадные взгляды в сторону саморазогревающихся консервных банок с едой и кофе, Арлин смерила меня из-под прищуренных век недовольным взглядом и сказала:
— Ты мне больше по душе в роли повара.
— Шеф-повара, — поправил я ее. — А какая, собственно, разница?
— Между поваром и шеф-поваром?
— Нет, между поваром и доктором!
— Ладно, Флай, хватит тебе. Лучше накормил бы поскорее.
— Нет уж, сначала я тебя полечу.

Спорить Арлин не стала. Пока я врачевал ее рану и царапины, она разбиралась с электронной схемой этажа. Среди медикаментов я нашел тюбик с той же мазью, которой она мазала меня. Однако в отличие от вашего покорного слуги у А.С. во время малоприятной процедуры даже выражение лица не изменилось, а когда я сделал ей укол антивирусной сыворотки, она не пикнула. Да, Арлин была куда более крутым мужиком, чем я.
Разногласий у нас не возникало до тех пор, пока я не предложил ей немного поспать.
— Ну и шуточки у тебя, Флай, — возмутилась она. — В этой комнате с дохлыми зомби я глаза не закрою!
— Давай вынесем их и сложим за дверью.
— Ты что, спятил? Лучше уж сразу на двери объявление повесить, что мы здесь почиваем.
— Ладно, не кипятись. Я их скину на платформу телепорта.
— Вместе скинем.
Конфликт разрешился, так и не начавшись — восторжествовали доводы разума.
Работа заняла минут двадцать. Мы даже не стали телепортировать зомби — просто быстренько побросали их на трупы демонов, чтобы те, кто мог на них случайно наткнуться, подумали, что они сами друг друга перебили.
Потом, впервые с начала адской заварухи, мы с наслаждением приступили к совместной трапезе. Закуски только разожгли аппетит — по сравнению с тем, что перепадало на нашу долю раньше, это было подлинное пиршество.
Я настоял, чтобы Арлин легла спать первой, потому что она дольше блуждала по дьявольским лабиринтам. Еще когда за мной присматривали Роны, она уже рисковала жизнью, по уши увязнув в кишках демонов. Что бы со мной ни случилось, сначала ее очередь.
Уговорить Арлин большого труда не составило — достаточно было предложить ей покемарить минутку-другую. Я дал ей проспать четыре часа.
Когда настал мой черед, я вырубился мгновенно, а проснулся от мягкого прикосновения девичьей руки к моему плечу и вида прекрасного лица.
Что и говорить — мы оба были совершенно измотаны кошмарами. Они нам не снились — мы жили в них.
Мне страшно не хотелось оставлять это убежище. Такое же чувство я испытал, когда оказался в маленькой амбулатории на Фобосе. Нет, пожалуй, это было не совсем так: здесь мне нравилось гораздо больше. Ведь я был с женщиной, спасение которой превратило окружающий мир из пустой породы в чистое золото.
Прогнав остатки сна, я перекинул «Сиг-Кау» через плечо. Мы вернулись в комнату, открывавшуюся синей карточкой, и подошли к телепортирующей платформе.
— Ну, что, как в прошлый раз? — спросил я.
— И не мечтай. Только вместе.
— Почему бы и нет?
— Будь, что будет, давай!
Мы очутились в помещении без дверей и окон, но с одним из здоровенных, розовых демонов, которых так хорошо успела узнать Арлин.
— Этого я беру на себя! — крикнул я и выстрелил до того, как Арлин успела возразить.
— Полагаю, что их здесь столько, что и на мою долю хватит, — ответила она.
Мне эти розовые ублюдки уже почти стали нравиться. С ними было проще — они не умели ни стрелять, ни метать молнии, ни кидать огненные шары, что делало их более привлекательными, чем остальных чудовищ. Хотя, конечно, в отличие от Арлин, мне не пришлось наблюдать, как они пережевывали наших боевых товарищей.
Когда я представил эту жуткую картину, желание убить розового вернулось. Здесь я мог дать Арлин приличную фору.
Ой, Флай! Снова гордыня тебя обуяла. Забыл, бестолковый, что смирение паче гордости, что ретивое играет перед поражением, а дух высокомерия чаще всего выступает предвестником катастрофы.
Я уже свыкся с мыслью о том, что и на Фобосе, и на Деймосе за каждым поворотом возможен подвох, но к тому, что я увидел, обогнув очередной угол, готов не был. Прямо передо мной возник Волшебник

Изумрудного города. Как иначе можно было назвать огромную голову, свободно парившую в воздухе?

19

Голова была не настолько красива, чтобы претендовать на роль кинозвезды. То, что называется кожным покровом, состояло у нее из миллионов извивавшихся, узловатых, кроваво-красных гусениц или червяков, полностью закрывавших поверхность огромной, раздутой сферы. У меня невольно промелькнула в голове ассоциация с голубым шаром.

Уставившись в единственный красный глаз этой летучей тыквы со ртом в форме трубки, я очень засомневался, что столь нелепое, до противного омерзительное создание способно сделать что-то хорошее.

И действительно, я еле успел отскочить в сторону, когда тыква плюнула изо рта-трубки шаровой молнией. Пролетев рядом, шар-молния прилично обжег мне кожу головы и волосы и, врезавшись в стену, взорвался на миллион голубых, светящихся, наэлектризованных частиц. От этого взрыва волосы на голове встали дыбом.

— Ну уж нет! Еще одна мерзость стреляющая! — завопил я и со всех ног бросился обратно к Арлин: — Бежим, бежим отсюда!

От удивления и боли, которые мне только что пришлось испытать, я ни о чем другом думать не мог.

Но Арлин летучую тыкву еще не видела и потому полностью сохраняла присутствие духа. Когда из-за угла показался красный шар, она в него выстрелила и попала, если так можно выразиться, башке в затылок.

Летучая дрянь резко изменила траекторию и, взвыв от боли, повернулась к Арлин, с позволения сказать, физиономией. Пока она так маневрировала, я взял себя в руки и, не тратя времени даром, выстрелил с того места, где стоял. Арлин, успевшая занять другую позицию, всадила второй заряд.

Мы знали, что надо делать — придерживаться обычной тактики легковооруженных пехотинцев: двигаться и стрелять, стрелять и двигаться, и так все время. Шар тем временем буквально скакал с места на место. Жизненная сила, которая в нем таилась, еще не иссякла. Но мы палили без остановки.

Спустя какое-то время летучая тыква наконец сдохла, причем ее смерть была едва ли не самым противным зрелищем из всех, что мне довелось наблюдать. Во время одного из прыжков шар налетел на стену и взорвался тучей брызг клейкой, синей слизи, которая воняла тыквенным пирогом с сахарной глазурью. Звук при этом раздался такой, будто перезревшая тыква, которую сбросили с десятого этажа, разбилась о мостовую. Я не на шутку испугался, что меня вывернет наизнанку тем замечательным завтраком, который я так старательно переваривал.

— Ура! Вдребезги разобьем летучие тыквы на вонючие осколки! — воскликнула Арлин. — Что за мразь такая?

— Я тебе хотел тот же вопрос задать.

Омерзительные, растекшиеся останки странной твари притягивали взгляд. Конечно же, мы ожидали появления новых чудовищ, но то, с чем пришлось столкнуться, было настолько невероятно, что сам собой напрашивался вывод о возможности невозможного.

Должен честно признаться, что здорово напугался, поскольку последняя встреча означала, что мы можем напороться на что-то такое, что вообще не поддается уничтожению или разрушению.

— Ну, так как назовем новый экземпляр? — спросила Арлин.

Я уж и думать забыл о нашей игре. Да и соображений на этот счет у меня не имелось.

— Тыквой, — в конце концов промямлил я. Предложение явно не привело Арлин в восторг. Она так сморщила носик, будто вдохнула запах лимбургского сыра.

— Мне кажется, Флай, такое название недостаточно серьезное. Надо бы придумать что-то более… пугающее.

— Не против. Называй как считаешь нужным.

— Брось, лентяй, нечего с больной головы на здоровую перекладывать. Кто первым видит нового монстра, тот и имя дает. Ты же правила знаешь.

Я уже было собрался поспорить, почему это именно Арлин эти правила устанавливает, но вовремя прикусил язык — естественно, это была ее прерогатива хотя бы по той простой причине, что она женщина.

— Тогда назовем чудовище тыквой, — твердо стоял на своем я. Может, мне повезет и Арлин название

не понравится до такой степени, что придется изменить правила.
Мы осмотрели коридор — монстров больше не было. На полу растеклась уже знакомая зеленая жижа, но, насколько мы могли рассмотреть, лужи не слишком были глубокие. Правда, в конце коридора ядовитая слизь образовывала небольшой омут, смею надеяться — преодолимый.
— Лучше всего такие лужи проскакивать на бегу, — посоветовала Арлин. — Ботинкам, конечно, достанется, но не слишком.
— Конечно, это лучше, чем переплывать, — согласился я.
— Не дури. Ты сразу помрешь, если в этой дряни искупаешься.
Я намотал узелок на память, чтобы похвастаться как-нибудь А.С. своим заплывом в зеленой гадости.
Нам бы теперь очень пригодился животворный голубой шар, но, увы, ничего, кроме зеленой жижи, вокруг не вырисовывалось.
— А что твоя электронная схема подсказывает?
Арлин нашла на экране помещение, в котором мы находились. На плане высветились два переключателя и телепорт.
Едва мы нажали на первый переключатель, как над поверхностью зеленой слякоти, подобно акульим плавникам над морской гладью, появились ступени. А когда нажали на второй — появился телепорт. Он возник прямо перед нами, и, чтобы воспользоваться им, не надо было ни двери магнитными карточками открывать, ни кучу зомби приканчивать.
— Теперь моя очередь первой телепортироваться, — заявила Арлин. По ее решительному тону я понял, что спорить бесполезно.
— Ладно, давай. Считаю до тридцати. Когда ладная фигурка исчезла из вида, я начал отсчет секунд.
— …двадцать восемь, двадцать девять, тридцать — иду искать.
С ружьем наизготовку я встал на платформу, готовый почти ко всему — но только не к тому, что возникло перед глазами. Я оказался на складе совершенно новых, сверкающих краской радиоприемников!
— Добро пожаловать в магазин, — приветствовала меня Арлин.
— Они, должно быть, сюда даже не заглядывали, — предположил я, зыркая по углам в поисках засады.
Как будто бы все в порядке — мы одни. И все равно осторожность не помешает — мне слишком хорошо запомнились приведения, чтобы я мог позволить себе расслабиться и положиться только на зрение.
Арлин включила один из радиоприемников и охнула от радости, услышав, как он загудел и заработал. Но какой бы диапазон она ни включала, из динамиков, кроме помех, не доносилось ничего.
Какое-то время Арлин напряженно пыталась поймать что-то на частбте пять мегагерц. Увы, напрасно. Ту же операцию она повторила с другим радиоприемником, но с тем же результатом.
— Флай, ничего не понятно, — сказала она в конце концов.
— Может, они устройство какое-нибудь поставили для заглушки сигналов? — предположил я.
— Ты что! Антенны над поверхностью Деймоса метров на пятьсот поднимаются. Если бы они захотели заблокировать радиосигналы, им пришлось бы всю эту луну под колпак засунуть.
Да, здесь было над чем призадуматься. Я принялся напряженно мерить шагами комнату.
— Но ведь на Фобосе все приемники разбиты вдребезги.
— И я то же самое видела.
— А здесь полно исправной аппаратуры, годной для передачи и приема любой информации. Что-что, а уж это помещение они по небрежности проглядеть не могли…
— Ты рассуждаешь так, будто имеешь дело с разумным врагом, — ответила Арлин.
— Именно в этом я совершенно уверен! И на Фобос, и на Деймос вторжение совершили одни и те же силы. Почему же они здесь аппаратуру не тронули, а на Фобосе перекорежили?
— Флай, Деймос люди покинули четыре года назад. Я присутствовала при том, как морские пехотинцы забирали свое барахло и отваливали. Мы смотали удочки потому, что бюджет урезали, прошла волна увольнений и сокращений, и наше присутствие здесь сочли тактически неоправданным.
Я кивнул, уселся на пол и облокотился спиной о стену с таким расчетом, чтобы дверь все время оставалась в поле моего зрения.
— Это было большой ошибкой, — заметил я.

— А что, — встрепенулась Арлин, — если пришельцы снова сюда вернулись после того, как мы убрались? Просто вернулись и все — несколько недель или месяцев тому назад, или еще раньше? Они запросто могли все здесь переоборудовать по своему вкусу… А получив контроль над Деймосом, незачем стало разрушать радиоприемники.
Из динамиков продолжал доноситься только треск и разряды помех.
— Тогда совершенно непонятно, почему мы ни одну станцию не можем поймать.
Когда на человека сразу обрушивается столько новой, ранее немыслимой информации, воображение начинает парить в океане абсурда, как та чертова тыква, с которой мы только что расправились. Уже не помню каким образом, но меня вдруг осенило:
— А, может быть, Деймос и вправду сошел с марсианской орбиты?
Я уже привык к тому, что Арлин смотрела на меня с прищуром, поэтому когда она вытаращила глаза, мне показалось, что передо мной другой человек.
— Всерьез я об этом не задумывалась, — сказала она. — Хотя подобным образом, конечно, можно объяснить исчезновение Деймоса с экранов телескопов. Мне-то, правда, казалось, что он уничтожен.
Вступив на шаткую почву досужих домыслов, я уже не мог остановиться.
— Ты говорила, гравитационное поле Деймоса настолько мало, что его практически можно не принимать в расчет. Значит, он больше похож на космический корабль, чем на планету.
Мы, не отрываясь, смотрели друг на друга. Я чувствовал, что Арлин передалось мое волнение.
— Тогда совершенно непонятно, как можно в один миг перебросить куда-то целую луну, даже такую маленькую, как Деймос, — задумчиво проговорила она.
Я тоже не все время проводил, стреляя по мишеням и занимаясь физической подготовкой — кое-какие книжонки и мне довелось прочитать.
— А если его переправили в другое измерение?
Арлин улыбнулась.
— Ты, парень, видно, слишком много чепухи фантастической насмотрелся.
— Знаешь, А.С., в этом вопросе мне трудновато с тобой тягаться, но когда мы снова будем смотреть эту чепуху, она покажется нам гораздо менее фантастической в сравнении с тем, что мы здесь пережили.
— А с чего это ты взял, что нам когда-нибудь снова удастся в кино попасть? Мы помолчали.
— Ладно, предположим, — продолжила Арлин, — они превратили Деймос в гигантский космический корабль. Тогда получается, что мы сейчас в нем летим? А куда же мы можем лететь, как не к ним домой?
— Что, в свою очередь, означает, что нас вместо подопытных кроликов взяли? — спросил я, чувствуя, как от одной этой мысли мороз по коже пробежал. — Мне, признаться, такое путешествие совсем не по душе.
— Да, нам с ними не по пути, это точно, — согласилась Арлин.
— Скорее всего, мы находимся в какой-то искусственной дыре, сквозь которую, очертя голову, несемся прямиком в ад.
— Ты так говоришь, будто мы уже не прошли все круги преисподней! Кроме того, ты же знаешь, Флай, я не набожна — мне в приходской школе обучаться не пришлось.
Я мысленно перенесся к тем добрым, старым временам, когда ходил в школу при церкви Марии и Марты. Сестра Лукреция, с которой мы изучали «Ад» Данте, рассказывала о нем с таким упоением, словно только что вернулась оттуда — из туристической поездки, и сгорала от нетерпения поделиться своими впечатлениями со всем человечеством. Как-то в воскресенье, в июле в летнем лагере святого пророка Малахии, я увидел ее при полном параде в лодке. Она веслом отталкивалась от причала. Мне показалось, что это лодочник Харон, перевозящий через Стикс заблудшие и неприкаянные души. Не думаю, что наши монстры справились бы с этой работой лучше.
Сам я уже почти смирился с мыслью, что отправился в путешествие, откуда нет возврата. Но то, что меня сопровождала Арлин, сводило с ума, доводило до белого каления. Я был готов в клочья разодрать любого демона, который протянул бы к ней свои грязные лапы.
Арлин, видно, решила махнуть рукой на бесполезные радиоприемники.
— Я пыталась выяснить, кто наш враг, найти хоть какую-то ниточку, чтоб размотать клубок, но впустую. А по коридорам бегать я и раньше умела, даже когда за мной дюжина вооруженных мужиков

гналась. Иногда самый верный способ уцелеть сводится к тому, чтобы оказаться именно в тех комнатах и коридорах, которые заняты врагами, и уничтожить именно то, за чем они охотятся. Однажды мы специально пробрались в подвал нашего посольства и сожгли документы, за которыми гонялись местные бандиты… и потом они больше к нам уже не лезли. Ты улавливаешь, к чему я клоню?

— Я помню ту историю, А.С. Я тогда страшно радовался, что ты сумела выбраться из передряги целой и невредимой.

— Ну так вот: неужели я из того ада вырвалась, чтобы в этот угодить?

Я снова уставился на радиоприемники. Черт, стоят себе здесь, и никакого от них толка. По крайней мере, тот курс, который я прослушал по электронным средствам связи, давал основания считать, что передо мной не что иное, как радиоприемники.

Почему же, черт возьми, на Земле — точнее говоря, на Деймосе — приняли решение отозвать морскую пехоту с базы? На основании распоряжения, не помню за каким номером, в функции данного вида войск входил военный контроль над всеми внеземными территориями. Военно-морской флот осуществлял контроль в дальнем космосе, военно-воздушный — в земной атмосфере, а армия — на суше.

Таким образом, Марс, Фобос и Деймос безусловно входили в сферу нашей компетенции. Единственная причина, по которой нас могли вынудить покинуть объект, — интриги других служб, направленные на урезание нашего бюджета, что в итоге привело к тяжелейшим последствиям. Интересно, чувствовал ли кто-нибудь ответственность или стыд за принятие подобного решения, или для того, чтобы наказать виновных в столь безответственном шаге, должны были уцелеть мы, дабы поведать миру о происшедшем и покрыть какого-нибудь ничтожного чиновника несмываемым позором?

— Дам тебе полный магазин для твоей пушки, если поделишься ценными соображениями, — предложила Арлин.

— Никаких ценных соображений у меня нет. Так, о политике на родной планете размышляю.

— Слава Богу, что здесь, по крайней мере, ее нет. Если не считать свастики.

— Ты на нее тоже обратила внимание? — Мне уже стало казаться, что паучий крест я сам себе нафантазировал. — Так это не политика, а неудачная шутка.

— А ты не думаешь, что они специально ее соорудили, чтобы нас запугать посильнее? Как подумаю, что они — помнишь, ты говорил? — переделывают эти строения, сразу в дрожь бросает.

— После здешних картин, Арлин, земными ужасами меня уже испугать нельзя. Ну, что у нас следующим номером программы идет? Серп и молот?

— Что-что?

— Не бери в голову. Ты слишком молода, чтобы знать, что это такое. Могу поспорить на что хочешь: больше мы здесь на символику с родной планеты не наткнемся.

Мы обменялись рукопожатиями.

— Проиграешь, — засмеялась Арлин, — потому что слишком много думаешь о политике. А я выиграю, если найду хоть какой-нибудь символ, включая религиозный… ведь мы их здесь уже немало встретили.

— Вот тут ты, пожалуй, права. Считай, что я проспорил. Иногда моя подруга читала лекции, как заправский профессор.

— Может быть, демонов — или пришельцев — ввела в заблуждение голливудская продукция, и свастика показалась им дьявольским знаком, — продолжала тем временем Арлин. — В высшей степени подозрительно, что изображение было рассчитано специально на то, чтобы запугать представителей западной цивилизации, к числу которых принадлежали и служащие Корпорации, и бойцы морской пехоты. Очевидно, что если бы вместо нас здесь находились американские индейцы или японцы, свастика была бы ими воспринята совсем по-другому. Интересно, какую бы картинку они выбрали, если бы решили организовать вторжение на космическую станцию «Ниппон электрик»? Как бы то ни было, религиозные символы исключительно земного происхождения. Готовься, капрал, к проигрышу!

Настала моя очередь ухмыльнуться.

— Ладно, девушка, если ты все-таки проиграешь, хорошо бы заранее знать, на что именно мы поспорили.

Арлин дружески похлопала меня по плечу, и мы отправились дальше, но я долго еще массировал руку, чтобы она вновь обрела чувствительность. Когда мы снова наткнемся на какой-нибудь перевернутый

крест, я тут же отдам ей все, что она пожелает, в разумных пределах, разумеется.

20

Электронная карта показала, как добраться до центрального лифта, шахта которого проходила сквозь все уровни построек. Он был совсем рядом, за стеной.

Переключатель в стене оказался весьма своеобразным — он резко выступал на барельефе, изображающем пришельца с ногами, кончавшимися раздвоенными копытами. На этот раз нажимать следовало совсем не на язык.

Я густо покраснел.

— С этим рычагом, пожалуй, вы лучше справитесь, рядовой Сандерс.

— А я-то думала, что мальчонку с детства никакие переключатели не смущают, — съязвила Арлин и нажала на рычаг.

Голубовато-серая стена неспешно заскользила вниз, в проделанную в полу нишу, и за ней мы увидели просторную кабину лифта.

— Обслуживание по высшему разряду, — Арлин махнула рукой в сторону кнопок, около которых располагались указатели всех уровней подземных помещений Деймоса.

Мы, оказывается, только что прошли складскую зону. Под нами находилась зона очистки, лабораторный уровень, командный центр, главный зал, а совсем внизу еще три уровня, однако рядом с их кнопками никаких надписей не было.

— Хотел бы я знать, что там — обычный фундамент или очередная дверь туда, не знаю куда, — обратился я к Арлин.

— Может быть, и то, и другое.

— И то, и другое… Звучит убедительно. Каждый раз, когда дверь кабины будет распахиваться, жди нападения либо огромных вампиров с планеты Порнос, либо нацистов из охранной команды СС.

— Не беспокойся, Флай, эти лифты барахлили даже тогда, когда здесь были люди. Они то и дело застревали. Если датчики обнаруживали в шахте малейшие неполадки или отклонения от обычного режима, кабина останавливалась на предыдущем этаже. А когда раскрывалась дверь, лифт тут же зависал. Попробуй нажми кнопку самого нижнего уровня… Готова снова поспорить на месячную зарплату, что ниже, чем на два уровня, мы не спустимся; так что нам обязательно придется искать другой лифт.

Я хмыкнул.

— Мне очень импонирует твоя жизнерадостность, А.С. Ну, ладно, готовы мы к путешествию или нет, здесь нам в любом случае оставаться смысла не имеет.

Действительно, все, что можно, мы на этом этаже уже совершили.

Я нажал кнопку; лифт резко дернулся и стал спускаться, пугающе раскачиваясь из стороны в сторону. Минуя зону очистки, я заметил, что кабина пришла туда не прямо, а через складскую зону, где мы уже побывали. Вдалеке, сквозь большие дыры с рваными краями, пробитые в стенах и потолках, различались очертания помещений. Было очевидно, что сравнительно недавно там проходили ожесточенные бои.

Мы спустились метров на пятьдесят. Зона очистки — по крайней мере, та ее часть, которая была видна, — представляла собой открытый лабиринт. Вдали громоздились массивные, движущиеся объекты, похожие на блоки или кубы, слепленные из розоватой плоти. Я очень надеялся, что живыми они не были и не представляли собой очередные экспонаты местного дьявольского хит-парада. Их поистине гигантские размеры чем-то напоминали лестницу из органических тканей, которая вела в зал князей ада, и пульсировавшие стены коридора на Фобосе. Когда лифт наконец остановился, мы оказались в относительно нормальной обстановке.

«Нормальность» заключалась в том, что мы попали в обычное складское помещение, заставленное рядами коробок с надписями «Объединенная аэрокосмическая корпорация». Высота рядов достигала футов двенадцати или даже больше, а плотность упаковки была такой, что они составляли собственные коридоры и лабиринты. В проходах между ящиками замелькали человекоподобные фигуры со знакомой коричневато-бурой шкурой и белыми клыками. Они пытались улизнуть как можно скорее, чтобы скрыться из вида. Ну вот, мы и снова в бесовском царстве!

Лифт остановился метрах в трех от пола, и нам ничего не оставалось делать, как спрыгивать вниз.

Арлин бросила на меня торжествующий взгляд.
— Ты должен мне месячное жалованье, капрал Таггарт.
— А разве я согласился спорить? Что-то не припомню.
— Типично американская щедрость.
Мы соскочили на пол, выложенный мраморными плитами самого омерзительного рвотно-зеленого цвета, какой только доводилось видеть. Но то, что теперь под ногами твердая земля, радовало.
— Хорошо. Рядовой Сандерс, приступим.
— Конечно, Флай. С какого ящика начнем осмотр? Может быть, их по ходу дела как-нибудь пометить, чтобы не перепутать?
Я бросил на спутницу испепеляющий взгляд — так иногда старшие братья смотрят на назойливых младших сестер. К предстоящему рок-н-роллу мы были готовы, хотя сражение с розовыми демонами подействовало расслабляюще — слишком уж мне понравились противники, лишенные способности стрелять.
Мы понеслись по складу, ни на что не обращая внимания, готовые в любой момент отреагировать на грозящую опасность. Сердца наши бешено колотились. В зоне очистки зеленой жижи тоже хватало, но особого внимания мы на нее не обращали, поскольку она в некоторых местах лишь слегка покрывала пол — глубоких омутов не было. Я искал взглядом бочки с этой дрянью, но тщетно — моего излюбленного средства борьбы с бесами тут, к сожалению, не оказалось.
Первый огненный шар пролетел далеко; зато второй — настолько близко от Арлин, что мне это совсем не понравилось. Поэтому, лишив беса жизни с первого выстрела, я не пожалел для него еще одной пули — уж очень мне захотелось хорошенько эту тварь проучить. Монстры были достаточно сообразительными, чтобы прятаться за ящиками и, высовываясь оттуда, время от времени посылать в нас огненные шары, но на то, чтобы действовать совместно по единому, согласованному плану, мозгов им явно не хватало. Разговорчивых среди них не попадалось.
Однако численностью своей они нас явно превосходили. Одному удалось подкрасться ко мне сзади почти вплотную. Если бы поблизости у него оказался сообразительный партнер, я бы в миг стал дохлым куском мяса. Но Арлин успела проскользнуть к бандюге за спину и вскрыла его штыком, как консервную банку. Хоть я и был очень занят, но, оставшись в живых, смог оценить известное изящество, с которым она, облокотившись спиной о груду ящиков, играла с ружьем. Мелькнула мысль, что напрасно только собак называют лучшими друзьями человека.
Я жестами показал ей, кому из нас в каком направлении лучше двигаться. Прошло, наверное, четверть часа, и мы снова сошлись в том же месте. Она убила за это время больше бесов, чем я. Помещение склада было очищено от клыкастых монстров.
Я страшно устал и больше всего обрадовался бы сейчас встрече с магическим голубым шаром. Арлин я до сих пор о нем не рассказывал, потому что в существование чуда трудно поверить в таком месте, как это. А она как будто угадала мои мысли, потому что подошла ко мне с небольшой черной коробочкой в руках, по виду напоминавшей аптечку с лекарствами. Настала очередь Арлин играть роль «доктора».
Она открыла коробочку и вынула, шприц, наполненный прозрачной жидкостью, с надписью: «Средство для стимулирования сердечной деятельности». Я подержал его какое-то время и не без опаски вернул, будто заряженное оружие.
— Поверить не могу, что нашла здесь такую ценность, — сказала Арлин. — Это же синтетический адреналин, который вводится пациентам при острой сердечной недостаточности.
— А что будет, если мы сделаем по такому уколу?
Девушка какое-то время молчала, прикусив губу.
— У нормального человека адреналин вызывает мощный прилив сил. Но при этом существует опасность приступа тахикардии, который может привести к летальному исходу.
— Понял. Давай-ка, чтоб зря дурью не маяться, уберем это подальше. — Я забрал у Арлин черную коробочку со всем содержимым и сунул себе в карман.
— Лучше бы, Флай, нам ее выкинуть, чтоб не возникло искушения попробовать, как эта дрянь действует.
— Знаешь, если у нас с бесами дойдет до рукопашной, мы им в научных целях вколем шприц и посмотрим на реакцию.

Единственная незапертая складская дверь вела в огромный зал, отделанный зеленым мрамором, с таинственными красными колоннами, вокруг которых живыми канатами вились странные пульсирующие вены. В воздухе висел резкий, густой запах пота, смешанный со сладковатой вонью гниющего мяса. Против механических головоломок я никогда ничего не имел, даже в сочетании с растительными излишествами. Однако мне совсем не нравилось, когда механические конструкции органически сочетались с живыми тканями и я не мог отличить, где кончается первое и начинается второе. Вены на колоннах пульсировали точно в такт ударам моего сердца, гулко отдававшимся в голове.

Поэтому я почти обрадовался, когда в помещении появилось несколько бесов. По крайней мере, они отвлекали от архитектурных излишеств. За первой группой монстров появилась вторая, потом третья. Больше они меня уже не радовали. — Флай, посмотри назад! — крикнула Арлин. Я обернулся. В противопаложном;конце зала маячили еще несколько клыкастых монстров.

Приподнятое настроение быстро падало. Насчитав с дюжину бесов, я открыл по ним прицельный огонь. Они ответили залпом огненных шаров, перестрелка завязалась нешуточная. В какой-то момент казалось даже, что в багряных отблесках пламени и черных клубах дыма загорелись колонны, подпиравшие потолок.

Я убил двоих бесов, Арлин — троих. Оставшиеся проворно укрылись за колоннами. Вскоре боеприпасы вышли, дробовик можно было выкинуть. Другого оружия в запасе не имелось. Бесы теснили нас в угол, зажимали в кольцо, пригибали к полу. Я судорожно искал выход из создавшегося положения. Что делать? Впору отходную читать. Арлин наблюдала за бесами, изредка постреливая одиночными выстрелами. Она то и дело заглядывала в окошко магазина и все сильнее хмурила брови, бедняжка.

Сунув руку в карман куртки, я вытащил коробочку со шприцем и стал ее разглядывать. Внутривенное? Нет, к счастью, внутримышечное. Хоть в этом немного подфартило. Неужели я сам себе смогу укол сделать? Своею собственной рукой? Выбора не было.

На какое-то мгновение мне почудилось, что я снова на Фобосе. Игла шприца беспокоила больше, чем летевший в лицо огненный шар. Оставалось только надеяться, что следующий виток научной революции приведет к открытию средств для внутримышечных инъекций без шприцев. Еще важнее был вопрос о том, могу ли я подвергать себя риску получить инфаркт, если действие укола окажется слишком сильным.

Господи, царица небесная и пресвятые угодники — да что же я не морской пехотинец что ли, в конце-то концов! Верный до конца! И я себя уколол.

Сначала ничего не изменилось; потом средство начало оказывать действие на надпочечники; минуту спустя я уже пылал от необузданной ярости! Весь мир затянула кровавая пелена, я изрыгал пламя, как огнедышащий дракон. Сердце колотилось так быстро, что, казалось, стало гироскопом в кардановом подвесе грудной клетки. Выхватив штык, я стрелой вылетел из угла, куда меня загнали бесы. Если Арлин и кричала мне что-то вслед, я ее все равно не слышал.

Важно было одно — убивать этих гадов, рвать и кромсать их тела, вгрызаться в этот поганый бифштекс и резать его на куски. Из тел монстров фонтанами хлестала кровь — подумать только, до чего же мне нравилась эта бесовская кровь, густая, как красные чернила из разломанного фломастера, как кагор для церковного причастия, разбрызганный по скрипучим половицам вечности.

Мерзкая плоть превратилась в мишень для удара. Она была слишком легкой добычей, а вот с костяками работы хватало — острие штыка врубалось в них, дробя и переламывая, приводя меня в еще большую ярость, давая силы. Я не обращал внимания на кровь, заливавшую глаза, — весь мир и без нее был окутан пунцовой дымкой. В адреналиновом угаре я почти не замечал боли от полученных ран и царапин.

Чем больше я убивал нечисти, тем тяжелее становились руки. Одновременно усталость вызывала прилив яростного гнева. Страшные морды, поначалу казавшиеся варварскими масками из фильмов ужасов, я уже не различал — они превратились в мелькающие пятна, — как, впрочем, и когти, иногда задевавшие мою кожу. Мы все время были рядом, и главное свое оружие — огненные шары — монстры не могли пустить в ход.

Соображал я довольно туго, но чувствовал, тем не менее, что и у меня из многих ран сочится кровь. Но

это была сущая ерунда — кровь только разогревала: моя, чужая — значения не имело. Главное состояло в том, что льющаяся кровь давала дополнительные силы, чтобы беспрестанно вонзать штык в бесовские тела и мочить их одного за другим. На каждое движение я отвечал ударом штыка.
Внезапно передо мной возник еще один бес. Это был последний — с прочими я уже расправился.
— Флай!
Это же надо такое придумать — он меня еще и по имени назвал! Никак не подумал бы, что какой-то гадский гад знал мое имя и мог говорить, причем неестественно высоким, почти женским голосом. Я оторопел настолько, что на секунду замешкался и задержал руку с уже занесенным для удара штыком.
— Флай!
Зрение начало проясняться. Рука словно налилась свинцом, грудь рвала на части острая боль, бешеный ритм безумно колотившегося сердца чуть замедлился. Ярость медленно покидала меня, откатываясь плотными, красными волнами, почему-то вызвавшими ассоциации со складками на красном, бархатном театральном занавесе. Размытые и неясные контуры врага стали фиксироваться и закрепляться, обретая знакомые черты Арлин.
Я был безумно рад, что не разделался с моим последним бесом.
21
— Дело сделано, — доложила Арлин. — С тобой все в порядке, Флай?
— Пить хочется, — прокаркал я пересохшей глоткой. Во время драки содержимое моей фляжки вытекло. Арлин напоила меня водой из своих запасов и участливо спросила:
— Теперь полегче?
Я кивнул, чувствуя, что вымотан до предела.
Даже не помню, как она вывела меня из зала, усадила на пол и взяла за руку. Мозг продолжал лихорадочно работать, как во время схватки, но тело совершенно обессилило.
Арлин дала мне минут двадцать передышки, потом помогла подняться, и мы поковыляли дальше.
Пройдя безопасную зону и оставив позади поле битвы с колоннами, мы обнаружили еще одну запертую дверь. Стучаться в нее, конечно, было бессмысленно. Рядом по полу растеклась мерцающая, ядовитая слякоть, а над ней, на выдававшейся из стены консоли, лежала голубая магнитная карточка.
— Особенно перспективным я бы такое положение не назвала, — заметила Арлин.
У меня зеленая жижа тоже никогда энтузиазма не вызывала, но, поскольку в голове еще стояла адреналиновая муть, я вызвался в качестве добровольца сходить за карточкой.
— Жди, — сказал я. — Мне сейчас совсем не повредит маленькая пробежка по зеленце — как раз чтобы сердце в норму пришло.
— Нет, Флай, тебе сейчас отдых нужен!
Забота Арлин тронула меня до глубины души. Я особенно оценил ее, когда, все-таки настояв на своем, направился по светящейся слизи в сторону выступавшей из стены консоли. Хлюпавшая под ногами отрава замедляла движение и понемногу проедала толстые подошвы. Я наступил на что-то твердое и почувствовал, что под моим весом оно начало двигаться. Из-под слоя жидкости послышались механические звуки, затем последовало нечто более существенное — часть пола вдруг стала подниматься.
Худшее, что я мог сейчас сделать, это поскользнуться. Мне совсем не хотелось упасть в ядовитую мерзость. Я смог устоять и увидел, что поднимавшаяся ячеистая металлическая платформа двигалась точно в направлении светившихся вверху голубых огоньков. Я уже собрался было двинуться дальше, как мимо проскочила Арлин, повернулась и, сделав шаг вправо, встала прямо под блестевшие огоньки.
Как только она там оказалась, произошла странная вещь: у нее из-под ног поднялась еще одна ячеистая металлическая секция, над которой тоже мерцали голубые-огоньки, похожие на звезды, которые, как я надеялся, в скором времени мы снова увидим. Я подошел к Арлин и встал рядом на замечательное приспособление для перехода через ядовитое болото. Интересно, существовали такие же устройства в других помещениях?
Когда мы достигли «острова» на противоположной стороне омута, Арлин сказала:
— Кажется, мы похожи на крыс в лабиринте.
— Больше того, — поддержал ее я, — ни один человек никогда не додумался бы до такого абсурда, разве что безумный какой массовик-затейник, изобретающий игры для развлечения незваных гостей.

— Если бы речь шла только об играх, нам не о чем было бы беспокоиться. Тебе не кажется, что пришельцы весь Деймос перелопатили? — Арлин протянула руку к консоли и взяла голубую магнитную карточку.
Скоро мы нашли дверь с аккуратным голубым косяком; карточка оказалась ключом именно к ней — дверь тут же распахнулась. Как только мы вошли внутрь, я завопил от радости, увидев свою добрую знакомую — ракетную установку с массой мини-ракет, и автоматический пистолет АБ-10.
В углу валялось тело беса.
— Как думаешь, он сдох естественной смертью? — спросила Арлин.
— Нет, скорее неестественной.
— Слушай, — она внезапно сменила тему. — Если бесы настолько сообразительны, что могут разговаривать, почему же они не пользуются оружием?
Вопрос что называется был на засыпку. Я и сам ломал голову над этой загадкой. — одной из многих, что не давали мне покоя.
— Не потому ли, что так было бы несправедливо, — предположил я.
— Что-что?! — Брови Арлин взлетели вверх. — Должно быть, я ослышалась; ты, вроде, брякнул, что бесы не пользуются оружием, потому что чересчур справедливые?
— Ну, может быть, я не совсем правильно выразился. Скорее, я хотел сказать, что если бы они им пользовались, результаты эксперимента, который, возможно, над нами проводят, чтобы проверить наши способности к выживанию в экстремальных условиях, могли бы быть необъективными. Тот Разум, который, как мне кажется, всем здесь заправляет, немного бы узнал о наших возможностях. А о том, как мы помираем, он уже имеет полное представление.
Арлин погрузилась в размышления.
— Ох, не нравится мне все это, Флай, — наконец-то прошептала она. — У меня такое чувство, будто за нами постоянно следят.
— Думаешь, я параноик?
— Я же не говорю, что не согласна с тобой. Просто мне не нравятся намеки на то, что вторжение на спутники Марса затеяно лишь для того, чтобы попрактиковаться, в войну поиграть, что это лишь пролог к чему-то еще…
— К чему именно?
— Вот это, Флинн Таггарт, нам как раз и надо выяснить во что бы то ни стало.
Арлин взяла АБ-10, а я — свою любимую игрушку, которая убивала минотавров и запросто открывала любые двери.
До другого лифта мы добрались без приключений — его нетрудно было найти по электронной схеме. Легкость, с которой нам это удалось, объяснялась, наверное, тем, что в очистной зоне нам здорово досталось. Должно быть, существовала все же высшая справедливость, в силу которой периоды предельного напряжения чередовались с минутами относительного спокойствия. Войдя в кабину, мы обнаружили, что действует только кнопка следующего уровня; все остальные отключены. Видимо, лифт предназначался лишь для сообщения между двумя этажами. Арлин возликовала, вспомнив о нашем споре, но я расставил точки над «i», напомнив, что идею пари не поддержал.
Выйти из лабиринта можно только спускаясь вниз, в очередной раз повторил я себе и нажал кнопку. Что бы ни говорила моя подруга, я считал своим долгом вызволить ее из этого ада. В настоящий момент чувство долга совпало с инстинктом самосохранения, как и наши с Арлин пути — обоим нам ничего другого не оставалось, как все глубже погружаться на дно преисподней.
— Не нравится мне это место, — призналась Арлин, когда мы вышли в просторный холл, где росли вьющиеся растения телесного цвета, напоминавшие плющ или виноград.
— Что именно не по душе? Ряды черепов или увитые плющом стены? Я, наоборот, считаю, что мы здесь должны себя чувствовать почти как дома.
Мы обошли разросшиеся заросли стороной; растения выглядели так, будто готовы обвиться вокруг наших шей и задушить насмерть.
— Флай, — прошептала Арлин, — а вон еще лифт.
Она указала рукой влево, в просвет между побегами плюща, и я не без удивления обнаружил, что стена там отсутствовала — на ее месте лишь вилась «растительная» жизнь.

— Молодец, — откликнулся я.
На другом конце холла, помимо лифта, присутствовало кое-что еще: наши старые приятели — розовые демоны, а в придачу к ним бесы.
Мы отпрянули, а бесы принялись пересвистываться и катать слизь для огненных шаров. Моя подруга спокойно, тоном профессионала, от которого мороз по коже продирал, прошептала:
— Флай, сейчас потребуется ракетная установка.
Готовясь к новой схватке, я обернулся, чтобы уточнить обстановку, и увидел немного впереди пару гигантских летучих тыкв, запертых в клетке. Я чем угодно мог бы поклясться, что еще минуту назад на том месте ничего подобного не было! Клетку эту, наверное, только что сверху опустили.
Если бы в ней сидели демоны, не стоило бы переживать; однако расстояние между прутьями решетки было более чем достаточным, чтобы тыквы беспрепятственно палили своими смертоносными шаровыми молниями.
Почему дурацкие летающие головы заперты в клетку, никто бы, наверное, объяснить не взялся. Но их присутствие гарантировало нам точно такую же степень безопасности, как угроза со стороны засевших за забором пулеметчиков.
Воздух с треском раскололся; электрический разряд впился тысячами иголочек в голову и шею, волосы мгновенно встали дыбом. Голова Арлин стала похожа на большой, взъерошенный мяч. Сосредоточившись на единственной задаче — вскочить и стрелять по врагу, — я все же услышал ее крик:
— Девятку беру на себя! — Это означало, что Арлин собиралась расправиться с полоумными бесами и розовыми, которые находились по другую сторону вьющихся зарослей, слева от нас — в сторону девятки на часовом циферблате.
Приходилось то и дело скакать из стороны в сторону и пригибаться, чтобы не напороться на огненные шары, опалявшие искрами то же самое пространство, что и электрические парикмахеры — шаровые молнии. Очень хотелось, чтобы расстояние между бесами и тыквами сократилось как можно сильнее — в этом случае огненные шары бесов достигли бы тыкв, а те, в свою очередь, сократили бы численность бесов шаровыми молниями.
Желание мое вскоре исполнилось. Арлин открыла огонь из АБ-10. В ответ бесы стали метать в нее огненные шары, которые летели прямехонько в их розовых приятелей. Это надо было видеть! Пока розовые пережевывали бесов, прилагавших все усилия, чтобы поджарить противника огненными шарами, я — дабы не отставать от них — ракетами превратил клетку с чудовищными тыквами в духовку, где благополучно испекся тыквенный пирог.
— Все в порядке? — крикнул я, и по тому, как Арлин затрясла головой, понял, что ей никогда раньше не доводилось бывать так близко от разрывавшихся ракет.
— Все в порядке будет, когда перестанет звонить звонок промеж глаз, — отозвалась она.
— Ты права, от этих игрушек в голове потом долго звон стоит, что правда — то правда.
Когда мы протиснулись между стеной и опаленными прутьями клетки в пустую, серую комнату, меня все еще продолжали беспокоить огромные блоки живой плоти, которые мы заметили из кабины лифта.
— Здесь многие помещения использовались для переработки руды и очистки жидких отходов, — пояснила Арлин. — Будь очень осторожен, некоторые виды оборудования опасны для жизни.
Она была права: откудато поблизости доносились механические звуки, от которых бросало в дрожь. Интересно, что это такое?
Я не увидел в цехе никаких платформ, лифтов или лестниц. Головоломку решила Арлин, бросив взгляд вверх.
— Батюшки! — вырвалось у нее. — Да это же пресс для дробления рудной породы!
Потолок помещения опускался прямо на нас. Не стремительно, но достаточно быстро.
— Кажется, что-то подобное я уже видел в кино, — пробормотал я и скорехонько отскочил назад, туда, откуда мы пришли.
— Напоминает Эдгара Алана, правда? — сказала Арлин. Мы успели вовремя убраться восвояси — иначе от нас остались бы только мокрые пятна.
— И что теперь?
— Неприятно говорить, Флай, но другого пути отсюда нет. Если только где-нибудь потайная дверь

обнаружится или что-нибудь в этом роде. Хорошо бы ее найти, не то нас ложками от пола не отскребешь.
Потолок ударил в прикрепленную в самом низу стены панель, потом стал неспешно подниматься на прежнее место.
— Попробуем-ка найти какой-нибудь обход вокруг этого дурацкого пресса, — задумчиво произнесла Арлин. — Хотя я твердо уверена, что единственный путь в девятый сектор, где сквозь заросли плюща виднелся второй лифт, здесь. Я это точно помню еще с тех времен, когда проходила здесь практику. Знаешь что, друг, я быстро проскочу под прессом и разведаю, что к чему — мне ведь эти места лучше, чем тебе, известны.
От мысли, что Арлин «проскочит» под движущимся потолком, пока я, стоя в безопасности, буду «охранять» ее, стало жутко. Но предложение заключало здравую идею.
Зажав в одной руке фонарь, девушка бросилась под пресс, когда он едва поднялся. Оказавшись на противоположной его стороне, она стала осторожно шарить рукой по гладкой поверхности стены.
— Ну, как ты там? — Голос мой прозвучал достаточно громко, чтобы Арлин расслышала вопрос.
— Никак не найду переключатель, — отозвалась она.
Я, как бессменный часовой, беспокойно вышагивал перед камерой в духе Эдгара Алана По и — вы не поверите — как-то ненароком задел индикатор, видимо, среагировавший на мое движение, потому что прямо перед Арлин настежь распахнулась дверь. Это была чистая удача. Слепой случай пришел нам на помощь.
Потолок достиг верхней точки и снова начал спускаться. Я пригнулся и, как полусредний нападающий, понесся по прессовочной прямо к двери, которая уже начала закрываться точно с такой же скоростью, с какой двигался потолок.
Дверь вела в комнату, которую мы видели, когда спускались с предыдущего уровня. Тогда мы успели разглядеть непонятные поднимавшиеся и опадавшие кубические и прямоугольные массы плоти, чем-то похожие на дробилки для руды.
Оказалось, что розоватые блоки не просто состояли из плоти — плоть эта была живой. Двадцать пять розовых, вздымавшихся и опадавших блоков занимали все помещение и вызывали не столько отвращение, сколько ощущение совершеннейшей никчемности. При движении они издавали высокое, жалобное всхлипывание, подобно тому, как иногда хнычут новорожденные дети, которым неможется.
— Что это еще, черт возьми, такое? — задал я риторический вопрос.
— Интересно, может эта дрянь перемещаться? — спросила в свою очередь Арлин.
— Ну и ну, что же это они такое делают? — добавил я.
Арлин подошла поближе к одному из блоков и стала опускаться на корточки и подниматься в такт движениям розоватой массы.
— Знаешь, Флай, — это мышечная ткань. Человеческая мышечная ткань.
Я подошел к другому блоку.
— А здесь сердца, печенки и еще какие-то внутренности. Следующие пять блоков состояли из серой, губчатой массы, как бы пронизанной складками, бороздками и морщинами.
— Если только моя милая бабуля много лет назад мне говорила правду, — произнес я, — тогда то, что я вижу — это мозги, А.С.
— Ну, и дела, — прошептала Арлин и в ужасе отпрянула. — Интересная картинка складывается… мышцы, мозги, внутренние органы — у тебя есть по этому поводу какие-нибудь соображения, Флай?
— Несколько. Ни одно из них, правда, не вселяет оптимизма.
— Они занимаются выращиванием человеческих тканей?
— Это было бы далеко не самым худшим вариантом… Арлин уставилась на меня широко раскрытыми глазами.
— Что же тогда ты называешь худшим вариантом? Я невесело усмехнулся.
— Они выращивают человеческие существа. Им нужны эти ткани, потому что они хотят сами создавать генетическим путем солдат-зомби, которые действовали бы более умело, чем те уроды, которыми они командуют сейчас.
Мы еще пару минут смотрели, как блоки опускаются и поднимаются. Потом Арлин встрепенулась.
— Капрал!

— Слушаю, рядовой.
— Прошу разрешения положить конец этим исследованиям.
— С удовольствием разрешаю. Ты что-нибудь надумала?
Арлин действительно надумала. На стене с дверью, через которую мы сюда попали, висело несколько чадящих факелов. Мы вынули их из гнезд, а стоявшим рядом маслом, которым они были пропитаны, облили все блоки розоватого желе. Затем отошли в противоположный конец комнаты, и я торжественно протянул девушке зажигалку — в конце концов, блестящая идея принадлежала ей.
Когда мы покидали помещение, над блоками весело потрескивало пламя. Я, правда, опасался, что кости уцелеют — тогда эти твари станут выращивать зомби в образе скелетов!
Миновав коридор, мы свернули за угол, и я буквально остолбенел. Арлин налетела на меня сзади и тоже замерла, ошеломленно уставившись на открывшуюся картину.
Полукругом, спинами к нам, расположились пятнадцать демонов, бубнивших что-то в унисон. Впечатление было такое, будто они хором толкают речь. Справа от них виднелась знакомая бочка с зеленой гадостью.
— Не слышала еще рассказ про то, какую шутку я отмочил с этими бочками? — шепотом спросил я и услышал в ответ.
— Давай-ка быстренько мотанем обратно за угол.
Я последовал за Арлин, а потом высунулся и, тщательно прицелившись, мягко спустил курок.
Казалось, мир взорвался. Огненная волна успела обжечь мне глаз и руку еще до того, как я отскочил назад. Грохот взрыва напрочь заглушил вопли демонов.
Когда дым рассеялся и последние ошметки красновато-розовой плоти монстров попадали на гладкий пол, Арлин одобрительно кивнула.
— Да, зрелище впечатляющее, — потрясенно произнесла она.
Как выяснилось позже — устроившиеся полукругом демоны молились.
Неожиданно из дыма и пламени прямо перед нами возник князь ада. По всем признакам он пребывал в состоянии крайнего бешенства, потому что, ничего не соображая, ломился через руины, расчищая себе путь и отбрасывая в стороны оторванные члены демонов вместе с кусками обрушившейся каменной кладки. Это был потрясающий экземпляр минотавра, подлинное произведение искусства, безобразие которого только подчеркивалось безудержным гневом.
Князь ада прорычал что-то похожее на вызов и стал метать в нас свои смертоносные молнии из приспособлений, прикрепленных к запястьям.
22
— Беги! — крикнул я, перезаряжая ракетную установку. Арлин не послушалась. Ее АБ-10 палил без устали, но пули отскакивали от бестии, не причиняя никакого вреда. Нашим единственным шансом остановить минотавра оставалась только ракетная установка.
Первые две ракеты я выпустил, пятясь назад. Взрывная волна отбросила нас на пол. АБ-10 вырвался у Арлин из рук, и она на карачках поползла за ним. Между нами, на мгновение ослепив, пролетел электрический разряд. Пока я чувствовал в руке металлическую поверхность малюсеньких ракеток и на ощупь перезаряжал установку, временная потеря зрения меня не беспокоила. А когда я закончил, пелена с глаз спала, и я увидел, что князь ада движется прямо на нас в клубах дыма и омерзительно вонючих серных парах.
Прежде я поклялся никогда не стрелять ракетами с такого близкого расстояния. Но одного взгляда на зеленую физиономию с витыми, бараньими рогами было вполне достаточно для того, чтобы я решился нарушить данную клятву.
Прямые попадания с третьего и четвертого раза остановили наконец мерзкую тушу, но минотавр все еще держался на ногах. Я продолжал его ясно видеть, хотя теперь от грохота взрывов потерял слух.
Перезаряжая установку негнущимися пальцами, я не торопился подниматься, решив стрелять из лежачего положения. Я прополз мимо Арлин, которая уже подобрала свой пистолет и целилась в чудовище.
Она закрыла глаза рукой и вжалась в пол, когда взорвались пятая и шестая ракеты, ударившись о ту же мощную грудь, которую не смогли пробить четыре предыдущие ракеты.
Я продолжал ползти, закрыв глаза. Дикой силы грохот, казалось, разорвал барабанные перепонки,

взрывная волна пронесла меня по полу на несколько метров. Я, шатаясь, поднялся и попытался снова перезарядить установку. Огромный князь ада неподвижно стоял на прежнем месте, сверля меня взглядом, в котором сквозила нестерпимая боль.
Я уже собрался спустить курок, но минотавр издал громкий, хриплый крик — или вздох? — и, как каменный истукан, замертво рухнул на пол, раскроив себе при этом омерзительную морду.
— Господи, что же это такое было? — выдохнула Арлин, которую всю трясло.
— Этой твари, детка, имя придумывать не надо, — сказал я. — Оно у нее уже есть. Ты сейчас видишь такой же образец князя ада, от которого улизнула на Фобосе в щель в стене около Ворот. Именно он гнался за тобой по коридору, пока ты рисовала череп со скрещенными костями.
Арлин трясла головой, как бы пытаясь очистить мозги от наваждения. Впервые за время после нашей встречи мне показалось, что она сильно сдала.
— Ну, парень, если бы тогда в том коридоре свет был чуть поярче и можно было бы разглядеть, что именно ко мне приближается, я бы секунды лишней там не осталась, чтобы картинку тебе нарисовать.
— Не наговаривай на себя, ты бы все равно обо мне вспомнила и какой-нибудь знак оставила.
— Да, от скромности ты, пожалуй, не умрешь.
Чтобы обрести душевное равновесие, мы подбадривали друг друга как могли. С трудом пробравшись через груду .мертвых тел в нужном направлении, мы увидели лишь залитое зеленой отравой пространство — я бы не сказал, что это справедливая награда за подвиг, который мы только что совершили.
— Черт, — буркнула Арлин. — Такое ощущение, что это помещение проклятое затоплено специально.
— А кто говорил, что по лужам лучше вприпрыжку бегать? — напомнил я. — У нас есть отличный повод проверить гениальную теорию.
Лучше бы я молчал, потому что Арлин безапелляционно заявила, что пройдет через зеленый омут первой, и с разбега прыгнула в самый центр токсичной лужи. Я старался держаться рядом с ней. Бежать в прямом смысле слова мы, конечно, не могли, так как было слишком скользко, но передвигались достаточно быстро.
Жижа сильно мешала ходьбе, засасывая обувь и не желая ее отпускать. С каждой секундой я чувствовал, что состояние мое ухудшается. Эх, встретить бы сейчас целебный голубой шар. А может, спасительную голубую сферу я попросту нафантазировал?
И все-таки даже неприятностям рано или поздно приходит конец. Сделав круг через все помещения уровня, мы оказались в его девятом секторе, футах в десяти от лифта, который виднелся в просвете между зарослями плюща.
Лифт оказался старого образца — вместо кнопок управления там был только рычаг, нажимая на который кабину можно было приводить в движение и останавливать. Нам пришлось потратить немало времени на то, чтобы затормозить, когда мы достигли следующего уровня.
Выйдя из лифта, мы первым делом наткнулись на платформу телепорта — ничего хорошего это не предвещало.
— Теперь моя очередь идти первым, — заявил я. Арлин спорить не стала.
По прошествии традиционных тридцати секунд она появилась, а я уже был целиком поглощен работой: за это время мне удалось уложить троих бесов и пятерых бывших солдат или рабочих, выказавших гораздо более дурное расположение духа, чем зомби, с которыми пришлось расправиться раньше.
— Держись, идет подмога! — крикнула Арлин, но по сравнению с битвой с князьями ада нынешняя стычка была просто детской забавой. Большая часть зомби оказалась вообще без оружия!
— С этими мы разделаемся без труда, — пообещал я.
— Не хвались, на рать идучи, — предостерегла Арлин. Это ее замечание я оставил без внимания.
Появилась еще одна платформа. При нашем приближении она стала снижаться, как будто приглашала взойти на нее. Все еще пребывая в состоянии боевого задора, я встал на платформу, несмотря на предупреждение Арлин. Она, естественно, последовала за мной.
Когда платформа поднялась, я обернулся и прямо перед собой увидел еще одного князя ада, сжимавшего в когтях синюю магнитную карточку!
— Ну, давай же, Флай, давай! — закричала Арлин.
Я так и не понял, то ли мне с минотавром расправляться, то ли карточку у него отнимать. Как бы то ни

было, у меня оставалось только четыре ракеты, которых явно не хватало, чтобы уложить князя ада.
Я навел на него ракетную установку, но стрелять не стал. Что-то в воем враге озадачивало. Через секунду до меня дошло: мы стояли с ним нос к носу, а он еще ни разу не зарычал. И не сделал ни одного движения. Я подошел чуть ближе. Он стоял неподвижно, как каменный истукан, взглянувший в глаза Медузе-горгоне и превратившийся в камень.
Сердце мое билось, как птица в клетке, но я набрался храбрости и, подойдя вплотную к минотавру, осторожно вынул из его когтей голубую магнитную карточку. Потом соскочил с платформы и вернулся к Арлин. Меня бил колотун.
Мы стояли с ней на небольшом островке, со всех сторон окруженном токсичными зелеными отходами. Просторное помещение было достаточно хорошо освещено, и на некотором расстоянии от нас в ядовитом море можно было разглядеть другие острова — какие-то агрегаты, каждый из которых возвышался на отдельной платформе.
Арлин нашла длинный металлический шест и стала шарить по дну зеленого омута в поисках глубоких ям. Сама она осторожно продвигалась вперед по «мелководью». Так она дошла до первого острова. Я неотступно следовал за ней. Несколько раз повторив операцию, мы миновали залитое зеленой жижей пространство и оказались в коридоре, освещенном мерцающим голубоватым светом.
Меня радовало, что по цвету освещение подходило к карточке, только что вынутой из лап минотавра. Предчувствие не обмануло — в конце коридора оказалась дверь с голубым косяком, а за ней — узкий коридор, пол, потолок и стены которого заливал такой яркий красный свет, что больно было смотреть. Коридор привел в очередное просторное помещение, с противоположного конца которого доносились знакомые звуки — так стонали блоки человеческой плоти.
Многообразие форм живой материи не обошло стороной даже Деймос. Но в данном случае скрипы и шорохи издавали механизмы, которые по крайней мере по внешнему виду не имели ничего общего с живым организмом. Это меня хоть немного утешило.
— Вот, здорово! — услышал я возглас Арлин. — Какой-то помощничек подбросил на станину пресса еще одну магнитную карточку.
Мы, конечно, не могли пройти мимо такого ценного предмета — электронного ключа от неизвестной нам пока двери.
Гигантский металлический пуассон неведомого штамповочного устройства периодично обрушивался вниз, зависая в нескольких сантиметрах над плоской платформой станины, готовый растереть в порошок любой оказавшийся там предмет.
— А.С., эту карточку не иначе как приманку положили. Неужели мы без нее не обойдемся?
— Но ты же не станешь отрицать, что сюда мы попали только благодаря синей карточке? — настаивала Арлин. — А что находится за таинственной желтой дверью, неизвестно.
— Но…
Моя подруга больше меня не слушала. Единственный способ достать желтую карточку состоял в том, чтобы залезть под пуассон, схватить ее и откатиться на другую сторону станины до того, как пресс обрушится снова, чтобы сделать из смельчака котлету.
Арлин отошла немного в сторону, не сводя глаз с штамповочного агрегата. Я уже решил было остановить ее, рассказав о собственном патентованном способе открывания дверей, но вовремя сдержался, вспомнив, что в запасе осталось совсем немного ракет.
— Ладно, если ты считаешь, что без этой карточки никак не обойтись, давай я ее достану, — предложил я, поняв, что сопротивление бесполезно.
— Ты? Не смеши меня, капрал. У тебя на занятиях строевой подготовкой обе ноги всегда левыми были, и в сроки ты почти никогда не укладывался.
Я открыл рот, чтобы с негодованием опровергнуть наглую ложь, но вовремя вспомнил, что отчасти девушка права. У меня действительно бывали иногда в этом плане затруднения.
С замиранием сердца я смотрел, как Арлин высчитывала время движения пуассона. Потом очень быстро, чтобы самой не передумать и мне не дать ее остановить, она метнулась вперед точно в тот момент, когда гигантский пресс дошел до нижней точки и начал подъем, стрелой пронеслась через отделявшее нас от махины пространство, со скоростью бейсбольного мяча проскользнула к заветной карточке, зажала ее в руке и… остановилась!

Да, она застыла на месте, и я при всем своем желании уже не мог ей ничем помочь — я бы туда даже на крыльях не долетел. Перед моим мысленным взором пронеслась леденящая душу картина.
Если бы с Арлин случилось несчастье, я бы точно сиганул под пресс и навсегда остался лежать рядом с подругой.
Слава Богу, мне не пришлось этого делать — в последнюю долю секунды Арлин все-таки удалось выскочить из-под пуассона и скатиться на пол.
Карточка осталась лежать на самом краю платформы. Взять ее оттуда уже не составило никакого труда, и Арлин это сделала, как только пуассон в очередной раз скользнул вверх.
Она положила карточку в карман — и как раз вовремя. За штамповочным агрегатом оказалась толстенная дверь типа тех, которые ставят в банковских хранилищах. По ее периметру светились желтые огоньки. Очень сомневаюсь, что моей ракете удалось хотя бы оцарапать ее хромированную обшивку. Здесь нужно было что-то помощнее.
Желтая магнитная карточка открыла проход в центральный коридор, огибавший гигантское, цилиндрическое помещение. Чтобы спуститься к его основанию, мы сели в лифт, а когда из него вышли, он сам по себе поднялся вверх.
С внутренней стороны дверь лифта выглядела как позвоночный столб с ребрами. Не думаю, что человеческое существо в твердом рассудке и здравой памяти могло придумать что-то подобное. У меня не осталось больше никаких сомнений в том, что пришельцы здорово потрудились над переделкой сооружений Деймоса по своему вкусу.
— Я не в восторге от их дизайнеров по интерьеру, — сказала Арлин, будто прочтя мои мысли, и кивнула в сторону нового забавного зрелища. Вдаль, насколько хватало взгляда, уходил бесконечный ряд странных подставок, походивших на красные плевательницы. Над каждой из них был укреплен череп, залитый красным светом.
— Если все же это выдумали люди, уверен, что они с большим приветом, — заметил я.
— Знаешь, Флай, выясняется любопытная закономерность. Головы монстров, которых мы видели, либо слишком большие, либо чересчур несуразные, чтобы их спутать с человеческими.
— Ну, и что?
— Как тогда объяснить наличие в лабиринтах такого количества человеческих черепов? Сколько мы их уже видели изображенными на стенах и потолках, да и самих черепов вполне хватает — посмотри хотя бы на эти. Разве они не человеческие?
— По форме — да, но не думаю, что они настоящие. Даже если бы всех зомби обезглавили, их голов все равно не хватило бы на эти украшения.
Арлин коснулась одного черепа.
— Да, этот явно не настоящий, — подтвердила она. — Скорее металлический, чем костяной.
Я повертел в руках череп, рассматривая его с разных сторон.
— На что хочешь поспорю, что черепушки здесь поставлены, как и та свастика поганая, чтобы на нас побольше страха нагнать. Неужели твари все еще думают, что этот дурацкий маскарад и вправду может нас деморализовать?
Я тут же пожалел о вырвавшейся фразе. Прозвучавший в моих словах вызов явно был услышан, поскольку ответ последовал незамедлительно. За каждым нашим шагом и впрямь следили.
На этот раз из-за угла выдвинулась целая толпа бесов и зомби в сопровождении двух летучих тыкв. Шум они подняли такой, что в ушах звенело. К счастью, враги шли на нас гурьбой. Если бы они перли с разных сторон, шансы выпутаться из передряги были бы ничтожны.
Арлин распласталась на полу, я приготовился пустить в ход ракеты. Бесы меня мало волновали, самая большая опасность исходила от летучих тыкв, на которых я и сосредоточил основное внимание.
Враги проявили беспечность и смешались между собой, олицетворяя дикую орду. Я ничего не имел против — так в них легче было попасть.
Послав несколько зарядов, мы отскочили за ближайший поворот и принялись ждать, пока рассеется дым и воцарится тишина. Потом стали добивать тех, кому удалось уцелеть, — Арлин из АБ-10, а я из дробовика. В запасе у меня еще оставалась последняя ракета.
Во время битвы кто-то — мы или твари — случайно привели в движение укрепленный в полу переключатель, и перед нами появилась лестница. Когда последняя тыква лопнула и растеклась

оранжево-голубой слизью по голове последнего убитого беса, мы поднялись по ней.
Арлин нажала еще на один переключатель. Появилась еще одна лестница, приведшая к третьему переключателю и третьему лестничному пролету, на вершине которого обнаружился очередной телепорт.
Мы взошли на него вместе, и он перенес нас в длинный коридор с забранными решеткой окнами. Арлин подошла к одному из них, чтобы посмотреть, что творится по другую сторону, но тут же с криком отпрянула.
— Что там такое? — встревожился я. — Уверен, не звездное небо с Марсом.
Тяжело дыша, девушка жестом пригласила меня взглянуть самому. Шутить она была явно не в настроении — кровь отхлынула у нее от лица. Никогда раньше я ее такой не видел. Мне ничего не оставалось, как подойти к окну.
Как-то раз, еще когда я был ребенком, мне довелось увидеть в музее одну картину, которая стала моим первым кошмаром. Потом я много лет о ней не вспоминал, но теперь она снова возникла в памяти.
За окном текла река из человеческих лиц, сотен человеческих лиц, каждое из которых было островком в безбрежности человеческой плоти. На всех них без исключения лежала печать отчаянного ужаса — безысходного, вечного кошмара, на который обречены проклятые души.
Адское зрелище возымело именно то действие, на которое было рассчитано, — мы оба оказались напрочь выбитыми из колеи. Иначе наверняка не позволили бы тупому, грузному демону подобраться к нам сзади так близко, чтобы запустить свои чудовищные челюсти в плечо и шею Арлин.
Ее крик, в котором смешались боль и отчаяние, мгновенно отразился на лицах проклятых душ, плывших по реке смерти.
23
— Арлин! — вскрикнул я и, схватив монстра голыми руками, оттащил его в сторону до того, как он успел вторично запустить в тело девушки свои клыки и загрызть ее насмерть.
Монстр неуклюже споткнулся. Я выхватил АБ-10 и выпустил в раскрытую, окровавленную пасть пару дюжин патронов. Он упал и больше не поднимался.
Мне страшно было даже прикоснуться к Арлин. Из зиявшей, смертельной раны фонтаном хлестала кровь. Она умирала.
Лицо ее сделалось землистого цвета, пустые, стекленеющие глаза смотрели в вечность. Один зрачок расширен, другой неимоверно сжат. Я ничего не мог для нее сделать, и никакое лекарство тоже.
Но, черт дери, она не должна была умереть именно здесь и стать еще одной каплей в страшной реке проклятых душ.
С предельной осторожностью я поднял окровавленное тело Арлин на руки и понес прочь из этого заклейменного Богом места. Прерывистое, слабое дыхание, которое я не столько слышал, сколько чувствовал руками, указывало на то, что девушка еще жива, и это вселяло некоторый оптимизм.
В конце коридора я бережно посадил ее на пол. Подступы к двери лифта были отрезаны потоком, напоминавшим раскаленную лаву. В надежде на то, что эта красная дрянь не более опасна, чем зеленая отрава, я бросился к углублению в стене, куда был вмонтирован переключатель.
Как только я на него нажал, в потоке лавы появился проход. Ну что ж, тем лучше. Я побежал обратно, подхватил Арлин на руки и перенес по проходу через лаву.
Уже перед самым лифтом позади меня раздался скрежет, и я в растерянности обернулся, чтобы посмотреть, в чем дело. Там медленно поднимался переход, который вел к углублению в стене, видному только с того места, где я теперь стоял. В прямоугольном отверстии появился голубой шар с нарисованным лицом. А я-то думал, что он мне в бреду привиделся, и никогда больше мы с ним не встретимся. Этот эпизод оказался единственным, о котором я не стал рассказывать Арлин, потому что поверить в такое было просто невозможно. Вид чудесного голубого шара подействовал, как инъекция адреналина. Как можно быстрее, чтобы переход не успел опуститься, я перенес Арлин на другую сторону, не обращая внимания на то, что кое-что из наших небогатых запасов падало вниз — некоторые из вещей упали на плиты перехода, другие безвозвратно утонули в потоке лавы. Потери меня не волновали — я гораздо больше боялся, что волшебный голубой шар, как карнавальное украшение, исчезнет до того, как я успею к нему подойти.
Оказавшись рядом с шаром, я раздумывал лишь долю секунды, потом буквально бросил Арлин прямо

на него, чтобы ни в коем случае не коснуться его первым.
Шар лопнул с почти неуловимым, тихим хлопком, и синяя жидкость мгновенно залила тело девушки; красная кровь на глазах стала как бы испаряться в темно-голубой целительной влаге. Уже через мгновение Арлин села и прокашлялась, как человек, только что очнувшийся от глубокого сна.
— Как ты себя чувствуешь?
— Дико болит плечо. Что там с нами, черт возьми, произошло?
— Да так, ничего особенного. Просто розовый решил тобой закусить, пришлось прописать ему вечную диету. Ты уверена, что с тобой все в порядке?
Арлин встала, встряхнула руками, потом удивленно уставилась на разодранный рукав и следы клыков монстра.
— Господи, что же ты со мной сотворил?
Я понял, что настало время рассказать о магических голубых шарах. Похоже, она мне сразу поверила.
В потоке лавы безвозвратно исчезли мой пистолет и несколько запасных обойм к дробовику. Взяв наизготовку оставшееся оружие, мы проскользнули в лифт, и я нажал ту его кнопку, на которой было написано: «Командный пункт».
Лифт начал медленно, со скрежетом спускаться, и в этот момент Арлин вдруг оттолкнула меня, бросилась к панели и, нажав красную кнопку, вырубила энергию. Лифт остановился.
— Зачем ты это сделала?
Арлин пристально на меня смотрела, не говоря ни слова. Меня парализовал страх, нет — панический ужас. А вдруг с голубым шаром что-то не так, и девушка у меня на глазах превращается в зомби. К счастью, все оказалось намного проще.
— Флай, тебе есть не хочется? — спросила Арлин. — Я так проста помираю от голода. — Я покачал головой, и она продолжила: — Может, на меня так голубой шар подействовал, но я бы, кажется, сейчас целиком розового демона съела.
— А как насчет летучего тыквенного пирога на десерт? — попытался сострить я.
— Кроме того, я совершенно вымотана, и мне позарез нужно хоть немного поспать.
Вопросы, связанные с питанием и отдыхом, у меня давно уже из головы вылетели, но Арлин, как выяснилось, о них помнила.
— Ты что, забыл видеофильмы, которые нам на занятиях крутили? Там же четко было сказано, что в любое сражение или на операцию нужно брать неприкосновенный запас продуктов.
Нынешнее состояние Арлин доказывало справедливость истины, которой нас учили во время подготовки. Я тоже вдруг понял, что очень голоден. Любое блюдо из придорожной забегаловки показалось бы мне сейчас самым вкусным и изысканным во всей Солнечной системе.
— Остановленный лифт, пожалуй, единственное безопасное место, где можно спокойно выспаться. И почему мне это раньше в голову не приходило? — удивился я.
— Ты прав. Здесь почти так же уютно, как в гостинице «Холидей инн», — добавила Арлин, выгнув бровь дугой.
Она меня поражала своей хозяйственностью. Пока мы болтали, девушка вынула упаковки с порошковыми продуктами и смешала их с водой из фляжки.
— Ты уж извини, что горячего не будет, — сказала она, с изяществом вышколенного бармена помешивая полужидкую бурду, как будто готовила первосортный коктейль с мартини.
— Ничего, все отлично. — Я взял пакет из-под концентрата и прочел надпись на этикетке. — Говяжью тушенку я очень люблю есть холодной.
Самым замечательным во всей этой истории было то, что моей подруге чудом удалось уцелеть. Мы глотали жидковатую похлебку, и в душе моей разливался почти такой же восторг, как тогда, когда я нашел Арлин на Деймосе.
Она, должно быть, шестым чувством поняла, что со мной творилось, потому что опустила голову и часто замигала, как будто вот-вот разревется.
— Что-то не так? — спросил я.
— Мне не хочется говорить об этом.
— О чем?
Ее явно мучили сомнения.

— О Вилли, — наконец проговорила она. — О рядовом Додде.
— Ну, извини. — Я почувствовал себя не в своей тарелке.
— Я все время гоню от себя мысли о нем. Он же умер, правда? Или… еще хуже.
— Ну, мы же ничего толком не знаем! Я думал, что ты погибла или что тебя в зомби переделали, а нашел живой и невредимой.
— А еще когонибудь из наших ты видел? Я ничего не ответил.
— Флай, я уже смирилась с этим. Я хочу сказать, с тем, что он погиб. Если с ним что-то другое случилось, я этого просто не вынесу. — Она подняла на меня взгляд. Глаза ее были влажными, но слезы не капали. — Я хочу, чтобы ты кое-что мне пообещал.
— Все, о чем бы ты ни попросила.
— Если мы его найдем, и он… ну, ты сам понимаешь… и если я сама этого сделать не смогу… ты сделаешь? Обещаешь? И больше, давай, никогда об этом не будем вспоминать.
Я кивнул, но говорить ничего не стал, потому что просто не мог — то ли от неожиданности, то ли от нахлынувших чувств у меня, как у той вороны, в зобу дыханье сперло. Конечно, детка, конечно, милая, я счастлив буду избавить тебя от своего соперника, если случилось так, что его переделали в зомби. Уж с этим-то, поверь мне, проблем не возникнет никаких!
Арлин сменила тему разговора, вернув меня к более прозаичным заботам.
— Знаешь, мне кажется, что пришельцы, с которыми мы сражаемся, не те, что построили Ворота.
— Мне самому эта мысль приходила в голову, — согласился я. — Вся эта дурацкая ерундовина — черепа, сатанинская символика, не имеет ничего общего с самими Воротами. И вообще, эти Ворота никак не вяжутся с фильмами Винсента Прайса.
— Да, наверняка Ворота ко всей этой жути прямого отношения не имеют, — сказала Арлин. Мне все больше импонировало это ее словечко «жуть». — Можно предположить, что пришельцы нашли Ворота и сумели выяснить, как в них проходить. Тогда остается непонятным, зачем им так надо быть похожими на всякую нечисть, выдуманную людьми.
— Может быть, у них хорошо поставлена генная инженерия, — предположил я, — и «они специально принимают облик существ, которые, по представлениям людей, обитают в аду, вспомни хоть этих князей ада. Точнее говоря, они реализуют представления тех, кто давным-давно отправился в мир иной.
— Ты бы не мог поменьше говорить о мертвецах?! — возмутилась Арлин. Ее губы были измазаны красной томатной пастой.
— Возьмем князей ада. Они слишком напоминают средневековые изображения дьявола, чтобы выглядеть естественными созданиями.
— Если только это и в самом деле не князья ада, — резонно заметила Арлин.
Я покачал головой, не желая даже на мгновение допустить такую возможность. Какое-то время мы сидели молча, наслаждаясь скромной трапезой. Еще немного разговоров на подобные темы, и я готов буду снова идти в церковь принимать причастие.
— В детстве я никогда не боялась никаких чудовищ, — продолжала Арлин. — Вокруг и без того вполне хватало достаточно страшных взрослых.
— Зачем они вообще это вторжение затеяли? Что им от нас надо?
— Хороший вопрос. А вот еще один: если они могут с помощью генной инженерии создавать бесов и демонов, зачем им нужны рабы-зомби, переделанные из людей? Зачем выращивать человеческую плоть?
— Может быть, они хотят создать супер-зомби, превосходящих силой эти мертвые пародии на леммингов, которые были бы способны работать и жить среди нас незамеченными?
Арлин зевнула, но тем не менее заинтересованно подхватила высказанную мысль.
— Именно в этом, однако, может крыться их слабость. Зомби мало на что годятся. Дьявольской символикой с черепушками ни тебя, ни меня не запугаешь. Что если настоящих монстров у них немного, а сделать новых не так просто? Что если в монстров переделывают каких-то других созданий, которых управляющий Разум сам должен выращивать и воспитывать? Это значит, что, убив одну из дьявольских тварей, которых восполнить непросто, мы на одну единицу уменьшаем число тех, кто собирается принимать участие во вторжении на Землю. Представляешь, какую ощутимую пользу мы приносим, если только с дьявольского конвейера не начнут сходить новые, усовершенствованные

модели псевдолюдей.
Такой ход мысли мне понравился.
— Значит, если я тебя правильно понял, нам надо как можно больше их перебить, и вторжения не произойдет.
На десерт у нас ничего не было, поэтому подсластить трапезу мы могли лишь продолжением беседы.
— Помнишь, я подумал о том, что пришельцы используют Деймос, как космический корабль, — сказал я. — Каким это, интересно, образом они могут перемещать такой огромный объект, как марсианская луна?
— Наверное, через какой-нибудь гиперпространственный туннель. Да, Флай, я знаю — ты считаешь, я слишком увлекаюсь научной фантастикой, но…
Что уж тут говорить. По крайней мере, благодаря этому возникла неплохая рабочая гипотеза.
— А вдруг существует возможность прорваться сквозь стены этого туннеля? — спросил я.
— Возможно. Но при этом мы сами можем погибнуть. Мы ведь не знаем, физические законы какого мира царят за пределами этих стен, но даже если они такие же, как у нас, там почти наверняка не будет воздуха.
— Тогда вообще все может быть разрушено — и Деймос, и все, что на нем есть.
— И мы в том числе. Но разве это не расстроит планы вторжения? — На лице Арлин расплылась улыбка, перешедшая в зевок. Скучно ей, конечно же, не было, но веки сами собой смыкались от непомерной усталости.
— Если эти создания могут превратить луну в космический корабль, — попытался я развить свою идею, — представь на минуточку, какие чудовищные создания охраняют сам туннель.
— Если ты имеешь в виду те рожи, которые изображены на стенах, то я не верю в реальность их существования. Но все равно они мне ненавистны… — Голова девушки склонилась чуть вперед, и она засопела. Тихонько так, почти неслышно.
Лифт действительно оказался самым безопасным местом на Деймосе. Я сидел рядом с Арлин и охранял ее сон. Кругом стояла жутковатая тишина, несмотря на едва заметную вибрацию кабины. Через четыре часа я ее разбудил.
— Теперь твоя очередь, — заявила она тоном, не допускающим возражений, протирая глаза, чтобы окончательно проснуться.
— Только не давай мне спать больше трех часов.
— Да спи ты, спи, парень, я тебе приказываю спать, — Арлин зажестикулировала перед моим лицом, что, по всей видимости, должно было оказать на меня гипнотическое воздействие.
Я на самом деле заснул, но не от мистических телодвижений, а потому, что умел засыпать в любых обстоятельствах, если это было необходимо.
Иногда мне удавалось спать без сновидений.
Река человеческой плоти с лицами-островками затронула, по-видимому, те глубины подсознания, в которых скрыты все тайные страхи, опасения и сожаления. Отход ко сну оказался для меня равносильным погружению в эту реку.
Я запутался в длинных липких волокнах, схожих с гигантской паутиной, но в центре ее вместо паука находилось странное лицо, казалось, составленное из отдельных черт сотен и тысяч самых разных людей. Мне не хотелось на него смотреть, но лицо надвигалось и надвигалось на меня и при этом медленно вращалось, как планета вокруг своей оси. Выражение его ежесекундно менялось, потому что состояло из угасавших улыбок, на месте которых возникали и корчились недовольные, угрюмые и унылые мины; рядов глаз, похожих на цепи бессмысленных стеклянных бусин; носов, вздымавшихся как горные кряжи, уходящие за линию горизонта.
Потом этот шар из посиневших человеческих ликов вплотную прижался к моему лицу, и вращение остановилось. Прямо передо мной возникло лицо давно умершего деда, каким я его запомнил — в кепке с длинным козырьком. Беззубый рот открывался и закрывался, губы напряженно двигались, но до меня не доносилось ни звука.
И, тем не менее, я точно знал, что он говорил:
— Не дай им переделать меня, Флинн, малыш мой дорогой… Бога ради, сделай так, чтобы они не смогли всех нас переделать черт знает во что.

Липкие волокна превращались не то в отростки, не то в усики, забивавшие нос и рот, душившие меня… Да, в словах деда заключалась суть происходящего.
Я проснулся в холодном поту. Арлин трясла меня за плечо.
— Флай, что с тобой?
— Спал слишком долго, — выдохнул я.
Усталость осталась почти такой же, как до сна. Поднявшись на ноги, я почувствовал, что меня трясет и шатает. Должно быть, начинался грипп, хотя говорить об этом Арлин мне не хотелось. Я был бессилен что-либо изменить. Я снова нажал кнопку, подключавшую энергию, а потом ту, которая приводила лифт в движение, и мы продолжили спуск в командный пункт.
Просто замечательно, что нам удалось перекусить и немного отдохнуть, потому что, как только дверь лифта распахнулась, мы с места в карьер вступили в новый бой с зомби, бесами, летучими тыквами и привидениями.
Засада была устроена прямо перед лифтом, и пришлось использовать в качестве прикрытия его двери.
К тому времени, когда мы проложили себе путь дальше, все огромное помещение, в» противоположном конце которого располагалась ведущая вверх лестница, было очищено от нечисти. В зале возвышалось шесть колонн, каждая из которых представляла собой отличное укрытие.
Поднявшись по лестнице, мы оказались перед дверью, за которой находилось нечто вроде зимнего сада. Воздух здесь, как в джунглях, был насыщен пыльцой мясистых растений, пустивших пышные побеги там, где некогда располагался компьютерный центр.
Арлин беспрестанно чихала. Меня эта напасть миновала, наверное, потому, что я слишком устал, чтобы набирать полные легкие воздуха, до предела насыщенного цветочной пыльцой.
— Про этот ботанический сад можно с уверенностью сказать только одно, — заметил я, — здешняя флора не имеет ничего общего с механическими устройствами.
Прочистив нос, Арлин добавила:
— И мужчины здесь — мужчины, а женщины — женщины.
Для полного счастья нам недоставало только резвого скакуна и шестизарядного обреза.
Отсутствие монстров явилось достаточно веским основанием для того, чтобы мы приступили к детальному обследованию помещения. Отдышаться можно и позже. Основным видом растений, выращивавшихся в саду, были темные, почти черные, немного маслянистые деревья, которые на нашей родной планете наверняка никогда не росли. Периодически их древесина пускала пузыри, которые с треском лопались, открывая все новые раны на изъязвленной, чудовищно уродливой коре. Я живо представил себе трехглавого Пола Баньяна с руками-ветвями, кончавшимися топорищами, который подрубает ветви этих жутковатых растений.
Пол, а может, это была земля, по которому мы шли, хлюпал под ногами. Присмотревшись повнимательнее, я заметил невероятно длинных и тонких насекомых, отскакивавших в стороны от наших ботинок. В конце концов мы прошли этот питомник до конца, где путь буйной растительности преграждал мрамор такого же рвотно-зеленоватого цвета, каким был выложен пол на складе наверху.
— Глянь-ка вон туда, — Арлин указала на оранжево-красную завесу пламени, отсветы которого полыхали на высоких стенах. Пламя сверкало достаточно далеко от нас, так что поджариться риска не было никакого.
— Ну, это уж такое дурновкусие, что дальше некуда, — разозлился я. — Не хватало только, чтобы из этого адского пламени выскочил лейтенант Вимс в образе красного дьявола.
— С хвостом с заостренным кончиком? — съязвила Арлин.
— У тебя, Сандерс, больное воображение, — буркнул я и добавил уже про себя: «Которое идеально подходит для того, чтобы ходить в разведку».
Мне очень хотелось надеяться, что наше положение совсем не такое безвыходное, как в фантастических романах, где страшные угрозы телепатически передаются в форме самых жутких кошмаров, которые только можно себе представить. Нет, мои кошмары не могли быть настолько банальны!
Арлин отыскала переключатель, открывший потайную комнату, куда мы тут же и направились. Войдя в нее, мы поразились тому, насколько она отличается от всего, что мы видели раньше. Комната была обшита панелями того самого черного, маслянистого, исходившего гнойными пузырями дерева. В самом центре дальней стены был вырезан один единственный барельеф — страшеннейший монстр,

более ужасный или более нелепый, чем все, с которыми нам доводилось сталкиваться. Каждый его орган, гротескно преувеличенный до невообразимой степени, казался карикатурным. Самым большим выступом барельефа был пенис, торчавший под углом в сорок пять градусов.
— Хороши шуточки, — сморщилась Арлин.
— Дотрагиваться до него противно до омерзения, но, скорее всего, это рычаг переключателя, — вздохнул я.
— Ничего, доводилось справляться с вещами похуже, — призналась моя боевая подруга.
24
Как только она нажала на переключатель, мы услышали уже знакомые тяжелые, скрипучие звуки, доносившиеся снаружи, из комнаты, отделанной зеленоватым мрамором омерзительно-рвотного оттенка. Так как я был ближе к двери, то высунулся посмотреть, что там происходит, и, надо признаться, не слишком удивился, увидев как из мраморного пола поднимается лестница к одной из объятых пламенем стен. Мы с Арлин стали гадать, что могло бы означать такое развитие событий. Ни она, ни я не торопились взбегать по ступеням, ведущим в геенну огненную.
— Думаешь, мы сможем в этом огне уцелеть? — спросила Арлин.
— Жаль, асбестовую пижаму забыл на Земле, — попытался отшутиться я.
— Может, там есть какой-нибудь проход, который отсюда не виден?
— Оставаясь здесь, мы можем только строить догадки, — вздохнул я и первым пошел вперед.
Арлин не отставала. Я решил, что когда жара станет нестерпимой, мы остановимся, но почему-то не чувствовалось даже слабого изменения температуры. Арлин тоже обратила на это внимание.
— Не так уж и жарко, как на учениях по тушению пожаров, — заметила она. — Жаль только, что зефир в шоколаде от такого огня в кармане растает.
— У тебя что — зефир в кармане припрятан?
— Шучу — забыла с собой захватить, а то бы попили чайку у огня.
— Не думаю, что это настоящее пламя. Подожди-ка меня здесь, Арлин. Если я живьем сгорю или скончаюсь от теплового удара, значит, в моей теории изъян.
Поднявшись еще на десяток ступеней, я убедился в том, что мои рассуждения не беспочвенны. Еще через десять ступеней стало совершенно очевидно, что я прав. Мне не стало жарко даже тогда, когда я подошел вплотную к бушующему пламени и медленно сунул в него руку.
Огонь поглотил руку, и она исчезла из виду, но при этом ваш покорный слуга не испытал не то что боли, но даже малейшего неудобства. На коже не образовалось ни волдырей, ни ожогов.
— Арлин! — крикнул я. — Это чистой воды иллюзия. Давай, поднимайся скорей.
Я прошел сквозь пламя и обернулся, чтобы взглянуть туда, где оно полыхало, но не увидел ровным счетом ничего, кроме поднимавшейся мне навстречу девушки.
— А.С., ты меня видишь? — спросил я.
— Нет, — ответила она, глядя на меня в упор. — Ты исчез в огне.
— Когда в следующий раз мне захочется показать фокус, — объявил я хорошо поставленным голосом циркового иллюзиониста и прошел сквозь пространство, на котором должно было полыхать пламя, — то сниму шляпу, и из нее потечет что-нибудь холодное.
— Например, пиво? — Арлин перескочила через две последние ступеньки и оказалась рядом со мной.
— Нет, пиво не пиво, но кое-какой сюрприз для тебя я уже припас.
Арлин была заинтригована. Я низко поклонился ей и сделал рукой широкий жест, приглашая пройти сквозь огонь. Предчувствуя, какой сюрприз я имел в виду, она попросила:
— Господи, только не надо мне показывать очередной телепорт!
Несмотря на то, что мы уже прилично измотались, платформа телепорта вынуждала к неотложному принятию решения. Как бы сейчас пригодился подробный план горящих костров и котлов с кипящей смолой, расположенных на этом уровне.
— Ну что, воспользуемся услугами транспортного средства или нет?
Арлин глубоко вздохнула.
— Деваться некуда, парень. Ты же знаешь, нам во что бы то ни стало надо найти способ выбраться с Деймоса, а волшебная дверь — я уверена — спрятана за семью замками. Так что, дорогой мой, давай-ка еще разок попытаем счастья.

— Кто теперь пойдет первым? — спросил я. Девушка взяла меня под руку.
— Давай вместе отправимся.
С оружием наизготовку мы встали на платформу и через мгновение оказались в огромном помещении, от которого лучами расходились коридоры.
Нас окружали шесть князей ада.
Шесть огромных, разверстых глоток.
И каждая изрыгала чудовищное утробное рычание.
Но рычали не только князья ада — мы с Арлин тоже завыли, что было мочи. Да и кто бы не завыл от такого зрелища. Когда зеленые шаровые молнии начали с треском рваться вокруг, мы уже ничего не видели, потому что носились кругами, как куры со связанными ногами, и беспрестанно палили во все, что шевелилось. Бежать все равно было некуда, поэтому мы из последних сил пытались сделать, что могли.
— Ложись! — одновременно вопили мы друг другу.
Сгустки энергии рассыпались над головами, словно вспышки дьявольского фейерверка. Наши собственные выстрелы в этой канонаде звучали едва слышными хлопками, подобными мелким каплям моросящего дождя посреди бушующего урагана, но я не переставая стрелял из дробовика, а Арлин не выпускала из рук АБ-10.
На дверь я наткнулся по чистой случайности. Моля о чуде, я крикнул что-то Арлин, распахнул дверь и оказался в окружении дюжины летучих тыкв! Вот уж воистину из огня — да в полымя! Это, пожалуй, почище костров и котлов с кипящей смолой.
Арлин кричала что-то из зала, но я не мог разобрать ни слова из-за собственных воплей. Ситуация была аховой.
Тыквы летали стаями, так что стрелять в них было просто бессмысленно. Со всех сторон нас окружали смерть, гибель и разрушение! И я со всех ног бросился обратно, в зал с князьями ада.
Соображал я уже очень туго, но у Арлин, в отличие от меня, голова варила. Она схватила меня за руку, притянула к себе и потащила в один из боковых проходов. Воображение в это время рисовало полный набор поджидавших нас демонов: сложенные штабелями до потолка зомби, бесовский шабаш… Но кроме Арлин и вашего покорного слуги в коридоре никого не оказалось.
А.С. приложила палец к губам; я ждал, когда же нечисть снова набросится, и готовился к самому худшему. Однако вместо чудовищ на нас обрушилась волна диких звуков, в которой смешался рев, вой и взрывы — но и только. Кроме невообразимой, грохочущей какофонии, в дверь ничего не проникало. Тыквы и князья ада сошлись в кровавой схватке, в битве не на жизнь, а на смерть.
Монстров собралось так много, что им понадобилось приличное время, чтобы полностью истребить друг друга. По крайней мере, пятнадцать минут мы с Арлин, затаив дыхание, отсиживались в нашем убежище, в то время, как тыквы лопались и растекались, напарываясь на рога принцев ада. Голубые сгустки энергии нейтрализовывались, сталкиваясь со смертельными молниями. Кровавая жижа потоками текла по полу. Мы боялись вздохнуть, не то что пошевельнуться.
В конце концов воцарилась восхитительная тишина. Мы слышали дыхание друг друга.
— Кто пойдет первым? — прошептала Арлин.
— Что ты имеешь в виду?
— Кто первым посмотрит, что там творится?
Я поднял руку, как в школе, потом осторожно высунул голову из укрытия. На ногах оставался лишь один князь ада. Я юркнул назад и доложил обстановку.
— Что же он тогда не спешит сюда, чтобы нас на куски растерзать?
Бросив взгляд в сторону двери, я увидел в проеме неясные очертания чудовища. Оно чего-то ждало…
Выглядел монстр, надо сказать, как вчерашний обед. Проследив за моим взглядом, Арлин увидела ту же картину.
Я потянулся за ракетной установкой, но ее не оказалось на месте — в пылу битвы я потерял ее в одной из комнат!
Арлин навела на минотавра АБ-10.
— От этой игрушки толку не будет! — крикнул я.
Пистолетные пули для самого мощного из всех монстров, которых мы видели на Деймосе, были как

булавочные уколы! Или от пережитого у девчушки крыша поехала?
Арлин трижды нажала на курок, и пистолет трижды дал осечку — кончились патроны.
Мы, не отрываясь, смотрели, как израненный, окровавленный минотавр, пошатываясь на нетвердых ногах, подобно чудовищу Франкенштейна, приближается к нам. В последний момент, внезапно взвившись в воздух, как игрок на решающей подаче, Арлин изо всех сил вмазала прикладом ружья по омерзительной морде князя ада. «Святый Боже, — пронеслось у меня в голове. — Как в эпизоде из старых фильмов о супермене!»
Минотавр часто замигал. Его голова, отягощенная мощными рогами, стала медленно покачиваться взад-вперед и из стороны в сторону, будто чудовище пыталось о чем-то вспомнить.
Потом оно свалилось замертво, как срубленное под корень дерево, прямо на холодный мрамор.
— Даже не думала, что бедняга был так плох, — сконфуженно призналась Арлин.
Мы оба разразились приступом истерического хохота — напряжение отчасти спало.
Скользя на поблескивавшем, липком от жидкости, вытекшей из тыкв, полу, мы перебрались через тело князя ада, и Арлин, снова распахнув дверь в комнату, где было полно летучих тыкв, крикнула:
— Флай, иди скорей сюда. Здесь что-то невообразимое! Я взял наизготовку свою верную подругу — госпожу ракетную установку, котрая, по счастью, нашлась.
— Давай, быстрее шевели ногами. Ну, пожалуйста, капрал, — торопила меня Арлин.
Там действительно должно было быть что-то из ряда вон выходящее. Я поспешил вслед за девушкой.
Несмотря на мерцающий свет, видимость в комнате оказалась неплохая. На стене я увидел изувеченные тела четырех распятых князей ада. В тех местах, где руки были приколочены к стене, остались следы запекшейся крови — если только эти омерзительные лапы с когтями можно назвать руками.
— Господи, Пресвятая Дева Мария и Святой Иосиф! Что здесь, черт возьми, произошло?
Богохульство! — вспомнил я словечко, изредка употреблявшееся наставницами-монахинями. Демоны, распятые как бы в насмешку над нашим Господом.
Князья ада были убиты уже давно — доказательством тому служила запекшаяся кровь. Обойдя комнату, мы нашли круглые пластиковые контейнеры с прорезями, чтобы их было легко открывать и закрывать. Они были пустыми, но по размеру точно соответствовали величине летучих тыкв.
— Тыквенные гнезда, — ошалело проговорила Арлин. Я еще какое-то время не сводил глаз с распятых минотавров.
— Должно быть, это проклятые тыквы пригвоздили бедолаг! Значит, они ненавидят их еще сильнее, чем нас.
Мы испытывали что-то схожее с религиозным откровением.
— Теперь понятно, почему не составило труда натравить их друг на друга. — В глазах Арлин отразился благоговейный трепет. — Презрение и ненависть до такой степени переполняют их, что они с гордостью выставляют напоказ обезображенные трупы противников. — Она взглянула на меня, и лицо ее озарилось внезапно промелькнувшей догадкой. — Слушай, Флай, это значит, что у нас неплохие шансы на победу!
Не надо было быть слишком башковитым, чтобы понять, к чему Арлин клонит. Раньше я думал, что монстры-пришельцы просто неуравновешенные особы, поэтому когда им под горячую руку попадаются зомби, они пускают в них огненные шары, а зомби ненароком засаживают предназначавшиеся нам пули в демонов — и все это исключительно по рассеянности и тупой, бессмысленной жестокости.
Но тупой яростью и бессмысленной жестокостью никак нельзя было объяснить хладнокровное и расчетливое распятие летучими тыквами князей ада. Это действие носило вполне осмысленный, до мельчайших деталей продуманный характер и требовало глубокой, неискоренимой враждебности, сочетающейся со страстью к мучительству.
Вполне возможно, что всевластный Разум сумел собрать всю нечисть вместе, но естественные наклонности чудовищ привели к тому, что они стали друг на друга охотиться, пытаясь перебить как можно больше представителей других видов.
Такого рода выводы были достаточно убедительны для того, чтобы определить план наших дальнейших действий, а именно — добраться до дьявольского мозгового центра, который всем заправлял на Деймосе, и уничтожить его. Тогда природа возьмет свое, и монстры сами перебьют друг друга!
Дело, получается, оставалось за малым — следовало без промедления выяснить, где в здешнем аду

скрывается этот мозговой центр.
Мы продолжали обследовать комнату с гнездовьем летучих тыкв и обнаружили приличное количество самых разнообразных боеприпасов — от ракет до патронов к дробовикам и пуль для магазина АБ-10. Это было очень кстати, потому что беспрерывные битвы истощили наши запасы. Набрав всего под завязку, мы прошли мимо еще одного распятого трупа и тем закончили осмотр помещения, где теперь не осталось ни одной шевелящейся твари — даже зомби.
— Ну что, снова телепортируемся? — спросила Арлин.
— После всего, что мы пережили, надеюсь — в последний раз?
— Да уж, конечно, не с тварями же этими распятыми жизнь тут коротать!
— Разве я это предлагал? — возмутился я.
На этот раз мы тоже телепортировались вместе и очутились в малопонятной металлической камере, где увидели дверь с голубым косяком, которой, как пить дать, нужна была синяя магнитная карточка. Арлин тихонько прошмыгнула к двери и приложила к ней ухо.
— Слышу что-то вроде шума работающего лифта. Думаю, этим путем мы отсюда и выберемся.
— Ключ, черт его дери, опять нужен ключ, где же эта проклятая карточка магнитная?! — в сердцах брякнул я. — Снова здорово все по кругу, как заезженная пластинка: телепорт, ключ, дверь, которую надо открыть, чтобы наткнуться на очередной телепорт.
Арлин улыбнулась.
— Да, процедура знакомая.
25
В том месте, где мы оказались, не было ничего примечательного, кроме, разве что, темного коридора, который можно было обследовать только при наличии хорошего освещения. Я подошел ко входу, посветил маленьким фонариком во тьму и увидел уходившие вдаль изгибавшиеся коридоры, похожие на очередной лабиринт. Но свет слабенького фонаря был слишком тусклым, в его бледных лучах ясно увидеть что-то можно было только на расстоянии в несколько футов — дальше тянулась непроглядная темень.
— Ты что, хочешь туда сунуться? — прошептал я, потому что шепот больше соответствовал ситуации.
— Да нет. Может, это и не понадобится. К тому же мне эта дыра совсем не нравится. Ни зги не видно — хоть я темноты и не боюсь!
— Неужели? А я вот в последнее время что-то стал побаиваться. Ну ладно, уговорила, от темного лабиринта с низкими потолками может развиться клаустрофобия. Сдаюсь.
Почему я уступил Арлин? Наверное, потому, что жизнь коротка, особенно на Деймосе.
Я все еще смотрел во тьму лабиринта, когда ружейные выстрелы переключили мое внимание на то, что находилось в непосредственной близости. Пробежав через зал, я увидел, что морской пехотинец Сандерс всаживает пулю за пулей в крошечных, истощенных демонов, таких маленьких, что сразу я их даже не разглядел.
— Смотри, что я нашла! — радостно воскликнула Арлин и, нагнувшись, вынула из-под раскиданных во все стороны малюсеньких тел синюю магнитную карточку.
Интересно, откуда взялись крошечные демоны? Может быть, они мутанты? Последствия неудачного эксперимента? Или демоны такую усадку дают, если их держать на голодном пайке? Наверняка существовал ответ на вопрос о происхождении монстриков, но он меня не больно-то волновал. Хотя почему? Интересно же, а вдруг эти создания — дети нормальных демонов? И вообще, каким образом демоны появляются на свет — неужели их рожают? Или разводят в инкубаторах? Высиживают? Лепят сразу в натуральную величину? Меня передернуло от омерзения — кем бы ни были эти очаровательные малютки, от их вида воротило даже больше, чем от их гигантских собратьев.
Вложив карточку в предназначенную для нее прорезь, Арлин распахнула дверь, и мы вошли в нее без всяких проблем, но, как выяснилось, только для того, чтобы убедиться, что сразу за ней другая дверь, которая никак не желала открываться без желтой карточки!
— Чтоб тебя разорвало! — в сердцах вырвалось у меня, и, видит Бог, тут я душой не кривил!
Часом позже мы-таки заполучили блестящую, новенькую, желтую магнитную карточку в обмен на изрядную долю боеприпасов. Как это нам удалось — лучше не спрашивайте.
Наконец мы доволоклись обратно до таинственной двери, и Арлин вставила карточку в щель.

Карточка подошла — дверь отворилась. И — что вы думаете? — за ней оказалась следующая дверь, которой на этот раз требовалась красная карточка!
— Ну вот, — сказал я, — в этой секции мы обшарили все, что могли, кроме коридора, куда не решились сначала податься.
— Ты имеешь в виду лабиринт, где такая тьма, что хоть глаз выколи? Флай, но откуда известно, что там есть магнитные карточки, и, даже если они там есть, вовсе не обязательно, что они красные.
— Подумаешь. Как-то раз мне уже доводилось такую дверь вышибать ракетой.
— Сколько их у тебя в запасе?
— Шесть.
— А сколько нужно, чтобы вырубить князя ада?
— Как правило, они подыхают после шестой.
Арлин прищелкнула языком.
— Делать нечего — придется идти в лабиринт, — резюмировала она.
Я прекрасно понимал, что ее беспокоило. Если бы мы использовали одну или две ракеты, чтобы открыть последнюю дверь, и напоролись на минотавра, нам пришлось бы очень круто. Я пожал плечами — в лабиринт, так в лабиринт.
Свет фонарика почти не прорезал непроглядную тьму.
— Здесь, видимо, действует какое-то поле, рассеивающее или поглощающее световые лучи, — прошептала Арлин у меня за плечом.
Ситуация очень напоминала ту, что уже была описана Жюлем Верном, когда участников экспедиции разъединила непроглядная тьма. Я совсем не желал оказаться в их положении.
— Флай, кажется, я видела какие-то странные очки в той комнате, где лежала желтая карточка, — обратилась ко мне Арлин
— Правда? Ну, и что?
— Может быть, это прибор для ночного видения? Вопрос прозвучал как достаточно убедительный предлог для того, чтобы вернуться назад, к свету. Я не возражал — любой предлог хорош, чтобы выбраться из этой тьмы тьмущей. Меня не оставляло мерзейшее ощущение, что в лабиринте нас постоянно преследуют какие-то твари, которые вполне спокойно обходятся без приборов ночного видения.
Мы вернулись тем же путем, которым пришли. Очки действительно лежали там, где их видела Арлин — да и куда им было деться? Жаль только, что одна пара.
— Интересно, будет через них что-нибудь видно в лабиринте, если там существует поле, о котором ты говоришь? — поинтересовался я.
Арлин только плечами повела. Как еще мы могли это проверить, не испытав окуляры на практике?
Около самого входа в пещеру мы на минуту замешкались — решали, кому надевать очки? И рассудили следующим образом, можно сказать, по науке: зрение Арлин острее моего, значит, очки предназначены ей.
Кроме того, она женщина. Уж не знаю, какая тут связь с очками, но, наверное, я подумал, что она не прочь в них покрасоваться.
В общем, подруга моя их надела и отрегулировала уровень видимости, потом вышла вперед и повела меня обратно во тьму лабиринта. Я на такие аттракционы даже дома никогда не ходил.
— Ах, черт! — вскрикнула ни с того ни с сего Арлин.
— Плохих новостей с меня хватит.
— Батарейка села.
— Я же сказал, что устал от плохих новостей.
— В этих очках перед глазами мельтешит. — Девушка остановилась, и я налетел на нее в темноте. — Может, это из-за действия поля, если оно здесь и впрямь есть. Но все равно, видно в них хуже, чем с фонариком, хотя они и работают… кое-как
Арлин снова двинулась вперед, и я в непроглядной тьме последовал за ней, неотступно как тень, положив руку ей на плечо.
— Расскажи, что видишь.
— Все кругом зеленое и нечеткое. Как будто я смотрю сквозь бутылку из-под кока-колы.

Минут пять путешествия по лабиринту прошли мирно, и вдруг Арлин отскочила вбок, оставив меня одного, в замешательстве. На какую-то долю секунды окружавшую тьму рассеяла яркая вспышка разорвавшегося сгустка энергии; но я успел заметить лишь затылок Арлин.
— Князь ада! — крикнула она. — Садани-ка по нему ракетой, Флай!
— А смыться некуда?
— Нет, — твердо ответила она, — мы должны его победить! Я снял с плеча ракетную установку и бессмысленно уставился в непроглядную темень.
— Где? Где он?
— Я тебе скажу, куда стрелять, — негромко ответила Арлин. Ее эмоции полностью контролировались.
Моя рука снова оказалась на ее плече. Следовало выстрелить так, чтобы девушка, находившаяся между мной и монстром, не пострадала. Я пытался второй рукой прицелиться туда, куда она меня направляла. Но это никак не удавалось!
— Спокойно, не отходи от меня, стой спокойно, — повторяла моя подруга. — Возьми правее. Теперь слушай внимательно…
Еще один взрыв сгустка энергии пропорол воздух, попав в стену чуть выше моей головы, и я выронил чертову установку! Арлин услышала, как она звякнула о камень.
— Она около твоей правой ноги, Флай. Нагнись и подними.
— А ты почему не можешь поднять? Ты-то хоть что-то видишь!
— Флай, я не знаю, как из нее стрелять — никогда с такими игрушками дела не имела. Ну, давай, черт тебя дери, поднимай.
Меня снедало нетерпение, хоть я знал, что Арлин делала все от нее зависящее.
— Левее, еще левее бери, еще; теперь чуть выше… — направляла она меня, — теперь давай!
Я спустил курок. Пламя ракетного взрыва осветило тьму, но нападавшего монстра я разглядеть не успел.
— Где он? Где?
— Не беспокойся, парень, — ты его задел! Скользящий удар в брюхо сбил тварь с ног.
— Помоги еще раз прицелиться.
Второй выстрел попал прямо в точку. Обычно вторая ракета не останавливала князей ада. Наоборот, после нее они продолжали наступать с удвоенной энергией. Но здешнему монстру жизнь в лабиринте, наверное, медом казалась, потому что сражаться с врагами приходилось редко, и он, видать, здорово обленился от безделья. Мы впервые столкнулись с минотавром в наиболее привычной для него среде обитания
— Ну, куда целиться на этот раз? — снова спросил я и зарядил последнюю шестую ракету. — В какую сторону? Арлин выдержала продолжительную паузу.
— Флай, последним выстрелом ты его усадил на что-то вроде стула; он еще дышит, но подняться не может.
Мы ждали; положение не менялось.
— Ну, ладно, детка, — сказал я в конце концов, — дело сделано чисто, думаю, официальных претензий нам не предъявят.
— Зато я тебе сейчас официально сообщаю, почему с этим уродом обязательно надо было драться. Глянь-ка сюда… я хочу сказать, возьми это в руку и пощупай: да-да — еще одна магнитная карточка, только я понятия не имею, какого она цвета. Для меня здесь все зеленое. Эта падаль держала карточку в когтях.
— Ты хочешь сказать, что он ее сжимал в своей поганой лапе все время, пока я по нему палил? Да ведь я же мог заодно и карточку вдрызг разнести!
— Именно поэтому я тебе раньше о ней не говорила. А ты разве не рад, что я ракету сэкономила?
— Да рад, наверное, — без особого энтузиазма ответил я, решив воздержаться от напоминания о том, что если бы мы вообще в лабиринт не совались, а сразу вышибли дверь ракетой, то и ракет осталось бы больше, и неприятностей было бы меньше.
Мы отправились в обратный путь, и именно в этот момент как назло батарейка в приборе ночного видения села окончательно и бесповоротно.
Арлин на это обстоятельство прореагировала со всей определенностью:

— Будь все трижды проклято!
Потом она сняла ставшие бесполезными дурацкие очки и сунула их в карман со словами:
— Господи, мне совсем не светит в этой кромешной тьме подыхать!
Тут уж я был с ней полностью солидарен. Сама мысль о том, что нас могут поймать и разорвать на куски, а мы даже толком не сможем дать сдачи, совсем не радовала.
О том, каким путем возвращаться обратно, у меня были самые смутные представления. Я взял Арлин за руку и почти бегом потащил ее в том направлении, которое казалось мне правильным. Я даже помолился. Не зря, видно, монахини возились со мной — они прекрасно знали, что в темноте на ум чаще приходят благочестивые мысли.
После прогулки по лабиринту совсем не хотелось встречаться с проклятым бесом, поджидавшим у самого выхода из пещеры. Он зашипел, и мы, похолодев, остановились… шипение было отчетливо слышно, хоть самого беса мы не видели. Руки начали подрагивать, я водил ружьем из стороны в сторону, но выстрелить боялся не столько из-за того, что не хотел выдавать наше местоположение, сколько потому, что случайно опасался попасть в темноте в Арлин.
— Господи! — воскликнула девушка, тоже вспомнив о Боге, когда прямо над нашими головами пролетел огненный шар, а я подумал: «Надо же, какой болван», — имея в виду, разумеется, беса.
Столб пламени осветил все вокруг, и я смог зафиксировать положение Арлин и бесовского отродья. Как только пламя угасло, я выстрелил прямо туда, где находилась нечисть. Арлин тоже не теряла времени даром. Получив возможность выстрелить, она это сделала одновременно со мной, и бес превратился в отлично прожаренный тост.
Вскоре мы выбрались на свет и вернулись к трем чертовым дверям. Честь открыть последнюю предоставилась мне. Пройдя в нее, мы обнаружили очередной лифт. Я нажал кнопку, лифт скользнул вниз, и я спросил Арлин, нравится ли ей музыка, раздавшаяся наверху — то орали и взрывались монстры, выяснявшие отношения между собой, поскольку людей с нашим отбытием в их распоряжении не осталось.
— Дьявольское вторжение, — недовольно пробурчала она.
— Тебе не надоело это повторять?
Деймос, видимо, чутко прислушивался к нашим разговорам — если только мысли не читал — и незамедлительно на них реагировал. Как только лифт остановился на следующем уровне и дверца распахнулась, мы буквально наткнулись на самую большую, самую волосатую, самую вонючую и самую — розовую тушу из всех, которые мне доводилось видеть.
Один из монстров, которых Арлин называла «розовыми», стоял прямо перед нами, повернувшись задом к лифту. Он даже не почувствовал, как подъехала кабина. Я осторожно поднял ручной пулемет, а Арлин — дробовик. Стиснув зубы, чтобы легче перенести грохот, мы одновременно выстрелили. Это был самый действенный клистир из всех, которые вставляли легковооруженные морские пехотинцы.
За первым розовым демоном оказался второй — ему, видимо, наш рецепт пришелся не совсем по душе, потому что он попер на нас с решительностью домашней хозяйки, торопящейся за один раз отовариться в универсаме.
Сначала мы его даже не заметили, так как задница его приятеля загораживала нам обзор. Теперь он пытался проскочить за нами в дверь.
Этот болван сам подставился — мы никак не могли устоять против искушения расквитаться с ним. Несчастные наши барабанные перепонки!
Арлин стерла с лица кровавые брызги, придирчиво оглядела костюм и спросила:
— Интересно, от этой гадости такие же пятна остаются, как от соуса?
— Не знаю, никогда не доводилось стряпать на кухне, — ответил я.
Хоть мы имели все основания гордиться результатами последней кровавой стычки, тем не менее выяснилось, что в результате ее мы сами загнали себя в ловушку — тела двух демонов, весившие вместе наверняка не менее тонны, полностью загородили проход. Деваться было совершенно некуда, кроме как через них перебираться.
— Ты альпинизмом, часом, не занимался? — попробовала отшутиться Арлин.
— Так же, как ты — спелеологией! — в тон ей балагурил я.
Пожалуй, последнее нам больше бы пригодилось. Мы не столько карабкались на туши, сколько

прорубались сквозь них. Нам пришлось прилично повертеться и подергаться, ужимаясь до предела, едва дыша, чтобы в конце концов просочиться сквозь плотскую толщу.
Теперь предстояло разобраться с еще одной мелочью — то бишь с появлением нескольких бесов. Но столь крупных специалистов по истреблению монстров, как мы с Арлин, заурядные противники вроде кучки клыкастых особенно не тревожили. Мы походя усеяли пол их трупами.
— Сдается, мы наглеть начинаем, — заметила Арлин.
— А мне так, наоборот, кажется, что мы уже заслужили право на собственный стиль, — сострил я. Арлин громко рассмеялась.
Сквозь распахнутую дверь мы попали на склад и успели без помех обогнуть лишь пару углов. На этот раз все помещение заполонили розовые демоны, которые по своим габаритам сильно уступали той парочке у лифта. Они приготовились к нападению. Деваться нам было некуда. Я подпрыгнул, ухватился руками за край подвернувшегося ящика и взобрался на него. Потом протянул руку Арлин и втащил ее к себе. По недовольному рычанию, хрюканью и вою демонов, окруживших ящик, можно было сделать вывод о том, что неблагодарные твари не умели ценить инициативу и способность к оперативному принятию решений. От расстройства и досады они так яростно раскачивали ящик, что я даже испугался, что мы с него сорвемся, но, к счастью, нам удалось удержаться. Мы целились и стреляли, стреляли и целились, и тряска мало-помалу стихла.
Наконец-то выдалась свободная минутка, чтобы получше осмотреть помещение, в которое мы попали. Прежде всего в глаза бросалась поблескивающая хромировка и сложный узор голубоватой эмали. Да, действительно, отделка зала была выполнена в лучших традициях научнофантастических романов, хотя казалась в высшей степени неуместной, если принять во внимание привычки населявших помещение монстров. Но мне трудно было об этом судить — я ведь не подписывался на журнал «Улучшение жилищных условий демонов».
Потом мы открыли дверь в дальнем конце зала — точнее говоря, я распахнул ее ударом ноги — и обнаружили баки-инкубаторы, где плодилось дьявольское отродье.
Они представляли собой массивные металлические цистерны, в которых взращивалось «зло». Цистерны заполняла странная на вид ядовито-зеленоватая жидкость, однако не такая густая, как токсичные отходы, разлитые по полу в других помещениях базы. В каждом контейнере находилось еще не сформировавшееся тело монстра.
Арлин, повинуясь безотчетному внутреннему порыву, вызванному органическим неприятием подобной мерзости, выстрелила в первый попавшийся неоформившийся торс. Пулевое отверстие с громким чавкающим звуком мгновенно затянулось, причем от него не осталось и следа, так что недоноску расправа не причинила ни малейшего вреда.
— Интересно, можно ли прервать этот процесс выращивания? — спросила Арлин.
— Я бы сам очень хотел это знать. Зато теперь ясно, что нечего и говорить о полном истреблении тварей. Скорее всего, этих солдат выращивают с помощью генной инженерии. Должно быть, чуждый нам Разум, хозяйничающий на этой кухне, — кем бы или чем бы он ни был — крадет человеческие кошмары, а потом оптом их воспроизводит в натуральную величину.
— Да, наверное, ты прав. Как думаешь, сколько времени надо, чтобы вырастить в такой бочке нового монстра?
Арлин взглянула на часы. Через шесть минут тварь, в которую она стреляла, была готова — новенькая, с иголочки, как говорится, в чем мать родила. Напарница моя еще раз выстрелила, и новорожденный монстр вывалился из чана. Арлин пустила в него еще пару-тройку зарядов для уверенности. На этот раз пули возымели ожидаемое действие. Мы еще не единожды повторили этот эксперимент с шестиминутными интервалами.
— Жидкость, в которой мразь выводится, не только дает жизнь, но и защищает ее, — предположил я. — Но когда экземпляр, образно говоря, «вылупляется»…
— Словом, — перебила меня Арлин, — аборты им нипочем, но когда новорожденный уже появился, его можно без труда к ногтю прижать. — Она выгнула бровь дугой. — Давай-ка прикинем: один монстр варганится минут за шесть; значит, получается, что за час из одной такой лоханки вылупляется десяток цыплят. Если в зале умещается шестьдесят четыре корыта с животворным раствором, выходит, что за час только в одной этой комнате выводят шестьсот сорок монстров. Господи! Это же пятнадцать тысяч

штук в сутки!
— Да уж… и ведь таких комнат может быть сколько угодно.
— Значит, за несколько дней без труда собирается миллионная армия, — подвела Арлин итог своим упражнениям в математике.
— И, тем не менее, дорогая, шанс у нас есть — только надо найти чудовищный Разум и уничтожить его.
— Да, всего-навсего, — фыркнула девушка, — это почти так же просто, как съесть пирожок.
26
— Слишком много получается монстров — монстр на монстре сидит и монстра погоняет, — пробормотал я.
— Это точно: куда ни кинь — всюду монстр, — как эхо отозвалась Арлин. — Думаю, теперь для нас новые породы тварей погоды не сделают. Мы, скорее всего, обречены в любом случае.
— Не болтай ерунду, А.С. Пока что мы неплохо справлялись со всем, что нам выпадало на пути, и это — главное. Здесь столько оружия и боеприпасов, что мы еще немало врагов перебить сможем.
— Воюем, как мыши в мышеловке, — произнесла Арлин тоном, в котором послышались новые нотки: она говорила так, будто уже смирилась с неминуемым поражением. Мне это совсем не понравилось. — Ты был прав, Флай. Даже если не будет никаких проблем с боеприпасами, все равно нам из этой дыры не выбраться. Ведь их же здесь миллионы. Они нас проверяют!
Да — ставят над нами эксперимент!
В такие моменты я особенно остро ощущал, насколько важно то, что мы с Арлин вместе. Похожее чувство неизбежности поражения, помнится, и я испытал на Фобосе. Теперь настала моя очередь взбодрить подругу и активизировать боевой дух, который еще недавно бушевал в ее груди.
— Тем лучше. Значит, наше поведение в данной ситуации тоже станет частью проверки, — сказал я. — Мы их отстреливать не станем — теперь гораздо важнее выиграть время, чтобы найти более кардинальное решение проблемы.
Арлин пристально посмотрела на меня.
— Флай, а что если такого решения вообще не существует?
— Я в это никогда не поверю! — твердо заявил я, стараясь убедить не только Арлин, но и себя самого. — Если они непобедимы, тогда им без нужды собирать о нас сведения.
От этого довода пасмурное настроение Арлин, вроде, немного развеялось.
— Ну что ж, — сказала она, — останемся вместе до конца!
Да, на морского пехотинца Сандерс можно положиться целиком и полностью — вернее друга у меня не было никогда. Мы не портили наши дружеские отношения любовной связью, но после этих слов я не смог удержаться от того, чтобы крепко ее обнять и прошептать в самое ухо:
— Да, мы с тобой пойдем вместе до конца и заставим вражескую силу сполна за все заплатить.
— Ну, ты даешь! — произнесла Арлин. Дыхание ее участилось, и мне показалось, что в обычной браваде морского пехотинца прозвучали несвойственные нотки.
Держа ее лицо в своих руках, я поразился показавшейся совершенно естественной мысли — почему вместо того, чтобы стать любовниками, мы предпочли сохранить чисто приятельские отношения. Я крепко поцеловал ее, и она мне ответила. Не исключено, что это был наш последний шанс, но дальше поцелуя дело не пошло. Уж очень место для этого было неподходящее — стоило хоть ненадолго забыться, как нас запросто могли переделать в бездушные куски мяса, да еще на козлиных ногах с копытами.
— Вот теперь я себя чувствую значительно лучше, — сказала Арлин. — И мозги у меня снова работают, как надо. Знаешь, есть отличный способ тварям крупную свинью подложить.
— Каким же образом?
— Прямо под нами самый нижний уровень Деймоса. Он представляет собой огромный резервуар, который в свое время предполагалось целиком заполнить жидким кислородом.
— Кому же это могло понадобиться? Арлин немного застенчиво улыбнулась.
— Уверена, что тебе эта история понравится. Дело в том, что Объединенная аэрокосмическая корпорация тоже планировала превратить Деймос в космический корабль.
— Ты шутишь! — сказал я, хотя понимал, что говорит она вполне серьезно.

— Идея состояла в том, чтобы перебросить марсианский спутник на какую-нибудь орбиту в район пояса астероидов и использовать там как базу для добычи полезных ископаемых. — Сообщение показалось мне ошеломительным. — Когда, появившись здесь, я впервые поняла, что мы движемся, у меня возникла надежда, что на Деймосе остались люди, управляющие его полетом, а потом пришло страшное подозрение — не существует ли дьявольского союза между пришельцами и кем-то из людей.
— Ну и ну, никогда бы не подумал, что у тебя настолько болезненное воображение! Почему же я никогда ничего не слышал о такой идее?
— Потому что проект был засекречен, и за его разглашение легко можно было головой поплатиться.
— Намек понял. Все равно, как ни крути, получается, что если мы хотим разобраться в тайне Деймоса, а именно, что здесь на самом деле происходит, нам придется отправляться дальше вниз.
Мы пересекли весь уровень, но выход найти не смогли — ни секретной двери, ни потайных устройств или рычагов мы не обнаружили. Пока шли поиски, настроение Арлин улучшилось окончательно. Тот факт, что мы до сих пор живы, конечно же, иначе, как чудом, не назовешь. Ведь любой монстр, который пытался нами закусить, получал смертельный приступ несварения желудка. Независимо от того, с кем нам предстояло сражаться, я целиком полагался на неистребимый человеческий потенциал. Не зря же мы, в самом деле, пару миллионов лет карабкались на самую вершину пирамиды существ, пожирающих друг друга ради утоления голода.
— Флай, — снова обратилась ко мне Арлин, — ты заметил, как расположен уровень? — Я как-то не обращал на это внимания, потому что всецело был поглощен обследованием стен в поисках кнопок, рычагов или переключателей. — Он спроектирован в форме черепа.
— Да, этим ребятам фантазии не занимать, — ответил я.
— Те две колонны, — указала она рукой вперед, — расположены на месте глаз.
— Пожалуй, ты права.
Наш разговор прервала откуда ни возьмись появившаяся летучая тыква. Она стала в нас палить из своей трубки почем зря. Мы с Арлин уже давненько ни в кого не стреляли, но попасть в такую мишень труда для нас не составило. Тыква была какая-то странная — больше походила на надутый воздухом шар, чем на остальных своих соплеменниц. И опускалась она, когда мы ее подбили, не прямо, а зигзагами, как будто воздух из шарика выходил.
Мы прошли за колонны, туда, где свалились ее медленно растекавшиеся останки, и увидели, что они, как пробка бутылку, заткнули вход на узкую винтовую лестницу, которая вела вниз.
— Ну, наконец-то, — обрадовалась Арлин, — вот и указательный столб.
— Это именно то, чего здесь не хватает, — согласился я и подумал: «И что теперь? Спускаться дальше вниз? Или же настало время окончательно определиться, что делать? Может быть, все разузнав, попытаться донести сведения до других или же самим постараться разделаться с чуждым Разумом?
Я не сводил взгляда с лестницы. Расклад получался такой, что нам следовало-таки отправляться без промедления в путь. Наши намерения с Арлин в данном случае совпадали.
Но, как это ни печально, непременно должен настать момент, когда кто-то из нас одержит верх — либо возобладает романтическое чувство долга Арлин, призывающее ее служить всему человечеству, либо мое более практичное и заземленное стремление служить ей, как своей боевой подруге, как соратнику по морской пехоте и — чего уж тут душой кривить — как мужчина женщине.
Мы вынули «пробку» и стали спускаться по лестнице, метров на двести уходившей в глубину — в самое сердце огромного контейнера с жидким кислородом. Спуск был слишком длинным — мы устали бы, даже если б шли налегке, а ведь мы спускались, обремененные немалым количеством барахла, необходимого для поддержания существования. Когда, наконец, мы достигли последней ступеньки, руки мои ныли так, что я их почти не чувствовал, а правое колено распухло. Арлин была измотана не меньше, потому что еле волочила ноги. Я придвинулся к ней на всякий случай поближе, чтобы подхватить, если она вдруг не выдержит и свалится от усталости. Однако она бодрилась и ни на что не жаловалась.
Вскоре мы набрели на уютную комнату с четырьмя дверями и единственным переключателем в центре.
— Слышишь шум? — спросила Арлин.
Пока она не задала этот вопрос, я улавливал только наше тяжелое дыхание, но теперь и сам отчетливо услышал такой невероятно громкий шум, который даже глухого разбудил бы — странная вещь

концентрация внимания.
Впечатление было такое, будто я прогуливался рядом со Всемирным торговым центром.
Мы медленно поворачивались, пытаясь определить направление, откуда доносился шум. Вспомнился один фильм, в котором очень впечатляюще топало стадо тираннозавров.
— Ну, Флай, что теперь делать будем? Я сомневаюсь, что мы сможем подняться обратно.
Я взглянул вверх. Отверстие, через которое мы проникли на нижний уровень, зияло далеко-далеко, над самыми нашими головами, словно точка.
— Да, обратного пути нет. Если уж мы сюда добрались, значит, выход надо искать только здесь, и скорее всего — через одну из этих дверей.
— Конечно. Что бы нам ни предстояло совершить — это наша работа, даже если с Годзиллой придется сражаться, не забывай.
Мне оставалось только пожать плечами — что я мог на такое ответить?
— Один переключатель на четыре замка. Интересно, какой из них он открывает?
Я наудачу подошел к первой попавшейся двери и попробовал ее распахнуть. Не тут-то было. Она бы не дрогнула, даже если б я ее ногой изо всех сил шарахнул. Где-то рядом неведомое чудище продолжало маршировать взад-вперед так, что каждый шаг сотрясал стены.
— Нет, против такого искушения мне не устоять, — взмолился наконец я. — Я ведь с рождения обожаю жать на рычаги.
— Повторяетесь, капрал, — укоризненно заметила Арлин. Она оперлась о стену, а я нажал на рычаг и сразу же вернулся к ней. Все четыре двери открылись плавно и одновременно.
— Быстро, давай, вперед! — крикнул я.
Мы мгновенно проскочили в одну из дверей и оказались в небольшой комнате, чем-то напоминавшей гараж, откуда было видно залитое ярким серебристо-белым светом и отделанное хромом помещение поистине гигантских размеров — штат Техас не меньше. Отходившие от центрального зала в форме буквы «Х» крылья упирались в колоссальных размеров резервуар.
Мы вышли в зал. Не смолкавший звук шагов ходячего небоскреба заставлял нас поторапливаться. Мы не стали интересоваться, кто издавал невообразимый шум.
Тем не менее, на полпути к одному из крыльев я не смог сдержать любопытства и, как Лотова жена, оглянулся.
До сих пор мне казалось, что я уже видел все, чем мог удивить здешний ад; после бесов и демонов, летучих тыкв и князей ада я был готов к любому сюрпризу, который нам мог быть преподнесен! Так, по крайней мере, я думал.
Впервые увидев князей ада, я решил, что передо мной невообразимые гиганты. Однако, как выяснилось теперь, масштабы моих представлений не отвечали реальности.
— Мать моя… — невольно вырвалось у меня. Князья ада — просто пигмеи по сравнению с чудовищем, которое я увидел!
Оно достигало в высоту метров пяти, ноги, подобные гигантским столбам, поддерживали тело, весившее, должно быть, сотни тонн. Запрятанные глубоко внутрь корпуса чудовища могучие механизмы тяжело гудели, заставляя вибрировать пол. Руки и ноги приводились в движение поршнями, причем левая рука заканчивалась устройством, вид которого очень напоминал ракетную установку. Меня так и подмывало назвать его «паровым демоном».
— Нет! Такого просто не может быть! — воскликнула тоже обернувшаяся Арлин.
Ее точка зрения целиком совпадала с моей. Вдруг механический колосс «заговорил».
Из луженой глотки вырвался рев такой безумной силы, как будто оба длинных, загнутых назад чуть ли не до самых плеч рога чудовища превратились в стереофонические динамики — каждый мощностью в несколько десятков тысяч ватт, — которые издавали звук такой силы, что его, по всей вероятности, было слышно не только на Деймосе, но и на Фобосе, и даже на самом Марсе.
Пока урод рычал, его рука, заканчивавшаяся ракетной установкой, двигалась в нашем направлении. Это движение мигом сняло с нас оцепенение — мы оба слишком хорошо приучились замечать любые нацеленные на нас предметы.
Мы припустились бежать так, словно на хвосте у нас сидели все дьяволы ада, и в тот момент, когда раздался дикой силы взрыв, сумели укрыться в левом крыле. Ракета пролетела мимо и врезалась в

дальнюю стену помещения. Несмотря на то, что она взорвалась метрах в двухстах от укрытия, взрывной волной нас сбило с ног.
Едва поднявшись, мы снова понеслись с такой скоростью, как будто свора демонов грозилась уволочь нас в преисподнюю. Нам просто позарез нужно было найти хоть какой-нибудь выход.
— Смотри! — крикнула Арлин, указывая на узкий проем в том месте, где крылья помещения соединялись с центральным залом, из которого нас только что как ветром сдуло.
Она без труда в него пролезла. Мне пришлось значительно сложнее — прямо как тогда на Фобосе! Только на этот раз совсем деваться было некуда — и я, перепуганный насмерть, стал продираться в щель, но, как назло, застрял на полпути.
Тем не менее, я взял в руки свою верную подругу — ракетную установку — и выпустил несколько ракет в преследующее нас чудовище, решив, что это в любом случае не повредит. Когда дым от взрывов рассеялся, выяснилось, что гигантскому механическому чудовищу стрельба никак не повредила.
Титан взревел. На человеческий язык я бы перевел эти звуки так:
— Ну, гады, держитесь! Теперь моя очередь настала.
27
Паровой демон выпустил в нашу сторону еще одну ракету, которая попала в стену, и нас снова сшибло с ног взрывной волной. Но, как правильно говорят люди: нет худа без добра — наконец-то я протиснулся сквозь узкий проем.
Удар был таким, что пришлось собрать последние силы, чтобы подняться с пола, ходившего ходуном от сотрясавших его шагов приближавшегося чудовища. С трудом выпрямившись, я крикнул Арлин:
— Живее! — и схватил девушку за руку, чуть не силком поставив на ноги.
Колосс шел прямо на нас. Я прекрасно понимал, что стена, за которой мы пытались спрятаться, является для него примерно такой же преградой, как для нас — газетная ширма, и он запросто ее сокрушит на ходу, даже не останавливаясь.
Мы помчались в другом направлении — вдоль стены противоположного крыла.
— У меня правая нога онемела! — крикнула Арлин. — Как будто я ее отсидела! — в голосе ее звучал неподдельный страх. В моих словах бодрости было не намного больше.
— Ну так заставь ее ходить, — сказал я и, пока Арлин массировала ногу, восстанавливая кровообращение, выпустил в монстра еще несколько ракет. Они возымели такой же эффект, как и предыдущие.
— Это чудовище никогда не сдохнет! — крикнула Арлин, когда мы снова пустились бежать.
— Да, чтобы его одолеть, нужно что-нибудь помощнее и потяжелее, — согласился я.
Арлин уставилась на самую дальнюю стену и начала что-то бубнить себе под нос, явно делая в уме какие-то подсчеты. «Посмотреть со стороны, — подумал я, — два полоумных да и только».
Обогнув угол следующего крыла, мы снова услышали грохот шагов гигантского парового демона. Единственное, что хоть как-то утешало, — это его неспешность. Но даже таким прогулочным шагом он запросто мог нас догнать — если, конечно, его не одолеет усталость. Но на это расчет был слабый. О ракетах монстра мне не хотелось думать. Мы еще раз свернули за угол. Теперь паровой демон скрылся из поля зрения, хотя топот доносился все так же отчетливо.
— Флай! — крикнула Арлин. — Если я не ошибаюсь, этот зал такой большой, что его конец выходит за пределы зоны притяжения, созданной пришельцами, которые установили Ворота. — Она перевела дыхание и прокашлялась. — С противоположной стороны сила тяготения должна быть естественной для Деймоса.
— Хочешь сказать, близкой к нулевой?
— Да.
Я ошалело выпучился на дальнюю стену. Какая-то незатейливая мысль зудела в голове, пытаясь обрести ясные очертания. В сложившейся ситуации я просто не имел права игнорировать предчувствия, инстинктивные догадки или внезапные озарения.
— А.С., нам во что бы то ни стало надо выманить этого Годзиллу из искусственной зоны в естественную.
Арлин не стала выяснять, зачем это нужно, а задала вопрос по существу:
— Кто из нас возьмет это на себя?

И действительно — единственный способ достижения цели состоял в том, чтобы один из нас раздразнил чудовище и любым способом вынудил его выйти за пределы базы.
— Ответ только один, — продолжала она, словно прочтя мои мысли, я гораздо быстрее и проворнее тебя, бык неуклюжий.
Спорить или переубеждать ее было бы бесполезно. Кроме того, я вымотался гораздо сильнее, чем она. Не зря же я частенько поддевал Арлин, приговаривая, что ее пятки сверкают быстрее, чем у любого другого легковооруженного пехотинца. Теперь от скорости ее ног зависела наша жизнь. Ей, должно быть, не очень понравилось выражение моего лица.
— Флай, ты же сам отлично понимаешь, что сделать это должна я! Кроме того, ты гораздо лучше обращаешься с ракетной установкой.
— Большая нам была от этого польза!
— Это единственное оружие, которое хоть немного приостановит монстра, — продолжала настаивать Арлин, ничуть не заботясь о логике доводов.
Она остановилась, и я остановился вместе с ней. Она погладила меня по щеке; ее ладонь была теплой и чуть влажной. Мы оба вспотели от дьявольской гонки.
— Если я этого не смогу сделать, — девушка перевела дыхание, чтобы успокоиться, и заговорила медленнее и четче, — значит, последние два года прошли для меня впустую. Будь осторожен и, когда начнешь палить своими ракетами, пожалуйста, не перепутай меня с амбалом.
Мне так много хотелось сказать ей в ответ, что я просто ограничился кивком, не раскрыв рта.
Арлин побежала к дальней стене, лишь один раз оглянувшись через плечо. Чувствовал я себя при этом, как последний подонок, но она была права. Взгляд мне застилали стекавшие по лбу капли пота.
В этот момент самый большой монстр во Вселенной обогнул угол и так же неуклюже, как раньше, попер прямо на меня, кровожадно втягивая воздух омерзительным носом. Затем он остановился! Его невероятных размеров голова стала медленно поворачиваться в мою сторону. Я приготовился отдать Богу душу, но у Арлин на этот счет имелись другие соображения.
Она подняла страшный шум, как делают иногда музыканты из джаз-банда: выла, как мартовская кошка, хохотала, жестикулировала, свистела, гикала и улюлюкала и вдобавок пустилась в пляс. Ее старания не пропали даром.
Здоровенный паровой дьявол поднял руку с ракетной установкой Бедняжка Арлин, забившись в угол, прижалась спиной к стене, крепко уперлась ногами в пол, а потом оттолкнулась, как подросток, которого учат нырять с бортика бассейна головой в воду. «Нырять в невесомость, должно быть, неслабое ощущение», — подумал я.
Она метнулась вбок и скрылась за углом именно тогда, когда ракета взорвалась рядом с тем местом, где она стояла еще секунду назад. Неудача вызвала у парового демона приступ поистине звериной ярости.
Он снова громогласно взревел и бросился преследовать Арлин. Она распласталась на полу, чувствуя себя в относительной безопасности в своем углу и пристально наблюдая за каждым движением врага. Когда Годзилла остановился на полпути и выпустил в нее еще три ракеты, Арлин уже была к этому готова. Она точно рассчитала время, необходимое для того, чтобы отскочить за угол, где взрывы не причинили бы ей никакого вреда. Стремясь поскорее настичь девушку, демон прогрохотал своими ножищами мимо меня, и я смог хорошенько разглядеть его со спины. Можете себе представить мое удивление, когда я увидел, что вся его огромная спина представляла собой своего рода склад боеприпасов — казавшиеся совсем маленькими ракеты для установки буквально усеивали ее целиком! Интересные выводы в этой связи напрашивались о создателях монстра.
И вот, наконец, чудовище сделало тот шаг, который вывел его в невесомость. Огромная туша взлетела в воздух и ударилась о потолок.
— Добро пожаловать в мышеловку, тварь безмозглая! — закричал я и, выйдя из своего укрытия, дал ракетный залп по мишени, которая была слишком большой, чтобы промазать. Даже лейтенант Вимс, черт возьми, попал бы в такую цель.
Угодив в демона, ракеты взорвались, оттолкнув его еще дальше к стене. Отреагировал он на перемещение классически: его глаза, величиной с суповые тарелки, злобно сверкнули в мою сторону, потом демон поднял руку с ракетной установкой, но выстрелить не решился. Скорее всего, он передумал, потому что медленно вращался в воздухе, как крыло ветряной мельницы. Отличная это

штука — невесомость!
Так повторялось несколько раз: ему удавалось поймать меня на мушку, но стрелять он боялся, потому что никак не мог зафиксировать позицию А я тем временем продолжал тратить на него свои ракеты. К тому времени, как он смог немного замедлить вращение, я выпустил пятнадцать ракет. Пятнадцать взрывов, не причинивших ему ровным счетом никакого вреда!
Я прекрасно понимал, что рано или поздно паровой демон все-таки пустит ракету, и подготовился к этому.
Основным принципом практически любого военного искусства — которых, как известно, существует великое множество, и во время подготовки легковооруженные пехотинцы обучаются многим из них — является умение использовать оружие противника против него самого. Как же, черт возьми, я должен был поступить в данном случае? Что я терял, кроме собственной жизни и всей Земли в придачу?
Я встал так, чтобы монстру было меня хорошо видно, но больше стрелять не стал. Мне очень хотелось, чтобы гигантская смертоносная машина, в конце концов, выпустила хотя бы одну из своих ракет. Я понимаю, насколько глупо это звучит, но именно выстрел монстра и являлся основной частью моего замысла.
Я действительно очень этого хотел!
Позади меня сходились две стены, между которыми оставался небольшой зазор, образовывавший проем, который настойчиво приглашал меня спрятаться. Я дождался момента, когда демон снова развернулся ко мне поганой мордой, и метнулся в эту дыру буквально за секунду до того, как раздался выстрел. Когда ракета взорвалась, врезавшись в мощную стену, я уже успел обогнуть угол и оказался в безопасности по другую ее сторону.
То, что произошло потом, объяснил в свое время еще сэр Исаак Ньютон.
От выстрела из ракетной установки демона отбросило назад и шмякнуло о стену с такой неимоверной силой, что механическая пятиметровая туша разорвалась на куски.
Звук был такой, будто небоскреб хряпнулся о скалистую гору. Следующий звук, достигший моих ушей, прозвучал, напротив, как самая лучшая музыка в мире: Арлин издала боевой клич, в котором звенело столько ликования и радости, что мне тут же захотелось пуститься с ней в ритуальном танце вокруг какого-нибудь первобытного костра, чтобы отпраздновать победу над поверженным противником и собственное счастливое избавление.
Однако я решил не испытывать судьбу и сначала осторожно высунул голову из-за стены, дабы удостовериться в безопасности обстановки. На отдельных кусках тела демона еще мерцали огоньки и светились лампочки, оторванные члены продолжали слабо подергиваться, но было совершенно очевидно, что этот плод неистового воображения неизвестного Разума для нас больше опасности не представляет.
— Ну, что, может, пальнуть в него еще разок напоследок? — предложила Арлин, подойдя ко мне.
— Ты что, считаешь, что он заслуживает легкой смерти? — попробовал я отшутиться.
Она удивленно вскинула бровь. Порой мне кажется, что А.С. слегка недооценивает мой интеллект. Интересно, почему эта женщина, одна из немногих, служивших в морской пехоте, решила проявить такую странную снисходительность к поверженному врагу?
— Знаешь, — добавила Арлин, — лучше все-таки его окончательно успокоить. Мне бы совсем не хотелось по-новой затевать свистопляску.
Я кивнул и выпустил остаток ракет в груду металлолома, чтобы она ничем не отличалась от манной каши.
— Ну, чья теперь очередь придумывать твари кличку? — спросил я, закончив работу.
— Ты же первым его увидел, — сказала Арлин.
— Ладно, согласен. Пусть тогда он будет паровым демоном. Именно такая кличка пришла мне на ум, когда я смотрел, как он движется.
— Неплохо, Флай. У тебя, по моим наблюдениям, очень развилось образное мышление. Скоро, наверное, если захочешь, сможешь даже стать писателем.
— Нечего подкалывать, — улыбнулся я и покровительственно потрепал Арлин по волосам.
Сейчас мне ничего не стоило проглотить ее шпильку — душа моя ликовала. Не каждый день случается придумать такую хитрость, которая позволила бы превратить неодолимую силу в кучу мусора.

Мы решили обследовать помещение, и в том месте, где впервые увидели демона, наткнулись на крышку люка. Он, по всей видимости, охранял этот выход. Арлин присела на корточки, внимательно осмотрела крышку и рассмеялась.
— Тебе это должно понравиться, — сказала она, выпрямившись во весь рост.
— Подожди, дай самому разгадать загадку… Чтобы открыть люк, нужен ключ.
— Ты ведь не очень любишь возиться с ключами, правда?
— Да, особенно когда у меня больше ни одной ракеты не осталось.
Зато у нас теперь хватало времени, чтобы спокойно заняться поисками.
— Могу поспорить, что знаю, где их найти, — сказала Арлин.
Я пошел за девушкой, и она снова подвела меня ко все еще искрившимся и дымившим останкам парового демона. Арлин нашла ключ в отверстии на брюхе монстра. Значит, чудовище действительно охраняло люк. Она хотела было вынуть ключ из отверстия и уже протянула к нему руку, но, вскрикнув, тут же отдернула.
— В чем дело? — спросил я.
— Он горячий, как раскаленная сковорода!
Очень осторожно, так, чтобы снова не обжечься о быстро покрывавшийся окалиной металл, она вытащила ключ, второй рукой прикрывая от жара глаза. Ключ представлял собой пурпурного цвета магнитную карточку, которая сильно разогрелась, но форму свою сохранила. Арлин улыбалась, как ребенок, который на празднике нашел фигурку короля в своем куске пирога.
Мы побежали с нашей находкой к люку в полу, чем-то напоминавшему кротовую нору. Арлин просунула карточку в щель. Крышка слегка приподнялась, мы ее несколько раз повернули, и люк открылся. В образовавшемся отверстии сверкал блестящий и яркий до ряби в глазах поток красного цвета.
Вниз, в это ослепительно-красное нечто, вела едва заметная шаткая деревянная лесенка.
— Просто поверить в это не могу, — проговорила Арлин.
— Во что?
— В то, что вижу. Флай, перед нами стена того самого гиперпространственного туннеля.
Мы долго, не отрываясь, смотрели вниз.
— Что теперь делать будем? — в конце концов спросила
Арлин.
Я пожал плечами. Когда неизвестно, как лучше поступить, обычно подбрасывают монетку. Лестница-то была деревянной — значит, если бы внизу полыхало пламя, она, по логике вещей, должна бы сгореть.
Мне ничего не оставалось, как опустить голую руку в ослепительную красноту. Арлин дотронулась до моего плеча и нетерпеливо спросила:
— Ну, что там? Что ты чувствуешь?
— Вроде бы, по виду пламя, но на деле совсем не так. Я чувствую просто ледяной холод.
— Странно… — Моя подруга тоже опустила руку рядом с моей. — Интересно, а что там дальше, за пределами гиперпространственного туннеля?
— Не знаю, открытый космос, наверное, — предположил я. — А, может быть, эта река человеческой плоти. Рай или ад. Или просто смерть:
Мы переглянулись и, не сговариваясь, кивнули друг другу, а потом взялись за руки и стали спускаться по шаткой лесенке в слепящую красноту.
Здесь собрались все ее оттенки — малиновый, огненно-красный, как в горниле доменной печи, густо-розовый, кроваво-красный, алый, как губная помада, бурый, как марсианские пустыни. Эти и все другие тона и полутона красного цвета, какие только можно себе представить, клубились и бурлили вокруг нас, подобно холодным, обволакивающим арктическим волнам, пугая воображение багрянцем красной смерти. Мы сгорали в пурпурном пламени, но боли не ощущали.
Удовольствия тоже. Языки холодного пламени слизнули нашу одежду и оружие, но коже никакого вреда не причинили.
Лестница исчезла — она была лишь в нашем воображении. Какое-то время мы скользили вниз, как будто летели на санях по нескончаемому склону бесконечной горы и все это время отчетливо видели окружавшую нас переливчатую красноту. Мне трудно судить, насколько была драматична ситуация, в

которой мы оказались, но я радовался хотя бы тому, что не померк свет.

28

Красный туннель светился, как туманное марево, какое иногда бывает в темной комнате, где проявляют фотокарточки. Пока я мог различить перед собой вытянутую руку, паниковать не имело смысла. Но это, пожалуй, был единственный просвет во мраке неизвестности, окружавшем нас.

Потом мы упали в какую-то комнату. Хотя, комнатой в прямом смысле этого слова помещение, в котором мы оказались, назвать было нельзя. Скорее оно напоминало гигантский, живой внутренний орган. Стены, пол и потолок состояли из розовой, пульсирующей плоти — ребристой и местами покрытой скользкой слизью явно животного происхождения.

Мы с Арлин снова были в чем мать родила. Я инстинктивно прикрылся, как при нашем первом свидании на Деймосе.

— Да ладно тебе, Флай, не валяй дурака! — Арлин чуть ли не надула от обиды губы. — Ты же, слава Богу, человек. У нас и так осталось слишком мало из того, что напоминало бы о том, кто мы такие и почему здесь оказались. Стыдливость в нашем положении, прямо скажем, неуместна.

Я медленно убрал руки с причинного места, но в упор смотреть на девушку не решался, потому что не очень доверял самому себе. Мы были друзьями, и мне хотелось, чтоб мы ими и дальше оставались.

— Здесь здорово воняет, — отметила Арлин. У меня, видимо, нос заложило. Я был рад, что не чувствовал запахов, поскольку организм, внутри которого мы оказались, был, скорее всего, чем-то заражен — впечатление здорового он не производил.

Немного впереди поверхность, на которой мы стояли, полого спускалась вниз. Откос был не настолько крутым, чтобы мы боялись поскользнуться и упасть, и, тем не менее, когда мы двинулись вперед по чудовищным внутренностям, я почувствовал себя достаточно неуютно. Меня тревожило ощущение смутного знакомства с этим местом, как будто все мы, люди, когда-то побывали здесь.

— Знаешь, Флай, — обратилась ко мне Арлин, — у меня в голове неприятная мысль промелькнула. Я очень надеюсь, что тот холодный огонь, в котором сгорела наша одежда, не уничтожил у нас в кишках микробов, которые помогают еду переваривать. Без них мы с голоду помрем, сколько бы ни ели.

— Это уж ты, пожалуй, через край хватила, — прокаркал я срывающимся голосом, как будто лет десять хранил обет молчания. — Волчьего аппетита я не испытываю, но думаю, что Ворота оставили мне все, что надо для нормального пищеварения. Надеюсь, и микробы при мне, как и все остальное.

Демоническая утроба, по которой мы продолжали наше путешествие, вдруг начала резко сокращаться, и мы с Арлин одновременно подпрыгнули. Всегда ненавидел дурацкие аттракционы. Потом, потеряв равновесие, мы все-таки поскользнулись и свалились в растекшуюся слизь. Я крепко ухватился за боевую подругу, а она вцепилась в мою руку.

Продолжая судорожно сокращаться, гигантское чрево выталкивало нас по «полу» к «двери» — огромной полупрозрачной пленке с хрящем в форме дверной ручки посредине. Я просунул руку во влажное отверстие по самое плечо и повернул «ручку». С противоположной стороны полупрозрачной пленки виднелись смутные очертания двух трупов. Кому они принадлежали, отсюда определить было нельзя, но то, что один мужской, а другой — женский, не оставляло сомнений. После всего, что мы пережили, меня чуть кондрашка не хватила при мысли о том, что я вижу наши собственные безжизненные тела! К счастью, это оказалось не так, но что-то общее с нами у трупов, безусловно, было — тот же тип сложения, похожие черты лиц.

Я узнал их: один принадлежал третьей женщине, служившей в роте «Фокс», кроме Дардье и Арлин. Ее звали Мидори Йошида. Другой — лейтенанту Вимсу.

Странно, но глядя на эту пару, я почему-то сильных эмоций не испытывал. Они лежали в неловкой позе — голова к голове, и каждый держал пистолет во рту другого. Было очевидно, что так они свели счеты с жизнью. Наверное, потому, что очутились в аду.

Арлин подалась было вперед, чтобы разъединить их, и тут мы сделали леденящее кровь открытие: они не просто лежали голова к голове — их головы были соединены друг с другом, как будто слились воедино — там, где у каждого находилось темя, кожа одной головы плавно переходила в кожу другой, как у сиамских близнецов. Цвет волос также плавно переходил от светлых (Вимс) к иссиня-черным (Йошида), причем настолько незаметно, что линию разграничения обнаружить было невозможно.

— Господи, Пресвятая дева Мария, — только и мог выдохнуть я.

— Думаю, искать причину, по которой они выбили друг другу мозги, излишне, — прошептала Арлин, отстраняясь от тел, и молча показала рукой на кровавые следы бесов вокруг трупов. Отметины отвратительных ног были нам уже хорошо знакомы. Судя по глубине оставленных копытами следов, поганые твари устроили себе игрища с плясками вокруг человеческих жертв. Я плюнул с досады на один из следов. Арлин участливо положила мне руку на плечо.
— Флай, ты не принимай меня, пожалуйста, за вурдалака, но, черт возьми, нам позарез нужны их пистолеты. К тому же, чем дольше я смотрю на… на твою широкую мужскую грудь, тем больше мне кажется, что пора бы уже и одеться. И обуться, — добавила она и была, конечно, права. Хотя от такой правоты у меня все брюхо выворачивало наизнанку. В общем, спорить я не стал.
В течение нескольких следующих минут мы занимались чистой воды мародерством, а трупы потом оттащили в угол. После этого занятия, которое, надеюсь, мне больше никогда в жизни не выпадет, у каждого из нас появился пистолет и двадцать шесть зарядов.
Чтобы выйти из помещения, необходимо было протиснуться сквозь узкое отверстие, которое выглядело в точности, как… да ну его к чертовой бабушке, даже думать тошно.
Я вызвался пробираться первым. Арлин не возражала.
— Флай, — донесся до меня ее голос, когда мы пролезали сквозь дыру, — у тебя не возникло ощущения, что ты заново родился?
Я не любитель черного юмора, поэтому от вопроса подруги меня даже передернуло.
— Послушай, А.С., не провоцировала бы ты меня на богохульство, а не то я такое сказану, что тебе и в бреду не послышится.
Я раздвигал плечами влажные, липкие, упругие стены, отдававшие запахом гниения, и они довольно легко поддавались моим усилиям. После меня Арлин было гораздо легче идти. В голове мелькнула мысль, что если проход и дальше станет сужаться, то я просто приклеюсь к податливым мокрым стенам. Слава Богу, мои опасения не оправдались.
Безудержную радость, охватившую нас, когда мы наконец выбрались наружу, не могли омрачить даже семь поджидавших у выхода бесов. Сей почетный караул при встрече я воспринял как должное и немедленно приступил к работе. Арлин, не отстававшая ни на шаг, последовала моему примеру. Хоть в нашем распоряжении была лишь пара пистолетов, мы не оставили ублюдкам ни одного шанса на выживание.
Следуя устоявшейся традиции, мы, после того, как разделались с противником, захотели, понятное дело, поближе познакомиться с местными достопримечательностями. Я уж не раз жалел о том, что не захватил с собой фотоаппарата.
— Итак, мы в само натуральном аду, — сказала Арлин.
— Скорее, нашим гостеприимным хозяевам очень хочется заставить нас поверить в то, что мы в него попали, — ответил я.
Стены ада были толстыми и мясистыми. Пол или почва под ногами напоминала гигантскую лысину, сплошь покрытую пигментными пятнами. Там и сям из нее прорастали пучки огромных, жестких волосин, усыпанных колючками. А еще здесь текли огненные реки, в черном небе полыхали красные зарницы, а в воздухе стоял резкий запах мочи, увядших цветов и гнилых лимонов. К нему примешивался омерзительный душок кошачьих испражнений.
— Надо же было до такого додуматься! — заметил я. — Надо отдать должное тварям — опыт удался на славу.
— Да, их творческие потуги проявились в полном блеске.
Мы обнаружили только одну дверь из заплесневелых и растрескавшихся деревянных панелей. Каменная кладка, в которую она была вставлена, выкрошилась и обсыпалась. Арлин подошла к неприветливому выходу и внимательно его оглядела.
— Пойди-ка сюда, взгляни, — позвала она меня.
Я подошел, хотя желудок настойчиво уговаривал оставаться на месте. Я увидел мириады личинок, пожиравших камень, дерево, мясистые стены — все, что попадалось на пути!
— Деталь, заслуживающая особого внимания! — выдала критическую оценку их работе Арлин.
Но в следующий момент ей стало не до наблюдений. Облако мелких тварей взвилось в воздух, как если бы мы решили взломать их сгнившую дверь — хоть ни один из нас ее пальцем не коснулся, — и

облепило девушку с ног до головы. За первой партией последовала вторая, устроившаяся уже на мне. Я поднял руку и почувствовал, что кровопийцы впились как банный лист в кожу, которая стала тут же зудеть.
— Черт бы вас драл, — вопила Арлин, неистово размахивая руками, — убирайтесь немедленно!
Ее действия имели столь же ничтожный успех, как и мои. Мы побежали, несколько раз даже перекувырнулись, но на паразитов ничего не действовало. Гниды присосались намертво.
— Ну, и черт с ними, — разозлился я. — Убить они нас не убьют. Так что подождем лучших времен и при первой же возможности примем ванну.
— Или переберемся куда-нибудь в другое место, если телепорт подвернется, — поддакнула Арлин.
— Но это же, скорее всего, живые организмы. Они, наверное, за нами увяжутся. Нет, срочно надо где-то воду искать.
— Или шампунь от вшей. — Высказав поистине блестящую идею, но не зная, как ее реализовать, Арлин, смолкла.
— Ладно, — через какое-то время обратился я к ней. — Не век же нам здесь прохлаждаться. Давай-ка пальнем по двери. Я так и сделал. За дверью нас поджидал малоприятный сюрприз: две огромные тыквы. Единственное утешение состояло в том, что они не собирались впиваться нам в кожу. Кроме того, они парили так высоко, что нам удалось остаться незамеченными. Вскоре они полетели дальше, наверняка к своим гнездам или насестам.
Однако, заметив безжизненные тела бесов, тыквы отклонились от маршрута, чтобы выяснить, что произошло, и тем самым предоставили нам возможность спокойно прошмыгнуть в дверь, за которой мы обнаружили ружье и несколько патронов. Арлин подняла его с пола и бросила мне. Я был польщен.
Мы снова встали на тропу войны. Слева находился шаткий деревянный мостик, перекинутый через бассейн с кипящей бурой жидкостью, которая на первый взгляд напоминала что-то среднее между лавой и ядовитой зеленой жижей. Мостик не внушал доверия, но выбирать не приходилось — это был единственный путь вперед. Когда мы осторожно на него ступили, он начал предательски скрипеть и раскачиваться. Мы, понятно, на такую ерунду внимания не обратили.
Кроме как вперед, идти все равно было некуда. Когда стало совершенно ясно, что шаткое сооружение вот-вот обрушится в дьявольское варево, кипевшее под ногами, мы припустились бежать, что было сил. И, добежав до конца, уперлись в стену, представлявшую собой громадную, монолитную, каменную плиту. Я бросился к ней в надежде на то, что смогу найти хоть какой-нибудь выступ, за который можно уцепиться. Тогда бы Арлин повисла, ухватившись за меня. Но все оказалось гораздо проще: каменная стена была не чем иным, как иллюзией, и мы успешно перебрались на противоположный берег пылающего бассейна.
Если мы немного и удивились тому, что стена иллюзорная, то бесы, стоявшие по другую ее сторону, при нашем появлении просто обалдели. Ружье, которое мы только что нашли, очень пригодилось для беседы с ними. А тех, кто после нее уцелел, навеки успокоил пистолет Арлин.
Именно в тот момент, когда мы с облегчением вздохнули после очередного побоища, нас ждал настоящий сюрприз. Он принял обличье человеческой фигуры, свисающей вниз головой с потолка и завернутой во что-то липкое.
По одежде незнакомца, принявшего довольно странное положение, мы определили, что в прошлом это гражданский служащий Аэрокосмической корпорации. А по доносившимся стонам безошибочно установили, что он еще жив.
Бедняга оказался высоким человеком — где-то под два метра. Худым его назвать не поворачивался язык, так что лишний вес доставлял ему дополнительные страдания, учитывая позу, в которой он находился, — живот его свешивался на грудь так, что ремень свободно болтался. Из запястий сочилась кровь — по всей вероятности, сосуды не выдержали попыток освободиться.
— Он еще трепыхается! — Арлин, как всегда, заострила внимание на самой сути проблемы.
Я подошел ближе и еще раз внимательно взглянул на висевшего головой вниз человека. Казалось, он обмотан паутиной, как кокон, причем нити паутины такие толстые, что выбраться на свободу ему не под силу.
— Позарез нужен нож, — сказал я.
Мы вскрыли несколько валявшихся на полу коробок с надписью «Объединенная аэрокосмическая

корпорация», но ножа не нашли. Однако там были бутылки. Разбив их, осколками вполне можно было перерезать паутинные канаты. Этим занялась Арлин, а я подхватил грузное тело, когда оно на меня свалилось, и даже крякнул от напряжения. Нам очень повезло, что в некоторых коробках хранились медикаменты. Человек пребывал в глубоком шоке. Арлин сделала ему укол, и через некоторое время он пришел в себя и открыл глаза. Но его остановившийся взор ничего не выражал. Этого следовало ожидать.

— Вы слышите меня? — спросил я, но ответа не получил. — Если вы меня понимаете, кивните головой.

Прошло какое-то время, и незнакомец кивнул. Арлин массировала ему шею, а я поднес к его глазам палец и ждал, пока его взгляд на нем сфокусируется.

— Теперь с вами все в порядке? — спросила Арлин.

— Да, — скорее простонал, чем сказал, мужчина низким, сиплым голосом, в котором звучала непереносимая боль.

— Кто вы? — вступил в разговор я.

— Билл Ритч, — невнятно пробормотал он.

— Сколько времени вы здесь находитесь? — спросила Арлин.

Мужчина пожал плечами. Судя по этому жесту, можно было с уверенностью сделать вывод том, что жизнь к нему возвращается.

— Достаточно долго, чтобы поверить в то, что я уже помер.

— Кто вас подвязал к потолку? — спросил я.

— Э-э… гоблин, — ответил Ритч. — Чем-то похожий на паука.

Отлично — это что-то новенькое в нашей номенклатуре. Хотя такое определение с натяжкой можно, пожалуй, применить и к какому-нибудь из монстров. Если нам придется докладывать о результатах экспедиции начальству на Земле, прежде всего надо будет договориться о единой терминологии.

— Примите мои поздравления, — сказала Арлин.

— С чем? — спросил еще не совсем очухавшийся мужчина, обернувшись к ней вполоборота.

— С тем, что вы уцелели.

Просто замечательно, что удалось найти еще одного живого человека, который нормально двигался и не был проклятым зомби! Такое событие следовало бы отметить бутылочкой шампанского, если бы у нас имелось время и… эта бутылочка. А пока, за неимением лучшего, мы дали Ритчу холодной воды из фляжки, но и после этого он еще окончательно в себя не пришел.

Мы отправились вперед-по одному из коридоров, ведущих из зала, но вскоре вернулись к центральному входу, через который в него вошли. Терпеть не могу дурацких аттракционов. Внимательно оглядевшись, я заметил, что мы не одни, а в компании нескольких летучих тыкв, которым, видимо, уже наскучило обследовать трупы бесов. Однако теперь тыкв слетелось довольно много…

Овощные монстры явно были чем-то недовольны. Это выражалось в том, что они яростно рычали и стреляли друг в друга из своих поганых трубочек электрическими разрядами. При этом привлекала внимание одна любопытная деталь: самим тыквам их оружие не причиняло вреда.

— Вы об этих гоблинах говорили? — шепотом спросила Арлин Ритча.

Тот покачал головой, хотя по мрачному выражению его лица было понятно, что с тыквами ему тоже доводилось встречаться.

— Эти летучие твари тупы как пробки, — с презрением проговорила Арлин.

— Да, твари, состоящие из одной головы, могли бы быть умнее, — добавил я.

Для нас, имевших мозгов более чем предостаточно, очевидность следующего шага была предельно ясна. Мы мгновенно проскочили коридор и остановились у закрытой двери. Я ее слегка приоткрыл, пока Арлин следила за тем, чтобы тыквы не слишком приближались. Ритч по всем признакам военной подготовки не имел, но быстро смекнул, что мы собираемся сделать. Если учесть выпавшие на его долю испытания, то учился он на лету и от нас не отставал, а это было именно то, что требовалось в данных обстоятельствах.

Сквозь щель я разглядел еще парочку висевших в воздухе тыкв, а вместе с ними — нескольких клыкастых. Затаив дыхание, я ждал, пока бесовская банда пройдет мимо двери и достигнет первой тыквы. Как только это произошло, я высунулся в дверной проем и, не целясь, раз пять или шесть

пальнул в воздух, хотя входить в такой расход из-за бездушных тварей было непозволительной роскошью. После этого я отпрянул назад и прикрыл за собой дверь. Арлин и Ритч мне помогли.
Одну вещь о тыквах можно сказать с уверенностью: им совсем не нравилось, когда между ними и их целью оказывалось такое досадное препятствие, как горстка бесов.
О бесах тоже достоверно известно, что им не доставляет удовольствия, когда по ним стреляют электрическими разрядами.
Мы оставили их разбираться между собой без нашей помощи. Пытаясь перекричать почти оглушавшие нас звуки побоища, Ритч задал мне вопрос:
— Как вам удалось стравить их друг с другом?
— Мы только этим и занимаемся, — с улыбкой ответила Арлин, — это тактика Яго.
— Поразительно.
Тем временем я продолжал наблюдать за двумя тыквами, которые пребывали в том же помещении, что и мы; к этому времени им надоело палить друг в друга, и они придумали новое развлечение — пускать молнии в трупы поверженных бесов.
Когда побоище в смежном помещении прекратилось, я медленно приоткрыл дверь. На полу лежала груда дохлых бесов, облитая, как глазурью, останками одной из тыкв. Вторая, должно быть, лежала под телами клыкастых монстров. Именно в этот момент я совершил роковую ошибку.
29
Когда я переступил порог, мне в голову не пришло оглянуться и посмотреть на пространство над дверью — а ведь это, по логике вещей, было самое подходящее место для устройства засады уцелевшей тыквой. Что и случилось на самом деле — тварь проклятая именно там меня поджидала.
— Флай! — закричала Арлин.
Она, в отличие от меня, не поленилась бросить взгляд туда, куда следует. Так нервно Арлин кричала только тогда, когда речь шла о жизни или смерти — а в данном случае на кону стояла именно моя жизнь. Я бросился на пол как раз в тот момент, когда шаровая молния пролетела совсем рядом с моей головой. В тот же миг я услышал стрельбу из десятимиллиметрового пистолета.
Я откатился на бок и увидел, как Арлин палит по тыкве, потом вскочил на ноги, схватил выпавший из рук от неожиданности дробовик и выстрелил в дурацкую рожу, парившую в воздухе. Тыква отпрянула влево, я отпрыгнул вправо; мы продолжали яростно стрелять друг в друга.
Когда дуэль закончилась, я понял, что это была самая хитрая и изворотливая из всех летающих тыкв, с которыми мне доводилось сталкиваться. Она мне напоминала старые мультфильмы, персонажи которых зависали на несколько мгновений в воздухе, будто забывая о действии закона тяготения, а потом камнем падали на землю. Единственное, чего недоставало в нашей ситуации, так это музыкального сопровождения.
— Осторожно! — закричал Ритч с другой стороны дверного проема.
Мы не забывали об остальных тыквах, хоть и надеялись, что они о нас забыли.
— Быстро заходите сюда! — откликнулась Арлин и ухватила Ритча за рукав.
Второй раз его просить не потребовалось. Едва он оказался с нами, как мы захлопнули дверь и Арлин всунула в отверстие щеколды дуло пистолета. С противоположной стороны в дверь последовал удар дикой силы. Только Богу было известно, чем тыквы пользовались вместо рук.
— Смотрите, — Ритч указал на угол сломанного ящика с боеприпасами, видневшийся из-под тела одного из убитых бесов. Рядом на полу валялись патроны для дробовика.
— Может, там, под ними, еще что-нибудь из оружия отыщется? — высказал я предположение.
Хоть особого удовольствия возня с бесовскими трупами не доставляла, я решил подать товарищам пример для подражания. Опустившись на колени, я стащил тело монстра с разбитого ящика, из которого на пол выкатилась целая куча патронов. Арлин и Ритч стали их собирать.
Потом мы втроем перетащили трупы в угол комнаты и сложили их штабелями. За доблестную работу последовало справедливое вознаграждение — под телами дохлых бесов лежало еще одно ружье, масса боеприпасов и даже некоторые инструменты: молоток с гвоздями и механическая бензопила. Должно быть, они предназначались для зомби — чтоб они монстрам и тыквам гробы мастерили. Мы даже нашли там револьвер устаревшей модели для Ритча. Надо признаться, что я при этом невольно подумал о том, кого первого по ошибке подстрелит этот гражданский тип — меня или Арлин.

Надежно забив дверь гвоздями и вынув предварительно из щеколды пистолет Арлин, мы собрали инструменты и аккуратно сложили их, чтобы в случае надобности ими воспользоваться. Затем, взяв оружие и боеприпасы, обследовали комнату и обнаружили, что один из коридоров ведет в еще более просторное помещение, чем-то напоминающее небольшую площадь. После чего наткнулись на дверь, ведущую в узкий коридор.

— Я пойду первым, — сказал я.

— Ничего не имею против, — отозвалась Арлин.

Ритч, кажется, очень обрадовался, что на его долю выпало быть замыкающим.

Ни одно доброе дело не остается безнаказанным. Не успели мы пройти несколько метров, как я услышал знакомые хрюкающие звуки и гнусавое сопение, от которого с души воротило настолько, что я, наверное, в жизни свинину больше есть не смогу Демоны не заставили себя долго ждать — они с глухим топотом громыхали по коридору прямо в наши объятия: бледно-розовые туши мускулистой плоти с клыками и тьмой тьмущей острых зубов.

Тем не менее после встречи с паровым демоном принимать розовых всерьез стало трудновато.

В узком коридоре разминуться с бандой не представлялось возможным. Оставалось только стрелять и целиться, целиться и стрелять.

— Отойдите назад! — распорядился я, и Арлин с Ритчем моментально выполнили мой приказ.

Я стал понемногу пятиться, не отводя глаз от приближавшегося противника. Чтобы уложить первого демона, потребовалось пять зарядов.

Арифметические подсчеты мне не по душе, однако демонов на нашу голову свалилось так много, что, несмотря на то, что мы набрали целую кучу боеприпасов, патроны расходовались с необычайной быстротой. Товарищи мои покинули коридор через ту же дверь, в которую вошли, а я, прижавшись спиной к стене, продолжал палить по розовым, как вдруг…

— Прекрати огонь! — раздался крик Арлин. По ее тону было понятно, что она не шутит.

Я рискнул обернуться. Девушка стояла в дверном проеме, держа в руках механическую пилу. Она дернула за шнур раз, другой, третий — и пила завелась, чудесным образом ожила и грозно зарычала, да так громко, что звук уступал по силе разве что реву парового демона.

Проскользнув мимо меня, Арлин подняла перед собой бешено вращающееся лезвие и вонзила его прямо в тело переднего демона.

— Подыхай, тварь розовая, гнида поганая! — закричала она.

Прозвучавшие слова показались немного странными, но результат превзошел все ожидания: кровь залила и ее, и меня, а пехотинец Сандерс с воинственным кличем, который даже падшего ангела мог заикой оставить, продолжала кромсать огромную розовую тушу.

Арлин пробиралась сквозь груду изрезанного мяса, без остановки работая пилой, лицо ее покрывали брызги крови монстров, смешивавшейся с каплями пота. Одному демону она напрочь отпилила лапу, из раны фонтаном хлестала кровь. Арлин поскользнулась в растекшейся кровавой луже, но, уже падая, смогла устоять и вонзить пилу в грудь следующего демона, который тут же испустил предсмертный хрип и сдох.

Я хотел ей помочь, но мне мешали розовые трупы. Арлин, отчаянно размахивая своим смертельным оружием, вынуждена была отступить немного назад. В этот момент здоровенный демон, которого она собиралась поразить, выбил когтями пилу у нее из рук.

Арлин не успела уклониться, и другая мощная, когтистая лапа пропорола ей тело. Она не закричала, просто тихо опустилась на пол.

Я думал, что это зрелище сведет меня с ума. Где-то в глубине души я был готов смириться с вероятностью того, что раньше или позже нас разорвут на куски. Но допустить, чтобы нас просто так забили насмерть, как скотину на бойне, я не мог!

Подхватив с пола пилу, я в полном озверении, завершил начатую Арлин дьявольскую работу, вонзив острые зубья инструмента прямо в морду розового гада, который нанес девушке удар. Я потерял счет убитым демонам и не знал, сколько их еще осталось. Я орудовал пилой, вонзая ее в розовых тварей, рассекая их плоть, так что кровавые фонтаны заливали стены. И это продолжалось до тех пор, пока убивать стало больше некого.

Красная пелена спала с моих глаз, и я вспомнил об Арлин. Обернувшись, я увидел рядом с ней Ритча;

он пытался остановить кровотечение и оказать импровизированную первую помощь. Разодрав рукав моей куртки, мы получили некое подобие бинтов и залатали девушку так бережно и осторожно, как только могли.
Лицо ее было бледным, она до крайности ослабла, но не погибла.
— Двигаться можешь? — спросил я.
— Движение — жизнь, иначе мне каюк, — с трудом выдохнула Арлин, — так что, хочешь не хочешь, придется двигаться.
Мы помогли ей подняться на ноги. Я взял ее ружье и уже хотел было передать его Ритчу, но она решительно покачала головой.
— Эта пушка моя! — сказала она, гордо заявив свои права на оружие. Я не стал спорить.
Мы оставили тяжелую бензопилу на поле брани и неспешно побрели к следующей комнате. Там повсюду был разбросан дикого вида омерзительный хлам, но, поскольку не было ничего, что шевелилось бы или было живым, это меня особенно не интересовало. В центре помещения находилась площадка телепорта из проржавевшего металла. Она отличалась от остальных громоздкой тяжеловесностью, при взгляде на нее создавалось впечатление, что это грубо сработанное приспособление пришло к нам из глубокой древности.
— Не особенно многообещающе, — без особого энтузиазма признался я.
— Выбора-то все равно нет, — процедила Арлин сквозь стиснутые зубы.
Она была права — никакого нормального человеческого выбора у нас уже давным давно не было. И мы втроем, взявшись за руки, встали на площадку телепорта. Ритч, по всей видимости, мужчина сильно набожный, быстро прочел молитву.
Оттого ли, что телепорт и впрямь оказался слишком старомодным, ощущение, которое мы испытали при телепортации, на этот раз отличалось от предыдущих — будто те же услуги предоставила другая компания. Я обратил внимание на новые звуки; ветер, свистевший в ушах, создавал впечатление несущейся с горы лавины; зато не было чувства, будто нас несло и крутило в бурном потоке. Вскоре мы прибыли на место.
— Ну, и путешествие! — поразился Ритч. В отличие от нас он еще не привык к такому способу передвижения.
Прибыв на конечную остановку, мы оказались в скалистом заповеднике. Несмотря на слабое освещение, вокруг вполне отчетливо различались изогнутые, изломанные и перекошенные очертания скальных громад, которые наводили на мысль о гигантском коралловом рифе, хотя по цвету и структуре они скорее напоминали изъеденные ветром утесы в пустыне. В заповеднике нас ждала очередная встреча со старинными нашими знакомцами — зомби.
Арлин выстрелила первой. Возможность снова вступить в бой, казалось, вселила в нее бодрость и новые силы. Большая часть зомби не была вооружена — в их число в основном входили бывшие гражданские служащие Корпорации. Меня такое положение вполне устраивало. Ритч пару раз выстрелил вместе с нами; уж не знаю, попал он в когонибудь или нет. Но тут выяснилось, что мы столкнулись с более серьезной проблемой, чем команда ходячих мертвецов. Я уже почти забыл о приведениях — тех, кого окрестил призраками.
Один из них коснулся моего лица, и от этого прикосновения повеяло холодом Вселенной. Я решил нахалу вмазать, сильно размахнулся, но угодил в Ритча и сбил его с ног. Призраки явились в сопровождении приятелей — металлических черепов, с которыми я так надеялся больше не встречаться. Они стали пикировать на нас, как пилоты-камикадзе.
В этот момент Ритч руками наткнулся на затылок призрака. Он приставил пистолет к его черепушке и выстрелил.
Внимание моего приведения переключилось на Ритча — и когда он повернулся спиной, я раскроил ему башку пополам выстрелом из дробовика.
Кромсать призраков на куски, не скрою, мне пришлось вполне по душе, хоть монахиням школы, где я учился, такая идея вряд ли понравилась бы. Проклятый дух с воплем свалился на пол, который тут же покрылся льдом под воздействием вытекшей из него жидкости, которую кровью я бы называть не решился.
Пока я играл роль охотника за приведениями, Арлин расправлялась с летающими черепами.

Разделываться с ними легче, чем с тыквами — не нужно тратить много боеприпасов. Ритч тем временем приканчивал оставшихся зомби.
— Цельтесь им прямо в голову, как в кино показывают, — крикнула ему Арлин.
Для новичка Ритч действовал совсем неплохо, хотя, естественно, выполнял самую легкую работу. Но со взятыми на себя обязанностями вполне справлялся. Я был рад, что мы его нашли.
Мало-помалу напор противника ослаб, и, разделавшись с последними врагами, мы, как обычно, стали искать и собирать боеприпасы и оружие. На этот раз наш улов был невелик — от слабо экипированных зомби нам досталось немного патронов и «Сиг-Кау» для Ритча.
Небольшая передышка предоставила возможность получше познакомиться с Биллом. Арлин решила, что «гоблин», о котором он рассказывал, не кто иной, как князь ада, и подробно его описала, но Ритч покачал головой.
— Нет, — заключил он, — на минотавра чудище совсем не похоже. Скорее, оно выглядит, как гигантских размеров паук.
— Отлично, — обрадовалась Арлин. — Еще один персонаж для отчета.
Билл Ритч рассказал, что работал в Корпорации программистом. Если бы нам попался монстр с компьютером, Билл стал бы для нас поистине незаменимым человеком. Хотя, справедливости ради, надо сказать, что он уже и без того доказал свою ценность тем, что так славно расправился с зомби.
— Ну что ж, давайте с самого начала, расскажите, как они сумели вас захватить, — попросила Арлин. Ритч глубоко вздохнул.
— Мы столкнулись с классической ситуацией из числа тех, о которых обычно говорят: «С нами такого просто не может произойти». Мы были… — Он запнулся, и на его щеках проступил яркий румянец. Когда Ритч снова заговорил, я понял, что он решил скрыть от нас важную подробность. Ладно, подумал я, позже разберемся. — Мы занимались изучением Ворот, и в какой-то момент те из них, которые были на Деймосе, стали резко охлаждаться, они даже обледенели.
— Но мне казалось, что когда началась бесовщина, на Деймосе уже никого из людей не осталось, — прервал я его повествование.
— Так вы и должны были думать, — ответил Ритч. — На самом деле, когда специалисты из Объединенной аэрокосмической корпорации обнаружили здесь наличие чуждых электронных систем и стали в них разбираться, а мы все собрались на это посмотреть, именно в тот момент они и стали проникать — я имею в виду гоблинов. Иначе говоря, пришельцев.
— Какими же они были? — полюбопытствовал я. — Кто оказался первым?
— Первым был тот, кого вы назвали бы бесом. Он посмотрел на нас, мерзко ухмыльнулся, а мы все так и оцепенели от неожиданности, удивления и страха. Мы совершенно растерялись — как будто потеряли дар речи, и просто не представляли себе, как в этой ситуации себя вести. Подумайте — первый контакт с внеземным разумом, а мы даже сказать ничего не в состоянии! Все замечательные планы, которые мы строили, речи, которые готовили, наша реакция на…
— С реакцией все ясно, — перебила Ритча Арлин, которая всегда четко умела отделять суть от шелухи. — Скажите-ка лучше, как бес на вас отреагировал.
Билл печально покачал головой, как будто вспомнил что-то болезненное и неприятное.
— Он скатал из своей слизи фосфорный заряд и метнул его, убив нашего главного специалиста и двоих капитанов военно-воздушных сил. Я, слава Богу, стоял сзади… Потом раздался женский крик; мне кажется, кричала доктор Тийя Граф. Потом вскрикнул еще кто-то, и нас охватила паника.
— Как при бандитском налете?
— Как в «Грязной зелени». — Арлин хмыкнула, а я смутился. Лучше бы она про какой-нибудь другой фильм вспомнила.
— Если бы я был не таким здоровым малым, меня бы наверняка затоптали, а так просто сбили с ног. Я попытался подняться, но они накинули на меня сеть и парализовали каким-то средством, нейтрализующим деятельность нервной системы. В течение некоторого времени я оставался без сознания. Потом очнулся в просторном помещении в окружении сотни самых разных гоблинов — там и зомби были, — а эта паукообразная тварь взялась меня допрашивать. В числе тех, кто стоял возле меня, я узнал доктора Граф, но не мог точно определить, то ли она мертва, то ли ее превратили в зомби. Ну вот, пожалуй, это вся моя история.

После непродолжительной паузы Арлин высказалась:
— Ты заметил, Флай, в заповеднике больше зомби, чем в других местах?
— Конечно.
— А ведь мы только что такой кавардак устроили. Наверняка подмога должна была бы подвалить.
— Любопытство кошку убить может, — ответил я, чувствуя легкое раздражение, — но не зомби. А если это все, что здесь были? Были да кончились.
— Мозгов у них нет, — заметил Ритч, склоняясь над одним из тел.
Арлин покачала головой-.
— Думаю, это от того, что они делают только то, что им приказывают, — предположила она. — По всей видимости, они поддерживают постоянную связь с кем-то или с чем-то, что дает им команду и направляет их только туда, где нужно выяснить обстановку. Если они выполняют роль патрулей и в задачу их входят поиски и истребление оставшихся в живых людей, они нападают; если нет — зомби проходят мимо, не обращая ни на что ровным счетом никакого внимания.
— Тот бес, с которым я беседовал, натолкнул меня на мысль, что приказы зомби отдают бесы, — сказал я.
— Может быть. Но мы ведь видели зомби и там, где никаких бесов в помине не было. Тогда выходит, что зомби получают только один приказ, который не меняется ни при каких обстоятельствах. Я как-то видела нескольких бесов, бежавших прояснить ситуацию, когда мне удалось стравить зомби. Мертвяки палили друг в друга, а бесы не могли их от этого удержать.
— Об интеллекте розовых хрюкал тоже говорить не приходится — если он и есть, то только самый примитивный, — заметил я. — Если их соберется достаточное количество, а рядом идет бой, они из-за собственного хрюканья его не заметят.
— А у летающих черепов даже ушей нет, — добавила Арлин. — Значит, остаются князья ада, паровые демоны или те гоблины, о которых говорил Билл, похожие на пауков.
— Да-да, один из них как раз меня допрашивал, — подтвердил Ритч.
— Так что этих тварей тоже нельзя сбрасывать со счетов.
Пора было двигаться дальше. Держась правой стены, мы вскоре вышли к неширокому естественному коридору. На полу были разбросаны патроны. Мы их подобрали, но я немного расстроился из-за того, что часть из них с дефектом, а от некоторых остались только пустые гильзы. Я пытался рассортировать патроны, но из-за неловкого движения они рассыпались. Я опустился на колени, чтобы их подобрать. Это спасло мне жизнь. Пуля просвистела точно в том месте, где мгновение назад находилась моя голова.
— Зомби! — крикнул Ритч, хоть это было очевидно и без его предупреждения — из человеческого оружия не стрелял никто, кроме бывших людей.
Второй выстрел оказался еще менее удачным, а третью попытку убить вашего покорного слугу я допускать не собирался.
Арлин выстрелила в моего потенциального убийцу — да так и застыла на месте.
— Ф-Флай… — сдавленно прошептала она.
Я бросил взгляд на стрелявшего. Господи, Боже мой — самый жуткий кошмар Арлин материализовался во плоти. К нашей маленькой группе собственной персоной приближался Вильгельм Додд, точнее говоря, то, что от него осталось. При этом он поднимал свое двенадцатизарядное ружье, чтобы больше не промахнуться.
30
Побелев, как полотно, Арлин уставилась на него с открытым ртом. Я не хотел этого делать, но выбирать не приходилось — она заставила меня дать ей слово!
С отвратительным чувством презрения к самому себе я поднял пушку, хоть отлично понимал последствия того, что мне предстояло совершить, — снесу этому проклятому зомби башку, а потом Арлин возненавидит меня до конца своих дней… хоть он, вполне возможно, не за горами. И тут случилось чудо.
Когда мой указательный палец уже готов был нажать на спусковой крючок, лицо Арлин вдруг приняло сосредоточенное и жесткое выражение, кровь снова прилила к щекам, рот закрылся. Она дослала патрон в ствол дробовика, прицелилась и выстрелила прямо в лицо зомби-Додду.

Воцарилось продолжительное, неловкое молчание, которое не прерывал даже Ритч, понимая, что случилось что-то важное. Я положил Арлин руку на плечо, и она дребезжащим, как ржавая консервная банка, голосом на одном дыхании выпалила:
— Он уже не был живым, Флай. К тому же мне совсем не хотелось, чтобы он встревал между мной и моим лучшим другом. У меня как гора с плеч упала. В глазах что-то защипало — видно попала пыль, и я сжал плечо девушки с такой силой, что она даже вздрогнула, но осталась стоять, как стояла, и руку мою не убрала.
Она тоже прекрасно знала, что случилось бы, если б я прикончил переделанного Вильгельма Додда, и не допустила, чтобы это произошло.
Мне стало ясно, что наша дружба имела для нее такое же значение, как и для меня.
Я уже забыл, что зомби когда-то были людьми. Я себя заставил забыть об этом. Но застывшее лицо Вильгельма Додда вынуждало вернуться к проблеме, которую я уже считал решенной. Он был человеком, морским пехотинцем и занимал в моей жизни далеко не самое последнее место. Теперь, когда его окончательно не стало, я не знал, что и думать о наших отношениях с Арлин.
Лучше всего вообще не думать об этом — посоветовал я самому себе и, поскольку совет был неплох, принял его.
Арлин, наверное, было еще тяжелее, чем мне. Она села на пол, уперла подбородок в колени и несколько раз тяжело, глубоко вздохнула. Мне хотелось ее как-то утешить, но я чувствовал, что потуги мои будут тщетны.
— А.С… — я протянул руку и коснулся девушки.
Она, покачав головой, отстранилась. В любой другой ситуации я бы, конечно, оставил ее наедине с печалью, но на Деймосе уединение существовало разве что в могиле.
Ритч понимал, что происходит между нами, и держал рот на замке. Он нравился мне все больше и больше. Я взглянул на часы, хоть здесь это не имело никакого смысла. Тем не менее этот бесполезный, но такой естественный человеческий жест помог немного прийти в себя.
— А.С., — сказал я как можно мягче, — мы должны перешагнуть через это, а тебе нужно взять себя в руки.
— Оставь меня в покое! — прошептала Арлин, даже не обернувшись. — И не смотри на меня.
Да, настаивать в такой ситуации, пожалуй, смысла не имело. Я никогда еще не видел свою подругу в столь подавленном состоянии. Не говоря ни слова, я сел рядом с ней спина к спине, продолжая наблюдать за тем, что происходило вокруг. Арлин, конечно, нужно было время, чтобы оправиться после такого удара. Ритч, державшийся немного поодаль, с ружьем наизготовку глядел в противоположную сторону.
Время от времени Арлин вздрагивала; я делал вид, что не замечаю этого. Когда ей немного полегчало, она вытерла глаза, встала и решительно произнесла:
— Все, капрал, можем идти дальше.
Арлин была рядовым, а я — старшим по званию, хоть теперь это не имело никакого значения. В ее голосе снова прозвучали стальные нотки и готовность сражаться с врагом до конца.
Подошел Ритч, и мы отправились в путь. В конце ущелья поднимался вверх отлогий проход, по которому мы могли взобраться на скалистую стену, возвышавшуюся слева. А прямо перед нами простирался огромный сад, форма которого напоминала очертания правой ладони. Мы находились на месте большого пальца — дьявольский архитектор снова демонстрировал свои способности.
— Ты мог себе когда-нибудь такое представить? — спросила Арлин.
— Все равно лучше свастики, — ответил я.
«Ладонь» занимала весьма внушительное пространство, поскольку «пальцы» широко растопыривались, и я был совершенно уверен, что в любом из них нас ждали самые разные датчики, индикаторы движения и прочие дикие сюрпризы. В самом начале безымянного пальца, как раз на том месте, где обычно носят обручальное кольцо, возвышалось небольшое деревянное строение. Почему-то возникла мысль, что на среднем пальце полно розовых демонов.
Путешествие по ладони мы начали с большого пальца.
— Бьюсь об заклад, что единственные отпечатки, которые здесь можно найти, это отпечатки ног, — попытался сострить Ритч.

Я никогда не любил плоские шутки, но Арлин заявление Ритча явно понравилось, потому что она рассмеялась. Я был рад, что неказистое высказывание хоть немного развеселило ее, помогая выйти из депрессии.
Послышались уже знакомые бурлящие звуки: где-то рядом кипел лавоподобный, красный поток. Оглядевшись, я заметил приподнятое над поверхностью ладони каменное сооружение, которое вполне могло сойти за адский плавательный бассейн. Мне показалось, что прямо над поверхностью лавы мелькает очередной переключатель.
— Что это? — спросил Ритч.
— Дрянь ядовитая, — ответила Арлин. — А вы раньше ее не видели?
Ритч покачал головой.
— Вам крупно повезло, — продолжила Арлин. — Мы с Флаем, можно сказать, уже море этой гадости переплыли.
— Выглядит, как вулканическая лава, — заметил Ритч, лишний раз доказав справедливость старой истины о том, что правда от повторения не становится ложью. — Интересно, она горячая?
— Не очень, — ответил я, — но человека убить все равно может.
Переключатель искушал, как манит ребенка маленький сувенир, вложенный в пакетик с лакомством.
— Знаешь, — задумчиво сказал я Арлин, — все бы, кажется, отдал, только бы нажать на эту хреновину…
Я поднял с земли камень, запустил его ъ выпиравшую рукоятку переключателя и тут же отскочил назад, опасаясь, что на меня обрушится поток жидкой дряни.
Мне за мою любовь ко всяким кнопкам и рычагам еще при жизни следовало бы памятник поставить. Уже первая попытка оказалась удачной — послышался довольно громкий щелчок, вслед за которым в стене открылась небольшая дверца, и мы получили первый приз за сообразительность: еще один АБ-10 и — что гораздо более важно — пару отличных аптечек. Я бы, конечно, предпочел им встречу с еще одним магическим голубым шаром, от которого куда больше толка, чем от целого госпиталя, но и этот подарок судьбы пришелся очень кстати.
Но радость померкла, когда я открыл первую аптечку — на ней виднелись следы зубов беса. Да, нашей находкой уже успели попользоваться. Эти следы доходчиво объясняли, почему основная часть лекарств отсутствовала — клыкастым, очевидно, очень понравился их вкус. Тем не менее даже беглый взгляд на содержимое аптечек позволял сделать вывод о том, что для Арлин там осталось достаточно медикаментов.
Ритч помог отобрать те из них, которые были ей нужны в первую очередь. Первым делом я продезинфицировал раны, особенно тщательно обработав самую страшную на груди, потом дал девушке обезболивающее и перевязал чистыми бинтами. Ритч, казалось, чувствовал себя не совсем уютно, когда я протирал ватными тампонами колыхавшуюся, обнаженную женскую грудь, но в тот момент ни ему, ни мне не пришло в голову спрашивать у Арлин, было ли ей от этого щекотно. Зато я не забыл поинтересоваться, как она себя чувствует.
— Лучше, — ответила она, но по ее сдавленному голосу и бледному лицу я понял, что до хорошего еще семь верст, и все лесом. Хотя «лучше» — уже неплохо.
Остатки лекарств сослужили неплохую службу и Ритчу. Как бы то ни было, он больше не выглядел чересчур взнервленным. И вообще он был ничего мужик, нормальный — не каждый бы так быстро оклемался после того, как повисел вниз головой на потолке, а потом вместо лазарета попал во все те переделки, которые выпали на нашу долю после его освобождения.
Мне очень хотелось предложить ему шприц со стимулятором, который я использовал в отделанной мрамором комнате, но, видимо, именно это средство стало излюбленным лакомством бесов — все пузырьки из-под него оказались пустыми.
Выйдя с территории большого пальца, мы спустились на ладонь и, подобно урагану, принялись носиться от скалы к скале, наводя порядок, огнем и мечом сметая все, что преграждало нам путь, а заодно и подбирая по дороге то, что могло в дальнейшем пригодиться. Враги в саду попадались сплошь хилые, о них даже упоминать не стоит; главное — дохли, как мухи.
Арлин посчастливилось найти еще одну ракетную установку, которую она с гордостью оставила себе. Потом неподалеку обнаружились и ракеты размером с небольшую пальчиковую батарейку. Она взяла из

них семь штук, и я показал, как надо обращаться с этими милыми игрушками, не забыв упомянуть о том, что стрелять надо только по мишеням, находящимся на приличном расстоянии, иначе можно самому пострадать от взрывной волны.
Мы настолько обрадовались находке, что, видимо, стали посылать эмоциональные волны наподобие излучения, которые уловили монстры. А этим тварям совсем не по душе, когда люди счастливы.
Поэтому вскоре мы попали в засаду, которую нам устроили шестеро наших бывших товарищей по оружию и служащих Объединенной аэрокосмической корпорации, четверо бесов, трое демонов, два летающих черепа и куропатка с насеста на грушевом дереве (про дерево с куропаткой, как вы сами понимаете, я просто для красоты загнул). В кровавой бойне, которая за ним последовала, Арлин использовала все свои ракеты. Но теперь, по крайней мере, она не могла мне пожаловаться, что никогда не держала в руках чудодейственную малышку ракетницу.
Мы даже не взмокли, разделавшись со всей этой нечистью. Ритч, надо отдать ему должное, по-прежнему схватывал военную науку на лету. У него явно зрела какая-то мысль, которой он не прочь был с нами поделиться. Арлин, как мне казалось, все еще находилась под влиянием встречи с Вильгельмом, и мне захотелось отвлечь ее от печальных размышлений более близким знакомством и занимательной беседой с Ритчем.
Поэтому, как только мы прикончили последнего зомби, я решил его немного раскрутить.
Он уже говорил нам, что занимается компьютерами, но, называя себя простым программистом, явно скромничал. Поскольку пришельцы решили похитить его с Деймоса, я подумал, что он, без сомнени, выдающийся специалист своего дела, подлинный компьютерный гений.
— Так вот, — продолжил свой рассказ Ритч, — мы решили, что Ворота, по всей вероятности, представляют собой устройство для транспортировки больших масс. Если они все еще действовали, а не просто являлись памятником неудачного эксперимента, поставленного многие тысячелетия тому назад, получалось, что все наши физические теории гроша ломаного не стоят. Мы обнаружили, что они отвечают на воздействие микроволн высокой энергии; их контуры в течение нескольких секунд каким-то образом реагируют на каждое такое излучение. Впрочем, к электронике это не имело непосредственного отношения, а было как-то связано с потоками частиц.
Ритч рассказывал свою историю мне, но через какое-то время Арлин тоже начала внимательно прислушиваться, и скоро кончики ее губ опустились, а выражение лица стало таким, как будто она обнаружила, что ее кавалер ей изменяет.
— То есть вы хотите сказать, что воздействовали на Ворота? Значит, это вы их открыли? Господи, Боже мой, получается, что вы сами, своими руками запустили на Деймос всю эту нечисть!
В силу романтичности своей натуры Арлин всегда готова была поверить любой официозной ерунде, которая подавалась как текущая истина в последней инстанции. Я от этой вредной привычки излечился задолго до того, как пришел в морскую пехоту, потому что ни один нормальный морской пехотинец не верит нелепицам.
— Я… да, я допускаю, что в каком-то смысле мы сами дали пришельцам возможность войти в Ворота, — Ритч был вынужден согласиться с Арлин. — Но это чистая случайность!
— Ах, случайность, — фыркнул я и позволил себе каламбур: — Ну, значит, в таком случае, никто за это, случайно, личную ответственность не несет?
Не заметив моей иронии, Ритч продолжил рассказ.
— Теперь мне кажется, что, чем бы эти твари ни были, они каким-то образом следили за тем, что происходит по другую сторону Ворот. Не исключено даже, что они сами пытались их открыть со своей стороны, но до тех пор, пока мы не откликнулись на их «позывные», не могли этого сделать. Как бы то ни было, я вполне допускаю, что впустили их мы сами. Но я не верю в то, что эти твари могли построить Ворота.
— Мы тоже так решили, — поддержал я Билла. — У вас есть какие-то реальные доказательства или вы судите, основываясь исключительно на интуиции?
— Объединенная аэрокосмическая корпорация располагает… изображениями, которые оставили после себя строители Ворот, на которых запечатлены они сами. — Он смолк, пытаясь подыскать нужные слова.
— Ну, и на кого же они похожи? — спросили мы с Арлин одновременно.

— Вы, скорее всего, в это не поверите… — начал Билл фразу, но я его перебил, решив сделать упреждающий удар.
— После всего того, с чем нам довелось столкнуться, мы поверим во что угодно.
— Дело в том, что они похожи на тех тварей, которых описывал Лавкрафт, — закончил свою мысль Ритч.
— Я так и знала! — воскликнула Арлин. Она все еще злилась.
— Во всей Солнечной системе остался, наверное, только один человек, который не читал книги этого малого, — буркнул я, начиная заводиться. — Первому из вас, кто снова станет мне толковать о «жути», я засажу ракету прямо промеж глаз.
Ритч взглянул на меня с таким видом, будто принял угрозу всерьез, но, увидев широкую улыбку Арлин, расслабился и успокоился. Глубоко вздохнув, он сказал:
— Тела их чем-то похожи на змеиные, причем на верхней части расположены многочисленные конечности; головы не видно вообще. Передвигаются они, скорее всего, боком.
— А какой они величины? — не терпелось узнать Арлин.
— В длину до десяти метров, — ответил Ритч.
Больше реплик не последовало, но я точно знал, какая мысль одновременно промелькнула в головах моих товарищей: «Ну и жуть!»
Спорить я не стал, но заметил:
— Жизнь свою поставлю на кон, что за этой формой не может стоять разумное содержание. Арлин решилась мне ответить:
— А я, Флай, готова поспорить на кое-что более значительное, чем твоя ставка. Как ты думаешь, во сколько могла бы оценить нас страховая компания?
— А я в азартные игры не играю, — вмешался Ритч, у которого даже лицо вытянулось от нашего спора.
— Кроме того, я уже встречался с тем, кого вы считаете Разумом, всем здесь заправляющим. Это та тварь, которую я назвал гоблином, похожим на паука. Я совершенно уверен, что именно он здесь главный.
— Расскажите-ка о нем поподробнее, — попросил я.
Ритча даже передернуло от моей просьбы. Я мог себе представить, что ему довелось испытать, хотя досужие домыслы — одно дело, а непосредственный контакт с нечистью — совсем другое.
— Насколько я мог судить, Паук действительно разумен, — сказал он. — Он неплохо говорил по-английски.
Исходя из полученного еще на Фобосе опыта общения с бесом, я не склонен был подвергать такое утверждение сомнению.
— И что же он вам рассказал интересного? — спросила Арлин.
— Ну, начать с того, что он не рассказывал, а задавал вопросы. Сначала они были простыми — да-нет, правда-ложь. Несколько раз я пытался обвести его вокруг пальца, но ему уже многое было известно, и он поймал меня на вранье.
— Как же он на него отреагировал? Ритч пожал плечами.
— Эмоционально это его не задевало, но он меня, тем не менее, наказывал. Насылал ужасные пытки, но все они были лишь галлюцинациями. Знаете, иногда бывает, что во сне видишь себя в самых кошмарных, жутких ситуациях, от которых просыпаешься в холодном поту. Так вот, нечто подобное гоблин-Паук проделывал со мной, только наяву. Я теперь понимаю, почему люди, которым давным-давно, может быть, тысячу лет назад приходилось сталкиваться с такого рода явлениями, на самом деле верили в то, что они умерли и побывали в аду.
Ритч помолчал немного, погрузившись в малоприятные воспоминания, а потом продолжил:
— Но все эти страхи были пустыми. Через какое-то время я понял, что могу их переносить без особого напряжения. Сначала гоблин наводил на меня истинный ужас, которого раньше я никогда не испытывал; но когда он понял, что воздействие ослабло, то растерялся и не знал, что делать дальше.
— А чего он, собственно, от вас добивался?
— Эта тварь хотела заставить меня перепрограммировать все оборудование на Фобосе и на Деймосе. Я отказывался, и он запугивал меня, с каждым разом заставляя испытывать все больший страх. Но то, что он проделывал с моим воображением, повторяю, не имело никакого отношения к реальности — это

были чистой воды галлюцинации. Когда Паук понял, что его методы не срабатывают, он просто подвесил меня к потолку в той сети, из которой через некоторое время вы меня вытащили. У меня сложилось впечатление, что ему хотелось получить о людях побольше информации, чтобы понять, как их лучше подчинять. Мне кажется, что сейчас он пытается найти себе более сговорчивого программиста, и, если ему это удастся, не сомневаюсь, что он тут же пожелает со мной разделаться.
— Значит, получить побольше информации о людях… — повторил я, чувствуя, как по коже забегали мурашки. — А.С , тебе не кажется, что нечисть, которую на нас насылали…
Арлин посмотрела на меня, потом вверх. Она отлично понимала, что в моих словах есть изрядная доля смысла.
Мы-то как раз и стали для них вторичным источником информации. Интересно, дали ли мы этому зловещему Разуму достаточную пищу для размышлений? Очень хотелось бы надеяться, что нет.
— Опишите, пожалуйста, монстра поподробнее, — попросила Ритча Арлин.
Билл скрипнул зубами.
— У меня создалось впечатление, что это невероятных размеров мозг, помещенный в механическое тело, напоминающее паучье.
— А он вооружен? — в свою очередь поинтересовался я.
— Паук со всех сторон обвешан таким количеством всякого оружия, что и представить себе трудно, — ответил Ритч.
Честно говоря, я в этом усомнился именно потому, что теперь мог слишком многое себе представить.
Тем не менее новости, сообщенные Ритчем, меня порадовали. Поведение предводителя пришельцев со всей очевидностью свидетельствовало о том, что он принимал нас всерьез. Надо сказать, что я уже слегка подустал рубить и резать бесчисленных солдат его войска и сносить им головы. Теперь мне впору схватиться с самим полководцем. Арлин информация тоже подбодрила — щеки ее залил обычный румянец. Мы с ней не нуждались в лишних разговорах, потому что и без того были настроены на одну волну. А вот с Ритчем мы поделились имевшимися в нашем распоряжении сведениями и сообщили о предположении, что Деймос является космическим кораблем, а также о гиперпространственном туннеле. Кое о чем он догадывался и сам.
После обмена мнениями мы продолжили путешествие по безымянному пальцу к тому месту, где я еще раньше заметил хлипкое деревянное строенце. По дороге мы наткнулись на призрака, но для вооруженной троицы он не представлял особого препятствия. Я не переставал удивляться тому, с какой легкостью мы воспринимали теперь нечисть — это отношение даже близко нельзя было сравнить с тем паническим ужасом, который я испытал, когда еще на Фобосе столкнулся с самым первым зомби. Я был уже сыт всеми этими тварями по самое горло.
Мы осторожно подошли к ветхой, шаткой, деревянной развалюхе. Адской сторожке явно не помешал бы небольшой косметический ремонт.
— Замок; я сама проверю, — сказала Арлин с застенчивой улыбкой маленькой девчушки, которой на Рождество подарили платьице для любимой куклы. — Мне такие замки очень нравятся!
— Почему? — поинтересовался я.
— К ним подходят старомодные ключи.
— Я помогу их найти, — сказал Ритч прежде, чем я успел предложить свои услуги.
— Не надо, не суетитесь, — ответила Арлин, — мне кажется, я их уже нашла!
Она быстро разобрала один из пистолетов, согнула планку газового стабилизатора, прикрепила к ней пружину, подающую в ствол патроны, просунула конец забавного самодельного устройства в замочную скважину и открыла дверь. Вся процедура заняла у девушки не более пяти минут.
— Где вы этому научились? — спросил Ритч.
— Книжек много в детстве прочитала.
— Тебе помочь пистолет собрать? — вроде как на полном серьезе обратился я к Арлин; никак не мог удержаться от маленькой подколочки.
Она гневно вылупила на меня глаза и в момент собрала оружие. Мы подождали, пока она закончит, а потом распахнули шаткую дверь жалкой хибары.
Внутри находился переключатель. Жизнь продолжала преподносить нам один сюрприз за другим, как сказал бы наш покровитель — старец Гомер. Честь нажать на рычаг мы предоставили Арлин. Стена

перед нами отъехала в сторону, открыв платформу очередного телепорта, на которую была навалена дюжина трупов изувеченных и обезображенных бесов.
— Давненько мы не отправлялись в путь, — вздохнула Арлин.
— А я, пожалуй, сменил бы своего агента из бюро путешествий, — отшутился я.
Прибыв на конечную остановку, мы осмотрелись и очень расстроились. Даже на какое-то время забыли о болтовне. Потому что оказались в том же самом месте, куда попали после полета сквозь гиперпространственный туннель! Единственная разница состояла в том, что теперь мы были в одежде, при оружии и, конечно же, вместе с Ритчем.
31
— Это мы уже проходили, — наконец открыла рот Арлин.
— Без всякого сомнения, — добавил я.
А Ритч буркнул что-то, чего я не понял, но по реакции подруги было ясно, что он вспомнил какую-то фразу из книги их любимого автора. У них уже выработался свой код передачи информации, ключа к которому я не знал. Но особенно расстраиваться по этому поводу я не собирался. Гораздо больше меня волновало то, что все приходилось начинать по-новой.
Как и в прошлый раз, я по локоть просунул руку в отверстие напоминавшей мембрану пленки, повернул хрящевидную рукоятку и открыл дверь. Внутри, на том же самом месте мы обнаружили Вимса и Йошиду, причем оба лежали точно в той же позе, в какой мы их нашли в первый раз — соединенные головами, и, как и раньше, держали в руках пистолеты, вставленные друг другу в рот. И, что важно, лежали они одетые!
Мы так долго и с таким изумлением на них пялились, что бедный Билл Ритч, ровным счетом ничего не понимавший в том, что происходило, начал уже было беспокоиться. Он даже попытался обследовать тела наших бывших однополчан, но Арлин тактично отвлекла его от этого занятия, чтобы потом ему кошмары не снились.
— То, что с ними сделали, страшнее, чем все монстры вместе взятые, — высказал я свое мнение.
Миновав гнусный отсек, мы подошли к узкому туннелю со склизкими стенками, по которому Ритчу из-за его габаритов было особенно тяжело пробираться, и, выйдя наружу, тут же встретились с семеркой бесов, один раз уже убитых. Мы повторили операцию, только теперь убрали их не из пистолетов, а из ружей. Хоть в этом, по крайней мере, было какое-то отличие.
Распахнув уже знакомую дверь, мы, как и в прошлый раз, столкнулись с двумя летучими тыквами. Они были очень похожи на предыдущих, разве что размером побольше. Арлин начала палить по ним из своего АБ-10, а я докончил расправу из дробовика, следуя нашей излюбленной тактике. Разнообразие в ситуацию внес Ритч, заявивший:
— Летучие тыквы выглядели бы куда импозантнее, если бы вместо фар по центру у них горело в каждом глазу по свече.
Отклика его слова не вызвали.
Мы решили обойти стороной ветхий мостик, чтобы вместо него пройти в дверь, но Арлин неожиданно сказала:
— Знаешь, Флай, у меня такое чувство, что нужно в точности повторять все, что мы делали прошлый раз.
— Ты, видно, забыла, как тебя демоны в узком коридоре разделали, — напомнил я ей. Она кивнула. Мой довод, казалось, поколебал ее уверенность. Второй раз такую же схватку она, скорее всего, не смогла бы перенести. Я продолжал гнуть свою линию: — Мы ведь уже поступили по-другому — не взяли пистолеты Вимса и Йошиды, разделались с летучими тыквами.
— Знаю, — ответила Арлин. — У меня нет других аргументов, кроме женской интуиции.
Я уже собрался отколоть очередную шуточку по поводу странной настойчивости Арлин Сандерс, но вовремя заметил, что она как никогда серьезна. Девушка пристально на меня посмотрела, и мне все стало ясно.
Ритча мы оставили в коридоре. Он не был готов к тому, чего мы оба ожидали. Конечно, после того, как мы расчистим ему дорогу, он будет находиться в относительной безопасности. Мы стремглав промчались по шаткому мостику, не обратив никакого внимания на стену иллюзорного пламени, и с ходу разделались с бесами, которые, как мы уже знали, поджидали нас по другую сторону.

Была еще и вторая причина, по которой я настаивал на том, чтобы Ритч шел сзади, однако о ней я вслух не распространялся: меня не оставляло предчувствие, что мы найдем второго Билла Ритча, свисающего с потолка в паутинном коконе.
К счастью, этого не случилось, но я так и не решился обсуждать возникшее у меня подозрение ни с Арлин, ни с Ритчем. Одному Господу известно, приходили ли им в голову аналогичные мысли. Я отнюдь не исключаю такую вероятность, хоть сами они эту тему тоже не поднимали.
Мы проскользнули по потайному коридору и, оказавшись в той самой комнате, где были раньше, подложили бесам с летучими тыквами такую же свинью, как и в прошлый раз. Когда знаешь, чего ожидать, действуешь гораздо более уверенно. Теперь я помнил про ту тыкву, которая зависла в засаде над дверью, и, как только оказался там после бойни между бесами и тыквами, не без удовольствия с ней расправился.
Арлин уже знала, где бензопила. Она вытащила ее из-под бесовских трупов и сразу же запустила, предварительно взяв с меня обещание на этот раз открыть огонь в тот момент, когда пила выскользнет у нее из рук. Кроме того, поскольку теперь уже все было известно наперед, она не скользила и не выпустила пилу, не позволив, таким образом, ни одному демону застать ее врасплох. Она носилась как ветер, как гроза, как ураган, она изрезала всех розовых демонов на куски, всех уничтожила. Невозможно было себе представить, что совсем недавно один из розовых смог ее тяжело ранить. И я понял, что возможность исправить ошибку, допущенную в прошлый раз, чудесным образом улучшила ее психологическое состояние.
Мы продолжали идти по узкому коридору в направлении телепорта.
— Интересно, что же с нами произойдет? Снова вернемся к ладони? — ляпнул я и вскоре пожалел о.своих словах. Лучше бы мне вообще рот не раскрывать.
Мы вступили на площадку, но вместо того, чтобы телепортироваться, увидели, как окружавшие стены ушли в пол, и мы остались стоять посреди просторного зала, своды которого поддерживались колоннами.
Немного поодаль громоздилась, как небоскреб, аккуратно уложенная стопка коробок Объединенной аэрокосмической корпорации. В каждой коробке лежало по пять упаковок ракет — их было такое количество, что на весь мир хватило бы. А еще там лежала целехонькая и новехонькая ракетная установка.
Совершенно ясно, что просто так, за красивые глаза такой потрясающий подарок получить нельзя. И, действительно, вскоре мы услышали грохот самых тяжелых шагов в царстве монстров. То был очередной прекрасный в своем роде экземпляр парового демона. Только теперь поблизости не было зоны невесомости, подходящей для того, чтобы с ним разделаться.
— Это что еще за новости такие? — прошептал Ритч, прячась за колонну.
— Это, друг мой, — паровой демон. Пятнадцать футов в высоту, длинные, загнутые рога и ракетная установка вместо руки впридачу.
— Ах, это один из тех, — Ритч понимающе кивнул.
— Вам о них что-нибудь известно? — в недоумении спросила Арлин.
— Конечно. Только я раньше их не видел. Пришельцы сумели переделать разработанную мною программу для машин по добыче руды для управления этими огромными, могучими существами.
Тон, которым Ритч сказал это, был таким, как будто он подавал самую будничную жалобу в суде по разбирательству мелких служебных злоупотреблений.
— Есть какой-нибудь способ вывести его из строя? Ритч задумался. Паровой демон — достаточно крупная проблема, чтобы кого угодно заставить всерьез шевелить мозгами.
— Может, я и смог бы это сделать, если бы вы помогли мне взобраться к нему на спину, — задумчиво проговорил он. — Именно там находится устройство, регулирующее подачу ракет.
— Овчинка стоит выделки, — ответил я и бросил взгляд в сторону Арлин. Она одобрительно кивнула.
Как только демон нас засек, мы разбежались в разные стороны и спрятались за колоннами. Новоиспеченная махина была столь же омерзительного вида, как и та, с которой мы встречались, но зато мы ее уже не так боялись. Паровой демон застыл в нерешительности, не зная, с кем расправиться первым. Пока он ломал голову над столь деликатным вопросом, мы с Арлин с двух сторон бабахнули по нему ракетами.

Наконец демон выбрал цель, показавшуюся ему более симпатичной, и поднял руку с ракетной установкой. Увидев это, Арлин нырнула за колонну. Рядом с колонной тут же взорвались три ракеты, от которых она хоть и зашаталась, но все-таки устояла.
Я, не раздумывая, выскочил из укрытия и стал выпускать в механического гада одну ракету за другой. Когда огромная махина в конце концов удостоила меня своим вниманием, я снова спрятался за колонну. Тем временем Арлин в точности воспроизвела мой маневр, стреляя из своего укрытия. То, чем мы занимались, походило на забавную детскую игру, только ставкой в ней были наши жизни.
Паровой демон доказал, что обладает достаточной сообразительностью, чтобы решить маленькую головоломку, которую мы ему предложили. Он подошел к одной из колонн и встал так, чтобы нам труднее было в него попасть. Но Арлин вычислила его маневр заранее. Перебежками — от одной колонны к другой — она снова изменила наше положение относительно неуклюжего ракетоносца, так что его умственные усилия оказались тщетными.
Настало время вводить в игру Ритча. Пока Арлин отвлекала демона, перебегая от одного укрытия к другому и выпуская при каждом удобном случае ракеты, мы с Биллом вышли на исходную позицию. Когда в итоге хитрых комбинаций чудовище повернулось к нам спиной, намереваясь нанести Арлин смертельный удар, мы подбежали к нему сзади, и я подсадил товарища на спину демона. Хоть наш программист и был очень тяжелым, мне удалось помочь ему взгромоздиться на Годзиллу, и Ритч отправился объезжать безумного скакуна, о котором наверняка никогда в жизни и мечтать не осмеливался. Не медля ни секунды, он засунул по локоть руку в устройство, обеспечивающее подачу ракет для установки. Как мы условились заранее, я оставил Ритча на спине демона, а сам бросился со всех ног в укрытие, чтобы придумать какую-нибудь уловку, если наш друг окажется не в состоянии вывести монстра из строя.
Арлин продолжала носиться кругами, как актриса, выполнявшая указания капризного режиссера. Она была настолько занята беготней, что даже прекратила стрельбу. Кроме того, она не хотела подвергать Ритча даже малейшему риску. А железное чудовище, казалось, не обратило внимания на то, что здоровый мужик устроился на его спине.
Демон заметил присутствие Ритча только тогда, когда тот вырвал из гнезда какой-то кабель.
Монстр под совершенно невероятным углом завел руку за спину, чтобы стряхнуть Билла, но так и не смог до него дотянуться.
Тогда он пустил в ход вторую железную клешню, ту, которая была оснащена ракетной установкой. Ее паровой демон тоже неестественно согнул, так что ракетница оказалась нацеленной не только на Ритча, но и на весь ракетный арсенал, упакованный за его собственной спиной. Я затаил дыхание в ожидании конца света. Однако в самый последний момент в голове чудовища, видимо, сработала система самозащиты, запретившая взрывать ракетный запас. Паровой демон по очереди стал колотить обеими клешнями себе в спину, но Ритчу эти удары никакого вреда не причиняли. Спокойно закончив начатое дело, он спрыгнул на пол и побежал в мою сторону. Монстр осторожно развернулся и нацелил ракетную установку точно в голову Ритча. Попасть в него с такого расстояния было легче легкого — и если бы так случилось, программисту больше никогда не пришлось бы беспокоиться о шляпе. Демон выстрелил. Мы отчетливо услышали громкий, сухой щелчок, за которым ничего не последовало. Ритч продолжал бежать. Паровой демон снова и снова щелкал ракетницей, нацеленной в жертву, как будто до него не доходило, что система запуска повреждена. Этот тест на сообразительность он явно не прошел.
Арлин, не тратя времени даром, продолжала из своего укрытия стрелять в спину монстра. Тогда растерявшийся придурок развернулся и навел на нее свою уже бесполезную ракетоносную клешню. Снова раздался сухой, пустой щелчок. Я выпустил три мини-ракеты подряд и стрелял до тех пор, пока не затекла ладонь, сжимавшая пусковую установку. После по меньшей мере двадцати пяти прямых попаданий гигант зашатался и повалился на пол, как небоскреб, в который угодила фугасная бомба.
Тем временем Арлин подобралась к монстру со спины и, спрятавшись за колонной, выпустила пару ракет прямо в его ракетный арсенал. Раздался колоссальной силы взрыв — я очень удивился, когда, придя в себя, обнаружил, что гиперпространственный туннель уцелел.
Меня схватка измотала до предела, но Арлин с Ритчем были полны задора и жажды деятельности.
Мы вернулись туда, откуда пришли, однако окружавшая обстановка — и прежде всего архитектура — претерпела существенные изменения. Стены стояли не на тех местах, где раньше.

Изменился настил полов. Помещения, до того совсем небольшие, превратились в огромные залы с бассейнами, о края которых без устали бились красные волны кипящей, ядовитой лавы. — Глянь-ка в ту сторону! — привлекла мое внимание Арлин. Я посмотрел, куда указывал ее палец, и увидел малоприятное зрелище — шагающего по дну омута с красной лавой князя ада. Хотя, должен признаться, после игры в кошки-мышки с паровым демоном минотавр уже не казался мне серьезной угрозой. Я вспомнил, как на Фобосе от одного звука шагов его собрата Арлин бешено продиралась сквозь щель в стене, оставляя на камне клочья одежды и кожи, а я при виде его просто оцепенел от страха. Надо же, как со временем все меняется!

Однако беспечность была для нас пока что непозволительной роскошью. Мы принялись стрелять в князя ада ракетами с двух сторон, пока он не обуглился и, прорычав напоследок что-то вроде: «Орк!» — не скрылся в бурлящем потоке.

Длинный, узкий коридор, в котором Арлин при помощи бензопилы расправлялась с розовыми демонами, превратился в одну из стен треугольного помещения, до отказа заполненного призраками. Мы постарались проскочить его как можно скорее, пока невидимки не призвали на помощь розовых собратьев из плоти и крови. Добежав до двери, ведущей в центральный коридор, мы взломали ее, выбив замок несколькими пулями из АБ-10.

Снаружи, в коридоре, ничего подозрительного мы не заметили и вернулись к потайному проходу, который вывел нас за воображаемую стену, откуда виднелись лавовое озеро и стена позади него, а рядом с ней — коридор, через который можно было пробраться на сушу. Я уже направился к этому коридору, когда Ритч, указав на озеро, озадачил меня вопросом:

— А почему бы, собственно, нам не воспользоваться скафандрами, защищающими от токсичных отходов?

— Что? — сначала не понял я. — Где же нам их взять?

— Видите те комбинезоны?

Надо же, какая удача! Я взял один, натянул его сверху, прямо на ботинки и одежду, и потопал через лаву к раскинувшемуся за ней островку. Там я обнаружил самое потрясающее ружье из всех, которые мне доводилось держать в руках, — огромное, с гироскопическим стабилизатором и мощной батареей, вмонтированной в приклад. Подняв его с земли, я был приятно удивлен тому, что оно гораздо легче, чем выглядит, и существенно менее громоздкое. Улыбаясь так, будто выиграл приз за игру в шары, я вернулся к Арлин и Ритчу.

Я правильно сделал, что последовал совету Билла надеть защитный скафандр; токсичная лава разъедала его ткань с тихим шипением. К тому времени, когда надо было вылезать из красной пузырящейся дряни, я уже чувствовал легкое недомогание, но боли не было. Выбраться из бассейна мне помогла Арлин.

— Скидывай скафандр, — потребовала она, — он уже расползается. — Я с радостью стал раздеваться. Различив под скафандром странные, выпирающие очертания неизвестного предмета, она спросила: — А это что еще такое?

Я проследил направление ее взгляда.

— Это… это, я так думаю, здоровенная и достаточно мощная пушка.

— А как она действует?

— Стыдно в этом признаться, но я собираюсь это выяснить в бою — мне не хочется просто так расходовать ее энергию. А вам, Ритч, нравится ружьишко? — Программист бросил на оружие беглый взгляд и одобрительно кивнул.

Сбросив защитный скафандр, я почувствовал, что кожу словно покалывает тысяча иголочек. Наша троица обменялась взглядами, какие бывают только у людей, вместе побывавших на волосок от смерти. Потом, повинуясь безотчетному внутреннему порыву, мы подали друг другу руки, причем этот жест напоминал не столько рукопожатие, сколько священную клятву.

Дальше дороги не было, и нам пришлось вернуться в то помещение, где перед этим мы разделались с двумя летучими тыквами. Там тоже кое-что изменилось за время нашего отсутствия: рядом со старой дверью появилась новая, запертая. Арлин опустилась на колени и внимательно осмотрела замок.

— На этот раз я вас, пожалуй, не порадую, — через какое-то время сказала она. — С этим замком я справиться не смогу.

Что ж, и впрямь особой радости нам это сообщение не принесло. А я-то уже убедил себя в том, что моя подруга может справиться с любым замком. Еще раз окинув взглядом помещение, я заметил в дальнем его конце третью дверь. Вообще же это место все больше напоминало мне холл странной гостиницы!
— Давайте-ка попробуем выяснить, что ждет нас вон за той дверью, — предложил я.
Распахнув дверь, мы увидели перед собой длинный, темный коридор. Я пошел первым, Арлин с Ритчем последовали за мной. Наверное, я слишком уж расслабился, потому что не заметил платформу телепорта, пока не наступил прямо на нее.
На этот раз путешествие оказалось очень быстрым, но меня от него чуть не вырвало. Я внезапно оказался на треугольной платформе, а рядом со мной, буквально в двух метрах, в воздухе зависла парочка летучих тыкв!
32
Мне здорово повезло — тыквы меня не заметили, — поскольку быстро разделаться с ними при помощи ружья или пистолета не было ни единого шанса. Чтобы прикончить каждую такую дрянь, нужно выстрелить несколько раз, а с маленького расстояния им ничего не стоило послать шаровые молнии, пока я пытался бы их вырубить. О ракетах можно было забыть по той же причине — я бы сам вместе с тыквами поджарился.
Поэтому именно сейчас мне выдалась отличная возможность испытать новое большое ружье — я так и решил его назвать — «НБР». Глубоко вздохнув, я поднял этот прекрасный образчик человеческого гения, некогда принадлежавший Объединенной аэрокосмической корпорации, и направил его на ближайшую дуру тыкву. Не обнаружив у «НБР» спускового механизма, я просто сильно сжал рукоятку. Но ни щелчка, ни отдачи не ощутил. Вместо этого послышался громкий, чуть подвывающий звук включившегося энергетического накопителя. Тыквы его тоже услышали и стали разворачиваться в мою сторону.
Какое-то время с ружьем ничего не происходило, и я уже начал опасаться, что, решив им воспользоваться, допустил большую промашку, как вдруг из дула вырвался зеленый сгусток энергии с таким ярким сиянием, что слепило глаза. Тыквы взвизгнули и лопнули, как воздушные шарики, от них остались лишь голубоватые и оранжевые дымившиеся ошметки.
На этом, впрочем, мои неприятности не закончились, почивать на лаврах было еще рано.
По обе стороны коридора, в котором я очутился, в стенах имелась масса отверстий кубической формы, из которых стали вылезать зомби. Как ни удивительно, но я заметил их только тогда, когда на меня надвинулась уже достаточно большая группа. Видимо, я порядком устал, и внимание притупилось.
Когда мне пришлось под напором врага лечь на пол, я услышал звук автоматной очереди, который ни с чем не спутать. Пули со свистом проносились над моей головой. Кто же, черт возьми, мог здесь стрелять? Наверняка сзади кто-то решил напасть. Как же надоели эти удары исподтишка!
Перекатившись на бок и продолжая вжиматься в пол, я снова выстрелил из «НБР» в левую часть коридора. Результаты оказались очень неплохими — целая куча жареных зомби. Я был готов установить здесь политику жесткого контроля над всем, что могло шевелиться, причем прерогативы исполнительной власти для ее осуществления я собирался закрепить за «НБР».
Перескочив через платформу телепорта, которую раньше опекали две летучие тыквы, я пошел по коридору в левую сторону и вскоре залез в одно из кубических отверстий в стене, где прятались зомби, поскольку на Деймосе, как и повсюду, действовало доброе, старое правило: если кто-то вылез из дыры, она пуста. Я отложил в сторону «НБР» и снял с плеча проверенный дробовик, потом высунул голову из кубика, ставшего моим временным укрытием. Почему-то эта мысль показалась мне тогда удачной.
И тут откуда ни возьмись снова просвистел град пуль, вынудивший вашего покорного слугу нырнуть обратно в нору. Наконец-то до меня дошло, в чем дело, ларчик открывался просто — стреляла Арлин! Она не могла понять, куда я делся, и палила туда, где находилась платформа телепорта, а вылетали пули в коридор, куда меня перебросило. Стало ясно и то, почему пальба вызвала такое недоумение у нападавших зомби. Действительно, этим убогим дебилам с чисто функциональными мозгами было о чем призадуматься.
Что же касается Арлин, то она и на расстоянии помогла мне расправиться с врагами ничуть не хуже, чем если бы находилась рядом. Ободренный тем, что нашел логическую разгадку волновавшей меня проблемы, я снова высунулся из укрытия и принялся стрелять в зомби, пробегавших мимо в погоне за

несуществующим врагом. Меня радовала мысль о том, что теперь и я мог поиграть в игры, которые так нравились приведениям. Зомби же, как и следовало ожидать, быстренько посходили с ума и стали охотиться друг на друга.
К тому времени, как Арлин ко мне присоединилась, с ними было покончено. Она спрыгнула с платформы, и я поведал ей обо всем, что произошло. Потом мы вернулись в дальний конец коридора, где я прятался в кубической дыре Надо заметить, что когда я сидел в засаде, то присмотрел еще одну дверь, которая только теперь, наконец, дождалась нашего внимания
Для того, чтобы ее открыть, ключа не понадобилось, потому что около двери нас поджидал очередной князь ада.
Из его пасти торчала синяя магнитная карточка. Мы ее получили, выполнив условия традиционной справедливой сделки — то есть в обмен на очередную порцию ракет Уверен, что и этот минотавр поимел возможность в полной мере оценить нашу щедрость.
Вернувшись к телепорту, мы нашли там Ритча, о котором не забывали ни на минуту Билл никогда особенно не жалел, если по той или иной причине не мог присутствовать при кровавых разборках с местными обитателями, хотя, когда ему удавалось во время этих стычек забиться в угол, вел себя просто великолепно — как лучший представитель гражданского населения. Он отлично проявил бы себя в Лексингтоне и Конкорде, если бы только там не надо было много бегать.
Снова собравшись втроем, мы отправились к той двери, которую не смогла открыть даже Арлин. Ни один из нас не удивился, когда ее отворила синяя магнитная карточка, добытая из пасти минотавра.
В комнате за дверью находилась витиевато украшенная площадка еще одного телепорта.
На этот раз мы очутились в огромном, просторном помещении, края которого, огороженные невысоким парапетом с поручнями, обрывались в глубокий, открытый ров. Скоро глаза начали слезиться от рассеянного в воздухе едкого тумана. В помещении сильно воняло омерзительной смесью сероводорода и тухлых лимонов. Стены были цвета запекшейся крови.
— Это оно и есть! — взволнованно сообщил Ритч. — Это как раз то место, где Паук… то есть, я хотел сказать, этот носитель чуждого разума меня допрашивал.
Я уже дошел до такого состояния, что мне стали совершенно до фонаря изыски местной архитектуры. Все эти бесконечные переходы, коридоры, комнаты, залы и чуланы казались похожими друг на друга, как две капли воды. Но меня гнусные твари не пытали, не подвешивали вниз головой на полпути между жизнью и смертью. Что же касается заявления Ритча, то, несмотря на испытания, через которые ему довелось пройти, сомневаться в достоверности его воспоминаний не приходилось.
Откудато снизу доносилась дикая какофония, на которую способны только монстры, решившие провести свой шабаш прямо у нас под носом. Мы подошли к поручням, по периметру окружавшим помещение, и прислушались.
Я отчетливо различал рычание, ворчание, вскрики, хрипы, вой, гнусавое сопение и даже какой-то странный, пронзительный свист. Грохот тяжелых шагов не оставлял сомнений в том, что там пировали и местные великаны. Хотя, надо сказать, громовой топот парового демона не слышался вовсе. Это, пожалуй, был единственный хороший знак.
— Если вы все еще хотите встретиться с разумным Пауком, считайте, что теперь вам такая возможность представилась, — прошептал Ритч.
— А разве для этого специальное приглашение не требуется? — спросила Арлин.
— Мне никакого особого приглашения не нужно, — ответил я тоже шепотом. — Я с самого детства обожаю крушить всякие ворота.
Арлин перегнулась через поручни.
— Здесь и тыквы летучие, и князья ада, и эти летающие черепа, а с ними еще чертова прорва всякой нечисти.
— А как черепушки лучше назвать? Арлин как-то странно взглянула на меня, как будто со мной было не все в порядке.
— Ну, ты даешь. Так и назовем — простенько и со вкусом — «летающие черепа». Есть возражения?
Я покачал головой и поймал недоумевающий взгляд Ритча. Он, скорее всего, принял нашу игру за признак начинающейся душевной болезни. Надо сказать, у него самого тоже неплохо получалось давать монстрам имена. Так, например, парового демона он окрестил «крутой кибер», а Паука-гоблина —

«паучий разум». Такое название давало достаточно точное представление о странном существе, которое именно в этот момент попалось нам на глаза.
Оно, пожалуй, было более гнусным, чем все остальные демоны вместе взятые.
Если крутой кибер казался отвратительным из-за того, что его механические части сочетались с органическими, то один лишь взгляд на это совершенно чуждое человеческому восприятию Нечто вызвал у меня приступ тошноты. Многочисленные механические нога поддерживали прозрачный купол, в котором колыхался огромный, серый, пульсирующий мозг с ужасной пародией на лицо, образованное в самом центре этой массы ее собственными желейными складками, причем из нее же состояли «глаза» и «зубы». Со стороны абсурдное зрелище могло бы, наверное, представиться даже забавным, почти как в мультике. Но для нас это воплощение самого жуткого кошмара не предвещало веселых развлечений.
Сама по себе внешность Паука настолько сильно давила на нервную систему, что из поля зрения как бы выпадала самая важная деталь — его вооружение. Даже из того неловкого положения, в котором мы находились, было отчетливо видно, что он оснащен чем-то похожим на сверхскоростной пулемет «Гатлинг» и крупнокалиберный авиационный пулемет «Вулкан». Я ничуть не сомневался, что, подойдя к этой твари поближе, можно обнаружить и другие малоприятные сюрпризы.
— Послушайте, — прошипел я, — предположим, что мы с этим уродом поганым справимся. Тогда прямо здесь и теперь завоевательные планы пришельцев накроются медным тазом! Я мог бы пробежать вдоль этих поручней, спрыгнуть вниз прямо под носом у Паука и поджарить его своей новой игрушкой.
— Слишком опасно, — не согласилась Арлин.
— Да он вас изрешетит пулеметами еще до того, как вы подойдете к нему на расстояние выстрела из вашего нового ружья, — добавил Ритч.
Я был вынужден согласиться с доводами друзей, и, заново обмозговав свое предложение, пришел к выводу, что если бы даже мне повезло, то все равно меня разорвали бы на части монстры, окружавшие паучьего босса. Ритч, казалось, прочел мои мысли, потому что сказал:
— Нам бы сначала разделаться хоть с частью собравшихся внизу тварей, чтобы ослабить защитников дьявольского Паука.
Этот малый и вправду имел шансы со временем стать почетным морским пехотинцем.
Продвигаясь вдоль ограды и постоянно перегибаясь через поручни, чтобы видеть то, что происходит внизу, мы получали все больше необходимой информации. Пока мы искали более выгодную позицию, Ритч чихнул — видимо, у него разыгралась аллергия на монстров.
Поскольку нас заметили и фактор внезапности нападения был утерян, мы решили тут же открыть огонь, чтобы достойно наградить тварей за внимание, которое они нам уделили. Мы с Арлин первым делом пустили в ход ракеты, которые нашли в комнате с паровым демоном. Расстояние до цели и наша позиция вполне позволяли использовать их.
Кругом стоял такой шум, что многие из монстров, которые находились от нас на достаточно большом расстоянии, даже не поняли, что случилось, и продолжали выяснять отношения друг с другом. Главная задача состояла в том, чтобы Паук как можно дольше не обращал на нас внимания, поэтому в его направлении мы не выпустили ни одной ракеты.
У нас все еще оставалась масса невыясненных вопросов. Насколько острый у него слух? Отчитываются ли перед ним остальные монстры, и если да, то как именно: по радио или с помощью телепатии?
Мы продолжали резню. Ритч снова оказался весьма полезен — на этот раз он стрелял из «Сиг-Кау». Когда число монстров прилично поубавилось, их генерал обратил внимание на то, что кое-кого из подопечных недостает.
Демоны начали проявлять явные признаки волнения. Они забегали по огромному залу, в звуках воя и рычания послышалась тревога, без всякого сомнения, созвучная с изменением настроения их предводителя. Да, теперь стало совершенно очевидно, что между ними действовала постоянная связь. Некоторые даже пытались применить свои ограниченные умственные способности для того, чтобы как-то «объяснить» причину таинственной смерти собратьев.
Увы, паучий разум вполне оправдывал свое название. Обнаружив неизвестную опасность, он принялся носиться кругами, пытаясь отыскать ее источник. Тем не менее мое уважение к столь большому количеству серого вещества, сконцентрированного в прозрачном куполе, заметно уменьшилось после

того, как я понял, что в какой-то момент проклятый Паук растерялся и стал с досады палить без разбора во все стороны, при этом совершенно не заботясь о сохранении жизни собственных солдат, замертво падавших под градом его пуль!
Ритч осторожно подошел ко мне.
— Капрал Таггарт, я… — начал он, но я его перебил.
— Зовите меня просто Флай.
— Хорошо, Флай, я подумал о том, что для движения Деймоса в гиперпространственном туннеле нужна колоссальная энергия. Вместе с тем совершенно очевидно, что генератор такой мощности доставить сюда сквозь сравнительно небольшие Ворота невозможно. Ведь речь идет об установке чрезвычайной силы, энергию для которой вырабатывают тысячи электростанций, подобных электростанции Гувера.
— В этом вы, пожалуй, правы, — согласился я. Арлин, продолжавшая обстрел демонов, перегнувшись через перила, тоже кивнула.
— Поэтому вероятнее всего, что энергия, движущая Деймос, поступает из внешнего источника, — продолжал Ритч. — А если так, значит, куда-то ее передают.
— Не хотите ли вы сказать, Билл, что если нам удастся каким-то образом прервать поступление этой энергии, то тем самым мы сможем предотвратить вторжение? — спросила Арлин.
Впервые с тех пор, как началась заваруха, в душе затеплилась надежда на то, что существует реальный шанс претворить в жизнь наше намерение. Ведь без достаточно мощной энергетической базы невозможно беспрерывно «стряпать» в котлах бесчисленные полчища монстров.
Настало время отказаться от их услуг.
33
Арлин указала на небольшое строение в самом центре пространства, которое занимали монстры. Несмотря на столпотворение и царивший там хаос, ни одна из тварей не приближалась к нему на близкое расстояние. Складывалось впечатление, будто они это строение нарочито избегали.
— А не может ли станция, принимающая энергию, находиться в той маленькой лачужке? — спросила Арлин.
Ритч пожал плечами.
— Наверняка не знаю, но вполне допускаю такое, — ответил он.
От этих слов наше настроение поднялось примерно так же, как голубая сфера улучшала здоровье. Паук продолжал палить во всех направлениях, убивая и калеча все большее число подвластных ему демонов. Настал решающий момент — теперь или никогда.
Я спрыгнул вниз первым и почувствовал себя так, как будто летел по воздуху. Арлин последовала за мной. Я протянул ей руку, но моя помощь не потребовалась. А Ритчу нам пришлось помогать вдвоем, потому что его внушительные габариты никак не были приспособлены для полетов. Потом втроем мы побежали к центральному строению.
Главным препятствием на пути были трупы монстров, но мы быстро приспособились перескакивать через твердые, тяжелые тела с толстенными руками и ногами. Паук нас заметил и открыл огонь из тридцатимиллиметрового «Вулкана». Мы ничком упали на пол, используя валявшиеся повсюду трупы в качестве прикрытия.
Отвратительное существо, перебирая железными лапами, наступало на нас, расстреливая, наверное, триста пуль в минуту — пять в секунду. Очень скоро Паук должен был подойти совсем близко, а стрелял он с такой скоростью, что мы не то что ответить ему, но даже голову поднять от пола не могли.
Внезапно шквальный огонь прекратился. Паук запутался в куче трупов, которую сам и создал. Его механические конечности были плохо приспособлены для преодоления такого рода препятствий.
— Бежим! — крикнул я и что было сил понесся к центральному строению.
Одного быстрого взгляда на нашего преследователя было достаточно, чтобы определить дальнейшее направление движения — мы двигались по прямой, проходящей от него к заветной цели.
— Держитесь линии между Пауком и станцией и прибавьте ходу! — крикнул я своим спутникам, а сам стрелой метнулся к «лачужке», как назвала строение Арлин, но тут же наткнулся на распластанное тело парового демона, поскользнулся и упал — ох уж этот проклятый паровой демон! Сердце ушло в пятки. Но, сообразив, что к чему, я понял, что создание этой чертовой хреновины еще не завершено. Отлично,

хоть на этот раз не придется из кожи вон лезть, чтобы придумывать очередную лютую казнь!
Огромный монстр лежал на брюхе, уткнув безобразную рожу в пол. Из спины его торчали ракеты. Свист пуль над головой заставил меня в тот момент сильно напрячься — пара прямых попаданий в неслабый арсенальчик могла вызвать детонацию боеголовок, а если они еще не установлены, достаточно прямого попадания в баки с ракетным горючим, чтобы мы даже не взорвались, а просто испарились.
— Вот уж не думала, что тебя можно так сильно напугать! — съязвила Арлин, помогая мне подняться.
Мы снова припустились бежать к центральному строению. Когда позади осталась примерно треть открытого пространства, на меня накатила волна патологического, животного, физически ощущаемого страха.
В голове смешались самые кошмарные образы Гойи, Босха, Патрика Вудрафа: кровь закапала с потолка, стала сочиться из стен, немного поодаль забили кровавые фонтаны. Дьявольский мозг Паука как будто ощупывал все закоулки моего сознания, чтобы найти в нем самое уязвимое место. Из стоявшего перед нами здания, ухмыляясь и похлопывая себя по ляжкам, вышел отец и закричал:
— Меня осыпал милостями верховный вождь Камехаме-ха! — а потом издал боевой клич Тарзана.
Он снова унизил и оскорбил меня, как и двадцать лет назад, когда мы были в музее на Гавайях и стояли перед большой статуей величайшего гавайского правителя. Я тогда отшатнулся от него, моля Бога лишь о том, чтобы никто не догадался, что он — мой отец. А он, как назло, все шел за мной и приговаривал:
— Видел, что я сделал? А теперь смотри еще раз! И он повторял свою дурацкую выходку снова и снова. Никогда в жизни мне не доводилось переживать такой стыд, как в том музее. Нам очень повезло, что мы выбрались оттуда живыми. Но, черт дери, теперь даже он не мог бы меня заставить остановиться на полпути к центральному строению. Я помчался еще быстрее, пытаясь освободиться от дьявольских чар, которыми опутывал сознание проклятый Паук.
Но он наслал другое наваждение: я снова увидел себя в суде, причем на этот раз обвиняемым стал я сам. С рукава у меня сорвали нашивки именно так, как это показывали в старых фильмах двухмерного изображения, вроде как заклеймив позором. Потом сорвали еще медаль за меткую стрельбу, другие орденские планки и, самое главное, — изображение орла, распростершего крылья над земным шаром и показывавшего всем окружающим, что я действительно морской пехотинец.
Я сжал зубы и сквозь накатывающие слезы не переставая твердил, что сам-то я знаю, что я — морской пехотинец и останусь им, что бы со мной ни случилось, а если даже и попытаюсь об этом забыть, мне не даст этого сделать Арлин. Ноги продолжали неустанно двигаться. Одному Богу известно, какие ужасы Паук насылал на Арлин с Ритчем; их лица были бледными как полотно, мрачными, но решительными.
Когда чудовище убедилось, что его чары на нас не действуют, оно снова вернулось к более конкретным мерам — опять открыло по нас огонь. Однако ему по-прежнему было трудно переступать через тела мертвых демонов и одновременно вести прицельную стрельбу, а останавливаться Паук, видимо, не хотел. Это дало нам возможность выиграть время и, добежав до центрального здания, спрятаться с противоположной его стороны. В конце концов наш преследователь тоже выбрался на открытое пространство, оперся на все свои членистые металлические конечности, поднял пушку и открыл стрельбу. Мы услышали, как несколько пуль разорвались совсем рядом с нами; потом стрельба внезапно оборвалась и воцарилась странная тишина.
— Что случилось? — спросил Ритч.
— Как будто бы помеха возникла, — ответила Арлин.
— Паук не стреляет, потому что боится попасть в здание! — понял я.
У меня возникло ощущение, что, когда на линии огня оказывалась лачужка, у тварей словно какая-то цепь в мозгах размыкается, и они не могут причинить ей никакого вреда.
Теперь в самый раз пора было придумывать, как попасть внутрь; однако паучий разум снова оправдал свое название — мозговитая тварь быстренько пробежала вперед и заняла более удобную позицию, изменив угол прицела. Мы же продолжали двигаться по сужающейся спирали ко входу в строение, пытаясь при этом постоянно находиться на линии огня между ним и Пауком. Вернулось ощущение, как будто мы снова играем в детскую игру, с той лишь разницей, что в ней легко быть по-настоящему убитым.

Тут возникла новая проблема. До этого монстры благоразумно держались поодаль, теперь же их привлек шум возобновившейся перестрелки. В нашу сторону полетели алые огненные шары, зеленые сгустки энергии князей ада и шаровые молнии. Не ответить взаимностью в таких обстоятельствах было бы просто невежливо. Стараясь укрыться от Паука, мы одновременно открыли огонь по нападавшим монстрам.

— У меня осталась только одна ракета! — крикнул я, выпуская предпоследний заряд в минотавра.

Но выбрасывать установку я не торопился в надежде на то, что она еще пригодится. Арлин, наверное, думала иначе, полагая, что ненастные времена скоро останутся позади: расстреляв все патроны своего АБ-10, она выкинула пистолет, даже не взглянув на него, чтобы он не мешал ей.

Билл Ритч выстрелил из «Сиг-Кау» в демона — и, к моему немалому удивлению, уложил его наповал.

Несмотря на грузное телосложение, программисту удавалось держаться рядом с нами, хотя по хриплому, надрывному дыханию было ясно, что стоило это ему недешево. Я даже начал опасаться, что у него сдаст сердце, а нам он ох как был нужен. Подобные рассуждения диктовались отнюдь не душевной черствостью или эгоистическими соображениями — единственное, что сейчас имело значение, это успешное завершение нашей миссии.

Господи, неужели в такой момент я в состоянии об этом думать? Да, скорее всего, так. Это Арлин обратила меня в свою веру, а я даже не заметил, как ей это удалось. Если раньше моей единственной целью было ее освобождение, то теперь как последний морской пехотинец я хотел выиграть последнюю, решительную битву.

Когда мы, наконец, добрались до запертой двери, я выбил замок выстрелом из нового большого ружья. Один из бесов, по всей видимости, не одобрил моего вандализма, потому что со всей силы метнул огненный шар и промахнулся, то есть, если быть точным, не попал в меня. Арлин тоже успела увернуться, но, взглянув на Ритча, я понял, что ему от бесовского огня досталось по первое число.

Пламя сильно опалило его лицо, и он отчаянно кашлял, причем так сильно, что я не на шутку испугался. Придерживая дверь спиной, чтобы не закрылась, я продолжал стрелять по наступавшей нечисти, давая Арлин возможность втащить Ритча в здание.

Мы, наконец, достигли заветной цели! Комната, в которой мы очутились, была битком набита всякой электроникой, кабельными жгутами и банками данных. Пока Арлин делала все, что в ее силах, чтобы помочь Ритчу — хоть возможности ее были очень ограниченными, — я стоял на страже, отстреливая безумцев демонов, которые осмеливались приблизиться на достаточно близкое расстояние. Стрелять монстры, естественно, боялись. Мне такое положение очень нравилось, однако только до тех пор, пока очередной бес не метнул огненный шар, который ударился о дверной косяк, чуть было не угодив в меня.

Это был единственный раз в истории Вселенной, когда Паук и ваш покорный слуга сошлись во мнении. Поступок беса совсем не понравился ни чудовищному мозгу в банке на ножках, ни мне. Паук отстоял свое мнение на деле, прошив ослушника несколькими очередями, так что тот стал похож на отбивную котлету.

Больше никто из нечисти стрелять не отваживался. Тем не менее, когда я оказывался в поле зрения дьявольского Паука, он снова и снова пытался наслать на меня гипнотический ужас — единственное оружие, которым он не боялся воспользоваться в сложившейся ситуации. Мне его даже немного жалко стало.

Хотя… здесь я, скорее всего, преувеличивал.

— Как там у Ритча дела? — крикнул я, заранее зная ответ на свой вопрос.

Арлин печально покачала головой. С каждой минутой Ритчу становилось все хуже и хуже. Брызги бесовской слизи обожгли ему не только лицо, но также дыхательные пути и легкие, и они больше не могли насыщать кровь кислородом.

Я был совершенно выбит из колеи и не знал, что делать. Возможно, в больнице нашего товарища еще могли бы как-то подлатать, а у нас не было ни бинтов, ни самых элементарных болеутоляющих средств. Кожа на лице Ритча покраснела, покрылась волдырями и в нескольких особенно сильно обгоревших местах кровоточила. Вот-вот должна была начаться агония… Будучи смекалистым малым, Билл сам понимал, что его положение безнадежное.

Он умирал.

Арлин, прислонив его спиной к стене, что-то тихо нашептывала ему на ухо. Билл кивнул, и этот жест вызвал новый жестокий приступ кашля. Девушка вытерла ему слезившиеся глаза, и он стал видеть достаточно хорошо, чтобы нам помочь.
Слабым голосом Ритч рассказал о самых главных элементах оборудования, которое находилось в комнате. Он вспомнил все, над чем его заставляли здесь работать и что нам следовало знать.
Арлин оставила его и подошла ко мне.
— Как бы я хотела, — прошептала она, — чтобы именно теперь появился один из голубых шаров.
— Да, это единственное, что могло бы спасти Билла, — согласился я.
— А у нас даже самой обычной аптечки нет. Я все сделала, чтобы облегчить его страдания.
Я взглянул ей прямо в глаза и коротко отрезал:
— Он сообщил о том, что нам надо знать. Сейчас это самое важное.
Я ощущал себя профессионалом, хотя на самом деле нервничал гораздо сильнее, чем желал показать.
Но Арлин была точно таким же профессионалом, как и я, поэтому ответ на мою реплику последовал незамедлительно:
— Ты последний удар по энергетическому приемнику нанесешь или я?
Я задумался, кому из нас лучше этим заняться, но Арлин приняла решение за меня:
— Лучше, Флай, тебе это сделать. Здесь нужен действительно меткий стрелок, чтобы держать тварей на приличном расстоянии и не дать им напасть на нас. А с двух метров, я думаю, в эти банки данных даже ты попасть сможешь, как считаешь? Это же не в яблоко на голове Гофорта стрелять! — Рот при этом у нее расплылся до ушей — хоть завязочки пришей.
Пришлось мне превратиться в истребительную команду, состоявшую из одного единственного человека. Подняв «НБР», я глубоко вздохнул и принялся вдребезги разносить собранную на станции коллекцию электронных устройств. Взрывной волной от первого выстрела меня сбило с ног. Я поднялся и снова стал стрелять по целям, которые указал Ритч в этой массе оборудования. После четвертого выстрела ружье издало легкий шипяще-свистящий звук и работать наотрез отказалось — разрядился аккумулятор. Я закончил дело дюжиной выстрелов из дробовика.
— Господи, Флай! Пойди сюда, взгляни-ка на эту картину, — крикнула мне Арлин.
Я подошел. Меня все еще трясло, как в лихорадке, в ушах звенело, как после рождественского фейерверка. Вот уж и впрямь было чему удивляться: монстры беспорядочно ходили кругами и стреляли во все, что двигалось, — то есть друг в друга.
Проклятый Паук, казалось, продолжал лишь частично контролировать положение. Он выстрелил по нескольким князьям ада, уверенный в том, что из всех его подчиненных именно они представляют для него самую большую опасность в том случае, если он окажется не в состоянии отдавать приказы.
Расправа над минотаврами, устроенная боссом, естественно, привлекла внимание остальных монстров, которые тут же стали выстрелами отвечать на выстрелы. Мы не являлись участниками перестрелки и в полной мере смогли использовать преимущества зрителей восхитительного спектакля.
Через пятнадцать минут от дьявольского сборища остался один монстр — точнее говоря, только один монстр еще был в состоянии держаться на ногах. Пауку теперь некому было отдавать приказы, кроме себя самого. Однако, помимо того, что он уже не мог рассчитывать на помощь подчиненных демонов, перед ним встала и другая проблема: он израсходовал боеприпасы для своих пушек и, чтобы разделаться с нами, зарядов не имел.
— Ритч, — спокойно и очень отчетливо произнесла Арлин, — ваш план сработал просто замечательно.
Уверен, Билл Ритч в полной мере оценил бы восхищение Арлин и прозвучавшую в ее словах похвалу, если бы только был жив.
Тому проклятому, тупому бесу с клыками, который угодил в него огненным шаром, все-таки удалось вывести нашего друга из строя. Я долго вглядывался в угасшее лицо Билла Ритча, узника демонов, пережившего все пытки, которым они его подвергли, нашего боевого товарища, человека, давшего нам реальную возможность одержать победу над пришельцами. Я смотрел на его мертвое тело, которое еще совсем недавно было живым, и внутри у меня что-то сжималось.
— Господи, как же я устал от этой заварухи! — простонал я. Потом снял с плеча любимую ракетную установку и отдал ее своей лучшей подруге.
— Поглядывай на меня почаще, снайпер. А как и когда этим пользоваться, ты теперь знаешь не хуже

меня… только, пожалуйста, больше не промажь.
— Если найдешь здесь яблоко, Флинн Таггарт, можешь поставить его себе на темечко, и — будь уверен — я не промахнусь.
Перезарядив дробовик, чтобы отвлекать внимание чудовища, я спокойно направился к самому отвратительному из пришельцев.
— Ну что, насекомое! — крикнул я ему. — Слушай внимательно, когда к тебе человек обращается!
Купол с мозгом повернулся своей мерзкой рожей ко мне, и наши глаза встретились. Через секунду в голове возникли самые жуткие образы из всех, которые Паук на меня насылал: я увидел объятую пламенем Землю, горящие здания и посевы, океаны трупов. Я увидел монстров, которые были совсем непохожи на известных нам пришельцев, — настоящих демонов, состоявших на люциферовой службе, шагавших по горам мертвой человеческой плоти и морям крови, перемешанной с мочой. Они хохотали, радуясь одержанной над человечеством победе.
Никогда в жизни я не видел ничего более страшного — род человеческий под железной пятой инопланетных завоевателей. Шеи людей охватывали железные ошейники, руки и ноги сковали тяжелые цепи. Были среди них предатели и изменники из числа представителей самых разных рас и народов, которые пошли на сделку с врагом и ценой крови собратьев выкупили свои жалкие жизни.
Перед моим мысленным взором пронеслось и трусливое, «вишистское» новое правительство Земли.
Я издали увидел нескончаемые колонны вышагивавших на параде огромных, отвратительного вида демонов. Они заполняли всю Землю от края до края, от одного океана до другого.
Чем дольше я всматривался в эти поистине ужасающие картины, тем более отчетливо понимал, что видения не являются плодами извращенно-болезненного воображения, выращенными в моем подсознании, — почему-то во мне крепла отчетливая уверенность, что все это происходило на самом деле.
Паук дал мне возможность увидеть будущее. Я наклонился и плюнул прямо на купол, в котором был заточен гнусный мозг дьявольского создания.
— Помнишь того беса, через которого ты пытался говорить со мной на Фобосе? Поганая тварь пыталась убедить меня сдаться на твою милость. Так вот мой ответ, членистоногое насекомое!
Я поднял ружье, тщательно прицелился и выстрелил в прозрачную сферу — раз, другой, третий… Остановился я только после восьмого выстрела, потому что кончились боеприпасы, а Паук, развернувшийся к тому времени ко мне всем корпусом, уже почти закончил перезарядку тридцатимиллиметрового скорострельного пулемета.
Петляя из стороны в сторону, как заяц, я бежал между трупами в поисках того единственного тела, которое меня особенно интересовало. Это тело было не мертвым, а еще не родившимся, как сказали бы воспитывавшие меня монахини, хотя совершенно не в том смысле, который я вкладывал в это понятие в окружавшей меня поистине адской обстановке.
Я искал еще не собранного до конца парового демона, который мог оказать мне услугу.
Паук припустился вдогонку. Надо отдать ему должное — на открытом пространстве он передвигался очень неплохо, неизмеримо быстрее, чем обычное двуногое существо вроде меня. Но мы-то бежали по сильно пересеченной местности — я позаботился о том, чтобы выбрать именно такой маршрут, который не очень облегчал бы ему погоню за вашим покорным слугой. Я перепрыгивал с одного трупа на другой, как Элиза по плавучим льдинам, и напрочь выбитая из колеи паукообразная тварь с тупыми мозгами стала бессмысленно палить по трупам, чтобы расчистить себе путь.
Расстояние между нами продолжало сохраняться приличное, и, когда я спрятался за одно из тел, недоразвитый недоумок меня попросту потерял! Отлично! Он, наверное, от полного обалдения рассчитывал на то, что я себе рожок охотничий куплю, чтобы привлечь его внимание. Пригнувшись пониже к полу, чтобы не словить дуриком шальную пулю, я перезарядил ружье, потом резко встал и выдал Пауку по куполу еще несколько зарядов. Он меня засек и даже взвизгнул от радости — причем звук был такой, будто его и вправду издавало насекомое, только прозвучал он в миллион раз сильнее, — а потом стал поливать окружавшее меня пространство автоматными очередями.
Следующую стометровку я пробежал так, что наверняка установил новый мировой рекорд на этой дистанции. Стрелой пронесшись по воздуху, я грациозно, как лебедь, нырнул под труп ближайшего монстра и, неудачно перекувырнувшись, вывихнул плечо.

Затем я выпрямился, вскинул ружье и выпустил в Паука последний заряд. Ответом на мой скромный выстрел стал очередной град крупнокалиберных пуль «Вулкана», которые в клочья рвали металлическую обшивку еще не рожденного парового демона, как пули АБ-10 крошили бы гипс. Тело демона покрылось дырками от пяток до головы.

Такие же рваные дыры появились и на корпусах ракет, воткнутых в гнезда на спине монстра.

Я до боли сжал зубы. Наступил момент истины. Если на них уже установлены боеголовки, думаю, мне либо предстояло встретиться в райских кущах с разлюбезными монахинями, либо… либо навеки остаться там, где я находился теперь — то есть в аду.

Через пятнадцать секунд, когда дьявол выпустил еще 750 пуль, внезапно воцарилась давящая, гнетущая тишина, которая вернула меня к настоящему. В ушах стоял гудящий звон, сердце, казалось, хотело выскочить из груди, голова кружилась. Но Паук больше не стрелял — он хотел понять, какой ущерб нанес паровому демону своими пулями.

Я не собирался высовываться из укрытия, да и зачем? Достаточно было закрыть глаза и глубоко втянуть воздух, чтобы понять, что произошло.

Есть один запах, который большинству людей не знаком, но тот, кто хоть раз его вдыхал, не сможет забыть об этом уже никогда. Каждый, кому доводилось околачиваться недалеко от лагеря морских пехотинцев или военно-морской базы, конечно же, в момент узнает его. И летчикам он отлично известен, потому что без него не обходится ни один военный аэродром. Это едкий запах топлива РТ-9 для реактивных двигателей, которое, не ведая преград, забивается в нос и оттуда добирается прямиком до самого мозга. Представьте себе на минуточку вонь, которая исходит от смеси нашатырного спирта, формальдегида и той дряни, которую выпускает скунс, когда хочет напугать врага, перемешанных вместе в солодовом напитке.

Нет, ошибки быть не могло… Десятки галлонов этой вонючей, легковоспламеняющейся гадости растеклись вокруг парового демона. Бросив взгляд себе под ноги, я увидел, что горючее уже достигло подошв моих ботинок и проедает их посильнее, чем зеленая жижа токсичных отходов.

Тем временем истерзанные барабанные перепонки пытались донести до мозга срочную весть, проталкивая свою информацию сквозь звон, до отказа наполнявший черепную коробку, и гулкие удары сердца: они сообщали о приближении паучьих лап, несших дьявольский мозг посмотреть на тот кавардак, который сотворил его обладатель.

Я медленно попятился, согнувшись в три погибели, так, чтобы голова не особенно высовывалась над телом парового демона. Когда Паук приблизился вплотную, прятаться стало негде.

Паук снова взвизгнул, но теперь уже не от радости, а от ярости, и выстрелил еще раз.

При этом он поскользнулся в луже ракетного горючего, вонявшего здесь по его милости. Он попытался встать, но снова оступился и, как на коньках, заскользил по маслянистой жидкости. РТ-9 стекало с его округлого брюха, заливало ноги и даже верхушку прозрачного купола забрызгало. Самое время попасть в это яблочко, А.С.! Я резко отскочил и судорожно замахал руками, повернувшись в сторону лачужки. Арлин я не видел, поэтому, указывая на Паука, что было мочи заорал:

— Ну, давай же, дура чертова, стреляй в него скорее, а то поздно будет!

Моя подруга, конечно, не могла меня слышать с такого расстояния. Иначе я бы никогда в жизни не осмелился произнести эти слова.

В черном дверном проеме предполагаемой станции наконец расцвел маленький красный бутон, быстро превратившийся в огненный хвост последней ракеты, которая у нас оставалась. Я ничком бросился на пол и закрыл голову руками, судорожно соображая, не вывозился ли сам ненароком в ракетном топливе…

В голове по-прежнему стоял такой сильный звон, что звук взрыва я расслышал как бы издали, словно в ушах торчали ватные тампоны. Взрывная волна травмировала вывихнутое плечо. Пролежав еще какое-то мгновение с закрытыми глазами и руками, прикрывавшими голову, я все же отважился разомкнуть веки.

Проклятый Паук пронзительно визжал и всеми своими железными лапами колотил об пол, пытаясь сбить языки яркого, белого пламени, как один из тех монахов Вимса, который в знак протеста против войны в Кефиристане облил себя бензином и заживо сгорел.

Я следил за красочным зрелищем в течение нескольких минут, особенно не высовываясь, пока паучьи

боеприпасы не взорвались и не разлетелись по сторонам. То, что осталось от грандиозной механическо-органической конструкции, еще с полминуты корчилось в смертельном танце, потом жаркое пламя растопило прозрачную оболочку дьявольского инопланетного Разума, и в считанные секунды мозг величиной с грузовик превратился в небольшую кучку золы. Металлические части, поддерживавшие это вместилище кошмаров, еще какое-то время дергались сами по себе, но скоро и они стали грудой безжизненного металлолома рядом с трупами других монстров. От паукообразного повелителя демонов осталось лишь дымившееся пепелище…

— То-то вот, твари поганые, привыкайте так подыхать, — бормотал я, не слыша звуков собственного голоса. — Считайте это репетицией спектакля, в котором всех вас скоро отправят в любезный вашему сердцу загробный мир.

До моего плеча — моего левого плеча — дотронулась рука.

— Нет! — крикнул я и тут же взвыл от боли, потому что Арлин без всякой задней мысли дружески хлопнула именно по вывихнутому плечу.

— Ох, Флай, прости, пожалуйста!

Я с трудом разбирал произносимые ею слова, которые доносились до моего слуха, будто из динамика, установленного в противоположном конце помещения.

Потом я перекатился на спину, ругаясь, как пьяный извозчик.

— Надо же, эко тебя угораздило! — подивилась Арлин. — Понятно, в чем дело. Ну, ничего, парень, потерпи немного. Сейчас тебе станет очень больно, но через минуту спасибо скажешь.

Вы не поверите — она схватила меня за руку, дернула и вставила сустав на место!

От дикой боли из глаз посыпались искры, и я вырубился.

Придя через несколько секунд в сознание, я снова принялся грязно браниться, выбирая соответствующие термины в алфавитном порядке, чтобы не пропустить ни одного. Когда эпитеты иссякли, я перешел к богохульствам. Тогда подруга прервала фонтан моего красноречия, заткнув мне пасть большим, мокрым каблуком собственного форменного ботинка.

Потом она помогла мне сесть. К этому времени слух стал возвращаться, и я уже достаточно явственно мог разобрать ее слова.

— Зрелище, Флай, было просто восхитительное. Я так думаю, мы все-таки победили. Уверена, что Ритчу спектакль тоже доставил бы огромное удовольствие.

Я все еще слышал гул работы силовых установок. И свет почему-то не гас. Что-то здесь было не то.

— Мне бы не хотелось, чтоб ты меня неправильно понял, — снова заговорила Арлин, удивленно оглядываясь по сторонам, — но объясни, Флай Таггарт, почему до сих пор горит свет?

— Я отлично тебя понимаю, А.С. Мы с тобой не успокоимся до тех пор, пока не окоченеем в беспросветной тьме открытого космоса…

— И не задохнемся в безвоздушном пространстве.

— Получается, в чем-то план Билла Ритча не сработал? Арлин погрузилась в раздумья.

— Думаю, что лачужка все-таки не была энергетическим приемником, — через какое-то время произнесла она. — Скорее всего с помощью установленного там оборудования Паук управлял остальными монстрами.

— То есть ты хочешь сказать, что теперь оставшиеся на Деймосе и Фобосе монстры перебьют друг друга, как те, которые уже сделали это? — Я не мог сдержать улыбку. Очень уж мне импонировала эта мысль.

— Не думаю, что теперь даже Паук был бы в состоянии их проконтролировать, — заметила Арлин. — Слишком уж они переполнены ненавистью.

Я вспомнил распятых князей ада, потом Билла, по-дурацки погибшего от случайного огненного шара, который метнул в меня бес. Как жаль, что его больше нет с нами!

Все, Флай, хватит причитать, возьми себя в руки.

Мы снова зашли в небольшое строение, битком набитое осколками и обломками электронного оборудования, и я накрыл тело Ритча куском брезента. Мы вынесли его из комнаты и положили на то место, которое ему подобало занимать, — туда, где по его плану нами была одержана победа над монстрами.

— Теперь все в порядке, — сказал я. — Думаю, пора выбираться на поверхность. Может быть, мы там

сможем придумать, как добраться до Марса или, по крайней мере, понять, где мы, черт возьми, находимся.
— Следи за языком, Флай, — с серьезным видом оборвала меня Арлин. Интересно, что это на нее вдруг нашло? Или она в монахини решила податься?
Когда мы поднимались, переходя с одного уровня на другой, нам повсюду встречались сотни, а потом и тысячи мертвых пришельцев-монстров. Было такое ощущение, что в недрах базы на совесть поработали сотрудники межгалактической компании по дезинфекции и очистке помещений от демонов. В живых оставалось совсем немного чудовищ, причем они, бедняги, были настолько не в себе, что их даже лень было убивать. Но мы с Арлин все-таки заставляли себя с ними разделываться.
Выйдя на поверхность, мы увидели, что купол, окружавший Деймос, дал трещину, через которую, вихрясь в потоках небольшого урагана, в открытое космическое пространство с шипением выходит воздух. Нам, конечно, в свое время объясняли основные принципы выживания в космосе. Весь воздух мог исчезнуть только через несколько дней, а на такой долгий срок мы задерживаться на марсианском спутнике не собирались.
Я заглянул в трещину — и обомлел, у меня даже дыхание перехватило. Я перестал моргать, и в глазах защипало.
В том месте, где раньше над нашими головами висел красноватый, пустынный шар Марса, теперь находилась другая планета. Зеленовато-голубые очертания ее материков и океанов, белые барашки облаков, скрывавшие шесть миллиардов наших собратьев, были до боли знакомы.
Мы вышли из гиперпространственного туннеля. Арлин приблизилась ко мне, и мы вместе стали смотреть на открывшуюся взору картину в надежде на то, что видение не является галлюцинацией. Через какое-то время Арлин произнесла:
— Мне кажется, что теперь мы многое знаем о планах вторжения.
Глядя сквозь треснувший купол на Землю, зеленовато голубевшую в небе Деймоса, я ощущал странное чувство дискомфорта — как будто я раздвоился и стоял рядом с самим собой. Я отчаянно замотал головой, словно меня била лихорадка, и ухватился руками за форму — точнее говоря, за форменную одежду лейтенанта Вимса.
— Ну, что ж, — нерешительно начал я, — по крайней мере, мы успели их остановить.
— Ты в этом уверен? — Арлин вытянула руку в сторону родной планеты с таким видом, будто хотела ее приласкать.
Там вдали, за треснувшим куполом, за сквозной чернотой космоса, на поверхности окутанных прозрачной дымкой континентов, в тех местах, которые не были закрыты от нашего взгляда пенной белизной облаков, время от времени мелькали яркие блики, очень похожие на ядерные взрывы. Мы могли разглядеть и кое-что другое, гораздо более страшное.
— Господи, — сказала Арлин, — они уже осуществили свои кошмарные замыслы. — Надежда, только что звучавшая в ее голосе, испарилась быстрее, чем воздух, просачивавшийся в трещину купола.
Коснувшись рукой плеча девушки, я сказал:
— Подожди горевать, Арлин, еще не вечер! Мы уже на деле доказали, что можем с ними справиться, и ни за что не допустим, чтобы они одержали верх над людьми.
Но у нас не было ни космического корабля, ни радиопередатчика, ни даже обычного длинного каната. На расстоянии около четырехсот километров мы были прикованы к орбите, по которой Деймос вращался вокруг Земли, а сама она зависла над нашими головами, как самый большой воздушный шар из всех, в которые нам доводилось когда-нибудь играть.
Я крепко сомкнул глаза, потом раскрыл их. Как сделать то, что, на первый взгляд, казалось невозможным? Как спрыгнуть на Землю с высоты четырехсот километров, снизив при этом орбитальную скорость?
Мы долго молчали, не зная что сказать друг другу, и смотрели на белые вспышки, время от времени появлявшиеся то в северном полушарии, то над жарким, голубым пространством океанов, то над прохладной зеленью холмов.
Внезапно у Арлин перехватило дыхание, глаза широко раскрылись.
— Слушай, Флай, мне кажется, я нашла!
— Что?

— Я знаю, как это сделать!
— Да что именно сделать, черт дери?
Губы Арлин беззвучно шевелились, как будто она что-то про себя подсчитывала. Потом ее рот растянулся в широкой улыбке.
— Флай, я знаю, как нам спуститься на Землю!

Дэфид
Линн аб
Хью

Брэд
Линавивер

DOOM: Ад на Земле

Они были созданиями, подобными фантастическим порождениям бездны ада, — демоны, зомби, огнедышащие чудовища, слишком похожие на кошмарный бред, чтобы существовать в реальности. И тем не менее они были реальностью. Капрал Флинн Таггарт, столкнувшийся с неисчислимыми полчищами пришельцев. Как оказалось, это было только началом. Пока Таггарт противостоял нашествию вдали от родной планеты, пришельцы обосновались на самой Земле, которой теперь предстоит превратиться в поле боя. Враги должны быть уничтожены, и сделать это может только «Флай Тагг» и горстка его соратников. Однако…

Дэфид аб Хью, Брэд Линавивер
DOOM: Ад на Земле
1
Мы выбрались на поверхность Деймоса, и я подняла глаза.
Так и есть — герметический купол лопнул. Этого следовало ожидать после всего, что произошло. Сейчас набегут тысячелетние марсиане, моргнут — и нам каюк.
Флай Таггарт, выпучив глаза, уставился на трещину. Неплохо бы ему получше разбираться в физике. Этот парень всем хорош, только вот образование подкачало — ну не в ладах он со знаниями и все тут. Трещинка была малюсенькая, через такую воздух нескоро выйдет. В нашем распоряжении несколько дней, а то и недель. Пространство-то огромное.
Я посмотрела в щель и поняла, что заставило могучего капрала таращиться: мы больше не вращались вокруг Марса!
Со всем, что на нем было, Деймос вихрем пронесся через Солнечную систему. У меня пересохло во рту — нашим взорам предстала Земля.
— Кажется… теперь мы знаем, кто у них на очереди, — пробормотала я, чувствуя, что обливаюсь потом.
Флай рванул на себе форму — форму лейтенанта Вимса, только без погон, — словно у него вдруг начался зуд.
— Что ж, по крайней мере нам удалось их остановить, — сказал он.
— Посмотри внимательнее, Флай. — Земля вспыхивала яркими точками — отсветами взрывов от бомб, в миллионы раз более мощных и разрушительных, чем те, от которых нам удалось увернуться здесь, на Деймосе. Я не сомневалась, что на родной планете бушует настоящий ядерный шквал, обрушивая миллиарды тонн радиоактивных веществ, осадков и обломков на всех, кого мы знали. Похоже, они уже вторглись. Флай с горячностью стиснул мою руку и прорычал мне в ухо, пока я пыталась расцепить его стальные пальцы:
— Это еще не конец, Арлин! — Арлин Сандерс — это я, рядовой 1 класса морской пехоты США. — Мы им показали, на чьей стороне сила. Победа за нами!
Ну еще бы. Я да Флай против всей этой орудийной мощи — с голыми руками, что называется. Спрыгнем с низкой околоземной орбиты прямо на Землю. Или лучше опустимся куда-нибудь в район мыса Мугу на самом планетоиде. Вряд ли можно по-прежнему считать Деймос спутником Марса, раз он оказался подвижным.
До места назначения всего лишь четыреста километров — вот только километры эти ведут прямиком вверх. И кое-что еще: мы летели вокруг Земли со скоростью чуть больше десяти километров в секунду — мало спрыгнуть, пришлось бы ой-ой-ой как поднапрячься и изо всей силы тормозить подметкой, чтобы погасить скорость.

Ну а после мы без проблем решим теорему Ферма, упорядочим систему налогообложения и избавим планету от голода.
Последнее, конечно же, не составит особого труда. Беда не в том, что еды недоставало, — просто она хранилась не там, где надо, и ее хватало ненадолго. Я однажды слышала, как старик разносчик говорил, что все, что нам требуется, — это иррадиация продуктов, герметичная упаковка и пара-тройка почтовых транспортных ракет, которые будут доставлять продовольствие в очаги голода.
Почтовые ракеты…
— Флай! — заорала я, подпрыгнув на месте. — Я знаю, как это сделать!
— Сделать что, черт подери?
Неужели получится? Я быстро произвела подсчеты: наша масса по сравнению с массой обычного «индивидуального аварийного комплекта» с Марса, который посылают салагам, вроде меня, служащим на Деймосе; сила притяжения Земли по сравнению с силой притяжения Марса… С Земли взлететь трудней, чем с Марса. Может быть, и… нет, точно сработает! Ну хорошо, может быть.
— Я знаю, как попасть на Землю! Ты в курсе, что на этой летающей помойке есть ремонтная мастерская с запчастями для беспилотных транспортных ракет?
— Нет, — с подозрением ответил Флай.
Ну конечно, нет. Он никогда не жил здесь подолгу, как я. Мастерской служил ангар, где отвечающий за объединенный автопарк сержант держал почтовые ракеты. Не имею ни малейшего представления, почему они так назывались. Мы пользовались электронной почтой, как это принято во всей Вселенной.
— Верный путь попасть на Землю, — подытожила я в надежде расшевелить неповоротливые мозги бравого морского пехотинца. — Если мы найдем хоть какую-нибудь ракету, то сможем вернуться домой и выпустить потроха парочке зомби. Еще раз.
— Еще и еще раз, — выдохнул Флай, ухватив наконец мою мысль. — Мы теперь в этом деле профессионалы, черт возьми!
Глаза продолжали, неотрывно смотреть на знакомую, окутанную сине-зеленой дымкой Землю и на то, как на ней тут и там появляются и исчезают незнакомые белые пятна. Из глубины памяти всплыл давний совет: НЕ СМОТРИ ВНИЗ! Мы любовались на белые облака, и их красота напомнила мне, ради чего мы боролись.
Неужели мы опоздали? Какой-то частью души я вдруг понадеялась на это, той частью, которой хотелось покоя и отдыха.
Мы сражались с проклятыми, мерзкими монстрами до полного изнеможения — а теперь выходило, что нужно все начинать сначала.
Тут я увидела вспышки взрывов над Калифорнией, моим родным штатом, и не смогла удержаться от стона, чувствуя слабость в желудке.
— Да-а. Ужасно, — протянул Флай.
О, Боже, неужели это все, что пришло на ум моему впечатлительному другу при виде того, как мой родной город превратился в Армагеддон?
Я замотала головой.
— Ты не понимаешь. Я не то имела в виду. Дело в том, что я ничего не чувствую.
Губы мои дрожали, произнося это.
Флай обнял меня за плечи. Ну, это еще куда ни шло.
— Все в порядке, детка, — пробормотал он. — Можешь не беспокоиться, это совсем не то, что ты думаешь, это естественная реакция организма после того, что мы пережили. Мозг переутомлен.
Я опустила ему на плечо голову.
— Ну хорошо, пусть мозг в отключке, но как насчет души и тела?
Тогда-то я и решила, что нужны новые слова, чтобы описать состояние человека, когда он достиг полного изнеможения, но, вынужденный продолжать действовать, делает это на автопилоте.
Но как такое состояние ни назови, мы с Флаем пребывали в нем уже целую вечность.
2
Я обнял Арлин за плечи, надеясь, что она поймет, что это всего лишь дружеский жест. О, не глупи, Флай, конечно, поймет!
С чего же начать? Я родился в начале века, в бревенчатом домишке, который мы потом вместе с отцом

достраивали. Повзрослев, вступил в морскую пехоту США, сражался с остатками корпуса коммунистических бригад «Коса славы» в Кефиристане, ударил командира, был посажен на гауптвахту и отправлен на Марс вместе с другими моими пустоголовыми приятелями.

Мы выгрузились на Фобосе, одном из спутников Марса — то есть теперь единственном спутнике Марса, — и обнаружили полную коробочку пришельцев, которые просочились через так называемые Ворота. Их телепортировали с какой-то другой планеты, Бог весть откуда. Мы с Арлин пробились в глубь базы Объединенной аэрокосмической корпорации, которая, как выяснилось, и спровоцировала вторжение, перемудрив с Воротами.

Ну а потом пошло-поехало. В результате мы оказались на Деймосе — хотя я до сих пор не могу понять как — и скакали там козлами, убивая то одних монстров, то других… Всего же их разновидностей больше, чем пальцев на руках и ногах. В конце концов мы выпали в гиперпространство. Спросите Арлин Сандерс (экспонат № 1 слева от меня), что это такое. А когда все-таки уничтожили то, что стоило уничтожить — о, радость! — вторжение удалось остановить. Смотрите первое донесение с фронта, если кого интересуют подробности.

Однако уже перед самым финалом, когда дело, казалось, было сделано, мы столкнулись с Пауком — паукообразным вдохновителем и мозговым центром вражеской операции, которому дал это подходящее прозвище Билл Ритч (да упокоится он с миром), компьютерный гений, спасший нас с Арлин ценой собственной жизни.

Перед тем, как нанести Пауку последний удар, я почувствовал, что полностью опустошен. Без своей боевой подруги я бы наверняка не смог продолжать. Она служила мне путеводной звездой в борьбе, чем-то вроде военного пропагандиста былых времен. Пока она дышала, я тоже должен был дышать — и сражаться. Наверное, все дело в генах. У нас хватило сил расправиться с сотнями монстров. И теперь мы не могли позволить, чтобы такая малость, как физические законы, остановила нас.

Арлин все не могла отвести взгляда от Калифорнии, поэтому я бережно развернул ее в другую сторону.

— Какой же я дурак, А.С., что не подумал о мастерской, а ведь сам брал оттуда ракетное топливо, чтобы поджарить долбаного Паука.

Арлин заморгала, потерла глаза. Кажется, она изо всех сил сдерживалась, чтобы не заплакать.

— Значит, я тебе не без пользы, Флинн Питер Таггарт.

И мы отправились раздобывать себе космический корабль.

Стоит ли говорить, что, кроме всего прочего, нам требовалось пополнить боеприпасы. Некоторое время никто из монстров не попадался нам на глаза. Не исключено, конечно, что мы нейтрализовали их всех — да только слабо в это верилось.

— Однажды меня спросили, почему я не люблю выходить на улицу безоружный, — сказал я, припоминая кое-что из своей жизни.

— Верно, идиот какой-то, — отрезала Арлин.

К ней уже вернулось самообладание, но она все еще ершилась. Мы были добрыми друзьями, но именно это заставляло ее сильнее смущаться.

— Нет, я бы так свою знакомую не назвал, — возразил я. — Просто она жила безмятежной жизнью, никогда не бывала в заварушках.

— Это еще что? — заинтересовалась Арлин.

— Уличный жаргон, принятый в конце двадцатрго века. Так назывались потасовки, когда головорезы квартала решали преподать кому-нибудь хорошенький урок. В таких случаях лучше иметь с собой эквалайзер.

— Что-то вроде этого? — спросила Арлин, доставая свою любимую цацку, автоматический пистолет АБ-10.

— Ну да. Лежи у моей приятельницы в сумочке похожая игрушка… — начал я, но Арлин перебила меня.

— Слишком долго вынимать. Лучше, когда он на теле.

— Кто ж спорит. Я только хотел сказать, что, если бы у нее имелось что-то похожее, она бы, может, еще жила.

Арлин перестала рыться в содержимом контейнера Аэрокосмической корпорации и подняла на меня глаза.

— Прости, Флай, я старая дура.
— Иногда выдается только один шанс, и тогда или пан — или пропал. — Я шутливо ткнул девушку в бок. — С возвращеньем!
— Это ты о чем? — спросила она, кося на меня глазом, как делала всегда, когда чуяла подначку.
— О том, что к тебе вернулась чувствительность.
— Знаешь, кажется да, — оживилась Арлин. — Все-таки хорошо, когда рядом кто-то есть. Особенно когда этот «кого-то» в единственном экземпляре.
— Зато один человек — это всегда что-то настоящее, из плоти и крови. А миллион — лишь статистика, сколько бы ни причитали профессиональные плакальщики.
Арлин тоже дала мне тычка. И улыбнулась. Мы ненадолго замолчали, продолжая собирать по дороге в мастерскую разные полезные вещи. Отыскали мы ее довольно быстро. На нашу удачу, мастерская оказалась огромной и хорошо оснащенной. Понадобилось бы никак не меньше нескольких дней, чтобы обследовать все ящики и контейнеры. Но если надписи снаружи не обманывали, то ассортимент запчастей был куда богаче, чем тот, что, на мой взгляд, необходим для базы на Деймосе.
Однако ракет или хотя бы чего-то похожего на любой стадии сборки в ангаре не оказалось. Лететь было не на чем!
— Черт! Отличная идея пропала! — разочарованно воскликнула Арлин. — Какая жалость!
Не знаю почему, но мне представлялось безнравственным отказываться от надежды на спасение, стоя посреди мастерской, ломившейся от всякого добра. Я начал изучать содержимое ящиков, пока моя подруга гоняла один из них по комнате. Это нисколько мне не мешало, я всегда знал, что Арлин следовало родиться в другое время. Ей бы больше подошло быть разбойницей в эпоху крови и железа, когда каждая не обделенная здоровьем женщина совершала в своей жизни достаточное количество подвигов, чтобы множить полузабытые легенды о состязаниях и битвах воительниц-амазонок. Арлин обладала выдержкой и стальной волей, хотя терпения ей не доставало, но тут уж ничего не попишешь!
Я не рискнул бы утверждать, что встречу смерть с тем же достоинством, что она. Едва ли мне хватит стойкости, но я постараюсь целиться этой чертовке прямо в пах, если только смогу еще целиться.
Я заглядывал в ящики — большие, маленькие, средние, — а в голове потихоньку ворочалась мысль, заставившая меня пробормотать:
— Хм, неужели и теперь удастся ухватить мечту?
— Что значит «ухватить мечту»? — переспросила расслышавшая мои слова Арлин.
Но мне было не до нее. Внутренний голос вопил, заглушая доводы рассудка, полную белиберду: «Как ни странно, А.С., но это может получиться!»
3
Стоический характер Арлин Сандерс лучше выносил встречи со смертельной опасностью, чем занудное, раздражающее бормотание.
— Что значит твоя невнятная околесица?! — в ярости закричала она, подскочив к ящику, где я перебирал тонкие металлические цилиндры, весьма подходившие для зреющего у меня в голове плана.
— Да, — подтвердил я, — точно может получиться. С интонацией, обыкновенно предназначенной для умственно неполноценных детей и пьяных моряков, Арлин взмолилась:
— Скажи же ради Бога, Флай, о чем ты! Я поднял на нее глаза.
— Когда я был мальчишкой, А.С., то страшно хотел машину. Ужасно. Страшно и ужасно.
— Что ж, предадимся воспоминаниям, — пожав плечами, вздохнула девушка.
— Понимаешь, у меня не было денег на машину, но мне хотелось.
— Страшно и ужасно, да?
— Я был согласен на что угодно, только бы у этого «что угодно» были колеса и коробка передач. Пусть это будет почти телега! Но как я ни снижал свои требования, осилить машины все равно не мог.
— Твои рассуждения имеют какой-то смысл, Флай, или ты хочешь предложить мне добраться до дома автостопом?
— Совершенно верно, — поддакнул я, — я как раз веду разговор о транспорте. На машину денег не хватало, но время от времени хватало на какую-нибудь отдельную деталь, и, знаешь, чем это закончилось?
Арлин подбоченилась, склонила голову набок и произнесла:

— Дай подумать. Значит, ты собирал запчасти, собирал и собирал и наконец построил свой собственный Ф-20! Или это был авианосец? А может, самолет-амфибия?
Я пропустил колкости мимо ушей.
— Я сам собрал машину. Она имела некоторые недостатки, в частности, была без тормозов, но зато ездила! А какой громоподобный звук издала эта крошка, когда перевернулась!
Арлин наконец поняла, к чему я клоню.
— Все дразнишься, парень!
— Нет, я действительно собрал машину…
— Ты просто сумасшедший, если думаешь, что из запчастей можно построить самодельную ракету!
Я вертанулся на каблуке и завопил:
— Значит, ты тоже об этом думала! Гениальная идея, правда? Мы построим ракету и смотаемся отсюда.
Арлин была само воплощенное терпение.
— Автомобиль — это одно, Флай, а ракета — совсем другое.
— После всего, через что мы прошли, ты хочешь сказать, что у нас ничего не выйдет? — Я посмотрел девушке прямо в глаза.
— Лучше внимательно погляди на мои губы, — так же, не отводя взгляда, сказала она. — Мы не сможем этого сделать!
— Но мы же ничего не теряем, А.С. Вряд ли это труднее, чем одолеть Паука.
— Хотелось бы думать, что так, — последовало неохотное признание. — С чего предлагаешь начать?
Арлин всегда раздражалась, когда я для убедительности прибегал к неопровержимым доводам. Но я-то знал, что мы в состоянии справиться. Только требовалась инструкция.
— Нужны технические данные, — продолжил я.
— Технические данные?
— Чертежи, которые мы отдадим в конструкторский отдел.
— Скажешь тоже. Конструкторский отдел — это я.
— Правильно, — кивнул я с улыбкой.
— А кто же тогда ты, Флай Таггарт?
— Все остальное.
Мы приступили к поискам руководства и через десять минут, обшарив каждый уголок, нашли его там, где и следовало ожидать — рядом с кофеваркой. Я попробовал уговорить подругу приготовить кофе, но она уставилась на меня так, словно я нарастил себе вторую голову.
Пришлось готовить самому — я и забыл, что Арлин не опускается до соблазнов, как ваш покорный слуга, да к тому же с величайшим удовольствием. Я рассудил, что уж коли мне суждено превратиться в поточную линию, то организму потребуется весь кофеин, который он в состоянии выдержать.
Затем мы взялись за дело. Самым разумным представлялось построить маленькую почтовую ракету, рассчитанную на одного, но способную вместить двоих, если им не противна мысль сидеть друг у друга на голове. Я составил список необходимых деталей и за три часа нашел почти все, что требовалось. Кроме одной штуковины. Я знал, как она по-настоящему называлась, но не мог вспомнить. Мы провели в поисках еще час и, хотя так и не нашли деталь, обнаружили множество бесценных инструментов: отвертку, дрель, лупу и дырокол.
— Для начала сойдет, — смилостивилась Арлин. — Уверена, эта вещица выплывет, пока мы соберем остальное. Пора приступать. Трудно судить, с какой скоростью из купола выходит воздух. Возможно, у нас в запасе месяц, а возможно, всего несколько дней.
Я не стал оспаривать столь оптимистические прогнозы, тем более, что и пессимистические-то никогда не оспаривал!
— Мы не обследовали эти прикрытые брезентом кучи, — заметил я, — кроме того, есть другие комнаты. Однако до начала работы неплохо бы еще раз сходить на добычу. Нам нужна еда, вода и все имеющиеся здесь баллоны с жидким кислородом и водородом.
Арлин кивнула. Мы соревновались с крепкой командой воздушных молекул, и у них была фора. Не считая того, что кислород требовался для топлива, мы должны были еще как-то дышать в ближайшие несколько дней. Или даже недель. Согласитесь, судьба поступила бы жестоко, дав нам закрутить последнюю гайку и вбить последнюю заклепку только для того, чтобы окочуриться от кислородного

голодания. В голове созрела очередная мысль.
— Давление падает так медленно, что мы не заметим, когда это станет опасным. Можешь придумать какую-нибудь хитрость, чтобы мы знали, когда настанет момент принять дозу чистого кислорода? — спросил я.
— Только бы в дозе не ошибиться, — ответила Арлин. — Мы как-никак на космической станции. Не думаю, что будет трудно найти барометрический датчик и аппарат возвратного дыхания.
Арлин вынула из кармана рубашки блокнот и застрочила.
— Хорошо бы еще поискать теплую одежду, Флай. Вместе с давлением станет падать и температура.
— А что же Солнце, разве оно не будет нас согревать? Ведь мы немногим дальше Земли.
— Нет, мы, считай, под Землей. Грунт, к несчастью, мощнейший изолятор.
В первый день Арлин и я, как ретивые скауты, стаскивали в мастерскую все, что требовалось для выживания. К сожалению, мы не могли отволочь эти необходимые вещи уровнем ниже и закрыться там в каком-нибудь помещении, что подарило бы нам лишний месяц. Невозможно было перетащить все эти тонны.
Арлин раздобыла изрядное количество еды, по большей части изготовленной уже здесь, на Деймосе, при активном содействии Института генетики. Налюбовавшись на «инкубатор» для выращивания монстров, с которым нам пришлось столкнуться на одном из уровней, я боялся теперь прикасаться даже к людским экспериментальным продуктам — выращенным на основе рекомбинантной ДНК овощам или лабораторно созданному «мясу». Но Арлин была не брезглива. Настоящему деликатесу, привезенной с Земли замороженной спарже, она предпочитала произведенные на Деймосе бобы и морковку.
— Ненавижу спаржу, — уверяла она.
— Прекрасно, а я ненавижу икру. — Эта склизкая гадость с детства вызывала у меня отвращение.
На второй день мы пошли в атаку на руководство № 101 по строительству космических кораблей, переводя его с технического языка на человеческий. Судите сами, что мы могли вынести из такой вот абракадабры.
«Система ЗДС обеспечивает надежное, бесперебойное поступление пакета необогащенных топливных элементов от сопла к разъемной панели и обратно. Она основана на протоколе плазменного потока (ПП) или пакета топливных элементов (ПТЭ). ЗДС использует разработанную Объединенной аэрокосмической корпорацией схему движения потока с реверсивной последовательностью. Эта схема определяет спецификации сопел, распылителей и внешних распылителей (разъемных панелей).
Примечание: смотри описание системы ЗДС обратного действия в разделе 38.12.
Активный и пассивный протоколы.
Основанные на протоколе ЗДС разъемные панели бывают «активными» и «пассивными». Протекающие в сопле процессы должны направляться в пассивные (внешнего распыления) разъемы и реагировать на запросы, являющиеся следствием процессов в тех же или иных узлах топливопровода. Процессы, протекающие на разъемной панели, генерируют запросы к активным соплам (направленного распыления) и отклоняются от расчетной подачи питания в пользу реверсивных (допустимых) путей прохождения топливного пакета.
ВСЕ СВЯЗИ МЕЖДУ СОПЛАМИ И РАЗЪЕМНОЙ ПАНЕЛЬЮ ДОЛЖНЫ БЫТЬ УСТАНОВЛЕНЫ В СООТВЕТСТВИИ С ПРИНЯТЫМ АКТИВНЫМ ИЛИ ПАССИВНЫМ ПРОТОКОЛОМ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПРЕДПОЛАГАЕМОГО ПРОЦЕССА ПРОХОЖДЕНИЯ ТОПЛИВНОГО ПАКЕТА. ВНИМАНИЕ! В случае несоблюдения протоколов активно-пассивной системы может произойти сгорание топливопровода с нежелательными последствиями».
Что-что, а заключительное предупреждение я был вполне в состоянии понять: если мы не сумеем разобраться, что имеется в виду под «активно-пассивными протоколами», то станем свидетелями довольно эффектного фейерверка.
Арлин понимала это даже лучше меня, поскольку посещала вечерние инженерные курсы. Я готов был предоставить в ее распоряжение руки и спину, если ей удастся перевести техническую тарабарщину на язык, доступный простому пехотинцу: «Эту штуковину сюда! А этот болт туда, Флай!»
— Вполне в твоем духе предоставить самое тяжелое женщине, — съязвила Арлин.
— Лучше напомни протереть карбюратор, когда я возьмусь за поршневые клапаны.

— Это не автомобиль, болван!
— Ах-ах! Жаль, в космосе некому слушать твои метафоры.
Как ни странно, подруга меня не пристрелила.
К сожалению, используемые на Деймосе ракеты — а следовательно, и запасные части — облегченного типа, не рассчитанные на дальние полеты и уж тем более на перевозку людей, даже одного человека, не говоря о двоих. Кроме того, не рассчитанные на преодоление земного притяжения.
Мы нашли пару обшивок вполне сносного диаметра, завалявшихся Бог весть с каких времен, верно, еще с тех, когда Корпорация и ведать не ведала о плазменных двигателях МДМ-44, — и в этом было наше спасение: мне казалось, я смогу запихнуть 44-ый в его более крупного собрата, втиснуть двигатель в одну из старых обшивок и, исхитрившись оторваться от Деймоса, плюхнуться куда-нибудь на Землю.
Главное — не взорваться. После того, как я поджарил на реактивном топливе нашего жучка-паучка, я стал относиться к РТ-9 с еще большим почтением. Это вам не салатное масло.
Арлин, примостившись на некоем подобии стула, пыталась превратить техническое руководство в нечто удобоваримое. Я оптимистически предполагал, что мы уложимся в десять дней.
Куда там!
Перевалив на третью неделю, мы столкнулись с первой серьезной проблемой. Это было безумие пытаться кое-как собрать части, половины из которых не хватало, в конструкцию, устройство которой мы плохо себе представляли. Поэтому я настоял на необходимости испытательного пуска двигателя, когда наконец доведу его до завершения. Времени у нас было в обрез, но от двигателя зависела жизнь или смерть. Поэтому ничего не оставалось, как сделать пробный запуск. Два дня мы без продыху возились с ним, и говоря «мы», я не преувеличиваю. Арлин обрадовалась поводу отлепиться от своего стула, и, кроме того, без дополнительных рабочих рук мне было не справиться.
В результате мы стали обладателями глянцевого красавца двух метров в длину и одного в поперечнике, то есть почти годного размера, чтобы его можно было запихать в шкуру ракеты старой модели. Всего несколько приблудных деталей там-сям, где, мне казалось, стоило добавить мощности или где не хватало положенных запчастей, отчего я вынужден был изобретать подмену. К двигателю подползали два десятифутовых кабеля, соединявшие его с коробкой переключений и блоком никелево-кадмиевых аккумуляторов в двадцать семь с половиной вольт.
Полдня я промаялся, сваривая стальные прутья в некое подобие каркаса почтовой ракеты. Мы закрепили внутри двигатель, надежно привернув его к перекладинам. В довершение всего я приладил спереди высокочувствительный манометр, чтобы определить силу тяги. Попрошу потом Арлин подсчитать, сможем ли мы выйти на орбиту.
— Молиться будешь? — спросила она меня перед запуском.
— А почему бы и нет? Не всегда же я воевал с монашками. Может, пара-тройка добрых дел мне и зачтется.
Арлин спряталась за переборкой, я потянулся, щелкнул выключателем и тоже нырнул в укрытие.
Раскаленный газ вырвался из выпускного отверстия со страшным ревом, и я сразу понял, что перебрал с мощностью, слишком щедро начинив двигатель.
Но я не мог его выключить! Это была всего-навсего экспериментальная модель, рассчитанная на работу до полного сгорания топлива — я не предусмотрел разъединительного клапана.
Каркас напрягся, скрежеща, словно раздираемый адскими муками дьявол, давая понять, что сейчас произойдет.
— Пригнись! — крикнул я Арлин.
Но без толку — она ничего не слышала за ревом двигателя и визгом рвущегося на свободу металла.
Прикрепленная намертво конструкция с ужасающим скрежетом, на секунду заглушившим даже шум двигателя, сорвалась с места. Мой превосходный, отлично работающий реактивный двигатель рванул вперед, разнеся вдребезги манометр и десяток коробок с бесценными запчастями, и врезался в ближайшую переборку, оставив после себя дымящуюся дыру..
4
Не было причин горевать по поводу разрушенной перегородки — база так и так доживала свои последние дни — и даже испорченных запчастей. Но вот потеря двигателя… Арлин осыпала меня

проклятьями, но я их не слышал — так звенело в ушах. Мы еще счастливо отделались. Попади этот живчик в бак с горючим, нам был бы каюк.
— Признайся, Флинн Таггарт, какую чертовщину ты сотворил с бедными монашками? — спросила Арлин, бросив на меня мрачный взгляд после того, как мы погасили огонь и собрали остатки двигателя.
— Могла бы выбирать выражения после всего, что выпало на нашу долю!
Мм оба стали немного дергаными, обходясь почти без сна — что такое четыре часа в сутки да еще по очереди. Однако нас больше не пытались прикончить пауки, бесы не швырялись гаечными ключами и никакие князья ада не устраивали пожаров похуже того, что мы только что затушили. Мы чувствовали себя почти на отдыхе.
Ну хорошо, объясняю подробнее: бесами мы окрестили коричневых пришельцев, чья дубленая кожа вся была утыкана колючками и которые забрасывали нас комками пылающей слизи. Князь ада выглядел как обыкновенный «дьявол» из моего многострадального детства в католической школе — красное тело, козлиные ноги, рога; они тоже швыряли какую-то гадость, разившую наповал. Мы сильно подозревали, что пришельцы — продукт генной инженерии, уж слишком точно в них воплощались человеческие представления о зле.
Поубивали мы также прорву демонов, которых называли «розовыми» или хрюкалами — это были огромные, розовые, щетинистые твари, совершенно безмозглые, зато с сумасшедшим количеством клыков. Кроме того, нам пришлось сражаться с летающими металлическими черепами на крошечных реактивных двигателях, невидимыми привидениями и целой армией зомби — душа изболелась, пока мы с ними расправлялись, ведь очень часто это были наши товарищи по оружию, переделанные в живых мертвецов.
Но самым кошмарным монстром из всех оказался паровой демон — пятиметровое механическое чудище с целым складом снарядов за спиной и пусковой установкой вместо руки. Когда он передвигался, содрогалась земля и грохот стоял, как от локомотива.
Однако все это вместе взятое не шло ни в какое сравнение с тем, что Арлин вдруг полностью переменила позицию насчет ракеты.
— Прости, что не верила тебе, — сказала она. — Теперь я вижу, что ракету можно построить. Но теперь сомнения точили меня.
— Мы все рассчитали, А.С., проверили и перепроверили. Как же так получилось, что двигатель вышел настолько мощнее, чем мы думали?
— Потому что, очевидно, показатели в руководстве намеренно занижены, — с улыбкой объяснила Арлин, — скорее всего в целях безопасности.
— Значит, все наши подсчеты — полная ерунда. И как же ты собираешься взлететь на этой штуковине?
— Еще не построили той ракеты, на которой я не смогла бы взлететь, — не слишком уверенно ответила моя подруга.
— Гм… но ведь эту ракету тоже не построили, правда?
— Не глупи, Флай! Ты знаешь, что я имею в виду. Если ты ее построишь, я взлечу, клянусь тебе!
— Гм…
Я не знал, что и сказать, потому что совершенно не представлял, такой ли Арлин летчик-ас, как ей кажется. Мы в воздушно-десантных частях почти не имели дела с ракетами. Но теперь, когда она поверила, нас уже ничто не могло остановить.
Нашлись еще запчасти, и мы сварганили нечто, на восемьдесят процентов отвечающее цели. Доводить изобретение до совершенства времени не было. Воздух становился все более разреженным, и температура падала. Трещина в куполе наконец давала о себе знать.
Давление снижалось совсем понемногу, и мы этого почти не замечали, если не считать того, что я задыхался, взбираясь по лестнице, а Арлин, подав тяжелую деталь, каждый раз устраивала передышку.
Через несколько дней я поймал себя на том, что мои мысли блуждают в самый разгар работы. Я заставил себя сосредоточиться, но через мгновение опять отвлекся.
У Арлин лучше получалось сосредоточиваться. Может, потому что она была меньше, ей не требовалось такого парциального давления, как мне. Но мы оба начинали изрядно подмерзать.
Увидев, что Арлин дрожит во время работы, я заставил ее натянуть пару свитеров и сам сделал то же самое. Мы ходили в перчатках, я, правда, снимал их, когда они мешали. Тогда руки превращались в

ледышки, и я натягивал их снова, чтобы согреться, прежде чем опять приступить к соединению тончайших проводков, подводящих энергию к плазменным шарикам.
Вдруг раздался истошный трезвон барометрического датчика. Мы с Арлин обеспокоенно переглянулись — второго предупреждения не требовалось. Пора было переходить на кислород. Мы решили пользоваться одной бутылкой, стараясь ограничиться несколькими глотками воздуха в час, и позволяли себе дополнительную дозу, только когда совсем тупели или начинала кружиться голова.
Дело в том, что кислорода у нас было в обрез. И хотя дядюшка Шугар зарядил бутылки по максимуму, даже при экономном расходовании их хватило бы ненадолго. Имелись еще бутылки, но их мы приберегали для топливной смеси.
Естественно, с падением давления приходилось прикладываться к бутылке все чаще — хотя, как ни странно, теперь оно падало медленнее, поскольку не стало силы, выталкивающей воздух наружу.
Мы растягивали запасы кислорода, как могли, но он все равно кончился, когда оставалась еще куча недоделанной работы. До службы в армии я хорошо походил по горам в родном Колорадо, поэтому теперь давал Арлин советы, как следует вести себя в разреженной атмосфере.
— Не дыши глубоко, — поучал я. — Больше отдыхай и говори только в случае необходимости.
Работа, однако, продолжала требовать физического напряжения. Чтобы справиться с одышкой, приходилось то и дело прерываться. Мы быстро уставали и нуждались в хорошем сне, но по-прежнему не позволяли себе спать больше четырех часов. Спи мы дольше, конец работы отодвинулся бы еще на какое-то время.
Низкое давление — коварная штука. С одной стороны, оно имеет вполне очевидные последствия — слабость, затрудненное дыхание и охлаждение организма. Но есть и другие симптомы, о которых не сразу догадаешься: это звон в ушах, ухудшение слуха (в разреженном воздухе звуки слегка приглушены), а самое страшное — нелады с головой. Человеческий мозг рассчитан на определенное атмосферное давление, и, если оно слишком высокое или слишком низкое, с людьми могут твориться разные странности.
У Арлин, например, начались галлюцинации.
— Тыква! — выпалила она вдруг, разбудив меня через два часа вместо полагающихся четырех.
Схватив пулемет, она дала очередь прямо над моей головой, так что моя бедная черепушка аж задрожала.
«Тыквами» мы называли летающие головы пришельцев — скорее всего механически управляемые и совершенно отвратительные, — которые извергали маленькие шаровые молнии, способные испепелить за пятьдесят шагов. Я сорвался со стола, служившего кроватью, и понял, что отдыху конец — пришельцы нас обнаружили!
Но упав на колени с винтовкой наготове, я увидел только дыру в стене, оставшуюся после бурных испытаний неделю назад.
Арлин понеслась по коридору, паля направо и налево — неизвестно в кого. Однако проклятущим демонам прыти не занимать! Так что не было причин сомневаться в моей подружке. Словом, я присоединился к ней, готовый начать сначала то, что мы уже бесчетное количество раз проделывали на Фобосе, Деймосе и в гиперпространственном туннеле.
Но тут Арлин помчалась прямо на перегородку, будто ее и не было, и у меня мелькнула мысль, что с ней не все в порядке.
Ударившись, она рухнула на пол, но мне было не до нее — первым делом требовалось догнать тыкву.
Потерев кулаком глаза, чтобы прогнать остатки сна, я бросился стремглав по коридору, вертя туда-сюда головой. Я не стрелял, но был готов к встрече с врагом. На секунду мне померещилось, как мимо проплыло что-то круглое, и я чуть не выстрелил, но оказалось, что это всего-навсего моя собственная тень, таковы каверзы периферийного зрения.
Добежав до тупика в конце коридора, я бесповоротно убедился, что никакой тыквы нет.
Я на мгновение остановился, тщетно пытаясь наполнить несуществующим воздухом пылающие легкие. Потом вернулся к Арлин, которая со стоном приходила в себя.
— Послушай, дружище… — через силу произнес я, — не хочется говорить пакости, но придется отобрать у тебя оружие. Арлин непонимающе уставилась на меня.
— Никаких тыкв нет, — объяснил я. — Это у тебя галлюцинации от низкого давления.

— О, Господи…
Она все поняла. И с грустью отдала мне свой пулемет и автоматический пистолет АБ-10.
На душе кошки скребли. Нет ничего хуже, чем лишить пехотинца оружия. Все равно, что приравнять его к жалкому штафирке. К тому же Арлин расстроилась из-за галлюцинаций.
Она шла и плакала, пока мы не торопясь возвращались в сборочный цех, то есть ангар. Я никогда раньше не видел, чтобы Арлин плакала. Кроме того раза, когда ей пришлось убить «переделанное», реанимированное тело бывшего возлюбленного, Додда.
— Слушай, — предложил я через пару часов, — а почему бы нам не подвергнуть электролизу воду и не получить таким образом кислород?
Арлин немного помолчала, шевеля губами.
— Можно, — согласилась она, — но мы получим всего несколько глотков с каждого литра, а ведь вода нам тоже нужна, Флай.
— Черт! — в сердцах воскликнул я, в который раз пожалев, что плохо разбираюсь в технике.
Я дал себе зарок поступить учиться, когда мы вернемся домой, если только «дом» еще существует.
Мне начали сниться кошмары, поэтому я был не прочь еще урезать полагающуюся норму сна. Кошмар, собственно, был всегда один и тот же. В детстве я очень любил аттракцион «американские горки». Мне казалось, что это вроде как полет. Я жил всего в пяти милях от одной такой стоящей на отшибе деревянной громадины и считал, что ничего лучше не придумаешь, пока рядом не построили металлическую супергорку, чей желоб закручивался в целых восемь завитков.
Старой горки я никогда не боялся. Имея богатый опыт в свои десять лет, я отважно залезал в сани, и, когда они доползали до верха и горизонт уходил куда-то влево, я представлял себя космонавтом, стоящим на краю планеты. Когда сани переваливали через вершину и ухали вниз, для меня было делом чести не притрагиваться к защитной перекладине. Я был слишком взрослым для этого!
Меня всегда занимало, как устроены вещи и как они работают. Поэтому я стал расспрашивать про новую горку. Служащий парка по незнанию наплел какой-то ерунды, которую не следовало говорить, — что возникающая при спуске сила может сломать человеку шею, что вспомогательная цепь, придающая саням ускорение, испытывает из-за того, что горка петляет целых восемь раз, страшные перегрузки.
Готовясь к неведомому спуску, я думал о том, что узнал. Мне было невдомек, что эти враки сочинены только для того, чтобы произвести впечатление на десятилетнего пацана.
На первом витке я волновался, как бы центробежная сила не сломала мне шею; на втором витке появилось опасение, что сейчас меня выбросит из саней; на третьем витке я почувствовал, что проклятая цепь вот-вот оборвется; четвертый виток ознаменовался тем, что мои бедные кишки завязались узлом и покрылись язвами. А потом меня просто вырвало — не самое приятное, что может произойти, когда ты вверх тормашками.
Интересно, приходило ли в голову служителю-недоумку, какие муки вызвали его бредни?
Повзрослев, я стал понимать, что истинное знание освобождает от страха. Сила на твоей стороне. Ты весь сосредоточен на работе. Не хочется провалить дело. Детская травма забылась… и вновь дала о себе знать здесь, на Деймосе, когда я пытался заснуть. Вместо того, чтобы отдыхать, я оказывался во власти изворачивающегося стального монстра, только теперь мне чудилось, что у него руки и ноги парового демона. Когда это создание с шумом надвигалось и поднимало руку-ракету — я просыпался и таким образом лишался даже удовольствия сразиться или умереть.
Однако что глупые сны! Мне еще повезло по сравнению с Арлин.
Я понял, что дело плохо, когда разбудил ее и она не мигая, слепо уставилась на меня. Вне всяких сомнений она продолжала спать. Я где-то читал, что человека опасно выводить из транса. Медицинского диплома не требовалось, чтобы понять, что Арлин покинула меня ради Страны сомнамбул.
Терять время на поиски соответствующей литературы я не мог. Быстрый осмотр аптечки обогатил меня лишь сводом законов, который был втиснут между хирургическими бинтами и антибиотиками. Я чуть не расхохотался. Статьи о врачебной небрежности проделали путь до спутника Марса, а теперь — через гиперпространство — возвращались на Землю!
Однако мне стало не до смеха, когда я увидел Арлин. Она расхаживала во сне, размахивая перед собой руками, и кричала несуществующим призракам:

— Убирайтесь! Я тебя не брошу. Я останусь с тобой, обязательно останусь!

5

Будить Арлин я опасался, но не видел причин, почему бы не поговорить с ней.

— А.С., ты меня слышишь? — спросил я.

— Тише! — шикнула она. — Не хочу, чтобы Флай тебя услышал. Он на меня рассчитывает.

— Почему ты не хочешь, чтобы он знал обо мне? — спросил я.

— Потому что ты — зло, — с убеждением произнесла Арлин. Все вы — зло, ублюдки недоделанные.

Она медленно шла по коридору. Поскольку ей ничто не грозило, я не собирался мешать ей.

— А почему мы — зло?

— Потому что вы пугаете меня. Заставляете моего брата делать гадости.

А я и не подозревал, что у Арлин есть брат.

Странно — казалось, мы знаем друг о друге все. Арлин обожала рассказывать о своих родителях, о детстве в ЛосАнджелесе. Мне было неловко выпытывать, но по здравому размышлению я отогнал угрызения совести и решил доиграть роль до конца.

— А мы — это кто? — опять спросил я.

— Злые духи, населяющие ночной воздух. Вы сводите брата с ума. — Девушка расслабленно покачивалась из стороны в сторону, словно читала монолог в духе смешных старых пьес из прошедших веков. — Если бы не вы, брат никогда бы не стал делать гадости. Вот уж не думала снова встретиться с вами… Зачем вы явились за мной на Марс, на Деймос? Повзрослев, я перестала в вас верить, но теперь мне многое открылось. Вы преследуете меня, но я не позволю вам овладеть мной, ни за что не позволю!

Недавно я с юмором отнесся к язвительному предложению подруги предаться воспоминаниям. Но если по недостатку кислорода все беды нашего детства воскреснут, то я предпочитаю распрощаться с Деймосом немедленно, с ракетой или без, все равно.

Однако что делать с Арлин? Нельзя же оставить ее бродить по коридорам и выяснять отношения с привидениями! И так как не было ни времени, ни возможности запросить с Земли какое-нибудь руководство по психологии, я решил положиться на здравый смысл.

— Мы готовы заключить с тобой соглашение, — сказал я. — Мы больше не будем тревожить тебя и отпустим назад к Флаю.

— А какая вам от этого выгода? — вполне резонно поинтересовалась Арлин.

— Мы возвращаемся на Землю, и там тебе до нас не добраться.

— Мы тоже строим корабль, чтобы улететь на Землю.

— Дудки! Вам никогда нас не догнать. Вы останетесь на Деймосе навечно!

— Врете! — взвилась Арлин. — Мы вам еще покажем! — Она впилась в меня взглядом. — Мы вас не боимся, тупоголовые мутанты!

— Брехня! — отпарировал я.

Она подскочила с поднятыми кулаками и принялась меня лупцевать. Отбивая удары — что было не так уж трудно, учитывая разницу в весе, — я крикнул:

— Держись, Арлин! Я иду к тебе на помощь! Это я, Флай!

Как я уже говорил, в психологии я разбираюсь слабо, но когда-то играл в школьных спектаклях. Позаимствовать из них фразу-другую большого ума не требуется. Я выдал себе диплом с отличием, увидев, что взгляд девушки проясняется и она явно узнает меня.

— Что случилось, парень?

— Да опять эти монстры, пришлось дать им отпор.

Арлин оглядела пустынный коридор и повернулась ко мне. Мне не пришлось ничего объяснять.

— Сколько нам еще мучиться?

— Ни секундой дольше, чем это необходимо.

Позднее Арлин начала видеть какие-то блики, тени и кое-что еще, о чем она поначалу помалкивала. Она опускала чертежи и тихо сидела с закрытыми глазами, пока видения не исчезали.

Меня эти приступы здорово пугали, а ее так просто приводили в ужас. Она сходила с ума — и прекрасно сознавала это. Поэтому, когда я сказал, что двигатель на восемьдесят процентов готов, Арлин потребовала:

— Плюнем на оставшиеся двадцать процентов, Флай. Дело сделано! Давай раскочегарим наш

реактивный початок.
— Нет уверенности в нескольких узлах, А.С., — честно признался я.
— Но больше ждать нельзя. Вспомни, мы рисковали и при меньших шансах на успех. Я больше не различаю цвета, понимаешь?! С утра все вокруг серое — и только галлюцинации, как радуга. И периферийное зрение ослаблено. — Арлин замолчала, облизывая пересохшие губы. — И еще кое-что, Флай. — Она придвинулась поближе и доверительно сообщила: — Хочу тебе кое в чем признаться. Интересно, что бы сказали на это твои монашки? Я в первый раз по-настоящему боюсь. Боюсь, что могу тебя убить, решив, что ты один из монстров. Я не в силах противостоять этому.
Внутренний голос нашептывал мне о возможной угрозе еще тогда, когда Арлин в первый раз примерещились тыквы. Я был готов к такому повороту событий, поэтому меня обрадовало, что именно она, а не я, вслух заговорила об опасности.
Я ускорил приготовления, заставляя Арлин спать, чуть только представлялся случай. Я тоже ощущал последствия низкого давления и нехватки воздуха, но переносил их куда легче.
Конечно, при кислородном голодании человеку трудно судить о состоянии собственного здоровья, но для нас спасение заключалось в том, чтобы поскорее закончить ракету.
И мы были близки к этому, во всяком случае нам так казалось.
И тут начались эти мурашки по всему телу. Знакомый симптом: скоро я стану таким же психованным, как Арлин.
— Хорошо, — вынужден был согласиться я, — через пару часов вылетаем. Кое-какая надежда имеется: восемьдесят процентов это все-таки в восемьдесят раз лучше, чем ничего.
Мы засуетились. Выпили воды. Съели последнюю нормальную еду: печенье, сыр, фрукты, орехи. Эскимосы говорят, что еда — это сон, подразумевая, очевидно, что если человеческий организм не может пополнить свои ресурсы одним способом, то неплохо сделать это другим.
Арлин покинула меня, чтобы составить телеметрическую программу, которая (Бог даст) позволит нам взлететь, сойти с орбиты Деймоса, вырваться в слои атмосферы и подлететь к Земле. Там я возьму управление на себя и найду подходящее для посадки место. К счастью, в общих чертах программа была готова, сомневаюсь, чтобы Арлин могла сейчас сходу что-нибудь придумать — в том состоянии, в каком она находилась. Господь, должно быть, осенил ее благодатью, хотя она ни за что бы этого не признала, позволив сохранить все данные в памяти и теперь свести их воедино.
Готовясь к отлету, я перебирал в уме пугавшие меня моменты. Почтовые ракеты проектировались для Марса, где была не совсем такая, как на Земле, атмосфера и гораздо меньшая сила притяжения. Развиваемого ракетами удельного импульса могло не хватить для преодоления земного тяготения, когда мы сбросим скорость и попытаемся приземлиться. С другой стороны, существовала опасность, что в плотной атмосфере возникнет столь сильное трение, что наш крохотулечный корабль сгорит.
В качестве пусковой установки на Деймосе использовали сверхпроводимую рельсовую пушку. Она напомнила мне металлическое чудо в детском парке на Среднем Западе. Надеюсь, в этот раз меня не вырвет. По крайней мере, эта штуковина не имеет вспомогательной цепи, так зачем волноваться?
Я развернул пусковую установку в противоположную от орбиты Деймоса сторону. Управлять ракетой было, по счастью, довольно просто: дроссель, рычаг управления, разные аэронавигационные приборы, назначения которых я толком не знал, аппаратура внешнего слежения — все располагалось прямо перед носом, создавая страшное неудобство.
За несколько часов до предполагаемого старта Арлин вырубилась.
Я сначала решил, что она шутит.
— Не пытайся обмануть меня — я знаю, кто ты на самом деле, — ни с того, ни с сего заявила она.
— А я и не скрываю, форменный сукин сын, — рассеянно бросил я — и в ту же секунду оказался распростертым на полу.
Ботинок Арлин упирался мне в грудь, а к горлу была приставлена заостренная железяка — что-то вроде самодельной финки. Посмотрев девушке в глаза, я встретил пустой взгляд зомби и на мгновение., о, Господи, решил, что пришельцы все-таки добрались до нее и «переделали».
Но всему виной было низкое давление, а может, недостаток кислорода. Я уговаривал подругу, лежа на спине, целых пять минут, плел что ни попадя, лишь бы хоть как-то привести в чувство. И она откинула наконец железяку, разрыдавшись и приговаривая, что убила Бога, — в общем, понесла какую-то дичь.

Я не собирался бросать ее, пусть хоть совсем спятит, но не в моих правилах усложнять себе жизнь. Я заставил Арлин кое-что проглотить из аптечки. Она сопротивлялась, давилась, потом вдруг повернулась ко мне и спросила:
— Почему мы не поедаем наших братьев?
И тут лекарство подействовало.
Она оклемается. В ракете давление повыше да и — что важнее — парциальное давление вырастет. Все образуется, во всяком случае я на это надеялся.
Я затащил Арлин в ракету, затем закинул сумку со снаряжением и сам втиснулся рядом. Мы были как в спальном мешке — или в гробу. Я уселся поудобнее, чтобы дотянуться до приборов, глубоко вздохнул и сосредоточился.
Перед тем как поджечь запал, я вспомнил тот леденящий ужас, который испытал в противолодочном реактивном самолете, при первой в моей жизни посадке на авианосец. То, что я должен полностью положиться на какого-то мифического дядю, нервировало даже больше, чем идея приземлиться на почтовую марку. Что ж, на этот раз — не знаю, к лучшему или к худшему — рычаг управления был в моих собственных руках. Учитывая, что я никогда не летал ни на чем, кроме той развалюхи в части, которая перетаскивала нас через горы, можно понять, почему мне вдруг захотелось назад, в противолодочный самолет.
Я нажал кнопку пуска, открыл дроссель, налег на рукоятку (совсем как в пассажирском лайнере) — и ракета взвилась ввысь. Арлин так и так была в отключке, поэтому упустила возможность вырубиться вместе со мной.
Вдруг я оказался в какой-то странной комнате, мое внимание привлекло слабое шипение. Все вокруг черное и белое, никаких других красок… Должен же я знать, черт возьми, где нахожусь, говорил я себе, что это за вещи и приборы?!
И имя свое неплохо бы вспомнить.
Потом прорезался звук: кто-то произнес «флай». Что это, команда? Флай, флай — ах, Флай! Это же я, мои губы произносят мое собственное имя!
Потом я начал различать цвета, узнал поблескивающие индикаторы прилаженных на скорую руку приборов. Я сам их устанавливал: почте необязательно знать, куда она летит, а нам обязательно.
На экране бокового видения чернота сменялась блеклыми клочьями, что-то вроде сахарной ваты, сверкали молнии. Я посмотрел на высотомер — слишком высоко для облаков. Может, ионизированный газ?
И тут что-то долбануло меня по лицу — как будто всадили пулю 10-миллиметрового калибра, — боль была адская. Сначала она разлилась по всей голове, но потом сосредоточилась в районе виска, как бывает при жесточайшей мигрени. Несколько мгновений не отпускало чувство, что голова вот-вот взорвется — в самом буквальном смысле слова. Затем боль стихла, очевидно, сосуды приспособились к высоте и мозг перезагрузился. Я посмотрел на хронометр: приступ длился всего сорок пять секунд.
Мне они показались сорока пятью годами.
Тихий стон возвестил о том, что Арлин пришла в себя.
— Флай, — с трудом выговорила она, — поздравляю.
Мне было не до ответных любезностей. Но я порадовался, что она теперь под рукой. Мы как раз вошли в плотные слои атмосферы, и я выпустил тормозные ракеты.
Нас начало потряхивать. Но это еще куда ни шло — гораздо хуже то, что наша конура стала нагреваться. Сидя впритык друг к другу, мы буквально истекали потом. Когда перевалило за пятьдесят градусов, с меня уже так лило, что я почти ничего не видел.
А температура все росла. На почтовых ракетах есть защитный слой — но он рассчитан на условия Марса.
И теперь нас просто поджаривало. Температура подскочила до семидесяти градусов, я хватал ртом воздух, каждый вдох обжигал легкие. Кожа покраснела, я почти не соображал, что делаю. Еще минута — и нам пришел бы конец.

6

— Флай! — завопила Арлин. — Пусти кислород! Он нагреется и выдует жар!
— Ни за что! — запротестовал я.

— Почему?
— Нам не хватит воздуха!
— Ну тогда мы испечемся, как лепешки.
Так мы по очереди выкладывали друг другу гадости. Прямо как муж и жена.
В результате я сделал, как она сказала. Стало гораздо легче. Мозг по-прежнему пылал, но я, по крайней мере, мог соображать.
— Так какие системы у нас не работают? — все еще задыхаясь, спросила Арлин.
Момент показался мне подходящим для того, чтобы быть до конца откровенным.
— Раз уж ты заговорила об этом, — небрежно заметил я, то единственное, что меня беспокоит, это система посадки.
— Что?
— Та штуковина, помнишь, нам бы не помешала. Как же она все-таки называется? Ах, да, воздушная тормозная система.
— Прошедшего не воротишь, — Арлин вздохнула. Будь в нашем коконе побольше места, она бы еще и плечами пожала. — Прости, что так тебя подвела.
— Глупости! Мне самому мерещилось черт знает что, и я тоже был на грани. Ты сдала первой просто потому, что… меньше.
Мелькнула мысль, что в данной ситуации диспут можно было бы и отложить.
— Так как же мы посадим милую крошку? — поинтересовалась Арлин, зевая во весь рот.
Я считал, что нужно попробовать сесть где-нибудь на суше. Живыми или мертвыми — у меня не было настроения плавать. Если мы выживем, на Земле перед нами все дороги открыты — выбирай конечный пункт и тащись.
Мы не могли терять времени. Благодаря трюку с кислородом концентрация углекислого газа упорно росла. А после того, что произошло с Арлин, мне совсем не хотелось чокнуться от недостатка кислорода — спасибо, мистер Дисней, этот аттракцион мальчику не по вкусу.
Я собрался обсудить это с Арлин, но она опять заснула, поэтому я поговорил с марсианином. Я был рад видеть этого зеленого человечка не больше трех футов росту.
— Вы появились как раз вовремя, — сказал я. — Мы всегда надеялись встретиться здесь, наверху, с вами, а не с этой средневековой нечистью.
— Могу вас понять, — ответил он голосом У. К. Филдза. Эти демоны — сущее наказание, но на Деймосе им самое место.
— Почему же? — спросил я.
— Скажу по секрету, омерзительный спутник, вы не согласны? Не то что красавец Фобос, вот это луна для пьющего мужчины. А кстати, у вас виски не найдется?
— К сожалению, только вода.
Марсианин оскорбился.
— Вы имеете в виду ту жидкость, в которой развратничают рыбы? Мы стараемся держаться от нее подальше. Ведь в ней можно утонуть, знаете? Вот у нас чудная сухая планета, такая вся ржаво-коричневая, вроде вашей машины, когда вы оставили ее на произвол природных элементов. Прекрасное место Марс, в меру холодное, отличная тренировка перед могилой. Вы абсолютно уверены, что никакой выпивки нет?
Как я понял, он завел разговор об утопленниках, чтобы меня напугать. Если мы с Арлин не сгорим в атмосфере, всегда есть шанс допиться до ручки и потонуть в объятьях зеленого змия, как пионеры «Шаттла» в 1980 году.
Но марсианин затронул вопрос, на который я хотел знать ответ.
— Так чем же Фобос лучше Деймоса?
— Фобос, друг мой, всегда был ближе Марсу. А с Деймосом мы были на ножах еще до того, как эта нечисть его умыкнула. Никогда не надо ставить себя вне, а вы вот сейчас вне времени и скоро умрете, и предадите Арлин, и предадите Землю, жалкий замороченный человечишко.
Говоря это, марсианин увеличивался в размерах, за кривящимися в усмешке губами выросли острые клыки, глаза вспыхнули красным пламенем, блеснули ракеты.
— Ты один из них! — зашелся я в крике. — Демон-призрак! Ты обманул меня!

— Флай, — произнес за спиной зеленого человечка успокаивающий голос, — у тебя галлюцинации, Флай.
— Знаю, — сказал я, провожая взглядом исчезающего марсианина. — С самого начала знал.
Быстрое обследование кабины засвидетельствовало (I) наличие меня, (II) Арлин и (III) отсутствие инопланетян. Для верности я проверил еще раз. Так точно, всего два человека из плоти и крови. Никаких монстров. Никаких марсиан. Не так уж много воздуха. Определенно мало воздуха.
— Мы должны как можно скорее сесть, — сказал я.
— Гм… если тебе все равно, я бы подождала, пока мы сможем сесть безопасно.
Плотность атмосферы увеличилась, и я смог выпустить мини-крылья. И тут же нас так затрясло, что я испугался за свои внутренности, у которых были все шансы стать наружностями. Мы ныряли, вращались, лавировали — мне мог бы позавидовать любой футболист-универсал! — я делал все, чтобы не отклониться от вычисленной Арлин на пальцах траектории полета.
На дисплее отображалась последовательность концентрических квадратов, которая создавала иллюзию, что мы летим через нескончаемый ряд проволочных каркасов. Пока мне удавалось оставаться в их границах, я следовал запланированным курсом в направлении Северной Америки, как пообещала Арлин, хотя и неизвестно, в какую именно точку.
Но я то и дело сходил с курса, заезжая за линии. Я дергал рычаг и буквально усилием рук загонял ракету обратно в проволочный туннель, чтобы тут же вынырнуть с другой стороны (в те редкие моменты, когда я оказывался посередине, рамки вместо красных становились черными). Максимум, что я мог сделать, это не отклоняться от курса больше, чем на расстояние плевка. И, конечно, мы летели слишком быстро, просто с бешеной скоростью, чтобы приземлиться там, где планировали. Перелетим как пить дать — и того и гляди плюхнемся в Тихий океан.
Я держался из последних сил, предоставив тормозным ракетам направлять наш двухместный «рейсовый ракетоплан» с помощью крыльев-плавников, а пневматическим тормозам максимально сбросить лишнюю скорость. Ракету начало трясти. Заныл зуб со старой серебряной пломбой. Арлин, стиснув челюсти, вжалась в кресло, глаза ее распахивались все шире. Кажется, она наконец оценила тяжесть нашей ситуации.
Внизу, как вынесенное на солнышко сушиться лоскутное одеяло, расстилалась Северная Америка. Мы летели над Миссисипи, снижаясь все ниже и кренясь к западу. Потом вошли в облачность. Как давно мы ничего подобного не видели.
— Знаю, где мы! — крикнула вдруг Арлин сдавленным от нехватки воздуха голосом.
Я тоже знал. Мы вынырнули из облачности в ста пятидесяти километрах западнее Солт-Лейк-Сити. Соляные болота Бонневилла — идеальное место для посадки — обширное дно пересохшего озера, голый грунт, столкнуться не с чем. Грунт, пожалуй, слишком твердый, но шанс был.
— Слей топливо! — крикнула мне Арлин в самое ухо, напрягаясь изо всей силы, чтобы ее не отшвырнуло.
Хорошо еще, что мы спустились на высоту, где можно было дышать. Я дернул рычаг, сбрасывая из баков остатки РТ-9.
Кабина опять накалилась, каркас ракеты сотрясался, словно мы были в миксере.
— Держись! — крикнул я, понимая, что ничего глупее выдумать не мог, но чувствуя потребность хоть что-то сказать.
Арлин отозвалась зловещим эхом — то есть куда более выразительной репликой.
Мы стремительно снижались и наконец на дикой скорости врезались в землю. Корабль рассыпался от удара, но продолжал подпрыгивать по соляно-белому дну бывшего озера, как пущенный по воде камешек. Потом он покатился, и локоть Арлин впился мне в бок с такой силой, что я едва не задохнулся.
Нас швыряло и бросало, и в голове моей, и так пылающей от жара, все перемешалось. Я уже не мог отличить неба от земли. От корабля отваливалось по куску, пока не остался один титановый каркас, а мы все продолжали катиться.
В конце концов ракета замерла — на боку. Я внизу, а на мне Арлин.
Целых пять минут, которые показались пятью часами, мы лежали, не двигаясь, размышляя в ошеломлении, свершилось или не свершилось, и дожидаясь, когда прекратится вертня перед глазами.

— Ты в порядке? — выговорила наконец Арлин.
— Кажется, мы оба живы, — ответил я.
Топливо было израсходовано до последней капли, что сыграло нам на руку. Никакой опасности взрыва или пожара. Нам оставалось только выбраться из этой штуковины.
На удачу, дверь со стороны Арлин оказалась открытой. То есть двери как таковой больше не было. Арлин выкарабкалась наружу и, чертыхаясь, повалилась на землю. Мой более грациозный выход ознаменовал начало новой жизни.
Слава Богу, нас не ранило — было бы обидно сразу же под-ставиться под пули. Если пришельцы захватили Юту — одна из моих монашек свято верила в это за много лет до вторжения, — лучше быть начеку. Кто-нибудь или что-нибудь непременно пожалует выяснить, отчего это в соляном источнике образовалась дымящаяся дыра.
Какое-то время мы наслаждались тем, что живы, и еще опускающимися на Юту сумерками, вдыхая настоящий — впервые за столько месяцев — воздух. Затем приступили к ревизии. Еда и вода сохранились. А вот оружие превратилось в обломки.
— А ты говорил, не получится! — поддразнила меня Арлин.
— Никогда не слушай пессимистов! — отчеканил я и добавил: — Но мир настолько ими переполнен, что иногда поневоле поддаешься.
Арлин рассмеялась и шутливо хлопнула меня по руке, так что рука ненадолго отнялась.
Как ни странно, наручный локатор Арлин продолжал работать. Вот это механизм! Я подумал, не купить ли мне акции компании-изготовителя, если таковая еще существует. Может, монстрам удалось добиться того, с чем не справилось ни одно правительство: покончить с торговлей и уморить голодом уцелевших.
Арлин, скрестив ноги, возилась с локатором, пытаясь передать сигнал о нашем местоположении. Ответ должен был последовать незамедлительно, спутнику ничего не стоило засечь нас в пределах одного-двух метров.
— Есть что-нибудь? — поинтересовался я, прислушиваясь к шуму помех.
— Ни фига, — ответила подруга. — Готова поспорить, что спутник на месте, но плохие дяди глушат сигнал. Может, поэтому людям не удается использовать локаторы в бою.
— Лучше бы эти гады оглохли, как демоны.
— Да, Пауку локатора не требовалось. Но что нам с того, парень? Ведь мы снова выиграли! Мы живы, черт подери!
И Арлин бросилась бежать по песку, как выпущенное на волю дитя Потом махнула мне рукой, чтобы я догонял. Я помчался следом, догнал ее и сгреб в объятьях. Она подставила мне подножку, и я шмякнулся на песок.
— Недотепа! — рассмеялась Арлин, и голос ее прозвучал по-девчоночьи звонко, как во время кошмаров на Деймосе, когда она расхаживала во сне — но теперь гораздо приятнее.
— У нас нет на это времени, ты же знаешь, — предупредил я, но сердце говорило совсем другое.
— У нас не было времени на то, чтобы остаться в живых и дышать. Однако вот же мы, целые и невредимые. Господи, я не надеялась, что у нас получится. Перелететь на другую планету, не имея ничего, кроме запчастей, слюны, скотча и голых рук — ха!
— Если честно, дорогая, я тоже сомневался, — признался я.
Я бежал изо всех сил за Арлин. Конечно же, она права. Мы могли двадцать раз умереть, но остались живы. Мы не были бессмертны, но я начинал верить в то, что всегда ненавидел — в удачу.
Люди, ничего не добившиеся в жизни, объясняют успехи других удачей или мошенничеством. Я считаю, что человек — сам творец своей удачи. Счастье в нас, а не вокруг да около. Но в бою слишком много неожиданностей, всего не предусмотришь. Мы с Арлин чуть не лопались от гордости. И в то же время испытывали благодарность.
— Интересно, какой здесь уровень радиации, — подумал я вслух.
— Разве это важно? — удивилась Арлин, продолжая бег. — Не похоже, чтобы в этот район сбрасывали бомбы.
— Если мы не видели, как их сбрасывали, это еще ничего не значит, — возразил я.
— Какой смысл проводить ядерную атаку в пустыне? Здесь и так ничего нет.
— Можно бомбить военные базы Кроме того, не забывай, что как раз в таких местах и ведутся ядерные

испытания.
— Ты говоришь о войнах, которые устраивают люди, Флай. Об их войнах и их приготовлениях к войне. Но мы даже не знаем в точности, что наблюдали именно ядерные взрывы Может, это какой-то другой вид оружия, без радиоактивных осадков. Чтоб потом меньше возиться.
— Некоторые из этих бестий пухнут от радиации, как на дрожжах.
Арлин бросила носиться по песку и села Потом молча, сосредоточенно высыпала песок из правого ботинка и, принявшись расшнуровывать левый, ответила:
— На базе тоже был не самый полезный для человека уровень радиации, но он ни в какое сравнение не идет с масштабным применением ядерного оружия.
Наконец-то дошло.
— Думаю, ты права, так что можешь поблагодарить меня за старания приземлиться именно здесь, а не где-нибудь в другом месте.
— Ха! — возмутилась Арлин. — Нам просто повезло. Ты приземлился там, где получилось.
— Сноровка и упорство, дорогая леди Когда-нибудь я объясню тебе свою теорию удачи.
7
Я не смог отказать себе в удовольствии усесться рядом с девушкой на песочке. Я наплевал на внутренний голос, который вкалывал сверхурочно, чтобы помочь нам выжить Он втолковывал, что нельзя терять ни секунды: монстры могут настигнуть нас в любой момент и отнять нашу маленькую победу.
Однако наступает мгновение, когда следует все послать к черту — но только на мгновение. Мы с Арлин пережили недавно такой ужас, с которым не сравнятся даже монстры или смерть в космосе. Мы на своей шкуре испытали, что такое потерять рассудок и обрести его вновь.
Арлин начала насвистывать «Молли Мелоун». Она выбрала одну из немногих песен, слова которой я знал. Я подхватил. «В прекрасном Дублине жила…» Не хватало только бутылки лучшего в мире виски «Талламор даю». И случилось так, что от нашего пения длинные тени окутанной сумраком Юты превратились в свежие прогалины Ирландии. Пришел ли этот ад и туда? Неужели Дублин захватили демоны, и обезумевшие люди видят в своих кошмарах не марсиан, а маленьких зеленых эльфов? А в других концах планеты? Дальше я отказывался думать.
Сейчас простиравшаяся кругом пустыня была для нас весь мир. Здесь решится, как решалось на Деймосе и еще раньше, на Фобосе, что мы можем сделать для себя, для рода человеческого, для Вселенной. Придет время, когда мы поймем, что мир един.
Я блаженно откинулся на спину и наблюдал за вспыхивающими на темнеющем небе звездами.
Когда опустилась ночь, мы увидели свет — прямо на востоке. Я готов был спорить, что это Солт-Лейк-Сити. Собрав уцелевшие после падения пожитки, мы пошли на свет. Первый привал устроили в девять, второй в полночь.
— И как долго, ты думаешь, мы будем идти? — спросила Арлин.
— Не знаю. Хорошо, что у нас есть что пожевать.
Сумка с продуктами перенесла приземление так же безболезненно, как и мы. У нас была вода, а еще печенье и овсяные хлопья. И фонарики (которыми мы из осторожности не пользовались). Но мне чертовски хотелось заиметь хоть какое-нибудь оружие — кроме упакованного вместе с едой жалкого столового ножа.
Мы передвигались ночью, а спали днем. Как-никак я смотрел «Лоренса Аравийского». После Фобоса и Деймоса, после того, как нас едва не разнесло в клочья, когда мы врезались в старушку Землю, после всех мытарств черта с два я здесь сдохну! Невада куда больше для этого подходит, чтоб мне провалиться!
Воды хватило на дольше, чем съестного. Отсыпаясь днем, мы жались друг к другу от холода. Можно было развести костер, но не хотелось без особой нужды засвечиваться. И еще одно, довольно жуткое обстоятельство подстегивало нашу подозрительность, хотя пока никаких неприятностей не произошло.
Первым его заметила Арлин.
— Я не слышу никаких звуков, — сказала вдруг она.
— Что ты имеешь в виду?
Наш топот гулким эхом разносился в ночи, пока мы брели на световое пятно, которое стало больше, чем

три дня назад.
— Все эти ночные зверушки, совы какие-нибудь…
— Ты думаешь, в пустыне есть совы?
— Не знаю, может, и нет. Но кто-то должен быть. Жуки. Ящерицы. Никого ведь нет. Я задумался.
— Если это конец света, должны бегать дикие собаки.
— И койотов тоже нет. Ничего. Даже самой малости. Конечно, если все уничтожено…
— Нет, не может быть. Нас бы давно наизнанку вывернуло от отравления или радиации. И свет впереди, там явно происходит какая-то жизнь.
— Надеюсь, — отозвалась Арлин. — Так ты считаешь, это Солт-Лейк-Сити?
— Должен быть Солт-Лейк-Сити.
— Солт-Лейк-Сити, штат Юта?
— Ну разве что во Флориде подморозило.
Следующие шагов сто Арлин молчала, потом смущенно кашлянула.
— Хочу тебе кое в чем признаться, Флай. Еще раз.
— Давай. Можешь хоть сто раз.
— У меня возникли кое-какие проблемы с мормонами, с их церковью…
Было нелегко разглядеть в темноте лицо девушки. Если б на небе светила полная луна, а не этот обглоданный огрызок, повисший словно серп!
— Ты принадлежала к мормонской церкви?
— Нет, но мой брат принадлежал. Какое-то время.
— Ты винишь церковь в том… в том, что произошло?
Арлин покачала головой.
— Да нет. У него были проблемы до того, как он стал мормоном. И после, когда он порвал с церковью.
— Ты думаешь, брат может оказаться здесь?
— Не-а. Мы жили в Северном Голливуде. Он уехал в Юту, когда стал мормоном, а после разрыва не знаю, куда делся. Мне плевать, хоть вообще с ним больше не видеться.
— Обещаю молчать об этом.
— Я не для того рассказываю, — продолжала Арлин. — Пока брат был с ними, я страшно увлеклась их учением. Читала разные книги, в их защиту и против. Особенно Книгу Мормона.
— Душеспасительное занятие, — заметил я.
— Сомневаюсь. Только мешает. Знаешь, Флай, если мы найдем живых людей, то присоединимся к ним и станем бороться вместе. Обещаю, что не буду говорить о религии ни с одним из этих патриархальных…
Она замолчала достаточно надолго, чтобы я сумел вставить:
— Все понял.
— А ты когда-нибудь думал о них? — безразличным голосом спросила Арлин.
— Давным-давно мне попалась статья про движение сервайвелистов, как они запаслись едой и прочим и сидели чуть ли не год окопавшись За это легко можно вылететь из армии! Еще я однажды был в ЛосАнджелесе, осматривал достопримечательности: Диснейленд, Ла-Бри-Тар-Пиц, кинокомпанию «Парамаунт», «Аккер Мэншен», и в оставшееся время заглянул в их церковь в конце Оверленд-авеню, большую такую. Там наверху ангел с трубой. Я по ошибке принял его за архангела Гавриила.
— Им твоя ошибка понравилась бы. Это их ангел Мороний.
— Теперь я знаю.
— Мне всегда хотелось назвать его Мордовороний.
Я вздохнул.
— Пожалуй, придется последить за тобой, А.С, чтобы ты держала обещание и не спорила о религии.
— Слово скаута, — поклялась Арлин.
— А ты была скаутом?
Девушка не ответила.
Мы по-прежнему не включали фонариков: в этой пустыне не требовалось другого освещения, кроме зарева на горизонте. Ночью легко держать направление, и мы радовались, что не растрачиваем сил зря.
— Просыпайся, а то ночник сожжешь, — приговаривала Арлин, когда приходил ее черед меня будить.

И довольно хихикала. Что-то ее веселило, но она не признавалась что.
Еда скоро кончилась, но воды было больше чем достаточно. Нам понадобилось пять дней, чтобы дойти до Солт-Лейк-Сити, когда-то центра мормонского мира. Да и сейчас, разрази меня гром!
Мы лежали на пузе в кустах, прикрывая от солнца глаза.
— Смотри, люди! — поразилась Арлин, глядя, как по улице в ранний час снуют сотни мужчин.
По всей видимости, они сменяли других мужчин, которые работали в ночную.
— Но куда подевались женщины? — прошептал я.
— Сидят дома с детьми. Мормоны чертовски патриархальны…
— Арлин!
С нашего места открывался хороший обзор, а посмотреть было на что.
Теперь на улицы превращенного в гарнизон города высыпало больше тысячи вооруженных мужчин, и, к своему изумлению, я приметил среди них нескольких женщин и девочек-подростков с тяжелыми орудиями.
Арлин бросила на меня один из своих многозначительных взглядов.
Я не стал уличать ее в ошибке: когда обществу угрожает опасность, оно или делает все необходимое, или летит в тартарары.
— А ты не думаешь, что горожане могли стакнуться с пришельцами? — спросила она.
Мне это тоже приходило в голову. Но люди на улицах вели себя не как зомби — мы уже знали, что монстры в такой ситуации предпочитают «переделанных» помощников. Паук только раз сделал исключение — когда ему понадобились знания бедняги Билла Ритча.
Хорошо бы войти с жителями в контакт, думал я, но сделать это таким образом, чтобы не оказаться тут же пристреленными. Пока я рассчитывал, как бы получше провернуть дельце, Арлин тронула меня за плечо.
Я обернулся и чуть не ткнулся носом в дула двенадцати-калиберной двустволки. По всей длине это семидесятипяти-сантиметровое чудо украшала великолепная бисерная инкрустация, и вложено оно было в мощную руку, выраставшую из огромного торса с улыбающейся детской физиономией где-то наверху. Года двадцать два-двадцать три от силы.
— Как делишки? — спросил парень.
Его приятель, намного худее, держал в руках старый «Руджер М-14», направленный на Арлин.
Он поймал мое выражение лица и, словно прочитав мои мысли, одобрительно хмыкнул. Это неопровержимо доказывало, что перед нами самые что ни на есть настоящие люди: они гордились классным оружием.
— Привет, — я перевел глаза с одного парня на другого.
— Доброе утро, — присоединилась ко мне Арлин.
— Да, — вместо приветствия произнес сухостой, видя, как я липну взглядом к его красавцу, — пришлось попотеть, чтобы заполучить эту вещицу.
— Красивое оружие, — подтвердил я, удостоверившись, что здоровяк продолжает стоять спокойно.
— Компактное, удобное в обращении, быстрострельное и бьет наповал, — кивнув, похвастался худой и после паузы добавил: — Вы не согласны?
Дзинь! — звякнула монетка. Они нас явно проверяли.
— Конечно! — с готовностью отозвалась Арлин.
Худой парень покосился на нее. Он ждал, когда я что-нибудь скажу.
— Одно из моих любимых, — произнес я. — Почти никакой отдачи, не то что у крупнокалиберных моделей.
— Кажется, эти люди не нуждаются в лекции, Джерри, — опять заговорил здоровяк.
— Они военные. Посмотри на одежду, — мотнул в нашу сторону головой Джерри.
От нас не требовали объяснений, поэтому мы продолжали молчать. Однако Джерри еще не до конца высказался:
— Их интересует хорошее оружие. Правда ведь?
Он в упор посмотрел на меня, и я не замедлил с ответом:
— Конечно, особенно то, которое у вас в руках.
— Чую, Альберту надоело слушать, как я расхваливаю эту цацку, — с улыбкой продолжал Джерри. —

Она и стоила недорого, пока их не запретили.
— Ну теперь это наверняка не проблема, — заметила Арлин. — Уверена, кругом полно уничтоженных зомби, у которых можно отобрать ствол-другой.
Каждый раз, когда моя подружка вступала в разговор, вид у парней становился какой-то смущенный, и мне казалось, что ее это приводит в восторг.
Арлин оглянулась через плечо и подмигнула. Мы довольно повоевали бок о бок, чтобы научиться понимать друг друга с полувзгляда. Подмигиванье означало, что дела наши не так плохи, но она не могла отказать себе в удовольствии подыграть:
— Мне тоже нравится М-14, — проворковала она. Парни явно помягчели.
— Для дамы у вас неплохой вкус, — позволил себе комплимент Альберт.
Мы постояли, с улыбкой разглядывая друг друга, а потом Альберт сломал лед, перейдя сразу к делу.
— Вы случайно не в союзе с прислужниками Сатаны, которые напали на Землю? — его шутливо-добродушный тон остался прежним.
— А мы как раз подозревали в этом вас, — радостно сообщила Арлин.
Я грозно посмотрел на нее. Альберт хмыкнул.
— Пусть говорит, мистер. Это только доказывает, что у вас честные намерения. Думаю, что с вас можно снять подозрения, вы мне нравитесь. Мы понимаем друг друга. Но мы не имеем права рисковать.
Нас тщательно обыскали и отобрали нож. Другого оружия у нас не было. Наконец-то мы могли этому порадоваться. Ребята не были похожи на дилетантов, значит, не все потеряно, у нас есть шанс противостоять захватчикам.
— Ну хорошо, — сказал Джерри, — сейчас мы вас отведем к Президенту Совета двенадцати.
Арлин скорчила гримасу, по которой я понял, что ей известно, о ком идет речь, но она держала обещание. Ни слова о религии. Пышное название свидетельствовало о том, что Церковь Иисуса Христа Святых Последних Дней продолжает оставаться в большой силе.
Возможно, Арлин права, и мормонство всего только культ, но я не вижу никакой разницы между культом и религией, разве что в популярности. Они выжили, а нам требовались союзники.
Я знал о мормонах еще кое-что, о чем не упомянул во время короткого разговора в пустыне. Друг, которому я вполне доверял и у которого были связи в Вашингтоне, говорил, что правило мормонов полагаться только на себя заставляет их по-настоящему готовиться к любой случайности. Что неудивительно, если вспомнить их бурную историю. В результате немалое число мормонов пробралось в правительство, в ФБР, в разные спецслужбы, в ЦРУ и даже НАСА. Кто бы ни были те, кто пытались вести себя с мормонами, как Гитлер с евреями, они сыграли нам на руку. Мормоны превратились в идеальных союзников для борьбы с дьявольскими — в самом прямом смысле слова — силами.

8

Пока нас вели по улицам Солт-Лейк-Сити, я старался доказать себе, что нам крупно повезло с местом посадки. Ходи я по-прежнему в церковь, я бы поставил свечку и хорошенько помолился Деве Марии, чтобы мы, спаси нас Матерь Божья, не нашли в святилище мормонов Паука…
Люди на улицах расступались, пропуская нас, но без всякой враждебности, просто из предусмотрительности. Не было никаких дурацких выходок. Хорошо, если и дальше так пойдет.
Вдруг мимо с ревом пронесся парень на мощном мотоцикле. Развернувшись, он остановился в нескольких дюймах, обдав нас грязью. На нем был костюм клерка.
— Привет, Джерри!
— Привет, Нейт, — ответил Джерри. — Это мой брат, ребята. Я бы вас представил, да не знаю ваших имен.
— Эй, Джерри, — перебил его Альберт, — тебе же прекрасно известно: Президент Совета двенадцати еще не говорил с ними, вот поговорит, и они скажут, как их зовут.
— Прости.
— Зато ваши имена они уже, похоже, знают, — усмехнулся Нейт, снимая шлем.
Они с Джерри были близнецы.
Хотя Арлин, верная данному слову, и не лезла в теологические споры, в остальных случаях она не считала нужным держать язык за зубами.
— Страшный зверь! — Она кивнула на мотоцикл.

— Нравится? — расплылся в улыбке Нейт, доказав, что он брат своего брата.
— Они знают толк в оружии, — бросил Джерри не без подначки.
Альберт издал стон, но Нейта уже было не остановить.
— «БМВ Париж-Дакар», тысяча кубических сантиметров… — И они с Арлин протараторили еще несколько минут.
Часть меня рвалась осадить девчонку, но другая — полностью одобряла ее. Это был умный ход — заставить парней почувствовать себя в своей тарелке. На улицах было гораздо больше мужчин, чем женщин, но наши захватчики — или гостеприимные хозяева? — вели себя в присутствии Арлин с неизменной вежливостью. В высшей степени цивилизованное общество.
— …а в бардачке помещается целых пять гранат! — завершил Нейт рекламу.
— Ну хватит, — прервал друга Альберт. — Если эти симпатичные ребятишки шпионы, почему бы тебе просто не снабдить их размноженными копиями сводок?
За то недолгое время, что мы были пленниками, я понял, что в городе не существует настоящей военной дисциплины. Я не знал, что и думать по этому поводу. Радовало одно: не верилось, что эти предоставленные сами себе люди порабощены захватчиками. Они вели себя как свободные люди. Весьма словоохотливые и ни в чем себя не сдерживающие свободные люди!
Посмотрим, удастся ли склонить их Президента к сотрудничеству. На гражданке морской пехотинец — король… или козел отпущения. Мне не терпелось узнать, как выйдет теперь.
— Ой, чуть не забыл, — воскликнул Нейт. — У меня для вас сообщение: Президент еще не вернулся.
— Сразу бы и говорил, — возмутился Альберт. — Мы бы отвели их в часть.
Мы вошли в молельный дом. Там было красиво и прохладно, стоял бодрящий запах свежего дерева. Полы, натертые до блеска, сверкали. Ничто не изменилось с тех пор, как я покинул этот мир по приговору военного трибунала ничто не говорило о вторжении пришельцев из других галактик.
Арлин могла не хвалиться своей начитанностью. Конечно, я не знал о мормонах всего, но все-таки знал немного больше, чем поведал ей. Я столько раз в своей жизни читал Библию, что для меня не составляло труда понять, в чем мормоны черпали вдохновение, из чего они исходили в своих поисках Бо-гооткровенного Слова.
И потом, у нас в школе проходили азы сравнительного религиеведения, наверное, в надежде, что из нас получатся хорошие миссионеры. Помнится, Бог дал Моисею точные указания насчет того, как построить Храм. На балки должно было пойти особое дерево, покрытое золотом, пазы повелевалось устилать серебром. Короче, не то чтобы собор Св. Петра, но и не шатер алабамских «возрожденцев». Мормоны склонились к идее стационарной конструкции.
Вокруг молельни располагались вполне обычные служебные постройки. Мы вошли в одну из них, и Альберт проводил нас в кабинет.
— Сейчас принесу что-нибудь поесть, — сказал он.
Я так проголодался, что был согласен на хлеб и воду. Через минуту Альберт возвратился — с хлебом и водой — и опять оставил нас одних.
— Черт! — возмутился я. — Я надеялся на более роскошное угощение.
Подойдя к маленькому столику, я взял единственную лежащую на нем вещь — Книгу Мормона, Новые Свидетельства об Иисусе Христе. Мне хотелось похулиганить, а заодно немного подразнить подружку. Уж слишком она выпендривалась, стараясь разговорить наших конвоиров.
— Готов поспорить, что ты не помнишь всех книг, А.С.
Она посмотрела на меня со своим особым выражением.
— Спорим на первый же приличный ствол, который попадет нам в руки?
— Идет, — согласился я.
— Прекрасно, — ответила Арлин и затараторила: — Первая и Вторая Книги Нефия, Книги Иакова, Еноса, Иарома, Омния, Слова Мормона, Книги Мосии, Алмы, Геламана, Третья и Четвертая Книги-Нефия, Книги Мормона, Ефера, Морония.
— Черт возьми! — воскликнул я в изумлении.
— Думай, что говоришь рядом со святым местом.
— Не беспокойтесь, — раздался от двери голос. Это вошел Альберт — даже не постучавшись.
— Почему без стука? — спросила Арлин.

— Поскольку вы больше не пленники, — ответил он, закрывая за собой дверь. — Я только хотел сказать, что не верю, что вы шпионы, засланные демонами.
— Мы называем их пришельцами, — поправил я парня.
Средневековая терминология нисколько не мешала, когда мы с Арлин прибегали к ней, чтобы различать разные виды монстров. Другое дело, когда говоришь с глубоко религиозным человеком. Всю эту космическую нечисть можно убить. Она создана средствами науки. Монстров никак нельзя сравнить с бессмертными бесами, против которых бессильна военная мощь всей Галактики.
— Понимаю, — согласился Альберт. — Вы не против рассказать, кто вы такие и как здесь очутились?
— А разве Президент не будет спрашивать об этом? — удивился я.
— Будет, конечно.
— Зачем же тогда делать это сейчас? — поинтересовалась Арлин.
— Ну, мы все-таки товарищи по оружию, к чему излишняя осторожность.
— Тогда и ты должен рассказать о себе, — предложил я.
— Все в свое время. Впрочем, вы не обязаны говорить, если не хотите.
Я стремительно соображал.
— Что ж, уж если вести переговоры с мормонами, то, наверное, лучше на самом высоком уровне.
Альберт рассмеялся.
— Здесь не все мормоны.
— Да? — недоверчиво спросил я.
— Угу, но большинство действительно мормоны, я мормон — предупреждающе заметил парень, — имейте это в виду. Однако мы боремся с общим врагом человечества. Какая разница, мормоны вы или нет. Главное, чтобы вам можно было доверять.
— Резонно, — признала Арлин с такой интонацией, что я понял, что она слегка издевается над всей этой публикой.
— Я мормон, — продолжал Альберт, — а Джерри с Нейтом свидетели Иеговы.
— А я-то всегда считала, что свидетели Иеговы не воюют, — в удивлении воскликнула Арлин.
— Нет, они не пацифисты, но и Заветам Последних Дней тоже не следуют, — пояснил Альберт, и я вознес про себя молитву, чтобы Арлин не раскрывала рта.
— Чему не следуют?
Альберт был более основателен, чем его друзья.
— Они считают, что все современные правительства — порождение дьявола, поэтому не согласны воевать с ближними по приказу государства. Но с этой нелюдью, монстрами, готовы сражаться хоть до Судного дня.
— Понятно, — пробормотал я. — Что-то вроде отказников времен второй мировой войны…
— Ну да, отказников, которые добровольно дали согласие воевать, — докончил Альберт.
— А что такое эти ваши, гм, «заветы»?
Он засмеялся. Мы явно попали в руки мормона, не отличавшегося миссионерским пылом, чему я был чертовски рад.
— Конституция Соединенных Штатов предписана Богом. Поэтому нам не нравится, когда ее извращают. Никогда не знаешь, хорош или плох представитель власти, пока не проверишь его на лояльность. Но вы произвели на близнецов хорошее впечатление, думаю, что Президенту тоже понравитесь. Если все-таки решитесь со мной поболтать, легко меня найдете.
И он оставил нас с обещанием отвести вскоре к Президенту.
Через три часа нас провели в приемную. Из-за орехового стола поднялся чисто выбритый, смуглый и совершенно седой мужчина в строгом английском костюме. Вид у него был неприступный. Лицо судьи, словно высеченное из камня. Джерри с Альбертом «опекали» нас, держа на спусковых крючках пальцы. Немного поиграли в гляделки. Потом Президент оценивающе смерил нас взглядом. Мы сделали то же самое. Он напоминал командира соединения, то есть человека привыкшего отдавать приказы.
Наконец он кашлянул и произнес:
— Я здесь Президент.
— Звучит так, словно вы — президент Соединенных Штатов, — заметил я.
Казалось, мужчина не возражал.

— Такая возможность не исключается, при определенных обстоятельствах. А вы кто такие?
Мы представились, назвали чины и личные номера. Как джентльмен я позволил Арлин говорить первой. Затем последовал дурацкий вопрос:
— Как вы здесь оказались?
Арлин рассмеялась и выложила все как есть:
— Мы вдвоем с Флаем… Флай — это прозвище моего товарища… без всякой посторонней помощи распотрошили целую дивизию демонов, которая орудовала на Деймосе. Они запустили Деймос вокруг Земли, но мы спутали им карты.
— Мы живем во времена могучих воинов, — торжественно произнес глава мормонов. — На этот счет имеется множество пророчеств. Я прочитаю вам стих из Книги Алмы, который считаю очень важным для поддержания боевого духа:
«Вот, я разгневан, а также и мой народ; ты пытался убивать нас, а мы только старались защищать себя».
Он улыбнулся и после паузы продолжил:
— «Но вот, если ты все еще будешь намереваться уничтожить нас, мы будем также уничтожать вас; да, и мы будем добиваться нашей земли — земли нашего первого наследия».
Это сказал Мороний. Мы должны препоясать чресла для борьбы против абсолютного врага. В такие времена даже женщины могут быть использованы для дел, не соответствующих их предназначению. Вам известно, какое количество Дельта-V требуется для того, чтобы вывести с орбиты спутник, даже такой маленький, как Деймос? Почему я должен вам верить?
Я прикрыл глаза, обескураженный столь резкой переменой темы, затем покосился в сторону Арлин и понял, что она переваривает «предназначение женщин» — но на лице ее была полная невозмутимость. У-умница!
— И все-таки мы боремся с одним врагом, — вставил я.
— Это вы так утверждаете. Вы также заявляете, что соскочили с орбиты, а на Землю так чуть ли не на брюхе приползли. Молитесь, чтобы мы удостоверились и в том, и в другом. До тех пор мы будем предельно осторожны. Если то, что вы говорите, правда, у вас будет возможность продемонстрировать это на задании. И только тогда, когда вы завоюете наше доверие, мы позволим вам, — тут он, игнорируя Арлин, вперил в меня взгляд, — приобщиться нашей мудрости. Аудиенция окончена, желаю удачи.
Я боялся, что Арлин сморозит какую-нибудь глупость, потому что рот ее открылся, а брови опасно взлетели со скоростью ракеты. Я боялся за себя, черт возьми! Но нас благополучно вывели из приемной.
— По мне, так вы не сдали экзамен на шпиона, — сказал Альберт, провожая нас вместе с Джерри до комнаты.
— Почему это?
— Никакой шпион не стал бы придумывать такую неправдоподобную историю и злить Президента.
Я ничего не ответил, но про себя подумал, что для шпиона это было бы не так глупо. Ведь сработало?
С каждым шагом нам становилось легче: напряжение исчезало, как утекающий сквозь щель воздух на Деймосе. Как-никак Президент из-за нас рисковал. Он и не знал, как он рисковал, беседуя в таком тоне с Арлин.
— Все мы — члены человеческого братства, — сказал Альберт. Сейчас вам трудно, но подождите, пока люди поверят вам. Тогда вас на руках будут носить!
9
Кажется, нашему рассказу поверили, во всяком случае не то чтобы категорически не поверили. Наконец-то мы остались одни, когда здоровяк Альберт Как-его там побежал по какому-то поручению.
Флай поманил меня пальцем.
— Надо бы отправить донесение, — шепнул он.
— Донесение? Кому?
Действительно вопрос. Если страна разорена до такой степени, как нам пытаются внушить, вряд ли существует нечто вроде военного командования, которому можно слать донесения.
Если… Я сразу поняла, куда клонит Флай.
— Что мы знаем об этих ребятах? — продолжал он, подтверждая мои догадки. — На чьей они стороне?
— Тебе будет нелегко доказать, что они питают нежные чувства к демонам, — возразила я.

— Ну хорошо… может быть. Может быть, они патриоты. Однако насколько они правы?
Что я могла на это сказать! В словах Флая была своя логика. Пусть эти люди самые что ни на есть ярые патриоты, но они могут ошибаться в оценке масштабов катастрофы.
— Ты считаешь, что из-за религиозности они слишком подвержены апокалиптическим настроениям?
— Мормоны вовсе не подвержены апокалиптическим настроениям, — наморщив лоб, возразил Флай. — Ты, наверное, путаешь их с другими христианскими сектами. Просто я хочу сказать, что они отрезаны от информации. Отсюда может казаться, что уже и правительства Соединенных Штатов не существует, но если поговорить с кем-нибудь еще, из Пентагона, например, или из флотского начальства, возможно, картина окажется другой.
— Хорошо, с кем предлагаешь связаться?
— С нашим непосредственным командиром, Арлин, с кем же еще?
Господи, вечно я забываю об этой дурацкой субординации. Вокруг меня, как правило, все больше рядовые, вроде меня, ну один офицер, может быть, — в нашем случае Вимс. Я никогда не помню об этой начальственной цепочке, дорастающей аж до самого главнокомандующего, президента Соединенных Штатов. Вот почему Флай зашибает на своей капральской должности большие бабки (э-хе-хе), тогда как я все еще числюсь в рядовых.
— Ты имеешь в виду майора Бойда? Или — бери выше — самого полковника Карапетяна?
— Гм, боюсь, у майора Бойда для этого кишка тонка. Свяжемся, пожалуй, напрямую с самим Господом Богом, полковником Карапетяном.
— Согласна. У тебя есть телефон?
— В том-то все и дело! Но я уверен, что на такой огромной территории должна быть радиорубка, как ты думаешь?
Следующий час мы ломали голову, как ее найти, а также потихонечку расспрашивали прохожих, стараясь держаться подальше от очевидных «вояк» и приставать к менее подозрительным штатским. Мы так долго ходили, что ноги отсохли задолго до того, как наконец обнаружилось что-то похожее на радиорубку.
Огороженная территория включала целый ряд зданий, какие-то темные массивы вдалеке и основательный кусок делового центра Солт-Лейк-Сити. Вокруг высились дома — Солт-Лейк-Сити как-никак большой город. Не такой большой, как мой родной ЛосАнджелес, конечно, но все-таки.
«Огораживание» производилось не по географическому принципу: к примеру, два дома входили в состав территории, а дом между ними не входил.
Мы, однако, довольно быстро обнаружили, что можем свободно передвигаться всего лишь в радиусе двух кварталов вокруг молельни. Эта центральная часть отделялась от остальной территории (и всего города) забором, через который было пропущено электричество; вдоль забора, прямо как на военной базе, разгуливал патруль; там находились даже подозрительного вида плоские сооружения, из которых торчало нечто похожее на стволы батарейных орудий, и горы камуфляжного брезента, под которым вполне могли скрываться танки или БМП «Брэдли». А караул основательно проверял всех входящих и выходящих.
Я набрела на кучу, которая показалась достойной внимания — уж слишком она напоминала серийную модель танка М-2/А-2. Я повернулась, чтобы показать ее Флаю, но он был поглощен разглядыванием высокого административного здания за нашей спиной.
— Что это там на крыше небоскреба? — спросил он.
— Небоскреба? — удивилась я. — Детка, ты, наверное, прожил жизнь в деревне?
— Хорошо-хорошо, — отмахнулся он. — Но что это там наверху? Вон та металлическая штука?
— Гм… телевизионная антенна.
— Ты уверена? Посмотри внимательней.
Я вгляделась, щуря то один, то другой глаз, чтобы уменьшить астигматизм.
— Ага, поняла, что ты имеешь в виду. Может, ты и прав, но я не уверена. Думаешь, это радиоантенна, да?
— Не знаю, как выглядит стационарная антенна, потому что видел только переносные, как у нас с тобой.
— У тебя что, срочное свидание, парень? Давай пойдем и проверим.

— Надеюсь, там есть лифт, — к моему удивлению заметил Флай — я думала, он и близко не подойдет к лифту после нашего горького опыта на Деймосе.
У главного входа в здание — которое оказалось всего-навсего пятнадцатиэтажным, тоже мне небоскреб! — стоял вооруженный часовой. Вход со двора был забаррикадирован. Часовой снял винтовку.
— Не вы ли та парочка неверных, которые утверждают, что покончили с дьявольской заразой на Деймосе?
— Та самая, — подтвердила я. — Неверные — это мы.
Флай шикнул на меня. Он утверждает, что в конфликтных ситуациях я все только порчу, но я с ним не согласна.
— Президент велел нам осмотреться, — сказал он тоном легкой, уверенной лжи, которым я всегда так восхищаюсь, но который мне самой никогда не дается. — Нас обязали ознакомиться с вашими должностными инструкциями. — Он округлил глаза на слове ознакомиться, явно беря его в кавычки. — Будто мы не накушались этой казарменной премудрости на всю оставшуюся жизнь!
Часовой с сочувствием покивал.
— Ваша правда. Знаете, кем я был всего несколько недель назад? Поваром в гриль-баре «Элефант»! И кем меня сделали, когда началась война? Часовым!
— Вы хорошо знаете здание?
— Мне ли его не знать! Здесь до войны работала моя невеста.
— Тогда, может, проводите нас и покажете, что к чему? Я сам родом из маленького городка, у нас и в помине нет таких огромных домов. Вы ведь, наверное, не единственный часовой?
Никакой другой охраны вокруг не наблюдалось, и Флай видел это так же хорошо, как и я.
— Боюсь, что единственный, капрал.
— Флай. Флай Таггарт.
— Боюсь, что так, Флай. К сожалению, я не могу оставить пост. Но здесь не заплутаешь. Это просто вытянутая в высоту коробка. Вон там церковь. Если вдруг потеряетесь, подойдите к окнам и идите по кругу, пока не увидите шпили. Их не пропустишь.
— Вы уверены?
— Абсолютно, шпили ни за что не пропустишь. Даже не беспокойтесь.
— А можем мы позвонить сюда вниз, если вдруг что случится?
— Конечно, по черному телефону возле лифта. На нем нет кнопок. Просто снимите трубку, и здесь раздастся звонок.
— Ну спасибо. Нам сюда? Где лифты?
Услужливый часовой показал, как добраться до лифтов. Мы и впрямь могли искать их… минуты две — они были за переборками.
Войдя в кабину, Флай самым что ни на есть естественным тоном произнес:
— Этим лифтам нельзя доверять. Начнем сверху и будем этаж за этажом спускаться, знакомясь с системой управления. Потом доложим Президенту, в чем мы можем быть полезны.
Мне же он знаками показал: начнем сверху, найдем радиорубку и отправим донесение.
Антенна на крыше, конечно, имелась, но это вовсе не значило, что непременно будет и радиорубка. Мы обходили этаж за этажом, выдавая себя за служащих. Еще раньше я нашла в закутке с инвентарем для мытья окон висевшую на гвозде папку с вставленным в нее блокнотом. Флай взял папку и, открывая поочередно двери отделов, делал вид, что берет на заметку каждого, кто работает в комнате, а я деловито семенила за ним, изображая помощницу.
И что вы думаете, прием срабатывал: люди сосредоточивались, бросали болтовню, начинали усердно с чем-то возиться, и хоть бы один возмутился и спросил, какого черта нам нужно! Флай очень кстати промаялся несколько месяцев начальником ревизионной комиссии арсенала — при виде его все просто дрожали со страха и исходили потом.
Обойдя двенадцать этажей, мы наконец нашли проклятую радиорубку. Два связиста, оба штатские. У одного пистолет. Мы, конечно, безоружные.
Флай шагнул в комнату — вид у него был, как у вступившего на тропу войны сержанта Гофорта.
— Встать! — рявкнул он.

Связисты на мгновение опешили, потом вскочили и неумело вытянулись по стойке «смирно».
— Срочное секретное сообщение Президента! Смойтесь!
— Мы не имеем права, сэр…
— Сэр? Вы что, ослепли? — Флай злобно ткнул в нашивки на погонах. — Разве я похож на хлипкого трясущегося офицеришку, этакого подлизу-очкарика со школьной скамьи?
— Нет, сэр! О-о!.. нет…
Флай наклонился почти к самому лицу связиста, изображая натаскивающего новобранцев инструктора.
— Скажи КАПРАЛ, детка. В следующий раз, когда будешь разевать свой ротик, первым делом говори капрал Таггарт.
— К-капрал Таггарт, сэр! То есть… я хочу сказать, капрал Таггарт, нам не позволено покидать пост.
— Вы слышали, о каком донесении идет речь?
— О секретном! Но сэр… капрал!..у нас есть допуск ко всем секретным документам.
— Откуда мне это известно, мой мальчик? У вас есть соответствующая бумага, чтобы удостоверить собственные полномочия?
— Есть, но не здесь.
— Тогда смойся, кретин! И возвращайся с бумагой от командира. Мы подождем.
Бедняга дрожал всем телом, оглядываясь то на дверь, то на оборудование, между тем как его коллега, хлипкого вида коротышка, упорно смотрел в сторону, как бы говоря: «Я тут ни при чем, дружище, это по твою душу».
— Хорошо, но вы не будете ничего трогать в мое отсутствие?
— Слово скаута! — глумливо усмехнулся Флай.
Гм, разве он был скаутом? Что-то не припомню.
Связист бочком прошмыгнул мимо Флая и чуть не налетел на меня. Я грозно глянула на него — и он исчез за дверью. Флай повернулся ко второму бедолаге.
— А ты что здесь до сих пор делаешь? А ну отправляйся за своим приятелем!
Коротышка смиренно покинул свое место.
— Что будет, Флай, когда они перейдут улицу и обнаружат, что никакого донесения нет? — спросила я.
— Именно поэтому нам нужно торопиться, А.С., и закончить все до их возвращения!
К счастью, связисты не вырубили аппаратуру, а то бы я намучилась, пытаясь ее включить. Это было совершенно новое, ультрасовременное оборудование, которого я в жизни не видела. Дисплей рядом с клавиатурой показывал частоту дежурного канала.
Я попробовала клавиатуру — слава Богу, она тоже не была заперта. Я набрала диапазон, в котором работала Северная военно-воздушная база морской пехоты США, где находилась ставка заместителя главнокомандующего войсками Марса. Невелика мудрость, если оттрубить с мое радистом у майора Бойда.
Потом прошлась по всему диапазону в поисках нужной частоты. Когда же я наконец я настроилась на нее — она оказалась слабой и прерывистой, словно ретрансляторы полетели к черту и я вышла на сам передатчик. Я повысила напряжение, и мы смогли различить за лавиной помех слова.
Тогда я подключила обычное шифровальное устройство для компакт-дисков и записала сигнал прямо на произвольные шумы от фоновой радиации — у них там на севере есть такие же диски. Если повезет, они поймут, что сигнал зашифрован.
«Командир роты „Фокс“ четвертого батальона 223-ей воздушно-десантной дивизии капрал Флай Таггарт вызывает заместителя командующего войсками Марса полковника Карапетяна».
Флай снова и снова передавал сообщение, и я уже начинала нервничать: время поджимало, а ответа все не было. Наконец прорвался голос. Я его узнала — говорил сам полковник, а не какая-нибудь мелкая сошка.
— Четвертый батальон, соедините меня с лейтенантом Вимсом. Прием.
— Говорит четвертый батальон, Вимс мертв, ротой командую я.
— Кто это «вы»?
— Капрал Таггарт, сэр.
— Доложите обстановку, капрал. Прием.
Флай вкратце описал наши похождения за последние несколько недель. Когда он закончил, последовало

столь долгое молчание, что я решила, связь прервалась.
— Понимаю, — отозвался наконец полковник. — А где вы сейчас, черт возьми? Можете срочно вернуться на базу?
— В центре обороны в Солт-Лейк-Сити, — ответил Флай.
Я вдруг почувствовала слабость в животе: стоило ли выкладывать столько информации, пусть даже заместителю командующего?
— Воспользуйтесь железной дорогой, — приказал Карапетян. — И шевелитесь. Я хочу, чтобы вы были в Пендлтоне как можно быстрее. Мы должны поговорить обо всем с глазу на глаз. Понятно, капрал?
— Есть, сэр!
— Отлично. Значит, жду вас завтра в…
Раздался громкий треск — и система вырубилась. Погасли все шкалы, все диоды, только что светившиеся и мерцавшие.
Обернувшись, я увидела возвышающегося над нами Альберта с окаменевшим лицом-маской. С одного боку у него стоял наш дружелюбный часовой снизу, с другого — запуганный связист с пультом дистанционного управления в руке.
У меня перехватило дыхание — в рамке света голова Альберта казалась осененной нимбом.
— Вам придется пройти со мной, — сказал он.
— Куда? — спросила я.
— К Президенту. Только в его власти решать дела государственной измены.

10

С тяжелым сердцем вел я двух вероломных бойцов к Президенту Совета двенадцати. Я старался гнать злые мысли: только Господу дано право судить и карать.
Кроме того, я искренне полюбил Флая Таггарта и даже поверил в его безумную историю о сражении с пришельцами на Фобосе и Деймосе. И мисс Сандерс, а теперь…
Нет, так нельзя. У меня нет никакого права, я ведь даже не знаю ее.
Я привел их в Палату правосудия, где уже сидели Президент и члены суда. На Президенте был костюм, и я вознес благодарственную молитву Господу — значит, состоится просто суд, а не военный трибунал, иначе Президент облачился бы в мантию.
— Садитесь, — скомандовал я, кладя поочередно руку на плечо арестованным и подталкивая их к приготовленным стульям.
— Кто будет говорить в защиту обвиняемых? — спросил епископ Уилстон, ярый сторонник соблюдения законности.
— Послушаем, что они сами скажут в свое оправдание, — ответил Президент. — Это не настоящий судебный процесс. Я только хочу понять, что, черт возьми, случилось — и выяснить, не виной ли тому именно черт.
— Или всего лишь бес глупости, — вставил я.
Президент посмотрел в мою сторону. Но я привык так вести себя с его предшественником, который готов был выслушать и младенца, если тому хватало ума говорить. Этот новый товарищ приехал из другого штата, но он был наставником старого Президента, мир праху его.
— Вы позволили себе грубость, — отчеканил Президент, — но, возможно, вы правы. Скажите, капрал Таггарт, что заставило вас, облеченного ответственностью командира, вещать на весь мир из нашей радиорубки?
— Да как сказать… — Флай покраснел словно рак. — Я думал, что должен это сделать.
— А с чего это вы так удивляетесь? — возмутилась девушка. — Почему мы не должны были связываться с нашим командиром? Мы только что вернулись с задания. Чего еще вы могли от нас ожидать?
На миг я испугался, что с Президентом случится удар. Все присутствующие в раздражении повернулись к Флаю: неужели он не может держать в рамках женщину? Свою подчиненную?
Таггарт был не дурак и быстро нашелся.
— Арлин устала и расстроена — вы знаете, как это бывает с особами дамского пола.
Теперь пришел черед Арлин залиться краской. Она в ярости хватала ртом воздух, словно хотела сказать что-то убийственное, но не могла найти слов. В конце концов она сжала губы, мудро решив промолчать.

«Покорное слово гнев укрощает», — гласит пословица, и еще: «Когда дурак умен бывает? Когда молчит».
Президент.
— Мисс Сандерс…
— Рядовой Сандерс, если вам угодно, — сказала девушка дрожащим голосом, выдавая бушующие чувства.
Ее рыжие волосы полыхали, как горящий дом, составляя яркий контраст с зелеными глазами.
— Могу ответить на ваше «почему», рядовой Сандерс. Потому что вооруженные силы бывших Соединенных Штатов, сверху донизу, примкнули к армии демонов. Наше правительство капитулировало… сдалось, если говорить прямо, две недели назад.
— Не может быть! Все, кто угодно, но не морская пехота.
— И пехота в том числе, — мягко возразил Президент.
Резкий переход от громогласности и гнева к тишине и спокойствию добавил ему значительности, приличествующей званию. Должен признать, что все-таки этот человек отмечен Божественной благодатью, сам Господь говорит его устами, когда считает нужным.
— Вы понимаете, что вы натворили? — спросил епископ. То, что вы вышли в эфир, само по себе взято на заметку. Но прямо так выложить силам тьмы, где мы находимся! Это превосходит всякое понимание!
— Не спорю, возможно, мы допустили ошибку. Но ведь враги наверняка и так знают, что здесь очаг сопротивления.
«Не рой себе еще глубже могилу, Флай», — приговаривал про себя я. Однако на лице моем не дрогнул ни один мускул: нет нужды привлекать внимание судей к попытке обвиняемого увильнуть от ответственности.
— Но капрал, — тишайшим, не предвещавшим ничего хорошего голосом произнес Президент, — они не знали, что вы здесь. Если вы по-прежнему продолжаете утверждать, что вы и ваша… напарница расправились с дивизией, пытавшейся захватить Деймос, то не думаете ли вы, что навлекли на себя особый гнев, гнев, направленный теперь на нас? Возможно, они считают вас противником номер один? Это не приходило вам в голову?
Флай молчал. И правильно делал. Молчала и Арлин.
Я пригляделся к ней. Она вовсе не уродка, хотя чего ожидать от женщины-пехотинца? За три года действительной службы мне еще ни одна стоящая не попалась. А эта — крепкая девушка, но никак не гладиатор.
И женские прелести — грудь и бедра — весьма привлекательные. Из нее получится хорошая, здоровая жена, способная выносить многих детей и бороться с тяготами осадной жизни. Я почти видел Арлин в дверях дома с ребенком на руках и еще обнаженной на кровати — в ожидании меня…
Ух! Меня как молотком долбануло по голове. О чем ты думаешь, безбожный грешник! И где — в присутствии представителя самого Иисуса Христа!
Я стал быстро-быстро повторять про себя строки из Библии и Книги Мормона и так увлекся, что полностью отключился и от процесса, и от мисс Сандерс.
Когда я очухался, Флай с Арлин уже с просветленными, смиренными лицами горько раскаивались в содеянном, вновь нащупывая пути к Господу. Гордыня и высокомерие были наказаны — во всяком случае, на данный момент. Президент тяжело вздохнул.
— Идите и не совершайте больше глупостей, — напутствовал он их. — И готовьтесь к нападению, ибо оно непременно последует через час или два.
Он кивнул епископу, который как Генерал воинства Божия нес главную ответственность за подготовку обороны. Про себя я все знал: мы с Джерри распределены на позиции у дамбы к западу от города вместе с двумя тысячами других богатырей.
Внезапно у меня возникла идея.
— Господин Президент, — позвал я, и Президент обернулся, задержавшись в дверях. — Сэр, хочу предложить направить Таггарта и Сандерс в мой отряд.
Он хмуро уставился на меня, и мне стало не по себе.
— Какие для этого основания? Мы дали им шанс, но они прошляпили его.
— Вот именно поэтому, сэр. Позвольте им искупить вину. Они поставили под угрозу жизни праведных

людей, так разрешите им по крайней мере встать бок о бок с этими людьми и точно так же рисковать собственными жизнями. Пусть они обретут покой.
Посмотрев на Флая и мисс Сандерс, я с облегчением увидел на их лицах благодарность. Я не ошибся насчет них: они сглупили, да, но у них была совесть, и они, наверное, чувствовали себя, как дети, заигравшиеся в жестокую игру и случайно убившие любимую собачку.
Президент отличался суровым нравом, но был справедлив — иначе Господь не позволил бы ему стать Президентом Совета двенадцати: у Отца нашего есть способы сообщать о Своем волеизъявлении.
— Боюсь, вы слишком снисходительны, Альберт, — покачал головой Президент, — однако вы знаете их лучше, чем кто-либо еще. Я согласен при условии, что позволит командир.
— Он позволит, — злорадно улыбаясь, заверил епископ.
Меньше чем через полчаса мы уже находились на оборонительных позициях. Я проследил за тем, чтобы Флаю и мисс Сандерс выдали оружие — пусть знают, что мы все еще верим им. Это входило в воспитательную работу.
Пророчество Президента сбылось, хотя и с некоторой задержкой: нашим врагам понадобилось все-таки два часа, а не час, чтобы собраться и атаковать.
Вглядываясь в даль, я поначалу увидел только столбы пыли на изломанной линии горизонта. Несколько минут мы наблюдали за происходящим, не слыша ни звука, — пустыня Юты хорошо просматривается, здесь десять миль можно принять за одну. Пыль поднималась от колонны БМП «Брэдли» той же модели, что были у нас в лагерях, где я готовился на наводчика, пока не поступил в снайперскую школу. Благодарение Господу, им не хватило времени обзавестись танками М-2!
Когда ревущая колонна приблизилась, ее поджидал сюрприз — в двух километрах от нас открыла огонь противотанковая батарея. Прозрачный воздух пустыни — самое то, что нужно для артиллеристов: первые же снаряды попали прямо в головные машины. Лазерный прицел, впрочем, тоже полезная вещь.
Как только враги поняли, что мы не какие-нибудь наделавшие в штаны новички, они разделились и пошли в обход. Я рискнул и, забравшись на дамбу, навел бинокль. В авангарде шла танковая колонна, а сразу за ней, как обычно, ударные части ФБР. Отдавая по радио команды, я поймал взглядом золотой флаг Департамента налогов и сборов и понял, что нам не миновать огнеметов и химическо-бактериологических отравляющих снарядов. Ублюдки. В задачу регулярной армии, видно, входило ликвидировать прорывы и поставлять львиную долю рядовых — пушечное мясо, как мы их называли.
Эти гады притащили с собой целое подразделение домовых. Слава Богу, хоть молохов нет. Наверное, не оказалось ни одного поблизости. Но я готов поспорить на последнюю пулю, что к концу недели на нас обрушатся орды молохов и шедимов.
Однако нечистой силы и зомби было не так уж много, большинство солдат — и какое большинство! — составляли самые обычные люди, которые перешли на сторону демонов. Мне хотелось оградить Флая от жуткого знания — что род человеческий с такой готовностью отдает себя в подчинение демонам с другой планеты — но, может, лучше, чтоб он сразу узнал.
Думаю, он уже понял, как ошибался… но какое страшное прозрение!
Войска сошлись через четверть часа на севере от Солт-Лейк-Сити. Несколько минут — и на позициях закипел бой.
Флай и Арлин оказались неподражаемы, вот уж кто не трусил! Особенно мне нравилось наблюдать за Арлин. Я так увлекся, что больше не отдавал себе отчета, праведен или греховен такой интерес. Она выскакивала к самой линии огня, пытаясь засечь минометы. Душа уходила в пятки — а что если они засекут ее? В мгновение ока прекрасное тело будет разорвано в клочья.
Бомбы и снаряды рвались со всех сторон, но наши позиции надежно защищены. Я не переставал радоваться, что запасся ушными затычками; Флай отказался от них, но Арлин взяла парочку.
Мы отбили атаку — демоны явно не ожидали столь яростного сопротивления. Видно, они не сталкивались ни с чем подобным. Как отважные евреи из Варшавского гетто, которые поднялись против нацистских палачей, мы шаг за шагом теснили ублюдков, пока они наконец не отступили, взяв наши войска в кольцо километра за три от позиций — вне пределов попадания, как они думали.
Следующие два часа прошли тихо. Арлин и Флай воспользовались случаем И пробрались ко мне.
Вид у них был потрясенный. Я хотел обнять капрала Таггарта за плечи, чтобы подбодрить, но не знал, как он отнесется к этому моему жесту. Он шел ко мне, переступая через тела погибших. Конечно же, он

понял, что наделал, и, наверное, казнил себя. Так и носить ему этот грех до могилы, если не найдется какой-нибудь священник, который облегчит его душу.
Отчего-то мне казалось, что он католик. В былые времена я бы никогда не простил такого надругательства над учением Христа, но теперь даже просто называться христианином — уже мужественный шаг. Надеюсь, он найдет священника и покается, иначе не будет ему покоя.
— Мы добились временной передышки, — убитым голосом сказал Флай.
— Врезали им по первое число! — заспорила Арлин.
— Вы оба правы, — примиряюще заметил я.
— Но сколько мы сможем продержаться? — спросил Флай. — Несколько дней? Неделю? Две? В скором времени они получат подкрепление и разобьют нас.
Он не добавил «а все из-за меня», но наверняка подумал.
— В скором времени да, — согласился я, — лет через пять, через шесть.
— Через пять, через шесть? Что, черт возьми, ты имеешь в виду?
Я усмехнулся.
— Мы готовились к этой войне многие годы, мой друг… только никогда не предполагали, что станем воевать с самыми настоящими демонами.
— Господи… а с кем же вы собирались воевать?
Его богохульство разозлило меня, но я решил не заострять на этом внимания. Возможно, парень не осознает до конца, что говорит.
— Всегда и повсюду мы боремся с силами Мамоны. Мы надеялись предотвратить кризис, засылая своих эмиссаров в мир, пытаясь повести его по праведному пути, предначертанному Конституцией 1787 года, которую предписал нам сам Господь. Наши люди были везде — в армии, в ФБР, во властных структурах. С каждым годом нас становилось все больше в Департаменте налогов и сборов и даже в НАСА. Но все наши усилия привели лишь к тому, что мы заранее узнали о готовящемся наступлении и сумели заслать в стан врага некоторое число шпионов и саботажников.
Флай в изумлении покачал головой, но ничего не сказал.
— Теперь мы последний форпост благочестия на территории Соединенных Штатов. На планете осталось только одно место, куда стекаются чистые душой люди, готовые бороться до конца. Там центр Сопротивления.
— И где же он?
— Даже если бы я знал, приятель, — усмехнувшись, ответил я, — то не сказал бы. На сегодня твои шансы как хранителя секретов не очень высоки.
Флай горько усмехнулся.
— Я бы тоже ничего не сказал, навороти ты таких дел, как мы. Вернее, я.
— Нет, мы, — поправила его Арлин. — Ты забыл, что я стояла рядом и помогала передавать Карапетяну донесение.
Флай пожал плечами, но не стал спорить.
— У вас есть планы присоединиться к Сопротивлению?
— Если и есть, то мы еще не начали их осуществлять. Мы можем посылать своим соратникам по борьбе короткие сообщения — совсем короткие, чтобы враги не успели сделать тригонометрическую съемку или дешифровать их. Но не можем посылать людей.
— Почему?
— Существует энергетический барьер, который не дает нам покинуть континент… а иногда даже города. В ЛосАнджелесе, например, есть такой: ты не можешь податься за его пределы, пока демоны не уничтожат стену — что они, естественно, делают только для своих надобностей.
— А если обойти барьер?
— Пробовали. Никак не удается найти, где он кончается. Такое впечатление, что он повсюду. Единственное, что остается, отыскать источник или центр, откуда он управляется, и вырубить его. По крайней мере на такой срок, чтобы наши люди успели выйти и присоединиться к Сопротивлению. Иначе рано или поздно мы проиграем. У нас есть запасы еды и медикаментов на годы, но не на десятилетия. И потом, демоны в конце концов соберут такое войско, против которого мы окажемся бессильны. В лучшем случае продержимся в осаде месяца четыре, а потом сдадим город, если они

бросят против нас всю свою мощь.
— Ну и перспектива! — с негодованием воскликнула Арлин. — А как насчет ракет? Что если они забросают нас ядерными бомбами?
— Наши люди участвовали во всех оборонных стратегических программах, — напомнил я подмигнув. — У нас такая система противовоздушной защиты, что о бомбах можно не беспокоиться. Страшнее танки и сами твари. Защитные сооружения не рассчитаны на молохов.
— Молохов?
— Кажется, вы зовете их паровыми демонами.
Вдруг задребезжал радиотелефон. Радист вышел на связь, какое-то время слушал, потом выдал порцию «есть, сэр» и повернулся ко мне.
— Президент хочет видеть твоих подопечных, Альберт.
— Сейчас?
— Сегодня вечером. Капитан говорит, для них есть задание… чтобы они могли загладить свою бездумную выходку… не обижайтесь, ребята, я только цитирую.
— Никто и не обижается, — буркнула оскорбленная до глубины души Арлин.
Мои глаза опять задержались на изгибах и округлостях ее тела, и я вынужден был сделать над собой усилие, чтобы перевести взгляд на другие тела, усеявшие поле боя. На позициях уже суетились санитары, собирая раненых для отправки в госпиталь.
— Время указали? — спросил я.
— Восемнадцать ноль-ноль, — ответил радист. Я не знал его имени, хотя он знал мое, и из-за этого чувствовал себя неловко.
— Слышали, ребята, — я кивнул, — начинайте мыть шеи. У нас три часа до встречи с Президентом. И знаете что?
Они выжидательно посмотрели на меня. — Постарайтесь хоть в этот раз не свалять дурака.
Арлин щелкнула меня по лбу, но Флай наклонился и стал старательно счищать с ботинок руками грязь.
11
Арлин, Альберт и я сидели в нашей комнатушке, болтая, словно старые друзья.
— А ты прав, Альберт, — сказал я. — Нам следовало спросить вас, прежде чем отправлять донесение Карапетяну.
— Да сама необходимость вынюхивать и сочинять идиотские басни уже должна была вас насторожить, — со слабой улыбкой ответил он.
Я поймал взгляд Арлин, впервые после смерти старика Додда посмотревшей на кого-то с интересом. Неужели она?..
А-а, дурацкая мысль. С ее-то отношением к религии вообще и к мормонам в частности. После всего, что случилось с ее братом.
— Альберт, ты можешь объяснить, что здесь произошло? Я имею в виду на Земле, — твердым, уверенным тоном спросила она.
— Безусловно, — сказал Альберт.
Городские районы Земли пали, не выдержав натиска даже половинной армии пришельцев. Альберт подозревал, что многие высокопоставленные правительственные чиновники Соединенных Штатов и их собратья в правительствах других стран, федеральных и государственных органах и даже сама армия — морская пехота США! — предательски сотрудничали с врагом.
Мне нечего было возразить, особенно после того, как я видел в рядах наступавших живых людей! Заберись я на крышу, я бы и сейчас мог их видеть. Но что-то не хотелось. Монстры поклялись не проливать крови и пообещали каждой стране-коллаборационисту, что именно ее правительство станет командовать объединенными силами. Давно опробованный способ, подтверждением которому служат многочисленные факты человеческой истории: он сработал у Гитлера, сработал у Сталина, теперь сработал у горстки бандюг из другой галактики.
Естественно, пришельцы плевать хотели на свои обещания и уничтожили сотни миллионов, сровняв до основания Вашингтон, почти разрушив Нью-Йорк, Париж, Москву и Пекин. Мормоны поняли, что захватчики не шутят, когда за два часа были превращены в пыль все фондовые биржи.
— Сейчас они контролируют все большие города, — продолжал Альберт.

— Ага, значит, чувства, что мы испытываем, кое-кому знакомы, — вставила Арлин.
Наш новый друг бурно расхохотался. Он начинал находить вкус в мрачном юморе Арлин.
— А что из себя представляет движение Сопротивления? — спросила она, подчеркивая каждое слово.
Я готов был осадить ее за любопытство. Даже если я всего только «старший брат», разве это ничего не стоит?
— Откуда мне знать! — подняв руки, заявил Альберт. — Нам известно только, что оно существует, что там много разных специалистов, технарей. Они работают не покладая рук… но до сих пор им так и не удалось ничего сделать с энергетической стеной. Единственный способ проникнуть через нее — организовать штурм или… просочиться.
— Может, именно это нам и хочет предложить Президент, — задумчиво произнес я, прекрасно, впрочем, понимая, что Альберт осведомлен не больше моего.
К нам снова присоединился Джерри, теперь он тоже был в темном костюме, правда, по-прежнему основательно вооружен автоматической винтовкой «Браунинг». Его вид напомнил мне о «клановой» войне мафии.
— Ну а как насчет провинции? — спросил я.
— Сопротивляются на местах кто как может, — ответил Альберт. — По крайней мере мы не одни. Хотя бы на какое-то время.
— Пришельцы, кажется, больше заинтересованы в том, чтобы брать из деревень рабов, чем завоевывать территорию, — поделился своими соображениями Джерри.
— Нам это только на руку, — добавил Альберт. — Чем медленнее они наступают, тем больше у нас шансов отбиться.
— А что это за «особая мудрость», которой Президент обещал поделиться с нами перед атакой? — поинтересовался я. — Намекнули хотя бы.
Альберт и Джерри переглянулись, как старые товарищи по оружию.
— Об этом можете не беспокоиться, — сказал Альберт. — Его больше волнует то, что вы видите, чем то, что вы знаете.
Альберт настоял, чтобы мы с Арлин отдохнули и вымылись. Правда, нам могли предложить только холодный душ, но мы и этому обрадовались.
Затем Альберт повел нас на небольшую экскурсию, галопом по Европам, что называется.
Сначала мы спустились в сооруженные под молельней катакомбы. Путешествие началось с лифта. Кругом сиял новенький металл, работали кондиционеры. Двери бесшумно расползались в стороны, открывая глазам нечто из последних фильмов о Джеймсе Бонде. Но отчего-то все это роскошество не поражало воображения. Мы шли по нескончаемому туннелю, от которого на десятки миль расходились секретные хранилища. Нам не показывали, что скрывается за закрытыми дверьми, но Альберт сообщил, что у горожан в запасе миллионы патронов, боевые снаряды, тяжелая военная техника, целая фабрика и даже больше того. В общем, сервайвелистский рай.
— Интересно, что представляет из себя тяжелая техника? — шепнула мне на ухо Арлин.
— Танки и вездеходы «Хамви», — также шепотом ответил я. — Об остальном узнаешь впоследствии, когда начнут нам доверять.
— Боюсь, доверять нам начнут, когда мы героически умрем, — съязвила подруга.
— Что ж, их трудно за это винить.
Я готов был со стыда сгореть за ту жалость, которую испытывал к себе, но совершенная мною глупость никак не шла у меня из головы.
Мы завернули за угол и оказались у другого лифта, который опускался еще на пять этажей — вниз.
— О, Господи Иисусе! — воскликнула Арлин и тут же спохватилась: — Прости, Альберт.
Наш гид лишь тряхнул головой. Подумать только, даже он был готов простить А.С. женскую беспечность. Но она, всегда чувствовавшая, покровительственное отношение, сочла бы ниже своего достоинства дерзить человеку, который так старался играть с ней на равных.
— Зачем вам все это? — спросила она.
— Чтобы уравнять наши возможности с ресурсами Департамента налогов и сборов, — не задумываясь ответил Альберт.
— Кто б мог подумать, что у них есть что-то, кроме бухгалтеров! — изумилась Арлин.

— Я вам кое-что открою, — сказал Альберт, — поскольку теперь это уже неважно. Все, что вы видели сегодня, это лишь наземные войска. А знаете ли вы, что Департамент налогов и сборов имеет специальное подразделение «Дельта», оперативный отдел по сбору налогов?
Мы замотали головами, но я опять не удивился, спросил только:
— На случай еще одного «водочного бунта»?
— Интересная мысль, — отметил Альберт и продолжил: — У них есть пехотная дивизия, два бронетанковых полка, быстроходная подводная лодка, крыло тяжелых бомбардировщиков и, насколько я знаю, боевой отряд авианосцев.
Ваш покорный слуга присвистнул. Если мормоны обо всем этом знали, почему не попытались уничтожить? Естественный вопрос, который просился на язык, но я не собирался его задавать. Настолько мы с Арлин уже были ученые — к счастью.
— А откуда у них на это деньги? — поинтересовался я.
— Разве ДНС может тратить финансы на что угодно? — по-детски наивно спросила Арлин.
— Нет, даже им пришлось заметать следы, — ответил Альберт. — Джерри считает, что они списали военные расходы за счет фиктивного бюджетного дефицита. К несчастью, спецназ был захвачен демонами.
— Пришельцами, — машинально поправила Арлин.
— Все одно.
Момент показался подходящим для уточнения терминологии.
— Чтобы не было путаницы, дружище, мы дали этим тварям разные имена. Демонами называются розовые громилы.
— Но как же пришельцам удалось заграбастать принадлежащую департаменту технику? — полюбопытствовала Арлин.
— Хм, потому что первым предал Землю именно он. Вот уж поистине этому дню суждено было стать днем сюрпризов!
— На этом лифте мы тоже поедем? — спросил я.
— Попозже, — последовал ответ. — И уж не обессудьте, не в моей власти показать вам, что прячется за дверьми.
— Все в порядке, Альберт, не волнуйся, — успокоила парня Арлин. Я видел, что она действительно тронута, что было редкостью. — Почему ты не расскажешь нам о своем военном прошлом?
— Это следующий пункт повестки дня, а сейчас Президент проинструктирует вас насчет задания.
Мы поднялись наверх и предстали перед боссом. Я поклялся себе быть паинькой и не рявкать «Здорово, приятель!», как бы мне ни хотелось.
Президента окружали три телохранителя. У них был совсем не такой дружелюбный вид, как у Альберта или Джерри. Президент провел нас на запасной командный пункт (думаю, что главный командный пункт располагался на нижнем этаже комплекса), где мы узнали, что ближайшая ставка пришельцев находится в ЛосАнджелесе. Свои ультрасовременные компьютерные службы и технологический центр монстры разместили прямо рядом с надписью «Голливуд». Мне не хотелось спрашивать, кто продал человечество там, потому что боялся услышать ответ.
Президент, не теряя времени, перешел к делу.
— У двух отлично подготовленных морских пехотинцев, которые расправились с врагом в космосе, а затем, преодолев орбитальную скорость, спустились на Землю, больше шансов справиться с таким заданием, чем у наших людей. Я утверждаю это, исходя из предположения, что нас не ввели в заблуждение своего рода… гм, гиперболой. Мужчина и женщина вдвоем только теоретически могут противостоять сотням врагов.
Арлин держалась молодцом, но меня вдруг осенило, что я не давал обещаний держать рот под замком. Это вам не религиозный вопрос. Речь шла о недоверии к нашим словам — и это после всего, что нам пришлось пережить!
Я напомнил себе, что мы зависим от этого человека, напомнил, что мы успели наломать дров… однако глупость не имеет ничего общего с бесчестьем!
— Если бы вы двое смогли проникнуть в ЛосАнджелес, — продолжал Президент, — войти в их компьютерную систему, выяснить полные спецификации основных технологий и доставить сведения в

Центр военной техники Соединенных Штатов, это оказало бы нам при обороне неизмеримую помощь.
— Что еще за Центр такой?
— Центр военной техники образован несколько недель назад, в секретном месте — к западу отсюда. Вам скажут, где он точно расположен, когда возникнет необходимость, то есть когда вы раздобудете дискеты с информацией.
Я на секунду задумался. Вряд ли Центр где-нибудь в Японии или Китае — Пекин и Токио разрушены. Наверное, он на Гавайях.
Я не смог отказать себе в удовольствии блеснуть — Президент прямо-таки провоцировал на ответные шаги.
— Уверен, что это либо военно-воздушная база морской пехоты в заливе Канеохе, либо база морской авиации на мысе Барбас, обе на Оаху, — заявил я. — Ну что, мне полагается приз?
— Люблю Гавайи! — воскликнула Арлин. — Чудная погода, никакой влажности!
— Но цены! — ужаснулся я.
Это была маленькая демонстрация протеста против людской напыщенности и скептицизма, но она придала нам сил.
— Прошу внимания, — сказал Президент, пунцовея лицом. — Как я уже говорил, если вам удастся проникнуть во вражескую цитадель и раздобыть спецификации, то ученые в Центре смогут использовать их к нашей выгоде. На нас работают перебежчики из Американской ракетной академии, НАСА, специалисты компании «Локхид» и хакеры из самых разных мест. — Судя по этой речи, Президенту Совета двенадцати пришлось в своей жизни зубрить не только теологию… — Альберт рассказал вам о силовом поле?
— Он говорил об энергетическом барьере.
— Вы должны найти способ уничтожить его, иначе вам никуда не попасть. Когда пройдете пятнадцать миль в направлении от берега, получите шифрованную депешу. Мы сообщим вам координаты технического центра.
— Если мы провернем это дело, — начала Арлин серьезным, «ученым» голосом, — и компьютерные спецы поймут, в чем секрет технологий, мы сможем предпринять защитные меры против пришельцев.
— Первым делом нужно выбраться из Лос-Анджелеса, — сказал Президент.
— В таком случае вы правильно сделали, что поставили на нас, — заверил его я. — Что нам Л.А. после Фобоса и Деймоса!
Я счел, что последнее слово осталось за мной.
— Да, именно из этого я и исходил, — вяло, но по-прежнему холодно согласился Президент. — Что здешнее задание покажется вам почти легким после событий на Деймосе. — И он надолго замолчал, чем опять привел нас в раздражение. — И все-таки это операция не для двоих. — Понимай: к нам приставят соглядатаев. Пожалуйста, я не против. — Придется проникать в тыл противника, так что речь не идет о штурмовом отряде.
— Тайная миссия, — поддакнула Арлин.
— Нам бы еще двоих, и будет достаточно, — подсказал я. Первая кандидатура Президента была выше всех похвал. Вызвался идти Альберт.
— В качестве извинения за то, что конвоировал вас, — объяснил он, протягивая мне свою лапищу и подмигивая. Я робко пожал ее. Парню не в чем извиняться.
— Не будь ты таким молодцом, я бы не взял тебя на задание.
— Наверное, сейчас самый подходящий момент ознакомить вас с послужным списком Альберта, — заметил Президент. — Он служил рядовым 1-го класса морской пехоты, чему, я думаю, вы только порадуетесь. С почетом уволен в запас. Имеет медаль за отличные успехи в овладении боевой специальностью.
— Какой именно? — спросил я, глядя Альберту прямо в глаза.
— Снайпер, капрал, — ответил он. — Бронзовая звезда, Колумбийская компания. Война с наркомафией.
— Снайперская школа?
— Конечно.
— Боже правый! — воскликнула Арлин.
С Альбертом нам повезло. Чего нельзя сказать о второй кандидатуре, которую ввел в комнату Нейт. На

вид четырнадцатилетняя девчонка — этакое создание в майке, джинсах и грязных кроссовках.
— Флай, — уставясь на нее, зашептала Арлин, — мое обещание ведь не касается подбора кадров?
— Говори, — позволил я.
А.С. недоверчиво замотала головой.
— Вот уж никогда бы не подумала, что эта свора сексистов способна отмочить такое…
— О, не обижайтесь, пожалуйста, — забормотал я в сторону Президента, чувствуя себя последним идиотом.
Физиономия моя багрово покраснела, словно я хлебнул никотиновой кислоты.
Президент, однако, предпочел проигнорировать возгласы из зала.
— Я посылаю ее против своей воли, — заявил он. — К сожалению, лучшего специалиста у нас нет.
Арлин продолжала сверлить взглядом рыжую пигалицу, не знавшую, куда девать глаза.
— Никогда не думала, что буду вынуждена говорить такое, — начала Арлин, — но все когда-нибудь приходится делать в первый раз. Золотко…
— Меня зовут Джилл, — с вызовом объявила девица.
— Хорошо, Джилл. Слушай внимательно. Пожалуйста, не обижайся, но это задание не для девочки.
— Я должна идти, — возразила та. — Так что придется смириться.
— Я готова смириться, но не готова умереть, золотко.
— Что за фокусы? — потребовал я объяснений от Президента.
— Я же сказал, она у нас лучший, та, хакер из всех, кого мы имеем. Хорошо, объясню подробнее. — Он повернулся к девочке: — Не возражаешь? — Та пожала плечами, и он продолжил: — Прошу прощения за ее угрюмый вид.
Не знаю, как Арлин, но я не заметил никакого угрюмого вида. Президент почему-то избегал смотреть на девочку.
— Еще до того, как семья Джилл переехала сюда и приняла истинную веру, малышку дважды арестовывали за то, что она взламывала компьютерные системы. Она провела шесть месяцев в исправительном заведении для несовершеннолетних, а потом ее родители, став членами нашей церкви, приехали в Солт-Лейк-Сити.
Произнося речь, Президент продолжал искоса поглядывать на свою протеже. Вернее, на ее макушку. Девчонка стояла с безразличным видом, однако ловила каждое слово.
— Джилл стыдилась ареста и осуждения, — медленно повествовал Президент, словно пытаясь вдолбить в отроковицу свои мысли. — Ее держали в одной комнате с проституткой и торговкой наркотиками…
— А она не хотела быть проституткой и торговкой наркотиками, — называя себя в третьем лице, сказала Джилл. Президент сделал вид, что не слышал реплики.
— Она до сих пор продолжает увлекаться компьютерами, а теперь хочет поработать на службу безопасности. — Он вздохнул и добавил: — Пришельцы убили ее родителей, а саму ее — нет, но только потому, что она была вся в крови и они решили, что она мертва. Она, конечно, испугалась пришельцев…
— Я их ненавижу, — выкрикнула Джилл. — Хочу, чтобы они все сдохли.
— Умница, — одобрила Арлин, наполовину побежденная.
Глава мормонов приблизился к девочке, но с явной осторожностью, стараясь не коснуться ее. Наконец он посмотрел ей прямо в глаза.
— Тебе ведь не нравились твои прежние дружки-хакеры, правда? — спросил он.
— Я их ненавижу.
— Почему?
Было видно, что Джилл неловко говорить, но она не в силах молчать.
— Потому что им наплевать на остальных людей. Им ничего не стоит залезть в больничный компьютер и испортить истории болезни, случайно или так, ради шутки.
— Ничего себе шуточки, — вставила Арлин.
— Они огорчались, только если ничего не получалось, — на той же ноте продолжала девочка. — Идиоты.
— Помоги тебе Господь, малышка, — сказал Президент. — А ты знаешь, каковы из себя пришельцы?

Она, конечно, знала.
— В миллион раз хуже. Я хочу их всех убить.
Матерь Божия, настоящий маленький попугай! Интересно, Президент сам написал ей роль? Или она мастер угадывать чужие желания и точно знает, что нужно, чтобы заполучить желанную работу?
— Не думаешь ли ты, что убивать — дело Альберта и того другого мужчины? — спросил Президент.
— Ну все! — прошипела Арлин, ощетинившись как еж.
— Мне очень жаль, но девочку придется взять, у нас нет другого выхода, — настойчиво повторил Президент.
— Да я не о том!
Арлин вопросительно глянула в мою сторону. Я вздохнул, однако не стал затыкать ей рот. По правде сказать, Президент меня тоже достал.
— Господин Президент, — с расстановкой произнесла А.С., словно разговаривая с младенцем, — тут только я понял, что мы до сих пор не знаем его имени, — я уважаю ваши верования, хотя и не разделяю их. Но сейчас ситуация такова, что каждый крепкий человек должен сделать все, что в его силах. Я видела на улице вооруженных женщин.
— Да, — согласно кивнул Президент. — Взрослых женщин. Арлин повернулась к Джилл.
— Прости, что сомневалась в тебе. Думаю, ты справишься.
И она вновь обратила взгляд на Президента, который печально покачал головой.
Я улыбнулся, неожиданно поняв, что нас обдурили, как малых детей: Президент разыграл спектакль только для того, чтобы заставить нас взять девчонку в свою команду! И как разыграл — мастерски! Я ни словом не обмолвился Арлин: пусть тешится иллюзиями.
— Если вы справитесь с заданием, то с лихвой искупите вину, — завершил наставления Президент.
— А если не справимся?
— Превратитесь в мертвецов. Или вас переделают. В любом случае вам уже не придется вспоминать о своей ошибке.
Эк хватил! Мерси за щедрость.
— Какое у тебя оружие? — спросила Арлин Джилл.
Та взяла со стола плоскую коробочку, в которой я признал компактный «Макинтош»-ультрамикро с радиотелеметрическим входом. Отличная вещь. Интересно, ее собственная или Президент где-то стянул для нее?
— Потренируйте малышку в стрельбе, — бросил Президент и, повернувшись на каблуках, вышел.
— Я умею стрелять, — похвасталась Джилл. Арлин тронула ее за плечо. Девочка не отпрянула. Арлин не стала читать ей наставлений, а лишь вскользь поинтересовалась:
— Как ты думаешь, я могу быть тебе в чемнибудь полезной? Джилл впервые улыбнулась.
— Как насчет пиццы? — спросила она, немного подумав, твердым голосом.
Стоило ей произнести эти слова, как мой рот наполнился слюной.

12

Я решил положиться на чутье Арлин и смириться с присутствием девчонки. Как-никак глава мормонов поручился за ее профессиональную пригодность. Если уж ему приспичило, чтобы она пошла с нами на задание — при том, как он относится к женской половине рода человеческого, — что ж, я не против.
— Приветствуем тебя на борту нашего лайнера! — Я улыбнулся и, подойдя к Джилл, протянул ей руку.
Я не очень надеялся на ответ, но малявка, как ни странно, ответила на рукопожатие и тоже улыбнулась. Сообразительная, Знает, что победа осталась за ней.
— Спасибо.
Джилл оглядела поочередно всех членов группы, чуть дольше задержав взгляд на мне — и, как показалось, осталась не очень удовлетворена результатом.
— Я не подведу, — обнадежила она нас.
— Откуда знаешь? — спросил Альберт, впрочем, без всякой воинственности.
— Не знаю, конечно, — нисколько не растерявшись, ответила девочка. — Просто тут все так говорят. Но я не хочу быть виновной в чьей-то смерти.
Арлин наклонилась и погладила Джилл по голове. Та не возражала, но вид у нее сделался удивленный. Ласка была ей незнакома. Я понадеялся в душе, что она проживет еще долго и узнает много ласки. Но я

не обманывал себя: как только мы попадем в ЛосАнджелес, придется забыть обо всем, кроме задания, по сравнению с которым наши жизни — ничто. Так было с того самого мгновения на Фобосе, когда первый монстр шагнул в Ворота.
— Пойдем немного потренируемся, — предложила Арлин, беря Джилл за руку.
— Боюсь, на это не хватит времени, — вступил в разговор оставшийся с нами после ухода Президента Джерри.
— Мы найдем время, — ровным голосом ответила Арлин. — Тренировка — это не развлечение.
Посмотрев на Джерри, я понял, что ему не хочется спорить с очевидным. Он пожал плечами и умолк.
— Как, по-твоему? — спросил я, обращаясь к Альберту. — У нас есть еще время?
— Полно, — ответил тот. — Я видел, как Джилл стреляет.
Она быстро справится.
— У меня будет свой автомат? — поинтересовалась девочка.
— Будет? — подняв на Альберта глаза, повторила Арлин.
— Автоматом, — радостно подтвердил Альберт и лукаво покосился в нашу сторону в надежде, что до нас дойдет игра слов.
Мы пошли в наземные хранилища. Увидев их содержимое, мне еще больше захотелось проникнуть за закрытые двери под землей. Во всяком случае обнаружить недостачу — выбранный Джилл АР-19 — будет нелегко. Странно было видеть четырнадцатилетнюю пигалицу, прижимающую к себе этого зверя так, словно она не расставалась с ним всю жизнь.
Джилл заметила выражение моего лица.
— Нам потребуется максимальная огневая мощь, — сказала она.
— Твоя правда. Давай посмотрим, как ты управляешься с оружием.
Хорошо еще, подумал я, что она не выбрала АК-47, там такая отдача, что можно задницу отбить. У АР-19 все-таки калибр поменьше.
Стрелять можно было в самых разных местах. Мы пошли в самодельный тир, где мишенями служили фигуры монстров из старых фильмов. Джилл выбрала одну — уже порядочно обстрелянную — дьявола с рогами и хвостом из допотопного английского ужастика. Он был здорово Похож на одного из наших знакомцев, князя ада. Один рог ему уже отстрелили, но второй, целехонький, воинственно красовался.
— Сейчас собью с дурацкой башки это украшение, — заявила Джилл.
В первый раз она промазала, взяв чуть правее и выше. Но ведь почти попала!
Арлин подошла к ней и что-то шепнула. Джилл заулыбалась и выстрелила еще раз. Рога как не бывало!
— Что ты ей сказала? — спросил я у Арлин.
Меня всегда восхищает к месту вставленное словцо.
— Так, женские тайны, — приподняв брови, отмахнулась подруга.
— Кто-то собирал все это добро, а мы попортили, — с сожалением заметил я, когда кончились патроны.
— Ерунда, — успокоил меня Альберт. — У нас сотни таких фигур. Президент часто бывает в церкви в Голливуде, у нас с ними налаженные связи.
— Ну как я? — спросила Джилл, возвращая нас к главной цели тренировки.
— Придется еще кое-чему подучиться, — ответила Арлин. — Но в основном ты готова. В основном.
День складывался удачно. Нам могли подсунуть кого-то похуже Джилл.
Хорошее настроение не покидало меня в тот вечер и за обедом, который давал Президент. Нам накрыли шикарный стол, и он хвастался, как надолго осажденным хватит продуктов.
После обеда Джилл ушла спать в общежитие для девочек-подростков. Альберт отправился погостить к какой-то пожилой даме, как нам сказали, его тетке, и мне наконец удалось заманить Арлин в президентский сад, чтобы побыть с ней наедине.
— Кажется, у Альберта есть дополнительное задание, — в задумчивости произнесла А.С., — обратить как можно больше людей в их веру.
— Ты говоришь таким тоном, будто страшнее преступления и быть не может, — рассмеялся я. — Мы, в свою очередь, тоже предложим присоединиться к нам всем мужчинам и женщинам, кто остался в живых.
— Если только они не обезумели. Наверняка в некоторых районах Лос-Анджелеса разобраться будет совсем непросто.

— Хорошо, что с нами пойдут Альберт и Джилл.
— Да, — оживилась Арлин. — Эта юная леди мне чертовски нравится. Ей повезло, что она сразится с демонами и бесами.
Арлин не переставала удивлять меня.
— Повезло? — переспросил я. — Что ты имеешь в виду?
— Она уже достигла половой зрелости, Флай. Они наверняка захотят выдать ее замуж за одного из этих… — Она не закончила.
Я понял, что разговор становится более опасным, чем бочка с зеленой отравой. Меня раздражало предубеждение Арлин против всего связанного с религией, особенно против мормонов — встретившиеся в Солт-Лейк-Сити люди, мормоны и немормоны, не сделали ровным счетом ничего, что могло бы вызвать такую неприязнь. Для отступления требовался тактический маневр, и я переменил тему.
— Кстати, что ты думаешь о Президенте?
— А ты? — отпарировала Арлин.
— Я уже говорил, что не считаю себя обязанным любить власть имущих, даже если понимаю, что нуждаюсь в их помощи. Этот человек не дурак, у него своя игра, и он знает, что делает.
Арлин пожала плечами, но не потому, что была со мной несогласна.
— Я всегда могу понять лидера, — сказала она. — Гораздо труднее понять последователей. Этот человек, кажется, в совершенстве овладел наукой власти. Никому и в голову не придет усомниться в том, что он получает приказы непосредственно от самого Господа Бога.
— Знаешь, в войне, которую нам предстоит вести, пусть лучше Бог будет на нашей стороне. То есть, я хочу сказать, мы на Его.
Арлин достала из кармана жвачку, закинула ее в рот и не замедлила с глубокой убежденностью заявить:
— Согласна. Любого бога или богини, кого и чего угодно, что может дать нам опору.
Я пропустил ее богохульство мимо ушей. Если честно, Арлин говорила так только для того, чтобы поддразнить меня.
— Откуда у тебя жвачка? — спросил я.
— От Джилл, — ответила она, не переставая жевать. — Хочешь?
— Нет уж, спасибо.
Жвачка не принадлежит к числу моих пороков. Но я поразился, как быстро пала морской пехотинец Арлин Сандерс.
Мы вернулись к себе в комнату, надеясь переночевать там. Однако у подъезда нас встретила незнакомая матрона.
— Здравствуйте, — поприветствовала она нас. — Меня зовут Мария. Я здесь для того, чтобы отвести даму в женское общежитие.
Мы с Арлин понимающе переглянулись. Думаю, нам обоим стоило немало сил, чтобы не расхохотаться. Я даже не помнил, когда спал без Арлин в последний раз. Мы старые друзья и товарищи по оружию, и давно прошли те времена, когда я испытывал в ее присутствии любовный трепет.
Но теперь мы вновь проходили по ведомству Адама и Евы. На самом деле имело значение только одно: доверяем ли мы ребятам из Солт-Лейк-Сити настолько, чтобы не беспокоиться за свои жизни, пока спим? То обстоятельство, что они продолжали опекать нас, говорило в их пользу.
— Какая у вас система охраны? — спросил я Марию.
— Достаточно надежная, чтобы держать вас подальше от курятника, — не поняв, ответила та со смешком.
Вот те раз! Разве я об этом? Ну да ладно, проехали.
— Увидимся утром. — Я попрощался с Арлин и впервые за долгое время остался один. Возможно, у Президента все еще были насчет меня сомнения, но мне дали относительную свободу.
Я не имел ни малейшего представления, где ночевать. Наверное, в той комнате, где мы отдыхали, находясь под стражей. Жаль, что не спросил женщину.
В коридорах попадались незнакомые люди, не обращавшие на меня никакого внимания, — судя по всему, они совсем не боялись. Чудно, но, кажется, страх им неведом. Я мог спросить у них насчет мужского общежития, но как-то не стремился вновь приобщиться к коллективным радостям

Христианского союза молодых людей, коли получил возможность их избежать. Если уж не с Арлин, то лучше посплю один.
И так вдруг захотелось побыть одному: без всех этих лезущих в физиономию гадов, спокойно спать и не бояться, что проснешься в смрадной могиле с зомби, который, как лучший друг, лежит, свернувшись клубочком, у тебя под боком, — наслаждаться покоем и тишиной в уверенности, что никакие клыкастые тебя не потревожат. Признаюсь, чем больше я об этом думал, тем более соблазнялся мечтой.
Я решил найти ту комнату. Плевое дело после плутаний по Деймосу. Дверь оказалась не заперта. Да и замка у нее не было. Как, кстати, повсюду в Солт-Лейк-Сити. Комната была пуста, восхитительно пуста, а большего и не требовалось.
Я вошел, закрыл дверь и щелкнул выключателем. И тут случилось чудо — зажегся свет! В этой комнате без окон не было нужды прибегать к затемнению. А значит, я мог заняться делом поважнее, чем сон.
Том лежал на том же месте, где я его оставил. Конечно, в другой ситуации я, может, и не схватился бы первым делом за Книгу Мормона — к тому же сестры вряд ли одобрили бы мой выбор. Но сейчас я был рад этому.
Я начал с самого начала, с удостоверения свидетелей и Иосифа Смита о том, как были найдены золотые листы, содержащие летопись. Это напомнило старую шутку об основании Унитарной церкви: пророк нашел золотые листы, на которых… не было ничего!
Читая, я вспомнил старый голливудский фильм об основателях Церкви Иисуса Христа Святых Последних Дней Иосифе Смите и Брайаме Янге. Голливуд… Скоро нам предстоит туда отправиться. Голливуд захвачен монстрами. Винсент Прайс играл в фильме о мормонах, а также в сотнях фильмов о монстрах. Я был уверен, что неспроста.
Закончив первую книгу, я перешел ко второй, третьей — и читал не отрываясь, пока не наткнулся на стих 59 в пятой главе Книги Алмы:
«Ибо какой пастух среди вас, имея много овец, не сторожит их, чтобы не подкрались волки и не истребили стада его? И вот, если волк войдет в стадо его, не изгонит ли он его. Да, и, наконец, если сможет, не убьет ли его?»
На этом месте я решил остановиться, потому что засомневался, что в священной книге мормонов найдется более приемлемое изречение.

13

— Хорошо спалось? — подмигнув мне, поинтересовалась на следующее утро Арлин.
— Неплохо, — признался я. — Наконец-то не снились монстры.
На безоблачном небе сияло солнце, и на какое-то мгновение я поверил, что последних ужасных недель вообще не было. Мимо пробежал пес, здоровая дворняга, которую явно кто-то кормил — никаких признаков голодания, зато налицо неумеренный расход продуктов.
— Знаешь, — продолжала с лукавой улыбкой Арлин, — мне тоже не снились монстры. Но кое-что снилось.
Дразниться было совсем не в ее духе, и я в очередной раз удивился.
— Может, для этого они и разделяют мальчиков и девочек — чтоб было о чем помечтать, — заметил я.
— От вас ничего не скроешь, — услышали мы голос Альберта, который направлялся к нам от столовой.
— Кроме того, что действительно важно, — не без задней мысли добавил я.
У меня не шли из головы недомолвки и закрытые двери, а также предстоящее задание.
— Где Джилл? — спросила Арлин.
— Уже завтракает, — ответил Альберт. — Мы сейчас присоединимся к ней. А потом получим инструкции.
Я уже тысячу лет не ел блинов, да еще с настоящим кленовым сиропом. Не очень-то я надеялся найти в Солт-Лейк-Сити и кофе, но его оказалось хоть залейся.
Затем мы перешли к делу. Президент ждал нас в уже знакомой приемной, облаченный в унылый черный костюм. Он вполне мог сойти за гробовщика — прямо скажем, не самый вдохновляющий образ для напутствия перед отправкой на серьезную операцию.
— Штат Калифорния захвачен врагом. — Президент подвел нас к карте, на которой красными линиями были обозначены железнодорожные пути. — Между Лос-Анджелесом и Солт-Лейк-Сити когда-то ходил скоростной поезд. Его уничтожили, чтобы не дать пришельцам возможности проникнуть к нам. Я

отказываюсь называть этих тварей солдатами. К тому же мы боялись, что поезд могут использовать для переправки атомной бомбы.
— Неужели они умеют управлять поездами? — удивилась Арлин.
— Ведь вы, кажется, сражались с пришельцами, если я не ошибаюсь? Они умеют управлять всем, чем умеем управлять мы. Машины есть машины. Я до сих пор в себя не могу прийти от негодования, когда подумаю, что они использовали наше собственное, данное нам Богом атомное оружие против нас. К счастью, этот район не заражен радиацией и отравляющими веществами. Господь не допустил.
Атомное оружие, а не ядерное — интересно он выражается.
— Мы идем туда, где радиация? — спросила Джилл, очевидно, не задумывавшаяся об этом до сих пор.
— Ваш путь пролегает через неразрушенные города и пригороды, к тому же ученые утверждают, что пришельцы дезактивировали территории, которые находятся у них под контролем.
Арлин, как всегда, вмешалась в разговор.
— Когда мы сражались с ними на Фобосе и Деймосе, они прекрасно себя чувствовали при довольно высоком уровне радиации, но это не значит, что они не боятся водородной бомбы.
На мгновение мне показалось, что еще секунда — и Президент свернет ей шею, но он держал себя в руках.
— У нас есть специальные таблетки и браслеты, которые начинают светится красным, когда человек перебирает дозу. Вдобавок, если потребуется, вы сможете воспользоваться защитной одеждой. И любым, какое только сможете унести, оружием, конечно.
— Как добраться до Лос-Анджелеса? — спросил я.
— На поезде, — ответил Альберт.
— Отлично. А до железной дороги? Наверное, все колеи разрушены.
— Не все, — сказал Президент. — Вы можете взять «Хамви» и ехать в южном направлении вдоль железнодорожного полотна, пока не достигнете места, где удобно пересесть на поезд.
Удобно пересесть на поезд… Такая чепуха, право, что не стоит ее даже всерьез обсуждать!
И еще один пустячок.
— Гм, вы думаете, пришельцы позволят нам разъезжать у них на глазах в «Хамви»?
Альберт фыркнул. Президент сверкнул в его сторону глазами.
— Конечно, нет. Вы отправитесь отсюда и проедете под вражескими позициями. «Хамви» спрятан в безопасном месте, Альберт знает где.
— Знаю?
— Там, где его оставили три недели назад, разбомбив железную дорогу.
— А-а.
Альберт кивнул, вспомнив место. Что ж, хоть один сумеет сориентироваться.
— У вас есть под вражескими позициями подземные туннели? — спросил я.
— Никогда не надо лениться строить, если тем обеспечивается спасение, — назидательно заметил Альберт. — У нас здесь под всеми домами туннели — и под этим тоже. Вход из подвала, спускаешься на тридцать-сорок футов и иди себе, пока не надоест, хоть многие мили.
— Но как же вам удалось тайное строительство?
— Было много времени, — усмехнулся Альберт. — И много своих людей в Управлении городского хозяйства.
— В Феникс вы должны въехать уже на поезде, — продолжал свои наставления Президент, беря указку и показывая место назначения.
— Почему именно в Феникс? — удивилась Арлин.
— От Феникса до Лос-Анджелеса поезд идет без остановок, и там не бывает контроля. Феникс в руках захватчиков. Если вам удастся до него прятаться и вас не обнаружат, то дальше доберетесь спокойно.
Президент широким жестом отложил указку.
Джилл рассмеялась. Слушая ее презрительный смех, могло показаться, что она гораздо старше: за ним угадывалась жизнь, полная разочарований.
Президент, на мое удивление, не стал настаивать.
— Знаю, — согласился он, — что это рискованный план, поэтому готов выслушать любые ваши предложения.

— Если бы они у нас были! — воскликнул Альберт. Я ожидал страстной речи от Джилл, но она промолчала.
— Этот план не кажется невыполнимым, — высказал я свое соображение. — А рисковать нам теперь придется на каждом шагу.
До сих пор не было сказано ни слова о том, кто будет руководить операцией. Я подозревал, что Президент захочет поставить во главе своего человека, и уже приготовился спорить. Но тут выступил Альберт.
— За старшего, конечно, капрал Таггарт, — с уверенностью произнес он, чем удивил и меня, и Президента, который начал было возражать, но быстренько прикусил язык.
Таким образом вопрос о командире решился.
Президент позволил нам выбрать оружие: я взял двуствольный дробовик и дальнобойную охотничью винтовку калибра 0,41 с оптическим прицелом. Арлин вцепилась в свой вечно любимый автоматический пистолет АБ-10, также не забыв прихватить перископический прицел. Альберт, в очередной раз поразив меня, выбрал автомат типа Узи, этакую заморскую штучку, которой мне прежде не доводилось видеть. Вот уж никогда бы не подумал, что пехотинец может польститься на такую дешевку. По сути, он мало чем отличался от пистолета Арлин, разве что был чуть побольше и поэтому, верно, более устойчив при стрельбе. Альберт сказал, что в случае надобности воспользуется прицелом Арлин. Ну а Джилл уже запаслась оружием.
Еще мы взяли ракетницы, патроны, гранаты, очки ночного видения — намереваясь из соображений экономии использовать их только в экстренных случаях: запасных батареек не было совсем, — и довольно мудреное лучевое оружие, которое я никогда не любил, — плазменную пульсирующую винтовку. А еще мы упаковали продукты, одеяла и другие необходимые вещи, включая комплект скалолазного снаряжения: моток веревки, кошки, шипы и крюки — в общем, все, что полагается. Где-то нас ждал «Хамви» — только Господь с Альбертом знали где. Найдем ли мы его? Удастся ли его завести? Я старался не думать об этом, пока Президент Совета двенадцати торжественно вел нас через двор к маленькому блочному сооружению, откуда мы спустимся в туннель.

14

Нас провожала толпа местных жителей. Где-то в глубине сознания брезжила мысль, почему, собственно, мы не слышим героических напутственных гимнов? Где духовой оркестр? Где речи? В голове мелькали обрывки фраз из этих речей: «Не бывало еще в истории человечества, чтобы столь немногие выступили против столь многих в защиту столь немногих». Ну, не совсем так, конечно…
В помещении было множество огромных бочек с горючим, расставленных в некотором беспорядке. К одной из бочек направилась парочка солдат, которые несли в руках странные, похожие на гигантскую открывалку инструменты.
Они зацепились концами инструментов за бочку и подали рукоятки вперед, пронзив края стальными стержнями. Затем, упершись плечом в другой конец «открывалки», пошли против часовой стрелки. Вместо того чтобы опрокинуться, бочка, подобно пробке, стала откручиваться — и солдаты наконец вынули ее из туннеля, имевшего ровно такую ширину, чтобы вместить одного человека.
Арлин ринулась первой. Поцокав языком, она подмигнула Президенту и послала ему воздушный поцелуй — бедняга залился краской. Тогда она вытянула вперед руку с пистолетом и скрылась из виду. За ней полез Альберт, потом Джилл — я спустился последним.
В первый момент показалось, что вокруг кромешная тьма, потом, когда глаза немного привыкли, мы разглядели слабое свечение, позволявшее видеть на несколько метров вперед и назад.
Свет шел от фосфоресцирующих земляных стен. Вообще же туннель был сделан таким образом, чтобы производить впечатление естественного: с расходящимися в разные стороны отростками — однако главный проход вел строго на северо-запад. Ширина позволяла двигаться по двое, и Арлин с Альбертом — потому что Альберт знал дорогу — возглавляли отряд. Я, как верный Шарик, плелся в хвосте, оставив для Джилл самое безопасное место посередине.
Прежде чем отправиться в путь, я предупредил подчиненных:
— Начиная с этого момента, никаких разговоров, даже при крайней необходимости. Только язык жестов. Ты, Джилл, наблюдай за мной. Враги могли поставить подслушивающие устройства, чтобы обнаружить туннели. Мы не станем облегчать им задачу, так ведь?

В туннеле было прохладно и темно — огромное облегчение после пекла пустынных просторов Юты; я надеялся, что ночной холод до нас тоже не доберется. Мы можем пройти под землей… сколько, интересно, километров?
Восемь, показал на пальцах Альберт в ответ на мой безмолвный вопрос.
Шесть из них мы проскочили с головокружительной скоростью, ну, настолько головокружительной, насколько это возможно, пробираясь по подземным пещерам с колдобинами да еще почти в темноте, Это заняло больше шести часов, чтобы быть совсем точным, не Бог весть какой рекорд. Но, образно выражаясь, конец был уже виден. Мы как раз поднялись после четвертого привала, готовые к последнему броску.
Но стоило Арлин шагнуть вперед, как я услышал звук, от которого душа похолодела: испуганное шипенье беса.
Мы были не одни.
Арлин рванулась назад, выставив руку и сбив с ног Альберта, с которым они вместе повалились на землю.
Это спасло им жизнь, поскольку там, где они только что стояли, вихрем пронесся комок пылающей слизи и взорвался, врезавшись в стену. Арлин не стала терять времени и, не поднимаясь, начала палить из своего пистолета. Я сдернул дробовик и разрядил верхний ствол — нашими общими усилиями чудище разнесло в клочья.
Но его сопровождали дружки-приятели. Пока Арлин с Альбертом поднимались на ноги и Альберт, тихо матерясь, будто он вовсе и не мормон, прилаживал автомат, я швырнул Джилл на землю и разрядил второй ствол, обезглавив размахивающего мачете зомби.
Пока я перезаряжался, Альберт тоже прицелился и дал очередь.
Мы сбили с толку ублюдков, и теперь они даже не могли понять, откуда по ним стреляют. В результате зомби обрушили вместе с нами свой огонь на бесов.
Я подтолкнул Арлин, и она, воспользовавшись неразберихой, бросилась бежать. Я же подхватил Джилл, и мы помчались, отставая, однако, на несколько шагов от остальных.
Арлин нырнула влево, но Альберт продолжал нестись вперед, преследуя двух щетинистых гадов, которые совершили роковую ошибку — привлекли наше внимание к своему воинству.
Я вдруг с ужасом понял, что означало их нашествие: туннель расконсервирован. Если пришельцы узнали о туннеле, значит, скоро сюда нагрянут войска и устремятся в самое сердце последнего населенного людьми анклава!
Альберт, видно, тоже осознал в эту минуту всю опасность происходящего. Воспользовавшись секундным затишьем, он послал мне знак: взрывчатка — туннель — взорвать — быстро! Я понял. Мормоны благоразумно заминировали спасительный туннель, и если мы найдем детонатор, то сможем сохранить островок жизни на Земле.
Но как? И где? Скорее всего даже Альберт не знал, где ближайшее гнездо с запалом, и не взорвемся ли вместе с туннелем мы сами?
Однако если учесть, что беду навлек я, то мне и браться за дело… даже если я погибну при взрыве.
Но сначала следовало позаботиться о коричневых щетинистых ублюдках.
Арлин пропала где-то слева, Альберт впереди, но справа — я поймал его краем глаза — вдруг вынырнул непонятно откуда здоровенный бес.
— Джилл! — заорал я, нарушая свой же приказ. — Берегись!
К счастью, девчонка, как Рики-Тики-Тави, знала, как лучше всего беречься, и молниеносно шмякнулась лицом вниз, позволив мне разрядить над ее головой оба ствола.
Бес рухнул всего в нескольких сантиметрах от нее. Еще немножко, и он придавил бы ее своим телом — эти громадины весят до ста пятидесяти килограммов!
К этому моменту Арлин с Альбертом расправились со своими мишенями, и я с облегчением вздохнул.
Но тут я кое-что увидел в лапах убитого чудовища. Это «кое-что» определенно напоминало переносное зарядное устройство.
На секунду я застыл на месте, но внутренний голос шепнул мне: «Ты же понимаешь, Флай, что стоять столбом — это сейчас не самый верный шаг для дальнейшего продвижения по службе…»
— БЕЖИМ! — рявкнул я, бросаясь вперед и хватая на бегу Джилл.

Я взлетел на беса и вихрем пронесся по нему, скрежеща в предвкушении взрыва зубами.
Однако его не последовало. Во всяком случае до тех пор, пока мы не отбежали метров на десять.
Взрыв был громким, но не оглушительным — напоминавшим отдаленное эхо взрывной волны.
Мы продолжали нестись как угорелые, когда услышали ужасающий грохот — словно что-то разорвалось прямо над нашими головами, — и туннель начал рушиться.
На меня обвалились тонны скальной породы и грунта, и что-то, как кирпич острое, долбануло меня по башке. Контуженный, я был сбит с ног, а когда пришел в себя, то увидел, что лежу наполовину погребенный под грудой камней — когда-то крышей туннеля. Опоздай мы на несколько шагов, и нас завалило бы целиком.
Над нами дугой извивалось стальное перекрытие, слегка покореженное. Метрах в пяти над головой брезжил дневной свет, но впереди громоздились лишь кучи булыжника.
— Поздравляю! — фыркнула Арлин, поднимаясь с земли и отряхивая пыль. — Ты нашел единственное перекрытие на сто метров во всех направлениях. Ты уверен, что никогда не бывал в ЛосАнджелесе, скажем, во время землетрясения?
Никто не покалечился: Джилл требовалось обработать безобразную ссадину на лбу, а мне пять или шесть таблеток тиленола.
Альберт обозрел обвал впереди, затем поднял глаза к небу.
— Корректировка курса, капрал, — объявил он. — Думаю, самое время вылезать.
Мы соорудили из себя живую лестницу: я встал в самом низу, мне на плечи взобрался Альберт, а ему — Арлин. Она крепко ухватилась за балку перекрытия и так держалась, пока Джилл, подобно обезьянке, карабкалась наружу. Там она закрепила веревку и бросила нам конец.
Когда мы выбрались, уже начинало садиться солнце, небо на западе мерцало слабым зеленоватым сиянием. Обвалившийся туннель оставил на твердой поверхности длинную неровную борозду.
Мы поспешили скрыться из виду, найдя скалистый отрог и растянувшись плашмя на его вершине. Когда появились звезды, Альберт высмотрел Полярную звезду и указал рукой направление, в котором нам нужно было идти.
— Ранчо в четырех километрах отсюда, — сказал он. — Мы должны добраться туда до полуночи.
Спустя три часа мы подкрались к заброшенному, сожженному ранчо. Рядом с амбаром высился огромный стог. Внутри стога, накрытый желтым синтетическим брезентом, нас ждал сюрприз.
Вообще-то я предпочел бы передвигаться ночью и залезать в нору днем, но пришельцев именно по ночам разбирала жажда деятельности. И что еще важнее, мы совершенно обессилели Установив, несмотря на протесты Джилл, трехсменное дежурство, мы свалились как подкошенные и заснули мертвым сном. Вопреки своим угрозам Джилл с трудом продрала глаза, когда Арлин принялась трясти ее на следующее утро.
Двигатель, как ни странно, завелся и постепенно набрал обороты Не исключено, что эта штука поедет, подумал я. Джилл скакала, как дитя, когда «Хамви» стронулся с места. Да она и была ребенком, забывшим при виде новой игрушки все горести мира, особенно когда никто не унижал ее достоинство мелкими придирками.
Именно ради этой девчонки мы должны были выиграть войну с монстрами, невзирая на то, что столько битв уже проиграно. И неважно, что станется с нами.
— Поехали! — призвал Альберт, держа в руках карту автоклуба с таким видом, словно это был кинжал.
Напора в нем было побольше, чем в Президенте.
— Покажем этим монстрам, почем фунт лиха, — добавила старушка Арлин.
Мчась в течение двух часов по бездорожью со скоростью семьдесят километров в час, мы не приметили ничего необычного — но я знал, что это иллюзия. И пока она длилась, я готов был наслаждаться каждым ее мгновением. Нет в мире ничего прекраснее, чем пустынный пейзаж, не обезображенный разрушенными зданиями, тлеющими пепелищами и горами человеческих трупов. Конечно, было бы неплохо увидеть птичку — или услышать, как она поет.
Впереди простиралась безбрежная равнина, поэтому я спросил Джилл, не хочет ли она немного порулить.
— Еще как! — ответила девочка. — Что нужно делать?
Я пустил ее за руль, и на ее рожице появилась предовольная мина. «Хамви» — крупная кобылка, так

что я не собирался полностью доверять управление малолетке, но, казалось, она чувствует себя уверенно, словно уже водила большие машины… может, трактор?
Мы остановились, чтобы помочиться. И тут я столкнулся со свидетельством того, что на Земле не все по-старому под ноги мне попался человеческий череп. Череп и больше ничего — никаких примет прошедших боев. Однако подковырнув его ногой, я увидел приставший к кости кусочек ссохшейся кожи. Облепившие это место муравьи довершили картину. Откуда здесь этот одинокий череп? И совсем недавний судя по всему?
— Фу! — воскликнула Джилл, увидев находку.
Что я мог ей ответить.
— Откуда этот запах? — спросила Арлин.
— Вон оттуда, — пояснил Альберт, махнув вперед рукой.
Я тоже почувствовал хорошо знакомый терпкий лимонный запах — верный признак того, что где-то недалеко кучкуются зомби.
Когда мы вновь тронулись в путь, пейзаж изменился. На горизонте выросли какие-то искривленные, поблескивающие на солнце белые и розовые силуэты. Они напомнили мне мясные туши, которые грузно скакали по Деймосу. Эти, однако, больше походили на сталагмиты, которых я насмотрелся, лазая в юности по пещерам. Нездешние это были штучки, как пить дать.
Лимонный дух становился все сильнее, а это значило, что зомби ошиваются где-то совсем рядом или гниют неподалеку в какой-нибудь канаве. Меня замутило, как не раз бывало на Деймосе.
Небо тоже изменилось. Голубизна постепенно перешла в ядовито-зеленый цвет с редкими красными полосами, словно небесный свод затопили потоки зеленой грязи.
Мы почти не разговаривали, боясь нарушить перед надвигавшейся бурей атмосферу тихой доброжелательности. Я посмотрел на Джилл. Вид у нее был самый решительный.
Арлин с Альбертом проверяли боеприпасы и оружие, в основном для того, чтобы чемнибудь заняться. Джилл вцепилась в руль и не собиралась его отпускать.
— Знаешь, Флай, — нарушила наконец молчание Арлин, — нам насовали кучу лишнего. Как с таким барахлом незаметно влезть в чертов поезд, даже если он замедлит ход?
— Ничего, — отозвался я, — возьмем только самое необходимое.
— Помочь? — бросила через плечо Джилл.
— Да мы справимся, — успокоил ее Альберт.
— Надеюсь, вы не собираетесь выбросить мой пулемет? — с подозрением спросила девочка.
Альберт рассмеялся — первая оптимистическая реакция с тех пор, как мы стали свидетелями того, что я назвал про себя «ад на Земле».
— Мы скорее выбросим еду и воду, чем хорошее оружие, золотко, — пообещал он.
— Меня зовут не… — начала Джилл, но не договорила, увидев дружелюбное выражение его лица.
Для Джилл это было внове. Не удивлюсь, если мы вообще оказались первыми людьми в ее жизни, которые отнеслись к ней почеловечески.
Где-то на западе прогремел взрыв.
— Это гром? — спросила Джилл, повернув голову вправо, но ничего не увидев.
— Нет, — ответил я, — кто-то балуется хлопушками.
— Уж скорее что-то, — поправила меня Арлин.
— Вот, — почти шепотом, как бы самому себе, произнес Альберт, — тот великий город Зарагемли. Я сжег огнем вместе с жителями его.
Джилл неожиданно обернулась к Альберту и спросила:
— Ты считаешь, что монстры — это Божья кара человечеству?
— Нет, — возразил Альберт, — я считаю, что это испытание.
Арлин обещала не обсуждать религиозных вопросов с власть имущими. Теперь же обстоятельства изменились. Альберт был другом, а с другом она могла обсуждать все, что угодно.
— Ты хочешь сказать, что то, что нацисты сделали с евреями, тоже испытание? — зло спросила она.
— Самый важный урок гитлеровских преступлений, — спокойно ответил Альберт, — то, что евреи остались жить. Я называю это испытанием, потому что «тысячелетний рейх» пал, а евреи на Земле сохранились. Если бы они были уничтожены, тогда это можно было бы назвать Божьей карой.

Арлин сердито запыхтела, но промолчала. Ответ Альберта явно разозлил ее, однако она не могла придумать вразумительного довода против.
— В космосе, на Фобосе, — сказала она наконец, — мы видели гигантскую свастику.
Реплика повисла в воздухе, провоцируя мормона на ответ.
— И как ты думаешь, что это значит? — спросил он.
— Не знаю, — вздохнула Арлин. — Но из-за этого я ненавижу их еще больше.
— Я ровно так же ненавидел бы их, найди ты там крест или флаг Соединенных Штатов, который, я уверен, тоже ниспослан нам Господом, — сказал Альберт. — Символы, которые используют пришельцы, ничего не значат. Мы можем судить о них по их делам.
— Вот скукотища, — заныла Джилл. — Совсем как на уроке. Только, пожалуйста, не спрашивай меня, Альберт. Я понял, что самое время вмешаться в разговор.
— Альберт прав. Символы сами по себе ничего не значат, важен контекст. Странно только слышать это от верующего человека!
— Я вообще очень загадочная личность, — обронил мормон.
Маленький диспут, по счастью, отвлек нас от того грустного факта, что небо продолжало меняться: теперь оно было совершенно зеленым и навевало мысли о жирных лягушках и ряске. Лимонная вонь затопила все вокруг, и я чувствовал себя оказавшимся опять на Деймосе или на Фобосе. Я уже и забыл, что постепенно ко всему привыкаешь до такой степени, что перестаешь замечать.
Распоряжавшийся картой Альберт напомнил, что мы приближаемся к месту операции.
— Осталась миля, не больше.
— Пусти-ка меня к рулю, Джилл.
Понимая серьезность положения, девчонка не решилась спорить, и я начал потихоньку снижать скорость.
— Мы должны перегородить пути вон за тем поворотом, — показал Альберт. — Но нам вовсе не нужно, чтобы поезд перевернулся.
— Хорошо, — согласился я. — После поворота они сто раз успеют разглядеть, что происходит.
— А ты уже придумал, как мы втащим на рельсы эту громадину? — спросила Арлин. — В ней, наверное, тонны две, не меньше.
— Конечно. Вон у меня и шкив приготовлен.
Но Арлин не оценила моего юмора.
15
— Нет, правда, А.С., я не шучу.
— А я и не смеюсь. Я поднял диск. Арлин скосила глаз.
— Си-4? Пластиковая взрывчатка?
— Самая малость. Надо же как-то разнообразить скучное дело.
Все отошли на безопасное расстояние, а я припарковал «Хамви» рядом с железнодорожным полотном и насыпал перед передним и задним колесами с левой стороны по хорошей куче земли. Потом стал толкать машину вперед, пока она не въехала на эти кучи. Тогда я подсунул под колеса взрывчатку, подсоединил к ней два одинаковой длины детонаторных шнура, отполз подальше и нажал на кнопку. Джилл заткнула уши, догадливая малышка. «Хамви» — вообще-то одно из самых устойчивых колесных транспортных средств, но даже его широкий каркас не способен удержать равновесия при двойном взрыве с одной стороны. Дело было сделано — колеса отлетели прочь, но не раньше, чем «Хамви» взлетел в воздух и, перевернувшись вдоль продольной оси, шмякнулся на рельсы. Я, затаив дыхание, следил, как он скачет и вертится, не срываясь, впрочем, под откос.
Правда, у меня еще имелась в запасе взрывчатка, на случай, если бы пришлось кое-что подправить.
— Ну, с этим мы справились легко, — заявила Арлин, уперев руки в боки, обозревая шасси.
— Легко, конечно, особенно чужими руками! — возмутился я и услышал в ответ:
— Не значит ли это, что ты у нас один в поле воин?!
— Что теперь будем делать? — спросила Джилл.
— Быстренько соберем снаряжение и станем ждать, — сказал я, — И вообще, поздравляю с вступлением в вооруженные силы!
— Какое свинство со стороны этих тварей не вывесить расписания поездов, — посетовал Альберт.

— Аминь! — отозвалась Арлин к немалому его удовольствию.
Я думал, она отмочит что-нибудь язвительное, но она еще и похлопала парня по руке. Кажется, они вполне спелись. Может, спор насчет Божьей кары пошел им на пользу.
Наш план состоял в том, чтобы проникнуть в поезд, когда он остановится для расчистки путей. Мы подождем, пока он снова тронется, рванем к нему и по лестницам заберемся на крышу.
Я боялся за Джилл: сможет ли она подпрыгнуть и уцепиться за поручни? А если промахнется?.. На вид она была крепкой и повадками напоминала сорванца. Но я все-таки потихоньку вытащил все тяжелое из ее рюкзака, включая ультрамикро — я не мог допустить, чтобы она уронила его под колеса или упала сама.
— Можно приложить ухо к рельсам и послушать? — попросила Джилл. — Я видела, в кино так делали.
— А не боишься заснуть? — в свою очередь поинтересовался я. — Не исключено, что ждать придется долго.
Джилл улеглась на землю и не двигалась минут двадцать, прежде чем перевернулась, чтобы поменять ухо. Еще через пятнадцать минут она поняла, что можно так проваляться до бесконечности, и присоединилась к нам в укрытии за холмом.
— Зачем они делают небо такого цвета? — спросила она.
— Не знаю, — отозвалась Арлин. — Но из-за этого я теперь больше люблю ночь — по крайней мере, не видишь гнусной зелени.
Альберт дал каждому по кусочку вяленой говядины. Воды у нас было много, так что экономить пока не приходилось. Мы также прихватили с собой таблетки хлора для дезинфекции, хотя вряд ли они помогут, если пришельцы отравили воду какимнибудь нервно-паралитическим ядом.
Джилл ткнула Альберта в бок.
— Почему ты называешь этих тварей демонами, если их можно убить?
Он с укором посмотрел на меня.
— Вопрос не ко мне, — взмолился я, — Мы с А.С. ничего не обсуждали. У нее своя голова на плечах.
— Есть силы более могущественные и менее могущественные, — принялся объяснять Альберт. — Можно считать этих тварей пришельцами, как наши друзья, здесь нет никакой ошибки. Но мы полагаем, что если бы ими не руководили настоящие дьявольские силы, то они вряд ли приняли бы такое обличье. И потом…
Альберт не успел докончить. Раздался громкий гудок — одинокий зов из бывшего когда-то нашим мира.
— Видишь, нет никакой нужды прикладывать ухо к рельсам, — обратился я к Джилл.
Сначала мы услышали грохот. Затем сам поезд появился из-за поворота, этакое вытянутое в длину чудище. Локомотив — голова дракона, вагоны — позвонки спинного хребта. Тысячи тонн неслись на нашего крошку «Хамви», лежавшего на темных рельсах, словно жертвенное приношение.
— Машинист и не думает тормозить, — прошептала Джилл.
Чтобы управляющий локомотивом человек или монстр не заметил на путях препятствия? Такого не могло быть. Естественно было бы замедлить ход и остановиться.
Однако враги повели себя противоестественно — лишив нас сомнений насчет того, кто ведет поезд. Монстры посылали нам свой привет.
Проклятый поезд наддал скорости! Грохот гигантских дизельных двигателей затопил все вокруг, похоронив нашу гениальную идею под завалами песка.
Джилл рванулась к откосу в надежде осуществить план, но я и не думал позволять ей это безумие. Схватив девочку за руку, я заорал: — Всем назад!
Если мастодонт сойдет с рельсов, он взорвется и уничтожит нас, как букашек. У меня были другие планы, и самый главный — остаться в живых.
Мы неслись, подгоняемые скрежетом металла и урчанием локомотива позади. Еще не слыша звука столкновения, мы уже почувствовали его по дрожанию земли, которое, осязаемое ступнями, резонансом отдавалось в наших сердцах. Гром удара буквально расколол мне голову, заныли зубы, сдавило грудь.
В мозгу промелькнули библейские истории из старого доброго издания короля Якова с предостережениями и казнями Ветхого завета. В том числе о жене Лота, которая обернулась несмотря

на запрещение Господа. Она беспокоилась о своем добре — как я понимаю эту женщину. Я тоже не удержался и оглянулся.
Поезд протаранил «Хамви», словно его там и не было. Во все стороны полетели покореженные куски металла, и я понял, что библейские сюжеты не лишены мудрости. Этот мусор мог не только переломать нам хребты, но и превратить в полное месиво. Больше всего мы испугались за глаза, а потому как один шмякнулись на землю. И тут как раз что-то просвистело мимо моего правого уха, но посмотреть, что это, совсем не тянуло. Наконец грозные звуки стихли.
Я поднялся, чтобы обозреть останки нашего боевого коня и удостовериться, что товарищи не истекают кровью и не похоронены под грудами обломков. Удаляющийся поезд пьяно покачивался из стороны в сторону, словно горделиво гарцующий фермерский сынок из Айовы, дорвавшийся наконец до свободы. Я бы не удивился, увидев высунувшегося из тормозного вагона жирного, красного демона, показывающего кукиш. Хотя где им, у большинства тварей нет ни пальцев, ни сноровки, чтобы учудить такое.
— Итак, — после долгого молчания подала голос Арлин, — каков наш следующий шаг?
Джилл выплевывала землю. Альберт помогал ей подняться.
— Наши потери — «Хамви» и поезд, — сказал я.
— Активы?
— Мы живы, оружие при нас.
— Ну, ноги, включайтесь в работу, — усмехнулся Альберт.
— Отправимся в Феникс на своих двоих, — подхватил я. — Дело к вечеру, а путешествовать в любом случае лучше по ночам, особенно пешком.
— Просто блеск, — буркнула Джилл, но поскольку дальнейших жалоб не последовало, я пропустил замечание мимо ушей.
Иногда полезно дать выпустить пары.
Чем бы ни была та зеленая гадость в воздухе, она не помешала выйти на небосклон звездам, хотя блеск у них был какой-то странноватый. Ровно в полночь, со стертыми ногами, усталые, мы остановились на отдых.
— Моя первая девушка жила в Скоттсдейле, — сообщил Альберт. — Я всегда любил Аризону.
— Она тоже была из мормонов? — ляпнула Арлин.
— Нет, я новообращенный. Мы ни во что особенно не верили, даже друг другу.
— А почему тебе нравится Аризона? — не унималась Арлин.
— В пустыне чистота. И в горах чистота. А главное, никакой влажности.
— Похоже, ты заядлый путешественник, — заметил я.
— Был, — со вздохом признал Альберт.
— Мы отвоюем назад все, что потеряли, — убежденно произнесла Арлин.
Ваш покорный слуга положил конец разговорчикам подчиненных:
— Если мы хотим сохранить Землю, то должны отдыхать. Спать будем посменно.
Я назначил себя дежурить первым, но ко мне подлезла Джилл.
— Не могу заснуть, — пожаловалась она. — Бесполезно прогонять меня, лучше оставь дежурить.
— Да нет, я рад твоему обществу, — успокоил я девочку. — Мне тоже не хочется спать, да и ночь терять жалко. Вот Альберт с Арлин проснутся, и мы сразу отправимся в путь.
— Отлично, — согласилась Джилл. — Мне кажется, они друг в друга втюрились.
Я уставился на пигалицу, недоумевая, с чего это она взяла, но ничего не сказал. Вот те раз — эта козявка заставила меня размышлять не только о том, сколько выстрелов понадобится, чтобы уложить того или иного монстра.
За следующие четыре дня не произошло ровным счетом ничего, кроме того, что Арлин с Альбертом почти все время спорили, предоставив мне обсуждать с четырнадцатилетней победительницей хакеров вопросы компьютерной этики.
Джилл протестовала против любого вмешательства в личные дела…
На рассвете пятого дня мы достигли окраин Феникса. Некоторые дома превратились в груды камней, но некоторые еще стояли. Мы решили спрятаться в одном из них. Я с удовлетворением отметил, что Джилл ведет себя молодцом. Это радовало. Случись что-нибудь, у меня не будет времени держать ее за

ручку.
На первой же улице мы наткнулись, в качестве закуски, на трех жалких зомби. Наша реакция была столь стремительной, что Джилл не успела даже выстрелить — однако это была ее первая встреча с врагом.
Мы завернули за угол и чуть от счастья не померли, узрев спины еще трех зомби, двух мужчин и одной женщины. Один из мужчин был в штатском, другой — в форме сержанта, а женщина при жизни, видно, служила в полиции.
Если меня когда и мучили угрызения совести по поводу необходимости стрелять женщине в спину, то на Фобосе я избавился от подобных предрассудков. Фобос — синоним страха, а страх — превосходный учитель. Не теряя времени, я вскинул к плечу двуствольный дробовик, прицелился, как в тире, и нажал на спусковой крючок.
Живой мертвяк в женском обличье беззвучно рухнул ничком. На месте головы осталось лишь месиво из красной и зеленой крови и серого мозгового вещества. Зомби-мужчины с ревом повернулись, и солдат в тот же миг схлопотал две пули в башку от Арлин. Она предпочитала одиночные выстрелы — нет смысла зря расходовать патроны.
Третий зомби с палкой в руках — по виду он напоминал рабочего бензоколонки — начал грузно наступать, нисколько не боясь, с единственным судя по всему желанием сделать из нас отбивную, а потом сожрать.
Джилл ойкнула и опустилась на колено, нащупывая АР-19. Ее онемевшие руки нервно тряслись, она вдруг настолько обессилела, что не смогла даже отвести затвор и вскинуть оружие.
Не было никакой необходимости в данный момент отягощать ее совесть убийством — пусть всего лишь убийством зомби, на ее долю еще много чего достанется. Подбодрив девочку дружеским взглядом, я стал поднимать к плечу дробовик. Однако Альберт опередил меня, умело дав три коротких очереди, которые мгновенно разнесли физиономию зомби в клочья. Парень и впрямь оказался мастером — чтобы с такой точностью выстрелить с бедра!
Я украдкой глянул на него — Альберт имел вид мрачный и решительный, и у меня улетучились последние сомнения в том, что он действительно снайпер.
После закуски последовало первое блюдо — на шум явились пять бесов. Хотя час больше подходил для завтрака. Самое время жарить бекон.
Бесы вразвалку вышли из-за угла, сжимая в руках комки пламенеющей слизи. Один оказался проворным и швырнул свой комок прежде, чем мы успели выстрелить, так что Арлин едва увернулась, бросившись на землю.
Услышав щелчок, я понял, что Джилл наконец отвела затвор и загнала патрон в патронник.
Недолго думая, я разрядил оставшийся ствол, сбив беса с ног — он был еще жив, — и, отскочив в сторону, рванул затвор, потом вложил еще два патрона, пока Альберт бил короткими очередями, справедливо распределяя их между подступающими бесами. Каждая очередь отбрасывала мишень на несколько шагов назад.
И тут один из мертвоглазых щетинистых гадов, топтавшийся за спиной напарника, швырнул через его голову комок смертоносного огня, который задел Альберта по плечу. Вскрикнув, наш друг выронил автомат.
Арлин пала на колено и, сбросив предохранитель, начала бить по надвигающимся бесам. На каждого приходилось по выстрелу — твари падали замертво.
Одному, тем не менее, удалось каким-то образом ускользнуть — мы даже не заметили когда. Стоило мне обернуться, как он вырос перед моим лицом, шипя и визжа, словно ходячая смерть.
16
Я отпрянул, заполучив, однако, порцию раскаленной слизи в физиономию. Ослепленный, я выронил дробовик и с криком схватился за лицо. Я просто чувствовал, как надо мной нависает стовосьмидесятикилограммовая туша, и приготовился к сокрушительному удару.
Однако удара не последовало. Я услышал резкий хлопок выстрела — АР-19 разрядился на всю обойму, и монстр стал медленно оседать на меня. Я кубарем выкатился из-под него, меня вовсе не прельщала мысль оказаться погребенным под кучей этого дерьма.
Когда зрение вернулось, с бесами было покончено и Джилл стояла у тела своей первой жертвы,

ухитряясь выглядеть одновременно торжествующей, несчастной и испуганной до смерти.
— Поздравляю, барышня, — пробормотал я, корчась от боли, — с потерей невинности.
— Спасибо.
Вид у девчонки и впрямь был такой, какой, наверное, будет через пару лет, когда она расстанется с другого рода невинностью… если только, старый дурак, она с ней давным-давно не рассталась.
Однако вышла промашка: одного из гадов мы не добили. Когда мы собрались вместе, чтобы оценить ущерб, эта тварь вскочила и припустила по улице. Арлин, наш Гермес, стрелой помчалась за ней. Альберт несся по пятам.
Гонка удивила меня. Раньше бесы так быстро не бегали. Может, именно этому экземпляру знакомо чувство страха, или генная инженерия обогатилась новыми открытиями?
Бес шмыгнул за угол. За ним Арлин, затем Альберт, затем ваш покорный слуга. Джилл немного подотстала.
Через дорогу мы приметили распахнутую дверь, и мои друзья устремились к ней, но я увидел, что стоящий неподалеку трейлер слегка раскачивается — так, словно в него только что залезли.
— Сюда! — крикнул я.
До сих пор мне не приходилось встречать бесов, способных сбивать с толку противника, но ведь на Фобосе я тоже не предполагал, что встречу говорящего монстра.
Дверь была закрыта, но дверь прицепа не заслуживает того, чтобы на нее тратили патроны. Я подбежал, чтобы вышибить ее, и ухо сразу же уловило знакомый звук. Если вы когда-нибудь слышали свистящее жужжание телепорта, то уже не забудете до концы жизни.
Один хороший удар — и мы влетели внутрь. Над прямоугольной металлической рамой еще мерцал свет.
— Черт! — воскликнул я.
Оставалось только решить, последуем мы за тварью или плюнем на нее?
— Если последуем, то, не исключено, окажемся в самом центре событий, — предположил Альберт.
— Думаю, именно поэтому нам не следует это делать, — возразила Арлин.
У обоих были свои резоны. Никто не сомневался в мужестве Альберта, но мы-то с Арлин знали, что нас там ждет.
Я спиной почувствовал беспорядок в строю. С решительным видом вперед протиснулась Джилл, на ее щеках блестели полоски слез. И все-таки она полностью владела собой, сохраняя спокойствие.
— Давайте проголосуем, — предложила девчушка, демонстрируя пристрастие к подлым эгалитарным привычкам.
— Идет, — согласился я. — Поднимите руки те, кто считает, что мы должны телепортироваться вслед за бесом. — Альберт и Джилл подняли руки. — А теперь те, кто против.
Арлин подняла руку.
— Если ты за нее, то получается так на так, — отметила Джилл, с очевидностью доказывая, что изучала курс высшей математики.
— Мне нет нужды голосовать, — сказал я, — потому что голос Арлин идет за три. Итак, «против» больше.
— О-о! — воскликнула расстроившаяся Джилл, а Альберт лишь пожал плечами.
— У рамы нужно выставить часового, — потребовал я. — Бес может вернуться с подкреплением: князьями ада, тыквами…
— Или сам паровой демон явится собственной персоной, — добавила Арлин.
Новоявленные борцы с монстрами не рвались поддержать разговор.
— Пришельцы самые что ни на есть разные, — пояснила Арлин.
— Знаю, — не без вызова ответила Джилл.
— Я подежурю первый, — вызвался Альберт. — Если мы отказались от преследования, лучше, наверное, спрятаться в грузовике… хотя, может, и не лучше. Что если этот бес, как вы его называете, вернется с танковой колонной? Мы будем дожидаться ночи, чтобы двинуть дальше?
— Будь мы без транспорта, пришлось бы дожидаться, — объяснил я, — но в грузовике нас могут принять за своих. Кто, кроме монстров или зомби, станет сейчас колесить по этим местам? И потом Альберт прав: лучше отсюда убраться.

— При условии, что зомби умеют водить, — пробурчала Арлин.
— Если у них хватает мозгов стрелять, то почему бы им не водить? — удивился я.
— Можно я поведу грузовик?! — широко распахнув глаза, завопила Джилл. — Вот будет здорово!
Я почувствовал себя Франкенштейном, создавшим чудовище.
— Умеешь переключать скорость? — спросил я. Девочка кивнула. — Водила когда-нибудь такого крокодила, да еще с двойным сцеплением и множеством скоростей?
— Ну, не такого большого, — призналась она, — но я справлюсь.
В другой ситуации я бы не позволил. Но сейчас мне требовались трое опытных бойцов в прицепе на случай, если бес вернется с подкреплением.
— Погоди минутку, — добавил я. — Может, нам удастся «избавиться от этого чертова телепорта.
Я вернулся к платформе и, нагнувшись, тщательно ее обследовал. Нет, она была буквально приварена к стальному полу. Единственный путь отделаться от телепорта — выкинуть целиком прицеп. Для этого все равно пришлось бы искать укромное место, где можно безопасно остановиться, чтобы отцепить кабину от прицепа.
— Ты не против, если я схожу за ключами? — с надеждой спросила Джилл.
Она не собиралась упустить счастливый шанс.
— Я с тобой, — сказал я, моля Бога, чтобы монстры не выбрали именно этот момент для вторжения.
Ключей в кабине не было, но я нашел связку снаружи, надетую на магнитный крючок под левым передним крылом. Это меня встревожило. Если монстры пользовались грузовиком, зачем прятать ключи? Или они им не пользовались с тех пор, как установили телепорт?
Неизвестно, как надолго нам потребуется машина — может, только до следующего поезда, если мы решим вернуться к изначальному плану. Но в походных условиях никакой план не годится, коли не соответствует моменту. Если на грузовике мы преодолеем порядочный кусок дороги, это здорово. Но если от него больше хлопот, чем толку, мы опять превратимся в бродяг.
Джилл залезла в бардачок и нашла там карту, на которой значился самый короткий путь до Лос-Анджелеса — старое доброе шоссе Ай-10; кто-то заботливо отметил на нем лучшие стоянки для грузовиков. Наверное, бывший водитель. Очень любезно с его стороны. Если повезет, мы наверняка найдем брошенные стоянки, где сохранились запасы топлива. Глаза б мои не глядели на этих демонов, которые, заправив бак, потчуют тебя суши из человечины. Я готов перейти на самообслуживание, даже если за эту привилегию придется отстреливаться.
Джилл завела двигатель, и я объяснил ей, как читать приборы, словно был профи в этих делах. Но нельзя показывать детям, что чего-то не знаешь.
Это повлекло за собой длительную лекцию о недопустимости перегрева двигателя, пыльных бурях, факторах усталости и усыпляющем действии шоссе.
Джилл ни разу не послала меня к черту. Вот это выдержка! — даже от морского пехотинца трудно требовать большего.
— По крайней мере, на дорогах сейчас пустынно, врезаться не в кого, — заметила она.
Не знай я ее лучше, я мог бы подумать, что она шутит.
— Держите на запад, юная леди, — вернул я милашке парфянскую стрелу. — Найдите безопасное местечко, чтобы можно было припарковаться и отсоединить прицеп. Не хотелось бы таскать за собой этот довесок с целой армией в резерве.
— Пока, — бросила юная леди.
Я вернулся в прицеп. На лице Арлин блуждала блаженная улыбка. Она походила на Чеширского кота, только что умявшего птичий магазин. Альберт, казалось, тоже чем-то доволен.
— Что-то тебя долго не было, — проворковала Арлин.
— Искал ключи, — торжественно провозгласил я.
— Двигатель еще когда завелся, а ты только пришел, — заметил Альберт.
Ну, я им не позволю на меня наседать.
— Дал девчонке несколько полезных советов, вот и все. Уверен, она справится.
Именно в этот самый момент грузовик дернуло, и он заглох. Все, что находилось в прицепе, полетело вперед. Все, кроме телепорта — с ним был полный порядок.
Арлин расхохоталась. Но я и не собирался ее одергивать. Раз уж Джилл вытерпела, то смогу и я. У меня

как-никак выучка, я профессионал, солдат морской пехоты.
Наконец-то Джилл освоилась с передачей — подозреваю, что у нее все-таки имелся кое-какой опыт, — и мы тронулись в путь. Как ни крути, а она еще ребенок, подумал я, только подросток мог погнать с такой скоростью. К тому же девчушка вдруг резко вильнула, повергнув нас в недоумение: что могла она там объезжать?
От тряски меня замутило. Я уж и забыл это ощущение, которое в последний раз испытал, плавая с другом на его лодке по морю. Но я не жаловался. Не в моих это правилах.
Однако когда я уже был близок к тому, чтобы подвергнуть хорошее настроение Арлин суровому испытанию, щетинистый гад прислал нам рождественский подарок.
На какой-то предупреждающий миг послышалось жужжание и заструился свет. Мы взяли телепорт под прицел, давая себе секундную оттяжку: всегда существует почти невероятная возможность, что из ада вырвутся люди.
Потом оно материализовалось. Это был не человек. Но в то же время не зомби, не бес и не кто-то другой. Ублюдки заслали к нам нового монстра!
Он имел на редкость странный вид. Урод был одет! В красные шорты и белую майку. На первый взгляд — чистый скелет в баварских кожаных портках! Разглядывать подробнее не позволяли обстоятельства — мы и так затянули с выстрелом. Сбил с толку идиотский наряд.
Пугало налетело на меня, подхватило одной лапищей и запустило в стенку. Я с грохотом свалился, но тут же снова занял вертикальное положение, по-прежнему сжимая в руках свой двенадцатый калибр. Однако не успел я выстрелить, как монстр ухватил одной клешней Арлин, а другой Альберта. Несмотря на его худобу, мы были для него все равно что тряпичные куклы.
Джилл что-то кричала через перегородку, не в силах понять, что происходит. И я бы с радостью ей объяснил, но был занят другим, подгадывая момент для выстрела.
Скелет швырнул Альберта на пол, но продолжал держать Арлин. Он явно прикрывался ею, и я попробовал обойти его, стараясь приноровить шаги к сумасшедшей езде Джилл, которая явно впала в панику. Пока я топтался в поисках выгодной позиции, проклятая куча костей вырубила Альберта.
Я имею в виду, что скелет размахнулся и со всей силы дал ему кулаком. Судья мог начинать отсчет. Дурацкие красные шорты на мгновение стали похожи на боксерские трусы. Но если пришельцы решили развить в себе чувство юмора, то я преуспел в науке страха.
Для пущего удовольствия Джилл принялась вилять из стороны в сторону. Возможно, она думала, что тем самым помогает. Она ошибалась. Раздался ужасающий треск — и я повалился на пол, однако красный скелет остался неколебимо стоять, словно пустившее корни дерево. Видно, Джилл-таки врезалась, но с моего места было не понять, стоит машина у обочины или катит по дороге с самим Сатаной за рулем. Да мне и не до того было — я мечтал лишь об одном: разнести этот ублюдочный скелет на мелкие кусочки.
Не выпуская дробовик, я вскочил и крикнул изо всех сил, чтобы Джилл могла услышать:
— Так держать!
Я боялся, что, если она остановится, это будет на руку мистеру Костлявцу. Открыть церемонию должен был я.
И бессловесная тварь предоставила мне такую возможность. Монстр опустил Арлин, чтобы нанести ей удар. Когда же она оказалась вне линии огня, я подскочил к ублюдку и разрядил оба ствола прямо ему в пасть. У него, совсем как у человека, отвисла челюсть. И чтобы знать наверняка, что она никогда больше не закроется, я снес нечисти голову.
К сожалению, гильотирование не поставило в разыгравшемся спектакле точку. Скелет так бойко швырялся нами поначалу, что я не заметил две пусковые установки у него за спиной — вплоть до этой самой минуты. В смертельных судорогах Костлявец согнулся пополам и выпустил из каждого ствола по ракете.
Но стволы смотрели вперед — туда же полетели и ракеты.
Скелет рассыпался на части. Вскочившая с пола Арлин успела крикнуть: «Джилл!», — а я к тому моменту был уже за дверью прицепа и мчался рядом с ним по дороге, слушая замирающее эхо.
17
Ракеты продырявили переднюю стенку прицепа и заднюю кабины и вылетели по обе стороны

побелевшего лица Джилл, продолжавшей крутить баранку. Вот именно — по обе стороны! Благодарение чуду, достойному всех когда-либо написанных священных книг, они не задели ее.
— Господи Иисусе! — взмолился я.
Я пролез в дыру на заднике кабины и плюхнулся рядом с Джилл. Девочка была белее мела и тряслась, словно запущенный на всю обойму автомат Калашникова. Кроме того, она так вцепилась в руль, что на нем наверняка должны были остаться вмятины. Я вспомнил правило № 1, Которого Следует Придерживаться, Когда Водитель В Шоке, и с уверенностью произнес:
— В тебя не попало, Джилл, ты в полном порядке.
Девочка медленно кивнула, но не произнесла ни слова. Я попробовал зайти с другой стороны.
— Не хочешь отдохнуть?
Она опять кивнула.
— Почему бы тебе не остановиться, например, вон там? — предложил я, указывая на обсаженную деревьями боковую улицу.
Улица казалась пустынной — мы могли попробовать отделаться от прицепа там. Джилл свернула.
— Ты посторожишь здесь, пока я переговорю с остальными? — спросил я.
— Хорошо, Флай, — вымолвила наконец Джилл, — посторожу.
Я похлопал ее по плечу, обрадованный, что она назвала меня по имени. Надеюсь, после случившегося девчушка станет вести машину поосторожнее, поэтому незачем расспрашивать ее об аварии.
Всхлипывающая Джилл подрулила к обочине, и я забрался назад в прицеп.
— Новая удобная современная модель, — отшутился я. — Хорошая вентиляция способствует повышению скорости.
Моя попытка сострить не имела успеха.
— Флай, — дрожащим голосом произнесла Арлин, — может, мы попробуем раздобыть другую машину.
— Зачем? — спросил я. Она с ошеломленным видом уставилась на меня. — Давайте лучше рассмотрим новую тварь.
Если верить первому впечатлению, монстр совсем не имел кожи. Однако присмотревшись внимательнее, мы разглядели тонкий слой почти прозрачного эпидермиса. Короче, он был похож на человека в последней стадии истощения.
— Надеюсь, больше мы такого не увидим, — сказала Арлин.
— В космосе его собратья не встречались? — поняв, к чему мы клоним, спросил Альберт.
— Нет, — ответил я, — но мы видели место, где этих ублюдков собирают на конвейере.
— И глыбы живого мяса, — добавила Арлин. — Я уверена, что это было человеческое мясо — эксперименты по его производству.
— Вот они, пагубные последствия науки, — вздохнул Альберт.
Я увидел, как Арлин напряглась, но на этот раз был мой черед.
— Этого джина уже не загнать в бутылку, друг. Или мы подчиним себе все, что существует во Вселенной, или нас самих сотрут с лица земли как неудавшийся эксперимент. Никакой золотой середины или блаженства неведения.
— Может, ты и прав, — согласился Альберт, поднимая автомат. — Иосифу Смиту эта штука показалась бы порождением черной магии. Мои претензии скорее к инженерам, чем к ученым. Ученые часто говорят, что многие вещи, которые мы делаем, не следует делать никогда.
— Например? — спросила Арлин.
— Например, чего стоят безбожные генные махинации. Ведь это с их последствиями мы теперь воюем, разве не так?
— Ученые, которые так говорят, — первые предатели человечества, — возмутилась Арлин. — Я понимаю, когда верующие люди боятся открытий, но ученым это не пристало. Выигрышная карта нынешнего врага — биология. Он превратил ее в супероружие. Значит, нам тоже нужно научиться пользоваться им… иначе мы окажемся в проигрыше.
— И ты готова превратить людей в таких вот монстров? — спросил Альберт, указывая на остатки скелета. — В том числе детей?
— Нет, конечно, нет, — запротестовала Арлин. — Но какие у тебя возражения, если мы с помощью генной инженерии создадим ангелов?

— Те, что они уже существуют и, уверен, помогут человечеству в трудную минуту.
— Пат! — провозгласил я. — Ваш поединок по отрыванию голов, друзья, официально признан ничейным. Может, вернемся к более насущным проблемам?
— Слушаюсь, капрал, — промурлыкала Арлин. — Помнишь, чья теперь очередь давать имя недоноску?
— Уверен, твоя, — солгал я.
Она, видно, уже придумала, потому что с ходу ответила:
— Ну, это легко: пусть будет «кощей».
— Блеск, — отозвался я и посмотрел на Альберта: — Ты согласен?
— Наверное, — пробормотал он. — Наверное, нужно их как-то различать.
— Не проведаешь Джилл? — попросил я нашего снайпера. Альберт был рад убраться. Когда мы с Арлин начали отсоединять прицеп, я шепнул ей на ухо:
— Ну, что ты обо всем этом думаешь?
— Думаю, что они как никогда близки к имитации человека. Даже дурацкая одежда — весьма опасный шаг в этом направлении. Они ставят перед собой цель создать поддельных людей и, если им это удастся, смогут просочиться на территории, которые им не подчиняются, вроде Солт-Лейк-Сити, например.
— Не исключено, что нам еще встретятся более удачные подделки, — заметил я. — А теперь неплохо бы добраться до следующей железнодорожной остановки, сесть на поезд и ехать, наконец, в ЛосАнджелес.
Наши друзья обрадовались такому предложению. Пока мы с Арлин пугали друг друга, Альберту удалось совершенно успокоить Джилл, и она теперь не желала бросать баранку.
К счастью, кабина, рассчитанная на двух водителей, имела спальное место, поэтому мы втиснулись в нее — Арлин с Альбертом сзади, а я с Джилл спереди — и тронулись в путь. Мы проехали десятка два патрульных постов, но на решетке капота, должно быть, стояло дьявольское клеймо, потому что пришельцы не обращали на нас ни малейшего внимания.
Следующим городом, где поезд делал остановку, был Баки. Мы избавились от кабины и стали ждать ночи, свернув в какой-то переулок и с упоением прислушиваясь к оживленным вечерним звукам мира техники: тарахтенью воинских грузовиков, топоту ног маленьких зомби, воплям, отрывистым приказам князей ада и сотрясающей землю походке загулявших паровых демонов. Однако еще более благотворно на наши расшатанные нервы подействовали механические звуки, напомнившие о Пауке с Деймоса, только, судя по всему, более миниатюрной модели. Интересно, как у него с запасами горючего?
— Не заметил одну странную вещь? — прошептала Арлин.
— Еще более странную, чем все, что нас окружает? — спросил я.
— Такое впечатление, что пришельцы знают, когда рядом люди.
Эта мысль не приходила мне в голову, но факты говорили в ее пользу.
— Откуда? — спросил я.
— Помнишь лимонный запах? Что если мы тоже кажемся им вонючими? Они наверняка в состоянии находить нас по запаху. Может, они специально придают переделанным зомби этот запах, чтобы не спутать их с людьми?
— Знаешь, А.С., если пришельцы задумали наводнить мир своими подделками, было бы глупо наделять их лимонным запахом. Это значило бы выдать себя с головой.
Мое сердце надрывалось от сочувствия к пришельцам, столкнувшимся с таким обилием технических трудностей.
Арлин и вашего покорного слугу выбрали для столь сложного задания по причине богатого опыта. Вспомнив, как мы натравили монстров на своих же там, наверху, на Деймосе, я подумал, что мы сможем, когда придет время, еще раз испробовать этот фокус. И получится это даже легче, потому что новые пришельцы не будут привычно гнусно пахнуть.
Между тем перед нами стояла насущная задача попасть в ЛосАнджелес, а это значило, что нужно поторопиться со штурмом товарного поезда.
— У меня новый план, — заявил я своим преданным войскам в надежде, что он понравится мне так же, как и им, когда я его выложу.
Пришлось ждать, пока проедет очередной грузовик, прежде чем начать пресс-конференцию.

Согласитесь — несложно оценить сильные и слабые стороны нашего маленького отряда. Джилл — мозговитая, но еще совсем зеленая. Альберт — прямодушный, сильный, надежный, решительный и ничуть не чурбан. Но ему еще предстоит проявить особые свойства ума и характера, необходимые для командира. Арлин — бесстрашная и опытная, лучшая женщина-солдат из всех, кого я знаю. Но в глубине души ей не хватает определенной жесткости, которая настолько естественна для вашего покорного слуги, что он о ней даже не задумывается…
Причина, по которой мне надлежало быть главным, состояла в том, что я не колеблясь пожертвовал бы нашими жизнями, полагая, что тем самым помогаю выиграть решающую в войне с монстрами битву. Арлин наверняка поступила бы так же, и все-таки ей свойственно сомневаться в отличие от меня. Полагаю, моя дружба с подростком не должна никого беспокоить, потому что никакая дружба или душевное расположение не притупят во мне чувства целесообразности. То, что мы выжили с Арлин после всех ужасов Фобоса и Деймоса, я считал во многом своей заслугой. И был рад, что не пришлось вести себя как последнему чудовищу.
Грузовик проехал, товарищи приготовились слушать подробности моего плана.
— Вы знаете, что нужно проникнуть на станцию и сесть в проходящий поезд. С каждым следующим шагом риск возрастает. Очевидно и то, что, пока мы не добрались до вражеских компьютеров, Джилл — единственная из нас, чья жизнь не должна подвергаться смертельной опасности. После того, как она раздобудет информацию, все мы в случае необходимости обязаны пожертвовать жизнью, чтобы хоть один из нас доставил сведения в Центр военной техники. Главное — добраться до Гавайев, а там гонца найдут.
— Понятно, — спокойно отреагировала Арлин. Альберт кивнул. Джилл, затаив дыхание, ловила каждое мое слово.
— По дороге я заметил несколько брошенных продуктовых магазинов, — продолжил я. — Не знаю, едят ли зомби до сих пор человеческую пищу — сомневаюсь. А уж монстры, уверен, что не едят.
— Пришельцы не в состоянии ее переварить? — предположил Альберт.
— Однако они в состоянии переварить нас, — задумчиво пробормотала Арлин, — а мы — это то, что мы едим.
Арлин была в своем обычном репертуаре, но улыбнулся мрачной шутке только я.
— Как бы там ни было, план состоит в следующем, — перешел я к сути дела. — Ты, парень, лети в один из этих магазинов и набери столько гнилых лимонов, сколько сможешь унести.
— Понял! — радостно воскликнул Альберт. — Они пахнут, как те зомби, которых мы укокошили…
— Как все зомби, — поправила нашего друга Арлин.
— …и перебьют им обоняние, — докончил тот свою мысль, а потом спросил: — Ты пойдешь со мной, а?
Альберт в смущении смолк, сам удивившись своим словам. Вспомнив о субординации, он посмотрел на меня.
— Ничего, если Арлин пойдет со мной? Конечно, если она согласна.
И он робко посмотрел на девушку.
— Я как раз собирался дать тебе когонибудь в помощь, — сказал я. — Поскольку нас четверо, безумие работать в одиночку. Будем всегда делиться на пары.
— Иду, — ровным, бесстрастным голосом произнесла Арлин.
— Отлично, — согласился я. — А мы с Джилл подождем здесь. Если не вернетесь, скажем, к десяти, будем считать, что вы попали в беду.
Нам повезло, что наши часы до сих пор работали. Наплевать, какой теперь день недели или месяц, главное, часы помогали координировать действия.
Мы с Джилл наблюдали, как A&A, проверив оружие, отправились на задание. Им нужно было пересечь открытое место. Арлин побежала первой, Альберт — замыкающим. Вскоре я смог перевести дух.
— Не пора ли отсюда сматываться? — спросила Джилл.
— Подожди немного. Здесь пока безопасно. Слово «безопасно» кое-что напомнило девочке.
— Я не думала об этом, пока ты не заговорил, но я не хочу быть…
— На особом положении?
— Ну да. На особом. Как-то это неприятно.

— Не беспокойся. После того, как ты совершишь свою маленькую диверсию, уже никто не станет беречь тебя от смерти.
Я постарался произнести фразу легким тоном, но она прозвучала по-дурацки.
— Я не боюсь умереть, — сообщила Джилл.
— Знаю, что не боишься. В грузовике ты держалась молодцом, не бросила руль. Я тобой горжусь.
Почувствовав, как девочка расслабилась, я решил, что она в состоянии вынести еще парочку моих задушевных мыслей. Мы с Арлин так долго мозолили друг другу глаза, что какие-то вещи оказалось легче выложить новому человеку.
— Малодушие не самая страшная беда на войне. Большинство людей смелее, чем они предполагают. Почти всех можно тренировкой довести до нужной кондиции.
— А что же тогда хуже всего? — Джилл прищурила глаза.
Я оглядел переулок. Мы по-прежнему были одни, и я вновь с радостью отметил долетавшие звуки дьявольской техники. Опасность подстерегала нас на расстоянии вытянутой руки — и пусть она там подольше остается.
— В каком-то смысле нам повезло, что мы воюем с монстрами.
— Повезло? — выкрикнула Джилл.
— Тише ты!
— Прости.
— С монстрами сражаться легче. До сих пор войны на Земле случались между людьми. Это гораздо тяжелее.
Джилл сморщилась, размышляя над тем, что я сказал. Я почти видел по выражению ее лица, как мысли крутятся в ее голове.
— Никогда не смогла бы ненавидеть людей так, как ненавижу демонов, — произнесла она наконец.
— Хорошо, что ты так думаешь.
— Но почему же с монстрами легче воевать? Ведь монстра так просто не убьешь, не то что человека.
— Потому что их не надо брать в плен, — начал объяснять я. — Можно вообще об этом не беспокоиться. А если даже попадется один, то не надо думать, как его пытать. Неизвестно даже, есть ли у пришельцев нервная система, подобная нашей.
— Пытать? — Глаза у Джилл округлились. Она снова задумалась. — Да, я могла бы их пытать.
— Чтобы получить информацию? — спросил я.
— Чтобы отомстить за все, что они натворили.
— А людей ты могла бы пытать, если бы они совершили то же, что монстры?
— Не знаю, — засомневалась девочка. — Как именно?
Глядя на нее, я вспомнил офицера, который мельтешил на островах Пэррис в качестве классного наставника перед тем, как перейти в разведку, может, даже в ЦРУ (кто знает?).
Он учился на всех, какие только существуют, медицинских курсах, хотя не собирался становиться врачом. У него было вялое рукопожатие. Он был из тех, кто не умеет выбираться из вращающихся дверей. В общем, он доводил меня до оторопи. Поэтому я решил, что для четырнадцатилетней пигалицы одной консультации в день достаточно — дай Бог, чтобы ее переварить.
— Любым способом, — я не стал вдаваться в подробности.
— Кажется, могла бы, но только тех людей, которые перешли на сторону пришельцев.
— Тогда ты свободна, потому что пришельцы никого не вербуют, кроме зомби.
— А с ними мы знаем, как расправиться, правда ведь, Флай? — повеселев, воскликнула Джилл.
— Точно.
Я шутливо хлопнул девчушку по руке, как делал обыкновенно с Арлин. Она сначала отпрянула, но потом с виноватой улыбкой ответила мне тем же. С некоторых пор она перестала принимать по каждому поводу оскорбленную позу, как вечно обиженный человек. Что-что, а люди умеют подгадить.
Время близилось к десяти, мы ждали возвращения Арлин с Альбертом.

18

Я почему-то чувствовала себя виноватой, оставляя Флая с Джилл в логове фокусников-головорезов.
Когда я в первый раз увидела Альберта, то подумала, что он слабак. Может, дело было в том, как он держал автомат у головы единственного в моей жизни (кроме Вильгельма Додда) мужчины, который

чего-то стоил, — капрала Флинна Таггарта из Армии дураков Соединенных Штатов. Во время прогулки с этим благочестивым атлетом по магазинам я поймала себя на том, что изредка поглядываю на его профиль и нахожу силу там, где поначалу видела только слабость.

Я всегда любила сильных мужчин. Таким мне запомнился отец. Он умер, когда мне было всего десять, поэтому многие детали стерлись из памяти. Но мне хочется думать, что таким он и был. Я росла, защищая его память от нападок брата, этого слизняка, который утверждал, что отец нас бросил.

Я не думала о семье с тех пор, как началось вторжение, кроме того раза, когда Флай навел меня на разговор о брате и мормонской церкви. Я вообще с радостью выкинула бы эту тему из головы, но Альберт вдруг возьми да спроси:

— Ты не жалуешь мормонов, да?

Мы остановились передохнуть в тихом переулке неподалеку от супермаркета. Зомби разгружали восемнадцатиколес-ный хлебный фургон, но в ящиках наверняка был не хлеб, хотя я не рвалась узнать, что там на самом деле.

— У меня вообще напряг с официальной церковью, — сказала я. — Хотя ничего личного.

Ну уж, ничего личного! Лжец из меня никудышный.

— Если тебе неприятно говорить, не надо, — дипломатично заметил Альберт.

Котелок у этого бройлера варит.

А поговорить-то стоило. Мы с Флаем так привыкли друг к другу, что нам даже не приходило в голову пооткровенничать. В нем много мальчишеского — отличное качество для друга, но от возлюбленного я жду другого. Может, таково мормонское воспитание, но Альберт держал себя по-отечески.

Когда-то, еще в колледже, когда семья наша разваливалась, я позволила уговорить себя обратиться к психоаналитику, и выбросила сотни долларов, чтобы услышать то, что уже знала. В идеальном друге я буду искать брата, которого мне всегда не хватает. Флай как раз то, что доктор прописал. А в идеальном любовнике — отца. Врач был фрейдистом, так что дальше его фантазия не заходила.

У женщин из Союза сестер, с которыми я протусовалась одно лето, с фантазией все было в порядке, но я не виновата, что мой детский опыт больше соответствовал фрейдистским стереотипам, чем дамским идеям. Просто так получилось.

Словом, я видела на лице Альберта решимость, он жаждал стать опорой для какой-нибудь Мисс Пан-Америка, от чего очень хотелось укоротить ему хвост. Подумать только, мы стоим, зажатые со всех сторон в темном, вонючем переулке, готовясь спасти человечество от нашествия адской нечисти, а бедняга озабочен тем, что я думаю о его религии.

Более незамысловатый мужик попытался бы урвать свое и пудрил бы мне мозги в том смысле, что человечество близко к истреблению, так что давай, мол, детка, пока есть возможность, займемся любовью — надо же думать о будущем, а не только о себе…

Но Альберт не таков, как, впрочем, и Флай. Очень поразному, но оба джентльмены. А Джилл симпатичная молодая леди. Я могла оказаться в этом Армагеддоне с куда менее приятной компанией.

— Не буду врать, Альберт. У меня есть претензии к мормонам, но это не повлияет на наши отношения. Несмотря ни на что, я, хм-м, уважаю тебя.

— Спасибо, не хотелось бы на тебя давить, — сказал он вежливым, хотя, быть может, чуть холодным тоном.

А почему, собственно, мне не поговорить с этим мормонским богатырем, раз уж я открыла кое-какие подробности Флаю? Опять пришла в голову мысль, что с этим относительно чужим человеком легче быть откровенной. Как бы ни была я близка с Флаем, моим закадычным приятелем, между нами имелась некая преграда, через которую никогда не перешагнуть.

Попытайся я сказать Флаю: «Есть вещи, которых ты не понимаешь», — и он уставился бы на меня с выражением «что-ты-черт-возьми-несешь» на лице и заставил чувствовать себя глупой, взбалмошной девчонкой. Он бы сделал это не со зла, но от этого ничего не менялось.

Беда состояла в том, что я не могла обсуждать с Флаем некоторые вещи. По эмоциональным причинам, которые он не принимал в расчет.

— Знаешь, Альберт, — продолжила я, испытывая явную радость оттого, что произношу его имя, — я хочу рассказать тебе о брате.

— Что ж, готов выслушать тебя, но ты вовсе не должна, если…

— Он никогда не был, что называется, настоящим мужчиной. Наверное, из него бы не получился хороший пехотинец. На свою беду он был хорош собой… но опять же не по-мужски, а такой… женственной красотой. Сам знаешь, как это бывает: изящная фигура, белая кожа, длинные, как у девчонки, ресницы.
— Над ним смеялись, да?
— Пожалуй. В двадцать лет я весила на десять фунтов больше, то есть я хочу сказать, на пять килограмм… готовилась в армию.
— Представляю, каково ему приходилось.
— Потом стало еще хуже. Ребята в театре, те, что постарше — он заведовал сценой в «Спейслингзе», — начали к нему приставать. По-настоящему, агрессивно, там было много голубых. В театре такое случается, а кто это отрицает, тот никогда не работал ни в Л.А., ни в Нью-Йорке. Я даже не знаю, действительно они имели на него виды или просто дурачились, но Брос…
— Брос?
— Я тут ни при чем, это он сам. Ему дали имя Амброуз, но он называл себя Брос. Так вот Брос не на шутку испугался, что он голубой, понимаешь? И ладно бы он им был, тогда ему ничего не стоило бы сказать: «Да, я такой», — понимаешь? Но он не был голубым. Он вообще никем не был, так что совершенно спятил.
— Не знаю даже, что и сказать. У меня никогда не было таких проблем. Я всегда знал, что, кроме женщины, мне никто не нужен.
— А он пустился во все тяжкие и на каждом шагу пытался продемонстрировать свою мужественность, понимаешь? Швырялся девочками и норовил засунуть свой при-чиндал в каждую попавшуюся дырку. Однажды даже… — Я заколебалась.
— К тебе приставал? — задохнувшись от возмущения, воскликнул Альберт.
— Ну, этот номер у него не прошел, запретная зона. Я ему так двинула, что он не успел сообразить, как из вертикального положения перешел в горизонтальное. Вскоре после этого он связался с дурной компанией и потом вдруг решил перейти в мормонство.
— А к какой церкви принадлежит твоя семья?
— К епископальной, к какой же еще, по-твоему, могут принадлежать Сандерсы? Чем ближе к англиканской, тем лучше.
— И как долго он с нами пробыл?
— Восемь месяцев. Он переехал в Солт-Лейк-Сити, а через полгода опять вернулся в Голливуд. Кажется, он появлялся пару раз в вашей церкви на Оверленд-авеню, но потом нашел себе нового избавителя — наркотик «танк», знаешь такой?
— Не-а. Я вообще в этом деле профан… во всяком случае по части употребления. Твой брат сам виноват в своих бедах. Католиков, лютеран или баптистов ты бы тоже обвиняла, если бы он прибился к ним на своем пути в ад?
Слова Альберта заставили меня улыбнуться.
— Я и не думала, что ты такой красноречивый! Готова признать, что во мне говорит предубеждение. Когда я думаю о брате, то злоблюсь на религию вообще, но при мысли о мормонах мне становится просто нехорошо. По-моему, церковь толкает человека черт знает на что.
Альберт рассмеялся, и я подумала, что, пожалуй, стоит сбавить тон.
— Соборы тоже? — спросил он.
— Да, тоже! — отрезала я. Этот человек явно принимал участие в диспутах. — Все религии, особенно те, которые притворяются, что они вовсе не религии. Мол, только они приведут к Богу, обозначив верный образ жизни или нравственные принципы.
— Арлин, можно попросить тебя об одолжении? Пожалуйста, не говори Флаю о нашем разговоре. Мне нравится, какие сейчас в нашей группе сложились отношения. По-моему, не стоит делать ничего такого, что могло бы отвлечь Таггарта от его обязанностей.
— Я не стану болтать. Ты меня выслушал, и прекрасно. Альберт поерзал мощной спиной по стене, садясь поудобнее.
— Ты говоришь, брат пристрастился к наркотикам? Со мной тоже такое было, только по другой причине. Я не люблю распространяться о том времени, когда был снайпером в морской пехоте, это мое

личное дело, мое и Господа. Но однажды мне дали задание уничтожить женщину, которую подозревали в том, что она отмывает деньги для колумбийского картеля «Абьера», вовсю занимавшегося наркобизнесом.
— Не велика потеря, — ляпнула я не подумав. Альберт придвинулся ближе, словно боялся, что монстры подслушают и доложат о его признании в ставку Сатаны.
— Я же сказал, Арлин, ее только подозревали, никаких доказательств не было.
— А-а, — только и смогла произнести я. Но зато искренне.
— Раньше мне не доводилось убивать женщин. Это называют терминацией, хотя убийство есть убийство, от игры словами ничего не меняется.
— Армия есть армия, — парировала я, отмечая одновременно про себя, что Альберт нравится мне все больше и больше. — Значит, ты должен был покончить с этой женщиной против своей воли, потому что обвинение основывалось только на подозрениях.
Парень кивнул и на время смолк, не в силах говорить.
— Основательных подозрениях, но все равно для меня это оказалось проблемой. Потому что шло вразрез с моими нравственными устоями.
Неожиданно я разозлилась и, не сдержавшись, выпалила:
— Отлично придумано — убивать всех подозреваемых, чтобы наконец добраться до нужного человека?! Пожалуй, Церковь ЦРУ причислит тебя к лику святых.
— Да нет, убить женщину. В конце концов я решил, что если не смогу найти оправдания ее уничтожению, то не смогу считать оправданным убийство парня, которого подозревали в том, что он работает на Штази? Я разделался с ним за месяц до этого.
— А кто теперь играет словами?
— Хорошо, убил его за месяц до этого. Он обучал группу террористов, которую должны были забросить в Кефиристан как подкрепление «Косе славы». Проблема сводилась к одному: доверяю я начальству и считаю, что оно знает, что делает, или нет.
Альберт хотел быть искренним до конца, но слова застревали у него в горле. Я решила ему помочь.
— И ты ее убил.
— Да, убил. Думаю, она все-таки была виновна.
Тут я хихикнула. Он посмотрел на меня, словно на помешанную.
— Да нет, я не над тобой, Альберт. Я смеюсь над несчастной Америкой, которая пошла на такие испытания, чтобы защитить кретинов вроде моего брата.
Моя фраза вернула нас к окружающему кошмару.
— Думаю, все мы грешники, — сказал Альберт. — Все мы заслужили проклятие и смерть и достойны своей судьбы, ибо ослушались Господа. Вот почему нам нужен Спаситель. Я сам несу ответственность за кровь на моих руках, даже если Он очистит их от крови. Я не виню церковь, армию, родителей, общество или кого бы то ни было еще.
— Тут мы с тобой расходимся, друг, — заметила я. — Ибо я виню Бога.
— В таком случае ты обвиняешь природу вещей.
— Да, возможно. «Природа вещей» поджидает нас за углом с когтями и рогами, готовая забросать молниями и серой. Единственное, о чем я сожалею, так это о том, что не встречу Бога, когда в руках у меня будет ракетная установка.
Я понимала, что перебарщиваю и вообще нарушаю табу, говоря о религии, но я же говорила с нормальным человеком, а не с Президентом Совета двенадцати.
И все-таки, если честно, Арлин Сандерс, ты уверена, что не пытаешься умыть руки, между тем как на тебе тоже кровь невинных людей, которые могут погибнуть из-за твоей дурацкой оплошности — из-за радиограммы полковнику Карапетяну, перебежавшему к пришельцам? Вздрогнув, я отогнала от себя эту мысль.
— Ты не можешь взорвать Бога, Арлин, — раздражающе спокойным голосом произнес Альберт.
В надежде, что богохульство высечет из него побольше огня, я сделала последнюю попытку, продолжая исходить злостью:
— Однажды Он уже являлся во плоти, правда ведь? Так вот, если бы еще раз…
— Думаю, крест потяжелее базуки, Арлин. Почему-то я не верю, что ты можешь пригвоздить

когонибудь к кресту.
Я чуть не рассказала о распятых князьях ада, которыми монстры украшали Деймос, и что я с радостью делала бы то же. Что меня остановило? Я и так достаточно наговорила. Больше, чем достаточно. Тихое спокойствие, которым Альберт встретил мой взрыв, свидетельствовало о столь твердой вере, которую не сломить ничем. Кроме того, у меня появилось чувство, что, если я не уймусь, он, пожалуй, начнет за меня молиться.
— Спасибо за откровенный разговор, за твое признание о Колумбии, — сказала я.
— Никогда и ни с кем мне не было так легко быть откровенным, — ответил он. — А теперь пора приниматься за работу.
Черт, этот Альберт и впрямь мне нравился. Первый раз за многие недели я подумала о Додде, моем… моем парне, которого превратили в зомби, моем любовнике, чью телесную оболочку я избавила от муки.
К полыхавшему негодованию подметалось смутное чувство вины, но я затушила его гневом. У всех у нас собственные проблемы. Все мы люди. Мне было противно, и я устала думать о том, что сделала не так или могла бы сделать лучше. Но человеческая природа — это не только слабость, это сила, и наша работа состояла в том, чтобы отвоевать назад наш мир. Дьявольщина, почему я запнулась, когда хотела назвать Вилли «любовником»? Только потому, что это слово одного корня со словом «любовь»?
Что ж, следующим полем битвы должен был стать супермаркет. Зомби закончили разгружать фургон и убрались восвояси. Путь освободился.
— Пошли, — позвала я Альберта.
— Только после вас, — ответил галантно он.

19

Мы прошмыгнули в супермаркет через заднюю дверь и стали пробираться в зал. Лампы мигали с тем же мерзким стробоскопическим эффектом, что и на Деймосе. Может, пришельцы вовсе не неряшливые, дикие, равнодушные ко всему существа, а изощренные эстеты? Проверить это было невозможно, зато я точно знала, что от мигающего света у меня начинает болеть голова и я готова разрядить обойму в первого же лазутчика с Хэллоуина, который попадется у меня на пути. — Идем, — шепнул Альберт, опередивший меня на несколько шагов.
— Только после вас, — из любви к симметрии процитировала я.
Подумалось, что было бы приятно пройти с ним тур вальса.
В основной части магазина ровным светом горели флуоресцентные лампы. Но из-за выключенных холодильников в зале стояла страшная вонь от испорченных продуктов — молока и мяса.
— О-о! — воскликнул мой друг-мормон, зажимая нос. Мясо воняло гораздо хуже, чем сгнившие овощи. А рыба, о, Боже!
Если бы я не накачалась для бодрости адреналином — по сравнению с которым кофеин безобидная детская микстурка, — я бы ни за что не поверила тому, что предстало нашим глазам. На Фобосе или Деймосе таких бредовых спектаклей не показывали.
— Ад наяву! — выдохнул Альберт.
В магазине стояла толчея, как в хороший субботний день в старое доброе время. Там были мамы и папы с детишками. Юные влюбленные. Представители среднего класса со средней величины мозгами. И все как один в безобразных майках толкали по центральному проходу тележки, сметая любое препятствие на своем пути. Казалось бы, привычное зрелище… кроме того, что все посетители супермаркета были мертвяки-зомби в приступе закупочной лихорадки. У них никогда больше не заблестят глаза. Рты не извергнут ни слова, а лишь дурно пахнущую, вязкую мокроту — отвратительнее, чем содержимое желудка закоренелого пьяницы. Руки будут хватать все или всякого, к кому прикоснутся.
Вокруг стоял настолько концентрированный терпкий лимонный запах, что я едва могла дышать, а у Альберта начали слезиться глаза. В горле скапливалась какая-то гадость.
Ближайший к нам зомби был когда-то крупным мужчиной, возможно, футболистом. Через все его лицо тянулись широкие голубые полосы — вены, шрамы или просто грим, я не взялась бы сказать. Рядом с ним ковыляли останки бывшей красавицы, которая, верно, некогда старательно ухаживала за своими длинными волосами, давным-давно, еще в том мире… за последний месяц куда-то исчезнувшем. Теперь волосы девушки походили на паутину, в которой застряли трупики запутавшихся пауков.

Эта парочка выглядела лучше остальных зомби. Ближайшее к нам семейство имело просто устрашающий вид, особенно мальчик лет тринадцати (то есть то, что когда-то было мальчиком лет тринадцати). У него не хватало части головы. Создавалось впечатление, что она растаяла. Как глыба карамели, оставленная на солнце и подтаявшая с одной стороны.

Тощий, лысый мужчина походил на огородное чучело, которому сверху нацепили ухмыляющийся череп. У него не было правой щеки, и несколько сохранившихся с этой стороны зубов напоминали обгрызенные зерна кукурузы.

Две девочки из отряда скаутов несли в бледных руках какие-то грязные коробочки. Одна уронила коробку, и у нее отлетело несколько пальцев. Одетый в униформу похоронного бюро мужчина упал на колени и сгреб пальцы в рот, где они исчезли, как бледные черви. Мертвый священник ощупывал дипломат мертвого судебного исполнителя, склонившись над кучей гниющей на полу рыбы. Вонь от зомби была настолько сильной, что я почти не чувствовала запаха тухлятины.

— Ты в порядке? — спросил Альберт. Я кивнула не поворачивая головы.

— Что ты так смотришь на них?

Вопрос Альберта прозвучал приветом от Флая. Мой старый приятель всегда давал хорошие советы, вроде того, что не надо сосредоточиваться на деталях, которые не способствуют успешному завершению задания. Но это был первый раз, когда я видела безобразных уродов в таком количестве и так близко, не озабоченная необходимостью расправляться с ними.

— Со мной-то все в порядке, — шепнула я, оттаскивая Альберта в тень. — Более того — все идет как надо. Здесь такая вонь, что твари не могут унюхать живых людей, что и спасет им…

— Жизнь, — закончил Альберт мою мысль. — Давай возьмем лимоны и уберемся отсюда поскорее.

Никогда не следует спорить с разумным предложением. Однако, когда мы еще раз заглянули в зал, оказалось, что зомби стало значительно больше, чем минуту назад.

— Откуда их только черти приносят! — возмутилась я.

— Вот именно оттуда, откуда черти и приносят, — резонно заметил Альберт.

Картина становилась все более сюрреалистической. Вы только представьте теснящихся в проходах зомби, которые набивают свои тележки упаковками с суррогатом (требуется нечто пострашнее, чем конец света, чтобы эта пища испортилась). Некоторые были поглощены, как могло показаться, полезным занятием: деловито переставляли товары с полки на полку и обратно.

Зомби не нуждались в продуктах. Они просто автоматически воспроизводили свое былое поведение, словно программа настолько въелась в их черепа, что, даже потеряв души, они не могли избавиться от привычки делать субботние запасы.

И вдруг погас свет. Судя по всему, вырубился генератор.

— Что же теперь делать? — спросил Альберт.

— Ловить момент, — сказала ему я. — Это нам только на руку. Надо было с самого начала отключить генератор. Ведь легче прошмыгнуть мимо зомби, пока они нас не видят. Они слишком тупые, чтобы ориентироваться в темноте.

Если когда-нибудь введут премию за Знаменитое Последнее Слово, могу поспорить, что соберу достаточное количество голосов для выигрыша. Не успела я сделать свое самоуверенное заявление, как магазин залило мерцающим желтым светом. Зажглись десятки свечей. Я представила себе Флая, назидательно зудящего своим «я-же-тебе-говорил» голосом: «Если они умеют стрелять, то уж, наверное, и с другим тоже справятся».

Просто беда, что Флай так часто бывает прав. Вот и теперь он засел у меня в голове и поучал, когда я делала ошибку.

Зомби зажгли не только свечи. Запахло горящим маслом или жиром. Мне не хотелось думать, что еще они могли использовать в качестве факелов.

— Интересно, давно ли они подожгли магазин, — задумчиво произнес Альберт.

— Они еще не подожгли, — прошипела я. — Хватаем лимоны и делаем отсюда ноги!

Когда мы смешались с толпой, мое сердце колотилось столь отчаянно, что я боялась, как бы кто из ублюдков не услышал. Тогда им не потребуется нас вынюхивать или выглядывать, чтобы превратить в дежурное обеденное блюдо.

Держа в руках запальные фитили, зомби выискивали, что бы еще поджечь. Вдруг заполыхала кадка с

цветком в углу. Хорошо, что от нее ничего не загорелось. Первый и, возможно, последний раз в жизни я радовалась, что нахожусь среди зомби. Люди наверняка устроили бы переполох и панику, еще более опасную, чем огонь. А зомби было плевать. Они, как вы понимаете, и глазом не моргнули.

Надо отдать должное Флаю, он никогда не переоценивал зомби — просто не хотел, чтобы я их недооценивала. Но, принимаясь сейчас за дело, мы ставили только на их глупость. Я направилась к стопке корзинок и взяла одну. Альберт шел за мной по пятам, ближе, чем тень Питера Пэна.

Я протянула ему корзинку и увидела, что у него трясутся руки. Я нисколько его не винила. Сражайся он с монстрами, даже один против всех, он бы чувствовал себя гораздо уютнее. Но каково ему было, с его-то религиозностью, любоваться на реанимированных мертвецов!

Если я правильно помню, а я всегда все помню правильно, у мормонов допотопные представления о человеческом теле. То ли дело католичество — тут я готова согласиться с монашками Флая: плевать, что станется на поле боя с твоим телом, если с душой все в порядке. Чем духовнее вера, тем больше у нее, как я понимаю, шансов завоевать популярность в атомный век, когда ядерный взрыв способен однажды в мгновение ока всех нас до одного угробить.

20

Растерянность Альберта странным образом придала мне смелости. Получив премию за Знаменитое Последнее Слово, я потратила ее на то, чтобы вступить в общество «Психи — это мы». Ситуация была настолько безумной, что я предвидела от этого некоторую пользу.

Мы повернули за угол и увидели сидящую на полу женщину-зомби с двумя свечами, пакетом древесного угля и зажигалкой — четыре предмета на две руки. Она никак не могла решить, что выбрать: брала две вещи, потом бросала, чтобы взять две следующие, и так без остановки.

Обернувшись к Альберту, я попробовала прибегнуть к телепатии. С нулевым результатом, так что живущие по соседству скептики могут не беспокоиться. Поскольку Альберт не реагировал на мое безмолвное послание, пришлось действовать самой. Когда леди бросила в очередной раз свечу и зажигалку, я нагнулась и подняла их.

Теперь, когда я разрешила ее недоумение, она поднялась и неуверенно затопала по проходу с доставшимися ей свечой и углем. Я хотела было отдать зажигалку Альберту, но потом передумала и дала ему зажженную свечу. Пусть лучше источник огня останется при мне.

Где-то на задворках памяти маячили старые фильмы ужасов, где монстры боялись только огня. Когда я в детстве тайком упивалась по ночам этими фильмами, в то время как все остальные спали, могла ли я подумать, что накапливаю информацию? Хорошо еще, что мне до сих пор не пришлось пускать против них в ход молоток или кол, но я оставляю за собой право выбора.

Мы побрели по проходу, стараясь по возможности походить на зомби. В овощной секции мы набили целлофановые пакеты омерзительными остатками лимонов и лаймов, всем, что нашлось.

Лаймы уже даже не были зелеными, а приобрели какой-то уныло-серый цвет и покрылись черными пятнами. Лимоны, правда, кое-где еще сохранили желтизну, но большая часть поверхности потемнела и производила отталкивающее впечатление. Такие цвета никогда не входили в число моих любимых.

Вокруг начали собираться зомби, окружая нас плотным кольцом. Возможно, наши целенаправленные действия были слишком уж целенаправленными. Неужели этим кретинам хватает мозгов, чтобы понять, что кто-то ведет себя не как зомби?

Я постаралась принять самый что ни на есть тупой вид, но требовалось не это. Притворяться вообще безмозглой куда труднее. Собрав побольше слюны, я по-идиотски раззявила рот. Альберт на сей раз оказался более внушаемым и тут же включился в игру. Тот факт, что у него получилось весьма убедительно, вовсе не дает нам права сразу думать о человеке гадости. Однако когда он бессмысленно выпучил глаза, видик у него был, скажу я вам, именно тот, что надо!

Спектакль немного помог. Зомби покинули нас ради чегонибудь более любопытного. Только какой-то здоровый негр в спортивном костюме — бывший когда-то негром, конечно, — продолжал преграждать нам путь, уставясь при этом почему-то на корзинку с гнилыми лимонами, а не на нас. Он начинал действовать на нервы. Стоило мне подвинуться вправо или влево, как он тоже делал едва заметный шажок, достаточный тем не менее для того, чтобы заблокировать нас, если мы вздумаем двинуться дальше.

А мы как раз собирались двинуться дальше, потому что толпа сзади начинала напирать, перекрывая

путь к отступлению. Я не могла вспомнить, закрыли мы дверь, когда вошли или нет. Если не закрыли, в магазин могли набиться новые зомби, несомые мертвыми ногами и ведомые мертвыми мозгами, чтобы урвать кусочек канувшего живого прошлого.

Откудато возник звук. Настолько странный, что я не сразу поняла, что он идет от сжимающегося вокруг нас кольца ходячих трупов. Он был похож на слабое подвывание, рвущееся из грудей, в которых не бьются сердца. Утробный, тонкий, пустой, потерянный, тоскливый звук — хор, взывающий из ада ко всем живым:

«Придите к нам, жизнь совсем не так заманчива, как вам кажется! Присоединяйтесь к нам, и мы будем вместе. Мы жаждем компании. Вы можете оставаться самими собой. Привычки не исчезают только потому, что из вас выветрилась жизнь. Если вы при жизни носили в руках оружие, то можете носить его и в смерти. Заведенный порядок останется прежним. Исчезнет только постоянное стремление показать себя, необходимость делать выбор, демонстрировать свою гордость. Не судите — в смерти все равны».

Мне хотелось закричать. Хотелось вытащить свой 10-миллиметровый и палить до тех пор, пока не сотру всю нечисть Земли. Земля принадлежит людям! Мертвые должны оставаться под землей и кормить червей, которые по крайней мере выполняют свою задачу!

Зомби представляли собой толпу, лишенную интеллекта и индивидуальности. Разглядывая их в колеблющемся свете свечей, я вспомнила, как всегда ненавидела Линуса ван Пелта, который говорил, что любит человечество, но не выносит людей. Много раньше я читала книгу Х. Л. Менкена, который писал, что не питает любви к человеческой расе в целом, для него важны личности.

Личности. Смысл всего развития. Личности. Единственное оправдание американской революции, капитализма, любви. На этом кладбище, которое когда-то было магазином, существовали только две личности, и одна из них — я. Другая тем временем показала мне, что корзинка полна гнилых лимонов и пора сматываться, если только мы сможем пробраться сквозь толщу синюшного, вонючего, неуклюже мотающегося из стороны в сторону мяса.

Альберт принял командование на себя. Взяв лимон, он бросил его в другой конец прохода. Это была смелая догадка, оправдавшая себя: память предков, как перебирающийся ощупью зомби, вытянула пальцы и стронула что-то в голове бывшего физкультурника. Он повернулся и зашагал за брошенным лимоном, словно это был мяч.

Мы двинулись в кильватере за проталкивающимся сквозь толпу негром. К тому моменту, когда он дошел до лимона, он уже забыл о нас, хотя говорить так — значит преувеличивать. Мы были всего-навсего чередой мимолетных впечатлений, колебаний света и звука, привлекших его на какое-то мгновение.

Впереди маячила входная дверь. Широко раскрытая, она манила нас, заставляя забыть об отсутствии электричества. Где-то на улице полыхал огонь, обозначая, куда бежать, если мы выберемся из магазина.

Последним препятствием, хотите верьте, хотите нет, оказалась длиннющая очередь у кассы, за которой сидела кассирша, производящая необходимые действия подобно тому, как остальные исполняли роли покупателей. Это уж было слишком — чего только мы ни насмотрелись, но это не лезло ни в какие ворота. Я рассмеялась. Не очень громко и почти сразу же придушила смешок.

Но на нас обратили внимание.

Возможно, остатки мозгов, сохранившиеся в голове экс-кассирши, встрепенулись после затянувшегося перерыва, не знаю, но она прекратила лупить кулаком по кассе и уставилась на меня, открыв рот, откуда вылез облюбовавший его себе в качестве дома таракан. Дырка в шее указывала на наличие предполагаемого входа в покои жильца.

Затем эта сука издала звук — совершенно новый звук, что-то вроде громкого воя, который привлек внимание остальных. Она скликала войска, и блуждающие глаза, вялые тела, вихляющиеся конечности и пустые головы ответили ей. Теперь они по-настоящему заметили нас.

— Бежим! — крикнула я, и мне не пришлось повторять.

Между нами и дверью зомби было не так-то много. Альберт сполна использовал преимущества своего мощного торса, и, пока он пробивал дорогу, я приготовила свой АБ-10.

Лишь оказавшись в дверях, я обернулась, чтобы проверить, как идут дела. Конечно, мертвяки пособразительнее ринулись в погоню. В знак восхищения их умом я разрядила в них автоматический пистолет, испытав истинное наслаждение.

Большинство зомби не имели оружия, но те, что бросились за нами, были вооружены. Я всегда знала, что между умом и желанием защитить себя существует связь — это с очевидностью проявлялось даже на таком почти животном уровне. Зомби ответили нам огнем.
Увидев, что я попала в передрягу, Альберт вернулся, держа наготове «Узи».
— Беги, я справлюсь! — крикнула я ему в тот момент, когда он уложил парочку мам и пап, которые по очереди палили в нашу сторону из семейного дробовика.
Зомби, в которых стреляла я, отступили, перезаряжая ружья. Но, прежде чем они начали очередной раунд, их нападавшие сзади собратья тоже дали залп, и пули полетели прямиком в авангардный отряд. Нам крупно повезло.
Тактика Флая полностью оправдала себя: первый ряд сделал поворот кругом и открыл огонь по своим тупоумным корешам. Мы бросились к припаркованным у бордюра изжеванным машинам, и, когда нырнули за них, схватка была уже в полном разгаре.
Откудато появился отряд клыкастых, которые смешались с кучей малой, отчаянно пытаясь остановить побоище.
— Отлично сработано, — шепнула я Альберту на ухо.
— Господь постарался, — с улыбкой сказал он. — Я и не думал, что они такие склочные.
Пора было возвращаться к Флаю с Джилл: они наверняка слышали шум и гадали, какое осиное гнездо мы потревожили. Да и время приближалось к десяти.
Пока мы шли, я думала об Альберте. Этот богатырского вида мормон — парень что надо, хотя вначале мне так не показалось. Нам с Флаем повезло, что он присоединился к нашему отряду — или мы к его. Я бы смело поставила на каждого из нас, даже на Джилл.
Мы наконец свернули в переулок, который после магазина показался нам родным домом. Есть одно преимущество в сражении с монстрами: не надо гадать, свой или чужой. Есть что-то такое в походке человека, что сразу отличает его от зомби. Мертвяки во многом забывают, что значит быть людьми.
Флай вздохнул и покачал головой, слово говоря одновременно «никогда больше не возьму вас с собой!» и «рад, что вы вернулись», однако не произнес ни слова. Мы вновь были вместе.

21

Я чертовски обрадовался, увидев Арлин живой и невредимой. Испытав на собственной шкуре огонь, воду и медные трубы, мы как-то привыкли выбираться сухими из воды. Если бы суровая судьба разлучила нас сейчас, ввергнув ее в пучину огня и крови, я бы позволил себе надеть траур по ней, только изничтожив в прах последнего пришельца. Если бы паче чаяния я выжил после всей этой катавасии, а она нет, я бы горевал всю оставшуюся жизнь. Возможно, она чувствовала то же самое, но мне сейчас было не до размышлений на эту тему.
Бросив корзину, набитую гнилыми лимонами, прямо перед носом Джилл, которая тут же выдала свое непременное «фу», Альберт метнул быстрый взгляд в сторону Арлин, и вашему покорному слуге почудилось, что вышеупомянутая особа отреагировала на него не без игривости. Вполне откровенной игривости. Хотя в последнее время творились вещи и более странные. Но я вообразить не мог, что между… впрочем, какое мне дело, что там у них происходит. Главное — задание, сказал я себе.
— Это вы устроили кошачий концерт?
— Как в старые добрые времена, — вздохнула Арлин, когда мы были молоды и беззаботны под парящим в небе кроваво-красным Марсом.
— Ха! — отозвалась Джилл.
— Ух-ты! — присоединился к ней Альберт. Когда Арлин впадала в поэтическое настроение, то превращалась в блаженного скитальца.
— Операция закончилась успешно, не так ли? — полюбопытствовал я. — Прекрасно, приступим к косметическим процедурам.
Альберт отважно показал всем пример, раздавив в лапищах несколько лимонов и одинокий лайм и намазав полученным месивом физиономию. То же самое сделала Арлин и после глубокого вдоха — я.
Джилл попятилась.
— Ты тоже должна намазаться, — дружески, но наставительно заметил я.
— Да-да, знаю. — Она взяла лимон и нерешительно поднесла его к носу. — Гадость какая!
— Давай помогу, — теряя терпение, предложил я. Взяв в каждую руку по лимону, я смял их и начал

втирать жижу в голову.
— Эй! — закричала девчонка вырываясь.
— Сейчас не время думать о красоте, — рявкнул я и продолжил операцию, принимаясь за ее лицо.
— Перестань! — крикнула подошедшая к нам Арлин и, выхватив у меня из рук один из лимонов, помахала им перед моим носом, словно гранатой. — Что, ты думаешь, ты делаешь?
— Стараюсь ради истины, справедливости и воплощения американской мечты.
— Ах, вот как! — буркнула с сомнением Арлин. — Сейчас я объясню тебе, Флай Таггарт, что к чему, да так, чтобы ты понял.
И она с милой улыбкой изо всей силы наступила мне на ногу.
Пока я пытался осмыслить значение ее довода, Арлин шепнула мне на ухо:
— Джилл — женщина, а не ребенок.
— Не обращайся со мной, как с младенцем! — словно услышав ее слова, возмущенно завопила девчонка.
— А ты не веди себя, как младенец, — отрезал я и, не обращая внимания на Арлин, наклонился к пигалице и выговорил ей, как выговорил бы пехотинцу из моей роты, вздумай он выдрючиваться: — Послушайте внимательно, мэм. Когда вы обзаведетесь парочкой нашивок на плечах, тогда придет ваш черед думать и принимать решения. Но до тех пор извольте выполнять мои приказы, а я приказываю сейчас намазываться лимоном. С волосами и лицом покончено, теперь пора приниматься за остальное Справишься сама или хочешь предоставить это мне? Я не откажусь.
Джилл впилась в меня взглядом, затем взяла протянутый лимон. На сей раз урок пошел на пользу.
Она хоть и корчила рожи, но старалась изо всех сил. Я надеялся, что девчонка недолго будет дуться. Арлин налимонила нам спины, в тех местах, куда мы не могли дотянуться, а потом я проделал то же самое с ней. Затем мы покинули переулок и двинулись дальше.
Альберт шел впереди отряда к железнодорожной станции. Я замыкал шествие. К счастью, теперь, когда мы пахли, как зомби, мы могли передвигаться и нести оружие совершенно открыто. Свернув за угол, мы оказались в толпе. Я увидел, как насторожилась Арлин — неудивительно после передряги, в которую они с Альбертом попали в супермаркете. Но через секунду она уже оправилась и держала себя даже лучше, чем я.
Какое-то время я беспокоился за Джилл: она шла, растопырив руки, с трудом переставляя одеревеневшие ноги, словно плохая копия чудовища Франкенштейна — от волнения, конечно. В театре бы ее забраковали. Но зомби вроде не видели разницы.
Мы прошли через арку и оказались в толпе бесов, князей ада и кощеев с этими их проклятыми ракетными установками на спине. Увидев, как эти недоноски ходят, вихляясь, будто их кто-то дергает за веревочки, я сразу вспомнил марионеток, которых видел в Мексике на празднике День мертвых. Не при-ведись мне уже познакомиться с одним из них в грузовике, я бы решил, что нас дурачат. Одно хорошо: они позволили мне оценить по достоинству походку Джилл в роли зомби.
И тут наступил гнусный момент, когда силы Зла явили нам очередного новехонького, прямо с конвейера, монстра. Он не был по какой-то таинственной оплошности забавным на манер кощея. Он был просто омерзителен.
Слово «жирный» лишь отдаленно описывало объемы этого мясного оковалка. Мы прошли достаточно близко, чтобы учуять застарелый пот — ловкий трюк, если учесть, что модель только что сошла с конвейера. Новоявленная пакость напомнила мне притянутый в гравитационное поле Земли планетоид, с той только разницей, что состояла из наплывающих одна на другую тошнотворных, отвратительно-желтых, жидких, сочащихся складок куриного жира.
Однако это было только первое впечатление. Когда «существо» подошло ближе, я пришел к выводу, что оно гораздо хуже, чем мне вначале показалось.
Гигантский сгусток мокроты, слепленный неумелыми руками в некое подобие человека, обладал двумя свинячьими глазками-бусинками, запрятанными глубоко в недрах несуразного лица. Массивные, как бревна, руки заканчивались примерно от локтей мощными металлическими стволами. И было совершенно неважно: подорвут тебя из них или только слегка заденут.
В голове вертелось множество прозвищ для чудовища, и Арлин, я уверен, не поскупилась бы на идеи, но мне хотелось предоставить право крещения Джилл. Возможно, ей придет на ум что-нибудь

поаппетитнее, чем названия разного рода экскрементов, которые лезли мне на язык.
Вокруг толпились другие монстры и зомби, их было более чем достаточно, чтобы держать нас в страхе и напряжении. Но урод оказался слишком суровым испытанием для моего желудка.
Маячившие впереди два паровых демона, может, были куда опаснее, но они по контрасту показались мне почти красавцами. С четкой конфигурацией, с нормальным цветом кожи в тех местах, где у них было живое тело, а не механизмы. Даже их металлические части приятно поблескивали по сравнению с тусклыми, ржавыми трубками, торчавшими из того жирдяя. Хоть я и увлекся эстетическими выкладками на тему внешних достоинств монстров, я отдавал себе отчет, что вокруг творится неладное. Не нравилось мне, как зомби поджимали нас со всех сто-рон. Стоило мне уклониться вправо или влево, чтобы попытаться вырваться из толпы, как приходилось отступать перед бдительным оком князя ада или кощея — куда бы я ни ткнулся, они были тут как тут.
Наконец меня осенило: да нас просто ведут куда-то, как стадо коров. Но когда я это понял, выбираться было поздно: зомби сбились в плотную массу, направлявшуюся к высокому зданию. Сердце мое прибавило оборотов, и я уже начал подсчитывать шансы на побег, когда Альберт наклонился ко мне и шепнул:
— Нам повезло — они ведут нас на вокзал.
Провалиться на месте, если он не прав! Впереди маячил чертов поезд.
Сердце человека обдумывает свой путь, но Господь управляет шествием его.
Только в одном случае следовало дать деру — если поезд идет на восток, но я просто нутром чуял, что он покатит прямиком в ЛосАнджелес.
Стало ясно, что паровых демонов нам не избежать: они стояли у сходней, приставленных к открытому вагону для скота, который в этот момент как раз начал заполняться. Поскольку мы решили воспользоваться первой же возможностью, чтобы сесть в поезд, это было воспринято нами как некий знак.
В последнее время мои милые монашки частенько слышали от меня молитвы. Я никогда не мог представить себе святых или ангелов, поэтому, когда я впадал в надлежащее настроение, перед моим мысленным взором возникали эти иссохшие старцы, облаченные по обыкновению в черное или серое. Я привык думать, что мои наставницы — безобразные дряхлые вороны. Но теперь они стали являться мне осиянные красотой.
Моя молитва была незамысловатой. Молю Тебя, Пресвятая Дева Мария, не дай, чтобы эта туша села вместе с нами!
Мы могли не бояться, что нас разделят, потому что не оставалось места сделать и полшага в сторону. Мы были сжаты, как пассажиры токийского метро в час пик.
Когда посадка закончилась, я испытал невообразимую благодарность по отношению к монашкам: стоило дверям захлопнуться, как я сразу увидел, что нам не придется терпеть жирдяя — он сел в другой вагон.
— А вагон-то сзади открыт! — в изумлении воскликнула Джилл.
Я сделал ей знак, чтобы молчала, опасаясь, как бы мы не привлекли внимания, но вокруг было так шумно, что за собственным рычанием, сопением и ворчанием зомби вряд ли могли расслышать человеческие слова. Нас затолкали в заднюю часть вагона, где вместо сплошной стенки были прибиты вертикальные деревянные планки с пропущенными через них горизонтальными металлическими перекладинами.
— Похоже на окно, — пояснила Арлин.
— Как я посмотрю, все вы выросли в убеждении, что говядину выращивают на грядке, — едко заметил я. — Это же вагон для скота.
Заскрежетав, поезд медленно тронулся и тут же резко рванул вперед, отчего нас отбросило назад, на притиснутых к окну соседей. Те с ворчанием стали отпихивать нас обратно. Зомби вели себя гораздо хуже, чем люди, окажись они в той же ситуации. Некоторые, возмущенные тем, что их толкнули, стали палить в воздух.
— Здорово! — крикнула Арлин.
— Если так будет продолжаться, нас сотрут в порошок! — прокричал я ей в ответ.
— Но что мы можем сделать?

— Ничего! — вынужден был признать я.
Оставалось в очередной раз положиться на удачу. Но мои монашки, видать, трудились сверхурочно, потому что выстрелы вдруг прекратились. Я огляделся и увидел, что Альберт, закрыв глаза, беззвучно шевелит губами. Уж если нам суждено спастись молитвой, то, конечно, это работа для профессионала.
Джилл схватилась сзади за мой брючный ремень. Мысль мне понравилась, и я уцепился за Арлин, а она — за Альберта.
Мы проехали несколько небольших городков, которые вряд ли представляли какой-нибудь интерес. По ночному небу разливалось странное сияние, но я предпочитал его, если возвращение дня сулило все тот же противный зеленый небосклон. Было слишком темно, чтобы разглядеть пейзажи. Время от времени на горизонте полыхали пожарища — погребальные костры над прахом человеческой цивилизации. Наконец поезд резко затормозил, и опять началась толкотня. Но нам по-прежнему сопутствовала удача — стрельба не возобновилась.
— Черт, жаль, что в дверь ничего не видно, — сказал я.
Из заднего окна открывалась мрачная, но величественная картина — разрушенное здание и протянувшаяся на многие километры унылая сельская местность, однако громкие звуки впереди свидетельствовали о бурной деятельности.
— Вожаки мало обеспокоены тем, насколько информировано стадо, — заметила Арлин.
Словно в ответ на мою просьбу, тяжелая деревянная дверь отъехала в сторону, и глазам нашим предстало зрелище, которое увидишь нечасто. Отряд паровых демонов, предводительствуемый пауком вроде того, что был на Деймосе. Они охраняли открытую товарную платформу, на которой лежало похожее на забинтованное с головы до ног человеческое тело с щелочкой для глаз. Но кто это — мужчина или женщина — оставалось загадкой. Понятно было лишь, что человек, тело которого стягивали ремни, — пленник.
Картина заставила меня вспомнить о Билле Ритче, единственном человеческом существе, которого пришельцы старались сохранить, потому что нуждались в его знаниях… Следовательно, и этого незнакомца мы должны или спасти, или убить. Нельзя оставлять его в руках врагов, чтобы они выудили из него все, что им нужно. Кортеж скрылся из виду, жуткие звуки лязгающей поступи паровых демонов стихли.
— Ты думаешь о том же, о чем и я? — невнятно буркнула Арлин.
— Громче!
— Они зацапали еще одного из наших профи!
— Слушай! — рявкнул я. — Есть план! — Взоры окружающих обратились на меня, что естественно — ведь мы стояли почти впритирку друг к другу. — Хватаем мумию! И бегом!
Арлин сделала безразличную мину.
— А как вылезать? — воскликнула Джилл.
— Потихоньку!
Пока мы оценивали преимущества и недостатки нашего положения, монстры подтащили забинтованную куклу к головному вагону. Хотя мы почти не видели, что происходит, нетрудно было догадаться, что последует дальше.
Поезд снова тронулся, стало быть, ценный груз уже на месте.
— Вперед! — крикнул я. — Проталкивайтесь!
Джилл робко вытянула вперед руку, вернее, пальцы, и, как бы это получше выразиться, ткнула стоящую впереди женщину-зомби. У зомби нет нервной системы человека, но кое-какие реакции сохраняются.
Дама не подпрыгнула, не завизжала, но подалась вперед с такой силой, что вытолкнула с места стоявшего перед ней коротышку.
Джилл пропустила вперед Альберта, и он, налегая всей своей массой, расширил образовавшийся узкий проход. Задача была ясна — добраться до сцепления между вагонами. Мы продвигались вперед дюйм за дюймом со скоростью черепахи. Я полагал, что, пока мы не вывели зомби из терпения и они не стали стрелять, все идет нормально.
А тут как раз один из мертвяков возьми да и пальни без всякой видимой на то причины. Хотя что за глупая идея искать в действиях зомби логические основания?
Пуля пробила горло другого зомби, и жертва, издавая булькающие звуки, стала оседать на пол. Мы

были настолько тесно прижаты друг к другу, совсем как норвежские сардины, что дальнейшие попытки аргументации с помощью реактивных снарядов попросту уничтожили бы всех нас и остальных обитателей вагона.
Джилл вытащила свой 0,38. Вид у нее был напуганный и решительный одновременно.
— Не смей! — крикнул я ей, и мне не пришлось повторять дважды.
Зомби, у которого чесались руки, продолжал палить во все стороны и случайно попал в соединение металлической перекладины с деревянной планкой. Стоявший рядом здоровяк привалился к решетке и вдруг исчез, оставив после себя огромную дыру, через которую мог бы пролезть даже Альберт.
— Меняем план! — взревел я.
22
К тому моменту поезд вновь разогнался. На скорости 300–320 километров в час для обычного отупевшего пассажира освежающий ветер — роскошное приложение к радостям путешествия. Но стоило мне протиснуться в дыру, как я сразу понял, что бьющий в лицо ураганный ветер способен окоротить даже самого стойкого морского пехотинца.
Главное было не уронить дробовик, пока я вылезал и пытался ухватиться за выступ на крыше вагона. Я надеялся, что зомби не обратят особого внимания на перемену в обстановке. В каком-то смысле они оставались людьми и вряд ли были довольны теснотой, иначе зачем тогда стрелять. Возможно, нам даже удастся снискать их благодарность, освободив несколько лишних сантиметров.
Стоя на буфере и держась одной рукой за выступ, я протянул другую руку Арлин, чтобы помочь ей выбраться. Ее тонкая, сухая ладонь скользнула в мою потную лапищу, и я поразился тому, какая она холодная. У Арлин проблемы с конечностями, вечно они мерзнут. Подсадив ее на крышу, я взялся за Джилл. Перегнувшись вниз, Арлин стала мне помогать.
Я не винил Джилл за то, что она боялась, только удивился, когда ее начало трясти. Или, может, это поезд так сильно качало. Теперь будет о чем написать домой, промелькнула в голове мысль, если только дом еще существует. Как бы ни хотелось четырнадцатилетней пацанке казаться отважной и взрослой, она попадала в передряги одна хуже другой и вынуждена была справляться с ними без всяких поблажек и подготовки.
Несмотря на чувство страха, девочка делала все как надо, а на слезы я просто не обращал внимания. Мне пришлось вытягивать Джилл под неудобным углом, хорошо, что она почти ничего не весила. Так что когда я передал ее наконец Арлин, из моей груди вырвался вздох облегчения.
А вот с Альбертом была настоящая проблема. Представьте, здоровенный парень, не совсем такой спортивный, как ваш покорный слуга, но все-таки. Арлин пропустила через петлю на крыше веревку и привязалась к нему. Веревка была дьявольски крепкой, потребовались бы тонны, чтобы она оборвалась. Мы не такие дураки — отправляться в преисподнюю без приличного снаряжения! Так что Арлин не грозила опасность упасть.
Теперь мы могли приступить к подъему Альберта. По счастью, это оказалось гораздо легче, чем сдвинуть с места парового демона.
Прогулка по крыше могла бы даже доставить удовольствие, если бы не бешеный встречный ветер. Пахло здесь не в пример приятнее, чем внутри вагона.
Мы легли на живот и отдали себя во власть яростного вихря. Однако нас не сдуло — на самом деле мы могли даже нетвердо держаться на ногах, как бы опираясь на воздушные массы. Наверное, впереди образовалась своего рода воздушная запруда, иначе при скорости в 300 километров в час стоящий на крыше вагона человек был бы неминуемо сбит — как муха щелчком.
— Слушай команду! — крикнул я против ветра. — По одному вперед марш! Потихоньку! Чтобы не упасть!
Арлин поднесла губы к самому моему уху.
— ЛосАнджелес далеко?
— Два часа, к рассвету будем. Главное — человек, нужно или спасти или убить его!
— Что?! — в ужасе вскричала Джилл.
Достаточно громко, чтобы ее услышали. Старым воякам, вроде Арлин и Альберта, можно было ничего не объяснять. И хотя я перестал относиться к Джилл как к ребенку, привыкнуть к мысли, что она — существо гражданское, никак не мог.

— Лучше смерть, чем позор!
Не знаю, что уж девчонка там расслышала, но она сжала зубы и больше не произнесла ни звука. Можно было подождать с жестокими истинами до следующего раза. Надеюсь, ей никогда не придется решать, кому даровать жизнь, а кому смерть. Иногда я просто ненавижу штатских.
Обмен мнениями закончился. Да и вообще, не заткнись мы, посрывали бы от крика голоса.
Я двинулся первым, командир все же. Медленно и осторожно переставляя ноги. Весь путь занял около получаса. Хорошо еще, что через Аризону прямая колея. Правда, вагоны так и так раскачивало, и мы в любую минуту могли расшибиться насмерть — дорогу делали для грузового транспорта, а не для пассажиров.
Я то и дело оглядывался назад — моя команда была на месте. Следующая остановка — Город Отдохновения! Через два вагона маячила платформа, где расположился отряд, состоящий из паука, парового демона и запеленутого наподобие рождественского младенца человека. Паук находился между нами и пленником, паровой демон — с другой стороны.
Мелькнула мысль, что эти вершинные образцы монстро-строительной индустрии пришельцев имеют более тонкий нюх, чем прочая мелочь, а ветер на славу потрудился, чтобы выветрить наш лимонный запах. К счастью, мы шли против ветра. И он дул с таким шумом, что услышать нас враги тоже не могли.
Я помахал Арлин. Настало время действовать ветеранам Деймоса. Мы подползли к краю крыши, и я посмотрел вниз, в просвет между вагонами — слишком маленький для взрослого человека.
Я обратил внимание, что паук — преогромный: его правые ноги свешивались через край платформы, что навело меня на одну мысль.
Пролезть между вагонами могла только Джилл.
Господи, неужели ночные кошмары сбываются? Никто и не думал, что девчонку ждет развлекательная прогулка — но чтобы такое? Бросить необученного новобранца, к тому же не достигшего призывного возраста, в настоящую бойню? Против паука и парового демона? Да это же преступление… убийство!
Однако разве существуют варианты? В такую узкую дыру не пролезет даже Арлин, а она фунтов на сорок тяжелее Джилл. Это уже две разные весовые категории, обо мне или Альберте смешно даже думать.
Скрепя сердце, я сказал себе: «Настал ее час действовать».
Заклинание не помогло, на душе было мерзко и пакостно.
Мы отползли назад и устроили совещание — на крыше мы хотя бы слышали друг друга. Давая Джилл задание, я чувствовал себя последним гадом, но никто другой для него не годился. Во всяком случае, девочка была полна готовности и делала вид, что нисколько не боится, из нее бы вышел классный десантник. Или я уже это говорил?
Я выложил свой план со всеми подробностями: Джилл обвяжется сверхкрепкой веревкой и соскользнет в брешь между вагоном и платформой. «Как настоящий человек-паук!» — воскликнула она. Прекрасно, пусть так. Надо воспользоваться романтической шелухой, которой забита ее голова. Она должна верить в себя на все сто, чтобы справиться с заданием.
Если ее обнаружат, от нее останется мокрое место, так же, впрочем, как и от всех нас. Оказавшись между вагонами, она должна очень осторожно набросить на ближайшую к ней конечность Паука петлю и крепко затянуть ее — не дав насекомому заметить, что его опутали. Другой конец веревки нужно привязать к титановому дреку из снаряжения Альберта. Это можно сделать прямо сразу. Конечно, мы потеряем крюк и большой кусок веревки, но, если повезет, то потеряем вместе с ними и паука.
— Если Джилл справится, — продолжал я, — то ей останется только бросить крюк под колеса и ждать, когда он за что-нибудь зацепится.
— И эта громила кувырнется вниз! — радостно воскликнула девочка, сходу сообразив что к чему. — Классная идея, Флай!
Я позволил ей мысленно насладиться картиной триумфа. Долбануться о следующий за платформой вагон на огромной скорости — это должно сработать, и тогда мадемуазель-паук наголову разобьет паучьего гада, и поэтическая справедливость восторжествует.
Оставалось только воплотить гениальный план в жизнь. Пока Арлин с Альбертом привязывали крюк к веревке, Джилл разрешила мне обмотать веревку вокруг ее талии. Даже сама попросила об этом. Для

меня это много значило. Я легонько подтолкнул девчонку вперед и в глубине души понадеялся, что Альбертов бог не покинет нас именно в этот момент. Перед монашками я тоже замолвил за Джилл доброе словечко.
Малышка слезла по боковой стенке вагона, на котором мы сидели, платформа же находилась от нас еще через два вагона. Чем дальше, тем лучше. Я слез за ней.
Мы стали пробираться вперед где-то на уровне колес, так медленно переставляя ноги, что недавний поход по крыше мог показаться просто гонкой. О, пресвятая дева Мария, молился я, только бы вдоль путей не понаставили заградительных столбов!
Мы делали все, чтобы не попасть ногами в колеса, в эту крутящуюся смерть, потому что, поднимись мы хоть немного повыше, паук углядел бы нас. А так нас скрывали стенки вагона.
Было уже достаточно светло, чтобы я мог следить за каждым движением Джилл. Представляю, как побелели ее костяшки. Мои-то уж точно побелели. Я ступал шаг в шаг прямо за ее спиной, подстраховывая ее руками с обеих сторон, чтобы она, не дай Бог, не свалилась. Наконец мы подползли к краю платформы — начиная с этого момента, спектакль вела Джилл, а мне оставалось лишь висеть и ждать.

23

Блин, я чувствовала себя сосиской, когда он вытаскивал меня из вагона. Ну теперь все, я поклялась себе, что больше такое не повторится. Флай меня уважает, и Арлин тоже. А на Альберта мне плевать, хотя для мормона он еще ничего.
Теперь я им всем докажу! Может, я, конечно, чуть не гробанула грузовик, когда вылетели эти ракеты, и они, может, даже не догадываются, что висели на волоске от гибели. Но если я теперь справлюсь, мне будет море по колено! Плюс ко всему посчитаюсь с этими ползучими гадами за все, что они сделали с моей мамой. И папой тоже.
Он был прав, щель совсем узкая, даже для меня, но я протиснусь. Даже не знаю, что бы они без меня делали. Пока мы лезли, я вся запачкалась колесной мазью, меня даже блевать потянуло, но теперь я радовалась, потому что стала такая скользкая. Ха, хотела бы я посмотреть, как хоть кто-нибудь из мормонских зануд справился бы с таким! Да он бы повалился в обморок, и человечество проиграло бы войну.
Вдруг я увидела, что за борт платформы свешивается что-то вытянутое и серебряное. И на конце расширяется. Сначала я не поняла, что это торчит прямо у меня перед носом. А потом так и ахнула — да ведь это нога паука! Она была больше меня.
У ступни нога расходилась раструбом, вроде брюк, которые носили во времена моих бабушки и дедушки. Господи, хорошо, что они не видели, как монстры убивают их детей.
Я потянулась, пытаясь закинуть веревку за ногу, но она была слишком далеко! Тут меня разобрало — провалиться только потому, что твои руки не такие длинные, как у орангутанга!
Вдруг нога дрогнула. Я вскрикнула, подпрыгнула — и упала. Свалилась вниз, ударив коленку и зацепившись за край платформы так, что мое лицо оказалось на расстоянии дюйма от колеи.
О, Господи! На меня дохнуло ветром, щеки вмиг похолодели, запахло копотью. Кажется, я даже, хм, упустила в штанишки. Дрожа как осиновый лист, я стала карабкаться вверх. Посмотрела назад на Флая — у него был такой вид, будто он тоже упустил в штанишки. Я виновато пожала плечами.
Да, все мои компьютерные подвиги — плевое дело по сравнению с этим. Просто детские игрушки. Вот это работенка! Я знала, что рискую, но другого способа добраться до ноги не было: упершись коленом в основание платформы, я подтянулась и почти достала до нее.
И тут паук шевельнулся! Не успела я соскочить вниз, как его нога пригвоздила меня к стенке заднего вагона. Я застряла, словно муха в паучьей паутине.
Но не издала ни звука. Дышать становилось все труднее, но страха не было — как-то вышел у меня весь страх. Паук и не подозревал, что я там…
Стоит ему обнаружить мое присутствие, и он сразу меня прикончит — так я бы прихлопнула комара. Я до сих пор только потому была жива, что огромная нога меня закрывала. Конечно, паук мог прикончить меня и не разглядывая — надавил бы посильнее ногой, так все кишки и повылезли бы.
Пока я еще могла шевелить верхней частью тела, крепче всего зажало коленки. И дотянуться до паука было несложно. Поэтому я приступила к тому, ради чего сюда лезла. Я не позволяла себе думать о том,

что будет, если у меня ничего не получится.
Я целых четыре раза обернула веревку вокруг ноги. И каждый раз сердце мое замирало. Когда-то я была в скаутском отряде, и единственное, чему меня там научили и что я не забыла, это рифовый узел. Я завязала лучший рифовый узел в своей жизни! Здорово. Что дальше? Дальше ты умрешь, детка.
Мне казалось, я сейчас заплачу, но слез не было. Во рту пересохло, и сердце колотилось как бешеное — но и только. Мне припомнились все глупости, из-за которых мы плачем мальчишки: отметки или ссоры с любимой подругой, и было так странно, что я не заплакала теперь.
А потом внутри разлилось какое-то непонятное чувство, спокойствие что ли — в первый раз с тех пор, как я увидела монстров. И я подумала, что не прочь умереть, если удастся прихватить с собой одного из этих ублюдков. Того, что побольше.
Я высвободила крюк и опустила его между вагонами. Пригвожденная к стенке, я уже никак не смогла бы укрыться. Стоит мне бросить крюк, как паук застопорится, поезд будет ехать дальше, а меня раздавит всмятку.
Я подумала о своих новых друзьях. Подумала, а что если бы Флай меня поцеловал? Подумала, что хорошо было бы оказаться где-нибудь в другом месте. И бросила крюк.
24
Я не знал, что там происходит у Джилл, с моего места было не разглядеть. В какой-то момент она вскрикнула и упала, я высунул голову и увидел, что она чуть не попала под колеса. Тут паук зашевелился, и мне пришлось снова спрятаться. Больше я не рискнул показываться — это могло прикончить нас обоих.
По времени Джилл должна бы уже закончить. Готов поспорить на что угодно, что она не сдрейфила. Или она все еще ждала удобного момента, или что-то не заладилось.
Потом я услышал удар и скрежет — это мог быть только крюк. Его бросало из стороны в сторону, а я все ждал, ждал и ждал, когда же наконец эта тварь из мозга и ног канет в вечность. И тут случилась глупейшая и досаднейшая вещь — проклятый крюк подпрыгнул и зацепился за поезд!
Внутренний голос, которого уже давненько не было слышно, выбрал именно этот момент, чтобы обратиться ко мне с интонацией ведущего научной передачи из далекого детства: «Итак, Флинн, что мы узнали из сегодняшнего эксперимента?»
Мы узнали, мистер Колдун, что если поезд едет с той же скоростью, что и эта гадина, то ровным счетом ничего не происходит!
Я пополз назад, перехватываясь руками и заглядывая время от времени под поезд в поисках крюка. Наконец я нашел его! Крюк зацепился за амортизатор. В очередной раз требовалась помощь старушек монашек. При малейшем толчке амортизатор разрежет меня пополам. Так неожиданно сам поезд превратился в одного из монстров.
Я пролез между колесами под вагон, чтобы подобраться к крюку. Проклятая штуковина издевательски маячила перед самыми глазами.
Я потянулся рукой к крюку и даже дотронулся до него. Да, это был он. Потрогать его не составляло труда. Но и только. Заниматься этим я мог бы до бесконечности, не рискуя оказаться на рельсах и превратиться в фарш.
Загвоздка заключалась в том, чтобы высвободить крюк.
Когда-то в старших классах школы я выиграл приз по гимнастике. Нас было пятеро претендентов на победу, но я оказался лучшим. Думаю, в тот день я выложился на все сто. Кажется, настал момент повторить представление.
Я немного высвободил ноги, что увеличивало риск падения, но позволяло дальше вытянуться. Повторять трюк дважды не было желания. Он не только сулил гибель на рельсах, но грозил потерей оружия, которое свободно болталось у меня за спиной. А без оружия я был так же близок к смерти, как и под колесами поезда.
Я схватился рукой за крюк, поднатужившись, оттянул его и резко дернул. Крюк был мой! Я издал воинственный вопль, которому позавидовал бы любой команчи, закрыл глаза — мне вовсе не хотелось любоваться на свое изуродованное, окровавленное тело — и бросил крюк на землю.
На этот раз сработало. Крюк зацепился за шпалу и вонзился в нее. Покрепче обхватив перекладину, я замер в ожидании удара.

Чем сильнее натягивалась веревка, тем сильнее я стискивал зубы — и тут эта проклятая мочалка оборвалась! Она не должна была рваться! Конец взвился, словно разъяренная змея, стегнув меня по спине. Но я не свалился.

Я ждал грохота, ужасающего грохота от падения многопудовой твари. Но его не последовало. Что же случилось в конце концов? И тут я услышал: вместо завываний ветра и стука колес по рельсам я услышал тонкий, пронзительный писк. Он показался зовом из ада.

Пока я выбирался из-под вагона и карабкался на стенку, прогремели взрывы. Творилось что-то непонятное. Я полез быстрее, и моим глазам предстало невероятное зрелище: паровой демон метал ракеты в паука. Тот, весь перекошенный, пребывал в бедственном положении, едва удерживая равновесие.

Веревка все-таки оторвала чудовищу ногу. Не надо было призывать научных светил, чтобы понять, что произошло. Потеря ноги привела паука в дурное расположение духа. Но он не стал долго философствовать, а попросту пальнул из всех своих орудий по единственной маячащей перед глазами мишени, то есть паровому демону.

Несмотря на всю их мощь, эти ребята имели серьезную слабину. Покорители мира все-таки должны обладать хоть малой толикой самообладания.

Теперь мне первым делом требовалось найти и вытащить из пекла Джилл, но с моего места ее совсем не было видно. Не исключено, что она продолжала цепляться за противоположный борт платформы, где опутывала паучью ногу.

Тут поезд тряхануло, именно такой толчок мог запросто угробить меня, когда я изображал под вагоном Тарзана, Монстры расценили его как личное оскорбление и обрушились друг на друга с удвоенной яростью. Я пришел к выводу, что пронзительный писк исходил от паука — так он, видно, отреагировал на потерю ноги. Паровой демон издавал более приемлемые для человеческого уха звуки.

Поднялся ветер, но ни один из соперников не обращал внимания на погоду. Глядя, как паук решетит парового демона шквальным огнем, я вспомнил наши с Арлин мытарства, когда мы пытались покончить с этими чудовищами в космосе. Демон по сравнению с пауком полная ерунда.

Но если на Деймосе был резон ставить на паучью мощь, то здесь исход битвы вызывал сомнения. Паровой демон избрал оптимальную для его положения тактику и пулял в паука ракету за ракетой. На том уже появились трещины.

Я застыл на месте, моля Бога о благополучном, для нас, завершении поединка. К тому моменту, когда оболочка паучьего мозга наконец взорвалась, демон был настолько поврежден, что едва держался на ногах. Обстоятельства складывались даже лучше, чем мы могли надеяться. Если бы нам удалось, как предполагалось, уничтожить паука, это не избавило бы нас от демона.

Пока я мысленно поздравлял нашу компанию со столь удачным поворотом событий, поезд вдруг начал резко поворачивать, и потерявшее устойчивость создание кибернетики чуть не свалилось с платформы. Это было бы достойной кульминацией борьбы титанов.

Рассвет окрасил горизонт в тошнотворные зеленые тона. Стало лучше видно, и уже можно было разглядеть подробности окрестного пейзажа, такие, например, как высокое, скалистое ущелье, через которое мы как раз ехали по узкому мосту. Отличное место для последнего упокоения парового демона. Идеальный конец, как я уже говорил, для идеальной битвы. Пора было отправляться за Джилл и поздравить ее с успешным выполнением задания.

Единственной помехой для моего сценария оказалась клешня, которой паровой демон все хватал на своем пути и которая, целая и невредимая, опустилась прямо передо мной. Точка в точку!

Было довольно неприятно лицезреть ее обладателя в такой близи. Но гораздо неприятнее было то, что он видел меня. При всей своей слабости и полудохлости он все-таки сумел распознать живого человека в нескольких дюймах от него. И стал медленно поднимать руку с ракетной установкой.

Заметьте, медленно — потому что я оказался намного быстрее. Я сдернул дробовик и выстрелил одновременно из двух стволов, с одной руки, разом надавив на оба крючка. Истинное наслаждение! Выстрел снес клешню прямо по запястью.

Паровой демон рухнул с платформы в ущелье, где с грохотом взорвался, успев, однако выпустить последнюю ракету, которая прошла между рельсами перед самым носом локомотива, ровно на том месте, где мост изгибался для поворота.

Поезд и не подумал замедлить ход на поврежденном участке. Я представил себе карикатурного демона в инженерской фуражке, который отвечает на выстрел дерзкого индейца, нисколько не заботясь о состоянии путей впереди.
Когда мы проехали, я, оглянувшись, разглядел в зеленоватых рассветных сумерках, что внутренний рельс от выстрела в одном месте приподнялся. Хорошо, что внутренний, а не внешний, иначе мы были бы уже в пропасти. И Президенту не пришлось бы выслушивать отчет о еще одной эпопее.
— Джилл! — крикнул я. — Джилл!
Забраться на платформу ничего не стоило, но мне вдруг свело спину. Да так сильно, что на мгновение меня парализовало.
Однако я не мог позволить, чтобы подобная ерунда взяла надо мною верх. Я вертелся, пытаясь размять мускулы, а сам продолжал кричать:
— Джилл, Джилл!
Куда, черт возьми, подевалась девчонка? Я уже начинал беспокоиться.
Добравшись до конца платформы, я заглянул за борт и увидел ее вытаращенные от ужаса глаза.
— Ты в порядке?
Она кивнула, не произнеся ни слова. Может, то были последствия шока? Наклонившись, я протянул ей руку, и она схватилась за нее. Забыв о боли в спине, я вытянул Джилл наверх.
— Ну ты молодцом! — сказал я.
— А ты?
— Конечно!
— О-о!
Казалось, девчушка все еще не совсем верит своим глазам.
Я обнял и приподнял ее. Спина больше не болела, и на какое-то безумное мгновение даже зеленый рассвет показался прекрасным.
Я опустил Джилл на платформу. Теперь на ней находились только мы и мумия.
Внутри меня разлилось приятное тепло, прямо как в горячей ванне. Знакомый внутренний голос произнес наконец-то что-то хорошее: «Долг почти заплачен».
Какой еще долг? Ах, да. Моя глупая выходка, поставившая под удар анклав Солт-Лейк-Сити.
— Подожди меня здесь, — велел я Джилл.
Конечно, я мог отправить ее за остальными членами команды, но, на мой взгляд, она заслужила отдых. Ее каникулы скорее всего продлятся не больше нескольких минут, но я хотел, чтобы она насладилась каждой секундой, прежде чем я снова прикажу ей встретиться лицом к лицу со смертью. Я помахал друзьям, забравшись по лесенке и указывая путь на дребезжащую платформу.
Арлин с Альбертом выглядели такими же измученными, как Джилл, и устали они не меньше моего.
Наклонившись, Арлин стала разматывать бинты на голове еще одной сохранившейся в этом мире человеческой особи — в мире, где люди стали редкостью.
Прикрываясь от безумного ветра, который обдувал нас со всех сторон, мы сгрудились вокруг белого кокона и в нетерпении уставились на него. Вскоре нашему взору предстало лицо чернокожего мужчины лет тридцати пяти. Пока мы переворачивали его с боку на бок, я прикинул его вес — где-то около шестидесяти четырех килограмм. Неплохо для роста в метр семьдесят.
— Что они с ним сделали? — ахнула Джилл.
Хороший вопрос, хотя я скорее угадал его, чем услышал в грохоте поезда и завывании ветра. Словно подушечка для булавок, все тело незнакомца с головы до ног было утыкано компьютерными и электронными разъемами. Он был без сознания. И неудивительно — приди он в себя, его бы терзала страшная боль.
Арлин приподняла веко его правого глаза, и мы увидели затуманенное глазное яблоко, настолько белесо-мутное, что невозможно было разглядеть зрачок. Даже перевидав кучу монстров, демонов и других обитателей ада, я не мог спокойно смотреть на этого беспомощного человека.
Благодарение Господу, от него не несло подпорченным лимоном. Значит, не зомби.
Я до сих пор не делился с Альбертом и Джилл нашими с Арлин подозрениями — а именно тем, что пришельцы постоянно экспериментируют, пытаясь создать более совершенное подобие человека. И чем больше у них опыта, тем ближе они к цели. Мы не имели ни малейшего представления, как делаются

зомби. Иногда мне казалось, что они и впрямь реанимированные трупы. А иногда я склонялся к мысли, что их переделывают из живых людей. Но, как бы там ни было, лимонный запах оставался непременным побочным продуктом при изготовлении зомби из человеческого тела.
Когда враг научится создавать абсолютные копии людей из посторонних материалов, не станет ни лимонного запаха, ни другой ерунды, которая выдает их.
Арлин пробовала и так и сяк разбудить незнакомца, даже била его по щекам, все напрасно. В конце концов она подняла на меня глаза и пожала плечами.
Джилл робко дотронулась до одного из разъемов. Вид у нее был сосредоточенно-задумчивый, даже несмотря на хлещущие по лицу рыжие космы.
Она еще раз дотронулась до разъема и нахмурилась. Потом посмотрела на меня, зашевелила руками, словно печатая на клавиатуре, подняла брови. Что? Я с готовностью кивнул — наконец-то дошло до дурака. Она хотела войти в мозг этого типа.
А почему бы и нет, черт возьми?
Мы сгрудились вокруг несчастного, стараясь закрыть Джилл от ветра. Склонившись к ней, я даже смог разобрать несколько слов: «Нужен… тот разъем… выяснить… хочет сражаться… не обещает… может, ошибка…» Я расслышал не все, но суть уловил. Вопрос состоял в том, что таилось в голове человека, удостоенного охраны паука и целого отряда демонов? Технология пришельцев, с которой мы столкнулись на Фобосе и Деймосе, была немного другой, с упором на биологию, что ли. Они использовали в основном киборгов, этакую комбинацию достижений биологии и механики — вроде паука. Может, молодчик был своего рода звеном между людьми и пришельцами?
Или наоборот?
Впрочем, кем бы он ни был, мы не могли ничего выяснить в этой аэродинамической трубе. Каким-то образом нужно снять парня с проклятущего поезда. Отчего-то я сомневался, что выйдет нажать на кнопку и сказать: «Остановите на следующей, кондуктор».
Я надеялся, что кибермумия не окажется последней сволочью и присоединится к нам, когда мы ее распакуем.
— Кончай загорать! — что было сил гаркнул я. — Война продолжается!
Арлин хмуро покосилась на меня, в очередной раз напомнив, что мерзкая обязанность отдавать команды по-прежнему лежит на мне.
Негр казался сильно побитым и измочаленным, но никаких серьезных повреждений у него не было, за исключением разве что тех, что были связаны с попыткой превратить его в прибор. Как же снять его с поезда?
Если ждать до Л.-А., то не исключено, что придется столкнуться с некоторыми трудностями, убеждая целый контингент, скажем, паровых демонов помочь нам с нашим грузом. Отсутствие на платформе паука тоже, думаю, потребует определенных разъяснений. У нас не хватало огневой мощи, чтобы сделать наши доводы полностью убедительными.
— Есть предложение, — пророкотал Альберт.
Мы с трудом разобрали его слова, так как голос почти сливался с шумом двигателя, а кричать он не умел. Видно, практики не было. Я расслышал совсем немногое, да и то был не уверен, что правильно понял.
— Трюк… в возрасте Джилл… цапка… квасной термос…
Я вытаращил глаза, стараясь уразуметь непонятный план действий. Какая-то цапка и термос… В возрасте Джилл он работал цапкой? А термос причем?
— Цепка вагонов! — попытался он еще раз. Цепка вагонов. Цепочка, что ли? Или нет… сцепка! Я хлопнул себя по лбу. Ну конечно! Надо расцепить вагоны и воспользоваться запасным тормозом, а никаким не термосом! Господи Иисусе! Что за фантасмагория! Главное громкая.
План показался вашему покорному слуге вполне разумным. Втащив мумию на крышу, мы потопали к последнему вагону — единственному, который могли отцепить. Поезд мчался с прежней скоростью, но на этот раз мы передвигались по крыше гораздо быстрее. Победа над пауком и паровым демоном вселила в нас небывалую уверенность в себе. Джилл настолько изменилась, что я, наверное, мог бы свесить ее с крыши, держа за лодыжки, и она бы даже не дрогнула. Однако я был рад, что мы не нуждались в подобных ухищрениях.

В составе было три открытых вагона для скота, которые мы миновали, цепляясь за боковые стенки, всего в нескольких сантиметрах от глазеющих на нас зомби. Я боялся, что они начнут стрелять — вот уж совсем неподходящий момент для смерти! Ну, хотя бы мумия этим гадам не достанется.
Однако зомби лишь тупо буравили нас злобными взглядами. Не было команды, понимаете… они как те бюрократы из Пентагона.
Когда мы добрались до последнего, обычно закрытого грузового вагона, я посмотрел сквозь щель в крыше и увидел, что внутри битком мертвяков. Как и предполагалось. Альберт соскользнул вниз между вагонами, чтобы понять, как разъединяется сцепное устройство. Разобравшись что к чему, он опять влез наверх и крикнул:
— Когда?
Хороший вопрос. Не было никакого смысла застревать в пустыне. А доехав до окраины Л.-А., мы и силы свои сохраним в целости, и окажемся на доступном расстоянии от запасов, пристанища и транспорта.
Припомнив географию Л.-А., я крикнул в ответ:
— Риверсайд!
Это если поезд пройдет через Риверсайд. А если нет, любой из восточных пригородов подойдет.
Теперь, когда совсем рассвело, видимость значительно улучшилась даже при бледно-зеленом освещении. В тот момент меня почти не угнетал зеленоватый цвет испоганенного пришельцами неба. Вот избавимся от проклятых захватчиков и будем любоваться на естественную голубизну, если не считать тяжелых серых туманов, которыми славилась эта жемчужина Калифорнии. Придется поработать, чтобы увеличить население и вернуть жизнь в нормальную колею, — ради этого стоит стараться.
— Просаль! — крикнул Альберт.
О чем это он? Что-то надо просалить? Тьфу, дурак! «Просигналь!» Просигналить ему, когда пора отцеплять вагон.
Парень снова полез вниз. Слегка кивнув мне и виновато улыбнувшись, Арлин робко скользнула по лестнице вслед за ним.

25

Флай слишком хороший друг, чтобы я ему врала. Но я настолько поражена быстротой, с которой развивались события, что просто не знаю, с чего начать. Да и вообще, как можно говорить при таком ветре?

Как и любой мужчина, Флай строил планы насчет женщин. Когда мы решили остаться друзьями, я поначалу боялась, что это вызовет некоторую натянутость отношений. Но мы действительно добрые приятели, настоящие кореша. Мне нравится, как мы ладим друг с другом.
Однако стоит появиться на сцене еще одному мужчине, как тут же начинаются сложности. Флай мне как брат, но ему никогда не нравился Вилли. Тем более не думаю, что он может хоть на секунду допустить, чтобы я влюбилась в религиозного фаната — особенно в мормона! Хотя «влюбилась» не совсем то слово.
Я протиснулась между шаткими вагонами, наблюдая за несущейся под ногами рекой из коричневых шпал. Альберт стоял на железном языке, который соединял вагоны, от тряски ключ в его руках ходил ходуном. Никогда не думала, что поезд так трясет.
Я чувствовала, что влюбляюсь в Альберта. Чудаковатого медлительного безумца. Не иначе конец света поспособствовал.
Заказывайте конец света, не пожалеете! Может, мы еще обратим историю вспять и вернем человечеству веру в жизнь. Мы, оставшиеся в живых. Те, кто отказались признать себя побежденными, пока всем верховодит жирный монстр.
На Фобосе я думала, что осталась во Вселенной одна-оди-нешенька. Потом, на Деймосе, — что единственные живые существа мы с Флаем.
Но как ни малочисленны на Земле те, кто проявил готовность противостоять захватчикам, главное — мы теперь не одни. И глядя на широкие плечи моего нового друга, я надеялась, что буду «не одна» и в другом смысле тоже.

Придвинувшись ближе, я увидела, что у него шевелятся губы — верно, читает что-нибудь из Библии, насколько я могу догадаться. Или какую-нибудь молитву. Вероятно, его это успокаивает, придает мужества. Может, в религии и правда есть смысл, если знаешь, где его искать.
Интересно, подумалось мне, он выучил всю Книгу Мормона или только частями, те места, которые созвучны его предубеждениям? Но почему-то мне казалось, что Альберт не такой. Быть может, это первый парень в моей жизни, который руководствовался в своем поведении верой, а не подгонял веру под свое беспутство.
Он перестал подпрыгивать, поднял на меня глаза и улыбнулся. После такого начала вряд ли он осудит меня, если я спущусь еще на одну ступеньку.
— Альберт! — выкрикнула я.
Он что-то сказал, но я не услышала. Наверное, я смущаю его. Обычное дело в отношениях между людьми.
— Ты такой симпатичный! — вдохновенно проорала я, совершенно ничем не рискуя; можно было не беспокоиться, что до него долетит хоть слово.
Потом я замолчала и стала слушать стук колес.
— Та-та-та, — пробубнил что-то Альберт.
Черт, он все-таки смутился. Но не отступил, а смело ринулся в бой, такой же отважный со мной, каким был с монстрами. Фу, Арлин, что за сравнение? Весьма точное, ответила я себе — самый суровый свой критик — и беззвучно прошептала на ветер: «Прости, не хотела тебя смущать».
Он мотнул головой и пожал плечами, что могло значить: не имею ни малейшего представления, что ты там бормочешь… Однако я предпочла расшифровать это как: глупости, дорогая, конечно, вера для меня много значит, но ты значишь не меньше — а я знаю, что ты обо всем этом думаешь.
Тут он не ошибся. Мне не хотелось больше ничего говорить. Физическое противоборство иногда гораздо проще, чем такое вот! Я слушала монотонный стук вагонных колес, который отдавался в мозгу рокотом крупнокалиберного пулемета, заглушавшего даже тот неистовый тайфун, сквозь который мы неслись. Неравномерный скрип автосцепки, ждавшей, когда Альберт начнет орудовать своим ключом, напомнил мне треск зенитной артиллерии.
Я посмотрела на землю, расстилавшуюся внизу бесконечным полотнищем гигантского флага, потом перевела глаза на тени по сторонам дороги, должно быть, деревья или телеграфные столбы, штрихами ложившиеся на зеленое марево рассвета, зеленое, как лайм, пока он не начал гнить и не превратился в лосьон для зомби.
— Я не могу дать тебе то, что ты хочешь, — сказала я самым обычным голосом.
Но сама себя не услышала.
Альберт ничего не ответил, только с робостью посмотрел на меня.
Мне было приятно, что он назвал меня красивой. Хотя бы глазами. Чертовски приятно. Теперь, когда мы оба признались в обоюдной симпатии, откровенность давалась гораздо легче. Ну, вы меня понимаете — место было не самым подходящим для романтической беседы, но я знала, что он скажет, будь у меня хоть малейший шанс его услышать.
Дело не в том, что я возражала против его религии — они мне все не нравились. Просто казалось глупым наделять духовной властью бородатый призрак, который не отыщешь, когда все летит к чертовой матери.
У нас могли быть разногласия и по другим вопросам. Ха, ты в своем духе, Арлин! Стоит тебе влюбиться, как ты тут же должна объяснить своему избраннику, что из этого ничего не выйдет. Какое счастье, что кругом такой грохот и Альберт меня не слышит. Однако пора от минусов переходить к плюсам.
— Но мы можем попробовать, — продолжила я, нисколько не заботясь о том, что беседую в основном с ветром и колесами.
Альберт даже не смотрел на меня в тот момент, прилагая все усилия, чтобы удержать равновесие и не потерять ключ.
— Мы могли бы, скажем, встречаться. Провести вместе несколько ночей, если останемся в живых. Кто знает? Все может случиться.
Опять он ушел в себя, предоставив мне любоваться окрестностями. Он явно пытался осмыслить наши

отношения. Совершенно очевидно, что в нем борются четыре силы: мораль, воспитание, я и полная-невозможность-что-либо-расслышать.
Наконец Альберт собрался с духом, повернул голову так, чтобы смотреть мне прямо в глаза, и сказал:
— Ту-ту-ту?
Разговор застопорился. Но лишь на одну секунду.
— Ты имеешь в виду, что ты девственник? — недоверчиво спросила я.
Он слегка склонил голову — было ли то «да»?
— Но ведь ты — морской пехотинец! — изумленно воскликнула я.
И тут же расхохоталась над собственной эмоциональностью. Церковь морского братства куда более всесильна, чем любая другая конкурирующая фирма.
Конечно, встречались пехотинцы, верные своим женам или воздерживавшиеся от секса по религиозным соображениям.
Прелюбодеяние вовсе не входило в перечень профессиональных обязанностей!
Удивительно, но так. Однако жизнь, как правило, почти не оставляла возможности блюсти чистоту.
Альберт в замешательстве, с его-то трепетной душой, наблюдал мой оживленный односторонний диалог — назвать его монологом было бы неправильно. Я не собиралась так легко сдаваться. А как же многочисленные порты, в которые он заходил во время плаваний? Бомбей, Мадрид, Манила, Гонконг, Калькутта, Кувейт!
Альберт улыбнулся. Все-таки прогресс. Это как входной билет. Я знала, как поведу допрос: «Так скажите мне, мистер Снайпер морской пехоты, неужели вы никогда не посещали местные эротические шоу? Никогда не видели проституток на улицах Бомбея и Манилы, которые занимаются своим делом на виду у всех? А секс-туры в Гонконг, где солдат с толикой баксов в кармане может посетить за полтора дня дюжину умопомрачительных магазинов?..»
Ну да, его удерживали моральные соображения.
Ему наверняка было неудобно, но он специально держал голову так, чтобы смотреть мне в глаза.
— Те-те-те?
Я? Ну нет, не совсем. Взгляд его стал пристальным. Нет, это все места, предназначенные для мужчин.
Хорошо, зайдем с другой стороны, с теоретической. Спору нет, в каком-то смысле парень весьма наивен, но в то же время — он вполне современный человек. Противоречивость натуры добродушного увальня трогала. Он вмещал столько всего!
Я потянулась и коснулась рукой его щеки, радуясь, что он не отпрянул, потому что побаивалась, как бы он не принял меня за потаскушку. Вот уж чего нет, того нет, я — ответственная женщина, что в нынешнюю эпоху значит способная таскать тяжести и спать с открытыми глазами.
Ну вот, можно считать, что первое свидание у нас уже состоялось!

26

Мы все ближе подъезжали к Риверсайду, поэтому я время от времени посматривал в сторону Арлин и Альберта. Казалось, они поглощены глубокомысленным разговором, хотя один Господь ведает, что можно расслышать в таком грохоте. Пялиться невежливо, поэтому я всмотрелся в горизонт. Нам предстояло там воевать, да, воевать.
— Альберт! Давай! — гаркнул я во всю мощь своих легких, завидев первые очертания города.
Альберт с Арлин склонились над механизмом. Они яростно орудовали ключом, и я уже начинал бояться, что мы сто раз успеем подъехать к центральному вокзалу, а они все никак не отцепят проклятый вагон. Но тут раздался треск, и вагон со стуком отсоединился.
Сработали пневматические тормоза, и мы замедлили ход, в то время как поезд стремительно уносился вдаль, не почувствовав потери. Не уверен, что пришельцы вообще заметят пропажу вагона. Мы ведь уничтожили паука, так хватит ли у них сообразительности посчитать вагоны?
Мы все катились, постепенно замедляя ход, — небольшое, прямо скажем, удовольствие. Рельсы визжали, вагон трясся и раскачивался. Джилл держалась из последних сил, почти такая же зеленая, как небо. Арлин с Альбертом распластались по стене, крутые ребята, что и говорить. А я слишком увлекся наблюдением, чтобы думать о том, крутой у меня вид или дурацкий — я не мог допустить, чтобы кто-то из моего отряда свалился без моего ведома под колеса.
Мне не хотелось покидать вагон, не попрощавшись должным образом с набитыми внутри, как селедки

в бочке, зомби. Я встал поудобнее и пальнул пару раз сквозь щель в крыше. Это разозлило пассажиров, и они повели себя должным образом — с бессмысленной яростью начали атаковать друг друга.
Когда вагон совсем остановился, мы с Альбертом с легкостью спустили кибермумию вниз, спрыгнули сами и помчались по улице в поисках укрытия.
Пригород походил на долины затерянной цивилизации или каньоны загадочной планеты. Мы без конца щелкали предохранителями — того и гляди нарвешься на патруль.
Хотя мы находились в самом сердце вражеских владений, окруженные большим количеством монстров, чем когда бы то ни было с момента возвращения на Землю, я был рад, что мы покинули поезд. Не знаю, как остальные, но я испытывал наслаждение, вновь чувствуя под ногами твердую землю.
Мы пребывали в полном неведении, что требуется мумии для поддержания жизни. Возможно, благодаря внутривенным вливаниям она могла до бесконечности существовать в застопоренном состоянии, но без непосредственного контакта наши догадки оставались всего лишь догадками.
Теперь Арлин встала во главе отряда, а Джилл в хвосте. На этом этапе задания все были взаимозаменяемы, с той лишь разницей, что жизнь Джилл ценилась выше наших, пока она не разделается со своими компьютерными фокусами. Смешно, однако, будто в нашей ситуации где-то может быть безопаснее.
Мы шныряли по улицам и переулкам, прячась от патрулей. Мумию тащили мы с Альбертом, подхватив с двух сторон, как тюк с грязным постельным бельем. Вдруг снайпер на секунду остановился и требовательно спросил Джилл:
— Здесь есть где-нибудь безопасный дом? Сунув руку в рюкзак, девочка вытащила ультрамикро — маленький портативный компьютер.
— Откуда у тебя это? — спросила Арлин.
— Подпольная продукция, мормоны постарались, — с гордостью ответила Джилл. — Можно довольно быстро внедрять всякие новшества, если плевать на положения Федеральной комиссии связи и жалобы на недоброкачественные изделия.
Войдя в программу, она велела нам отвернуться. Я исполнил приказание и услышал, как она тюкает по клавишам, раз тридцать, не меньше — видно, набирая цифровой код. Когда она закончила и принялась задумчиво изучать экран, я опять стал смотреть на нее.
Наконец она кивнула, плотно сжав губы, что означало, что задание выполнено.
— Безопасный дом на площади Паглиа, приблизительно в миле отсюда, — доложила Джилл, затем вывела на экран карту пригорода и показала предложенный компьютером маршрут.
— Имеются некоторые осложнения, — вмешалась в разговор Арлин. — Маршрут проходит в нескольких кварталах от местного управления Департамента налогов и сборов, куда я часто носила бумаги, когда была курьером.
— Курьером? Зачем? — удивилась Джилл.
— Пока училась два года в колледже.
— И что с того поимела?
— Минимум. Пятнадцать в час, в старых баксах.
— Да нет, я имею в виду, какой диплом!
— А-а. Диплом начальной ступени по программированию, — смущенно ответила девушка.
Могу представить, почему она смутилась. Ее диплом — такие пустяки по сравнению с тем, чего нахваталась наша детсадовка самостоятельно.
— Класс! — коротко бросила Джилл, и я испытал к ней благодарность за то, что она не стала задирать нос.
Девчонка была довольно взрослой для своих четырнадцати лет и достаточно проницательной, чтобы догадаться, насколько Арлин переживает из-за своего кургузого образования. Что делать, если у нее хватило денег всего на два года.
Мы двинулись несколько измененным маршрутом, который предложила Арлин.
Зато мое пожелание никто не хотел слушать.
— Требую не применять огнестрельное оружие за исключением крайней необходимости.
— Но, Флай, они же не живые! — заартачилась Джилл.
— Рукопашный бой их только позабавит, — подхватила Арлин. — Я даже не уверена, что они заметят

нож между ребрами, если вдруг тебе удастся эти ребра отыскать.
— Все кончили? — нетерпеливо спросил я. — Не думайте, что я стал гуманистом, просто ненужный шум в ненужный момент накликает на наши головы орду монстров.
— Так бы сразу и говорил!
Хорошо было бы, конечно, пройти ускоренный курс айкидо, которому обучают пришельцев, но я готов удовлетвориться намеком на то, где они прячут свои стеклянные челюсти, чтобы по крайности отвести душу в стремительном апперкоте.
Мы продолжали мчаться по темным узеньким улочкам, стараясь не выскакивать на солнце. Вдруг, километра через два, Арлин остановилась, замерев на месте. Это был знак для остальных изобразить скульптурную группу. Что мы и сделали.
Джилл, несмотря на всю ее сметку, не хватало опыта. Ей не терпелось выяснить, в чем дело, так что пришлось зажать ей рот. Арлин, по-прежнему не двигаясь, смотрела вперед, однако жестом велела нам отойти. Мы осторожно попятились: что бы там ни было, оно нас еще не заметило, и пусть так и остается. Мы отошли метров на сто, прежде чем Арлин перевела дух.
— Помните того толстяка, которого мы видели, когда садились на поезд? — спросила она. — Мы сейчас чуть не вперлись в его старшего и еще более жирного брата.
Все делалось в такой спешке, что Арлин не успела придумать для этой лохани свиного жира какое-нибудь имя, но я сразу понял, кто имеется в виду. Хотелось думать, что чудище — все-таки исключение из правил, скорее брак, чем проектная модель. Я предпочитал сражаться с монстрами, от которых не тянуло блевать.
— Сначала я решила, что это куча отбросов, — шепнула Арлин.
Вглядываясь в полумрак впереди, я наконец рассмотрел громадную движущуюся тень среди других теней. Когда тварь встряхивалась, раздавался такой звук, будто по бетону волокли несколько тонн мокрого брезента. В высоту она достигала двух метров, точно мой рост, но весила никак не меньше четырехсот килограммов. Плотность и ширина гада с трудом поддавались описанию.
При ходьбе жирдяй — если мы переживем эту встречу, мелькнуло в голове, я уговорю Арлин придумать ему имя получше — мерзко хлюпал. Не удивлюсь, если он оставлял за собой какую-нибудь мерзость вроде слизи. В огромных, бесформенных металлических лапах, которые заменяли или скрывали руки, жирдяй держал чудную трехглавую пушку.
Он не смотрел на нас, потому что стоял к нам боком, пытаясь определить, откуда доносится шум, помешавший ему отдыхать. Затем вообще отвернулся, открыв нашим взорам мерзкий бугристый зад. Чудище издавало жуткий скрежещущий шум — видимо, оно так дышало.
Я махнул рукой в противоположном направлении, но тут мы услышали приближающийся с той стороны топот. Отряд монстров. Только этого не хватало!
Отряд возглавлял кощей. Не знай мы, насколько он опасен, можно было бы посмеяться над тем, как он, подобно марионетке, скачет впереди своих подопечных.
Не очень приятно сознавать, что ты зажат между молотом и наковальней и никакой тебе улочки или двери, чтобы улизнуть.
Альберт вздохнул, потом спокойно, без нервов снял с плеча автомат, словно располагал безграничным временем — что, в каком-то смысле, было правдой. Он явно приготовился умереть за «правое дело» — защищая нас и остававшихся в живых соплеменников.
Что касается меня, то я желал только жить — ради себя. Джилл побелела, но бежать не порывалась. После истории с платформой она на все сто процентов годилась в ветераны. Как и у остальных из нашей команды, у нее появилось чувство жизни взаймы, на одолженное кем-то по благородству время. Она прижала к груди свой компьюторчик, больше расстроенная неудачей, чем необходимостью умереть, и с сожалением посматривала на мумию: единственный раз представилась возможность войти в такую систему, и, увы, она лишилась ее.
Арлин шепнула: «Перекрестный огонь!» — на секунду раньше, чем мне самому пришло это в голову. Выскочив на середину улицы, мы оказались на виду у кощея. Он на мгновение замер, а потом, перегнувшись в талии, выстрелил из-за спины ракетами. Я бросился на землю, Арлин метнулась к тротуару. Ракеты пронеслись над моей головой, одна взорвалась, ударившись о могучую коричневую спину жирдяя.

Разъяренный монстр незамедлительно обнаружил источник хулиганской, непонятно чем вызванной атаки. Подняв обе руки, он метнул в кощея три гигантских шара из пылающего белого фосфора.
Средний шар попал в цель, а два других разлетелись в стороны, задев кое-кого из свиты кощея и мгновенно спалив их.
Выжившие оказались в том же положении, что и жирдяй секунду назад, и открыли огонь, так что кощей совершенно забыл о нас, продолжая закидывать коричневую тушу ракетами.
Моя команда между тем не теряла времени даром: бросившись на пузо, все старательно буравили носом землю и прикрывали руками головы. Все, кроме меня. Перекатываясь на спине, я палил из дробовика то в одну, то в другую сторону, туда-сюда, туда-сюда, как игрок на теннисном корте.
Я вовсе не хотел привлекать внимания и пуще всего — продвинутого монстра, мечтающего выпустить нам кишки. Лучше бы уж по-прежнему была ночь.
Ракеты у кощея кончились раньше, чем у жирдяя шары. Костяной мешок разлетелся на мелкие кусочки, такие крошечные, что их можно было принять за градины, не будь это ЛосАнджелес.
Жирдяй продолжал стрелять. Отряд кощея все еще насчитывал изрядное количество бойцов, а ходячее желе, казалось, имело неистощимый запас пиротехнических средств. Наверное, он отоваривался в том же магазине, что и паровой демон.
Наконец все, кто даже сохранился в целости, перестали двигаться. Жирдяй еще пострелял какое-то время в оцепенелые тела.
Когда он унялся, ничто и нигде не шевелилось — если предположить, что его маленькие свинячьи глазки видели довольно далеко. Мы лежали, боясь шелохнуться, даже вдохи и выдохи казались слишком громкими. У меня заложило нос, и я присвистывал через раз, боясь задержать дыхание, чтобы не раскашляться.
Конечно, такому громиле слух, может, и без надобности. Хотя по бокам его заплывшей жиром головы виднелись две маленькие черные дырочки. Если это уши, то совсем крошечные. Так я лежал пластом, размышляя и посвистывая носом, в надежде, что фантастическое существо не сделает того… что оно вскоре и сделало.
Жирдяй, буквально исполосованный пулями, походил на круглую котлету из гамбургера, упавшую на гриль. Он заурчал и потопал прямо на нас. Если душка-монстр походя наступит на когонибудь из моих товарищей, несчастного ждет не самая приятная смерть.
27
Я твердо решил, что если над кем-нибудь нависнет тяжеленная нога жирдяя, то я открою огонь. Конечно, из высших тактических соображений следовало позволить одному погибнуть (но только не Джилл), чтобы спасти остальных, но не таким же образом! Если так, то я плевать хотел на высшие тактические соображения!
Толстяк медленно приближался, и я с грустью обнаружил, что очередной генетический эксперимент повторял формы человеческого тела. Конструкция казалась полностью функциональной — еще один монстр-убийца. Но если возможно создавать существа, столь похожие на людей, значит, со временем пришельцам удастся добиться полного сходства.
Пока в голове проносились эти мысли, существо отмеривало шаг за шагом, приближаясь все ближе и выставляя на обозрение свои безумные стати. Кожа его напоминала носорожью. Корми эту глыбочку американскими завтраками по полной программе (на купон со скидкой, конечно), так она перевалит за полтонны. Голова выглядела как сплющенный футбольный мяч, глазки-бусинки не видели нас, хотя монстр уже находился на расстоянии плевка. Нет, у него точно близорукость. Если он к тому же глухой и не имеет обоняния, то так и прочапает, ничего не заметив.
Увы, случилось страшное: компьютер Джилл лежал сбоку от нее, и жирдяй, занеся ногу для следующего шага, неминуемо должен был наступить на бесценный прибор.
Никто, кроме Джилл, не успел бы ничего предпринять. А ей нужно было всего только протянуть правую руку и схватить его. Я видел, как девочка подняла голову и потянулась к компьютеру, но вдруг застыла. Господи, неужели монстр ее увидел?!
В оставшуюся долю секунды она собралась с силами и отпихнула компьютер с дороги, прежде чем чудовище успело раздавить его в лепешку. Да и сама Джилл спаслась — жирдяй не видел, что творится у него под ногами. Обширное пузо скрыло от него быстрое движение малышки.

Толстяк потащился дальше, не угрожая больше никакими хлопотами.
Я приготовился с облегчением вздохнуть и даже, может быть, кашлянуть разок-другой. Джилл приподняла голову. Арлин с Альбертом пока не двигались, ожидая знака от вашего покорного слуги. И я уже почти дал его, когда за спиной жирдяя громыхнула очередь пулеметного огня.
Я так чертовски устал, что не было сил даже выругаться. Могли бы дать немного отдохнуть, прежде чем вводить новых игроков.
Жирдяй тоже не обрадовался повороту событий. Он взвизгнул, совсем как поросенок.
Пули летели косяком, и в таком количестве, что некоторые наверняка прорвали мощную шкуру и повредили жизненно важные органы — как бы глубоко они ни прятались под толщей мерзко колышущейся плоти.
Пулеметный огонь разорвал монстра в клочья, и тут я услышал исступленный, безумный смех, который мог издавать только человек. Человек дико хохотал, пули летели. Когда же, наконец, жирдяй превратился из гамбургера в полное ничто, он издал жалкий, хлюпающий звук, осел и сдох.
Пока продолжалось действо, мы были начеку. Ружья на изготовку, пальцы на спуске… Так мы и встретили новенького, имевшего вполне человеческий вид. Кстати, весьма крупного. Я чуть не окликнул его, но вовремя спохватился. Несмотря на животную радость при виде собрата по людскому племени, моя врожденная подозрительность взяла верх. Ведь некоторые самые что ни на есть настоящие люди вступили в сговор с пришельцами. Правда, парень прикончил жирдяя — вполне возможно, что он на нашей стороне. Но где гарантия? Если он не свернет в переулок, то и не увидит нас: переулок находился в тени, туда не проникал даже тусклый зеленый свет изуродованного неба.
К сожалению, Джилл не была морским пехотинцем, а всего-навсего девчонкой и, как большинство подростков, подчас не думала, что делает.
— Вы человек! — воскликнула она и, тут же смолкнув, зажала рот руками, словно пытаясь запихать свои слова обратно.
Она поняла, что наделала. Последствия не замедлили сказаться. Чему мы все стали свидетелями.
Незнакомец поднес руку к лицу и откинул назад защитный козырек шлема. Насколько я мог разглядеть, лицо под шлемом тоже было вполне человеческое. Угрюмо-сосредоточенное. Джилл было дернулась, чтобы бежать, но на сей раз задумалась, решив, верно, не выдавать нашего местонахождения.
— Все в порядке, деточка, — позвал человек, ощупывая взглядом все вокруг, в надежде понять, откуда шел голос. — Я тебя не обижу.
Он сделал осторожный шаг в направлении Джилл, но она держалась, не издавая ни звука.
Возвышаясь силуэтом на фоне светло-серой стены мясного базара, мужчина выглядел весьма внушительно. На чьей он все-таки стороне? Здесь, глубоко в тылу врага, мы не могли подвергать себя риску.
С монстрами всегда все было ясно: раз монстр — значит, враг. Этот человек не был монстром. Что нас ждет: борьба не на жизнь, а на смерть, новый союзник или игра в гляделки?
Незнакомец был без фонарика — возможно, решил, что тот ему не понадобится среди бела дня. Но дни под этим небом, да еще в темном переулке…
Осторожно, стараясь не зашуметь, я достал очки с подсветкой и нацепил их, попутно включив.
Теперь я мог лучше разглядеть снаряжение: пулемет 0,30 калибра с ленточной подачей патронов, ранец, полный боеприпасов, радиосвязь, бронежилет наипоследнейшей модели и форма диверсионно-разведывательного корпуса США, старший сержант.
— Выходи, девочка, дай я посмотрю на тебя. Все будет в порядке.
Произнося эту тираду, мужчина поднял руку к подбородку, словно намереваясь почесать щетину, однако кряканье в начале и несколько дребезжащий голос свидетельствовали о том, что в руке у него микрофон.
Я разглядел еще одну деталь: на шлеме болтались очки с подсветкой — ночного видения, должно быть.
Джилл снова ничего не ответила, и сержант потянулся за ними. Сердце мое упало: стоит ему надеть очки, как он тут же увидит наши притаившиеся в тени фигуры.
Но, словно почуяв опасность — или чувствуя за собой вину и пытаясь искупить ее, — Джилл вышла на освещаемое тусклыми лучами пространство у белесой стены мексиканского мясного базара.
— Я здесь, сэр, — нерешительно позвала она.

— Ты одна? — спросил сержант.
Джилл была настоящим десантником.
— Да, сэр. Я одна, сэр, — сказала она.
Сержант медленно опустил пулемет, так что дуло смотрело теперь прямо между узких бедер Джилл. Вселенная застыла стоп-кадром: незнакомый мужчина, пулемет, Джилл… и моя рука на спуске, готовая к мщению.
— Будь умницей, — сказал он. — Я отведу тебя к боссу.
— Кто такой босс? — твердым голосом спросила Джилл.
— Вот получишь сейчас пулю в лоб, сука, тогда будешь знать, как задавать вопросы, — рявкнул незнакомец.
— А если я не пойду? — заартачилась Джилл.
— Тогда пристрелю тебя на месте, — ответил он. Пулемет в его руках угрожающе молчал. — Давай двигай, или плохо будет.
И Джилл пошла, чтобы солдат ничего не заподозрил, медленно и осторожно. Тот не спускал ее с прицела и скоро повернулся к переулку спиной — думаю, именно к этому Джилл и вела, поскольку стоило ему оказаться на линии огня, как она вдруг упала на землю.
Это был шанс! Мистер Таинственный рейнджер не умел обращаться с «деточками». Никоим образом.
Я разрядил оба ствола в спину молодчика, что не осталось им незамеченным. Арлин открыла огонь из АБ-10. Вдвоем мы дали невеже быстрый и эффективный урок хороших манер. Он зашатался, но ухитрился обернуться. Жилет у него был, скажу я вам! Он начал бешено палить, пока Арлин с Альбертом продолжали накачивать его свинцом.
Я зафигачил еще два патрона в свой верный дробовик и послал их прямо в голову сукина сына.
Первоклассный шлем лопнул, как пасхальное яйцо, и содержимое вывалилось наружу. Вы труп, сэр!
Еще с минуту мы не двигались, опасаясь, что, привлеченные шумом, набегут пришельцы. Однако ни топота ног, ни тарахтенья грузовиков не было слышно, только где-то вдалеке раздавались выстрелы. Возможно, зомби.
— Джилл! — позвала Арлин.
Девочка подошла с покаянным выражением лица. Она была с головы до ног в грязи, но не имела ни царапины.
— Простите, — начала она, решив сходу повиниться. — Вела себя как последняя дура.
Раскаяние, однако, не спасло ее от Арлин.
— Надо же быть такой тупицей! Ты могла угробить нас всех!
Джилл повернулась ко мне за поддержкой, папочка против мамочки. Но я не сказал ни слова, не стал останавливать Арлин или менять выражение лица. Прости, детка, но я не собираюсь унижать мое второе «я» только для того, чтобы потворствовать твоему эгоизму. Я не считал промах Джилл такой уж страшной ошибкой, она была всего-навсего ребенком, но раз Арлин решила сделать выговор, что бы я ни думал на сей счет, мой долг поддержать ее.
Джилл принялась моргать, с трудом сдерживая злые слезы. Затем повернулась к Альберту, но тот сделал вид, что поглощен чисткой ствола. Что ж, самое время понять: никаких скидок для героев — и для детей, как видно, тоже.
— Хорошо, — с дрожью в голосе произнесла Джилл, — что я должна теперь делать?
— Сделать ты ничего не можешь, — вплотную подступив к ней, почти шепотом сказала Арлин. — Но ты передо мной в долгу и должна будешь заплатить по счетам.
Когда А.С. отошла, глаза девчонки были круглыми от ужаса. Никакой бравады и вызова. Она до смерти испугалась Арлин Сандерс.
Шоковая терапия, кажется, пошла на пользу. Джилл сосредоточилась на вещах более важных, чем собственные промахи.
— Как там наша мумия?
Пока они с Альбертом обследовали новобранца из батальона пеленашек, я решил внимательнее рассмотреть солдата с плохими манерами. Арлин присоединилась ко мне.
— Он из предателей, как думаешь? — спросила она. — Или мы прикончили хорошего парня?
— Или еще хуже, А.С. Не есть ли он та идеальная копия, появления которой мы страшимся с самого

Деймоса?
— Если он и есть Номер три; — сказала подруга, — то нужно дать ему имя. — Она легонько пнула парня ботинком в бок. — Называю его Клайд.
— Клайд? — ошарашенно переспросил я. — Но это даже хуже, чем жирдяй! Это просто имя!
— Клайд! — повторила Арлин тем противным тоном, который появляется у нее, когда она что-то твердо решила и не может поверить, что кто-то осмеливается спорить.
— Но Клайд? — бубнил я с настойчивостью бесноватого попугая. — Почему не Фред, или Барни, или Ральф, или Нортон?
— В честь Клайда Барроу, — объяснила она, и, видя, что я все равно не понимаю, произнесла тоном начитанной дамы: — ну, Бонни Паркер и Клайд Барроу, Бонни и Клайд!
— А-а! — припомнил я, готовый наконец-то сдаться. — Господи Иисусе, кто ж это уразумеет!
В тот самый момент, когда я помянул имя Спасителя, старина Альберт решил присоединиться к нам, подкрепив мою давнюю теорию о том, что, взывая к благой силе, ты провоцируешь нашествие верующих. Правда, в тот момент Альберт не ассоциировался с нашествием. Нашествие зла поджидало нас впереди — в сердце Лос-Анджелеса.
28
— А я думал, тебя воспитывали в христианских традициях, — проворчал Альберт, раздраженный моим богохульством.
— Католическая школа, — вставила Арлин.
— Ну тогда все понятно, — бросил Альберт, раздражив на сей раз меня.
Продолжать спор было бессмысленно. Поэтому я вновь взялся за Клайда. Что напомнило мне о нашей с Арлин перебранке.
— Эй, Джилл! — позвал я. — Мы решили назвать ублюдка Клайдом.
— Клайдом? — воскликнула Джилл тем же тоном, что я призывал Иисуса.
— Ага.
— Что за дурацкое имя!
Я решил упомянуть ее в моем завещании. Смеяться над моей религией, да как они смеют?
Я вновь стал дотошно изучать «клайда». Как я уже говорил, он выглядел полноценным человеком, разве что несколько крупным. Если честно, я сомневался, что он продукт генной инженерии — уж слишком дубоватыми были предыдущие опыты. Скорее всего, пришельцы просто переманили его на свою сторону.
Жаль, что парень мертв — с каким наслаждением я разделался бы с ним еще раз! Сама мысль о том, что человек может помогать закабалению людского рода, приводила меня в ярость. Я пнул труп.
— Ты все-таки думаешь, что он предатель? — читая мои мысли, спросила Арлин.
— А кто же еще?
— Но ты же говорил…
— О чем это вы? — поинтересовался Альберт. Джилл тоже вся обратилась в слух. Пришло время выложить карты на стол.
— Мы обсуждали вероятность того, могут ли пришельцы сделать полную копию человека, — пояснил я.
— Вдруг он — копия, — Арлин указала на мужчину. — Первый удачный экземпляр человеческой особи, изготовленной на основе генной инженерии. Во всяком случае, первый, попавшийся нам на глаза.
— Не очень-то в это верится, — воспротивился я.
— Но почему вы вообще решили, что это возможно? — спросил явно взволнованный нашим предположением Альберт. Арлин тяжко вздохнула.
— На Деймосе мы видели гигантские блоки человеческого мяса. Уверена, что это сырье для генетических опытов. А позже натолкнулись на чаны, в которых выращивали монстров.
— Даже кощей и жирдяй, — перебил я ее, — во многих отношениях ближе к человеку, чем прочие результаты подобных экспериментов — всякие там князья ада, паровые демоны и тыквы.
— Ну а теперь они преуспели, — буркнула Арлин, глядя в землю.
— Надеюсь, что ты ошибаешься, — возразил я. — Слишком резкий скачок. Посмотри хотя бы, как он

одет Не придерешься!
— Ну уж тут трудно спорить, — согласилась Арлин. — Эти дурацкие красные трусы на кощее просто курам на смех.
Мы посмотрели на первоклассную форму незнакомца.
— И говорил он совсем как человек, — вставила Джилл.
Об этом я как-то не думал, но теперь припомнил, что манера разговаривать у сержанта и впрямь была самая естественная, даже этот угрожающий тон в конце. Не будь он таким законченным мерзавцем, я бы трижды подумал, прежде чем пускать его в расход. Сделать монстра — это одно, но сварганить такого первоклассного ублюдка гораздо труднее, тут требуется истинное вдохновение.
— Ладно, — подытожил Альберт. — Он выглядел, ходил и говорил, как самый настоящий человек, так что, может, он им и был.
— Кем бы он ни был, теперь он просто отличный малый, потому что мертв, и это единственное, что для нас сейчас важно, — попытался закрыть я тему.
Но то, как Арлин продолжала смотреть на мужчину, свидетельствовало о том, что она не в состоянии избавиться от тревожной мысли о его искусственном происхождении. Я не сомневался, что со временем инопланетные мерзавцы навострятся лепить и такую продукцию. Поэтому в мою задачу входило не дать им этого времени.
Арлин вздрогнула и с силой тряхнула головой, словно отгоняя налезшую туда нечисть.
— Что ж, если они все-таки сделали его, им еще есть куда расти. Он всего лишь старший сержант — пока-то они доберутся до второго лейтенанта и пойдут опять вниз.
Альберт расхохотался и заслужил от Арлин одобрительный взгляд.
Что и говорить, ситуация довольно дурацкая: дергаться по поводу того, что лучше — люди-предатели или люди-копии. И то и другое хуже!
Я мысленно окинул взором ту неведомую мне территорию, где предательство разрасталось, как поганки. Если вооруженные силы Соединенных Штатов заключили союз с пришельцами, подчиняются ли они гражданскому правительству? Неужели Вашингтон тотчас сдался и стал чем-то вроде правительства вишистов? И что уж такого пришельцы предложили коллаборационистам, чему те, как последние дураки, поверили?
Я ни на секунду не сомневался в том, что враг ставит перед собой задачу истребить человечество. То, что отдельные экземплярь» оставлены для экспериментальных целей, ничего не значило.
На лице у меня, видно, отразилась озабоченность, потому что Альберт положил мне руку на плечо и утешительно заметил:
— Не надо забегать вперед. Выиграли одну битву — пошли дальше, вот единственный способ победить в этой войне. Сначала разобьем их главную крепость, ЛосАнджелес. Потом остановим наступление в Нью-Йорке, Хьюстоне, Мехико, Париже, Лондоне, Риме, Токио…
Он умолк. Однако список вышел внушительный, что скажете?
— Атланте, — добавила Джилл.
— Орландо, — сказала Арлин. — Мы должны восстановить доброе имя человека на обоих побережьях!
— Интересно, — задумался я, — какую часть их войска мы с тобой, Арлин, уничтожили на Деймосе?
— По крайней мере, половину, — выпалила моя верная подруга, но я не рискнул бы утверждать, что она сильно преувеличивает.
Мы поубивали чертову прорву монстров на спутниках Марса. Каждый новый труп значил, что на Землю ступит одной дьявольской ногой меньше.
— Знаете, я своими руками готова перестрелять всех предателей, — проговорила Джилл голосом древней старухи.
— С радостью помогу тебе, милочка, — поддакнул я, — однако советую быть поосторожней с категорическими заявлениями. Некоторых наверняка запугали, заставили под пытками. А некоторых, черт возьми, попросту одурачили! Ведь здесь никто не сталкивался с тем, с чем мы столкнулись на Деймосе. Людям могли сказать, что гибель несут сами люди, а пришельцы — эти высшие существа — прилетели на Землю с намерением установить мир.
— Готова поспорить, что в школьных диспутах тебе не было равных, Флай Таггарт! — воскликнула долго терпевшая Арлин. — Но ты прекрасно знаешь, что малышка имеет в виду!

— Отнеси это за счет моего опыта, если хочешь, — возразил я, — но я предпочитаю знать истинное положение вещей, прежде чем делать выводы.
— Каждый может совершить ошибку и успеть раскаяться, пока не поздно, — добавил Альберт.
— И это правильно, — согласился я.
— Кстати, прости мою шуточку насчет католического воспитания.
Две леди-атеистки выразили обоюдное отвращение в связи с нашим теологическим братанием.
— Девочки не верят в то, что предатели могут искупить грехи, Альберт.
— Я молюсь за всех, даже за предателей, — ответил наш снайпер.
— Вот и хорошо, — отрезала Арлин. — Помолись над их могилами.
Пока мы пытались решить столь серьезный философский вопрос, Джилл присела над трупом. Быстро же она привыкла к виду и запаху крови. Отлично. У нее есть шанс выжить в новом мире.
— Ты в порядке? — обратилась к ней Арлин.
— Не беспокойтесь обо мне, — Джилл, последовав моему примеру, пнула труп ногой. — Это просто бурдюк с кровью, а у нас их целые бочки. Подумаешь.
На сей раз никто не осмелился шутить. Арлин озабоченно посмотрела на меня. Момент не располагал к тому, чтобы копаться в душе четырнадцатилетней девчонки, изо всех сил старавшейся ничего не чувствовать. Будь она взрослый человек, никого бы не удивило подобное хладнокровие — настанут мирные времена, и настроение (дай Бог) переменится, но слышать такое почти от ребенка… Всем стало как-то не по себе.
Увы, слова, сорвавшиеся с языка Джилл, — суровая правда нашей жизни, и вина за нее полностью на нас. Разве только молодые солдаты создают настрой, необходимый для того, чтобы выиграть войну? До сих пор я никогда не думал о нас с Арлин как о сентиментальных чудаках, чье время ушло, но если в будущем людям, чтобы бороться с монстрами, суждено стать холодными автоматами, то, может, монстры выиграли независимо от исхода битвы?
Время отдыха истекло. Джилл подошла к кибермумии и попыталась поднять ее. Ей одной это было не по силам, и мы поняли намек. Альберт бросился помогать, а мы с Арлин вернулись к боевой готовности. Следующий шаг был ясен — найти безопасный дом. Малоприятно рыскать в темноте да еще с грузом под мышкой.
До места назначения оставалось полтора часа ходу По пути нам встретилась всего парочка зомби, которые, кажется, просто разгуливали по окрестностям без всякой надобности. Я уложил их на месте прежде, чем Арлин успела вытащить пистолет.
— Хорошо вам развлекаться, — посетовал Альберт. — А тут тащи этого хмыря, который тяжелеет с каждым шагом.
— Что-то Джилл не жалуется, а? — спросила Арлин. Девочка промолчала. Но я видел, что лоб у нее мокрый от пота и она почти задыхается. Арлин это тоже заметила.
— Хочешь поменяемся? — предложила она.
— Я в порядке, — ответила Джилл, явно желая что-то кое-кому доказать.
Она ухитрилась донести свою ношу до самых дверей неказистого домишки — паршивее дыры в том и без того бедном квартале, кажется, не было — и со вздохом облегчения опустила ее на крыльцо.
Веренице представших взору лачуг никакие бомбы не навредили бы, настолько они были безобразны. Наш дом представлял собой бесформенную одноэтажную картонную коробку с присобаченным сверху куском металла, имитировавшим крышу. Двор — узкая полоска земли — завален кучами мусора. Гаже местечка я в жизни своей не видывал, даже самый заплеванный мотель казался по сравнению с ним райским садом.
Оглушительная «музыка», худший вариант тяжелого металла, монотонным ревом рвущаяся сквозь тонкие стены, довершала картину.
— Теперь моя очередь действовать, — вызвался Альберт.
— Ни в чем себе не отказывай, — любезно позволил я ему.
Здоровяк постучал по хлипкой двери, разрисованной облезлыми желтыми полосами, и я испугался, что халупа сейчас рухнет и рассыпется в прах. Казалось, придется ждать вечность, пока появится кто-нибудь из ее обитателей. Но дверь, как ни странно, тотчас распахнулась.
Было такое впечатление, что мы перенеслись в конец XX века, в эпоху, когда волна молодежного гнева

вытолкнула на поверхность постпанков, подергунчиков, бродячих битников и другие недолговечные и несуразные обломки.
В дверях стояли двое молодых людей: один светловолосый, другой смуглый, почти черный, наверное, испанец. Рокко и Пако, если угодно.
Рокко молчал, уставившись на нас бессмысленным взором и полуоткрыв рот. В возникшей ситуации виделось только одно хорошее: не было никакой возможности предположить, что эти двое захвачены пришельцами! Даже монстры в состоянии распознать белобилетников.
— Можно войти? — спросил Альберт.
— Валите, — ответил Рокко.
Поскольку другого варианта не предвиделось, пришлось воспользоваться этим — на горизонте не маячило спасения в виде ракеты. Альберт первым смело вступил в пещеру, сотрясавшуюся от ужасающего грохота, за ним Арлин, потом Джилл с вашим покорным слугой, который закрыл за собой дверь и оказался…
В гостиной. Комната, заставленная какими-то загадочными банками и склянками, выглядела как самая большая и самая диковинная в мире лаборатория по изготовлению наркотиков. Стеклянные колбы с разноцветными реактивами где только ни стояли, пристроенные на каждом сантиметре обшарпанной мебели. В большой бутыли поблескивала густая серебристая жидкость, похожая на ртуть. Не исключено, что эти парни с радостью отравят или подорвут нас.
Джилл и Альберт положили запеленутую мумию на пол. Альберт выступил вперед и, не говоря ни слова, сделал движение рукой. Я узнал кинетическую сигнальную систему десантников, основанную отчасти на американском языке жестов, но существенно модифицированную.
— Земля, — сказал Альберт.
— Человек, — ответил Пако.
— Нация.
— Рожденный.
Я заморгал. Альберт изобразил сложную комбинацию из букв и цифр, и Рокко ответил другой. Я поднял брови — сигнал «рукопожатие».
Вдруг выражение лица Рокко, так же, как и его поведение, совершенно переменилось. Он сделал жест Пако, и тот мгновенно закрыл рот. Коэффициент умственного развития сразу взлетел у обоих единиц на пятьдесят.
Рокко подошел к стереоустановке, единственной приличной вещи среди рухляди, и убавил звук.
— Есть разговор, — сказал он по-прежнему с интонацией бродячего битника.
Все это было слишком сложно для вашего покорного слуги, Из Рокко посыпались невообразимые словечки, все больше насчет наркотиков и рок-н-рола, насколько я мог разобрать, сам же он тем временем достал блокноты и карандаши и раздал каждому из нас. Настоящий разговор происходил в блокнотах, пока парочка продолжала нести всякую чушь, в чем ей изредка помогали Альберт и Джилл, лучше знающие жаргон, чем мы с Арлин.
Конечно, запомнил я только то, что мы писали в блокнотах.
Хозяева снабдили нас новыми подробностями об этом Жутком Новом Мире. Рокко на самом деле звали Джерри Ренфру, он был доктором философии, капитаном армии США и заведующим одной из лабораторий био-химическо-ядерного оружия. Его друг, доктор Хавьер Феликс, тоже оказался специалистом по химическому оружию.
Но зачем они притворялись торговцами наркотиками?
«Безобидно, никакой угрозы», — накорябал Феликс.
«Управление по борьбе с наркотиками, — написал Ренфру. — Подложный изгот-ль нар-в загрузил в компьютер Нац. криминального инф. центра фальшивое уголовное досье».
Раздался то ли смех, то ли визг. Это Джилл скакала по комнате и вопила:
— Я с детства не слыхала этой группы!
Где-то за нашими спинами продолжала реветь музыка, хотя и несколько тише, не превращая мозги в бесполезное месиво.
В блокноте Джилл написала: «Это делала я! Вполне могла загрузить и ваше!»
«Молода еще», — усомнился Ренфру, стирая ее воззвание.

«Не суди/книга/обложка», — заспорил с ним Феликс.
Мы старались передавать записи по кругу, но все равно получалась неразбериха, я с трудом понимал что к чему. Когда исписанный листок кончался, Феликс или Ренфру сжигали его на горелке. Бумага вспыхивала и мгновенно исчезала, не оставляя ни дыма, ни запаха.
Если верить доктору Феликсу, в подразделениях контролируемого врагом УБН по-прежнему работали перешедшие на сторону пришельцев люди, даже сейчас. Они охотились на тех, кто мог осуществлять при помощи специального состава химическую обработку, после которой люди превращались в зомби.
Настойчивее всего они отлавливали опытных химиков, работавших в области лекарственных препаратов. Представьте поэтому, как важно было капитану Ренфру и Феликсу, проникшим на территорию противника независимо друг от друга, встретиться.
Когда у Феликса устала писать рука, капитан набросал: «Лаборатория, которую я возглавлял, одна из немногих сохранивших независимость»-. Ему удалось бежать, прихватив все записи и кое-что из оборудования, потом он отрастил волосы и вернулся в тыл для работы.
Феликс к тому моменту уже был засекречен и принимал участие в операциях пришельцев — и вот тут-то и была вся загвоздка: в УБН знали, что Феликс на самом деле секретный агент, но думали, что он шпионит за пришельцами на управление, которое в свою очередь сотрудничало с ними в обмен на обещание очистить улицы от наркотиков.
В действительности Ксавьер Феликс был двойной агент, реально работавший на Сопротивление, если только не тройной агент или даже четверной, в случае чего мы крупно влипли.
«Пришельцы не пытаются выяснить, почему такой шум», — написал я.
Хозяева халупы позволили себе громко расхохотаться. …
Судя по всему, пришельцы не считали нужным волноваться из-за шума.
Мне не давала покоя одна мысль. Я долго боролся с собой, но наконец не выдержал и написал: «Как люди могут изготавливать состав для зомби, помогать пришельцам просачиваться на Землю?»
Ренфру уставился перед собой невидящим взором, машинально поправляя что-то в моей записи. Даже не знаю что. Он явно чувствовал себя задетым и испытывал страдания «Нарочно путаем рецепты. Неврологические препараты медленно убивают, сводят с ума. Делают ни на что не способными»-.
Капитан перегнулся через меня и прочитал. Потом вырвал листок из своего блокнота и добавил: «Мы работаем с высокоактивными веществами. Снадобье для зомби изготовляют для УБН другие».
Все вроде бы удовлетворились, и я решил больше не возникать. Кажется, я был единственным, кто разглядел истинный смысл этого ужасного признания: даже если они путали рецепты, чтобы зомби умирали или сходили с ума, это ведь не отменяло того факта, что они превращали людей в зомби? Как они могли после этого жить?
Мы показали им кибермумию. Они отреагировали как любые ученые-экспериментаторы, которым дали новую игрушку. Если существовало решение, они готовы были срыть гору, только бы его найти.
Хозяева отвели нас в подвал, куда музыка сверху почти не проникала. Меня удивило, что дом в Риверсайде имеет подвал, особенно такая развалюха, как этот. Потом вдруг подумалось: наверняка они вырыли его сами. Как бы там ни было, ребята производили впечатление.
— Здесь можно спокойно разговаривать, не боясь слежки, — прошептал Феликс.
— Ура! — также шепотом ответила Арлин.
— Аминь, — отозвался Альберт.
Оставив ученую парочку наверху, мы спустились вниз и дали себе минуту отдыха. Я чувствовал такую усталость, словно все мои кости превратились в прах — или воздуха нам не хватало, что ли. Не заметив как, я задремал на массивном кожаном диване, а когда очнулся, остальные распаковывали мумию. Надо же было так вырубиться, стыд какой.
— Ты в порядке, Флай? — спросила через плечо Арлин.
— Все в норме. Даже не думал, что такой замотанный, вы уж меня простите.
— Глупости, — Арлин зевнула, — Следующая очередь моя. Придвигайся поближе.
Я кивнул.
Кибертип нисколько не изменился, все тот же молодой негр, превращенный в подушечку для булавок. Раньше мы снимали бинты только с лица. А теперь, обнажив голову, увидели, что она обрита под нуль — эдакий гладкий шар, испещренный крошечными металлическими головками и шкалами.

Арлин с Альбертом продолжили разматывать бинты, и Джилл вдруг попятилась. Под бинтами у мужчины одежды не было, и, когда дело дошло до талии, наша малолетняя преступница смутилась. Океаны крови, глядя на которые она бы и глазом не моргнула, оказались ничто по сравнению с обнаженным молодым человеком. Девчушка залилась краской.
Я порадовался, что проснулся вовремя и не пропустил этого зрелища — я говорю о реакции Джилл, а не о голом мужике. Чем более безразличный вид она на себя напускала, тем больше я веселился. Она раскраснелась, как пожарная машина, ее обычно бледные щеки почти сравнялись по цвету с волосами.
Я заметил, что Арлин наблюдает, как я смотрю на Джилл. Ох, уж эти женщины!
— Нашла из-за чего смущаться, — бросила она девочке.
— Может, Джилл лучше выйти? — предложил Альберт.
— Это ей решать, — сказала Арлин.
— Я не хочу сидеть с этими… химиками, — запротестовала Джилл. — Здесь по крайней мере можно разговаривать.
— Не позволяй им дразнить себя, милочка, — наставительно произнесла Арлин. — Почти все, что нам толкуют в детстве о сексе, — вранье.
— Ты имеешь в виду то, что говорят в школе? — лукаво спросил Альберт.
— Нет, дома, — фыркнула Арлин, уже пожалев о том, что начала скользкий разговор.
Однако серьезный тон подействовал на Джилл отрезвляюще. Она вернулась к столу и помогла закончить работу, только раз пять или шесть отводя взгляд. Ну самое большее семь. У меня как у профессионала тренированный глаз на такие вещи.
— Который час? — спросила Арлин зевая. Она определенно заслужила перекур.
— Спроси у Флая, — пробормотала Джилл. — У него есть ч-часы.
— Почему, интересно, мы не могли побеседовать здесь, где хотя бы можно разговаривать, а не переписываться в этих дурацких блокнотах? — забурчала Арлин.
— Пришельцам могло показаться странным, что химики скрылись в подвале с какими-то неизвестными типами, — пожав плечами, предположил я.
— А не покажется им странным, что мы скрылись в подвале одни?
— Будем надеяться, что нет. Я повернулся к Джилл.
— Ты говорила, что не прочь подключиться к нему через компьютер. Желание не пропало?
Девочка все с той же отрешенностью продолжала изучать тело.
— Так ты можешь это сделать? — снова спросил я.
— И да и нет.
— Как понимать?
— Я могу к нему подключиться, если вы достанете нужные провода. Один со штекером Л-19, другой со штекером Л-20, оба с двумя последовательными разъемами на конце.
Я понадеялся, что кто-нибудь знает, что это все, черт возьми, значит.
— И где это можно достать?
— Спроси у хозяев. Если у них нет, можно поискать в радиомагазине или в компьютерном.
Записав параметры штекеров, я поднялся с листком наверх и показал его нашим химикам. У них таких не было, но капитан достал карту и отметил на ней ближайший радиомагазин.
Я порадовался, что Л.А. по-прежнему на высоте.
Спустившись опять в подвал, я спросил, не хочет ли кто пойти со мной, хотя заранее знал ответ.
— Я, — вызвалась Джилл.
— Все, кроме тебя, — спокойно возразил я. — Может, стоит мне…
— Почему это я не могу пойти?
— Конечно, что делать в Риверсайде, как не ходить по магазинам, — согласился я. — До прихода демонов тоже так было. Но мы уже обсуждали это, Джилл. Период твоей неприкосновенности еще не закончился.
— Я схожу, — подал голос Альберт.
— Вот и отлично. Тогда Арлин сможет немного вздремнуть…
— Я пойду с ним, Флай, — запротестовала Арлин.
— Но ты только что зевала!

— Уже отдохнула, — ответила девушка чуть ли не с вызовом.
И я сделал то, что сделал бы на моем месте любой. Пожал плечами. Сунь мне Арлин сейчас прошение об отставке, я подписал бы его не глядя.
29
Иногда мне кажется, что в последнее время я слишком злоупотребляю цитатами из Книги. Раньше я не был так сосредоточен на ней. В новую эпоху я перечитал летописи еще раз, и их слова не умолкают во мне, наверное, потому, что мудрость Книги особенно очевидна именно теперь, когда мир изменился.
Первых мормонов клеймили не только за многоженство — это вызывало скорее сочувствие, чем негодование. Американцев девятнадцатого столетия больше всего возмущало утверждение, что Господь открыл истину каким-то новым святым. Идея появления Святых Последних Дней казалась тогда большинству христиан более оскорбительной, чем любые особенности личного поведения или экономическое процветание.
Мое любимое место в Библии — стих в самом конце Евангелия от Иоанна, он лучшая защита против подобных предубеждений, но большинство христиан не обращают внимания на священные слова:
«Многое и другое сотворил Иисус; но если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг. Аминь».
То есть они признают их в теории, однако на деле выходит совсем по-другому. Отрывки, где Книга Мормона расходится с общепринятой христианской практикой, тоже не способствовали примирению. Людям не нравилось, когда им говорили, что они не просто не правы, а дьявольски не правы в вопросе крещения.
Ад. Мы с Арлин возвращались в ад. Мы пытались спасти еще живых младенцев от адского пламени на Земле. Арлин отличный товарищ. Она мне здорово нравится, и я надеюсь, что не стану свидетелем ее гибели. Однако с того момента, как я узнал о ее греховном интересе ко мне, я чувствую себя неловко. Мне было бы гораздо легче общаться с ней, если бы она перестала меня искушать.
Или если бы она согласилась… Господи! Дай мне силы! Неужели я готов заключить святой союз? Я поморщился: это слишком важный шаг, перемена всей жизни, я еще слишком молод, чтобы думать об этом. Я чувствую себя не старше Джилл!
Душа моя была в смятении, ибо я хотел Арлин. В голове, как с кафедры, звучал стих из Книги Нефия:
«О Господи! Я уповал на Тебя и буду вовеки уповать на Тебя. Я не возложу мое упование на руку плоти, ибо знаю, что проклят тот, кто возлагает упование на руку плоти. Да, проклят тот, кто уповает на человека или делает плоть своей опорой».
— Готова отдать миллион, чтобы узнать, о чем ты думаешь, — прервала мои мысли Арлин, почти касаясь меня своим телом.
Мы остановились в переулке, чтобы передохнуть. В последнее время я безопаснее чувствовал себя на узких улочках, чем на открытых пространствах.
— Вспоминал отрывок из Книги.
— Прочитай мне тоже, — попросила она.
Я посмотрел ей прямо в покрасневшие от усталости глаза — самые прекрасные из всех, что есть на свете, — и не увидел там ни капли насмешки. Мне не хотелось признаваться, сколь сильно обуревающее меня искушение и что слово «грех» равнозначно сейчас для меня алому знаку страсти.
Во второй Книге Нефия был стих, который затрагивал сердце любого воина. И я процитировал его:
«О Господи, опояши меня облачением праведности Твоей! О Господи, уготовь мне путь, дабы избежать мне врагов моих! Сделай мой путь прямым предо мною! Не ставь препятствий на пути моем, но очисти мой путь предо мною, и преграждай не мой путь, но — пути врагов моих!»
— Недурной план, — заметила Арлин.
— Божий план.
Девушка тронула меня за руку, и я почувствовал облегчение, а вовсе не скованность, как боялся.
— Знаешь, Альберт, а что если я скажу тебе, что хочу ближе познакомиться с твоей религией и понять, в чем там дело?
Такого поворота я не ожидал, а потому с подозрением полюбопытствовал:
— Зачем это тебе?
Слишком уж я привык, пока служил в морской пехоте, к нападкам всяких антирелигиозных фанатиков.

— Не обещаю, что тут же обращусь или что-нибудь в этом роде, — принялась объяснять Арлин, — но ты мне не безразличен. Если ты веришь во все эти вещи, я тоже хочу разобраться.
— Здорово, — обрадовался я, но так и не смог до конца побороть подозрения.
Однако Арлин на этом не остановилась.
— Если я так стараюсь понять тебя, может, ты тоже постараешься расслабиться и мы отлично проведем время?
Я ожидал большей тонкости от такой умной особы, но опять же морская пехота не отличалась деликатностью обращения. Зажмурившись, я помотал головой не в силах выдавить из себя ни слова.
— Не хочу тебя смущать, — продолжала тем временем Арлин.
— Очень мило с твоей стороны, — ответил я, — но это неважно, чего мы хотим, а чего не хотим. Мы не женаты, и я не могу быть с тобой.
— Ты хочешь сказать, даже встречаться?
— Я хочу сказать, что мы не можем заниматься сексом, если мы не женаты.
Выражение ее лица говорило о том, что я куда более удивительное создание, чем паук.
— Ты шутишь! — воскликнула она. — Даже целоваться?
— Даже целоваться.
Я молил про себя, чтобы она прекратила!
Она отвела от меня взгляд, почти со смущением.
— Немного удовольствия, разве это запрещено?
— Как ты можешь думать об удовольствии, когда мир гибнет? — попробовал я зайти с другой стороны.
— По-моему, самое время. Бывают же и у спасателей минуты отдыха.
— Пойми, любой секс вне брака — это прелюбодеяние, даже просто поцелуи. Такие поцелуи. Грех в твоих мыслях.
Арлин что-то пробормотала. Я готов был поклясться, что она спросила: «А как насчет тайного брака?» — но при этом смотрела куда-то в сторону с отсутствующим видом. Думаю, что мысль показалась ей такой же дикой, как и мне.
Не уверен, что мне удалось представить свою веру в наилучшем свете, но Бог не нуждается в популярности. Ему это просто ни к чему.
— Может, ты когда-нибудь передумаешь, Альберт, я буду ждать.
Кажется, она исчерпала свои аргументы. В тот момент я, верно, был в ее глазах большим пришельцем, чем какой-нибудь паровой демон или кощей.
К счастью, наш отдых подошел к концу. Я показал на часы, и Арлин кивнула. Наконец мы могли вернуться на куда менее опасное поле боя. От монстров хотя бы было понятно, чего ждать.
Больше ничто не препятствовало нам добраться до радио-магазина, кроме собачьих трупов. Мы ворвались в заброшенное помещение, выбив закрытую зачем-то на висячий замок дверь. Чтобы не выдать себя светом, пришлось надеть наши незаменимые очки. В углах и между коробками висели гигантские паутины, свидетельствуя о том, что одна форма жизни на Земле способна перенести нашествие пришельцев без всякого для себя урона.
Я удивился, что магазин не разграблен… хотя, зачем?
— О, мы найдем для Джилл все, что нужно! — воскликнула Арлин и тихонько рассмеялась.
Я не сразу понял, над чем, но мы действительно очень быстро нашли необходимые провода. Арлин сунула их в карман и направилась к двери, но вдруг остановилась у прилавка. Что-то привлекло ее внимание, только я не видел что.
— Должна задать тебе вопрос, — сказала она.
— Давай.
— Ты когонибудь любишь?
— Это очень личный вопрос.
— Потому я и спрашиваю, — продолжала настаивать девушка. — Так как?
Я не мог не ответить.
— Да, но она умерла.
— Вы с ней были близки?
— Мы не успели пожениться.

— Спасибо за откровенность. Я не собираюсь тебя пытать. Я и так слишком много наговорила. Давай возвращаться, прежде чем я сморожу еще какую-нибудь глупость.
Она пошла к двери, а я, бросив взгляд на витрину, увидел компакт-диск «Голден Олдиз» с первой песней «Никто не делает это лучше» в исполнении Карли Саймона. Я никогда ее не слышал, но догадывался, о чем она. Господи, помоги нам, неужели это воздаяние за грехи? Я вздрогнул: с момента нашествия я не видел ни одной радуги.
По дороге обратно мы не произнесли друг с другом ни слова. Арлин шагала с мрачным, решительным видом. Наверное, злилась на себя за то, что открылась мне, не выяснив сначала, что я обо всем этом думаю. Неверующие люди часто спотыкаются на этом самом месте. Но мы иначе не можем. Неудивительно, что нас считают помешанными. Не выяснять же у Арлин, нет ли у нее аллергии на помешанных?
30
Теперь я дал поспать на диване Джилл. На долю секунды я позавидовал нашему киберу, что он так долго дрыхнет. Джилл не то чтобы отдохнула к моменту возвращения Арлин с Альбертом, но хоть чуть-чуть пришла в себя — все же лучше, чем ничего.
Джилл поинтересовалась, нет ли кофе, и оказалось, что химики прячут его в подвале. Горячий крепкий кофе встряхнул ее, придал сил, и с черными кругами вокруг глаз, все еще зевая, она взялась за нашего подопечного, который уже не был мумией, но кибером продолжал оставаться на все сто.
Джилл извлекла свой ультрамикро, подсоединила провода и начала внедряться. Я по-прежнему сомневался, что из этого что-нибудь выйдет, но чем более возбужденной она становилась, тем меньше оставалось оснований для скептицизма.
Наконец она произнесла волшебные слова «Йес, йес, йес!» и несколько раз по-мальчишески вскинула в воздух руку. Не знаю, получит ли она когда-нибудь такое же удовольствие от секса.
Прошла еще минута, пока она возилась с мышью, слушая шумы протокола связи на звуковыходе. Затем последовало первое сообщение:
— Я соединилась с его мозгом в семнадцать тридцать две. Его зовут Кеннет Эстез.
— Он знает, где находится? — спросил я. Джилл замешкалась, но потом передала:
— Он считает, что умер и находится в аду.
— Мы можем поговорить с ним?
— Угу, — ответила Джилл. — Я буду печатать вопросы, а вы читайте ответы. Придется только выбирать из случайного мусора — мы напрямую связаны с его мозгом.
— Хорошо, будешь переводить, — потребовал я. — Для начала неплохо бы выяснить, кто он такой и почему монстры выбрали именно его в качестве подарочной упаковки.
Арлин клевала на диване носом. Сейчас это было для нее самое интересное. Альберт устроился в кресле, но и не думал спать — наоборот, был бодр как огурчик. Джилл что-то долго печатала на крошечной клавиатуре — всеми десятью пальцами, к моему немалому удивлению. Мне казалось, что хакеры печатают только двумя пальцами из принципа. Наконец появились первые сведения о незнакомце:
— Имя — Кеннет Эстез, программист, работал на ЦРУ как аналитик. Рядовой служащий, не какой-нибудь агент. Родился…
— У нас нет времени входить в подробности его биографии, — перебил я. — Пусть лучше расскажет, как и почему превратился в кибермумию.
Где-то капала вода. Прежде я этого не замечал, но теперь, когда приходилось ждать, пока Джилл передаст вопросы, звук страшно раздражал. Наконец от кибера снова пошла информация:
— Когда пришельцы высадились и начали войну, начальство сообщило Кену, что в управлении создан новый компьютер, работа на котором возможна только в режиме В.Р.
— Что такое В.Р.? — спросил Альберт.
— Старый термин, ведь этому парню уже за тридцать! Виртуальная реальность, теперь мы называем это бодисерфинг.
— А-а, сеть, — догадался Альберт.
— Знаете, азы будем повторять потом! — взвился я. — Продолжай, Джилл.
— Старшие офицеры уговорили Кена согласиться на вживление «ради блага Соединенных Штатов».

Объяснили, что это поможет бороться с пришельцами. Но потом оказалось, что они предатели, снюхались с врагом…
Джилл на мгновение смолкла, тяжело перевела дух. Отхлебнула еще немного кофе, прежде чем продолжать. Ненависть к предателям так и клокотала в ней. Но она заставила себя читать дальше. Никто не обвинит ее в нарушении долга.
Так вот, старшие офицеры снюхались с пришельцами, вступив в тайный заговор против страны, которую клялись защищать — и, что характерно, против себе подобных. Кен «рассказал» нам через Джилл еще кое-что: «Управление кибернетизировало меня, подключило к сети пришельцев, те, которые не заговорщики, пытались меня спасти, прежде чем предатели…»
— Как пришельцы намеревались его использовать? — спросил я.
Из ответа следовало, что завоеватели надеялись превратить программиста в канал связи между своими биотехпьютерами, сетьпьютерами и базой данных всемирной сети человечества.
— Мы живем в мире научной фантастики, — объявила покинувшая диван, Арлин, чей сон улетучился, как только Кен начал свое повествование. — Я тоже хочу кое о чем спросить, Флай.
— Валяй, — позволил я.
— Узнай, Джилл, много ли технологий пришельцев имеют биологическую основу?
— Кен говорит, что все технологии пришельцев таковы, — передала ответ Джилл. — Кроме тех, которые они крадут у покоренных народов, например, летающие черепа сделаны на основе реактивного двигателя.
— Вот именно! — воскликнула Арлин, почти так же возбужденно, как Джилл, когда подсоединилась к киберу. — Мы напали на верный след. Враги достигли в биологических методах почти совершенства. Возможно, существа, которых захватили самыми первыми, жили на той же планете и имели развитое машинное производство, которое пришельцы приспособили для своих нужд. Со временем они завоевали тех, кто построил Ворота. Мы начали экспериментировать с Воротами, случайно открыли их, и нечисть хлынула на Землю. Это объясняет, почему в выборе между органическим и механическим они всегда предпочитают биологические подходы.
— И еще это объясняет, почему в самых неожиданных местах вдруг вылезают наши технологии, — поддакнул я. — Почему монстры используют огнестрельное оружие, например.
— Да они прагматики, — вставил Альберт. — Дьявольские обличья, которые они принимают, результат скрупулезного изучения людской психологии.
Я попытался вернуть товарищей к теме.
— Выясни, Джилл, как они сообщаются друг с другом. Потребовалось немало времени, прежде чем девочка смогла удовлетворить наше любопытство.
— Кен говорит, что, когда думает об этом, очень больно, но он попробует. Он понимает так, что мы свободны. Я ему немного рассказала о нас, и он очень хочет помочь.
— Скажи, что мы будем благодарны за любую помощь с его стороны.
Прошло еще какое-то время, и Кен, вопреки моим опасениям, ответил:
— В компьютеры интегрированы нейронные каналы связи. Приказы передаются экстрасенсорными путями. Пришельцам нет надобности говорить роботам, что делать. Им достаточно подумать, но это не простое думанье. Никаких слов. Общее представление? Парасвязь?
— Знает ли он, откуда исходят команды? — задал я очередной вопрос.
— Кен не понимает, о чем спрашивают, — почти тотчас ответила Джилл.
— Хм, я не спрашиваю, где конкретно находятся сейчас их главари. Знает ли он, от кого к кому передаются приказы, когда поступает сигнал о вторжении?
На лбу Джилл появилось несколько дополнительных морщин, пока она передавала мои мысли, попутно облекая их, по всей видимости, в более понятную форму. В конце концов от кибера поступила исчерпывающая информация:
— Вопрос бессмыслен, иерархии не существует.
— Что-то вроде пчелиного улья? Полный коллективизм?
— Не-а. Они просто… хм? А-а, просто они делают одно и то же. Сами пришельцы, а роботы — я думаю, это все те, которые не люди — сражаются как бешеные. Потому они и «нелюди».
— Кен может отдавать приказы?

— Но ведь для этого его и начинили разной электроникой, Флай! Получать команды от пришельцев и передавать их людям!
— А если наоборот?
Джилл напечатала вопрос и вперилась в экран в ожидании ответа.
— Он не понимает, о чем мы. Похоже, действует какой-то запрет, который мешает ему думать об этом или понять вопрос. Какие-то вживленные контуры, работающие в привилегированном режиме… Погодите, он опять говорит… Это вторжение предпринято с целью разведки. Внутри пауков прячутся пришельцы с высокоразвитым интеллектом. Причина для высадки армий и завоевания других миров, когда это осуществимо, только одна — показать свою власть. Кену это непонятно. Разрастающаяся империя требует все новых и новых рабов, однако пришельцы больше заинтересованы в том, чтобы найти новые генетические материалы, которые они могли бы вобрать в свою паучью сеть для умножения жизненных форм — как они считают, — чем в увеличении числа рабов, особенно недолговечных и вздорных.
Джилл смолкла и, сняв наушники, потерла лоб.
— Ты в порядке? — обратилась к девочке Арлин.
— Немного болит голова, ерунда, — ответила та.
— Хочешь отдохнуть? — спросил я.
— Нет. Знаешь, что я придумала?! Если мы сможем через Кена проникнуть в один из терминалов пришельцев и взломать защиту, то есть надежда испортить им сеть!
— Гениально! — восхитился я. — И как это я первым не сообразил? — Я подмигнул. — Может, попробовать уничтожить заодно и всю их технологическую базу?
— Это труднее. Пока Кен подключен к сети, встроенные контуры блокируют его человеческие порывы. Монитору с центральным процессором никак не совладать.
— Совладать, если у него есть собственный набор интегральных схем и специальная программа, — буркнула Арлин.
— Программа, которая выключает его мозг, должна иметь интерфейс где-то в его же мозгу, — забормотала Джилл — себе самой, как я полагаю. — Если мне удастся найти ее, клянусь, я ее уничтожу, или я не Джилл Хиршнер!
— А ты Джилл Хиршнер? — полюбопытствовала моя подружка.
Джилл мельком глянула на нее и добавила:
— Мне понадобится тихое место, где меня несколько дней никто не будет трогать. Дней, а не часов.
У меня на языке вертелись еще сотни вопросов, которые я хотел задать Кену, но вдруг наверху раздался грохот. Не было похоже, что это опять музыка. Казалось, бухают чьи-то тяжеленные сапоги. Может, пришельцы явились за очередной порцией «состава»?
Я пришел в ярость: как это химики не предупредили нас, что ждут «гостей»? Потом я сообразил, что пришельцы вряд ли следуют графику. Еще одна причина для хозяев дома разыгрывать спектакль.
Арлин неслышно поднялась и выключила единственную горевшую под потолком лампочку. Мы застыли в темноте, слушая возбужденный говор наверху: химики отрицали, что видели «повстанческий отряд» и забинтованного человека.
Отчетливо доносилось шипение бесов — я задержал дыхание. Шаги наверху множились!
Вскоре послышался новый голос, скрипуче-монотонный, металлический. Похожий на голос робота из старого научно-фантастического фильма или на звук синтезатора.
Как только его обладатель вступил в разговор, наши союзники будто обезумели. В груди закопошились дурные предчувствия. Хорошие агенты должны придумать какую-нибудь правдоподобную историю. Хорошие агенты должны стоять на своем, хоть ты их убей. А эти будут ли?
Звук, который мы услышали следом, был слишком хорошо знаком — мощный взрыв сотряс дом, и потянуло запахом огня. Не успели мы шелохнуться, как дом содрогнулся от второго взрыва, и в наше убежище по деревянным ступенькам попер дым.
Слушая, как штурмовой отряд пришельцев пытается разнести дом в клочья, я наконец поверил в их искреннее желание найти нас. Поманив к себе остальных, я сказал:
— Эти ублюдки в конце концов обнаружат подвал. Единственная наша надежда — тайный ход, который должен вести отсюда наружу, если только химики сообразили его вырыть.

Отсутствие света не облегчало задачи, но я не приметил туннеля, даже когда было светло. Если моя фантазия не совсем бесплодна, вход в туннель в любом случае замаскирован. Мы начали ощупывать составленное в подвале запасное оборудование, отчаянно стараясь не шуметь. Все было в основном металлическое, и это давалось нелегко.

Химики хранили в подвале резервуары с летучими веществами, стеклянную посуду, огнетушители, бесконечные склянки с реактивами (счастье еще, что стекло было толстое). Там находилось множество полок с книгами, но имело ли смысл искать в них тайны секретного хода.

Мы обшарили стены, сдвинули с места все книжные шкафы, которые могли оказаться дверьми, проверили камин в надежде обнаружить в нем какие-нибудь скрытые дыры — ничего! Я уже готов был плюнуть, когда моя рука задержалась на книжном шкафе, привинченном к полу в отличие от других.

Я стал вытаскивать книгу за книгой, пытаясь понять, не является ли одна из них пусковым механизмом. И тут одновременно произошли две вещи. Вопервых, я нашел книгу, которая не двигалась. Никогда в жизни я еще так не радовался, когда что-то заедало.

Во-вторых, бесы, обнаружив люк, с победоносным воем откинули крышку, впустив в подвал поток света.

Мы замерли. Я застыл наподобие статуи, вжавшись в книжный шкаф; рядом оцепеневший Альберт держал в руках на манер автомата голого Кена; Джилл также представляла собой часть этой живой картины — с ультрамикро в руках, по-прежнему подсоединенным к Кену; в другом конце помещения, в полумраке, маячила Арлин. Из нас пятерых Кен лучше всех справлялся с ролью мертвеца, но, согласитесь, у него были неоспоримые преимущества.

Через открытый люк спустилось нечто.

Малыш выглядел гуманоидом — о, пришельцы не сдавались! Желто-белое обнаженное тело повторяло столь полюбившуюся им тему ада. Никакого намека на гениталии. Ручки и ножки — на редкость короткие и тонкие. Но самое удивительное то, что кожа на уродце подергивалась рябью и пузырилась, как варящееся на открытом огне яблочное пюре для зефира. Как знать, может, это был представитель одной из покоренных рас?

Когда существо подошло ближе, я понял, почему недоразвитые конечности так отлично орудовали. Новый монстр был горячим. Я имею в виду, таким-адски-горячим-что-у-тебя-глаза-на-лоб-лезли. Неудивительно, что кожа на нем пузырилась. Он был похож на мираж в пустыне, сотворенный из горящей серной плоти, — этот самый «адский» из всех встреченных нами до сих пор монстров.

Рядом с ним стояла книжная полка. Книги занялись пламенем, осветившим комнату, и деревянная полка обуглилась прямо на наших глазах. Не исключаю, что то был обман зрения, но мне показалось, что язычки пламени танцуют по всему телу пришельца. Внутренний голос пронзительно крикнул: «Все лучшее — под конец!» Дурацкий внутренний голос просто звенел от радости!

Когда этот живой факел придвинулся ко мне поближе, я увидел, что его глаза на самом деле не глаза, а кольцо светящихся точек, настолько ярких, что на них больно смотреть. Мне стало любопытно, какими нас видит это существо, а еще очень хотелось заиметь бочку с ледяной водой, чтобы опрокинуть ее на непрошеного гостя.

Подчиненные были обескуражены не меньше их бесстрашного командира. Арлин, правда, нашла в себе силы коротко пальнуть из АБ-10. Маленький гаденыш не обратил на это ни малейшего внимания, но автоматический пистолет Арлин так раскалился, что она выронила его. Затем эта головешка двинулась мимо всех прямо к вашему покорному слуге.

Для того чтобы вырубить меня, монстр пошел на хитрость. Он стал настолько ярким, что притягивал мой взгляд и я не мог отвернуться, как бы ни страдал от боли. Он начал становиться все тоньше и тоньше, а по мере того, как сжимался, еще ярче — словно собирался взорваться.

Наконец выучка взяла свое — нам привили здоровое почтение ко всякого рода взрывчатке. Превратиться в погибшего пехотинца, как вы понимаете, у меня не было ни малейшего желания.

Я нырнул вбок, выкрикнув что-то нечленораздельное, однако мои друзья уловили идею и попадали на пол, прикрывая руками головы. Зажигательная кукла взорвалась, превратив в щепки книжный шкаф, рядом с которым я секундой раньше стоял.

Альберт бросился на Кена, стараясь прикрыть своим телом, потом оставил его на полу и схватил Узи или что-то вроде него. В освещении недостатка не было.

Большой мормон открыл огонь. Его большой автомат звучал, как погремушка, по сравнению с ужасающим взрывом пришельца, но результат был тот же, что и у Арлин. Может, эта каракатица создавала вокруг себя настолько мощное тепловое поле, что пули плавились, не успев долететь до цели?

В моей голове созрел план: бежать! Это был отличный план, гораздо лучше, чем вам может показаться. Приподнявшись на трясущихся ногах, я ясно увидел туннель, который мы так старательно искали. Шкаф, что я обследовал, действительно закрывал тайный ход, и взрыв сработал наподобие волшебного заклинания: «Сезам, откройся!» Я обдумывал, как спасти своих людей, по крайней мере Джилл и Кена. Хотя у нас и были все шансы сгореть, никто не давал нам права считать прогоревшим само задание.

Уж не знаю, по какой причине, но, монстр, кажется, имел на меня зуб, потому что снова взял меня под прицел. Все признаки были налицо. Глядя на меня в упор (если считать светящиеся точки глазами), он начал сжиматься, готовясь к новому взрыву.

Не дожидаясь, пока я превращусь в обугленный тост и тем закончу свою карьеру, Арлин пришла на помощь. Она подкралась к монстру сзади и открыла огонь. Однако, усвоив урок, она не стала бессмысленно расходовать на недомерка пули, а прибегла к огнетушителю.

Никогда не ограничивайте инициативу подчиненных — вот мой девиз!

Поливая монстра, Арлин злобно шипела:

— Проклятый пулепожиратель!

Вот ведь, сходу придумала отличное имя!

Монстр заверещал. Огнетушитель на самом деле тушил огонь! Это открывало совершенно новые возможности в обращении с пришельцами: стоит снабдить бытовые приборы нужными этикетками, и на Земле опять воцарится Рай.

Арлин продолжала лить на недомерка пену, а тот издавал звуки, похожие на нечто среднее между визгом разъяренной кошки и шипением жарящегося на сковородке бекона. Если удастся свидеться с командованием, когда мы спасем мир, я потребую для Арлин специальной медали — за нетрадиционный подход к боевой технике: на Деймосе — пила, теперь огнетушитель.

Я очень уважаю женщин, которые спасают мне жизнь.

— Смываемся! — проорал я один из своих любимейших приказов.

Идея нашла понимание в массах. У всех, кроме одного беса, которому не хватило ума сообразить, что крутые пехотинцы только что расправились с его коллегой, по сравнению с которым он не годится даже в качестве зажигалки.

Впрочем, бесы вообще не отличаются особой сообразительностью, так что не знаю, чему я удивлялся. Мерзкий щенок спрыгнул в люк и швырнул пылающий комок слизи, к которому я не отнесся всерьез. Но, с другой стороны, такой комок прикончил Билла Ритча. Мысль раззадорила меня вдвойне, поэтому…

Я сделал ответный выстрел из своей двустволки, в очередной раз убедившись, насколько прав, предпочитая фашистским многозарядным штучкам честный, американский дробовик. Да! Бес треснул пополам, и вывалившиеся внутренности напомнили мне тест Роршаха. Никаких сомнений, куда лучше всех этих новоизобретенных пукалок для подавления беспорядков.

Пока мы тащились по туннелю, я вспоминал о наших обязательствах. На самом деле обязательство было одно, но суровое. Найди мы тайный ход пораньше и поставь шкаф на место, у нас был бы сейчас вполне реальный шанс его выполнить. А теперь все на свете монстры знают, где мы, и не пройдет и минуты, как их орды будут наступать нам на пятки.

Мою мысль подкрепляло шипенье, ворчанье, громыханье, сопенье, рычанье, хлюпанье и гоп-хоп-топанье всего в нескольких сотнях метров за нашими спинами. Нам ничего не оставалось, кроме как драпать что есть мочи, подобно ворам в ночи.

Арлин прихватила с собой огнетушитель — уж не знаю зачем, разве что нападем на когонибудь пулепожирателя. Альберт и Джилл связались ремнями, чтобы рукам ничто не мешало нести Кена. Бедный Кен. Совсем его затаскали, а уж сколько колотушек ему досталось — лучше бы ему не снимать бинтов. Если мы отсюда выберемся, обещаю купить ему новый комплект — пусть хоть трижды в них замотается.

Извивающийся змеей туннель оказался ужасно узким, с земляными стенами, кое-где укрепленными

деревянными балками. Внутренний голос твердил, что все идет отлично, мы выберемся, если туннель не заблокирован. Это был тот же самый голос, который всегда убеждал меня оставить дома зонт как раз перед жесточайшим в году ливнем.

Ну а теперь случился небольшой обвал. Не то чтобы настоящий обвал, иначе мы бы попросту остались в туннеле навеки, но частичный — мелочь, с которой ничего не стоило справиться.

Альберт двинул мощным торсом — и гора земли подалась. Движение замедлилось из-за Джилл и Арлин, пока они старательно пропихивали в дыру Кена, а Альберт тащил его с другой стороны. Я караулил в арьергарде, держа наготове заряженный дробовик. А ну как медведь. Однако медведей не случилось.

Через несколько футов мы наткнулись на огромную трубу. Открыв ее круглый вход, я пожалел, что не оставил свое обоняние на Марсе.

— У-у-у! — выдала Джилл еще один непрошенный, но от этого не менее проницательный комментарий.

Канализационный коллектор. Удушающий запах едва не сбил нас с ног.

— Лезем! От дерьма еще никто не умирал, — бодро прокричала Арлин.

Звук погони всего в каких-нибудь пятидесяти метрах сделал ее предложение гораздо более привлекательным. Уже слышался скрежет дыхания монстров.

Мы пролезли в коллектор, внимательно следя за тем, чтобы Кен не захлебнулся. Мы уже так долго были вместе, что начали относиться к нему почти как к члену семейства.

Мы услышали звук, который меньше всего хочется слышать под землей — свист рассекающей воздух ракеты. Я кинулся на остальных, вынудив Альберта уронить Кена. Что-то тяжелое пронеслось над нашими головами, издавая запах горелой меди, — вонючая маленькая ракета с тепловой системой самонаведения, которая как раз начала разворачиваться, но не смогла сделать полный поворот и вместо этого врезалась в трубу, проделав в ней дыру.

А мне еще казалось, что в туннеле до этого плохо пахло!

Я стряхнул с глаз грязь и прокашлялся, потом поднял с земли Джилл. По щекам у нее текли слезы, но она не плакала, мои глаза тоже слезились. Альберт помог подняться Арлин, и они оба склонились над Кеном, который лежал лицом вниз с кучей грязи на затылке.

Джилл открыла ему рот, выгребла оттуда помоечную гадость, чтобы убедиться, что он не проглотил язык. Он кашлянул, и Джилл, поднявшись, взвалила Кена на плечи, как мешок с пшеницей. Мне нравилось наблюдать за этой четырнадцатилетней отроковицей, чье поведение вызвало бы в былые времена бездну возмущения, — она вела себя совсем как взрослая.

— Сюда! — крикнул Альберт, указывая на переходной люк, ведущий в тесный коридорчик.

Здоровущим монстрам было бы непросто туда протиснуться.

Альберт полез первым, что, возможно, было не самым правильным решением. Я бы предпочел, чтобы впереди шли Джилл и Арлин. Тогда, если на нас вдруг нападут, они смогут пробираться дальше, а мы с Альбертом встанем на пути плохих дядей — все больше шансов, что задание будет продолжать выполняться.

Но теперь уже поздно что-либо менять. По крайней мере ясно, что там, где пролез Альберт, остальные пройдут без труда. Я занял оборону сзади, готовый при необходимости задержаться.

По стенам коридора тянулись трубы. Когда я присоединился к товарищам, они пытались открыть герметичную крышку люка на другом конце. Вместе с моим появлением раздался свист еще одной ракеты.

Мы с Альбертом нырнули влево, Арлин с Джилл, прихватив Кена, вправо. Наши действия сбили ракету с толку она стала выворачивать вправо и, врезавшись в трубы, прорвала несколько штук. Опять мы давились и зажимали рты от мощного выброса метана.

Альберт кряхтел, пытаясь своротить плотно прилегающую крышку — мы слышали обнадеживающий скрежет металла по металлу. Нельзя сказать, что он открыл дверцу слишком рано.

Оглянувшись, я увидел бесов, зомби и одного кощея. Что ж, по крайней мере стало ясно, кто пускал ракеты. Замыкал шествие еще один пулепожиратель, а, может, тот, кого Арлин облила из огнетушителя. Если тот самый, то он наверняка захочет отомстить.

Арлин вышла вперед с нацеленным на противника огнетушителем, готовая ко второму раунду. И тут я

вдруг припомнил кое-что из моих буйных школьных лет.
— Нет! — крикнул я. — Уходи! Немедленно лезь в люк! Она послушалась.
Выбравшись последним, я закрыл дверцу и закрутил до предела колесо.
— Долго она не выдержит, — заметил Альберт.
— А долго и не нужно, — сказал я пятясь. — Все назад, быстро!
На лице Альберта застыло изумление, но ненадолго — он сообразил, что сейчас случится.
— Надеюсь, вы все по-настоящему любите барбекью, — обратился я к своим войскам. — Эй, Арлин, помнишь, как в Л.А. строили метро?
— Да-а, — неуверенно протянула она, все еще недовольно хмурясь.
Взрыв фантастической силы сбил нас с ног, сорвав с петель металлическую дверцу, — окажись кто-нибудь на ее пути, его настигла бы верная смерть.
Я с трудом поднялся. Не требовалось особого мужества, чтобы подойти к дыре и проверить результат, — так, некоторая слабость в животе. Взрыв сокрушил все, даже пожирателя пуль.
Заглянув в утробу ада, я увидел, что от преследователей не осталось ничего, кроме ошметков мяса и кровавой мороси. Ну и, конечно, витающего в воздухе запаха гнилого лимона.
— Что случилось? — ошеломленно спросила Джилл.
Во всяком случае, мне показалось, что она это спросила, поскольку все заглушил долгий и пронзительный сигнал тревоги.
Как я и рассчитывал, температура пожирателя пуль была достаточно высокой, чтобы взорвать метан.
Джилл окончательно оправилась от изумления и скакала, как козочка, крича что-то невразумительное, возможно, современный вариант «гип-гип-ура!»
Мы же, старики, плелись по коллектору, оглоушенные взрывом. Свернув несколько раз туда-сюда, мы в конце концов поняли, что заблудились.
У Арлин был компас, и теперь настал момент его использовать.
— Хм, странно, — обронила она (ко мне только-только начал постепенно возвращаться слух). — Он каждый раз показывает новое направление.
— Мешает электрический ток в переключателях, — объяснил я. — Отталкивайся от среднего, чтобы мы приблизительно держали на запад.
Где бы мы ни оказались и что бы с нами ни происходило, нашим девизом должны были оставаться слова: «На запад и только на запад!» В ЛосАнджелесе мы найдем компьютер, как сказал Президент — надеюсь, он знал, что говорил. Уж там мы посчитаемся с пришельцами, они нас надолго запомнят!

31

Мы продолжали двигаться на запад и вылезли наконец в нескольких километрах от того места, где вошли в туннель. Дело близилось к ночи. У нас был трудный день.
— А вот и транспорт! — воскликнул Альберт, вытягивая руку.
Мы увидели старый «линкольн-континенталь», покрытый таким толстым слоем ржавчины и грязи, что не было никакой возможности разобрать изначальный цвет. Того и гляди у него автоматическая коробка передач — от этой мысли мне стало нехорошо.
Альберт подошел к машине и открыл незапертую дверь. Ключей не было.
— Готов поспорить, что машина на ходу, — заявил Альберт, ложась на сиденье, чтобы видеть рулевую колонку.
Потом он расковырял картер и начал возиться с проводами. Через минуту двигатель заурчал.
— Ты закоротил провода? — изумленно спросила Джилл.
— Конечно, — ответил Альберт.
— Вот уж никогда бы не подумала, что ты умеешь это делать! — воскликнула она.
— Почему? — Альберт выбрался из динозавра.
— Разве этому учат в снайперской школе? — поинтересовалась Джилл.
— Нет, этому меня научила моя бурная юность.
— Хорошо бы все мормоны были похожи на тебя, — сказала Джилл и в ответ услышала:
— Церковь сыграла важную роль в моей жизни, девочка. Развернула ее на сто восемьдесят градусов.
— И куда же было повернуто твое лицо? — не унималась Джилл.
— В сторону ада.

— Ты и сейчас туда смотришь, — заметила Арлин. — Просто носом в него тычешься на каждом шагу.
— Да, — согласился Альберт. — Но теперь другое дело, теперь я способен сражаться против него. Я скорее взорву демона, чем отдам ему свою душу.
Мы уже обсуждали эту тему. Поэтому теперь я предпочел устраниться. Арлин же была не прочь повторить, но с нее что возьмешь, она явно влюбилась в парня.
— Они — пришельцы, — наставительно заметила она.
— Конечно, — не стал спорить Альберт. — Но для меня они одновременно демоны.
Вот так. Что одному радость, другому горе. Для меня, кстати, старый «линкольн» был почти что монстр. Я едва не жалел, что он еще бегает. Быстрый взгляд на… полбака есть, до Лос-Анджелеса больше, чем достаточно.
Одно хорошо в старых машинах — места хоть отбавляй, наше семейство прекрасно в ней разместилось, включая Кена, зажатого на заднем сиденье между Джилл и Арлин. Я с радостью уступил руль Альберту. Мне хватало дробовика.
Альберт включил в надвигающихся сумерках фары и торжественно провозгласил:
— Горят!
— Великолепно, — ответил я. — А теперь выключи.
— Больше не буду, — повинился здоровяк, словно ребенок, застигнутый за игрой с запрещенной игрушкой. Мы ехали без фар, держа курс на …
— У тебя что, новый план? — спросила Арлин. Бросив взгляд в зеркало, я увидел, что Джилл спит.
— Конечно. У меня всегда новый план. Думаю, нам стоит захватить самолет и ускользнуть от преследования…
— Ну-ну, — перебил меня Альберт. — Только вот вопрос, есть ли у них авиация? Что-то я ни одного самолета не видел.
— Может, они используют в качестве пилотов зомби? — с надеждой предположила Арлин. У зомби рефлексы не на высоте.
— Значит, договорились, — продолжил я, — захватываем самолет и рвем на Гавайи. Там находим Центр военной техники и отдаем им Кена. С помощью Джилл подключаем киборга к биосети и уничтожаем к чертовой матери всю систему пришельцев.
— Отличный план, — согласился Альберт.
— Поддерживаю, — откликнулась Арлин.
Приятно, когда тебя хвалят. Если к вашему покорному слуге будут относиться с надлежащим уважением, то ему еще, может, удастся обратить Арлин. Уверен, что Альберт был бы не против.
— Интересно, выставили монстры на границе города посты? — произнес после долгого молчания Альберт.
— Не думаю. После всего, что мы видели, не похоже, чтобы они могли похвастаться хорошей организацией. Как считаешь, Арлин? — я заглянул опять в зеркало заднего вида.
Но Арлин последовала по стопам Джилл в Страну сновидений. Если учесть состояние Кена, заднее сиденье превратилось в своего рода спальное отделение.
— Дрыхнут, — не без зависти отметил Альберт.
— Ты сам как? — спросил я.
— Как огурчик. Вести машину в темноте без фар отлично разгоняет кровь.
— Понятно. Но если хочешь отдохнуть, я тебя сменю.
— Ты отличный парень, Флай. Мне теперь ясно, почему Арлин так тебя уважает.
— Она тебе что, говорила об этом?
— А что тут говорить, все и так понятно.
Мы оба старались не потерять из виду дорогу. Горизонт, залитый ярким светом, резко контрастировал с расстилавшейся вокруг тьмой. Никуда не денешься, ночь. Я потер глаза, неожиданно почувствовав, что они слипаются.
— Почему бы тебе не поспать? — спросил Альберт.
— Ну нет. Пусть хоть двое бодрствуют, и я хочу быть уверен, что один из них — ты.
— Твоя правда.
Измученные, но слишком возбужденные, чтобы спать, мы подкатили к ночному Лос-Анджелесу. По

дороге нам не встретилось ни одного патруля. Не исключено, однако, что враги приготовили нам сюрприз в самом центре.
На въезде в город бессмысленно топтались часовые-зомби, карикатурно повторяя действия военных. Однако даже они заметили бы наше появление, прикати мы с включенными фарами. Так что нам пятерка за-Альберт свернул на боковую дорогу, но и там творилось то же самое.
— И долго мы так будем кататься? — поинтересовался он.
— Наверняка катались бы всю ночь, если бы я не сообразил подготовиться.
— Как?
— Не выкинул лимоны, которыми пришлось уже однажды воспользоваться. Я их припрятал, завернув в полиэтилен.
— Фу, как говорит Джилл, — откликнулся Альберт. — И кто же таскал эту гниль?
— Ты, детка!
— За это, Флай, будешь будить девчонок сам.
Хм, парень знал, что такое месть.
Мы остановились. Я разбудил первой Джилл и похлопать по плечу Арлин предоставил ей. Со спящим пехотинцем, знаете ли, надо обращаться нежно, как с младенцем, а еще лучше напустить на него младенца. Арлин вскочила взбешенная. Но все обошлось благополучно, вполне благополучно.
Ночной воздух был прохладен и свеж. Когда мы подпортили его подпорченными лимонами, Джилл спросила:
— А как быть с Кеном?
— Порцию лимонов и лаймов ему тоже, — ответила Арлин. — Мы все должны пахнуть для зомби одинаково.
— Так мы пойдем или поедем? — спросил Альберт.
— Не вижу причины бросать колымагу без особой на то нужды, — ответил я, сам на себя удивляясь. Вы помните, какие чувства вызвал у меня старый «линкольн». — С открытыми окнами должны проскочить.
— По-моему, я вполне тяну на мертвеца, чтобы оставаться за рулем, — заметил Альберт.
Мы все запихнулись обратно в машину, изобразили на лицах кладбищенскую мрачность и покатили.
Когда впереди замаячил первый пост, я заволновался. Вокруг не было ни одной другой машины. Правда, мы видели вереницу грузовиков, которыми управляли зомби, но я бы чувствовал себя гораздо уютнее, не будь мы единственной легковой машиной.
И вдруг сзади в нас врезались. Грузовик. Тоже с выключенными фарами. В боковом зеркале виднелся водитель-зомби.
— Не реагируйте, — прошипел я, боясь, что начнется перестрелка, которая все испортит. Отряд проявил хладнокровие.
— Удар пустяковый. Грузовик еле тащился, почти с такой же черепашьей скоростью, что и мы. Все в порядке? — тихонько спросил я.
Пока мы обменивались впечатлениями, в водителе грузовика проснулись древние, оставшиеся с человеческих времен простейшие инстинкты. Зомби налег на клаксон. И я вдруг полностью расслабился. Теперь нам ничего не стоило проскочить контрольный пункт.
— Ну что, поехали, капрал? — спросил Альберт, явно настроившийся на ту же волну.
— Вперед, братец! — коротко скомандовал я.
Грузовик как приклеился к нашему бамперу. Но теперь мы уже ни на что не обращали внимания и ворвались в город вполне в стиле Л.-А.: пьяно виляя между грузовиками и истошно гудя.

32

Мы бросили машину на одной из переполненных стоянок аэродрома. На стоянке В, чтобы быть точным. Как приятно, что не надо думать о поисках свободного места, более того, не беспокоиться о том, чтобы запомнить его.

Всего-навсего и нужно-то перебраться через забор, чтобы попасть туда, куда норовят попасть, следуя лучшим традициям, угонщики, а Кен весил не очень много. Вдруг меня осенило:
— Эй, ребята, ведь кто-то из вас умеет управлять самолетом, правильно?

— Во всяком случае лучше, чем управлять им неверно, — ответила Арлин.
— Сейчас не время для дурацкого юмора, — оборвал я подругу. — Так да или нет?
— Как ни смешно, — серьезно сказала Арлин, — но я собиралась задать тот же самый вопрос. Правда.
Мы оба посмотрели на Альберта.
— Я хотел учиться, но так и не собрался, — грустно признался он.
— Интересно, это очень трудно? — спросил я, повторяя слова известного героя из старого фильма.
Мы проникли на территорию, где заправлялись большие лайнеры, и я нашел подходящего кандидата: своего рода археологическую древность — транспортный самолет военно-воздушных сил Си-5, который, однако, с легкостью мог долететь до Гавайев. На том условии, что кто-то им будет управлять.
Все мы приноровились изображать из себя зомби, хотя я по-прежнему считал, что Джилл слегка перебарщивает. Кена мы с Альбертом зажали с двух сторон, так что казалось, будто он ковыляет вместе с нами. Мы собирались подняться по трапу, смешавшись с оравой мертвяков.
У входа в самолет стояли два клайда. Вот, черт, не повезло! Мы могли сойти за зомби среди зомби, но в этих парнях я не был уверен.
Клайды разоружали входивших в самолет. Это была весьма разумная предосторожность, учитывая, как вели себя зомби, когда их толкали или теснили. Я не мог обижаться на клайдов за их нежелание оказаться во время полета в разгерметизированном самолете, однако идея остаться без оружия также не находила во мне отклика.
Мы произвели некоторую перегруппировку и подошли к трапу гуськом — во главе я, Джилл и Кен посередине. Джилл управлялась с кибергом так же хорошо, как я. План мог сработать, если клайдам поднадоело их монотонное занятие.
Как мы и предполагали, охранники едва обратили на нас внимание, когда мы послушно сняли свои тяжелые орудия и бросили их в кучу рядом с трапом. Прощай, мой дробовик. Мы остались всего-навсего с припрятанными под куртками пистолетами.
Пока самолет выруливал, мы старались держаться как можно ближе друг к другу, затерявшись в толпе зомби, а потом стали пробираться вперед к кабине. Оставшись в хвосте, клайды принялись о чем-то шушукаться. К тому моменту, когда самолет взлетел, что вызвало у меня, как обычно в такие минуты, прилив крови к голове, мы оказались совсем близко к цели и, не раздумывая, нырнули за занавеску, закрывавшую дверь кабины. Я взял на себя смелость легонько толкнуть ее.
Дверь распахнулась внутрь, открыв нашим взорам парочку бесов, склонившихся над привинченным к полу диковинным глобусом, еще одним чудом технологической мысли пришельцев. Монстры управляли самолетом с помощью этого пульсирующего, гудящего и жужжащего шара. Даже при мимолетном взгляде на него начала болеть голова — биотехнические штучки пришельцев рождали во мне немедленную потребность принять убойную дозу аспирин. Сверкающий, потный шар был подсоединен к пульту управления.
Бесы стояли к нам спиной. Они были настолько поглощены своим занятием, что даже голов не повернули в нашу сторону. Я тихонько прикрыл дверь и запер ее на ключ.
Через лобовое стекло я увидел Венеру — мы летели в другую сторону, прямо на восток!
Нет, так дело не пойдет. Я указал на бесов, затем на Арлин. Она кивнула. Мы сделали шаг вперед, держа наготове пистолеты, и почти одновременно приставили дула к затылкам проклятых бесов.
Внутренний голос словно бы ждал именно этого момента, чтобы гнусаво посоветовать нам обратиться к бесам с речью наподобие: «Требуем изменить маршрут и лететь на Гавайи. Мы мечтаем о настоящем медовом месяце!»
Но смешно отдавать бесам приказы. Они понимают только один: «Пиф-паф, убит!» Самолет будет наш, только если мы их уберем.
Уверен — мы с Арлин выстрелили в один и тот же момент. Глупые мысли, кружившиеся в голове, не могли повлиять на результат. Однако произошло что-то странное.
Бес, которого взяла на себя Арлин, повалился и так и остался лежать на полу. Она всадила в него для верности еще две пули, почти рефлекторно. Но я?! Не смог обслужить одного паршивого беса, после того, как мы изничтожили целые полчища зомби, демонов, привидений и тыкв.
Одного паршивого беса! С минимального расстояния! Когда я нажал на спуск, голова монстра слегка дернулась. Пуля прошла под углом, и он, подлая тварь, не сдох, а с визгом обернулся и метнул свою

пылающую гадость. Один паршивый сопливый шарик. Я уклонился влево. Арлин была в безопасности — возилась где-то с правой стороны со вторым бесом. Джилл пригнулась, заткнув пальцами уши, чтобы приглушить невыносимо громкое в замкнутом пространстве эхо выстрелов. Альберт мог бы тоже прикрыться. Но вместо этого застыл столбом. А ведь профи.

И вот этот профи с бессмысленным выражением лица, словно олень в фарах автомобиля, подставился безжалостному убийце. Может, у него был свой внутренний голос, который выбрал именно этот момент, чтобы подшутить над ним. Или, может, парень заранее решил, что с бесами ничего не стоит справиться, поэтому ослабил бдительность и дал мозгу отдых как раз в тот момент, когда этого ни в коем случае нельзя было делать.

Пылающий ком влетел ему прямо в лицо.

Я вспомнил, как мы потеряли Билла Ритча.

Ну разве не обидно: пройти невероятные испытания для того, чтобы попасться на такой ерунде. Я совсем потерял голову, перед глазами поплыл красный туман. Меня словно накачали адреналином.

Отбросив пистолет, я кинулся на беса. В ход пошло все: кулаки, зубы, при этом я кричал громче, чем несчастный Альберт, который катался по полу, закрыв руками лицо.

Сзади в меня вцепились чьи-то руки, совсем маленькие ручки. Это Джилл пыталась оттащить меня от беса и кричала мне что-то в ухо, но что — я был не в состоянии разобрать. Одна моя половина, не желавшая сделать больно Джилл, возобладала над другой, которая упорно хотела разорвать ногтями беса.

Однако я не мог просто так отпустить его — ведь ничто не помешает ему закидать нас в ту же минуту огненными шарами. И тут я услышал крик Арлин, что-то насчет «прямого попадания», и вдруг вспомнил о таком изобретении, как огнестрельное оружие.

Пещерный человек уступил дорогу Воздушной амазонке, которая всадила в открытый рот беса две обоймы подряд. Теперь он его уже не закроет. Никогда больше не поднимет когтистых лап.

Естественно, пока мы разбирались с недоразумением, в салоне возникла суматоха. Нетрудно догадаться почему — ну конечно же, мы немножко нашумели.

Кто-то из зомби попытался открыть дверь. Но замок пока держал крепко. Ко мне окончательно вернулся рассудок, и я помог подняться на ноги ослепленному Альберту, попутно отметив, что огненная слизь не попала ему ни в нос, ни в горло. Значит, должен жить.

На другом конце салона послышались выстрелы и ругательства. Видно, клайды прорывались вперед, безжалостно расправляясь с каждым подвернувшимся под ноги зомби. Оставалось только порадоваться, что самолет, как консервная банка, плотно набит «переделанными».

— Итак, настал момент истины, — грозно произнесла Арлин, на которую время от времени нападало желание покомандовать. — Кто будет управлять этой чертовой штуковиной?

— Я, — тоненьким голоском ответила Джилл.

Впрочем, с уверенностью. Я с ужасом вспомнил, как она вела грузовик. Но тут же вспомнил, как она осталась за рулем, когда ей чуть не снесло голову ракетой.

— Ты не говорила, что умеешь водить самолет, — сдерживая голос, сказал я.

— Но ты не спрашивал, — ответила она. Реплика совершенно в духе старых анекдотов, только никто не засмеялся.

— Детка, ты хоть раз водила самолет? — спросил я.

— В некотором роде.

— В некотором роде? Что, черт возьми, ты имеешь в виду?

Зомби стал бросаться на дверь. Стонавший Альберт тут же взял себя в руки, по-прежнему чувствуя себя боевым членом отряда.

Джилл вздохнула.

— Ну хорошо, по-настоящему я не летала. Зато я собаку съела на всех этих пилотируемых моделирующих устройствах!

Мы с Арлин в панике уставились друг на друга. Несмотря на все мое сопротивление, я вынужден был признать, что мой опыт управления почтовой ракетой — при наличии самой современной системы стабилизации, которая следила за режимом полета, — не идет ни в какое сравнение с практикой Джилл.

— Даю добро? — спросил я Арлин.

— Давай, — пожав плечами, ответила она и наклонилась за Кеном.
Я помог Джилл отыскать на сверкающем глобусе разъемы. Она, в отличие от меня, дотрагивалась до этого биотехнического чуда без всякого страха. Найдя, что нужно, Джилл подключила к системе Кена. Все сошло как по маслу — для этого он и был создан.
Через минуту она заявила с тем торжеством в голосе, которое редко сулило разочарование:
— Готово! Нас ведут!
Выстрелы за дверью свидетельствовали о том, что клайды подобрались совсем близко, удары о дверь кабины стали тяжелее. Только я хотел кое-что предложить, как Альберт опередил меня. Он хоть и выбыл из игры, но мозгов не растерял.
— В добрый путь, дочка, — прошептал он, по-прежнему закрывая глаза рукой. — Почему бы тебе теперь не выпустить из салона воздух?
Подняв от удивления брови, я посмотрел на Арлин и произнес губами «дочка», но та замотала головой. Наверное, Альберт просто обобщил. Куда ему, в его-то годы, быть отцом Джилл?
Пальцы девочки бегали по клавиатуре все быстрее и быстрее, а яростные наскоки на дверь становились все тише и тише и наконец совсем прекратились. Вот вам современная смерть… от клавиатуры. Мы были уже на высоте сорока тысяч футов и продолжали ползти вверх. На такой высоте даже для зомби недостаточно воздуха, а уж клайдам, этим полу-или даже полностью человекообразным, и вовсе требуется такое же количество кислорода, как людям.
— Отлично сработано, дочка, — похвалил Джилл Альберт.
Со слухом у него все было в порядке.
Я с трудом приходил в себя, не в силах поверить, что мы в очередной раз избежали смерти. Вдруг навалился сон, в голове помутилось. Арлин обняла меня за плечи и сказала:
— Теперь снова твоя очередь спать.
Я не стал спорить. Тем более что Альберт тоже дремал. Сон, который сматывает размотавшийся клубок невзгод…
Однако мне было неловко спать слишком долго и меньше, чем через полчаса, я вскочил. Джилл к тому моменту развернулась, миновала линию берега и летела над океаном. Все было прекрасно… еще несколько секунд.
— Черт, мы теряем скорость! — крикнула вдруг она, разбудив всех остальных. — И высоту!
Вот так всегда что-нибудь.
Двигатели напряженно гудели, издавая такие звуки, словно столкнулись со стеной яростного встречного ветра. Однако никакого ветра не было. Издав громкое «пы-ы-х-х», один из двигателей загорелся. Джилл не обманула, когда расписывала свой богатый опыт работы на тренажерах — она то и дело пикировала, пытаясь снова запустить двигатель. Потом пошла на разворот, с намерением еще раз попробовать прорваться.
— Ну и техника у этих идиотов! — взревел я. — И наземная служба состоит из дебилов! Как эти кретины собираются завоевать мир, когда они даже…
— Заткнись! — крикнула Джилл.
Я заткнулся. Она была права. Я мог сколько угодно беситься, но что я мог предложить после того, как она спасла нам всем шкуру.
Еще две попытки, и Джилл стала белее снега.
— Здесь что-то вроде щита, — прошептала она. — Мы не можем лететь на запад.
— Вот так они и завоевывают мир, — спокойно сказала Арлин.
Я как пай-мальчик проглотил пилюлю.
33
Мы продолжали кружить, и Джилл подключила автопилот в надежде, что враг пока не замечает отклонения от курса. Ее пальцы по-прежнему бегали по клавиатуре, пытаясь выйти через биотех на связь с наземной диспетчерской службой. Вскоре она мрачно улыбнулась.
— Слушайте, что скажу.
Мы все обратились в слух — в воздухе по праву командовала она.
— Вынуждена выбросить вас в Бербанке, ребята.
Звучало угрожающе. Почти так же страшно, как девятый круг Дантова ада, где скованный льдом дьявол

обречен коротать вечность, жуя, словно кусок твердой карамели, Иуду. У меня были хорошие отметки по литературе.
— Что? Почему? — возмутилась Арлин.
— Регулятор щита находится в старой диснеевской башне, рядом с киностудией.
— Ну ничего святого для этих демонов нет, — вздохнул я.
— Ночь на Лысой горе, — добавила Арлин. — Акт второй.
— Очень жаль, но другого выхода нет.
Джилл изменила курс и взяла на северо-восток. Остаток пути мы не разговаривали. Как-то не находилось темы для светской болтовни.
Наконец Джилл стала снижаться над Бербанкским международным аэропортом.
— Ты можешь приземлиться ровно на одну секунду? — спросил я. — Сбить скорость до пятидесяти километров, коснуться земли и снова взлететь?
— Хм. — Джилл задумалась. — Вообще-то да, но зачем? — Я многозначительно молчал, пока она не воскликнула, сообразив: — Сумасшедший, ты хочешь выпрыгнуть?
— Подумываю об этом.
— Какого черта, — возмутилась Арлин, — я прыгаю вместе с тобой.
Джилл покачала головой, явно подозревая в безумии нас обоих.
Она закружилась над взлетным полем, не обращая внимания на обычные посадочные дорожки и лавируя между другими самолетами, что только подтвердило мои догадки о профессиональной сноровке пилотов-зомби.
Самолет летел достаточно низко для того, чтобы в салоне восстановилась герметизация. Мы с Арлин направились в хвостовую часть, преодолевая завалы из зомби. Джилл время от времени выкрикивала:
— Готовы?
С каждым разом голос ее становился все более нервным. Мы пытались ее успокоить. Это было легче, чем успокоить самих себя.
— Открой задний грузовой отсек! — крикнула Арлин.
Мы ударились о взлетно-посадочную полосу и дважды подскочили: Си-5 не был приспособлен к тому, чтобы так медленно летать. В салон ворвался шум ветра. Но все равно мы расслышали голос Джилл, когда она четко и громко произнесла:
— Прыгайте!
Что мы и сделали, сильно ударившись о бетон. Я покатился, украшая синяками те части своего тела, о наличии которых прежде особенно не размышлял. Судя по звукам, с Арлин происходило то же самое — она скакала наподобие теннисного мячика. Но я не сомневался, что это был лучший способ покинуть самолет — мы не могли позволить себе риск сесть по-настоящему.
Я первым вскочил на ноги. Джилл почему-то не торопилась набирать высоту.
— О, Господи, только не это! — крикнула Арлин, видя, как самолет разворачивается носом прямо в склон высоченной насыпи.
— Взлетай, черт тебя дери, взлетай! — яростно орал я в воздух.
Тут уж было не до молитвы.
В последнее мгновение из-под крыльев вдруг вырвалось яркое, ослепительное пламя, и Си-5 резко рванул ввысь. Раздался такой громкий рев, что мы чуть не оглохли.
— Какого черта? — Арлин от изумления разинула рот.
— Грандиозно! — вопил я, молотя кулаками воздух. — Она, видно, поняла, как подключать РПУ!
— РПУ?
— Реактивная пусковая установка! — продолжал кричать я. — Это ракеты, которые устанавливаются на военно-воздушном транспорте, чтобы сократить время взлета до считанных секунд.
— А я и не знала, что они там есть.
— Джилл скорее всего тоже не знала, — сказал я, чувствуя за малышку такую гордость, что был совсем не прочь, чтобы она услышала, как я, повторяя за Альбертом, называю ее дочкой.
Мы вглядывались в небо до тех пор, пока самолет не превратился в крошечную темную точку.
Тогда мы пригнулись и побежали, держа курс на гигантское здание кинокомпании «Уолт Дисней». Вывеску с крыши кто-то сбил — видно, использовали в качестве тренировочной мишени.

— Готова? — спросил я Арлин.
— Как всегда, — ответила она.
Я глубоко вздохнул. Вытащив пистолеты, мы толкнули дверь и проскользнули внутрь.
Господи, какая ностальгия! Будто я возвратился в прошлое, будто снова на Фобосе и, притаившись за углом, выслеживаю зомби!
Вверх по лестнице — нельзя доверять лифтам… Я знал, что каждую минуту могу наскочить на князя ада, а у меня нет моего любимого противотанкового гранатомета! Благодарение Господу, пронесло.
Мы резвились как могли, вспоминая все свои старые штучки: перекрестный огонь, удар стволом с оттяжкой, при малейшей возможности стравливанье гадов. Последнее развлечение мы любили больше всего и старались так разозлить зомби и клыкастых, что они готовы были грызть друг друга живьем.
Мы искали проклятый регулятор на каждом этаже и забирались все выше и выше, постепенно приходя к уверенности, что энергоисточник щита где-то на самом верху, этаже на сороковом, почти под крышей. Нам крупно повезет, если это так.
Мы обзавелись винтовками, сняв их с первых же двух убитых зомби: все лучше, чем пистолеты, хотя винтовки тоже были лишь десятимиллиметрового калибра. У следующего зомби был отличный красавец дробовик. Я решил, что возьму его, даже если он, как водится у фашистов, многозарядный.
— Как в старые добрые времена, — сказал я.
— Будто мы опять на Деймосе, — согласилась Арлин.
— И умирают они с той же легкостью. Мне нравится моя новая игрушка.
— Попридержи лошадей, Флай Таггарт, — угрожающе произнесла Арлин. — Кажется, ты кое о чем забыл.
— О чем же?
— Об одном пари.
Не успела она закончить фразу, как я уже вспомнил. Что было делать? Я попробовал сменить тему.
— Эти зомби еще цветочки, Арлин, то ли нас ждет. Позже разберемся…
— Ну уж нет, Флай! Я ради тебя спрыгнула с этого проклятого самолета, так что плати должок.
Когда Арлин впадает в такое настроение, ничего не остается, как уступить. Все дьявольские силы ада — детский пустяк по сравнению с выигравшей пари Арлин Сандерс, тут не ускользнешь.
— Теперь, когда ты сказала, я кое-что смутно припоминаю, — соврал я. — Вот отличная винтовка, возьми ее, если хочешь.
— Очень рада, что она тебе нравится. Вот и оставь ее себе. А мне отдай дробовик.
Мы разрешили наш спор как раз вовремя, потому что в этот момент над нашими головами взорвался огненный шар. Бесы наступали. Что ж, сейчас новое оружие получит крещение огнем в самом буквальном смысле слова.
Покончив с ублюдками, я взлетел на пятый этаж и, завернув за угол, столкнулся нос к носу еще с одним клайдом. Настолько близко, что сомнений быть не могло: он выглядел точной копией того, которого мы убили на улице Риверсайда, и тех двоих, что разоружали нас при посадке в самолет.
Наконец мы получили ответ на мучивший вопрос: да, эти чудовища появились на свет в результате достижений генной инженерии. Пришельцы совершили свой прорыв… Господи, помоги человечеству.
Клайд поднял 0,30 калибр с ленточной подачей и прочим, но мы опередили его. Он так и не узнал, откуда пришла смерть — то есть он видел град пуль и крупную дробь Арлин, но вы понимаете, что я имею в виду. Теперь у меня было оружие по мне. Арлин завистливо косилась в мою сторону, но она сама сделала выбор. Я расплатился сполна.
На десерт еще тридцать семь этажей вверх — Господи, неужели одышка? Какой же я, однако, старик! — где мы были атакованы старой знакомой, огромной, несущейся прямо на нас тыквой.
Она шипела. И корчила рожи. И плевалась шаровыми молниями.
Я тоже плюнул — пулеметной очередью. Тыква лопнула, как надувной резиновый мяч, обгадив всю комнату голубоватым гноем, который заменял им кровь.
— Флай, — вздохнула моя товарка по преступлению, — я оглохну, если канонада продлится еще хоть минуту.
— Какая канонада?
— Треск твоего пулемета! Это даже хуже, чем Джилл с ее реактивной пукалкой.

— Что с тобой? — насмешливо спросил я.
Я был в восторге от трудов моего прожорливого крошки.
Арлин игриво хлопнула меня по руке. Я зашелся от крика.
— На тебе есть хоть одно живое место? — участливо спросила моя подруга.
— Хороший вопрос. Думаю, что после встречи со взлетной полосой ни одного.
— Аналогичный случай, — вздохнула она. — Но тыквенный пирог тебе по-прежнему удается на славу.
Арлин поддала ногой раздрызганные по полу печеные мерзкие ошметки.
— Ну что, заберемся на самый верх этой мышиной норки? — предложил я.
— Только после вас, капрал.
В боевых условиях настоящий джентльмен идет впереди дамы. Во всяком случае, когда дама об этом просит. Я был рад услужить, тем более, что мой пулемет был еще большим джентльменом, чем я.
На самом верху нас ждало вознаграждение.
Дверь даже не была заперта. Она вела в комнату, набитую компьютерами, подключенными к очередной коллекции биотехнических новшеств. От них исходило зловоние, а некоторые штуковины слабо повизгивали, словно раненые животные. Я пожалел, что с нами нет Джилл: она была бы счастлива усовершенствоваться в техновивисекции.
— Должно быть, где-то здесь, — предположила Арлин.
Я с трудом расслышал ее слова, но не из-за проблем со слухом, а из-за шума. Мой пулемет принимал в его создании самое деятельное участие. Так же, как и дробовик Арлин. Плюс несколько взрывов. Под такое вот сопровождение оркестра мы расправлялись с не ожидавшими подвоха бесами и зомби, обслуживавшими оборудование.
Я вынул из рук убитого экс-часового плексигласовую дубинку и использовал ее как засов, резонно полагая, что враги не замедлят прислать своим подкрепление. Но это меня не волновало — сейчас главное выиграть время.
Арлин разогнала дым и начала возиться с рычагами управления на пульте. Она лихорадочно нажимала одну кнопку за другой в надежде напасть на ту, которая уберет щит.
— Должен же быть какой-то способ, — бормотала она. — Наверняка можно выяснить, отключен щит или нет.
— Почему ты так уверена? — спросил я.
— Представь, что пришельцы сами захотели слетать на Гавайи? Я кивнул.
— Розовый хрюкала в гавайской майке — мечта.
— Черт! Жаль, что Кена и Джилл здесь нет.
— К чему тогда все наши старания, А.С.? Они ждут на высоте сорока тысяч футов, чтобы рвануть на острова, как только мы разделаемся с этим проклятым щитом.
— Требуется парасвязь, чтобы задействовать большинство приборов, тут я бессильна!
К тому моменту в дверь уже отчаянно колотили. Пока дубинка держала, но сами по себе эти звуки не добавляли Арлин спокойствия, что, в свою очередь, не способствовало разрешению труднейшей задачи, над которой она билась.
— Не могу докопаться! — воскликнула она. — Вот, кажется, совсем близко подхожу, а не выходит! Черт подери!
— Может, я помогу?
— Держи дверь. Дверь держи! Уверена, что должна быть специальная кнопка, но как узнать, что это она?
Словно в насмешку, пульт в ту же секунду погас. Арлин подняла глаза и увидела…
Меня. Да-да, меня, своего братишку. Первоклассного спеца Флая Таггарта. Я держал в руках толстенный электропровод, рассеченный пополам десантным ножом. Я знал, что этот нож когда-нибудь пригодится.
— Что канитель разводить, когда дело так просто решить? — я улыбнулся.
Арлин хотела засмеяться, но силы ее иссякли.
— Тебя этому учили в компьютерном классе? — только и спросила она.
Я был избавлен от необходимости отвечать, потому что дверь под натиском нападавших начала поддаваться. И тут в голове у меня промелькнули обрывки смутного плана. Я подбежал к окну и

широко распахнул его.
Мы были на высоте сорокового этажа, внизу расстилался бетон, но с открытыми окнами все-таки приятнее, чем с закрытыми.
— По крайней мере, мы уничтожили энергетическую стену, — бросил я через плечо. — Джилл должна заметить, что ее уже нет, и рыть носом воздух, чтобы поскорее добраться до Гавайев.
Арлин кивнула, не изменив мрачного выражения лица. Ее не радовала даже победа. Она думала об Альберте. Мне не требовались параштучки пришельцев, чтобы догадаться об этом.
— Спецы из военного центра засекут их как «неопознанный объект», — хмуро буркнула Арлин, — могут организовать перехват. Но лучше бы они установили с самолетом связь и спокойно их посадили.
— Как думаешь, мы рассчитались с долгами? Мне не было надобности уточнять, с какими именно. Арлин задумалась.
— Ага, — выдохнула она наконец, — расплатились.
— Квиты?
— Квиты.
— Отлично. Нет ли у тебя подходящего плана, как нам спуститься вниз?
Подруга помотала головой. И я вдруг страшно пожалел, что не сыграл роль доброго дядюшки — еще когда наш снайпер не ослеп, а мы не оказались в этой ловушке — и не соединил двух влюбленных птичек, осыпав их благословениями и абсолютно бесполезными советами.
Почему-то у меня не было уверенности, что теперешний момент идеально подходит для уговоров всерьез заняться изучением мормонской веры, если уж Арлин действительно втюрилась в старика Альберта. Проповедь о том, что лучше иметь хоть какую-то веру, чем никакой, не до конца оформилась в моем мозгу.
В голове вертелись обрывки другой проповеди, о необходимости борьбы с атеистическими воззрениями, когда твою смертную плоть с секунды на секунду должны разорвать в клочья. Но это был уже совсем дурной вкус, особенно если читать ее человеку, у которого остались считанные секунды на то, чтобы придумать подходящий план.
Арлин покачала головой.
— Нет, не вижу выхода, — начала она, но вдруг остановилась, — если только…
— Что? — спросил я, пытаясь отвлечь ее от звуков, издаваемых за дверью сотней слюнявых монстров, до предела накаливших атмосферу.
Арлин посмотрела на дверь, на пульт управления, затем в окно. Подошла к нему так, словно у нее была бездна времени, и посмотрела вниз. Потом вверх. Зачем-то она посмотрела вверх. Потом опять перевела глаза на меня, расплывшись в своей обычной хитрющей улыбке.
— Ты, конечно, не поверишь, Флай Таггарт, но я думаю… думаю, что сумею. Я знаю, как нам спуститься вниз и добраться до Гавайев, чтобы присоединиться к Альберту.
— И к Джилл, — добавил я, согласно кивая и думая про себя, что она совсем сбрендила. — Великолепная идея, Арлин. Нам давно пора отдохнуть от передряг.
— Ты мне не веришь.
— Что правда, то правда — не верю. Арлин хитро улыбнулась. Чисто та ранняя пташка, которая съела всех червячков.
— Флинн Таггарт, принеси мне из ящика с инструментами скотч, комплект компьютерных проводов и самый, черт возьми, большой сапог, какой сможешь найти!..

Дэфид
аб
Хью

Брэд
Линавивер

DOOM : Небо в огне

Гавайи — последний форпост цивилизации на Земле захвачен бесами, предателями, и кошмарными созданиями прямо из ада. Человечество кажется, обречено на кровавый финал. Затем Гавайи получают сообщение от союзников утверждающие, что они на нашей стороне. Наш последний шанс: установить контакт. Единственный человек, для данной работы — капрал Флинн Таггарт, Корпус морской пехоты США — «Флай» для своих. Он вел борьбу против демонов, когда они проникли через врата на базе Фобоса. Теперь Флаю придется выполнить более сложное задание: вернуться на Фобос — и проложить себе путь через демонов, чтобы связаться с человечеством ради спасения…

Курс «Фреды 101» после аварии, остаток пути.
Пролог.
- Почему там монстры?
Истощенная женщина смотрела на своего маленького мальчика, задавшего вопрос, мучавший ее саму. Его голос не дрожал. Она коснулась его лица, чтобы вытереть. На них не было камуфляжа, и поэтому грязь смотрелась, как обычная грязь. Быть ветераном войны в возрасте десяти лет - это неправильно, думала она, однако каждый землянин, сумевший выжить, уже знал, что значит сражаться за свои жизни против инопланетных захватчиков.
Когда ей было десять лет, она спрашивала: “А существуют ли монстры вообще?” Как был прекрасен тот мир - нормальный мир, в котором кошмары не выходили за отведенные им пределы фантазии. Только во снах ты можешь встретить гигантские парящие головы, извергающие светящиеся шары; злобных красных минотавров; неуклюжих людей, еще живых, несмотря на то, что умерли; летающие металлические черепа с острыми, как бритва, зубами, жаждущими крови; призраков, что холоднее могилы; пятнадцатифутовых демонов с тяжелой артиллерией вместо рук; невероятно толстые туши, лишь в чем-то походящие на гуманоидов, которые за секунду могут лишить жизни даже самого сильного человека; и, наконец, особый кошмар в виде механического паука, способного внушать вещи ужаснее любого, самого страшного, арахнида.
Дать ответ Дэвиду было невозможно. Не было объяснения тому, почему эти силуэты из снов бродят по пустоши, некогда называвшейся Соединенными Штатами Америки, по планете, называвшейся Землей.
Она благодарила Бога за то, что ее сын был еще жив. После смерти мужа их осталось всего трое. Трое. Эта цифра заставляла ее плакать. Ведь столькими их не было уже давно.
У нее никогда не было времени горевать о мужчине, которого она любила. Монстры не давали ей этого времени. Ее дочери Лизе было тринадцать.
По крайней мере, ее муж погиб храбро - он был разорван стальными паучьими лапами. В тот короткий миг женщина уловила злобный взгляд, впившийся в нее из-под купола, расположенного на макушке механического тела. Она не могла заставить себя перестать кричать.
Муж уже не слышал ее. Зато паук слышал все.
Она все еще винила себя за тот миг, в который потеряла над собой контроль. Ее дочь была бы сейчас жива, если бы мать вовремя не взяла себя в руки. Звуки приближения монстра были худшим, что могло быть для выживших членов семьи. Тяжелое топающее звучание осталось в памяти женщины навсегда, вместе с криком ее напуганной дочери - криком, раздавшемся перед тем, как ее голова была оторвана.
Когда человеческую голову раскалывают на куски и дробят, этот звук трудно с чем-то сравнить.
Тогда мать благодарила Бога, ведь Дэвид не увидел, что случилось с его сестрой. Однако сейчас она бы удивилась, если бы поблагодарила его за что-нибудь снова. Несмотря на то, что эта женщина была когда-то религиозна, она постепенно забывала, в чем смысл молитвы. Раньше она внушала себе, что это

как Книга Бытия: каждый должен пройти через испытание, чтобы все вернулось на круги свои. Но в Книге Иова не было паукоподобных тварей.
- Я не знаю, почему - наконец ответила она на вопрос сына. - Эти создания пришли из глубин космоса. Но главное мы о них все же узнали.
- Что именно? - спросил мальчик.

Она посмотрела в окошко, выходящее из подвала, где они прятались последнюю неделю.
Была чистая ночь, и на небе виднелись звезды. Когда-то она чувствовала умиротворение, глядя на них; сейчас же она ненавидела эти бессмертные огненные точки.
- Мы узнали, что они смертны, - ответила она спокойно. - Они совсем не те, за кого себя выдают. Они не настоящие демоны.
- Не настоящие? Но священник говорил…
Она улыбнулась и запустила свои пальцы в то, что осталось от волос сына.
- Они не смогут забрать тебя в ад, - сказала она, - Они ничего не могут сделать с твоей душой. Настоящим демонам не нужны пушки и ракеты. И, как я уже сказала, настоящие демоны не умирают.
Дэвид смотрел в окно некоторое время, а затем сказал:
- Но они монстры.
- Да, - согласилась она, - Теперь мы вынуждены в них поверить. Но я хочу, чтобы ты мне кое-что пообещал.
- Что, мама?
Она притянула сына поближе к себе и попыталась не замечать отсутствие его руки.
- Есть кое-что более важное, чем просто верить в их смертность, Дэвид. Наш священник думал, что настал конец света. Он даже не пытался сражаться с тем похожим на паука чудовищем, кроме как распятьем и Библией. Они могут быть побеждены оружием. Человеческая раса победит! Если мы сохраним веру в себя. Дэвид, я хочу, чтобы ты всегда верил в героев.
- Герои спасут нас, - повторил он ее слова. Затем они долго стояли вместе, глядя из окна на слепящие белые звезды.
1
- Ну и как же вы выкарабкались из той смертельной ловушки? - спросил «Мастер Ган»
Сержант Маллиган.
- Одним хорошим прыжком, сэр… - начал было я, но ему это пришлось не по нраву.
- Даже не начинай, капрал Таггарт, - сказал он. - Вы, ребята, явно секретничаете. Не хотите же вы сказать, что там, на вершине сорокаэтажного здания в центре Лас-Вегаса, где вы оказались зажаты целой оравой уродливых демонов, вы просто взяли и удрали? Когда он сказал “вы, ребята”, он явно намекнул, что нам не следует обращаться к нему “сэр”. Не здесь, не сейчас.
- Но все так и было, - сказал я, усмехнувшись. - Мы просто взяли и удрали!
- Думаю, мы таки должны рассказать ему, - сонно сказала Арлин. Она потянулась в кресле, словно кошка, и очертания ее бюста гармонично слились с пейзажем. Она оставила свой купальный костюм в отеле. Вид был чудесный, с какого угла ни глянь.
В последние дни нам казалось, что жизнь возвращается к норме. Гавайи все еще оставались последним оплотом человечества. Небо было ясно голубым. Синева, синева везде, ни щепотки инопланетной зеленой плесени. Солнце было таким, каким и должно быть - желтое, круглое, без пятен. Во всяком случае, сегодня. Мы жирно намазались лосьоном для загара и наслаждались, впитывая в себя лучи.
Мы не собирались тратить такой чудесный день впустую. Радар работал. Гидролокатор работал. Различные детекторы, оснащенные по последнему слову, также работали. На море и в небе использовались все приборы сканирования, какие только известны человечеству. Все почти полностью ощущали себя в безопасности. Так что мы трое решили поиграть. Мастер ган был отличным парнем. Вне службы ему нравилось, когда его называли Джордж. Он никогда не обижался, когда его дразнили.
Гавайская база служила пристанищем для ученых и докторов. Я никогда не забуду реакцию Арлин, когда ей сообщили, что с Альбертом все будет в порядке, несмотря на то, что имп всадил ему в лицо здоворенный ком слизи. Самое главное, что слепота ему не грозит.
Услышав эту весть, Арлин наконец позволила себе расслабиться. Я был чертовски рад, что наш мормон

идет на поправку. Пройдя с нами путь от Солт Лейк Сити и до адского ралли в ЛосАнджелесе, он показал себя настоящим морпехом. Что еще важнее, он доказал, что он - настоящий друг.
Доктора отрапортовали, что помогут Кену, невзирая ни на что. Не то что бы Кен был при смерти; но он мог так и остаться кибермумией, служащей инопланетным военачальникам, превратившим Землю в громадную пылающую постройку. Однажды он уже помог нам, в рекордно быстрое время связавшись через компьютер с нашим подростком-вундеркиндом Джилл. Арлин и я полагались исключительно на оружие в борьбе против демонических захватчиков, сначала на Фобосе, затем на Деймосе, а в конечном итоге и на матери Земле. Однако Джил доказала нам, что хороший хакер в войне против монстров также незаменим.
Вот почему мы были так рады, когда, добравшись до Оаху, обнаружили не только хорошо вооруженных милитаристов, но и ученых. Мы с Арлин были воинами. Нашей задачей было отвоевывать для человеческой расы самое ценное, что у нее есть: время. Победа требовала не только хороших мускул и мужества; была также необходимость в приличных мозгах, сохранившихся на нашем старом, увязшем в грязи, земном шаре. Мы должны полностью изучить этих созданий, поставивших человеческую расу на грань вымирания. И только тогда мы сможем отплатить им в полной мере.
Да, мы с Арлин относились к людям в белых халатах с симпатией. Хотя бы уже за то, что они дали нам разрешение купаться в море. Впрочем, прошло так много времени с тех пор, как я погружался во что-то, хоть чуточку напоминающее соленую воду, что едва ли беспокоился об их прогнозах. Если вода не выглядит, как лужица зелено-красной слизи, - то это все, что мне нужно

знать. Тихий океан выглядел действительно прекрасно, особенно сегодня, когда мы наслаждались свежим соленым бризом, без примесей кисло-лимонного мертвячьего смрада.
Джил, вместо того чтобы присоединиться к нам, решила посвятить день работе. Один из лучших ученых-исследователей взял ее под свое крыло.
Альберт ушел в город. Разумеется, “городом” называлась всего лишь сильно охраняемая зона, ровно как и “отель” (в жизни не доводилось жить в лучшей казарме). Все мы единолично пришли к выводу, что это место - подлинный рай на земле. Да, на других островах было также безопасно, но они не были предназначены для такой беззаботной жизни, какая была у нас.
Когда я глотнул своего “Джэка Дэниэлса”, я к своему счастью осознал, что чувствую себя в безопасности в достаточной степени, чтобы позволить себе выпить. За последние месяцы кромешного ада, сначала в космосе, а потом на родной планете, я бы не позволил себе затуманивать рефлексы даже на секунду, и насыщать свое тело чем-то еще, кроме стероидов.
Земля еще может рассчитывать на капрала Флинна Таггарта, рота “Фокс” 15-го легковооруженного десантного полка морской пехоты Соединенных Штатов, личный номер 88823-9912. Я был готов во всеоружии.
Мельком взглянув на Арлин, мне было приятно заметить, что она успешно реабилитировалась. Несмотря на то, что между нами были чисто дружеские, а не любовные, отношения, слепым я не был. Даже демонический файрболл не лишил меня способности видеть, что у PFC Арлин Сандерс было совершенное женское тело, по крайней мере, по моим меркам: стройное, но крепко сложенное, и идеально пропорциональное.
Иногда Арлин совершала путешествия в мои мысли. Сейчас она смотрела на меня, это был поверхностный осмотр. Мне кажется, сходные мысли проходили и у нее в голове.
Исцелились не только наши тела. Наши души вошли в нормальный ритм. Когда мы впервые прибыли на остров, и Арлин наконец поняла, что мы достигли безопасного места, она попыталась уснуть; но она была настолько травмирована стрессами, что только наркотик помог ей сделать это. Но даже после этого она просыпалась каждые полчаса, такая же уставшая, как и до сна.
Я также был не сказать что очень хорош, когда мы только прибыли. Но я был слишком обеспокоен ее состоянием, чтобы думать о своих болячках. Она сказала, что никогда не чувствовала себя такой опустошенной. Она не переставала беспокоиться об Альберте. Так что я сказал ей все то же, что говорила мне она тогда, когда я был выведен из строя. О том, что настала наша очередь занять баррикады, и что мы должны двигаться дальше, преодолевая каждое препятствие, несмотря на страх, усталость и отчаяние. Тогда я потряс ее как следует и сказал, чтобы она радовалась, ведь теперь мы на

Гавайях, черт побери!
Мастер Ган Маллиган оказал нам неоценимую помощь в тот период. Это был такой человек, какого никто из нас не встречал ранее. На службе таких находишь только в том случае, если ты - большой везунчик. Зато эта встреча возместит моральный ущерб от всех типов вроде лейтенанта Випа, вместе взятых.
Конечно, нам не стоило и дальше дразнить нашего друга. Мастер Ган имел полное право узнать, как нам удалось совершить тот “невозможный” побег из старого здания Диснея. То, что он оказался между Арлин Сандерс и Флаем Таггартом в игре “кто-уступит-первым” - в этом ему не повезло.
- Ну хорошо, - сказал Маллиган, обращаясь по большей части к самому себе и слегка поерзав в кресле, будто собираясь встать. Он был здоровым мужчиной, и его вес превышал норму. Впрочем, он не особо об этом беспокоился. Никто бы не беспокоился о мелочах армейских правил во время такого классного отдыха. Тем более, если ты просто в состоянии драться и следовать приказам - уже только поэтому для тебя обязательно найдется работа в полку людей. Маллиган твердо стоял на ногах, уперев руки в свои могучие бедра и выдвигая нам ультиматум.

- Значит так, - начал он. - Я собираюсь вернуться в “отель” и принести сюда шесть упаковок холодного пива. По возвращении у меня есть твердое намерение этим счастьем поделиться. Вот что будет, если вы меня осчастливите. Если же вы хотите увидеть по-настоящему расстроенного морпеха, то не рассказывайте мне, как вам двоим удалось сбежать из сорокаэтажного здания, набитого ордой демонов, жаждущих вашей крови, в то время как сами вы были запечатаны в комнате, единственный выход из которой - окно, прыжок из которого равносилен гибели.
- Вы выразились с адмиралтейской ясностью, - сказала Арлин. Она любила похвастаться своим колледжским образованием. Для меня не имело значения, оканчивала она его или нет. Она натерпелась от меня слишком многих раздражающих заморочек, так что можно было простить ей одну единственную.
- Хорошо сказано! - ответил тот.
- Мы примем ваше предложение на рассмотрение.
Здесь Арлин перегнула палку.
- Вот дерьмо! - сказал Маллиган, повернувшись к нам спиной и зашагав вниз по пляжу.
- Раз, два, три, четыре, - запел я.
- Мы любим наш корпус, как сахар в кефире, - прорычал он, обернувшись, но продолжая идти вперед за своим - и, возможно, нашим - пивом.
- Думаю, нам стоит ему рассказать, - шепнул я.
- Ему хочется узнать, кто из нас больше геройствовал, - ответила она. - Что ж, пусть возьмет у героя автограф.
При этом она не уточнила, кого из нас имеет в виду.
- Неплохая мысль, - ответил я. Боже, как здорово было сидеть на Солнце, поглощая лучи и алкоголь и смотря на нежные волны, скатывающиеся на берег, и изредка появляющихся чаек… и все это в компании с действительно классным мужиком - нашим новым другом.
Райская идиллия внезапно была нарушена, однако причиной тому была не дьявольщина.
Вообще, мы удостоились огромной чести: офицер высокого ранга, - а возможно, самого высокого из всех, которых мы знаем вообще - свободно беседующий с нами вне службы. Он не был нашим командиром, поэтому мы чувствовали себя довольно уютно в беседе с ним. По тому, как Арлин покраснела при первой с ним встрече, можно было бы предположить, что она скорее бы напялила топик поверх бикини, чем поверила в то, что встретится с главнокомандующим Нового Перл Харбора, вице адмиралом Киммелом.
- Так что вы решили? - спросил Маллиган. Мы не заметили его, гуляющего по пляжу. Он пришел с той стороны, откуда солнце светило в глаза.
- Сэр! - вырвалось из наших уст само собой и мы начали подниматься с сидушек.
- Сидеть, морпехи.
Затем он улыбнулся и повторил свою шутку, будто ожидал ответа.
- Мы были не готовы к вашей столь ранней атаке, - сказала Арлин, выйдя тем самым из положения. Тот

засмеялся.
Адмирал продолжал стоять. Иногда ранг и самомнение не совпадают. Он снял свою соломенную шляпу и начал обмахивать себя, дабы спастись от палящего зноя. Загар почти не коснулся его ног, но они были украшены множеством других оттенков благодаря цветастым шортам-бермудам и самой яркой гавайской рубашке, какая только может быть. Когда он был вне службы, он одевался так, чтобы подчеркнуть свой досуг.
- Мне приятно, что кто-то из вашего поколения знает историю своей страны, - сказал адмирал, обращаясь к Арлин. - Это странное совпадение, что я ношу такое же имя, какое было у того адмирала, который был здесь, когда японцы разбомбили Перл Харбор. Сколько нашей истории канет в Лету в этой Демонической Войне, даже если человеческая раса выживет?

Обращаюсь к хранителям, что живут в вашей голове. Книги по истории ближайшего будущего будут написаны вами.
Арлин вздохнула.
- Когда мы вернемся к боевым действиям, не думаю, что нам придется писать что-то, кроме рапортов.
- Золотые слова, - согласился я. Внезапно мне пришло в голову, что то, что я знаю об адмирале, будет новостью для Арлин, которая была признанным экспертом по части научнофантастических фильмов и романов. Было бы приятно прямо здесь и сейчас подловить ее на чемнибудь важном.
Однако еще перед тем, как я открыл рот, Арлин улыбнулась и сказала:
- Флай, а ты знаком с книгой адмирала Киммела? Он - ревизионист Перл Харбора.
Проклятье! Она проделала это снова - попала именно туда, куда целился я. Окончательно убедившись в телепатических способностях Арлин, я решил впредь посылать ее в атаку вперед себя. Особенно в тех случаях, когда перед нами встанет паровой демон.
Адмирал усмехнулся.
- Если бы я не был другом последнего президента Соединенных Штатов, я бы никогда не написал эту книгу, - сказал он, вспоминая дни до нашествия. Президент погиб, когда Вашингтон был захвачен плохими парнями. - Это он был одним из тех, кто изменил мое мнение о Перл Харборе, - продолжал Киммел, - а вовсе не моя жена-японка, как думают многие. Я верю тем свидетельствам, которые доказывают, что высшее командование Вашингтона утаило важную информацию от офицеров флота перед нападением японцев в декабре 1941. Впрочем, нам не об этом следует беспокоиться в этой войне.
Я кивнул, добавив:
- Теперь Вашингтона все равно нет.
Пока мы говорили, я заметил, что Арлин стала более расслабленной. Мы беседовали о наших армейских буднях перед тем, как пришли монстры. Я был рад, что у нас был такой командир на острове - человек, служивший офицером на корабле, а также капитаном, до этого участвовавшим в битве на Гульфе. Он совершал береговой осмотр в качестве командира, когда мир перевернулся.
- Хороший знак, - сказал он, указывая в сторону моря. На горизонте проплывало облако.
Маленькое белое облако.
Он начал было покидать нас, но вдруг обернулся, и его лицо приобрело такие же твердые черты, как бюст Юлия Цезаря. Но когда он заговорил, наиболее выразительно выглядел его рот:
- Им нас не победить. Похоже, именно этим островам дан второй шанс. Здесь никогда не случится неожиданной атаки. Пусть приходят, будь их тысячи или миллионы. Мы покажем им, что мы еще в большей степени монстры, чем они. Это наш мир, и мы его не отдадим. Более того, на этом мы не остановимся. Когда-нибудь мы дадим им битву уже на их территории.
Он хотел было продолжить свою речь, но слова закончились, и его рот лишь тихо продолжал подрагивать, не издавая ни звука, как оружие, в магазине которого закончились патроны. Оба мы ощущали пыл, исходящий от этого старого сильного человека.
Арлин встала и взяла его руки в свои. Этим она помогла ему прийти в себя. Жест был не уставным, но кого это сейчас волновало?
Годами я спрашивал себя, почему такой заядлый индивидуалист, как я, выбрал жизнь военного. Некоторые люди, спрашивавшие меня об этом, приходили к выводу, что мне хотелось жить с честью, в контраст отцу, даже близко не имевшему представления о таких вещах. Они понимали военное дело,

как постоянный риск своей жизнью ради товарища. Но это было не так.
Я стал морпехом, потому что верил в свободу, в американскую мечту, которая помогла преодолеть те страхи, которые обуревали прочие страны. Зачитывать вслух Декларацию в каждый День независимости я считал своим обязательством.

Я любил свою страну достаточно для того, чтобы сражаться за нее. Сейчас мы столкнулись с врагом, который угрожает всему и всем на планете. Все военные организации, по неосторожности высунувшие свои бюррократические задницы, были уничтожены. Теперь настало время морпехам взяться за дело.
2
- Я почти принес холодный чай, - сказал Маллиган. - В котором плавают лимоны.
Арлин и я поморщились.
- Он это специально, - заметила она.
- Садист, - согласился я. Мы достаточно нарассказывали мастер гану о наших приключениях, включая и те моменты, когда Альберт, Арлин, Джилл и я прошмыгивали мимо зомби, натирая себя лимонами и лаймами. Смрад зомби навсегда отвратил меня от запаха цитрусовых.
- Разумеется, вместо него я могу дать вам это, - продолжил Маллиган, держа в каждой руке по ледяному «Лимба Брюс » .
- Парень впадает в отчаяние, - сказал я.
- Кто первый? - спросила Арлин, готовая выдать секрет; и Маллиган надеялся, что этот секрет будет вкуснее, чем обычный армейский напиток.
Адмирал оставил нас. Со стороны он был похож на старого пляжного надсмотрщика, когда брел вниз по песку. Я размышлял о том, что бы он ответил, спроси я его, как бы он связал прошлое и будущее вместе с этими роскошными островами, ставшими центром вселенной для всего человечества.
- Сначала - пиво, - вмешался я, подняв руку. Маллиган выглядел таким же счастливым, какой была Джилл, когда я разрешил ей рулить грузовиком. Он вынул напитки и опустил свою внушительную тушу обратно в кресло.
- Когда-то… - начал было я, но Арлин сильно стукнула меня, и ее груди красиво колыхнулись. Изрядно смутившись, я принял серьезный вид.
- Мы должны были обесточить энергополе, чтобы Джилл смогла взлететь и добраться сюда, - вновь начал я. - В здании Диснея мы находились в комнате, набитой компьютерами, подключенными к инопланетной биотехнике.
- Да, да, - нетерпеливо прервал Маллиган. - Я все это помню. Давай наконец вернемся к окну!
И я начал.
Мы находились слишком высоко. Я никогда не любил высоту, но решил, что будет лучше открыть окна.
- Мы, наконец, вырубили энергополе, - оповестил я через плечо. - Джилл должна это заметить и начать свой рейс на Гавайи.
Арлин кивнула, оставаясь мрачной, даже услышав о нашей удаче. Я не нуждался в телепатических способностях пришельцев, чтобы понять: она думает об Альберте.
- Боевые детекторы распозна?ют ее, как неопознанного пилота, - добавила Арлин, - и тогда они вышлют реактивные истребители; им надо суметь связаться с ней и дать разрешение спуститься.
- Прекрасно. А нет ли у тебя плана, как спуститься нам? - спросил я свою боевую подругу.
Арлин помотала головой. Вдруг ко мне в голову, словно я сошел с ума, полезли мысли, будто перед тем, как Альберт ослеп, а мы с Арлин увязли в этой заварухе, я, в образе священника, даю влюбленным свое благословение и советы, которых никто не просит.
Был не лучший момент для размышлений на тему, будет ли Арлин серьезно исповедовать мормонскую или какую-то смежную религию, если она действительно любит старого доброго Альберта. Проповеди вошли в мой любимый мысленный раздел, называвшийся «В другой раз».
Она вновь помотала головой.
- Выхода нет, - начала она, - если только…

- Что? - спросил я, пытаясь отвлечь ее от звуков, что издавали за дверью слюнявые твари, лишь накаливая тем самым атмосферу.

Арлин посмотрела на дверь, на пульт управления, затем в окно. Она подошла к нему так неторопливо, словно у нас было все время на свете, и взглянула вниз. Потом наверх. Непонятно зачем, но и наверх тоже. Она вновь пристально посмотрела на меня, одарив широкой фирменной улыбкой имени Арлин Сандерс.
- Ты можешь мне не верить, Флай Таггарт, но кажется… кажется, есть. Я знаю, как нам спуститься вниз и отправиться на Гавайи.
Я улыбнулся, решив, что она окончательно двинулась.
- Хорошая идея, Арлин. Нам давно не помешало бы отдохнуть от всего этого.
- Ты мне не веришь.
- Ты права. Я тебе не верю.
Арлин хитро улыбнулась. Ну вылитая ранняя пташка, съевшая всех червячков.
- Флин Таггарт, принеси мне из ящика с инструментами скотч, охапку компьютерных проводов и самый, черт возьми, большой ботинок, какой сможешь достать!
С ботинком было сложнее всего. Крики, хрюканье, скрежет, мяуканье, шипение, рев, бульканье, разрывающиеся и трескающиеся звуки за дверью мигом вдохновили меня на поиски.
Поспешив обратно к окну с найденным трофеем, я увидел, как Арлин наклонилась и вытянула шею, глядя наверх.
- Ты это видишь? - спросила она, когда я присоединился к ней. Не заметить было сложно - над нами действительно висел подмосток для мойки окон, смотревшийся здесь как шлюз в рай.
Вторжение остановило всю повседневную деятельность, и работы остались незавершенными. В нашем случае это привело к тому, что связки манильской веревки болтались над нашими макушками, как щупальца осьминога. Небольшой отрезок цепи с дюймовыми звеньями был даже более многообещающим, чем веревка. Цепь выглядела ржавой, но я был уверен, что она выдержит наш вес.
Щупальца начинались над нами и тянулись вниз на сорок этажей - не близко до земли, зато далеко от демонов, упорно набивавшихся к нам в друзья. Арлин использовала скотч и провода, сделав лесенку в виде спагетти, своим видом говорившую, что она не выдержит ее веса слишком долго, не говоря уж о моих габаритах. К тому же у нас не хватало длины конечностей, чтобы дотянуться до нее.
- Отлично, - сказал я. - Как раз работенка для Флая Таггарта.
До того, как я выбрался из окна, ее рука ухватила меня за плечо.
- Отдохни, - сказала она. - Я придумала - я и сделаю.
Закрытая дверь гадко заскрипела, и мысль, что наши внутренности украсят эту комнату, погасила во мне тягу к шуткам.
- Арлин, - сказал я так спокойно, как только возможно при данных обстоятельствах. - Я абсолютно уверен в тебе, но у нас мало времени. Давай посмотрим правде в глаза - я сильнее и выше тебя, поэтому я должен идти первым.
Пока я объяснял ей ситуацию, мы оба лихорадочно доплетали нашу самопальную веревку.
Затем я обвязал ее вокруг своей талии. Я просто не дал ей возможности спорить. Я вылез из окна так быстро, что она, похоже, даже испугалась. Это был лучший способ заткнуть ее. Я сделал один большой прыжок, будучи уверенным, что она страхует меня с другого конца, ухватился за ближайшую веревку и повис на ней, слегка постанывая от напряжения и уверяя себя, что у меня достаточно сил. Единственным моим желанием было, чтобы их хватило доконца.
Оказавшись в таком положении, я начал раскачиваться, чтобы Арлин легче было ухватиться. Она вылезла из окна и последовала моему примеру.
По раздражающему голосу в моей голове я понял, что сейчас начнутся дебаты. Проклятый голос всегда появлялся не вовремя.

Устал, да? Ощущаешь тяготы среднего возраста? Сердечко подводит? Руки хоть и накачаны после всех этих жимов и тягов, но хват оказался слабеньким? Твои кисти слабее, чем обычно, ведь так? Ты ведь знаешь, все эти ушибы исчезли бы, если ты…
- Больше никаких голубых сфер! - пробормотал я.
Ты ведь понимаешь, капрал, что аптечка не абсолютно универсальна? Ты бы лучше доверился тому инопланетному дерьму, не так ли? Но в то же время не будем забывать, что нельзя быть уверенным, что

с тобой и Арлин ничего не произошло, когда вы были спасены тем адским голубым сиянием?
- Сейчас я вишу на хилой веревке, а ты выбрал именно этот момент, чтобы спрашивать меня об этом? - вскричал я.
- Флай, с тобой все нормально? - раздался сверху голос Арлин.
- Нормально, - ответил я, чувствуя себя, как полнейший идиот. Как правило, раньше я не болтал со своим внутренним голосом вслух.
- Не впадай в сумасшествие, только не сейчас, - сказала она. - Если я упаду, мне хотелось бы, чтобы мой мачо сумел поймать меня.
- No problemo, - пообещал я. - Но мне кажется, мы проделали уже достаточно упражнений.
Ну что ж, теперь Арлин окончательно убеждена, что у меня заехали шарики за ролики.
Будто наша жизнь начала казаться малиной, дверь в офисе съехала с петель, да с такой силой, что пролетела сквозь то, что осталось от окна, и рухнула на шоссе. Дверь была такая черная и скукоженная, будто побывала внутри тостера.
Монстр, выглянувший из окна и посмотревший на нас, - если эти черные точки можно считать глазами - был одним из тех, кого Арлин четко нарекла пожирателями огня. Похоже, он только недавно присоединился к остальным и вышиб проблемную дверь. Теперь он мог запросто решить и проблему веревки, превратив наш спасительный трос в пепел. В этот раз огнетушителя под рукой не было.
Ко всему прочему, Огненный Чувак не был один. Он был всего-лишь подрывником ворот, в которые ринулась остальная делегация. И они явно намеревались вылить на нас свою патоку, если мы быстро не предпримем меры.
На этом я приостановился, чтобы допить свое пиво, и чтобы получше рассмотреть другую банку. В упаковке их было шесть, и я при помощи нехитрых расчетов понял, что мне полагается еще одна.
- И? - спросил Маллиган с огоньком в глазах; а то, как его рот опять задвигался вхолостую, можно охарактеризовать, как «с огоньком в заднице».
Как только пожиратель огня приготовился поджечь наши веревки - а об этом можно легко догадаться по тому, что его тело начинает пузыриться и мерцать, будто мираж в пустыне - я раскачался как следует и влетел в окно, разбив его вдребезги с первой же попытки. За оставшиеся секунды я притянул к себе веревку, и Арлин успела спуститься прямо в мои объятия, как раз в тот момент, когда язык пламени почти достиг ее. В итоге мы оказались еще ниже, чем рассчитывали.
От спасения нас отделяли всего лишь двенадцать этажей.
- Что за чушь! - проревел Маллиган. - В жизни не слышал такой чепухи!
В этот жуткий момент я потерял уверенность в том, что получу вторую банку.
3
- Погоди, - сказал Маллиган, спасая свой маленький океан пива, будто тот океан, который больше, посылал за ним армии волн, гибнущих, достигнув пляжа. - Я на это не куплюсь. Когда я был ребенком, я состоял в движении бойскаутов. Я носил самый тяжелый ранец с туристическими принадлежностями. Я выиграл все оценочные значки. Я был хорошим скаутом, но остальные дети продолжали задирать и дразнить меня все время. Знаете, почему?
- Почему? - спросила Арлин, искренне интересуясь и ни капли не раздражаясь тем таинственным тоном, который был взят для разговора.
- Отчасти потому, что я был коренастым, но также и потому, что я любил комиксы. Они думали, что я был легковерным или что-то в этом роде. Они думали, я верил во все то, что там написано. Но говорю тебе, Флай, - в этот момент он направил свои голубые глаза на меня, - эта ваша история - чушь собачья.
- Вы верите тому моменту, когда он начал терять рассудок, повиснув на веревке, не так ли? - спросила Арлин.
- Ну… - начал Маллиган.
- Я не переступал Евангелиевских заповедей, - сказал я.
- Кроме вранья, - бросила Арлин.
- А? - раздался возглас от Маллигана и от меня.
- Для меня это все еще звучит поддельно, - заключил мастер ган, допивая остаток пива.
- Это потому, что все было не так, - сказала Арлин. - Я расскажу вам спортивную версию этой истории - за другую упаковку пива.

- Договорились, - угрюмо сказал сержант, и когда он протянул ей пиво, ее моторы завелись.
- Одним хорошим прыжком… - начала она.
Джордж Маллиган простонал.
- Флин Таггарт, принеси мне из ящика с инструментами скотч, охапку компьютерных проводов и самый, черт возьми, здоровый ботинок, какой сможешь достать!
Он посмотрел на меня, будто я была сумасшедшей, но все-таки сделал всё. Эшафот был нашим билетом отсюда, но до этого нужно было еще дойти. У меня возникло чувство, что я должна идти первой, потому что меньше весом. Полочка была узкой, а цепи с веревками были довольно далеко, чтобы дотянуться до них, так что этот самодельный трос выглядел спасением.
По крайней мере, это дало бы мне дополнительный шанс в случае, если я сорвусь.
Звуки у тяжелой обставленной двери сообщили мне о двух вещах. Вопервых, там была целая орава врагов. Во-вторых, самые мощные из них не могли быть на переднем плане. Князь ада выбил бы эту дверь быстрее, чем политикан отгреб бы свою пенсию. Даже пинки-демон мог бы сжевать ее, как конфетку. Так что за дверью стояли слабачки, и это давало нам больше времени.
Пока Флай искал нужные вещи, мы получили больше доказательств, подтверждающих мою теорию. Я услышала крики, которые бы узнала где угодно - это были звуки, когда импа рвут на части. Значит, там толпились импы, и у них не хватало силенок, чтобы отпереть дверь. Ко мне пришла мысль, что эта дверь - военного качества, и датируется она временами самого Уолта Диснея. Как хорошо, что Дисней был параноиком, если верить его биографии. Более доверчивый человек никогда не поставил бы такую дверь, какая спасала наши задницы сейчас. Но и она не могла держать их долго.
- Есть! - оповестил Флай, идя обратно с проводами, скотчем и ботинком. - Какой у тебя план?
Я сказала ему. Я показала ему. Он замелочился.

- Я пойду первым, потому что мужчина и дальше достану…
- А я меньше вешу. К тому же, это моя идея. Ты в любом случае слишком занят, чтобы идти первым.
Он открыл рот, чтобы спросить, что я имею в виду, но кромсание двери дало ответ. Когти, подобные маленьким кускам металла, оставляли за собой следы, разрезая последний барьер между ними и нами.
Схватив все пушки Сиг-Кау, Флай начал прорываться к двери еще до того, как первый из монстров в ней появился. Я поняла, что у моего приятеля нет возможности помочь с временной веревкой, так что сама привязала один конец к тяжелому сейфу, а другой - вокруг своей талии и быстро начала вылезать из окна.
Удача была со мной. У Флая и у меня были разные мнения по поводу удачи: он считал, что все в руках человека; я же считала, что ты либо удачлив, либо нет. Проход был настолько узким, что я даже не могла представить, как Флай его преодолеет. Глупая маленькая страховочная веревка порвалась, стоило только протянуть руку к ее красивым, толстым, зовущим веревкам.
Я разразилась своим фирменным воинским криком, взятым из всех вестернов, которые когда либо видела в детстве, и пролетела оставшееся расстояние. Я знала, что правда об удаче на моей стороне. Я раскачалась и услышала длинный скрип наверху, длившийся вплоть до громкого щелчка. Протяжный скрип - и веревка подстроилась под мой вес. Я не упустила возможности раскачаться и достать до крепко выглядящей цепи. Я не доверяла ей и сперва проверила.
Проклятая штуковина сломалась, и я повисла над Лос-Анджелесом, словно рекламный плакат, благодарная веревке. Моя левая рука была покрыта ржавчиной. Можно было бы подумать, что цепь окажется крепче веревки, но, видимо, ее звенья слишком промокли под дождем.
Много чего пронеслось у меня в голове. О большинстве из этого я решила подумать в будущем - если оно у меня будет. Штуковина наверху напомнила мне о последнем случае, когда я была на борту корабля - морского, а не космического. Единственной причиной, почему я еще не была размазана по асфальту, было то, что окномоечное оборудование было надежно закреплено на крыше. Оставалось лишь надеяться, что никакой инопланетный энергетический ком не наделает там вреда.
- Флай! - закричала я.
- Иду, иду, иду! - отозвался он. Мы мыслили одинаково. Мое тело действительно было мухой на стене снаружи или раздавленным насекомым внутри.
Он выбрал муху на стене.

Словно Тарзан, точнее, словно Шина-королева джунглей, я начала раскачиваться к окну.
Подмостки держались. Флай - тоже. Когда он прыгнул из окна, красный коготь размером с его голову пролетел в дюйме перед его яремной веной. Я не могла поверить, что когда-то сочувствовала минотарву, запертому в лабиринте, пока Тезей не пришел и не освободил его от мучений. У меня вообще никогда не было стандартного взгляда на мифы. Мы начали спускаться.
Веревки не позволили бы нам достигнуть уровня земли, но это лучше, чем ничего. Если бы мы смогли спуститься ниже монстров, у нас был бы шанс выйти на улицу до того, как они настигнут нас. Я сделала расчет на их привычку всегда действовать не сообща и бить друг друга вместо нас.
Флай надеялся на это еще сильнее, потому что он висел как кусок жертвенного мяса прямо перед окном, возле которого кучковались враги. Он держал веревку одной рукой, оставив другую для того, чтобы отстреливаться от этого прямоугольника ужаса и смерти.
- Флай, я прикрою тебя, если ты спустишься ниже, - пообещала я. С благодарностью вспоминая то время, когда я занималась скалолазанием в высшей школе, мне удалось принять такое положение, что веревка обвилась вокруг тела, словно удав, освободив руку с пистолетом.
Пока я палила тридцатым калибром в окно, Флай закинул оружие за плечо и, используя обе руки, начал спускаться. Когда он оказался в достаточной безопасности - хотя какая уж там безопасность, когда играешь в этикетки с жителями ада - он закричал:

- Моя очередь тебя прикрывать!
Я уподобилась обезьяне и понеслась вперед, на верную смерть. Флай удерживал преграду, и делал это действительно впечатляюще. Разница была лишь в более низком положении, но когда я миновала окно, я была готова пересмотреть свою позицию по поводу Бога. Флай и Альберт верили в Него. Мне посчастливилось - файрбол, пролетевший так близко, лишь опалил волосы.
Что ж, теперь моя армейская стрижка нуждалась в уходе. Флай достиг конца веревки, и я присоединилась к нему. Я не могла помочь себе. Я посмотрела наверх. Ошибки не было - это пожиратель огня. И он был готов поджарить все, что видел.
Единственной надеждой было выбить окно, проникнуть внутрь здания быстрее мысли, а затем вытащить свою задницу на улицу. У нас был только один шанс. К счастью, с нами был тот самый здоровенный ботинок.
- О, дайте мне передохнуть, - сказал Маллиган, порядком озадаченный. - Мне не интересно, как вы сбежали из этого здания. Это не мое дело. Я никогда не спрошу вас об этом снова.
Он бросил оставшееся пиво в сторону Флая и меня так, будто это были гранаты. Учитывая то, как пиво было взболтано, большой разницы не было.
Пока я оглядывала обширное пространство Тихого океана и допивала свою белую пену, Маллиган сменил свой тон. Этот тон не был похож на хитрую манеру мастер гана. Он даже не звучал, как у морпеха. Он звучал, как тон бойскаута, старающегося подавить желание съесть последний лакомый кусочек.
- О’кей, - сказала я. - Я скажу вам остальное, с того момента, где у Флая и у меня нет расхождений в изложении событий.
- Спасибо, - сказала наша жертва.
4
Маллиган скорее бы согласился стать хорошим мальчиком и позволить закончить мне историю, чем сменил бы свое мнение. Настоящий мужик.
- Ах, Сандерс, - сказал он.
- Да, Джордж?
- Как ты смотришь на то, чтобы в этот раз сделать это разнообразнее? Я задаю вопрос - ты на него отвечаешь. Как тебе?
- Это ваш первый вопрос? - спросила я мастера гана.
- Арлин, - Флай обратился ко мне тоном голоса “пока-все-нормально”, который он использует как раз перед тем, чтобы сообщить мне, что я переступаю линию. У него большое преимущество в этих ситуациях: выглядит так, будто он знает, где эта линия проходит.
Маллиган усмехнулся, ожидая лучший ответ от простого PFC.

- О’кей, - сказала я. - Что вы хотите знать?
- Похоже, мне не следовало приносить больше пива, - признал он. У Флая еще осталось немного «Джека Дениэлса», так что он не ощутил боли. Источниками же моих сил были правда, справедливость и вера в Америку.
- Когда вы достигли земли, у вас не было никакого транспорта, - сказал Маллиган. Вы бы не смогли оторваться от той толпы тварей.
- Проблем не возникло, - сказала я ему. - Я завела ближайшую машину.
Он поморщился.
- Сейчас, я полагаю, капрал Таггарт расскажет мне историю, о том, как он…
- Нет, - Флай, к счастью, прервал его. - Арлин завела машину сама. Ума не приложу, где такая милая девушка, как она, получила столь специфический навык.
- Я показала Флаю палец и даже не стала ждать, когда Маллиган спросит, что случилось дальше.
- Я гнала машину в аэропорт, как сумасшедшая, Флай сидел с шотганом наизготовку. У меня появилась безумная идея, что я смогу завести самолет и увезти Флая отсюда.
- Спасибо, - сказал Флай.
- Позвольте спросить прямо, - Маллиган становился раздраженным. - В тот момент вы еще не поняли, что подросток все еще ждала вас.
- Джилл, - поправил Флай.
- Джилл, - повторил Маллиган.
Я насладилась следующим моментом.
- Мы вполне ясно объяснили ей, что она не должна ждать нас. Мы рисковали жизнями лишь чтобы нейтрализовать силовое поле, и чтобы Джилл могла увезти Альберта и Кена в безопасное место.
- Но она буквально проигнорировала приказ, - сказал Флай.
- У вас смышленый ребенок, - сказал мастер ган с искренним уважением к Джилл. Флай и я обменялись взглядами.
- Джил - преданный друг, - эти слова Флай проговорил с достоинством.
Маллиган вернул разговор к форме монолога:
- И теперь вам лишь оставалось добраться до аэропорта…
- С той лишь оговоркой, что на первой машине мы этого не сделали. Не велика потеря, ведь это был невзорванный Пинто. И вскоре он взорвался! Князь ада вышел на середину улицы, и вам известно, что бывает, когда он стреляет своими энергетическими комьями из своих кистейустановок.
- Вы сдали старую модель в счет покупки новой, - усменулся Маллиган; он проникался духом повествования.

- Благодаря моим восхитительным навыкам вождения…
- Ты петляла по всей дороге как пьяница в Новый Год, - вставил Флай.
- Да уж, точно, - приняв удар, согласилась я. - Нам удалось пережить внезапную атаку. Я направила машину в колонну мусорных баков, и мы не стали тратить время на выход из транспорта и ответную стрельбу.
- Мне интересно, что капрал Таггарт делал все это время, - сказал Маллиган.
- Следил за тылом, - сказал Флай. - Возможно, вы забыли, что нас преследовали.
- И что было потом?
- Удача, вот что было, - сказала я мастер гану. - Оставленный грузовик был припаркован на стороне улицы. Мы направились к нему в надежде, что он исправен. И мы сорвали джекпот.
Внутри был рай для оружейника, целая партия, направляющаяся в Эйхерн Энтерпрайзес.
- Базука, - сказал Флай. - Не забудь рассказать ему о базуке.
У бедного Маллигана закончилось пиво. Теперь он встал.
- И князь ада, как вы его называете, не поджарил ваши задницы до того, как вы смогли воспользоваться всем этим?
- Не поджарил, - сказала я. - Его второй выстрел пролетел мимо по счастливой случайности.
- Что потом?
- Мы поджарили его задницу.

- Но… - Маллиган погрузился в мысли и зашел в глухой тупик. Он попытался снова. - Все мы, конечно, знаем, насколько тупы эти твари, но меня все же удивляет, почему во всех ваших столкновениях врагу никогда не везет.
- Меня самого это иногда удивляет, - признался Флай. Я бы не поставил на себя в большинстве из выпадавших ситуаций, но похоже, Арлин в паре со мной очень трудно убить. Вот почему мы заслуживаем возвращения в страйк-группу.
- Что помогло нам в тот момент, - продолжила я, - так это скопище тыкв, находившихся в авангарде у наших преследователей.
- О да, - сказал Маллиган. - Это ваше название для тех безумных летающих штуковин. Я помню ваши истории о том, как тыквы и князья ада ненавидят друг друга.
- Мы узнали об этом на Деймосе, - дополнил Флай. - Пока тыквы и князь ада занимали время друг у друга, мы приготовили базуку для принца. Мы сняли его, находящегося между нами и тыквами. Что, правда, столкнуло нас с проблемой окружения полудюжиной смертоносных сфер. Флай и я использовали трюк, который работал на Деймосе: мы встали спина к спине, и каждый из нас открыл огонь в диапазоне 270 градусов. Так получилась заготовка для очень большого пирога.
- И затем вы проверили содержание грузовика.
- Как я сказала, это был оружейный рай. Мы быстро осмотрели и взяли то, что было легче всего достать.
Флай вспомнил страшный момент.
- Я открыл ящик, ожидая найти боезапас, однако это оказалось ящик с книгами Второго Издания. Я даже помню заголовок: “Останавливающая сила” Нейла Шульмана.
Останавливающая сила нужна была мне именно сейчас, и она не могла передаться через книжные странички.
- Чувство досады постигло и меня, - сказала я. - Я нашла отгрузочный бланк. Он показывал, что самый недоступный ящик содержал определенное количество особых стволов, в их числе был и тот, о котором я всегда мечтала. Но у нас просто не было времени разгружать грузовик.
- Что за особая пушка? - спросил Маллиган.

- Осторожно, - предупредил его Флай, но было слишком поздно. Мастер ган уже получал ответ.
- Это Супер Блэкхок, калибер.357 Магнум, носится на боку. Выглядит как шестизарядник из старых вестернов, но на этом сходства заканчиваются. Единственный недостаток в том, что его не скроешь, с его-то девяти дюймовым барабаном. Но в сегодняшнем мире это не проблема!
Кому теперь понадобиться скрывать оружие? Из него ты можешь свалить любого с расстояния в двести ярдов, правда для этого нужен прицел. Самое лучшее в Блэкхоке - это панель с механизмом переключения. Если у тебя есть патроны в барабане и ты ударишь его тяжелым объектом, он не разрядится. Разве не круто? Но это еще не все…
- Арлин, - отдаленно послышался голос Флая. - Думаю, достаточно.
- Но я не рассказала ему о цилиндре. Он не проворачивает, чтобы избавиться от пустых патронов. Все, что тебе нужно сделать - это раздвинуть затвор, протолкнуть разгрузочный стержень…
- Арлин, - Флай использовал один из своих особых тонов голоса.
- Окей, окей, - сдалась я. На чем я остановилась? Итак, мы проверяли маленький сладенький склад, но у нас не было достаточно времени.
- И ты завела грузовик? - догадался Маллиган.
- Эй, кто рассказывает историю? Та же удача, что сопутствовала нам с оружейным грузом, оставила для нас ключи в зажигании и достаточно топлива в баке, чтобы добраться до аэропорта.
Кто знает, что случилось с водителем? Его ID все еще был на щитке - какой-то бедолага по имени Тимон. Возможно он был заражен и отправился по делам на почту. В любом случае, мы взяли ноги в руки и принесли их в аэропорт в рекордные сроки.
Флай откинулся назад.
- В котором я бы отшлепал Джилл по попе, если бы не Арлин, которая могла понять это неправильно. К тому же, как я мог сердиться на человека, который, возможно, спас наши жизни.
- Силовое поле было все еще подавлено, - продолжила я. - Это меня удивило. Довольно много времени

прошло для того, чтобы его восстановить, но, как видно, мы сражались не с величайшими мозгами вселенной. Кен выглядел воодушевленнее, ведь половина его работы была завершена.
- Половина? - спросил мой большой слушатель.
- Разумеется. Кен был занят, пока ждал, когда мы появимся. Он проник в систему и провернул идею, которая оказалась очень полезной.
- А что Джилл делала все это время? - спросил он.
- Мы взлетели. Она не хотела больше ждать, тем более сейчас, когда мы могли наблюдать, как импы и зомби забуриваются в другие самолеты и теперь могут преследовать нас.
- Господи, - сказал Маллиган. - Согласно тому, что вы рассказывали мне раньше, Джилл разбиралась в этом; но требовалось нечто большее, чем умение не сломать самолет, чтобы выжить в этой схватке.

- Джилл думала о том же, - ответила я. - Я пыталась взбодрить ее, напоминая о навыках полета среднестатистического импа или зомби. Но вскоре это было уже не важно. Едва Джилл миновала побережье, Кен решил проблему, над которой работал. Он восстановил силовое поле как раз в нужный момент, прихлопнув самолеты наших врагов в воздухе, как мух
*
.

- Эй, - отреагировал мой приятель
. - В качестве бонуса, Кен еще и поставил пароль, так что они не смогли бы опять опустить поле и преследовать нас. Мы поняли, что можем действительно расслабиться на некоторое время.
Так, как мы делаем это с вами, Джордж.
- Теперь я больше верю предыдущему рассказу, - сказал мастер ган.
5
- Выдающаяся миссия, - был вердикт Маллигана. - Вы двое - клад для военных сил.
- В этом есть и ваша заслуга, - вернул комплимент я.
- Спасибо, Флай, - сказал он.
Тем временем Арлин решила отдохнуть от нашей компании и широкого потока воспоминаний. Она пошла к прибою. Я защитил глаза от ослепительного солнца, чтобы проследить за ее шикарными движениями. До чего же приятно было видеть, как она использует свои физические данные ради удовольствия, а не убиения демонов. Океан манил и меня.
Маллиган не возражал.
Наблюдая за тем, как стройное тело Арлин ныряет и выныривает из волн, словно гладкий дельфин, я в сотый раз подивился тому, что мы смогли выжить, были вместе и находились там, куда еще не подступила смерть. После вхождений в буквально океан инопланетной крови, я снова ощутил себя чистым в свежей морской воде. Пока соленые волны ласкали мое тело, я обнаружил царапины, порезы и ссадины, о которых даже не подозревал. Плавание растянуло мышцы, которые не находили частое применение в битве. Я чувствовал себя по-настоящему ожившим. Арлин была игрива, как ребенок, плескаясь в мою сторону, предлагая догнать ее. Я ответил ей тем же и ринулся вперед так стремительно, что моя рука нашла ее гладкую щиколотку быстрее, чем она успела уйти.
У моего товарища, у моей боевой подруги, бывшей столь же хорошим морпехом, сколь любой другой мужчина, оказалась нежная маленькая ножка! Не то что у моих прочих знакомых PFC. Адмирал мог бы скрепить вместе постер Второй Мировой и картинку с Арлин и приписать:
“Вот ради чего вы воюете”. Мы были солдатами, возможно, в последней битве человеческой расы. И мне бы хотелось видеть человеческое лицо, как напоминание, за что я сражаюсь. Мы плескались друг в друга и играли так активно, что мне показалось, что я проглотил целый ящик “Дэви Джонса”. Я не переставал перебирать про себя извинения за то, что дотронулся до гладкой кожи своей напарницы. В наших отношениях появились тонкие изменения с появлением в ее жизни Альберта.
Я не собирался вставать между ними. Ровно как и не вмешивался в дела Арлин и Додда, пока ее ухажер против своего желания не присоединился к зомби. Она и Альберт заслуживали то счастье, какое только смогли бы завоевать. Мы были морпехами. Мы не выбирали, идти нам на сумасшедшую суицидальную миссию или нет. Мы были привязаны к ней по умолчанию.

Этот отдых не собирался длиться долго. Посмотрев в сторону пляжа, я увидел Маллигана, который допил свое пиво и возвращался в штаб-квартиру. Он не был из тех, кто намеренно занимался загоранием.
- Который час? - спросила Арлин, приостановившись лишь, чтобы плеснуть соленую воду в мою сторону.
Я поднял левую руку, выставив напоказ свои новомодные пластичные часы, противоударные и водонепроницаемые. Я посмотрел на них.
- Согласно наиточнейшему морскому времени, уже поздний вечер.
- Время чая.
- Да, почти, - ответил я. - Ты знаешь, это как раз то время, когда они сняли бинты с глаз Альберта неделю назад.
- Он их обхитрил, - сказала она неожиданно серьезно, и я был с ней целиком согласен.
Даже сранный имп с удачным файрболом не смог ослепить нашего большого Мормона. Я все еще был под впечатлением того, что Билл Ритч умер при схожих обстоятельствах на Деймосе.
Что ж, с Альбертом у этих мерзавцев не вышло. Лос-Анжелесская миссия обернулась операцией без смертей. Черт подери, мы даже спасли Кена Эстса, когда парень ничего не мог сделать, чтобы

помочь себе сам. Доктора переложили его на кровать, надели пижаму вместо обертки мумии, и он снова мог говорить. Вот оно, истинное счастье. Теперь настал черед Альберта.
- Флай, - сказала Арлин, неожиданно доверительным голосом.
- Да?
- Ты отличный парень, - проговорила она, и поцеловала в щеку. Она всегда умела удивлять меня.
- С чего это ты вдруг?
- Ты заботишься об Альберте, - сказала она мягко. - А еще ты заботишься о Кене и Джилл.
Я встряхнул головой.
- Не думай об этом, - сказал я ей. - Ты не сможешь расслабиться, если…
Она положила руку на мой рот. Вновь наступила ее очередь.
- Ты не просто морпех, который способен исполнять решения командира. Очень скоро останутся лишь те люди, которые способны пожертвовать теми, кого любят, для победы над вторженцами. Но мы с тобой сможем позаботиться друг о друге.
- Не говори за гражданских, - сказал я холодно.
Она начала было плыть к берегу, но затем остановилась и сделала несколько шагов обратно, чтобы закончить начатое:
- Больше нет гражданских, Флай. Каждый выживший - солдат в этой войне.
Я не стал возражать. Ведь она, по крайней мере, не сказала, что каждый теперь был морпехом. Я мог принять идею, что все земные формы жизни встанут за баррикады. Вся планета была линией фронта. Плывя некоторое время на спине, я позволил словам Арлин проникнуть в себя. Жар солнца и прохлада моря угрожали меня усыпить. У нас не было избытка всего этого в предыдущем месяце. Я всегда неплохо держался на воде, однако не собирался рисковать, выходя в океан подвыпившим. Было бы забавно, если парень, выживший после встречи с гинатскими пауками и паровыми демонами, утонул бы в нескольких метрах от своего лучшего друга.
Я поплыл к берегу. Арлин стояла там, указывая на что-то позади меня. Я оглянулся и на какой-то миг подумал, что она указывает на облако, которое адмирал заметил ранее, но которое потом исчезло. Но она имела в виду черный плавник в сотнях ярдах от меня.
- Вот кое-кто из твоей земной армии, - сказал я. В тот момент я подумал, что это была акула.
- Ты думаешь, мы когда-нибудь заставим Джилл есть морепродукты? - спросила она.
- Сомневаюсь. Кстати, раз уж зашел разговор о Джилл, пойдем навестим ее.
Мне одиноко. Мне скучно. Я думала, что когда мы прибудем на Гавайи, я найду ребят своего возраста. Но все, кто находятся здесь, либо взрослые, либо совсем дети. Некоторые из них даже не называют меня “Джилл”. Они зовут меня “подросток”. Поначалу они устроили вокруг меня большой шум. Адмирал дал мне медаль. Настоящей не было, поэтому он взял старую медаль от гольфа, которую выиграл годы тому назад, но поскольку эта вещь многое для него значила, я была польщена. Мне было

неудобно от того, как все смотрят на меня, и все же это было приятно. Минусом было то, что после этого никто не мог не обращать внимания на мой возраст.
Никто, кроме доктора Форреста Эйкермана. Возможно, он был сумасшедшим, но он был мил со мной. “Ты - гений”, - неустанно повторял он. “Я предпочитаю быть в компании с гениями”. Он выглядел как Винсент Прайс из старого ужастика, даже усы были такими же аккуратными. Я не помню, о чем был фильм, помню лишь ту деталь, что доктор считал себя экспертом по монстрам. “Пусть остальные зовут их “врагами”, - говорил он, подмигивая. “Но это понятие более подходяще для старого языка. “Врагом” можно назвать что-то человекоподобное.
Мы же столкнулись с новым царством, с новой силой. Теперь мы - борцы с монстрами.”

Пусть я понятия не имела, что он подразумевает под новыми царствами и силами, но по крайней мере он не пренебрегал общением со мной. Здесь имелась дюжина занятий на компьютерах, которыми я могла теперь выбрать и в которых я была настоящим героем; но я выбрала работу с доктором Эйкерманом. Я делала все, о чем бы он меня не попросил. Его исследование было интересным, и было много того, в чем я могла ему помочь.
Я не возражала тому, что он мною интересовался, ведь я собиралась стать его ассистентом.
Но мне не нравилось, как он спрашивал об остальных. У Альберта, Флая и Арлин было много военных занятий, которые занимали их. Кен выздоравливал в госпитале; о чем бы мы с ним не разговаривали, он очень быстро уставал.
- Имеются показатели, что Кен - тоже гений, - сказал Эйкерман, улыбнувшись.
- По крайней мере, теперь он распакован.
- Что ты имеешь в виду?
- Это, хм, шутка. Он выглядел, как мумия, когда мы вытаскивали его с поезда. Когда я смотрю на него теперь, мне кажется, что передо мной… мумия.
- Да, да, - ответил он. - Вы с Кеном стоили той жертвы, которую принесли другие.
- Они были очень храбрыми.
- Вполне понятное качество, - сказал он себе.
Люди, разговаривающие сами с собой, любят подслушивать.
- Что вы имеете в виду? - спросила я.
Он посмотрел на меня из-за планшета и уставился сквозь свои тяжелые, с черным ободом, очки.
- Извини. Я провел слишком много времени в лаборатории. Я всего лишь хотел сказать, что если человеческая раса хочет выжить, мы должны собрать вместе всех наших гениев.
Меня называли гением с самого детства. Иногда я уставала от этого.
- А кто, по-вашему, гении? - спросила я.
У него был заготовлен быстрый ответ.
- Все те, кто думает лучше, чем их сосед.
- Тогда гениев, должно быть, очень много.
Он улыбнулся.
- Будешь наглеть - я не покажу тебе свою коллекцию.
Мне всегда тяжело было заткнуть себя.
- А с чего вы взяли, что я наглею?
Он по-отечески положил руку на мое плечо. Я не возражала. Он ведь не мог знать, что отец мне не нужен.
- Джилл, военные ведут записи. Иногда мне кажется, это единственное, что они делают по-настоящему хорошо. Если бы у твоих друзей-вояк был необычайно высокий IQ или другие атрибуты ума, мы бы знали.
- Я думала, большинство записей были утеряны во время вторжения.
Он засмеялся. Но смех его не звучал так, будто шутка ему действительно понравилась.
- Тебе следует стать адвокатом.
- Нет уж, спасибо.
- До Судного Дня в этой базе данных содержалось исчерпывающая информация о военном персонале всех служб.

- Судного Дня?
- Так мы называем первый день вторжения. Кстати, я заметил, что ты хочешь сменить тему. Ты гений, Джилл. Возможно, тебе будет интересно узнать, что твоя фамилия, Ловлейс, совпадает с фамилией Августы Ады Кинг Ловлейс, англичанки-математика, которая считается первым программистом в мире.

Было просто поразительно, сколько мелочей Эйкерман держал у себя в голове. Продолжая разговаривать, я входила вслед за ним в самую большую лабораторию, какую когда-либо видела: раньше это был подземный склад, который доктор Эйкерман, с позволения военных, превратил в собственный мир. Здесь все говорило о том, что лабораторией управлял именно он.
Мне хотелось уйти от разговора о моих друзьях. То, как он говорил о них, заставляло чувствовать меня некомфортно. В последнее время мне казалось, будто они меня игнорировали.
Но я не хотела быть предателем, несмотря на то, что была на них рассержена. Я не крыса. К тому же, возможно, они намеренно дали мне время побыть одной. Арлин сказала мне, что я могу быть очень неприятной, когда капризничаю.
А впрочем, почему бы и нет? У Альберта и Арлин были общие дела. Когда они у них появлялись, им не хотелось видеть никого вокруг, даже Флая. Но затем Арлин стала больше времени уделять Флаю. У них были настоящие отношения брата и сестры. Когда я впервые их встретила, я подумала, что между ними может что-то быть. Но я быстро поняла, что это не так.
Конечно, я восприняла это как открытую дверь к Флаю, если, конечно, он увидит во мне нечто большее, чем бессловесного ребенка или компьютерного гика. Но это случилось как нигде быстро. Ни один человек не заставлял меня почувствовать себя ребенком быстрее, чем Флай Таггарт.
- Меня не волнует, что цивилизация почти разрушилась, - сказал он мне, когда я разрешила ему смотреть, как я одеваюсь, или раздеваюсь - я уже забыла. - У меня свои правила, - сказал он. - Мой персональный кодекс поведения. Хотя, ребенок твоего возраста не должен думать о таких вещах. Лучше выбрось это из головы!
Он говорил еще, но я уже не слушала. К счастью для него, его персональный кодекс был точно таким же, как у остальных взрослых. Он называл это принципом “твоего действия”, или сокращенно “правилом ТД”.
Флай был точно таким же взрослым, как и все те, которых я знала, разве что он лучше стрелял. Абсолютно зрелый человек говорит мне, о чем я не должна думать. Как типично! Доктор Эйкерман, по крайней мере, так со мной не вел. Но я уверена, что не хотела заводить с ним разговоры о моих друзьях. Я не хотела говорить ему, что Флай скорее будет палить из плазмагана, чем полюбит кого-то. Мое личное мнение - не дело Эйкермана. Я не хотела говорить доктору, что мне больше хочется стать ученым, нежели морпехом. Это, впрочем, ни для кого не секрет. Я никогда, никогда, никогда не буду морпехом. Я ненавижу стрижки.
6
- Это покажется тебе потрясающим, Джилл, - обещал доктор Эйкерман, ведя меня к огромному столу, покрытому гигантским пластиковым покрытием. Не хватало лишь электрической машинки, жужжащей и сверлящей, как в старых фильмах.
- Их слишком много, чтобы можно было победить их оружием, - он говорил, как президент мормонского Консульства Двенадцати. Но он вел речь не о силе молитвы. - После того, что рассказали твои друзья, мы должны принять реальность, что этих тварей - неисчислимая орда. Био-цистерны, которые видели Таггарт и Сандерс…
- Это было до того, как я встретила их.
- Да, но мы должны быть кратки, сама понимаешь. Они видели эти цистерны в космосе - на Деймосе, если быть точным. Пришельцы могут перемещать своих бойцов неопределенными маршрутами, и они продолжают совершенствовать эту технологию. Так что…
Эйкерман обладал потрясающей артистичностью, играя на публику, которую составляла я одна. Напоминая фокусника на сцене, он взялся обеими руками и сдернул большой настил со штуковины на столе.
Большие куски парового демона были разбросаны по тяжелой плите. Стол, по видимому, был очень крепким, чтобы выдержать их вес.

- Они не гниют? - спросила я, выпалив первое, что пришло в голову.
- Они не подвержены натуральному разложению. Хотя зомби, конечно, разлагаются по причине их изначально человеческой ткани.
Он надел пару хирургических перчаток и ткнул красную сторону огромной груди, лежащей совершенно отдельно от остального. Она выглядела, как самая большая в мире и практически сжеванная жвачка.
- Запаха нет, - сказала я.
- Верно, вони никакой. У кибердемона.
- У кого?
- Я забыл. Вы зовете их как-то по-другому, ведь так?
- Паровой демон.
- Да, ну а мы стандартизировали терминологию для официальной правительственной науки. Как тебе, для примера, какодемон?
- Чего?
- Вы называете их тыквами. Признаюсь, мне самому нравится это название, из-за ассоциаций с Хэллоуином, но оно не годится для официального имени.
- У вас имеются какие-нибудь какодемоны здесь?
Он повертел головой.
- Они растворяются сразу после того, как их ткани нарушены. Когда мы пытались взять образцы для анализа, мы остались лишь с тестовой трубкой с жидкостью и порошком внутри.
Скажи мне, Джилл, что ты думаешь о кибер… э, паровом демоне?
- Имя “кибердемон” имеет смысл, - согласилась я. Я решила не говорить, какие ассоциации у меня возникают с “какодемоном”. - Механические детали вшиты в тело так глубоко…
- Это не приложения, - поправил он. - Смотри!
Он указал на часть руки, которая начиналась как плоть и заканчивалась как металлическая ракетная установка.
- Ни у руки, ни у установки не видно конца, но видна кросс-секция, которая показывает связь между рукой и оружием. Ты ведь видишь ее, не так ли, Джилл? Тебе не нужен микроскоп.

Единственный раз, когда я видела демона так близко, был, когда паучья нога чуть не раздавила меня на поезде, когда мы спасали Кена. Мне стало интересно, как Эйкерман назвал паука. В любом случае, видеть кросс-секцию на демоне было для меня ново.
- Я не верю в это, - заключила я.
- Присмотрись - и поверишь.
Красный цвет переходил в серебристо-серый. Разделительной линии не было. Ракетная установка вырастала из плоти.
- Это для Рипли, - сказал он.
- Что?
- Фразочка из того времени, которого ты не застала. Это значит, что в это трудно поверить, но доказательство прямо перед глазами. Когда я впервые начал изучать этих созданий, больше всего я был озадачен их оружием. Подумай сама. Импы стреляют оружием, которое прекрасно согласовано с телом.
- Мы тоже зовем их импами. Или, иногда, “колючими”.
- Ха-ха. Ваши тыквы делают то же самое, что и импы, с шарами из концентрированной кислоты и воспламеняемого газа. Почему же тогда те твари, что покрупнее, используют оружие, похожее на артиллерию, созданную людьми?
Я никогда не думала об этом. Если кто-то пытается ранить меня ножом, меня не интересует, откуда он его достал.
Но доктора Эйкермана это интересовало.
- Все это милитаристское вооружение выглядит неподходящим, - продолжал он. - Если они способны создать интегрированную внутрь силу и управлять ею, зачем создавать придаток, который требует внешнюю амуницию?
- Поняла, - сказала я взволнованно. - Вы хотите сказать, если ты и так Годзилла, зачем тебе оружие?
- Совершенно верно, Джилл. Ты действительно выдающийся ребенок.

Я не хотела комплиментов. Я лишь хотела, чтобы обсуждение продолжалось.
- Вы уверены, что они откудато добывают снаряды и ракеты? Возможно, они их тоже выращивают?
Эйкерман прекратил делать то, чем был занят - настраивал компьютерный дисплей, показывающий внутренности монстра - и снял свои очки.
- Только что ты доказала, что стоишь большего, чем все те люди, с которыми я работал, вместе взятые. Ты можешь также помочь мне в, э-э-э, коммуникации с Кеном. Его доктор сказал, что это будет возможно, только когда он придет в норму. Но он был настолько близок к данному вопросу, что понимает аспекты их биотехнологии как никто другой.
Я кивнула.
- Теперь я помню. Кен говорил нам, что ракеты, пушки и прочие устройства были украдены у покоренной ими расы. Так что если пушка отделена от тела, значит она не выращена демоном.
Эйкерман закончил мою мысль:
- Но если она и демон - одно целое, значит она как-то выращена. Оригинальная версия оружия, должно быть, была украдена в самую первую очередь. Затем они модифицировали их по своей биотехнологии.
Он снова повернулся ко мне спиной и я заметила, что она покрыта маленькими красными и желтыми пятнами. Мне не хотелось знать, откуда они. Теперь он говорил очень взволновано:
- Что нам нужно - так это живой образец большой твари.
Он усмехнулся. Может быть, он действительно был ученым-психом. Я обязана была задать очевидный вопрос:
- А вы сможете его контролировать?

- Мы уже управляли живыми зомби здесь. Звучит забавно, не так ли? “Живой зомби”.
- А у вас есть живые? - я чуть ли не обалдела, когда он произнес это. Участие в битве превратило меня в убийцу… неубиваемых.
- Конечно, но их контролировать легко. В них нет сверхчеловечекой силы. Ты знаешь об этом, ведь ты сражалась с ними.
- А вы сражались?
- Ну, нет, но я их изучал.
- Поверьте мне, доктор, они опасны.
- Но они поддаются управлению. Это все, что я могу сказать. Если бы у нас был живой кибердемон, у нас возникли бы проблемы с его удержанием. То же самое касается нашего манкубуса, если бы он был жив. Как мне известно, вы зовете их толстяками.
- У вас есть целый толстяк?
- К счастью, он умер. В отличие от образца перед нами, тот, похоже, долго разлагается.
Я засмеялась.
- Они настолько воняют, когда живы, что я не могу представить что-либо хуже.
- Смрад напоминает мне гниющую рыбу, прокисший виноград и пот в запертой комнате.
Пойдем. Я все тебе покажу.
Ему не обязательно было брать меня за руку, но я ему позволила. Он был как милый дядя, который готовиться продемонстрировать свою комнату страха. Мы прошли мимо секции, в которой были летающие черепа, лежащие, словно байкерские шлема.
- Что вы думаете о Клайдах?
- Ничего, - ответил он быстро. - Мы думаем, твои друзья ошиблись, думая, что эти твари могут быть продуктом генной инженерии. Возможно, они предатели человечества, которых слегка обработали, чтобы те стали сговорчивей.
Толстяк, лежащий за стеклом, навеял мне ассоциации с гигантским мясным качаном, который был оставлен на солнце. Металлические пушки на его руках были удалены и сложены возле монстра, словно гигантские фонари. Без них он выглядел жалко.
- Ты не сможешь учуять запах отсюда, но если желаешь войти в комнату…
- Нет, спасибо, - отказалась я, неуверенная, шутит он или нет. - Давайте посмотрим на зомби.
Лучше бы я не спрашивала.
Он привел меня к самому концу склада, где я увидела других людей в белых халатах.

Раньше мне казалось, что все пространство принадлежало Эйкерману и его монстрам. Мы вышли в коридор. Видимо, для зомби выделили особое место.
Как я уже говорила, что мне нравилось в ученых - так это то, что они отказывались снисходительно разговаривать с детьми. Эйкерман начал лекцию, и мне это нравилось:
- Наиболее интересное в зомби - это их остаточный речевой аппарат. Мы записали несколько часов диалога зомби. Некоторые из них были записаны во время вторжения, в них говорилось о вратах и о том, что находится за ними. Другие произносят слова из своей жизни, повторяя фразы, которые говорят что-то о них самих. Последняя исследуемая группа не говорит вообще. Мы пытаемся узнать, сохранили ли они возможность мыслить после трансформации.
- Нет, - сказала я настолько твердо, насколько могла. - Все человеческое в них умерло.
- Я понимаю, что ты чувствуешь, - сказал он. - Было бы легче для всех нас осознавать, что по другую сторону баррикады мы убиваем не людей.
Я потрясла головой.
- Нет, вы не понимаете, - ответила я ему. - Я убью любую гадину, предавшую нас. А ведь предатели - они все еще люди. У меня не возникло бы никаких проблем спустить курок на тех червяков в правительстве, которые помогли демонам.

Хорошо, успокойся, - сказал он абсолютно другим тоном голоса. - Я действительно говорил только что о себе. Мне действительно легче работать над этими, э-э, зомби, если я считаю, что в них нет ничего человеческого.
Арлин всегда говорит, что я могу быть настоящей врединой, так что я решила быть ей нарочно. Я спросила:
- А есть ли для вас разница, доктор, если бы они были гениями при жизни?
Вместо того, чтобы прийти в бешенство, он рассмеялся.
- Ты просто прелесть, Джилл. Мне нужно быть осторожным с тобой. Я думаю, нам понравится работать вместе. Сейчас мы можем начать. Какова твоя теория по поводу того, почему некоторые крупные монстры выглядят рзумными?
- Вы имеете в виду паука-мозга?
Мне не нужно было говорить, что означало это слово.
- По-видимому, их всех. Был ведь еще говорливый имп, которого капрал Таггарт, как он сообщил, встретил на Фобосе.
Это была одна из моих любимейших тем.
- Мы были удивлены их мозгами во время миссии в ЛосАнджелесе.
- Каков твой вывод?
Я внезапно заметила, как долго мы шли.
- Как далеко нам еще до зомби?
- Не далеко. Только не спрашивай постоянно, дошли мы уже или нет. Это заставит меня вновь увидеть в тебе ребенка.
- Здесь есть комната отдыха, которой я бы могла пользоваться?
- Всего в нескольких футах от площадки зомби. - Его голос звучал нетерпеливо. - Так каков же ваш вывод?
- Всякий раз, когда говорит обычная, тупая тварь, где-то есть еще одна, поумнее, которая и посылает ему слова.
- Как трансляция радиосигнала. Мы размышляли в том же направлении. Ты думаешь, паучьи мозги имеют собственные мысли?
- Не знаю.
- Они могут быть на другом конце, как получатели сигнала.
- Расскажите мне о своих зомби, - я была по-настоящему заинтересована. Мы прошли уже достаточно, а дергающихся трупов все не было.
- У нас имеется тринадцать экземпляров. Мы провели идентификацию их личностей. Ты знаешь, что уничтожить информацию сегодня невозможно.
- Да, монстры не могут пробивать большие дыры в Сети, даже с их толстыми задницами.

- Они замедлили нас, но они не могут полностью нас остановить.
- Мы их остановим.
- Умница! Один из зомби был редактором по имени Андерс Монсен. Он повторяет фразы, касающиеся его профессии. По крайней мере, мы думаем, что он делает это. Одна из женщин - Мишель Делуд, блондинка. Она повторяет, что должна попасть в Лас-Вегас на свадьбу. Марк Стефенс был книжным продавцом. Батлер Шаффер был профессором права. Тина Карос была помощницей адвоката. Она брюнетка. Обе леди были очень привлекательны при жизни. Это ужасно - видеть их мутировавшими. Остальные восемь были моряками, служившими прямо здесь, на Гавайях. Один из них был здоровенным мужиком, друзья называли его Большой Ли.
Имена остальных я не помню.
Эйкерман мог бы стать учителем. Он внушил мне большой интерес к своемуособому классу мертвецов. Я сгорала от нетерпения… пока дверь с надписью “Максимальная безопасность” не открылась и огромная масса не заполнила дверной проем и мясницким тесаком не отрубила доктору Эйкерману голову.
7
Никогда не признался бы в этом Арлин, но поначалу я сомневался в своей вере.
Недопустимо, чтобы Альберт стал агностиком. Мне необходимо выгородить себя от этого. Когда я закончу, я удалю это письмо и напишу ей настоящее. Возможно, это выглядит глупо - писать кому-то, когда можешь поговорить с ним лично, но когда я смотрю в ее зеленые глаза, я немею.
Когда она изгибает свою правую бровь и улыбается так же горячо, какими кажутся ее пламенные рыжие волосы, я не могу говорить с ней. Она предлагает мне себя, и все, что я могу сделать, это сослаться на свою религию. Она была первой из всех, кого я увидел после операции. Они сделали все, что могли, с моим лицом, но мне не нужно зеркало, чтобы понять, что эти шрамы навсегда.
Мое лицо все еще горит. И будет гореть всегда - из-за новых долин и горных хребтов, инкрустированных в мой лоб, щеки и подбородок. Утешением мне служит то, что я все же не так уродлив, как имп. А если я стану зомби, то стартовая площадка для новой наружности уже готова.
Я понимаю, что глупо думать о своей внешности, ведь я вообще мог ослепнуть на всю жизнь. Да простит Господь мое тщеславие.
Арлин не позволит мне сожалеть о себе. Она склонилась над моей кроватью, улыбаясь, как ангел, и исцеловала всю измеченную плоть моего обезображенного лица. “Ты всегда будешь моим Альбертом”, - прошептала она так, что только я мог слышать.
Мы разделили участь, которую немногие из смертных когда-либо познают. Мы остудили ярость паука-мозга. Мы опробовали на вкус серу пожирателя огня. (Не могу понять, почему здешние ученые называют этих тварей «арчвайлами»). Вместе мы выпустили кишки тыквам и князьями ада. Я пробился сквозь море крови вместе с этой женщиной. Но когда она повернула свое лицо ко мне и предложила прикоснуться к ее высоким скулам и поцеловать, я отшатнулся.
Наверное, она считает меня идиотом. Будучи женщиной, доказавшей свое право быть наравне с мужчинами, она не брезглива в вопросах человеческого тела. А ведь женщины имеют обыкновение уделять этому большое внимание. Впрочем, сейчас, в этом океане крови, было странно видеть людей, все еще щепетильных в вопросах макияжа. Неужели военная служба действительно сравнится с рождением детей? Я искренне верил, что высшее предназначение женщин - дарить миру детей. Церковь усилила это мое отношение. Я могу уважать женщинубойца, но меня сотрясает мысль, если она уклоняется от женской ответственности. Как будто, умерев на поле боя, она отделается легче. Если она офицер, она практикует тривиальный подход к власти, сравнимую с той, какую Бог дарит ей в отношении ее ребенка. Вот выходит Арлин Сандерс, высоко и элегантно вскинув чуть назад голову, будто когда-то она имела длинные волосы, спадающие до талии, показывая свою длинную шею и твердую челюсть, и взвалив на плечи свое обмундирование с такой же важностью, с какой это делают мужчины. Да, я притворюсь, что это был день после Хеллоуина, и помогу ей убрать тыквы. Но не коснусь ее своими голыми руками.
Умственно я не сомневаюсь в Книге Мормонов. История показывает, что брак и дети были изначально предназначены для мужчин и женщин на этой земле. Уклонение от них делает нас несчастными. Когда же мы исполняем свой долг, мы испытываем счастье, какое ни один гедонист не может дать даже в

мечтах.
Думаю, моя проблема была в том, что я думал, что уже был искушен. Но женщина, которая предлагала мне себя для быстрого и легкого секса, не была из тех, которых я уважал.
Такие женщины никогда бы не выдержали тех испытаний, которые уготовили нам демоны из глубин космоса. Они бы не смогли сделать выбор в духе «сейчас или никогда», отдавая свою жизнь за парня - и никогда бы не решились выжить просто потому, что знают, что он сделает для них то же. Я встречал много горячих женщин, но Арлин была чем-то невероятным!

Отказывать ей так больно потому, что попроси она меня о чем-либо другом, я выполнил бы это, не задумываясь. Как она может предлагать акт любви так легко? Я знаю много мужчин, которые бы вприпрыжку побежали в объятия Арлин, но вряд-ли бы они ее заинтересовали. Как обычно, мое незваное счастье - ее так влечет ко мне, потому что я всегда отвечу “нет”.
Даже когда я был спортсменом в высшей школе, имелись чир-лидерши, которые были ко мне неравнодушны. Большой рост и мускулы дают свои преимущества. Крутые парни считали меня тупым и не общались со мной. В этом, возможно, также заключалось преимущество.
Я хочу семью. Хочу любящую жену, которая подарит мне детей. Очень простое желание, но я не могу его озвучить при ней. Слова - хрупкие орудия. Когда ты пытаешься использовать эти орудия как оружие, они часто ломаются. Я не могу сегодня написать письмо Арлин. Я не нахожу слов. И я молюсь, что все же найду их, пока мы еще вместе.
В мире настоящих демонов нет времени на пустую его трату. Однако это наилучшее время для проверки своей веры - внезапно я обнаружил, что не могу управлять своей страстью. Я мог бы даже иметь будущее, в котором обзавелся бы семьей.
Однажды, когда я читал книгу в Мормонской библиотеке, я наткнулся на строчку, которая осталась в моей памяти. Я не помню автора, но слова его были такими: “Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему”. Я понял это так, что счастье исходит от любви. Любовь формируется из твоих действий. То есть, из веры.
Как мне объяснить Арлин, что мне нужно либо все, либо ничего? Тем более, когда она уже позволила мне все то, чего я заслуживаю. И как мы можем принимать решения в таком мире, как этот? Мой ад на Земле - это мир, в котором Арлин права, а я ошибасюь. Есть ли у нас право хотя бы пытаться планировать будущее? Если бы мы были последними людьми во вселенной монстров, был бы определенный смысл в попытке создать совместную жизнь, несмотря на короткий промежуток, нам отведенный. Но наши жизни не принадлежат нам. Существуют Корпуса Морской Пехоты. Раз, два, три, четрые, она любит свой корпус, как сахар в кефире. Она любит их больше, чем я. Как и Флай. В этом - связь между ними.
Мы находимся под такими строгими уставами, каких ни один монастырь не может наложить. Я дал обет безбрачия, который не дала она. Арлин Сандерс - женщина вселенского масштаба, независимо, на какой планете она живет. Но я достаточно честен, чтобы признать, что у меня нет намерений меняться. Если завтра мне докажут, что вера мормонов - ложь, я не превращусь в морального релятивиста. Я не стану смотреть на отношения между людьми, как на случайные романы. Я считаю, что это - вещи куда серьезней. Я верил бы в свою нравственность, даже если Бог так и не послал бы руководства.
Я молюсь, чтобы Арлин однажды поняла, как сильно я верю в нее. Внезапно я понимаю, что не могу выложить все в письме. Я должен рассказать ей обо всем этом лично. Несмотря на свою замкнутость, я не должен терять мужества.
Я собираюсь предложить ей выйти за меня замуж.
- Арлин, берегись! - далекий голос в застенках моих мыслей не переставал говорить о том, как глупо было идти куда-то, не вооружившись при этом до зубов. Арлин и я не могли чувствовать себя в безопасности без оружия с первого дня вторжения на Фобос. Мы даже подкалывали друг друга по поводу того, как странно идти на пляж, не вооружившись. Не возражаю увидеть ее с милым ей Кольтом.45, оставляющим на обнаженном теле след. Несмотря на то, что она для меня лишь товарищ, воображение еще при мне.
Мы находились в крепости человечества. Это было единственное место, где мы могли не чувствовать себя как черные гангстеры, окруженные белыми копами (офицер полиции мог охарактеризовать такую

ситуацию как «богатую мишенями»). Здесь мы могли распустить волосы - звучит смешно, учитывая стрижку морпеха - и ходить голыми, имея в виду не отсутствие одежды, а отсутствие оружия.

Ничего не угрожало нам на пляже, кроме, возможно, этой ленивой акулы, которую мы заметили как раз перед тем, как она подплыла. У нас не было нужды в огнестреле, когда мы прошли проверку безопасности. Все, что было нам нужно - это большие банные полотенца, потому что кондиционер работал на полную катушку. Все еще длился наш день R amp;R, и никто из нас не горел желанием снова одевать униформу. Я никогда не получал такого удовольствия от одежды гражданского, как сейчас.
Мы не предчувствовали проблем, когда пошли искать Джилл. Лаборатория Эйкермана была гораздо ближе, чем Альберт, который “отправился в город”, и который, по мнению Арлин, все еще нуждался в одиночестве.
Не предчувствовали, пока не вошли в биологический исследовательский департамент, выпинув дверь по старой морпехской традиции. Что-то изменилось. Может быть, то, что не было стольких людей, как раньше. Но когда я заметил женщину - лабораторного инженера - со спины, я сразу понял - что-то не так. Её длинные черные локоны были заляпаны рванными зелеными пятнами. У нее была грациозная фигура, и что-то подсказало мне, что она бы никогда не довела свои волосы до такого состояния. Ее лабораторная форма была смята и отвратительно грязна, хотя я знал, что адмирал содержал свой корабль в чистоте и пресекал неряшливость.
Арлин прибавила шаг в сторону инженерши. Когда женщина вдруг рванула с места, я не мог поверить, что Арлин не заметила ее неухоженные волосы и грязную спецовку. Но мой лучший друг была не просто замечательным воином - она была еще и женщиной. Не успел я закричать: “Арлин, берегись!”, как понял, что мне не следовало беспокоиться за нее. Она совершила кувырок, что сделало ее еще менее удобной мишенью, чем я. Морпех, теперь ты сам береги свой зад!
Развернувшись боком, я выпрямился параллельно стене перед тем, как зомби увернулась от первого выстрела. Арлин сделала то, что только и могла. У зомби слабые рефлексы. Даже у женщины в хорошей физической форме возникли бы трудности, чтобы помешать Арлин подняться с пола, с поднятой, как у Статуи Свободы, правой рукой, вынуть пушку из холодной кожи и сделать второй выстрел. Эти несколько секунд должны были стать доказательством того, что “мастерство приходит с практикой”. И тут мы оба слегка опешили. Девушка-зомби дала дёру до того, как Арлин смогла воспользоваться возможностью прихлопнуть ее из удобной позиции у стены - впрочем, это дало нам достаточно времени, чтобы мы подняли пушку с пола и разрядили порцию свинца в бледно-синее личико нашей ходячей красавицы.
Эта бестия двигалась очень быстро, во всяком случае, быстрее любого другого зомби из всех, мною виденных. Попутно она выкрикивала что-то странное о необходимости попасть в суд.
Затем она метнулась через дверь слева от меня, до того, как Арлин смогла бы достать ее сзади, а я - спереди.
- Бестолочи! - выкрикнула Арлин. - И это они называют безопасностью?
Я тоже был шокирован, но у меня было больше сочувствия к грубым ошибкам, чем у Арлин. То, как ублюдок Вимс приказывал расстрелять монахов в Кефиристане, смягчило мое отношению к простой некомпетентности исполнителей. Мальчики науки должны изучать все, что попадает им в руки. Я и не ждал, что все будет гладко. В любом случае, то, что сейчас произошло, стало работой для таких людей, как я и Арлин.
Она подняла с пола Револьвер 38 калибра. Мне захотелось снарядиться как можно большей амуницией, настолько быстро, насколько это возможно.
Крик с другой стороны двери моментально вернул нас в реальность. Разведка была роскошью, и поход в оружейную был отдыхом от работы.
Мы вошли в дверь вместе, направляя пушку вперед - словно маяк правды со своим особым пламенем. Но она не стала стрелять сразу. Она боялась попасть в женщину, которую зомби в лабораторном халате резала, словно рождественскую индейку.

Жертва смотрела на нас, не видя, что перед ней. Разбитая мензурка в руке зомби поглощала все ее внимание. Женщина-мертвяк уже порезала свою жертву в районе груди и рук.

Угол обзора не позволял нам предвидеть события ближайших нескольких секунд. Это время было как раз тем, в чем зомби и нуждалась.
Она сделала своим самодельным ножом режущее движение вдоль белой шеи своей жертвы. Горло не долго оставалось белым. Кровь полилась так быстро, что покрыла руку, держащую сломанное стекло, и это выглядело так, будто зомби вылила на себя ведро красной краски.
Арлин сделала несколько стройных танцорских шажков внутрь комнаты и направила пушку прямо в голову девушки-зомби. Этот ходячий мертвец был быстр, но дело было сделано.
Арлин выстрелила. Кровь, мозги и прочие ошметки расплескались вокруг жертвы, но бедной женщине было уже не помочь. Она все еще дергалась, но это уже ничего не значило. Мы не могли ее спасти.
- Жаль, что поблизости нет ученых, чтобы увидеть это, - сказал я, указывая пальцем.
Кусочек мертяцкого мозга продолжал брыкаться на полу, в нем все еще теплилась жизнь. Я замечал этот феномен и раньше. Это, казалось, было привилегией высокоранговых зомби, особо инициативных.
- Она умерла быстро, - сказала Арлин, кивая в сторону не спасенной нами женщины. - Если бы на мне были бутсы, я бы размесила это в мякоть, - усмехнулась она, глядя на синезеленый мозг, который, похоже, пытался уползти прочь. Она не наступила на него. Вместо этого она разрядила в него патрон. Я ее понимал. Так же быстро мы перешли обратно в «режим смерти». И вдруг мы услышали другой крик - который мы оба сразу же узнали. Джилл!

8

- Мы должны спасти ее, Флай!
Арлин тоже узнала нашу девочку. Мы оба начинали думать о Джилл как о своей ответственности. И мы не могли пройти сквозь все это дерьмо просто затем, чтобы позволить ей умереть.
- Вперед! - закричал я и ринулся на звук.
Когда мы вернулись в коридор, нас поджидал другой зомби - мужчина. Этот был одним из разговорчивых. Он не говорил о Вратах и о вторжении. Вместо этого он повторял: “Запишите это и подчинитесь”. Я не дал ему шанса повторить свою мантру еще раз. Пушка была только у Арлин, но я был очень зол от того, что не смог спасти женщину в соседней комнате. Иногда мне нравится переходить на личности.
Когда я ударил сине-серое лицо своим правым кулаком, я почувствовал, как по коже между моими плечами побежали мурашки. Подготовка морских пехотинцев не предусматривала непосредственного контакта с этой вонючей кожей, которая когда-то была человеческой, но я был слишком рассержен, чтобы заботиться об этом. Звук ломающегося носа превратил мою душу в обитель счастья. В отличии от жертвы Арлин, этот был медлительнее. Сам я, возможно, двигался еще медленнее, но в меня прилил адреналин, и я сделал то, что никогда не делал ни с одной из этих тварей: я надавал ему старых добрых однерок-двоек прямым кулаком. Никакого карате, никаких причудливых ударов ногой в сторону, никакой специальной тренировки. Я просто мутузил это проклятое лицо с искренним намерением отправить его обладателя обратно в ад, где ему и место.
- Флай! - Арлин была прямо за мной.
- Буду через секунду, - сказал я.
- Что насчет Джилл?
Дерьмо. Как меня можно было отвратить с пути так легко? Есть определенные недостатки в том, что являешься истинным воином.
- Бегу! - выкрикнул я, возобновив двадцати-ярдный - тридцати? сорока? - марш-бросок к спасению Джилл. Дистанция уже измерялась километрами. Я не стал поворачиваться, услышав твердый, услаждающий звук выпущенного Арлин патрона.
Моя подруга не теряет форму. Я не сбавлял скорости, однако неожиданно обнаружил, что она уже бежит прямо за мной. Мы нашли мертвого охранника, сползшего по стене. Свежее убийство. Кровь еще сочилась вниз по руке и капала на его М1. Проклятые зомби не дали ему сделать и выстрела. Я схватил его оружие на ходу, а затем Арлин и я прошмыгнули сквозь раздвинутые двери; мы были готовы к чему угодно.
Что угодно представляло собой зомби, режущего хирурга его же хирургическими инструментами. Я разрядил шесть патронов калибра.30-06, которые, будто маленькие круглые скальпели, распотрошили мертвяка куда более основательно, чем он сделал то же самое с доктором.

- Я могу спасти его, - сказала Арлин, обратив внимание на подходящую аптечку одновременно со мной. В Кефиристане у нее набрался достаточный опыт в обработке брюшных ран. Не успел я ответить, как она уже стояла на коленях, сгребая кишки и засовывая их обратно в пациента. К счастью, парень не был в сознании, и к счастью, Арлин хорошо обращалась со скользкими предметами.
Джилл была моей ответственностью - лишь бы не было слишком поздно, чтобы спасти ее.
И тут, будто подавая сигнал, она закричала снова. Я тихо прочитал молитву благодарности Сестре Беатрис, самой твердой монахине, какую я только знал со школы. Она говорила, что единственные молитвы, на которые отвечают - это те, которые ты произносишь кому-то в помощь. Я был на максимуме. Я спешил. Я пытался выйти за чертовы пределы, пытался взлететь.

Джилл была еще жива, когда я добрался до нее. Я чуть не споткнулся о голову доктора Эйкермана, смотревшую на меня удивленным взглядом. Я поскользнулся о кровь и выронил М-1 и навис над спиной самого большого зомби, какого только видел. Ползучий гад загнал Джилл в угол и пытался достать ее проклятым мясницким тесаком. Она отгородилась от него металлическим стулом, словно укротитель львов. Она приняла оборону у твердого угла, что давало ей преимущество: он не мог замахнуться тесаком по полной дуге, и она могла уклонами избегать его лезвия.
Я обрушился на спину “льва”, и он повалился вперед. Джилл отпрыгнула в сторону и закричала: “Флай!”. И всё, только лишь мое имя, но она вложила столько благодарности в один этот слог, что я почувствовал себя кавалеристом, Суперменом и Зорро одновременно.
- Беги! - закричал я, ведь теперь путь для побега был чист.
- Ни за что!
Непослушный ребенок любил показывать мне губу. Впрочем, трудно было на нее злиться, потому что она пыталась поднять оружие с пола. Большой, неповоротливый зомби был медлителен, но не было похоже, что он собирается уделять нам все время на свете.
Джилл навела М-1 на нашу проблему и спустила курок. Ничего. Либо Джилл сделала чтото не так, либо оружие заело. Зомби снова направился к ней, невзирая на то, что я опять был за его спиной. Джилл смотрела на меня выражением лица обиженной маленькой девочки, будто спрашивая, зачем было менять хороший металлический стул на пушку, которая не стреляет.
У плохого парня все еще был в руках тесак, и теперь у него было достаточно простора, чтобы суметь взмахнуть им и добавить голову Джилл в свою коллекцию. Меня раздражало то, что весь мой героизм лишь усугубил ситуацию Джилл. Я сделал, что мог. Громадина стояла на ногах на удобном расстоянии, так что я мог пнуть его в пах. Мне захотелось быть в боевых бутсах, а не в кедах. Мне захотелось, чтобы он был живым, ведь мертвяки лишь слегка реагируют на подобные действия. Но это было лучшее из всего, что я мог.
Большая бородатая мама повернула свою голову. Это все, что нужно было Джилл. Она взялась за дуло обеими руками и взмахнула оружием так классно и четко, что это стоило бы занести в золотую хронику бейсбола. Деревянная рукоятка раскололась о шею зомби. Тот был выведен из равновесия. Когда он попытался повернуть голову, я услышал щелчок: Джилл сделала что-то плохое с его шейной костью. Хорошая девочка! Зомби упал на колени. До того как он успел подняться, я каратистским ударом добил его шею. Не было времени сейчас играть в Джорджа Формана. До сего момента мы с Джилл просто замедляли его. Настало время для чегото более долговременного.
Та же идея была и у Джилл. Едва я поставил здоровякау на колени, как она выдернула тесак у него из рук и начала лупить им по его голове.
- Эй, осторожно! - закричал я. - Ты чуть меня не ударила.
- Прости, - сказала она, почти задыхаясь. Но она продолжала махать этим лезвием, срубая гнилую плоть вокруг шеи и головы мертвеца. Я не собирался говорить ей, что у нее не хватит сил закончить работу. Зомби не вставал, и я намеревался удостовериться, что он не встанет уже никогда.
Когда я поднял М-1, я понял, что других зомби, желающих побеспокоить нас, не появится.
Было что-то таинственное в оторванной голове доктора Эйкермана, лежавшей на полу и смотревшей на нас. (Вообще-то морпех не использует таких изысканных слов как “таинственно”, но это было действительно таинственно, блин). Я подобрал М-1. У Джилл она заела. Поэтому она использовала ее, как дубинку. Я прочистил затор. Что за черт, дадим ей вторую попытку.

- Извиняюсь, - сказал я Джилл, прилежно пытавшейся оказать честь великому декапикатору. Мясной тесак был немного затупленным. И у Джилл просто не хватало необходимой телесной массы. Она предложила мне свой топорик. Я отказался. Я выстрелил из

М-1 один раз, в упор. Голова раскололась, словно переспелая канталупа. Кровь, что брызнула на меня, была нового для меня цвета.
- Пушка заела, - настаивала она.
- Я знаю.
- Я с ней ничего не делала!
- Я и не говорю, что делала. Удар об мертвяка, видимо, привел ее в порядок.
Иногда наступали времена, когда Джилл отходила от своего поведения, напоминая тем самым, что она - еще подросток. Я, честно говоря, был не в настроении, чтобы беспокоиться о ее чувствительности к критике. Один Бог знал, сколько еще зомби бродило по базе. Мы должны были вернуться к Арлин. И еще я беспокоился об Альберте. Мы начинали походить на семью.
В какой-то момент моей военной карьеры я начал привыкать к смраду смерти. Возможно, мне стоило благодарить за это «Косу Славы» и ее бравых ребят. Но я никак не мог привыкнуть к кисло-лемонному запаху зомби; самая стойкая его разновидность как раз и опаляла ноздри в тот момент, когда голова мертвяка лежала у моих ног.
Когда я пришел в себя, я понял, что каникулы окончены. Я Кен. Было время, когда я был частью своей семьи. Сейчас они все мертвы. Когда-то я подолгу гулял и катался на велосипеде. Я плавал. Ел пищу из тарелок и пил вино. Пел. Занимался любовью.
Сейчас я кибермумия. Кукла Кен. Они сняли бинты и удалили некоторые объекты из моей плоти, но я чувствую, что пришельцы сделали из меня что-то ничтожное. Доктор Эйкерман думал обратное; однако я не чувствую себя большим, чем обычный человек. Доктор Вильямс, директор, говорит, что они вернут меня в норму, но я не верю. Директор не ставит ничего выше победы в войне. Сейчас я более полезен ему, находясь здесь, оставаясь тем, кем теперь являюсь.
Медицинская команда старается держать это подальше от меня, но я могу подключиться к любой из их компьютерных систем.
Они говорят, что легко могут побороть мою физическую слабость. Они могут прекратить кормить меня внутривенно и снова медленно адаптировать мой организм к регулярной пище.
Обычная мозговая хирургия восстановила бы полную подвижность, но имеется риск - не для меня, а для их проекта. Чужеземная биотехнология может быть искажена или потеряна в ходе возвращения меня к норме. Вот они и не торопятся.
Тем временем, я подключен к компьютерам и ограничен кроватью, если не считать, что иногда они рискуют сажать меня в моторизованное инвалидное кресло. Я не жалуюсь на это. Я не говорю об этом Джилл, когда она навещает меня. Она мой самый частый посетитель. Я не жалуюсь Флинну, Арлин или Альберту, когда они приходят проведать меня. Это люди, которые спасли меня. Они заботятся обо мне. Я не вижу причин заставлять их волноваться.
Держать при себе свои мечты - хитрость, которую я узнал, когда был очень молод. Я не говорю никому, как сильно хочу вновь стать таким человеком, каким был. Мой любимый дядя, находясь в отпуске, брал свою семью на Гавайи. Он много рассказывал об этом своем визите, и я очень хотел сюда попасть. Ирония заключается в том, что здесь, скорее всего, одно из последних мест на Земле, где вещи еще такие же, какими он их помнил, а я не могу выйти и увидеть их, пока еще есть время.
Я получаю доступ ко всему, что доступно на Гавайях. Экран мерцает и говорит мне, что Гавайи - это группа островов, тянущихся на три сотни миль в середине Тихого Океана. Я откапываю информацию о том, как они были открыты европейцами; затем я прочитываю, как они стали пятнадцатым штатом Соединенных Штатов. Я помню, как дядя рассказывал, что название наиболее популярной здешней рыбы трудно написать, и нахожу статью о ней, и понимаю, что дядя был честным человеком: «хумумунукунукуапуаа». Я читаю о Короле Камехамехе, и завидую, насколько легче ему было обойти острова, чем мне.

Я устал от чувства жалости к самому себе. Мне хочется быть полезным. Не уверен, что это состыкуется

с выполнением долга, но мне, честно говоря, наплевать. Это, возможно, был последний оплот человеческой расы. Но я ненавижу ложь. Единственное, в чем хороши военные в тяжелое время - так это во лжи. Я бы никогда не заговорил об этом с настоящими храбрыми вояками. Они не захотят об этом слышать. Нет смысла дискутировать об этом и с циничными старшими офицерами, особенно с теми, кто решил использовать меня, умолчав о своих истинных намерениях.

Мне нравятся мои новые друзья. У них есть честь. Они смотрят на мир чистым взглядом, которому никакая грязь или кровь не могут быть препятствием. Они думают, что сражаются ради индивидуализма. Ради свободы. Если человеческая раса выживет, ей предстоит столкнуться с серьезным разочарованием. Я получил доступ к файлам. В них содержатся планы.

Возможно, я ближе к будущему, чем те, кто меня спас. Я нахожусь в ловушке у себя самого. Может быть, что-то умерло внутри меня, когда я был в когтях захватчиков. Перед тем, как они меня изменили, я пришел в ужас, обнаружив планы человечества о Новой Евгенике будущего. Этот проект создали вовсе не друзья человечества. Предатели имеют свои собственные мысли по генетическому “улучшению” той части человечества, которой позволят выжить новые хозяева.

«Новая Евгеника» - это план, разработанный нашей стороной. Хорошими ребятами.

Борцами с захватчиками. Кто знает? Может быть, они избирательно создадут больше компьютерных адъюнктов, таких как я! Нет сомнений, что они начнут принимать решения по выведению пород из оставшихся в живых на нашей стороне. Таких воинов, как Флинн и Арлин, оставят для других целей. Они были рождены, чтобы умереть в битве. Они слишком ценны, чтобы быть использованными в не-военных операциях. Я получил доступ и о планах насчет них.

Они пока не знают, но их время на Земле ограничено. Очень немногие люди имеют их опыт как космических бойцов. Флинн - это Сияющий Гордон. А кто Арлин? Барбарелла? Морпехи Таггарт и Сандерс последуют приказам, даже если им придется столкнуться со смертью, шансы избежать которой - один к стам. Я представил бюрократов, людей или н е людей, которые указывают им, с кем идти в постель и сколько заводить детей. Они не нужны для этой будущей Земли, которая, я верю, неизбежна, независимо от того, какая сторона победит. Времена кризиса сделаны в аду - и сделаны для того типа человека, который имеет планы относительно всего.

Джилл и я также останемся на Земле! Если Альберт везуч, он отправится с Флаем и Арлин. Он слишком религиозный человек, чтобы остаться. Куда ему будет возвращаться, когда он узнает, что для него не осталось места? Попробует вернуться в Юту? Он еще не знает о Юте.

Возможно, сегодня узнает.

Сегодня они усиленно заняты защитой. Работа персонала Эйкермана была приостановлена утром. Я видел это на мониторе. Так много произошло со вчерашнего дня.

Вопервых, адмирал будет притворяться, что это был возможный саботаж, даже несмотря на то, что видеозаписи показывают, что убийства были результатом обычной неосторожности служащих Эйкермана. Обычная некомпетентность вылилась в катастрофу. Естественно, эти видеозаписи останутся в секрете. Гипотеза о наличии предателя будет лучше для поднятия боевого духа, нежели допущение о некомпетентности. Едва ли я могу винить наших новых лидеров в том, что они плохие ученики истории.

Кроме того, мои друзья получат большую дозу рассекреченного материала по поводу их следующей миссии. Им не стоит быть жадными до слишком большого количества информации.

Это приводит к несварению. К тому же, их полковник морской пехоты даст им приятный десерт.

У меня должно быть лучшее отношение ко всему этому. Враги так ужасны, что нам следует простить себе собственные недостатки. Разве это не то же, что они говорили, сражаясь с Гитлером? Демоны гибели, как Джилл любит называть их - совершенные враги. И во имя борьбы с ними мы имеем право пускать в ход все, что захотим. Нет, несправедливо говорить, что мы

допускаем в своих действиях страшные вещи. Правильнее сказать: мы победим всем, чем необходимо, как любил выражаться Малькольм X.

9

Когда я присоединилась к Флаю и Джилл, я вновь смогла дышать спокойно. Это были Флай и Джилл. Он спас ее. Я знала, что это будет нелегко. Но я не могла не попытаться спасти человека с

кровотечением, грозившими ему смертью.
Конечно, к тому времени военно-морские охранные силы уже роились повсюду. Я была рада, что первыми прибыли двое лучших людей Киммела - Марк Стэнфилл и Джим Айви, мои приятели по игре в покер (Флай не входил в нашу лигу). В данной ситуации знание человека в лицо могло сыграть критическую роль, ведь можно нажать на спусковой крючок, просто испугавшись. Лаборатория Эйкермана была превращена в настоящее кафе для зомби, и этого было достаточно, чтобы заставить запаниковать кого угодно.
Флай, Джилл и я торопились в очистительную камеру. После того контакта, какой был у нас с этими созданиями, я почти смеялась над этими запоздалыми мерами предосторожности. С другой стороны, мне не следовало критиковать командование Гавай за эту тщательность. Было бы нелепо, если бы мы были побеждены врагом просто потому, что не проверили свою кровь на заразность.
Вечером я видела Альберта на обеде. Он был худшим игроком в покер, чем Флай, потому что не мог контролировать эмоций - они читались у него на лице.
- Арлин, с тобой все нормально? - спросил он, заметив улыбку Джилл. - У вас все нормально? - добавил он.
- Мы в порядке, - уверил его Флай, усмехаясь.
- Практика нам не помешала, - добавила Джилл.
- Хватит портить ему день, - сказала я им обоим. - Не обращай внимания на этих помешанных на убийствах, Альберт.
- Эй! - запротестовал Флай, все еще улыбаясь. - Да нет, серьезно, Альберт, после всего, что мы вместе сделали, это было плевое дело.
Я заметила, что другие столы, часто занимаемые, теперь были заняты лишь наполовину.
Список убитых не был высок, даже с учетом того, что опасность возникла неожиданно. Все зомби были пересчитаны и уничтожены (к счастью, Эйкерман добросовестно вел записи).
Единственным объяснением редеющей толпы было то, что большинство наших товарищей было отлучено от еды из-за первого столкновения с пускающими слюни мертвецами. Так что мы могли спокойно общаться.
Альберт вздохнул и присоединился к нам. Столы были уставлены, как в кафетерии, и наша маленькая группа уселась друг к другу поближе. Кен, с которым мы очень сблизились, сейчас бы тоже ужинал с нами, если только он мог есть твердую пищу.
- Я услышал о зомби, только когда вернулся, - сказал Альберт, почти извиняясь.
- Что ты делал в городе? - спросила Джилл.
- Делал покупки.
В этих простых словах явно скрывалось что-то еще. И так показалось не только мне.
Мы ели свои бифштексы Салисбури в тишине. Я закончила и встала, чтобы поставить свой поднос в нужное место. Лишние калории моей фигуре ни к чему. Альберт только начал есть, но и он оставил свою пищу. Правильно, Альберту тоже ни к чему толстеть.
- Не возражаешь, если я прогуляюсь с тобой? - спросил он. Стиль был определенно не его.
Я не могла ничем помочь, видя, как глаза Джилл сверлят его. Она тоже что-то заметила. Флай был занят, уделяя стойкое внимание своему ананасовому десерту.
- Конечно, - сказала я. На какой-то момент я позволила желаемому затмить рациональное.
Я хотела верить, что Альберт изменил свое отношение к тому, чтобы мы спали вместе. Я забыла, кем был этот большой, замечательный парень. Не знаю, что удивило меня больше. То ли, что из

закупочной экспедиции он вернулся с кольцом, или же что он предложил его мне с такой прямой простотой:
- Арлин, ты выйдешь за меня?
Я приоткрыла к этому дверь, еще когда начала заигрывать с ним. Если бы хоть половина мозгов была при мне, я бы поняла, что значу для этого прекрасного человека. Мы стояли возле плаката Второй Мировой войны, прокламирующего: “Язык мой - враг мой”. Он внимательно смотрел на меня, и особенно на мой рот, ожидая слов, гарантирующих его спасение или проклятие. Мне было бы лучше, если бы он этого не делал. Оказывается, я не так храбра, как о себе думала.

- Альберт, - Я выпалила лишь одно слово. Его выражение лица было красноречивее всяких слов. Он определенно боролся с теми же проблемами, что и я. Его бы даже не обидело, заговори я о них.
- Это кольцо… - начал он.
- Оно очень красивое, но я не могу и мечтать, чтобы принять его до того как… Я имею в виду, я должна подумать.
Это было как в комедиях, когда персонажи не знают, кому говорить первым. Кто бы мог подумать, что кусок золота может доставить больше сложностей, чем побег из Башни Диснея?
- Мне бы хотелось, чтобы ты хранила его, - сказал он. - Ты не обязана думать о нем как об обручальном кольце, или как о чем-то, чего ты не желаешь. Я не жду, что ты будешь носить его, если ты не уверена. Арлин, ты значишь так много для меня, что когда ты предложила то, чего я не могу принять, я должен был ответить на это своим способом. Я хочу, чтобы ты знала, что я чувствую.
Протянуть и взять его руку казалось самой легкой вещью на свете, пока я не почувствовала легкую дрожь в его ладони. Потребовалась вся моя храбрость, чтобы взглянуть ему в глаза и сказать:
- Я не могу сейчас тебе ответить. Ты должен понять.
- Конечно, понимаю.
- Благодарю тебя, - сказала я и поцеловала его в щеку. Его улыбка была гораздо красивее любого золотого кольца. - Мне бы хотелось, чтобы оно было у меня, - продолжила я. - Это ведь правильно, в смысле, до того как я…
Он был настоящим джентльменом, а потому не позволил мне продолжить.
- Для меня будет честью, если ты будешь хранить его, Арлин, что бы ты не решила. Мы должны научиться создавать собственные правила в этом новом мире.
Я не ожидала услышать такое от моего большого доброго мормона.
- Разве твой Бог одобряет подобные мысли? - спросила я.
Он встретил мой вызов прямо.
- Если моя вера правильна, это не только мой Бог, не так ли?
Затем он вернул мне целомудренный поцелуй и удалился.
На следующее утро, на брифинге для тех, кто находился на 5-м уровне и выше, я гордо повесила тонкую полоску золота на цепочку рядом с регистрационным номером. Флай заметил это сразу. Держу пари, он был рад так же, как я была бы рада вернуться в униформу.
У адмирала Киммела было такое лицо, какое делают, когда ситуация не из лучших. Такое же лицо было и у самого высокопоставленного офицера морской пехоты. И если эти люди решили выступить вместе, ситуация была чрезвычайно серьезной.
- Мы исследуем возможность саботажа, - сказал адмирал. - К счастью, благодаря расторопности тех мужчин и женщин, которые не спали за выключателями, удалось минимизировать ущерб от нашего недосмотра и нейтрализовать угрозу, исходящую от зомби.
Морфлот глубоко признателен за помощь, оказанную членами морской пехоты.

Профессор Уоррен Вильямс был ответственным за всю научную работу, ведущуюся на Гавайях. Сложно было очертить всю сферу его огромных знаний. У него были степени в физике, астрономии, биологии, компьютерных науках и фольклору. Его жизненным девизом были слова фантаста Роберта А. Хаинлайна: “Специализация - для насекомых”.
А еще у него было чувство юмора, которое он сейчас и демонстрировал.
- В свое обильное свободное время адмирал беседует со мной на своей военной терминологии. Я думал, под “ковылянием миссии” он подразумевал те ковыляния, которые вчера высвободились из лаборатории Эйкермана.
Этой шуткой он заработал лишь пару нервных смешков. Память о мертвецах была еще свежа.
Он сменил тему:
- В мирное время я считал, что нужно слушаться только тех, у кого имеется какая-то военная выучка. Год назад я бы описал себя как «военный гражданский».
Эти слова принесли ему еще несколько смешков.
- И до Второй мировой войны приходилось кидать в бой неподготовленных молокососов.
Но раз выбора нет - значит нет. Я сделал первые шаги в этой работе, когда впервые узнал о величайшем

секрете марсианских лун. Я подозревал, что есть ворота, и понял, что что-то может сквозь них пройти.
Он чем-то напоминал Роберта Оппенгеймера. Я вполне могла представить его работающим над атомной бомбой.
- Адмирал и я признаем, что мы живем, выражаясь вашими словами, в опасное время. Это время, когда люди начинают прислушиваться к советам инженеров.
Только один человек посмеялся над этим. Я.
Он открыл также и другие материалы о деятельности базы, но его глаза были уставлены на меня. Не думаю, что он хотел пригласить меня на свидание. Флай и я зарекомендовали себя слишком тщательно, слишком хорошо. Я поняла, что мы значились у директора первым номером на звание коронного удара; и нам лучше было не иметь стеклянной челюсти.
По окончании генеральского брифинга он подтвердил мои мысли, высказав просьбу увидеться с “большой четверкой”, как мы иногда в шутку себя называли. Я уверена, на базе были взрослые, которых возмущало, что ребенку вроде Джилл доверяют материалы, к которым их самих не допускают. Но если это было так, они держали все при себе.
Джилл быстро растет. В этом нет ничего странного. Я знаю, это терзает Флая - мужчина, достаточно взрослый, чтобы сгодиться ей в отцы, начинает поглядывать на нее. Она высокая для своего возраста. У нее один из тех соблазнительных ротиков, которые сводят мужчин с ума. Меня не беспокоит, кто будет целовать этот рот до тех пор, пока может соображать. В промежутках между потрошением демонов, я отводила Джилл в сторону и преподавала ей курс о птичках, пчелках и детишках.
Конечно, она не должна волноваться о каких-либо болезнях, передающихся половым путем. Медицина идет вперед. Но кто бы мог подумать, что не успеет человечество устранить СПИД, как из космоса явятся монстры? Говоря словами юмористки позднего двадцатого столетия Гильды Раднер, “постоянно что-то случается”.
В любом случае, Флай все больше и больше напоминает взволнованного отца в делах, касающихся Джилл. Это сослужило хорошую службу. Это дало ему дополнительный запал, когда он спасал ее в лаборатории Эйкермана. Но я не знаю, как сказать ему: «не надо», когда сама не могу решить личных проблем - касательно Альберта как мужа.
Альберт - очень чувствительный, скромный мужчина. Я не хочу ранить его. Я бы лучше съела одну из своих нагрудных мини-ракет, чем заставила бы его страдать. Но я провела свою жизнь, будучи верной самой себе. Сейчас мне трудно сказать, сам ли Альберт виной тому, что я колеблюсь в принятии его предложения… или я просто боюсь обязательств перед человеком,

любимым мною больше, чем комнату, полную потерянных душ (вот такое идиотское название придумали ученые летающим черепам). Если я выживу в своей последней миссии, и Земля будет снова спасена, хватит ли у меня воли подарить этому человеку детей? Я даже не хочу об этом думать. И все же понимаю, что, делая мне предложение, он подразумевает именно это. Для Альберта женитьба без попытки завести детей - все равно что серьезное свидание. А может быть, я боюсь просить Флая быть крестным отцом для моих детей.
Пока директор вел нас в свое потайное убежище, я снова почувствовала, что мы четверо образовали странную семью-отряд. Может быть, мы являли собой модель самой маленькой социальной ячейки будущего - но будьте уверены, у ребенка хорошие примеры для подражания!
Когда я пристально посмотрела на гигантский радиоуправляемый телескоп, его длинная труба напомнила мне пушку, совершенный символ помеси научного и военного. Вильямс стоял напротив него, ноги вместе, руки за спиной. В этот момент он походил на вояку больше, чем адмирал и полковник, стоявшие в стороне, будто в подчинении у ученого. Еще до того, как директор открыл рот, у меня возникло ощущение, что все наши личные проблемы придется отложить на второй план. Опять.
10
- Капрал Таггарт, - обратился ко мне директор. - Как вам понравилось пребывание в космосе?
Я всегда честен, если ничья жизнь не находится под угрозой.
- Я всегда хотел туда, сэр. Если вы ознакомились с моим отчетом, то знаете, что я пробыл там не в том качестве, в каком намеревался.
- Если бы военный трибунал когда-либо и допускал ошибку, то ею был ваш случай, - сказал полковник

Хукер, смотря прямо на меня. - Но плюсом военного времени является то, что становится легко обходить бумажную волокиту. Я с удовольствием вычеркнул вашу проблему, морпех!
- Спасибо, сэр.
Директор вернул нас к теме разговора.
- Я поднимаю вопрос борьбы в космосе, и тому есть причина. Мы намереваемся дать сражение у Фредов. Мы знаем, что вы и рядовая Сандерс, - он кивнул в сторону Арлин, - обладаете уникальной компетенцией в этом отношении.
Я понял, что каникулы закончились. Также мне было интересно, что, черт возьми, это такое - Фреды.
Вильямс продолжил докладывать.
- Больше года назад, еще до того как я присоединился к команде, эта установка получила последовательный сигнал из космоса. Никакой другой радиотелескоп его не брал. Поначалу люди, получившие его, думали, что это была ошибка аппаратуры или чья-то игра, шутка. Сигнал мог идти, скажем, от маленького радио, находившегося недалеко от установки, но это было не так.
Он прервался, чтобы глянуть на записи на своем планшете. Все мы слушали очень внимательно. Я готовился услышать что-то новое о враге, что-то, что ускорило бы его окончательный разгром.
- Они проанализировали сигнал, - продолжил он, - и установили, что это был узкий луч маловолновой передачи. Имелись отклонения и пробоины в сообщении. Мы сделали сложный компьютерный анализ, используя Дорнбургскую систему, лучшую спутниковую и астрономическую программу, когда-либо разработанную. К нам действительно шло сложное и четкое сообщение, которое последовательно отскакивало от семи космических тел Солнечной системы на своем пути к Земле. Когда мы устранили различные пробелы и преграждения, результатом оказалась стрела, идущая по прямой из-за пределов Солнечной системы, и это не могло быть фальшивкой. Источник сигнала должен был находиться за пределами орбиты Плутона-Харона.
Директор улыбнулся.
- Извините, если шутка покажется вам слишком профильной, но не могу не вспомнить слова Роберта Энтона Вилсона: «если мы найдем планеты за Плутоном, они должны быть названы Мики и Гуфи». Но Харон настолько мал, что его можно считать лишь луной Плутона.
Адмирал прочистил горло и начал докладывать:
- Обнаружилась неожиданная помеха в, э-э, обработке информации. Предыдущий директор решил не сообщать правительству о послании. Члены его команды также разделяли его чувства.
Вильямс продолжил нить разговора.
- Они боялись, что военно-промышленный комплекс сделает из этого огромную национальную проблему.
Арлин стояла справа от меня и шепнула мне в ухо:
- Звучит также плохо, как и голливудский индустриальный комплекс.

- Тихо, - прошипел я.
Директор продолжал.
- Ученые потратили месяц на расшифровку сигнала, но прогресс был медленным. Затем работы прекратились по одной небольшой причине: произошло вторжение.
- А! - визгнула Джилл мне в ухо, и я успокоил и ее.
Казалось, Вильямс не слышал эти саркастические ремарки, и остальное руководство как бы тоже было поражено временной глухотой, что очень меня порадовало. Я надеялся, что все будет проходить в формате «Вопрос - Ответ». Я хотел спросить о Фредах. Впрочем, Вильямс глухим не был. Он напомнил мне монахинь, которые наказывали нас, когда мы перешептывались во время уроков. Он нахмурился и принял очень серьезный вид.
- На заре вторжения мой предшественник покончил жизнь самоубийством. Он обвинял себя в том, что не передал информацию в Вашингтон. В его защиту нам стоит вспомнить, как определенные правительственные органы становились предателями и сотрудничали с Фредами.
Трудно представить, как можно продать своих собратьев за вещи, которых ты никогда не видел, о которых ты знаешь меньше, чем ничего.
Так вот оно что. Фредами они называли инопланетных повелителей, которые руководили нашими

демоническими приятелями. Меня заинтересовало происхождение этого названия.
- Я никогда не забуду предателей, - проговорил Альберт, исторгая слова из самых глубин своего страдания, которое, я надеюсь, мне никогда не доведется испытать. Директор не возражал.
Он улыбнулся и поблагодарил Альберта за его вклад. Этого было достаточно, чтобы пригласить Арлин выйти на сцену.
- Мы когда-нибудь взламывали код? - спросила она.
- Это произошло после того, как директор Вильямс вступил в должность, - ответил адмирал.
- Многие из первоначальной команды все еще здесь, - быстро вставил директор. - Они не несли ответственности за решения моего предшественника.
- И даже если бы и несли, сейчас мы не вправе позволить себе роскошь растраты наших лучших умов, - добавил Киммел.
- Мы взломали код, - сказал директор, возвращаясь к теме. - Сообщение оказалось не тем, чего мы ожидали. Инопланетное сообщение было предупреждением.
- Предупреждением? - повторила Арлин. - Вы имеете в виду, угрозой, ультиматумом?
- Нет, - мягко продолжил Вильямс. - Инопланетяне, которые отправили послание, пытались предупредить нас о надвигающейся угрозе. Понимаете? Где-то там есть дружественные инопланетяне, враги Фредов, которые предупредили нас о монстрах, что вторглись на Землю. И более того…
Можно было сказать, что это доставляло ему удовольствие, и я не мог критиковать его за эту радость. Часть его счастья исходила из открытия, что кто-то пытался помочь человеческой расе в минуту нужды. Но, думал я, если он в ближайшее время не перейдет к делу, я сменю свою оценку.
А он продолжал.
- Эти дружественные пришельцы, похоже, пытались сказать, что они - одни из тех, кто построил Врата на Фобосе; но мы не совсем уверены по этому поводу. Нам больше кажется, что они приглашали нас использовать эти Врата, чтобы телепортироваться на их базу. У нас есть код доступа. У нас есть даже номер телефона. Я имею в виду, что они выслали нам координаты телепортации. Так что следующий шаг очевиден. Мы думаем, что было бы хорошей идеей, если многоопытные морпехи доставят ответное письмо, лично.
По началу я испугался, что они оставят меня в стороне. Хоть я и морпех, вне планеты ранее не был никогда. Конечно, это не должно стать поводом, чтобы удерживать меня здесь.

Никто больше в Солнечной системе не имел опыта Флая и Арлин. Но им нужны еще два человека для миссии. И я вполне имел шансы быть одним из них.
Арлин и я решили не упоминать о моем предложении руки и сердца. Впрочем, у нас нет намерения держать это в секрете от Флая и Джилл. В этом просто нет смысла. Но я чувствовал смысл в самом предложении. Я польщен, что она носит мое кольцо вместе со своим идентификационным номером. Я лишь надеюсь, что все не закончится тем, что оно окажется на пальце ноги, вместе с номерком, который туда вешают, когда морпех умирает… и одного этого становится достаточно, чтобы его опознать.
Я никогда не мечтал побывать в космосе. Сейчас же они говорят о расставании с Солнечной системой. Не знаю, что и думать. Военное начальство, со свойственной им проницательностью, доложило, что ничего не держит меня на Земле, кроме закона тяготения.
Сразу после того, как директор Вильямс огласил, как гром среди ясного неба, новость о дружественных инопланетянах (я до сих думаю, что поверю в это, только когда увижу их) начальство сказало Джилл и мне, что им нужно обсудить с нами что-то важное и личное. Флай и Арлин еще не пришли в себя от громоподобной вести, и с ними лично решил поговорить полковник. Директор передал нас женщине, удачно именовавшейся Гриффин, которая отвела нас в маленькую комнату и приступила к поп-викторине.
- Вы понимаете сейсмографические записи?
- Они показывают землетрясения, - заговорила Джилл высоким голосом. - Вы понимаете десятичные запятые? - вернула она вопрос своим самым саркастичным тоном.
Женщина по имени Гриффин имела каменное лицо, достойное Горгоны. Она повернулась к компьютерному экрану и начала вбивать символы и числа.
- Я не хочу утомлять вас цифрами, - сказала она устало. - Сейсмографические лаборатории в Неваде и

Нью Мексико обнаружили пять толчков, которые могут быть результатами только ядерной бомбардировки. Вероятное место удара - Солт Лейк Сити.
Джилл и я посмотрели друг на друга и увидели эмоции, отраженные в наших лицах. Джил так усиленно старалась не заплакать, что я не мог остановить это. Я заплакал первым. Я думал о всех тех людях - о Джерри, Нейте, даже о президенте Совета Двенадцати. Они не могли покинуть нас! Я вспомнил двух сестер, которых, казалось, коснулась рука Бога: Бринк и Линнея. Я помогал им в изучении Книги Мормонов. Они не могли покинуть нас, не могли!
Я никогда не признавался себе в этом, но до настоящего момента нерушимым подтверждением моей веры было знание того, что Солт Лейк Сити стоит невредимым. Он выглядел как неопровержимое свидетельство руки Господней в действии. Мы были, в конце концов, Церковью Последних Святых. Центральным пунктом была наша вера, что время прямого вмешательства Бога еще не окончилось. Его рука все еще должна касаться мира, а иначе как мы могли спастись после такого холокоста.
Книга Мормонов все еще была только книгой, также как Библия или Коран или Талмуд.
Жизнь в мире настоящих демонов обостряла чувство сверхъестественного до уровня, к которому едва ли могли приблизиться Первая и Вторая «Книга Нефия», «Иакова», «Йеноса»,
«Ярома», «Омни», «Слово Мормона», «Книга Мосия», «Альмы», «Хелама», «Третья и Четвертая книги Нефия», «Книга Мормона», «Эсфиря» и «Мормони». Научные исследования были только лишним грузом для меня. События, которым мы являлись свидетелями, делали каждый священный текст, явленный роду человеческому, более актуальным для современных людей.
Но если Храм действительно был уничтожен ядерным взрывом, мне нужно серьезно переосмыслить пророчества.
Арлин выглядела ухоженной, аккуратной и по-красивому смертоносной, когда мы подходили к офису Полковника Хукера. Правило «дамы - вперед» было неуместно - я превосходил ее в звании. Мне нравилось превосходить женщину, которая была ухожена,

аккуратна и по-красивому смертоносна. Дверь уже была открыта, и полковник сидел за своим столом, когда я достиг порога. Прошло много времени с тех пор, как я колотил сосны. Я встал в проеме, протянул руку и стукнул по двери три раза, звонко и настойчиво.
Полковник Хукер мрачно поднял глаза. Один Бог знал, сколько еще нас осталось в мире.
Самое приятное в том, чтобы быть морпехом - гордость, которая основывается на вопросе, как такой ярый индивидуалист захотел служить. Когда ты морпех, ты выбираешь; и уважаемые тобой люди должны тебя выбрать, а уважение идет навстречу чести, как улица с двухсторонним движением. Жаль тех несчастных монстров, что оказались на нашем пути.
- Рад видеть вас, - объявил Хукер.
- Спасибо, сэр! - Арлин и я ответили в унисон.
Мы прошли в его офис, и он предложим нам по одной сигаре «Afuente Gran Reserva». Они были крупными. Очень жаль, что ни я, ни Арлин не курили. Он закурил один и приказал нам располагаться поудобнее.
- Я хочу быть уверен, что вы оба понимаете полноту вашей сопричастности, - сказал он. - Это миссия для четырех мужчин. Директор уже отметил вашу уникальную квалификацию. Мы должны также быть откровенными. Это не та миссия, из который мы ждем, что кто-то вернется.
Я едва заметно взглянул на Арлин. Ее лицо было бесчувственной маской. Она так выглядит, только когда держит себя под сверхчеловеческим контролем. Мне не нужны были телепатические способности, чтобы прочесть её мысли: Альберт, Альберт, Альберт.
А вот полковник, похоже, был телепат. Следующим словом, вылетевшим из его рта, было “Альберт”. Маска Арлины лопнула, и ее глаза стали очень широкими.
- Альберт - мой третий кандидат для этой миссии, - продолжил Хукер. - Я выбрал его по причине его данных перед вторжением, а также потому, что он - ветеран войны с этими треклятыми монстрами. Откровенно говоря, не думаю, что есть три других живых человека, имеющих опыт, подобный вашему.
- Вероятно, действительно нет, сэр, - согласился я.
- Если б я был суеверен, - продолжал он, - то сказал бы, что вам помогает какая-то магия.
У нас есть миссия, которая проверит эту гипотезу. Придется попотеть, но в вашем распоряжении будет

судно и команда, которые помогут долететь куда нужно.
- Вы сказали, что это операция для четырех мужчин, - напомнила Арлин. Мне нравилось, что она не обобщала: “четырех людей”, она вообще никогда не заморачивалась по таким мелочам.
- К вам присоединится еще один морпех, боевой ветеран, - сказал нам Хукер. Я был рад это услышать. - Только морпех сгодится для такого задания. Но нам было не просто найти коголибо в соответствие вам. Перед тем, как вы познакомитесь с новым человеком, у меня есть для вас подарок.
Он потянулся к ящику стола и вынул оттуда два белых конверта с нашими именами на них.
Моя очередь быть телепатом. Голос в застенках головы не напоминал о данной категории вещей уже долгое время. Мы были слишком заняты, стараясь не умереть и спасти вселенную.
Но когда я открыл конверт и увидел три сержантских шеврона, я почувствовал спокойную гордость, ощущение которой уже почти забыл. Эти три желтые полоски несли для меня куда больше смысла, чем можно вместить в словари. Арлин протянула мне символ своего поощрения, чтобы я взглянул на ее трофеи войны. Она больше не рядовой, теперь у нее была полоска: она была младшим капралом. Обе вышивки имели дизайн двух пересекающихся мечей космических морских пехотинцев.
Черт возьми, я чувствовал себя прекрасно.
11
Впрочем, я не испытал подобных же чувств, когда встретил четвертого члена нашей команды. Он был офицером! После стольких слов о нашем уникальном статусе космических морпехов, они берут и сажают нас рядом с каким-то офицером, чей опыт, по их же признанию, и близко не может сравниться с нашим. После перебора в уме каждой шутки, которую я когда-либо слышал о военной разведке, я остывал. Какой-то мудрый пожилой ветеран однажды сказал, что не все офицеры - пустоголовые. Забавно, но не могу припомнить имя этого мудрого старика.
Капитан Эстебан Идальго действительно приносил некоторые активы в миссию. Он был хорошим морпехом, с большими почестями из войны в Нью-Мексико. Это было на одной чаше весов. Большое количество боевого опыта, но главным образом против людей.
На дебетовой стороне было все остальное. Через пять минут я определил его в своей книге как ярого безмозглого поборника строгой дисциплины. Конечно, пять минут осмотра не тянут на научное исследование, но по ходу дела Идальго только укреплял сложившееся мнение.
- Вам достаточно знать обо мне только одно, - залаял он. - Я не братаюсь. Я настаиваю на беспрекословном соблюдении военной дисциплины и правил. Я требую, чтобы униформы блестели и были в отличном состоянии.
Я не мог поверить в то, что слышал. Как будто события прошедшего года взяли и испарились. Не важно, что человеческий род стоит на грани исчезновения. Важно, что у нас есть правила, которым нужно следовать. История всюду имеет примеры подобного дерьма. Когда армия начинает проигрывать, скорее всего, верховное командование поручает таким вот книжным офицерам напоминать матерым воинам, что победа - это лишь вторичная цель.
Уважение к командной структуре - вот что является священным.
Я чувствовал глаза Хукера, уставившиеся на меня, отслеживающие движение каждого мускула. Возможно, все это было проверкой. Очевидно, сражения с князьями ада были прогулкой в парке. Победа над столь грозным врагом едва ли состыкуется с такими пустяками, как хранение своей обуви блестяще отполированной. Трудно было даже представить капитана Идальго с его идеальными пуговицами на униформе в той гуще опасностей, которые мы с Арлин едва пережили на Фобосе и Деймосе.
- Я изучил ваши боевые отчеты, - сказал он. - Образцово. Это касается обоих. К слову сказать, сержант Таггарт. На Фобосе и Деймосе вы почти искупили свое неподчинение в Кифиристане.
Зачем Хукер это делает? Я хотел вырвать у Идальго его опрятные, в стиле Эррола Флинна, усы и засунуть их ему в глотку. Но я позаимствовал страничку из книги Арлин и надел на лицо бесчувственную маску, как будто был в музее. В течение этого сурового испытания Хукер тщательно меня рассматривал. Как и Арлин. Наконец, гавайский ад закончился, и нас отпустили.
Нам нужно было многое сделать перед финальным брифингом. Надо было пошелестеть с Альбертом и Джилл. Она могла бы быть частью первого этапа нашей миссии, если ей захочется.
Однако она была гражданским и к тому же ребенком, поэтому никто не собирался ей этого приказывать.

А еще я был уверен, что все мы захотим попрощаться с Кеном. И с Маллиганом.
Я настоял, чтобы мы с Арлин сделали обширный марш в поисках наших приятелей. Это могло быть лишь остатком паранойи с моих школьных дней, но я чувствовал себя лучше, разговаривая с учителями на открытом воздухе. Пальмы уж точно никто не прослушивал.
- Ну, что думаешь о нашем повышении? - спросила Арлин.
- На каждый светлый луч есть туча, - ответил я.
- Я могла буквально ощутить твое напряжение рядом с нашим новым боссом.
- Похоже, ты не особенно порадовалась за Альберта.
- Смешанные чувства, Флай. Я бы предпочла никогда его больше не увидеть, вместо того чтобы он присоединился к нам для очередной самоубийственной миссии.

- Если у Идальго есть, что сказать по этому поводу…
- Давай поговорим, Флай. Я знаю тебя так же хорошо, как себя, и считаю, что твое раздражение не совсем обосновано. Ярая приверженность правилам не делает из человека второго лейтенанта Вимса. Вспомни, Вимс как раз нарушил правила, когда приказал открыть огонь по монахам.
У нее имелся здесь пунктик. Арлин была на моей стороне с самого начала постоянно откладываемого военного суда над Капралом Флинном Таггартом.
Моя очередь:
- Не наша вина, что этот офицер - тупица.
Хоть я и исполнял приказы, офицеров я никогда не любил. И меня немного раздражало то, что Арлин так хорошо с ними уживается.
- Я скажу тебе точно, что мы будем делать, - сказала она, и могу сказать, что она придала этой мысли большое значение. - Ты слишком зацикливаешься на деталях, Флай. Мне плевать, если Идальго хочет, чтобы униформа хрустела на мне так долго, насколько это вообще возможно без угрозы для миссии. Единственное, что меня волнует - это чтобы капитан твердо знал, что делать.
- Ладная мысль, но мне понадобится еще немало времени, чтобы довести ее до разума.
Арлин мягко хихикнула.
- Знаешь, Флай, а ведь некоторые люди считают нас плохими морпехами. Для них важно только одно - исполнение устава.
- Мы видели, как этот устав помог на Фобосе.
- Точно.
- Сейчас мы вернемся. Так что давай напрямую. Ты хочешь что-то сказать о капитане Идальго?
Она нахмурилась.
- Все просто. Пока он решает, соответствуем ли мы его стандартам, мы решим, соответствует ли он нашим. Это самая серьезная война в истории человечества. На кону - выживание всего вида. Моя клятва верности в первую очередь обращена к роду человеческому.
Она идет впереди преданности морской пехоте. Мы не можем позволить себе делать ошибки. И не сделаем.
Я понял, к чему она клонит, и не верил своим ушам.
- И что будет, если Идальго не соответствует нашим стандартам?
Мы медленно шли вокруг периметра здания. Она остановилась, и ее глаза повернулись ко мне.
- Для начала мы должны достичь Врат на Фобосе. Нас нельзя было назвать величайшими космическими пилотами, когда мы перегоняли тот обувной ящик с Деймоса на Землю. Ты можешь быть самым лучшим пилотом истребителя, но космические кадеты - этом совсем другое.
Пока не ступим на нашу территорию, мы - всего лишь баласт. Вот где мы действительно познакомимся с капитаном Идальго.
- Боже, кто бы мог подумать, что настанет день, когда мы будем считать эту адскую луну нашей территорией!
Она одарила меня своим фирменным взглядом из-под изогнутой брови.
- Флай, мы ветераны Войны Фобоса-Деймоса. Всего лишь эксперты.
Она что-то утаивала от меня. Я не позволю этому разговору закончится, пока она не выложит все.
- Согласен. Так что же мы будем делать с Идальго, если выяснится, что он нам не подходит?

Все просто, - ответила она. - В этом случае его задница вылетит прямо из воздушного шлюза.

- Ты не обязана лететь на Фобос, Джилл.
Мне было приятно слышать эти слова от Кена.
- Я хочу пойти. Без меня Арлин и Флай не будут знать, что делать. С другой стороны, они не смогли бы спасти меня без тебя.
- Это правда, - сказал Флай.
Кен сидел на кровати. Он захотел увидеть нас, будучи без инвалидного кресла, но после тяжелой работы он утомился. Его лицо снова обрело здоровый кофейный цвет. Когда его только освободили, оно было бледное и болезненное. Они высвобождали его поэтапно, так что некоторое время, после того, как его цвет вернулся, на нем виднелись полоски, как у зебры.
Теперь он снова был похож на себя, если не считать кнопку и всякие провода, которые они еще не вытащили из его головы.
- Я благодарен всем вам, - сказал он. - Особенно тебе, Джилл, - добавил он, взяв мою руку.
- Но ты так молода. И ты уже пережила столько опасностей. Почему бы тебе не остаться здесь, где безопасно?
- Безопасно? - повторил Альберт.
- Я хотел сказать, безопаснее, - поправился Кен.
Арлин подняла тему, которую Альберт и я избегали:
- Перед тем, как покинуть Солт Лейн Сити, мы встречали людей, которые думали, что для Джилл будет лучше остаться там.
Кен закашлял. Кашель звучал действительно плохо. Я поднесла ему стакан воды.
- Я чувствую себя таким беспомощным, - сказал он. - Вам понадобится компьютерная помощь Джилл лишь на первом шаге миссии. Если бы только была возможность, я бы помог с расстояния.
- Ты уже приложил палец к этой проблеме, - обратился к нему Флай. - Мы не можем предвидеть всего, что может нам понадобиться. Очень жаль, что Джилл - лучший специалист в этом деле.
- Так же, как и раньше, - напомнила я всем. - Вам следует снова взять меня с собой.
- Это в наши планы не входит, - голос Арлин прозвучал, как материнский.
- Мы должны быть благодарны за время, проведенное вместе, - сказал Альберт. Он был прав. Единственными людьми с Кеном были Флай, Арлин, Альберт и я. Миссия начнется завтрашним утром.
- Если бы только у них была возможность запуска с этих островов, - пожаловался Кен. - Им следовало лучше подготовиться.
- Нужно радоваться, что у них есть хотя бы это, - возразила Арлин. - Здесь есть все, кроме кухонной раковины.
- Раковина - это то, что нам нужно, помимо того как добраться до порта Мугу, - сказал Флай. - Спасибо Кену, у нас есть окно для запуска.
- Никогда не думал, что сделаю окно, - прохрипел Кен в промежутках между кашлем. - Я всегда говорил, что когда ты производишь взлет с космического тела, хорошая идея для твоего прибытия - иметь место, куда приземлиться! Также хорошо иметь команду для управления кораблем. Первоначальный план возвращения Флая и Арлин на Фобос имеет всю элегантность хитрого изобретения Руба Голдберга.
- Я не чувствую тоски по дому, - сказала Арлин. Все засмеялись.
Кен сполна отплатил нам за его спасение от паука. Он разбирался лучше меня во многих вещах. Также я заметила, что он проявляет ко мне заботу; но не думаю, что он понимал, как сильно мне хотелось полететь с остальными.
- Имеется аварийный план? - спросил Альберт.
Кен улыбнулся.

- Он достаточно хорошо, по крайней мере для меня. Перед тем, как вы отбудете, я хочу еще немного поговорить с Джилл. У меня есть несколько предложений по поводу ее возвращения.
- Я хочу полететь на Фобос, - сказала я. Каждый раз, когда я это говорила, Арлин повторяла одно и то же слово:

- Нет.
Голос Флая прозвучал, как отцовский, когда он сказал:
- Поверь, если бы только была другая возможность, я бы никогда не стал подвергать Джилл опасности… ну, вернее сказать, большей опасности. Но она действительно нужна нам там.
- Она нужна всем, - печально прозвучал голос Кена. - Мы будем нуждаться в ней всю оставшуюся жизнь, какой бы короткой она ни была. - Он посмотрел на меня снова. - Но я согласен с тобой по поводу одной вещи.
- Какой?
- Важно драться до конца. Иногда я забываю об этом.
- После всего, через что ты прошел… - начала Арлин, но он не дал ей закончить.
- Никаких извинений, - сказал он. - Я бывал очень близок к тому, чтобы сдаться. Но потом я начинал думать об ужасных вещах, которые причинили нам эти монстры, и это разжигало во мне злобу. Мы будем биться. До тех пор, пока есть такие, как Джилл, у человеческой расы есть шанс.
Я увидела слезы в его глазах. Я собиралась сказать что-то, но внезапно забыла, что именно. Вместо этого я подошла к Кену и обняла его. Он приостановил меня и поцеловал в лоб.
- Знаете, раз уж мы тут снова вместе, есть вопрос, который я хочу задать, - вставил Флай.
- Выстреливай, - сказал Альберт.
- Скудный выбор слов для морпехов, - сказал Кен.
- Гражданский, - проговорила Арлин. Это слово прозвучало, как ругательство.
Флай произнес свой вопрос:
- Я продолжаю мучиться этой загадкой: почему тех, кто руководит монстрами, называют Фредами?
- Я знаю, я знаю, - тонко заголосила я. - Я слышала, как сержант ган гай говорил об этом.
- Мастер ган, милая, - поправила Арлин. В такие моменты манера ее голоса напоминала уже не материнскую, а учительскую.
Я закончила:
- В любом случае, этот человек сказал, что морпех по имени Армогида начал называть их Фредами, после того как посмотрел какой-то фильм ужасов.
- Интересно, что это был за фильм, - поинтересовалась Арлин.
- Может быть, нам следует начать называть наших героических молодых людей Джилл? - Кен снова вернул тему разговора ко мне. - Я не могу изменять ничье сознание, так что позвольте выразить надежду, что ваша миссия пройдет успешно.
Как я уже говорила, я ценила то, что Кен обо мне беспокоился. Только он не понимал, как важно для меня было пойти с ними. Флай обещал, что я покатаюсь на серфе.
12
Последней вещью на свете, в которой я нуждалась, был новый монстр, свежий, прямо со сборочной линии. И ради этого Флай, Альберт, Джилл, капитан Идальго и я проделали весь этот путь к материку? Ради этого мы теснились в субмарине, предназначенной для количества людей вдвое меньшего, чем на ней было? (Хотя, конечно, в сравнении с тем шаттлом, который мы построили на Деймосе, субмарина выглядела как просторные апартаменты). Я имею в виду, что была настроена столкнуться с новыми космическими ужасами лишь по возвращении вон туда, на что-то большое и черное, виднеющееся вдали. Арлин, астронавигатор и убийца монстров… Я могу работать лишь в разумных рамках! Но никто не был готов вступать в бой уже на отмелях старой доброй Калифорнии. Военный аэродром в порте Мугу находится в пяти милях южнее от Окснарда. Когда мы прошли Острова Шанель, капитан Эллисон сказал нам, что мы приблизимся к берегу - настолько близко, насколько это позволит субмарина - примерно через полчаса.
Конечно, он исчислял в военном времени. Проведя годы в униформе, я с удивлением обнаружила, что предпочитаю гражданские термины для обозначения времени, расстояний, праздников.
Поездка была без происшествий, если не считать Джилл, изводившую меня по поводу того, какой большой вклад она внесла бы в миссию, если бы мы взяли ее с собой на Фобос. Очень скоро я от нее устала и посоветовала ей подосаждать капитану Идальго. В конце концов, это его обязанность. Я подумала, что если Джилл хорошо постарается, наш офицер сам захочет выпрыгнуть в шлюз. Однако Идальго очень быстро поставил Джилл на место: он просто сказал ей, что ее вклад в миссию

закончится по прибытии на базу. Также он напомнил ей, как проблемно для Кена было разработать план ее возвращения, и она ведь не хочет его расстраивать, верно? А потом он вообще перестал ее слушать. В некотором отношении, Идальго был более опытным отцом, чем Флай. Но это, конечно, еще не доказывало, что он пригоден сделать то, за что взялся - спасти вселенную от галактических монстров. Для этого требовались умения совсем другого рода.

Я никогда раньше не была на борту субмарины. Труднее всего было справиться с запахами. Усердно стараясь перебить аромат-нескольких-мужиков-в-запертой-комнате, в результате они сотворили нечто куда более ужасное, нечто, я бы сказала, невероятное - по крайней мере, для меня.

Капитан субмарины был хорошим офицером. Эллисон был достаточно тверд и опытен в своем деле. Он почти извинялся, когда объяснял, как мы должны выбираться на берег.

- Вы шутите? - сказал Альберт.

- Доски для серфинга, - повторил капитал Эллисон. - У нас есть четыре длинных доски для взрослых и одна детск… - Он увидел свирепый взгляд Джилл и поперхнулся тем словом, которое почти сказал. -… и доска поменьше для Джилл. Она специально сделана по ее росту.

- Здорово, - смягчилась Джилл. - Все, как обещал Флай.

- Почему серферные доски? - услышала я собственный голос.

Флай пожал плечами. Он узнал об этом раньше нас с Джилл, однако это не значило, что он это одобрял.

У Идальго был готов ответ.

- Так враг не обнаружит плот или иное доказательство нашего прибытия.

Мне следовало держать рот на замке. Я сама советовала Флаю воздерживаться от суждений. Но я не смогла удержаться от того, чтобы не высказать самого очевидного:

- Не кажется ли вам, что вы относитесь к демонам, как к людям?

Капитан Идальго решил пресечь нарушение субординации.

- Вопервых, это приказ сверху, младший капрал. И мы должны его выполнить. Во-вторых, на их стороне имеются предатели человечества, если вы забыли. И они то в таких вещах

разбираются. В-третьих, другого шанса у нас не будет. В четвертых, командуете здесь не вы. Все понятно?

- Да, сэр.

Я сказала это искренне. В его словах был смысл, или даже два.

Когда мы с Джилл остались наедине - а на подлодке это сделать нелегко - она сказала:

- Ура. Мы покатаемся на серфе!

- Ты когда-нибудь это делала? - спросила я.

- Вообще-то, нет, - призналась она. - Но я провела на пляже достаточно времени и видела, как это делается.

Ну прекрасно, подумала я.

- А ты? - спросила она.

- Вообще, да. Мы только что покинули идеальное место для учебы серфингу. Гавайи. Там были отличные волны. Достаточно большие, чтобы ловить туннели.

- Что?

Это выглядело все менее и менее перспективным. Я объяснила:

- Очень большие волны создают полутуннели, внутри которых ты можешь двигаться. Ты могла видеть это в фильмах.

- Да, конечно. Но у нас не будет таких больших волн, как в Лос-Анжелесе, верно?

Она была сообразительным ребенком.

- Нет, не должно быть. Мы высадимся возле пляжа в северной части Лос-Анжелеса. В это время года нет штормов, и волны должны быть мягкими.

Джилл это не успокоило.

- Как же это, должно быть, трудно, удержаться на доске, в то время как ее гонят волны.

Тут она была права. Нам не нужно было показывать финты и выигрывать призы. Нам просто нужно было добраться до пляжа. Оборудование и провизия были в водостойких упаковках. Возможно, они будут плавать даже лучше нас. Каждый из нас был ответственен за определенные предметы, которые

были к нам прикреплены. Как ни крути, добраться до берега было относительно легким делом. Единственной проблемой было, что никто из нас не рассчитывал на появление нового монстра.
Вообще-то, намек на появление этого нового создания мы получили в наш последний день, проведенный мной и Флаем на пляже Ояху. Когда адмирал заметил одиноко плывущее облако, не было сомнений в том, что мы смотрели на облако. Позже, когда мы с Флаем заметили черный треугольник, разрезающий воду, мы, естественно, приняли его за акулий плавник. Мы уже не смотрели на небо. А если бы посмотрели, то увидели, что облако исчезло. И это заставило бы нас задуматься.
Когда подлодка приблизилась к берегу настолько близко, насколько приказал Эллисон, наша Большая Четверка собралась в свое последнее приключение. Было странно думать, что Джилл не пойдет с нами. Идальго заменит ее, когда мы достигнем корабля.
Мне не хотелось, чтобы Джилл отправлялась с нами в путешествие, что может оказаться равносильным самоубийству. С другой стороны, мне не нравилась идея оставить ее в Калифорнии, обрекая тем самым на гибель. Идальго гарантировал большому папочке Флаю и мне, что план возвращения Джилл на Гавайи был надежен. Кен же не был с этим согласен, хотя план был его. Только дураки могут раздавать подобные гарантии. План, к примеру, не принял во внимание пушистое белое облако, спускающееся к воде, пока мы гребли на наших стекловолоконных досках. На нас были плавательные костюмы, и мы покачивались на воде, дожидаясь волны. Флай был первым, кто заметил облако, спускающееся вниз и погружающееся прямо в воду. Не исчезающее в воде. Не испаряющееся в воде. “Погружающееся” - только так можно было это описать, когда цвет облака стал смутно зеленым, и оно перетекло в воду.
- Что это было, черт подери? - спросил Флай.

- Оно прямо перед нами, - заметил Идальго.
- Это что-то неестественное, - прокричал капитан субмарины из боевой башни. Он был слишком ответственным человеком, чтобы погрузиться обратно в лодку, не убедившись, что у нас все в порядке.
- Может быть, это какое-то странное погодное явление? - вполне резонно предположила Джилл.
Я могла бы в это поверить. Столько радиации и прочего дерьма, заполонившего нашу Землю-Матушку, могло привести к неожиданным сюрпризам. Но после битв с жителями ада я сделалась очень внимательной ко всему необычному. Когда я увидела акулий плавник, появившийся прямо в том месте, где облако соединилось с океаном, подозрение нашло на меня еще сильнее.
К тому моменту Идальго и Альберт поймали первую волну. Они лежали на лодках животами и помогали руками. Это я посоветовала всем проплыть весь путь до берега, не вставая.
Так на плаву останется даже новичок. Остальные воспользовались следующим колыханием воды.
Вот тогда то я и увидела три плавника, окружавших пятно, там, где облако ушло в воду.
Естественно, я подумала, что это были акулы. Вполне нормальная причина для беспокойства. Серферная доска с ее белым животом выглядела, как рыба. Гребущие руки и ноги также привлекали внимание. И было не похоже, что эти волны способны унести нашу команду прочь от опасности.
- Акула! - закричала я. Остальные начали повторять этот возглас. Мы бы так и думали, что плавники принадлежат разным особям, если бы они не начали восставать из воды. То, что появилось перед нами, было похоже на длинную черную веревку, поднимающуюся, корчась, над поверхностью. Идальго и Альберт яростно гребли в надежде сменить направление, но течение несло их прямо на эту тварь. По мере того, как гигантское создание продолжало расти, я силилась разглядеть больше деталей. Но похоже было, что монстр нес с собой туман. Мантия, окружавшая это создание, была такой же белой, как и облако.
Внутри тумана я смогла увидеть какой-то узнаваемый фрагмент. К берегу потянул легкий бриз, но туман не рассеялся. Эта дрянь держалась, как липкий хлопок; но тут открылся зазор, и я смогла увидеть больше.
Коготь. Глаз. И большое сверкающее красное отверстие на черной поверхности, которое, похоже, открывалось и закрывалось. Мог ли это быть рот? Никому из нас не хотелось знать ответа на этот страшный вопрос. Эта субстанция постоянно перемещалась. У меня заболела голова из-за попыток сфокусироваться на ней. В какой-то момент показалось, что черная поверхность имеет металлический отблеск. К тому же, она пульсировала, что присуще только живому существу. В течение всех моих попыток рассмотреть то, с чем мы сражались, туман оставался проблемой, он менял плотность, но не

уходил.
Почти все наше оружие было упаковано в водонепроницаемые упаковки, но Флай положил пушку в пластиковую сумку и застегнул ее внутрь своего костюма. Он вытащил ее с молниеносной скоростью и начал палить в это непойми-что. У него был модифицированный пистолет Рагера, заготовленный специально, на всякий случай. Когда его допускали к оружейным складам, он становился похож на ребенка в магазине конфет; Гавайи в этом отношении были лучше любого самого классного военного клуба.
Он почувствовал себя лучше после того, как выстрелял несколько снарядов. Я тоже почувствовала себя лучше. Зато ужасная необъяснимая тварь с неба не почувствовала абсолютно ничего. Флай снова продемонстрировал свои навыки, когда потребовалось. Несмотря на то, что он находился позади Альберта и Идальго, его пули не задели их. Каждый выстрел приходился в самый центр этой хаотичной массы - и, возможно, выходил с другой стороны, если данный монстр имел способность растворяться, в которую я готова была поверить. Флай сделал все свои

выстрелы лежа на животе и приподнявшись на доской. Он действительно был хорош в своем деле.
Внезапно кто-то сделал выстрел, который привнес изменения в обстановку. Звук грома сзади, свистяще-кричащий звук над нашими головами, и взрыв, который спихнул всех нас с наших досок.
У Эллисона была самая большая пушка, и он не боялся ее использовать. Снаряд ударил в самый центр этой дряни. Я не была уверена, что этого монстра можно убить, однако сообразительность капитана субмарины заставила новую угрозу исчезнуть.
Джилл буквально запищала от радости. Она замахала в сторону подлодки, но сомневаюсь, что они ее видели. Я сама ее едва видела. Мы были окружены туманом от взрыва. Так много воды превратилось в пар, что я подумала, а не попал ли снаряд в какую-то горючую точку у монстра.
Или это были остатки от липкой облачно-туманной дряни. Одно было ясно: научные анализы придется отложить.
Идальго принялся за свои обязанности:
- Каждый, отзовитесь! Дайте мне услышать вас.
- Сандерс, - выкрикнула я позади него.
- Таггарт!
- Галлатин!
- Я здесь! - завершила список Джилл.
- Имя! - настоял Идальго, попутно выкашливая воду.
- Я Джилл. Блин.
- Фамилия! - продолжал настаивать Идальго.
- Ловлэйс, - наконец уступила она.
Тем временем, солнце поднималось к утреннему небу. Мне становилось жарко в моем костюме. Подлодка была уже достаточно далеко позади нас, чтобы считать ее историей. Перед нами было будущее, туда белой пеной накатывался легкий прибой, накрывая белые пятна чаек. Я никогда не была так счастлива, видя этих птиц-падальщиков. Некоторые вещи на родной планете все еще оставались неизменны.
13
- Что это значит, “ненавидишь невесомость”? - спросила Арлин с искренним удивлением.
- То и значит, - ответил я.
- Ты мне об это никогда не говорил.
- А ты не спрашивала.
Арлин не была из тех, кого можно легко удивить. Странно, почему эта тема не всплывала раньше. Я не скрывал этого от нее намеренно. Джилл засмеялась. Маленький шпион.
- Ты не перестаешь поражать меня, Флай Таггарт, - продолжила Арлин. - А ведь мы пролетели вдвоем половину солнечной системы.
- Тут уж ты преувеличиваешь, - отметил я.
- Гипербола, - объяснила она, показывая тем самым, что английский язык был основным предметом для нее в свое время.

- Понятно, - сказал я. - На самом же деле мы всего-то сделали перелет с Земли на Марс и обратно.
- Всего-то какой-то перелетик, - добродушно вставил Альберт.
- Пожалуйста, Альберт - Арлин опустила ногу. - Это приватная беседа.
- Приватная? - повторила Джилл. - Здесь?
Под “здесь” понималась кабина DCX-2004. Мы называли ее “Бова”. Снаружи она выглядела как нос конусной формы, который кто-то вытянул и затем наставил плавники вдоль основания. Но если подойти поближе и присмотреться, как он выглядит на фоне ночного неба, то можно догадаться, что это управляющая часть корабля. В любом случае, она вмещала нас четверых, в то время как рассчитана была только на пилота и его помощника. Идальго был снаружи - осматривался. Если проснется один из князей ада, он предупредит нас. Также он оповестит нас, если появятся те, кто может управлять этой малышкой.
До этой поры план «А» шел гладко. Все мы были живы. Все мы были в том месте, где нужно. Что с того, что остальные - люди, которых мы еще не видели - опаздывали? Что с того, что они должны были быть здесь раньше нас? План «А» все еще был в силе, а поэтому к чертям план «Б».
Мы посчитали правильным позволить Джилл увидеть внутренности ее первого корабля.
Она не переставала намекать, что хочет отправиться вместе с нами. Мы не собирались лгать ей, что вес нашей команды уже рассчитан до последней унции. Грузоподъемность корабля позволяла разместить Джилл. Здесь имелась даже комната, правда, в этом случае пришлось бы тесниться еще сильнее. (Об удобстве мы уже и не думали.) Конечно, все это так и останется болтовней, если мы так и не дождемся нашего экипажа. Никто из нас не умел управлять этой бадьей.
Впрочем, факт оставался фактом: Джилл нельзя было идти в это путешествие. Все было просто.
Одной из целей показа ей интерьера корабля было то, что она воочию могла убедиться, что здесь абсолютно нет места, где можно было бы спрятаться. Время от времени я был благодарен, что плохие парни не додумались создать крошечных демонов. Здесь было мало места даже для тыкв. Человек в столь тесном помещении может не волноваться о летающих феях с мини-ракетами. И это радовало.
«Бова» была гораздо больше субмарины. Но это не означало, что здесь имелось лишнее место. Сдается мне, основной функцией корабля была перевозка резервуаров и топлива. Людям здесь можно было передвигаться лишь друг за другом. В любом случае, у Альберта был готов ответ для Джилл по поводу недостатка приватности:
- Когда компании нет поблизости, - обратился он к ней, - люди могут поливать ее дерьмом.
Никогда бы не подумал, что услышу от Альберта что-то подобное, однако затем я все понял.

Это мог быть последний раз, когда мы видели Джилл. Альберт обращался к ней, как к взрослой. Она знала, как он был религиозен. Использование им таких слов значило для нее нечто особенное. Джилл улыбнулась Альберту. Он улыбнулся ей в ответ. Они поняли друг друга.
- Смотри, Арлин, - сказал я, пытаясь свернуть нашу бессмысленную беседу. - Когда они рекламируют эти свадебные костюмы в свободном падении, у меня и в мыслях нет стать их клиентом. Даже за бесплатно я не попытался бы заняться в таком костюме любовью. На Фобосе, когда бы я ни выходил за пределы зоны искусственной гравитации, у меня было больше проблем от них, чем от импов. Если бы кто-нибудь из монстров узнал о моей слабости, это бы сослужило им дополнительным оружием. К тому же, меня не прельщает смерть от потери крови. В любом случае, это не остановит меня в сражении с этими ублюдками.
- Нет, Флай, не остановит, - сказала Арлин, касаясь моей руки. Я заметил реакцию Альберта. Она была не очень очевидна. Не думаю, что это была ревность из-за физического контакта Арлин с кем-то другим. Привязанность Альберта к ней была так велика, что он отреагировал бессознательно.
- Я никогда раньше не упоминал о невесомости, - продолжал я, более нервно, чем ожидал, - потому что не хотел давать вам повод для беспокойства.
Она переключилась с шутливого тона голоса на твердый, серьезный, каким она обращалась к товарищам.
- Я бы никогда не узнала, если б ты не сказал мне, - сказала она. - Ты настоящий воин, Флай. Твои проблемы - не мое дело до тех пор, пока ты сам не пожелаешь, чтоб они таковыми стали.
Мы сидели в тесном помещении, соизмеряя друг друга взглядами, как делали это уже много раз. Она

была милой девчонкой, эта Арлин Сандерс.
- На что это похоже? - спросила Джилл. Она думала, мы все еще обсуждаем нулевую гравитацию. Не могу винить ее в том, что она не поняла, что мы обратились к более взрослым темам.
Арлин снова активировала режим учителя.
- Ну, это как в парке развлечений, когда ты катаешься на американских горках, и при подъеме ты чувствуешь провал в глубине своего живота.
- Как при прыжке с парашютом, - Джилл опиралась на собственный опыт. - Или при падении. Вот почему это называется… как ты, Флай, это назвал?
- Свободное падение, - повторил я.
- Я бы не отказалась попробовать разок, - призналась Джилл. - Но как вы выдерживаете это…
- Целыми неделями? - помогла ей закончить Арлин.
Джилл покусывала нижнюю губу, это то, что она делала, когда усердно думала. В этот момент можно было ясно прочесть мысль на ее лице: «действительно ли я хочу полететь в космос»?
- К этому привыкаешь, - сказала ей Арлин.
- Да, - сказала Джилл, толком не смотря на нас. Как и многие гениальные люди, в некоторые моменты она думала вслух. Она смотрела на переборку, возможно, представляя себя завоевателем космоса.
- Я могу привыкнуть к чему угодно.
Затем она посмотрела на каждого из нас искоса. Сначала на Арлин, потом на Альберта, потом на меня. Постепенно она пришла в себя. Нас ждало расставание, возможно, навсегда.
- Вы не можете покинуть меня, - она прошептала это, но все мы услышали ее.
- У нас нет выбора, - ответил Альберт как можно мягче.

- Но вы говорили мне, что у людей всегда есть выбор, - Джилл обращалась к человеку, которого знала дольше всех других из взрослых. - Вы всегда говорили мне о свободе воли и права.
- Я не хочу расставаться, - сказал Альберт. - Я беспокоюсь о тебе, но тем не менее я знаю, что ты можешь о себе позаботиться.
- Я не хочу заботиться о себе, - почти кричала она. Корабль был звуконепроницаемым, так что она могла производить любой шум, не боясь разбудить демонов. Когда я увидел ее лицо, искаженное страданием, я пожелал, чтобы мы с Арлин все еще спорили по поводу нулевой гравитации. Что угодно, только бы не видеть этого.
- Вам меня не одурачить, - сказала она, обращаясь к каждому. Если бы взгляд мог убивать, мы бы сейчас забрызгали кушетки своими ошметками, словно вчерашние тыквы.
А затем она выстрелила в нас с самого мощного оружия:
- Вы не любите меня!
Это не честно. После всего, что мы сделали вместе, они хотят от меня избавиться. Я для них обуза. Они этого не признают. Они скажут, что хотят меня защитить. Готова поставить все на свете на то, что они скажут потом: Что это все для моего же блага, и они не хотят снова ввергать меня в опасности. Бла-бла-бла. Что как они могут брать меня в космос, который гораздо страшнее, чем морской монстр, который чуть не настиг нас, когда мы плыли к берегу. Да что может быть опасней, чем едва ли не быть раздавленной, как жук, спасая Кена от паука-мозга и парового демона в поезде? Или чуть ли не быть взорванной двумя ракетами, которые послал костлявый? (Бедный доктор Эйкерман называл этих тварей ревенантами. Да уж, он явно перегибал палку с этими странными именами. Как-то раз он обронил, что все эти создания от id.
Понятия не имею, что это значило.) Дело не только в опасности. Сейчас угроза повсюду. Кто сказал, что я смогу добраться до Гавай живой? Даже если все пойдет по плану, обратный путь займет недели. Мне было бы безопасней полететь в космос с ними. Но взрослые просто не хотят иметь рядом с собой детей, “особенно подростков”, так что они лгут, лгут, лгут. Они даже не представляют, как они мне нужны. После того, как мы достигли берега, мы не просто шли к ракетному полю. Я много помогала. Когда стало вероятным, что мы можем не улететь, Арлин напомнила всем о плане «Б».
Кен был прав. План «Б» был просто смешным.
Он подразумевал проникновение на одну из ракет пришельцев. Я остолбенела, когда услышала об этом. Они думают, что я была расстроена, потому что они не позволяют мне лететь с ними. И они думают, что

я глупый ребенок! Я указала им, что они не смогут остаться незамеченными в течение всего пути на Марс на таком маленьком объекте, как ракета.
Фобос и Деймос очень малы, но они куда больше ракеты пришельцев. А Флай и Арлин не смогли остаться незамеченными даже на этих марсианских лунах. Они рассказывали нам о своих приключениях так много раз, что я могла пересказать эти истории задом наперед. Если они не смогли избежать демонов на Деймосе и обращенных людей на Фобосе, они тем более не смогут остаться незамеченными на космическом судне в течение всего полета на Марс - и у Арлин хватает наглости советовать мне не беспокоиться о том, как они продержаться на этом корабле?
Похоже, она действительно считает меня настолько глупой.
Может быть, они посходили с ума, ведь даже капитан Идальго согласился со мной в том, что лететь на корабле пришельцев - глупо. Он предпочитает “лечь в одну койку с дьяволом”, то есть попытать свой шанс на одном из наших кораблей, даже если придется сесть за штурвал самим. Но теперь настал черед Флая указать на то, что без команды у них не получится даже просто поднять корабль. Он проделал уже столько невозможных вещей, что ему, наверное, было видней, как выглядит по-настоящему невозможное.

Может быть, это к лучшему, если меня не будет с ними. Если они не возьмут меня, они могут больше не беспокоиться обо мне. Остаться здесь было непросто. Остаться внутри было еще труднее. Кто взломал компьютерные системы и электронные устройства? Личность, которую я видела в отражении, была очень похожа на меня! Мы почти не сталкивались с монстрами до того, как вошли на базу. (Может быть, у них были выходные.) Один из них, находящийся внутри, похоже, спал. До этого я никогда не видела, как они спят. Я даже не знала, что они вообще могут спать. Бедные Флай и Арлин были готовы в любой момент открыть по ним огонь. Но пока никто не двигался.
Бедный Флай. Бедная Арлин.
Об Альберте я молчу. Он не такой заядлый морпех, как они. Но я никогда не думала, что Альберт когда-нибудь меня покинет. До сего момента я была уверена, что он найдет способ убедить их взять меня с собой. Как он может бросить меня? Мы ведь были вместе еще с Солт Лейк Сити. Думаю, никто из нас не рассчитывал прожить так долго.
Предполагается, что сейчас я вернусь на Гавайи. Я всегда хотела увидеть Мауи.
Мне бы хотелось, чтобы они сейчас сказали, что не любят меня больше, или что никогда меня не любили. Я никогда не хотела семьи. Отсутствие родителей не тяготило меня. Но теперь я знаю, что это такое - иметь семью. Вместе мы образовали что-то вроде нее. И я не хочу, чтобы это закончилось.
Я так сержусь на себя за то, что не знаю, чего хочу. Впрочем, они не увидят, как я плачу. Я не позволю им увидеть меня плачущей. Я знала, что все к этому придет. Это должно было стать моей работой, потому что я женщина, взрослая женщина. Флай стал настолько похож на настоящего отца для Джилл, что не может лично меня отвергнуть. Все, что он может - это испортить свою милую дочурку, сокровище для его взора.
Мне нелегко дается роль мамочки. Джилл уродилась трудным ребенком. Облегчать ситуацию было полностью против ее природы.
- Здесь мы покинем тебя, - сказала я ей, - потому что любим. Для тебя пришло время настоящих испытаний. Ты не ребенок. Ты больше не девочка. Ты доказала, что ты - одна из нас.
Мы это знаем. Но сейчас не время для поступков, свойственных маленьким детям.
- Тогда почему…
- Замолчи! - оборвала я ее. Сейчас не время и для болтовни. - Не открывай рта, пока я не закончу. Ты была права по поводу того, что не стоит и пытаться улететь на корабле пришельцев, когда есть другие варианты. Но мы не позволим тебе проникнуть вместе с нами на вражеский корабль, и мы не позволим тебе полететь с нами, потому что рано или поздно мы вступим в бой.
Он смотрела на меня с неподвижной сосредоточенностью, что означало только одно: попытку унять слезы.
- Ты можешь делать все, что захочешь, Джилл, - сказала я, пытаясь изо всех сил говорить как друг, а не как мама. - Ты женщина. Ты можешь выйти замуж, родить ребенка, взять оружие и присоединиться к другим морпехам - к тем, что на нашей стороне - и бороться с предателями.

Общество уничтожено, Джилл. И у тебя есть силы создать новое. Ты остаешься на Земле. А мы можем больше никогда ее не увидеть. Возможно, ты одна важней для человечества, чем все мы.
Но пойми: ты не можешь пойти с нами. Ты поняла?
Она смотрела мне в глаза несколько секунд. Я думала, она хочет убить меня. Затем она сказала очень медленно:
- Я поняла.
Я ей поверила.
14
При свете луны я все четко вижу, и поэтому хочу, чтобы стало темно. Если я могу их видеть, они могут видеть меня. Когда я смотрю в лицо минотавру, я вспоминаю, как умерла моя жена: одна из этих тварей убила ее. У нас была прекрасная семья. У нас были большие похороны.
То место, рядом с которым мы жили, не было еще вовлечено в войну. Ее поймали снаружи, за пределами земных владений людей. Для нее это была не-земля-госпожи-Идальго.
Мы не стали говорить нашим семьям, что собираемся развестись. Оба мы происходили из правоверных католических семей. Так мы отложили наше признание, а затем один из демонов сделал наши свадебные клятвы реальностью - ту их часть, где сказано “пока смерть не разлучит нас”. В тот момент она ненавидела меня той ненавистью, которую можно испытывать только от разбитой любви. Это становилось так невыносимо, что я не мог даже смотреть на нее.
Я стоял снаружи от DCX-2004, ожидая нашу космическую команду, и это было хорошим временем для того, чтобы быть честным с самим собой. Полковник Хукер не знал, что происходило между моей женой и мной. Я никогда не говорил ему, что какое-то время находился на грани суицида. Гордиться тут было нечем: я был на грани суицида до того, как минотавр зарезал ее; и я не был на грани суицида после этого. Все, кто присутствовал на похоронах, думали, что я испытывал горе, но это было не так; все они думали, что я посвящу остаток всей жизни мести за женщину, которую любил. Считается, что морпех должен принимать мир боли за дом родной. Мир, где нет личной проблемы, которую нельзя было бы решить, взяв винтовку M92 и внеся свой вклад для Дяди Сэма. Верно. Да. Но моя специализация - убивать врагов, которые могли бы дать сдачи. Я не был готов узнать, что моя жена сделала аборт, убила наше дитя. До этого момента я даже не представлял, как сильно она ненавидела свою судьбу, выйдя за морпеха.
Она сказала, что моя преданность Корпусу Морской Пехоты была сильнее любви к ней, и что я бы и к сыну относился точно так же.
До аборта я не знал, что у меня есть сын. После этого я посмотрел на нее с ненавистью, какой никогда не испытывал к кому-либо из врагов-людей, с ненавистью, какую чувствую лишь к этим дьяволам из космоса. В тот момент я чувствовал что-то вроде желания извиниться перед всеми моими врагами, которых убил. Я думал о том, чтобы убить ее. Я даже начал вынашивать план. Но затем пришли монстры, и наши личные проблемы на некоторое время отступили назад.
Меня не было с ней рядом, я сражался на войне, которая была важнее всех прочих войн, и она была в безопасности дома, просто ожидая большого красного минотавра, который превратит ее в лепешку с особым соусом.
Все это произошло в интересное время. Если бы она сделала аборт после вторжения и объяснила, что не может родить ребенка в этом аду на земле, я был бы в ярости, но смог бы ее простить. Но время было плохим… для нее. Я был вызван сразу же, так что меня не было рядом, чтобы понять, как сильно я отвернулся от нее.
Мысли о самоубийстве начали посещать меня, когда я был на миссии против арахнотронов. Военные умеют придумывать имена, подобные этому. Мы называли их деткипаучки. А себя мы называли “отряд Орков”. Мы проделали хорошую работу по их уничтожению.
Когда я вернулся и окончательно рассорился с женой, эта брачное поле битвы походило на отдых. Она вылила на меня балон феминистического дерьма. Я сказал ей, что она - избалованный ребенок, которого не пороли как следует в детстве. Я был в бешенстве. Ей это не понравилось.
И тут я узнал в ней такую ее сторону, которая просто поразила меня. Когда ты женат на ком-то в течение многих лет, кажется, что ты уже изучил все основные стороны характера этого человека. У меня и в мыслях не было, что она могла думать такое, но вдруг она объявила, что я всегда лизал зад

англичанам! Она обвиняла меня в том, что я не настоящий латино! И я догадываюсь, почему она считает настоящей латино саму себя.

Я никогда не задумывался о своей этнической принадлежности, даже когда рос. Я старался не уделять этому внимания. Иногда меня смешило то, как американские масс-медиа постоянно представляют проблемы городов, как противостояние белых и черных, хотя в реальности разный цвет кожи был тут не причем. Сейчас у нас новые цвета, о которых нужно беспокоиться - яркие цвета чешуи и кожи захватчиков. Дьяволов.
Конечно, я испытывал справедливую долю предубеждения. Я прибыл в Америку как нелегальный иммигрант. Я прибыл сюда не за богатством, но и вечно стоять в очередях был не намерен. Я прибыл в Америку за американской мечтой. Я встретил молодую адвокатшу, которая с сочувствием отнеслась ко мне. Ее звали Пэт Хоин, она стала моим первым другом-англичанкой.
Она посоветовала мне воспользоваться периодически объявляемой амнистией, когда “нелегалы” могут стать “легалами”. Я так и сделал.
Она думала, что я был излишне горделив. Это было правдой. Хотя я жил в Мексике, я выходил из очень гордой семьи. Мой отец был настолько убежден, что я женился на “ком-то неподходящем”, что выгнал меня из дома. Как иронично иногда строятся вещи. В конечном счете, он принял мою жену. Но как выяснилось позже, она оказалась предательницей.
В последний раз, когда я видел Риту, она спорила везде и обо всем. В этом нет ничего тривиального. После того, как она исчерпала тему моей эмоциональной несостоятельности, начались космические угрозы моему храпу. В конечном счете она провалила попытку доказать, что мой храп похож на армию зомби, шурующую сквозь старое кладбище.
Каким-то чудом у меня схоронился последний кусочек чувств к ней. Когда я потянул руку, чтобы дотронуться до нее в последний раз, она закричала, что я никогда не коснусь ее снова без разрешения.
Я в ярости отстранился от нее, оставив новые попытки примирения. Мир шел к концу, а мы не могли сделать перерыв в нашей глупой мыльной опере. Так что когда я увидел ее лицо в открытом гробу - смогли восстановить лишь верхнюю треть ее тела, но это была важная часть для любого хорошего гробовщика - я смотрел на нее с таким мрачным чувством, что ее сестра, неправильно поняв меня, взяла меня за руку и прошептала: “Все пройдет. Ты найдешь когонибудь еще, похожего на нее”.
Только спецподготовка в морской пехоте удержала меня от громкого смеха. Как велела традиция наших семей, мы менялись, целуя ее холодные губы. Это был первый раз, когда я получил удовольствие, даря ей долгий поцелуй.
Теперь я должен был вернуться на работу, спасать человеческую расу. Почему нет? Я не думаю, что мы хуже, чем этот большой, толстый минотавр, храпящий напротив меня. Дайте-ка вспомнить, Таггарт и Сандерс называют их князьями ада. Ученые на острове называют их баронами ада.
Я знаю, что это минотавр лежит передо мной. Минуточку. Я слышал, что кто-то еще называл его минотавром. Это была Джилл. Она еще ребенок. Правда, немного угрюмый, но чего еще можно ожидать, если человеку всего четырнадцать? Мне она вроде как нравится. Она до странности честная. Когда вырастет, она станет честной женщиной. Впрочем, все может быть.
Сейчас у них есть возможность распрощаться, как подобает. Если наши ребята так и не покажутся, мы, возможно, никогда не выберемся отсюда живыми. Мы попробуем улететь на вражеском корабле, однако при этом у нас ничтожный шанс выжить. Наши шансы будут малы, даже если к нам все-таки присоединится космическая команда, но, по крайней мере, здесь был бы смысл пытаться.
Если мы доберемся до Фобоса, Таггарт, Сандерс и Галлатин станут для меня головной болью. Мне бы хотелось, чтобы у меня была другая команда. У них хорошие боевые отчеты. Об этом я не беспокоюсь. Меня тревожит их треугольник. Сандерс и Галлатин без ума друг от друга.
Нужно быть слепым, чтобы этого не заметить. Загадка в том, где же здесь, черт возьми, место Таггарта. Уверен, что где-то неподалеку.

Мне не нужно этого дерьма во время миссии. Вот почему я должен вести себя, как последняя задница. Нужно постоянно нагружать их чем-то, чтобы у них не было времени на дурачество. Память о том, что произошло между мной и моей чудесной, любящей, верной женушкой, еще свежа. Уверен, что здесь все

будет лучше. Миссия - это моя проблема… наша проблема! Так должно быть. Это слишком важная вещь, чтобы позволять влюбленным морпехам примешивать к ней что-то личное. Как бы ни были малы шансы на успех, я должен гарантировать наилучшее исполнение.
Забавно. Стоило подумать об этом, и миссия продвинулась вперед. Моя бабушка верила в хорошие знаки. Впереди, освещаемые луной, обходя спящего минотавра на цыпочках, похоже, приближались наши новые ребята.
Никогда не признаюсь в этом Флаю, но в этот момент я почти заплакала. Джилл наконец перестала спорить. Она подошла и обняла меня. Затем, не говоря ни слова, она сделала то же с Флаем и Альбертом. Я была ошеломлена. Она стояла в открытом люке, спиной к нам, будто не могла решить, хочет она что-то сделать или нет. Она обернулась и сказала: “Я никогда не забуду никого из вас”. А затем она сделала самое шокирующее: Джилл отдала нам честь.
Конечно, никто из нас не ответил тем же. Все мы были роботы-морпехи. Ведь нельзя нарушать драгоценные правила. Был правила, которые указывали, кто, когда, зачем и где должен отдавать друг другу честь. Если Джилл приняла всерьез мой мимолетный комментарий по поводу присоединения к морской пехоте, она могла бы заслужить право одевать ту же униформу, что и мы, и выполнять те же ритуалы. Может быть, она бы и носила военную стрижку, если бы доказала, что она в достаточной степени мачо, чтобы заслужить это право, как это сделала я. Я.
Я не вернула ей честь. Но заставила себя сказать:
- Спасибо, Джилл. Ты настоящий герой.
В этот момент тот подвижный маленький тинэйджер вышел из моей жизни. А на ее место пришел новый персонаж. Идальго спустился по той же лестнице, по которой ушел ребенок, который получил на рождество все, что хотел. На какой-то миг я не узнала его. Впервые в жизни я видела его улыбающимся. У него было лицо человека, уверенного в миссии. Полностью.
Следом за ним шла большая команда, которая поведет эту баржу. Один Бог знает, как они добрались до сюда. Я не видела никого из них на Гавайях. Когда я спросила, где они были, мне ответили самым моим нелюбимым выражением английского языка: “Секретная информация”.
Я не настаивала. Я была бы счастлива надеть их униформу, если бы это сделало всех счастливыми. На них были совершенно новые костюмы для полетов, боевые бутсы, надувные жилеты, шлема, перчатки. Они выглядели значительно лучше, чем мы. Хотелось бы знать, почему. Явная усмешка на лице Флая напомнила мне о нашем споре по поводу удачи. Как он умудрился, пройдя сквозь все и оставшись в живых, не поверить при этом в удачу, было за пределами моего понимания. В тот момент, когда мы обнаружили всю демонскую охрану спящими, я поверила в счастливый случай словно заново. Также я собирала талисманы удачи, если находила их. Может быть, демоны потеряли бдительность, веря, что мы не станем пробираться на базу столь очевидным путем. Это значило, что мы можем выиграть войну.
Женщина, которую мы видели, внушала нам уверенность: коммандер Диан Тейлор. Она была ростом чуть меньше пяти с половиной футов, весом примерно сто фунтов, с красивыми светлокоричневыми глазами. Я чувствовала, что мы обменяли юную женщину-компьютерщика на взрослую женщину-космического пилота. Также на борту была другая женщина, младший офицер второго класса. Отныне я не была единственной девочкой среди мальчиков. Мне очень нравился тот факт, что парни из морской пехоты должны подчиняться женщине.
- Я большой любитель истории космических полетов, - обратилась коммандер Тэйлор к оставшимся членам большой четверки. - Этот корабль из последнего поколения старых DCX «Дельта Клиппер». Основные принципы остаются те же.

- И поэтому мы должны верить в него, - предложил Альберт.
- Точно, - ответил наш шкипер счастливым голосом. Она была натуральным учителем. Это могло вызвать небольшую скуку в нашем путешествии. - Топливо то же самое, что и для первых выпусков - старая добрая перекись водорода.
Я засмеялась. Она устремила ко мне взгляд из-под поднятой брови, отвечая на незаданный вопрос: “Я тоже думаю, что ее можно использовать для волос”. В ответ на смех она позволила себе лишь улыбку.
- Или мы можем заправиться гипер-водкой и сделать мартини, - предложила она. - Ну что ж, сейчас я хочу, чтобы все поняли, в чем главный риск.

- В чем? - спросил Идальго, будто что-то пропустил.
Тэйлор указала на монитор, на котором была Джилл, идущая либо в безопасное место, либо в объятья смерти. Мы могли видеть лежащие туши князей ада и паровых демонов.
- Когда мы начнем наш запуск, - сказала она, - они проснутся. И нашей главной целью жизни станет не дать им нас взорвать.
15
- Мы совершим холодный взлет, - сказала Тейлор. Было видно, что человек знал свое дело, но мне не понравилось, как она подчеркнула слово “холодный”. Когда я был ребенком, первым твердым впечатлением для меня стал рассказ по телевизору о взрыве космического шаттла “Челленджер”. Мои родители собрали документы об истории космических полетов. Корабль в то раннее утро запомнился мне в оттенках белого фарфора. “Морозное утро”, - сообщил диктор.
Они никогда не взлетали в столь холодную погоду до этого. Некоторые инженеры, как выяснилось позже, были встревожены этим оледенением. Их беспокоили какие-то провода.
Зеленый свет был тогда дан. И шаттл стартовал… в вечность.
Меня интересовало, что еще было на уме у нашего командера, кроме как вести этот тугой корабль. Она сказала:
- Обычно мы уделяем на разогрев “Бовы” полчаса. Холодный же запуск означает, что мы стартуем сразу, наводняя двигатели жидким кислородом. Риск в том, что этот самый кислород может забить проходные пути с большой скоростью, и они сломаются. Хорошая же сторона этого предприятия - корабль будет готов к запуску за десять минут. Мы находимся в стадии пускового окна. Погода на нашей стороне. Враги еще спят.
- Вы говорили, запуск корабля разбудит их, - сказал я.
- Верно, Таггарт, и поэтому у нас на подготовку только десять минут вместо тридцати. Эти уродцы, там, внизу, начнут разбираться, в чем дело. Надеюсь, они такие же пустоголовые, какими выглядят.
- А ведь точно, коммандер Тейлор, - изумилась Арлин, будто на нее снизошло озарение. - Они могут подумать, что это их ребята сидят в “Бове”.
- Конечно, - согласился Стив Райли, заходя в наш двигательный отсек. Он был радарным перехватчиком. Конечно, они со старшим офицером уже продумали все эти тонкости заранее, прежде чем присоединиться к нашей беседе. И они считают нас тупицами.
У Райли были опрятные маленькие усы, такие же как у Идальго. Они слегка задергались, когда он начал красочно декламировать:
- Когда до них дойдет, что это вовсе не запланированный полет их друзей, наши двигатели уже превратят их в гренки. Однако за тридцать минут даже манекены сообразят, что происходит.
- И поэтому мы их не дадим, - подытожила Тэйлор.
- Можно было бы поставить снайпера у люка, на тот случай, если они догадаются, - сказал Альберт.
- Слишком опасно, - возразил шкипер. - Они могут открыть ответный огонь.
- Мы сидим на бочке с фейрверками, - вставил я. Внезапно мне стало очень радостно оттого, что Джилл не было с нами.
- У нас есть также другая проблема. - Тэйлор щедро делилась с нами своими опасениями - признак хорошего лидера. - Помимо решения о том, что тридцать минут для прогрева - это непозволительная роскошь, я также решила не использовать стартовый грузовик.
- Что это? - спросил Альберт.
- Возможно, вы видели его, когда прокрадывались сюда. У него такой большой разъем, который корабль может использовать для зарядки при старте. Также вы, возможно, заметили, что один из кибердемонов использует его практически как подушку.
- Мы называем их паровыми демонами, - кинула Арлин мимоходом. (Она, наверное, не знала, что мне известно такое слово как “мимоходом”).
- Мне нравится это название, - сказала Тэйлор. - Но как бы вы его не называли, я предпочитаю, чтобы они оставались спящими.
- Так как же мы сможем взлететь? - спросила Арлин, обмениваясь взглядами со мной, “специалистом” по космическим кораблям.

Многозначительными взглядами обменялись также Райли и Тэйлор, взглядами, какими и должны обмениваться пилот и второй пилот, взглядами в духе “как, черт возьми, будем взлетать в этот раз?”.
- Мы может взлететь за счет нашего аккумулятора, - сказал лейтенант Райли.
- Я не ученый, - сказал Альберт, и в какой-то момент я понял, что это наш мрачный мормон попытался пошутить. - Но разве это не разрядит его?
- Разрядит, - сказала Тейлор, - но не до гибельной точки.

Было забавно, как слово “гибель”
******
периодически всплывало в любых беседах.

- Это будет, как на субмарине, - сказал Райли.
Значит это не будет сложно.
- Стартуем тихо и основательно! - поймала мысль Арлин.
- Да, - сказала Тейлор. - Мы будем использовать минимум электроники на корабле.
Никаких радиопереговоров, радаров и микроволновок. Придется поедать свои армейские порции в холодном виде.
- Что будет со светом? - спросил Альберт.
- У нас есть хорошие фонари на мощных батареях, - ответила Тейлор счастливым голосом.
Это не звучало так уж плохо. Я вспомнил перелет с Земли на Марс, когда меня везли в суд.
Поездка длилась около недели. Так что с того, если в этот раз большую часть пути мы проведем в темноте? Можно воспринимать эту поездку, как продолжение нашего гавайского отпуска. Не ничего дурного в том, чтобы отдохнуть перед вхождением во врата на Фобосе. Один Бог знает, с чем мы столкнемся в этот раз.
И один Бог знает, переживем ли мы взлет. Состав экипажа был минимальным, но, учитывая наши цели, оно было только к лучшему. К тому же, так нам всем хватит кушеток антиускорения. “Бова” имела именно такие размеры, какие нужно. Помимо шкипера и второго пилота, с нами также были главный старшина Роберт Эдвард Ли Куртис и старшина второго класса Дженифер Стивен. Несмотря на различие в специализациях, мы чувствовали друг в друге товарищей. У нас были одинаковые ранги. Было только три постоянных члена экипажа.
Арлин и я возвращаемся в космос, а ведь я бы никогда не поверил, что добровольно прибуду на Фобос снова. Я прикидывал, каковы шансы пройти Деймос на пути к Марсу теперь, когда Деймос стал новым спутником Земли. Это не наша вина! Мы не стягивали его с марсианской орбиты. Мы лишь использовали его как место вылета. Близилось начало обратного отсчета - как назвать обратный отсчет до обратного отсчета? - и я начал беспокоиться. Я винил в своем беспокойстве свой живот. Большая часть моего тела уже примирилась с нулевой гравитацией, но вот живот всегда упрямился. Когда я наконец согласился со словами Арлин, я начал рассказывать их своему животу.
Один из членов нашей команды, Кристофер Олен Рей, летел в космос впервые, и остальные ребята запугивали “старого доброго Криса” по этому поводу. Ему был едва старше двадцати. Его беспокоили перегрузки при взлете. Впервые хоть что-то, о чем можно написать домой. Однако, на мой взгляд, этот этап не будет долгим. А вот невесомость будет длиться и длиться, пока не включится центробежная сила, которой, благодаря деньгам какого-то богатого парня, снабжен наш революционный шаттл. Если это случится, я рискую начать хорошо думать об “Объединенной Аэрокосмической Корпорации”. В конце концов, пожелали же они потратить на это часть своих грязных денег. К лучшему это было или к худшему, но коммандер Тейлор дала приказ о взлете через десять минут, которые будут подобны вечности. Старая бадья издавала много шума, когда начала заводиться. С моей удобной позы на кушетке был прекрасный вид на монитор. Я увидел, как огромный уродливый ублюдок, лежащий прямо около корабля, просыпается. Черт возьми, даже я бы проснулся от такого сильного шума. Князья ада были настолько велики, что м не показалось захватывающим то, как эта тварь борется с земной

гравитацией, к которой мы, маленькие люди, так привычны. Тяжеленный минотавр споткнулся, когда вставал, как будто у него было похмелье. Я засмеялся. Демоны, несущие погибель, поднимали мне

настроение.
Коммандер Тейлор убедилась, что “все ее детишки” надежно пристегнуты. Один из этих “детишек” чувствовал себя просто таки зажатым ремнями безопасности. Затем корабль начал дрожать, словно оживая, топливо побежало по его венам. Эта вибрация трясла меня до мозга костей.
Вдруг раздался рев - непонятно, из корабля ли, или из динамиков, которые принимали звуки от наших приятелей снаружи. Они были рассержены? Или они жаловались: “Не рановато ли?” (Было уже за полночь.) После всего пережитого я так и не научился различать, когда эти создания были счастливы, а когда - печальны. Рев - он и есть рев.
Наши сиденья располагались кругом, но мы ничего не сможем сделать, если отряд монстров решит что-нибудь предпринять. По милости этих пилотов мы, морпехи, оказались привязанными к своим кушеткам. Мне не нравилась эта игра в легкую добычу, но я понимал, что единственное, что мы можем сейчас сделать - это оставаться на вершине этой гигантской бомбы.
На экране большой паук-мозг переступил через принца ада. Мне это не нравилось. Если теория Эйкермана о радиосигнальном интеллекте была верной, это не меняло факта, что пауки были “умными тварями”… и прямо сейчас мы нуждались во всей тупизне, на которую наши враги были способны.
Время все еще было на нашей стороне. Но нам нельзя было больше ждать. Я слышал, как Тэйлор и Райли читали технологическую карту. Они говорили очень уверенно, и это давало ощущение, что мы находимся в надежных руках. Я не хотел умирать из-за чьей-либо небрежности. Тихий голос в застенках головы зашептал, что у меня в венах бежит кровь викинга, потому что я скорее умру от топора в брюхе, чем из-за того, что кто-то нажал на неправильный выключатель.
Когда я услышал ровный голос второго пилота, сообщающего: “Осталось три минуты”, ситуация показалась мне весьма благоприятной. Эти ребята знали свое дело, все шло нормально.
Перед запуском они наденут кислородные маски, и я не смогу слышать их. Пассажирские места, к которым мы были привязаны, не было нужды оборудовать кислородными масками, зато там имелись запасные кислородные резервуары, на случай, если корабль начнет терять давление. Я не мог оторвать глаз от монитора, на котором большая ползучая тварь семенила вокруг, вроде как разбираясь с причиной запуска. Вот почему я был так счастлив услышать голос Райли: “Осталось две минуты”.
- Как дела? - спросил главный старшина Куртис.
- Хорошо, ответил я. Многого я видеть не мог. Если бы повернул голову по по-настоящему неудобным углом, я мог встретиться с ногами Арлин.
- Мы готовы поднимать якорь, - отозвался он.
- Осталась одна минута, - оповестил второй пилот. Я готов был поверить, что мы, наконец, оторвемся от земли. Монитор показывал, как вернулся паук-мозг и начал расталкивать минотавра. Паровой демон лежал поблизости.
Селектор разродился треском вперемешку с визгом - возможно, это какой-то код пришельцев. Это вызвало у меня головную боль еще до того, как “Бова” устремилась к звездам.
Самым прекрасным моментом было наблюдать, как паук-мозг мечется в оранжевом пламени корабля.
Отряд демонов перестал беспокоить нас с той же скоростью, с какой коммандер нажала на кнопку. Но теперь неприятности доставляли два других монстра: гравитация и давление. Я чувствовал, как они сели на мою грудь. Я был избалован легкими стартами с Марса. Преодоление виртуальных гравитаций Фобоса и Деймоса вообще не в счет. Я забыл, насколько тяжелее было освобождаться от гравитации нашего старого грязного шара.

Было больно. Я должен переучивать себя полетам. От давления у меня появилась мать всех головных болей. Когда я пытался сфокусироваться на чем-то, зрение плыло. Вибрация была снаружи и изнутри головы. Закрыв глаза, я поблагодарил сестер моей католической школой за то, что они послали нам Тэйлор и Райли.
Мы могли наблюдать себя в мониторах. Я бы предпочел иллюминатор. Но чистота изображения экранов заслуженно носила эпитет из документации: “кристальная ясность”.
При взлете казалось, будто мы устремляемся в бесконечность ночи. Привязанный к своей кушетке, я мог определить, что “Бова” покидает атмосферу, только за счет того, что звезды прекратили мерцать. Они были похожи на спокойные, белые глазки, рассыпанные по черному бархату космоса. Арлин и

подумать не могла, что в моей душе было место для поэзии, потому что я никогда не говорил с ней таким вот образом. Прежде всего она была англичанкой. Я прощал ее за это. Что еще я мог сделать? Она расценивала меня как главного шефа в нашем отделе.

Лучший способ прикрыть свою задницу состоял в том, чтобы держать поэтические чувства при себе.

Хорошо, что можно было думать о чем-то другом, помимо физического напряжения от взлета. Ускорители - ускоряли. Все тряслось, гремело и каталось. Я думал о том, как же много работы командующий и ее радарный офицер должны делать, обходясь без наземной поддержки.

Не было никого, кому можно было бы позвонить по телефону и спросить о плане полета. Мы были сами за себя. Маленький голосок в застенках мозга выбрал момент, чтобы поднять эту раздражающую тему: что, если плохие парни собьют нас в воздухе? Ни в одной из наших бесед никто не рассматривал эту возможность. Во всяком случае, вслух. Ну что ж, пока я был занят этой мыслью, я мог не волноваться, что пойдет дождь.

Старые ремни-крепления вызывали боль в глубине челюсти. Прекрасно, может быть, я смогу найти демона-дантиста! Тряска начинала меня доставать. Умом я понимал, что корабль был в норме. Требовалось много энергии, чтобы выкарабкаться из зоны гравитации. Однако чувства твердили мне, что все мы скоро вылетим в космос в виде миллиона кусочков.

Мои мысли вновь стали поэтическими. А затем все закончилось. Хорошая часть закончилась. Вибрация прекратилась. Я заметил, что потею, словно мизинцы после пятидесяти отжиманий. Затем весь тот вес, с которым я так боролся, просто исчез. Свободное падение.

Нулевая гравитация. И нулевая переносимость нулевой гравитации. Мой живот начал медленные кувырки, в то время как сам я был неподвижен.

Подготовка морпехотинца снова пришла на помощь! Я намерено не ел перед началом игры в космического кадета. Собрав волю в кулак, я мог перенести суровость космоса в течение недели, пока мы не достигнем Марса.

Затем голос командующей Тейлор огласил нашу судьбу. Я услышал это четко и ясно. Она не использовала селекторную связь. Это было той роскошью, от которой мы отказались в пользу этого корабля. Но у нее был громкий голос, и все было открыто, так что кильки в банке не были одиноки. Ее слова пронеслись по всему кораблю:

- Мы сделали это, мальчики. Теперь слушайте вот что. Полет до Марса будет длиться не дольше полтора месяцев.

16

Я размышляла, какая звезда на небе - их корабль. Я могла не увидеть их отсюда, прячась за старым мусорным контейнером и наблюдая за игрой монстров. Их игра была худшей вещью, какую я когда-либо видела. Флай был бы особенно рассержен, если бы узнал, что я уже отклонилась от плана своего возвращения, составленного Кеном. Он бы сказал: “Джилл, как ты могла быть такой дурой? Каждая минута важна, когда действуешь по расписанию. Вот почему это зовется планом, глупая ты сука”.

Нет, он бы не назвал меня сукой. Но мне нравилось думать, что назвал бы. Мне нравилось думать, что я достала его достаточно, чтобы он начал называть обзывать меня. Я называла себя глупой сукой потому, что хотела увидеть, как взлетает корабль. А затем пошла неправильным путем.

У меня было хорошее оправдание, чтобы идти этим неверным маршрутом. Монстры всполошились, когда поняли, что “Бова” не должна была взлетать. Паук, которого поджарили турбинным пламенем, видимо, был кем-то важным, потому что появилось несколько других пауков и начали убивать всех минотавров в поле зрения. Они также пытались убить парового демона, но этот был слишком быстрым для них. Никогда не думала, что нечто столь огромное может бегать так быстро.

Пока монстры были заняты, убивая друг друга, у меня появилась возможность убежать.

Все было бы прекрасно, если бы я пошла в верном направлении. Частью плана было то, что пилоты оставили запасы для меня по маршруту возвращения. Кен планировал, что мой первый шаг будет в точности совпадать с их последним. Впрочем, когда я обнаружила себя на конвенции костлявых и пожирателей огня, я поняла, что совершила ошибку. Они меня не замечали; зато я могла видеть их так же ясно, как днем. Мне хотелось, чтобы зашла луна, тогда бы я спряталась лучше!

Некоторые монстры сражались между собой, но у костлявых и пожирателей огня был союз. Этого нельзя было сказать о демоне, оказавшемся между ними, он был толстым и розовым, Арлин любила

называть их «пинки». Я не могла испытывать сочувствия к этой твари. Костлявые - доктор Эйкерман называл их «ревенантами» - стояли полукругом. Пожиратели огня, также известные под чертовски странным именем «арчвайлы», были на другой стороне, замыкая круг.
Между ними сверкал костер.
Пожиратели огня могли контролировать их огонь лучше, чем я думала. Они посылали тонкие линии пламени, которые жгли пинки задницу. Тот визжал. Флай всегда говорил, что эти розовые ассоциировались у него со свиньями.
Пинки перепрыгнул через костер и помчался прямо на костлявых. Те издали звук, напоминающий одновременно грохот костей и удушливый смех. Они не хотели портить себе развлечение, используя ракеты. Было похоже, будто они научились этому у уличных хулиганов: они били и кололи свою жертву палками. У одного из них были настоящие вилы, которые он, вероятно, взял на ферме. Когда пинки развернулся, чтобы убежать от своих мучителей, костлявый ткнул его своими вилами в задницу. Если бы это не было так больно, я бы рассмеялась. Но не было ничего забавного в том, как пинки в конечном счете упал в костер, на котором с хрипом и визгами умер. Мне стало интересно, будут ли костлявые и пожиратели огня его есть.
Мне стало интересно, едят ли они вообще.
Пока они толпились вокруг жареной свиньи, я уползала прочь. Если у меня получится вернуться той же дорогой на базу, огибая периметр, я, возможно, смогу и дальше следовать тому плану, который Кен для меня разработал. Если хотя бы часть того, во что верил Альберт, была правдой, и Бог действительно смотрел на нас, моей единственной молитвой было вернуться на след. Если монстры и выпустят мне кишки, то пусть это случится, когда я буду делать то, что задумала.

Когда Арлин зачитывала мне большую лекцию о взрослении и становлении ответственной, она ничего не сказала такого, к чему я уже не пришла сама. Я могла бы сказать все об этом даже лучше, чем она.
Взросление означало преодоление страхов. Той далекой ночью, когда Арлин и Альберт отправились в супермаркет в Зомбилэнде в поиске гнилых лимонов и лаймов, у нас с Флаем состоялась беседа. Он спросил меня, что бы я пожелала делать на войне. Он хотел знать, стала бы я пытать врагов, даже если врагами окажутся люди.
Я никогда не переставала думать об этом его вопросе. Когда я ослушалась приказов на самолете и отказалась лететь на Гавайи без Флая и Арлин - это был признак взросления. Я бы не оставила своих друзей. Этим все сказано. На “Бове” я чувствовала, что они отпускают меня.
Арлин было легче сказать, что она не хочет брать меня с собой, потому что я не подготовлена к этому, чем признаться, что она любит меня.
Флай и Арлин просто не знали, как говорить кому-то о своей любви. Альберт знал. И я тоже этому научилась. Но я была готова поставить все боеприпасы на планете на то, что Флай и Арлин никогда не научатся. Но это не имело значения. Я любила их. Даже теперь, когда они улетели, я не забуду их. Я смотрела на ночное небо, гадая, какая из звездочек - их корабль. Я пообещала им, что меня не убьют раньше, чем я вернусь к намеченному плану. Я буду хорошим солдатом. Так будет до тех пор, пока не появится необходимость делать действительно необычные вещи.

17

- И снова на Фобосе мы, где зомби были людьми!
- Что ты делаешь, черт возьми? - возмутилась Арлин.
- Пою, - ответил я.
- Это не пение, - возразила она.
- Это патентованный Крик Души Флая Таггарта, - сказал я.
- Нет, это пение, - сказал Альберт, отважившись на риск, на который не пошли бы даже ангелы.
- Ты уверен, что это было мудрое решение? - спросила Арлин своего будущего жениха.
- Не очень, - рассудительно согласился он. - Но я признаю, что эту песню Флай придумал сам. Он создал зомби-версию “И снова в седлах мы”.
- Спасибо, Альберт, - сказал я. - Когда я предлагал тебе присоединиться к нашей великолепной четверке, я знал, что выбираю человека с утонченным вкусом.
- А мне наше маленькое приключение в Солт Лейк Сити вспоминается совсем не так, - поправила меня

Арлин.
На это у меня был идеальный ответ:
- И снова на Фобосе мы…
- Остановись, Флинн Таггарт, - проговорила он, кладя руки на уши. - Мы еще даже не на Фобосе. Не мог бы ты немного подождать и петь там, и желательно без шлема?
- Тебе меня не одурачить.
Я был тверд. Кроме того, я уже прождал почти полтора месяца - это было гораздо дольше, чем я изначально планировал провести в этой ржавой кастрюле. Причиной тому была слабая подача топлива (спасибо пришельцам), а также маршрут, нами избранный, который сделал обычную однонедельную прогулку до Марса в шесть раз дольше. Все это и сподвигло меня к пению.
- Мы не оставляли руин на Фобосе, в отличие от Деймоса. Там все еще может быть воздух в герметизированных зонах.
- А также пинки, колючие, призраки…
- И куропатки на грушевом дереве. - Я не позволил ей сменить тему. - Фишка в том, что если там есть воздух, я смогу петь.
- И это можно будет использовать вместо оружия, - наконец согласилась Арлин.
- У нас есть хоть какие-то мысли по поводу того, какая ситуация сейчас на Фобосе? - спросил Альберт, внезапно став очень серьезным.
- Нет, - сказал я, готовый отложить свое очередное выступление. - Но что бы там не было, это интереснее, чем очередная секунда в этом…
Я остановился, подбирая подходящее слово.
- Китовом брюхе, - Арлин закончила за меня. Благодаря мне она знакомилась с Библией.
- Я готовлюсь к битве, - признался Альберт, почти печально.
Я окинул взглядом нашу секцию этого роскошного космического крейсера и остановил взгляд на остатках моей шоколадной плитки. Я уже съел часть таких плиток, начиненных вкуснейшими орехами.
- Знаю, что ты чувствуешь, морпех, - сказал я Альберту.
- Все мы начинаем беспокоиться. В этом может заключаться секрет подготовки воина к заданиию. На поле битвы он будет готов убивать все живое.
- Ага, своим пением, - дополнила Арлин. Я нашел новую ахиллесову пяту у своей подруги: поющий я. Может быть, она была права. Я представил себе тыкву, убивающую себя об стену, лишь бы не слушать мой перформанс. А армия импов подрывается на бочке жижи, избавив себя тем самым от мук выслушивания второго куплета. Да, что-то в этом было. Однако я не смог

углубиться в эти мысли, потому что наш бесстрашный лидер избрал этот момент, чтобы присоединиться к нам. Все морпехи проснулись в автобусе. Вот какая у меня возникла ассоциация: автобус.
Тихий голосок в задней части моей головы мог бы стать настоящей болью, окажись он в другой части тела. Я вспомнил одну ситуацию времен высшей школы, странно похожую на эту: нас было трое, и все мы были разбужены, сидя на задних рядах автобуса для музыкантов - я был в группе, играл на кларнете. Мне нравилась одна девочка, которой, так получилось, нравился мой друг. Ее звали Ноэль; его звали Рон. Страшный лентяй. Мы втроем вели приятную беседу, когда наш преподаватель внезапно зашел в задний отсек автобуса. Старик Кроудер. Мы называли его Моллюском Кроудером, потому что он был похож на то, что вытягивают из раковины вместо жемчуга. Он только хотел удостовериться, что у нас не было ничего, что противоречило правилам. Темнота космического корабля, смех троих друзей, прибытие парня с книгой устава - этого для меня было достаточно, чтобы иметь предубеждения к капитану Идальго. Настало время расставить все по местам.
Больше не было мира больших футбольных игр. Теперь свиная шкура покрывала лишь уродливых пинки-демонов, которые не нуждаются в книжке с правилами, чтобы испортить дневное веселье.
Я не мог перестать думать об Арлин и капитане Идальго, о том, что она шрозила избавиться от него, если он встанет на пути выполнения миссии. Я никогда не слышал, чтобы она говорила так раньше. Я узнал, насколько она может быть смелой, при первой же нашей встрече.
Тогда она поспорила с Ганни Гофортом, чтобы доказать, что она в достаточной степени “мужчина”,

чтобы носить свою стрижку. Я узнал, насколько она может быть умной, на Фобосе.
Тогда она оставила свои инициалы на стене для меня, а-ля Арне Сакнуссен из “Путешествия к центру Земли”. Так что я знал, за кем иду.
Соединив в человеке ум и смелость, можно получить и патриота, и предателя. Я достаточно изучил историю, чтобы понимать, как трудно бывает иногда различить эти понятия.
Когда твой мир стоит у стены, иногда приходится принимать жесткие решения. Выбор должен быть приоритетным. Пусть и неприятным.
Даже если Идальго окажется придирчивым пустоголовым болваном, он все еще наш командир. Какой бы шанс на успех у нас ни был, миссия лежит на его плечах. Вот факторы, которые сдерживали наш с Арлин динамичный дуэт. Я хотел, чтобы Идальго оказался хорошим парнем. Я не хотел иметь с ним проблем. Я желал, чтобы он оказался человеком, которому я мог бы доверять, компетентным человеком.
Когда я сел, прислонившись спиной к стене, и посмотрел на профиль капитана, дружелюбно разговаривающего с Арлин, мне стало интересно, что бы он сделал, если бы понял, какие у нее мысли по поводу него. Может быть, он пожал бы плечами и вернулся бы к делам.
Человеку, хорошо делающему свою работу, не нужно беспокоиться о тыле, если только там нет предателей. Под его командованием таких не было.
- Нам известно, какие Врата нужно использовать? - спросил Альберт у Идальго.
Я почти ответил. Но нельзя - цепи устава.
Ответил Идальго:
- Если ты помнишь, директор дал нам код доступа и координаты телепортации для определенных Врат.
Он улыбнулся нам с Арлин.
- Вам, героям, предстоит разработать для нас самый лучший маршрут к этим самым Вратам, когда мы приземлимся. Коммандер Тейлор доставит нас так близко, как это почеловечески возможно.

На короткий миг я подумал было, что он называет нас героями с сарказмом. В такие моменты, как этот, у нас с Арлин включалась телепатия. Та же мысль мерцала и в ее глазах. В следующую секунду чувство прошло, - у меня, во всяком случае. Идальго говорил искренне, от всего сердца.
- Вы, парни, - сказал он, и Арлин это пришлось по душе, - ценный груз на “Бове”. - Точно так же мы обращались с Джилл на пути в ЛосАнджелес - как к кейсу особого назначения.
- Когда мы прилетим на Фобос, мне понадобятся все сведения, которые вы сможете предоставить.
- Условия изменились, - сказала Арлин.
- Да. Или они могли остаться теми же с момента вашего ухода. Какими бы они ни были, вы знакомы с ситуацией лучше, чем кто-либо из живых людей.
Я был рад, что Арлин принимала участие в дискуссии.
- Перед вашим визитом мы спорили, остался ли еще воздух на разных уровнях.
- Независимо от этого, на нас будут космические скафандры, - ответил Идальго. - Даже если все пойдет по плану, мы не имеем никакого представления, что нас ждет на другой стороне.
- Это миссия веры, - отметил Альберт, и никто не возразил. - Мы должны уверить себя, что находящиеся на той стороне не станут нас убивать. Мы можем только запасти побольше воздуха.
Если мы обнаружим себя под давлением, нам следует приберечь наши запасы воздуха для той стороны Врат.
- Мы будем под давлением, даже если там будет воздух, - пошутила Арлин, напоминая нам про демонов.
- Может быть, и нет, - сказал Альберт. - Демоны могли оставить базу Фобоса.
- Не хочу рушить твоих иллюзий, Альберт, - сказал я. - Но я удивлен, что Арлин не напоминала тебе вот о чем. Независимо от того, что берешь с собой, на другую сторону Врат ты выйдешь голым. Таким образом, ты чертовски прав по поводу веры в доброту инопланетян, находящихся с той стороны.
- Ты прав, - сказала Арлин. - Так было с нами. Но мы останемся в дураках, если не подготовимся. Вдруг обнаружится, что проход сквозь врата не обязательно подразумевает стриптиз?
Моя подруга говорила дельные вещи.
- До сего момента нам улыбалась удача, - сказал Идальго. - Мы знаем, что враг имеет корабли, идущие обратно и дальше между Фобосом и Землей. “Бова” использует систему TACAN, которая дает сигнал,

оповещающий пилотов о препятствиях и о дистанции. Может быть, у нас урезан бюджет по части использования энергии, однако мы летим не вслепую.
Я ненавидел летать вслепую.
- Они используют Деймос для чегонибудь? - спросила Арлин.
- Насколько известно директору и его команде, нет. Вы вдвоем так основательно там все порушили, что они, наверное, все там побросали.
- Молодцы, ребята, - сказал Альберт. Конечно, он смотрел на Арлин, а не на меня.
- Все это время нам везло - мы не столкнулись с врагом, но космос велик, не так ли?
То, как Идальго это сказал, заставило меня заподозрить, что он пытается шутить.
И тут он пошутил!
- Вы знаете, лейтенант Райли рассказал мне анекдот, - начал он. Я заметил, что он был в весьма дружеских отношениях с радарным офицером, но почему бы и нет? Одинаковый ранг сближает, особенно между разными службами. Нечто похожее было у меня с Дженифер, старшиной второго класса. Я редко называл ее по фамилии.
Какова бы ни была причина, было приятно видеть в Идальго человека, даже несмотря на такие вот шутки:

- Как вы думаете, в чем разница между атакой и обороной адских демонов? Сдаетесь? Вы не найдете разницы, потому что даже когда мы гоним их пинками под зад, они все еще остаются захватчиками.
Дисциплина обязывала. Я заставил себя засмеяться. За этот вид службы должны существовать отдельные медали. После того, как Идальго пошутил, он оставил нас одних. Я был целиком настроен возобновить свою песню, полагая, что после таких шуток запросы публики сбавятся.
Но Арлин меня опередила.
- Альберт, - сказала она быстро, - ты нашел какие-нибудь хорошие книги в коробке флота?
- В большинстве своем там старые книги, - сказал он. - Одну из них я прочитал дважды - “Бюрократия” Людвига фон Мизеса. Он писал о той свободе, угрозу которой представляли лишь другие люди. Ему принадлежат слова о том, что капитализм - это хорошо, потому что он “автоматически определяет ценность каждого индивидуума по тому, какую услугу тот способен оказать своему товарищу”.
- Недруг социализма, да? - спросила Арлин. Альберт не расслышал игривости в ее голосе.
И поэтому дал прямой ответ:
- Книга была написана во времена Второй Мировой. Автор использует Гитлера и Сталина как создателей двух образцовых моделей социализма в действии.
Арлин была знакома с предметом:
- Они, может быть, и не убили столько же людей, сколько демоны, но вовсе не потому, что не пытались.
Я добавил.
- На гавайской базе я подслушал разговор двух женщин-лаборантов. По их словам, то, что случилось, пойдет только на пользу роду человеческому, потому что истребление миллиардов людей заставит оставшихся в живых бросить свой мелочный эгоизм и объединиться для общественной пользы.
- О Боже! - возмутилась Арлин.
Я заметил, что Альберт при этом даже глазом не моргнул.
- Люди сражаются за разные вещи, - сказал Альберт, пожав плечами. - Мы за одно, они за другое.
- Тоже верно, - согласился я.
- Предлагаю тост, - сказала Арлин. - Жаль только, в стаканах вода.
- У меня кое-что есть, - сказал Альберт. Пока он тянулся в сторону своего тайника (Пол дал ему немного хороших вещей), Арлин перелетела через свою кровать и начала доставать из ящика книги, которые прочитала. Она всегда чувствовала себя очень по-свойски, маневрируя в свободном падении. Я остался лежать.
Когда она вернулась, я признался:
- Жаль, что у них больше нет тех магнитных ботинок, а то могли бы приберечь пару для меня.
- Пилотам самим-то не хватает, - напомнила она мне. - Скажи спасибо еще, что у нас такой маленький экипаж, иначе нам не хватило бы еще и кушеток.
- Конечно! Суровым морпехам не нужна роскошь вроде мест для парковки своих задниц.

И внутренние органы нам тоже не нужны. Просто сложите нас как дрова в автобусе.
- Автобусе?
- Ты знаешь, что я имею в виду. Что у тебя в руке?
- «Сирано де Бержерак», - объявила она, подняв том вверх. - Я не ожидала найти свою любимую пьесу в этом ящике. Поскольку я не обладаю памятью Альберта, я зачитаю вам идеальную для тоста фразу.

Пока она шелестела желтыми страницами, Альберт вернулся, неся продуктовую сумку. И его широкая улыбка намекала на то, что в сумке лежат не только продукты.
- Нашла! - возгласила Арлин. Пока Альберт устраивал для нас приготовления, она продекламировала:

- «Я шел один спокойно к демонам навстречу.
На синих небесах, блестяща и полна,
Как круглые часы, сияла мне луна.
Как вдруг ее прикрыл заботливой рукою,
Как ватой - облаком, незримый часовщик,
И мрак таинственный на землю вдруг проник.
На набережной все покрылось тьмою…»

Она прочистила горло и хрипло добавила:
- Покроем космической тьмою наших врагов!
Когда я сделал глоток бургундского, я почувствовал, будто мы - три мушкетера, готовые сражаться с демонским отродьем… в какой бы форме оно ни предстало.
18
Флай был прав. Снова на Фобосе мы, где зомби были людьми. На этот раз мы не видели никаких зомби. Я была этому рада. Они напоминали мне о Додде. Довольно неприятно даже просто терять любовника, не видя, как он превращается в шаркающую ногами пародию на того, кого ты когда-то любила. В своих кошмарах я до сих пор слышу его зов: “Арлин, ты можешь быть одной из нас”.
Они говорили, ты не можешь вернуться домой снова. Но ты можешь вернуться в ад, если ты сумасшедший и ты намеренно берешь билет в один конец до Фобоса.
Пилоты “Бовы” оправдали себя превосходно, когда настало время приземлить ее груз в инфернальную зону. Фобос так мал, что это настоящий вызов для космического пилота. Деймос был очень опасной площадкой, когда он все еще был на орбите Марса. Это была уродливая гора, покрытая выступами, которые могли разбить корабль, если не рассчитать правильно угол и скорость. Фобос был значительно глаже и круглее - куда более, чем мы, земляне, ожидали от луны.
- Как они могут называть это десятимилевое нечто луной? - спросила Тейлор, в это же время выделывая кропотливые маневры в свидании с Фобосом. Мы были лишь в нескольких милях от него, напоминая маленькое черное пятно, пачкающее звездное небо. Я считала удачей, что коммандер согласилась позволить мне пройти в их кабину, чтобы видеть наше “возвращение”. Наши новые друзья продолжали шутить о том, что Флай и я возвращаемся домой.
Эти шутки немного скрашивали ситуацию для Альберта и меня. Он был счастлив, как ребенок, когда мы стояли вместе в люке и видели то же, что и шкиппер.
Не было нужды пристегиваться, ведь гравитация на Фобосе фактически отсутствовала.
Зоны с искусственной гравитацией, созданные инопланетными инженерами, не имели эффекта на эти живописные куски скал, и в особенности на коммандера Тейлор, вынужденную совершать чудеса пилотирования.
В былые дни работы в “ОАК”, ее обязанности были гораздо легче. Парни с земли направляли корабль и высаживали нас, без какого-либо даже приземления. Теперь идея была в том, чтобы быть невидимыми. Не было видно света или какойлибо активности на этой стороне Фобоса. Хороший знак. Я надеялась, что если луна не скроется, мы сможем наконец высадиться в момент, когда плохие парни уйдут. Мне захотелось засмеяться при мысли о маленьком экипаже… костлявых.
Большая четверка не нуждалась во всем этом особом внимании. Мы хотели прыгать вниз.
Божественные парашютисты! Мы могли экипироваться и использовать мини-ракеты, чтобы войти как

мини-космические корабли. Лишь небольшая доля удачи позволила бы нам не разбрызгаться веселыми красными брызгами - смерть, соответствующая Марсу, парящему над нашими головами, словно бог войны.
Впервые коммандер Тэйлор позволила себе быть вспыльчивой со своими пассажирамиморпехами.
- Сейчас не время для фанатичных самоубийственных выходок! Миссия будет провалена, если вы умрете прежде, чем встретитесь с тем, что по ту сторону Врат. Мы знаем, насколько важна ваша миссия. Почему вы думаете, что ребята из “ОАК” проделали весь этот путь только для вас? Найти транспорт “ОАК” теперь стало непросто, но вам нужно использовать каждое преимущество. И помните, что мы останемся в этой зоне, пока вы не вернетесь. Даже если Фобос окажется слишком опасен, мы все равно будем ждать. Любого из вас, вернувшегося с миссии, будет приветствовать кто-то из нас… если мы к этому моменту не умрем. А сейчас я обеспечу вам настолько безопасную высадку на Фобос, насколько это в моих возможностях. И больше ни слова о парашютировании.

Она произвела такое сильное впечатление, что я предоставила Альберту наблюдать за тем, чем сейчас занят космический шкипер; самой мне этого делать не хотелось. Приземление заняло целый час, в течении него Тэйлор старалась посадить корабль на луну как можно нежнее. Я не нервничала, даже при том, что “Фобос” означает “страх”.
Идальго любезно принял командование. Я начинала относится к нему более положительно. Я не знала точно, что конкретно изменилось. Но он заставил наш механизм работать на высшем уровне на борту “Бовы”, и при этом совершенно не нервничал. Разве что он был очень требователен при осмотре, который он мог совершать почти в темноте.
Идальго начинал осваивать свое надлежащее место командира боевой группы в нашей иерархии. Его проблема состояла в том, что это место должен занимать член команды с самым богатым боевым опытом. В этой войне список живых морпехов сужался до двух человек: Флай и я. После нас шел Альберт, потому что он сражался с монстрами вместе с нами, плечом к плечу.
Когда полковник Хукер обременил нас капитаном Идальго, немедленно встал вопрос: кто он - актив или лишний багаж? Я любила путешествовать налегке.
Это было последним местом для всезнайки, который пытается принять на себя командование. Флай и я обладали информацией из самых первых рук. Идальго задавал правильные вопросы. Он слушал. Даже при том, что мы никогда не имели возможности обучаться вместе там, где нужно было работать как единый боевой механизм, здесь нам это неплохо удавалось. Еще немного - и у Идальго есть шансы стать нашим мозгом.
Флай и я разрабатывали маршрут. Капитан Идальго приказал нам создать простую эшелонную формацию, Альберт впереди. Затем Флай, затем Идальго, а я замыкала тыл. Я чувствовала странное удовольствие в том, что мой любимый и я проводим зачистку участка между нами.
Альберт был хорошим стрелком, у него был новый Сиг-Кау. Он отлично чувствовал себя в своем костюме, лучше, чем кто-либо из нас. Мы волновались, что не найдется костюма, который ему подойдет, но миссия была спланирована слишком хорошо. Естественно, костюм Альберта лежал на самом дне груды.
Смотря на него сзади, можно было подумать, будто он глядел вверх, разглядывая Марс.
Далекое солнце не светило ярко, но это делала “Бова “, пока мы искали нужный объект.
Марс казался мне скорее оранжевым, чем красным; по крайней мере так было при этом свете.
Уверена, что Альберту бы понравилось, если бы цвет напоминал испорченный тыквенный пирог.
Я испытывала странное чувство, что мы добровольно возвращаемся в ад. Появилась полунормальная гравитация. Горел свет. Мое сердце упало, но не от всего увиденного. Если гравитационные зоны все еще фунционируют, я поняла, что вокруг все еще должны быть враги.
Впрочем, этот вывод мог быть не полностью рационален. Гравитационные зоны работали задолго до того, как появились пришельцы. Просто они могли не выключиться. Можете называть это женской интуицией, но, подумав, я решила, что наши красные враги разгромили бы все, если бы это не было им нужно.
В следующую секунду я убедилась, что права на сто процентов. Я увидела летающий череп раньше остальных. Слава Богу, у нас были радио. Для безопасности мы не переговаривались по рации, а

общались, сдвинув шлема. Если мы будем неукоснительно соблюдать это правило, враги нас не услышат. В космосе можно услышать крик, только когда рация включена.
- Осторожно!
Альберт прибил сосунка до того, как тот вцепился в материал его скафандра. У нас не было времени выяснять, что носилось здесь в воздухе..30-калиберные пули сделали свое дело, и череп проволокся вплоть до трубной лестницы. Она вела вниз.
Я не была удивлена в тот момент, когда Флай произнес:
- Тест положительный. Мы можем дышать воздухом.

- Снять шлема, - спокойно скомандовал Идальго. Скафандры были хорошо сделаны для наших целей.
Шлема висели сзади, оставляя руки свободными, так что нам ничего бы не мешало, чтобы увеличить число мертвых тел. Или мертвых голов, в зависимости от случая.
- Если все осталось так, как было перед нашим уходом, - произнесла я после первого глубокого вдоха здешнего воздуха, - мы можем ожидать большую оппозицию перед входом во Врата.
- Спокойно, капрал Сандерс, - сказал капитан Идальго.
- Да, сэр.
Он действовал, как человек, знающий свое дело.
- Мы сможем с ними справиться, - сказал он. - Для того мы и вооружены современными дубинками.
Еще одна попытка юмора. Это началось у него после дружбы с лейтенантом Райли. Я не знала, как долго это будет длиться, но мне это вроде как даже нравилось.
Идальго давал приказы. Мы подчинялись. Конечно, приказы основывались на наших знаниях о расположении Врат.
В следующие пятнадцать минут мы не сталкивались ни с какой оппозицией. Мы нашли работающий лифт, который, похоже, починили с помощью кусков парового демона. Мне не нравилась идея его использования, но Идальго принял решение. На полпути вниз по шахте я увидела сквозь рванную щель в стене, что лестница, идущая вниз, в конце была похожа на спутанное спагетти.
Приемная комиссия ждала нас внизу. Если череп сообщался с ними перед гибелью, они могли доставить нам некоторые проблемы. К этому моменту я думала, что видела все. И снова ошиблась.
Центр комнаты оккупировал почти целый паук-мозг. Отсутствовала только голова. Внутри размозженного купола на макушке виднелась морда вперемешку с ошметками мозгов, и двое колючих что-то делали. Почти видно было, что они смеялись, и сейчас я могла понять, почему Флай называл их импами.
Они ели. Когда один из импов оторвался от своей еды, я увидела серые и красные пятна на его коричневом лице. Кровь стекала с его белых рожков, торчащих из тела. Вдруг он поднял одну из своих когтистых лап, и я увидела, что в ней. Я была благодарна капитану Идальго за то, что он приказал снять шлема. Я не смогла сдержать рвоты, сама удивившись этой своей реакции.
Странно, почему мой желудок так среагировал на импов, разделывающих паука? Я видывала и куда худшие вещи, случавшиеся с людьми, и легко это выдерживала.
Я решила, что достигла нового уровня отвращения, хотя, казалось бы, куда уж выше. Имп увидел нас почти тогда же, когда и мы его. Инстинктивно он захотел бросить один своих фирменных файрболов, но забыл, что в его лапе находится ломоть паучьего мяса. Огонь пришелся в кровавый кусок насекомьего мозга, и имп воспламенился собственным же огнем.
К этому моменту другой имп понял, что происходит. Он оказался умнее, чем его собрат, и сделал нечто такое, что до этого я считала невозможным. Паучья орудийная башня развернулась в нашу сторону и начала выплевывать свой яд: 30 мм патроны.
У нас возникли бы проблемы, будь это действительно паук-мозг. Но у нас был один из подарков коммандера Тейлор. Пока я совершала “зиг-“, Флай метнулся “-загом”. Альберт и Идальго тоже не стояли на месте. Все шоу принадлежало Флаю.
Никогда не думала, что увижу BFG-9000 снова - эту главную драгоценность оружейной дивизии “ОАК”. На паука хватило трех выстрелов. Еще одного выстрела оказалось достаточно для импов, которые догадались соорудить себе танк, но не смогли им воспользоваться.
- Слава Богу! - вскричал Альберт.

- И аммуниции, - закончил Флай. На его лбу выступил пот, а лицо украсила широкая улыбка.
- Лучше, чем цепная пила, - подхватила я.
- Перегруппировка, - скомандовал Идальго. - Будет позором упустить такое оружие при проходе через Врата.
Альберт был оптимистом:
- Может быть, оставим ее на этой стороне? Может пригодиться по возвращении.
- Мы не можем так рисковать, - ответил капитан Идальго. Это место кишит дьявольщиной.
Нам ведь не нужно, чтобы до этой пушки дотянулись их клешни?
Никто из нас не стал добавлять очевидного: если мы вернемся. Что касается “Бовы”, то по плану было так: “отсутствие новостей - это плохие новости”. Сейчас они знали, что мы не были одни на этой скале. Между нами и кораблем по-прежнему соблюдалась тишина.
Флай просуммировал ситуацию. Он всегда хорошо это делал.
- Мы видели это место, когда оно кишело, капитан. Сейчас оно почти пустует. Впрочем, я не имею представления, почему это так и как долго это продлится. Уже завтра здесь снова все может заполониться.
- Коммандер Тейлор и лейтенант Райли знают о риске, - сказал он, чем слегка удивил меня. Мне показалось, что основным объектом в расписании сейчас была боевая команда.
- Тогда нам пока везло, - сказал Альберт, немного напыщенно, как мне показалось. Вечная проблема - я всегда гиперкритична к тем, кого люблю. Думаю, Флай тоже этим страдает. Идальго разрешил нам переброситься парой фраз - и мы двинулись дальше. Я была удивлена тем, что еще не пускала в ход плазменную винтовку. Но это ошибка - желать подобных вещей. Я достаточно суеверна, чтобы думать, что мы получаем то, чего желаем.
Возможность протестировать новое ружье пришла вместе с новым монстром. Я ненавидела появления новых монстров. Я спутала его с тыквой. Имелось много сходств: большая круглая парящая голова, один глаз, целый баллон сатанинской вони изо рта.
Отличия, затемненные частично из-за внезапной смены освещения, были наиболее раздражающими. Мы, возможно, стали немного ленивыми. У нас было лучшее оружие, оппозиция была слабой. Круглый объект, выплывающий из-за угла, показался чересчур легкой добычей. Одна паршивая тыква. Кто стал бы делать на нее ставки? Кому было бы в удовольствие расправиться с ней? Идальго тоже слегка зазевался. Он не был на Фобосе, где потоки дерьма шли на нас безостановочно. Но даже несмотря не это, он вовремя вытащил свой Сиг-Кау. Некоторые выстрелы дошли до цели. Он привлек внимание твари. Она ответила огнем. Я ожидала стандартных светящихся шаров. Но это существо приготовило нам сюрприз. На нас вылился поток летающих черепов, льющийся из его рта, каждый настолько же мерзкий, как тот, которого Альберт подбил в полете совсем недавно.
Но теперь ими было заполонено все небо.
19
Цвета начали меняться. Это было что-то новенькое. Сначала коридор стал синим, а затем красным. Это отвлекло нас, и мы не заметили, что эта тыква была чем-то иным, нежели тыквой.
Когда ее единственный глаз сфокусировался на мне, единственной моей мыслью было, что это нечто более крупное, чем обычная тыква. Когда тварь выблевала первый летающий череп, я все еще не понимал, что происходит. У меня мелькнула глупая идея, что эта голова съела какую-ту другую, меньшую по размерам, голову, и не смогла ее проглотить. (Куда проглотить?) Когда же второй и третий черепа начали вырываться из уродливой пасти, я начал видеть реальную картину происходящего. Первый череп настиг меня еще до того, как я успел поднять BFG. Я услышал крик Арлин: “Флай!”, и тут же среагировал: не давая укусить себя за плечо, я резко повернулся, и мерзавец столкнулся с моим шлемом. Прозвучал звук “метал об метал”, на шлеме получилась вмятина, череп отлетел в сторону, став тем самым идеальной мишенью для Идальго, который тут же ее расстрелял.
Очень скоро мы потеряли счет черепам, заполонившим узкий коридор. Выглядело так, будто мы вывалили содержимое корзины леденцовых черепов с мексиканского празднования Дня Мертвых… но в наших врагах не было ничего сладкого.
Идальго на несколько секунд застыл. Только и всего. Короткий миг шока на поле боя. Если мы

выживем, пусть Арлин разжует мне ухо, рассказывая об этом. А я пусть услышу себя, отвечающего, что мы не набрали достаточно баллов в отделе реагирования на подобные ситуации. Если мы выживем.
- Я позабочусь о тыкве! - закричал я. BFG 9000 сделала бы всю работу… если бы только я смог сделать чистый выстрел. Проблема заключалась не в том, чтобы найти просвет между черепами - взрыв в любом случае накроет их всех. Проблема была в том, чтобы быть уверенным, что Альберт был вне зоны огня.
Остальным, тем временем, не нужно было говорить об уничтожении черепов. Никаких проблем. Кроме той, что черепов тут было громадное количество. Идальго снова доказал, что он достоин быть командиром. Он не сказал ни слова. Он был слишком занят, щелкая своим Сиг-Кау.
Арлин снабжала Альберта и Идальго инструкциями безопасности:
- Не позволяйте им укусить вас!
Она пыталась перекричать собственные выстрелы из плазменной винтовки. Она уже почти разобралась со своей «проблемой первого выстрела», прибив сразу три черепа. Но большая тыква оказалась смышленой. Проклятая тварь спряталась за тот угол, из-за которого мы впервые увидели ее уродливую морду. И затем она начала изрыгать черепа из более защищенной позиции.
Умный ход, должен признать.
Конечно, решение было очевидным. Я понял, что здесь не нужно чистое попадание из BFG, только бы увидеть чистый просвет. Я выстрелил во внутреннюю стену и уничтожил уродца.
Затем, просто для надежности, я нажал на курок еще раз. Когда осколки улеглись, стало ясно, что я уложил половину черепов этими двумя выстрелами, а остальные ударялись друг в друга, летая в наполненном пылью воздухе. Вот я и получил долгожданный ответ: у мерзавцев нет радаров.
Тихий голосок в голове уверял, что мы были слишком близко к стене, чтобы использовать такую пушку, как BFG. Я не мог слышать больше ничего, потому что в голове стоял звон, так что я вступил в спор с голосом, напоминая ему, что когда-то я совершил более безумную вещь - я использовал ракетницу в закрытой зоне.
Голос не нашел достойного ответа, и тут я услышал Арлин, выкрикивающую проклятия.
Она склонилась над Идальго, медкомплект был открыт. Альберт стоял над ними, отстреливая оставшиеся черепа в коридоре. Я почувствовал небольшое головокружение, но справился с ним и присоединился к человеческой популяции ада.

Один из черепов все-таки настиг капитана и перегрыз ему горло. Скафандр Идальго обрел теперь новую функцию: он стал переносной сумкой для тела. Арлин делала, что могла, но у капитана было чертовски мало шансов. Похоже было, что мы завершим миссию без командующего. Глядя на то, как Арлин лихорадочно работала над Идальго, трудно было поверить, что она когда-то планировала избавиться от его задницы через шлюз.
Последний череп попытался удрать, а может быть, отправиться за подкреплением, но Альберт был начеку. Я был рад, что цвета прекратили изменяться, и задавался теперь вопросом, было ли это маленькое шоу одной из способностей супертыквы. Как бы то не было, у меня появилось отчетливое предубеждение против круглых штуковин, парящих в воздухе. Они, казалось, жили в постоянном состоянии невесомости. Одного этого было достаточно, чтобы их ненавидеть.
Пока мы беспомощно слонялись, наблюдая, как Арлин пыталась закрыть рану на горле Идальго, я заметил, что Альберт напрягся. Он поднял свой Сиг-Кау, чтобы выстрелить во что-то, дрейфующее в воздухе позади нас. Естественно, я подумал, что это был другой череп.
Последней вещью, которую я ожидал увидеть по эту сторону рая, была синяя сфера, плавно двигающаяся к нам. Великолепная, прекрасная, столь желанная синяя сфера. Одно из тех чудес, которое спасло мою жизнь и жизнь Арлин. Синяя сфера, которую Альберт через секунду уничтожит.
- Нет! - закричал я, одновременно отталкивая его руку. Хорошо, что я не только кричал, но и действовал. Было слишком поздно предотвратить нажатие курка, но я сбил ему цель. Не могу припомнить, что Арлин или я рассказывали ему о голубых сферах. Весьма вероятно, что и рассказывали. Но в пылу боя странно ожидать, что человек решит, что это не враг, приближающийся, чтобы сказать привет. Это была чистая удача, что я сам не выстрелил, когда увидел сферу впервые.
Удача. Снова удача. Почему, во имя всех святых, эта крошка появилась именно в тот момент, когда это

нужно было Идальго? Похоже, у Арлин были те же мысли.
- Она хорошая, - сказал я Альберту. - Как ангел. Голубые сферы могут нас исцелять.
Он опустил свое оружие, и я жестом показал Арлин отойти. Альберт, будучи не из тех, кто тратит лишние секунды, перезарядился. Я тоже ушел с дороги. Голубая сфера опустилась на Идальго, которого это сейчас мало волновало; он весь почернел от потери крови. Вдруг сфера дотронулась до него, издавая при этом звук пробки, вылетающей из бутылки. Цвет ее стал более темным, когда она распространилась по телу, изменяясь от лазурного до ярко сиреневого.
Идальго был окружен фиолетовым туманом, который превратился в блестящую жидкость на его теле и затем просочился сквозь поры. Уродливое отверстие в его горле, похожее на сжатые губы, и его лицо вспыхнули, когда в его тело вселились новые силы.
Несколько минут позже он открыл свои голубые глаза и ошарашил нас сюрпризом:
- Что произошло? - спросил он.
Арлин ему рассказала.
Он с благодарностью отхлебнул воду, которую она ему протянула.
- Невероятно, - признал он, говоря при этом более медленно, чем обычно. Он сел напротив стены.
Альберт по-прежнему стоял на карауле.
- Нам нужно идти, - сказал я, снова посягая на его первенство. Я вспомнил, каким сонным я был после своего исцеления.
- Давайте двигаться, - сказал он, вставая на ноги. - Далеко нам еще?
- Всего несколько шагов, - ответила Арлин.
И мы двинулись. Альберт снова шел впереди. Идальго, становясь сильнее с каждым шагом, задал напрашивавшийся вопрос (очевидно, его мозг снова начал работать во все обороты):

- Эти голубые шары не искали вас двоих, когда было нужно, ведь так?
- Так, - одновременно ответили мы с Арлин.
- Тогда почему этот прилетел, именно когда был мне необходим?
Мы шли в тишине. У нас не было готового ответа. Только еще больше вопросов. Затем у меня родилась мысль. Иногда и у меня такое случается.
- Когда это случилось со мной, она вытащила меня из ада, - сказал я Идальго. - Даже несмотря на то, что сам я этого не хотел. Не могу вспомнить какой-то важный кусочек информации, которого у меня тогда не было.
Арлин улыбнулась. Старая лампочка загорелась прямо над ее головой.
- Это информация о пришельцах, которые послали сообщение, - сказала она.
- Точно, - продолжал я. - Никогда не видел смысла для наших врагов, чтобы сфабриковать этих невероятных монстров, а затем забросить несколько флорентийских соловьев, которые будут нас лечить. Но теперь я знаю. Голубые сферы - это не от Фредов.
- Хорошие парни послали их, - изумилась Арлин, эта же мысль поднялась и в ее голове.
- Ты был прав, называя их ангелами, - сказал Альберт.
Идальго кивнул.
- Если это правда, значит, они хотят, чтобы все мы преодолели это путешествие.
Несознательно он потрогал горло, на котором не осталось и шрама.
Мы достигли Врат, не сталкиваясь больше с оппозицией. Жуткие твари снова играли в архитекторов. Мне следовало было ожидать чего-то подобного, учитывая, как они постоянно изменяли вид остальных уровней. Врата были украшены по последнему писку нео-сатанинского стиля. Единственным, что они не стали трогать, были горгульи. Видимо, твари углядели в них сходство с собой. Главным дополнением был огромный каменный бублик, установленный в землю так, что это было похоже на дверной проем с сеткой прямо посередине. На нем было вырезано сверхъестественное дерьмо всех сортов.
У чужаков абсолютно не было вкуса. Монстры есть монстры. На вершину этого ужаса, с обеих сторон “головы”, они прикрепили два рога. Как будто этого мало, они поместили два больших глупых глаза на полукруг камня относительно рожков так, что даже самый тупой пехотинец пришел бы к мысли: это гигантская демоническая голова с воротами на месте рта.

Я был готов рассмеяться вслух, но передумал. Хохот не был самой лучшим решением, когда твой хороший друг так сильно волнуется.
“Молох!” - закричал Альберт. Его глаза расширились, изо рта шла пена.
Нашему топовому боевому отряду все еще было, над чем работать.
20
Альберт был слишком хорош, чтобы потерять сейчас свою хватку. Как его командир, я не мог стоять в стороне и дать ему расклеиться. Для этого отряду и нужен лидер.
Всегда было опасно брать командование на себя в рискованной ситуации. Оставшиеся в живых могут повесить на тебя слишком много обязательств. Я понял справедливость этого утверждения, когда избавился от желания самоубийства.
После того, как ребята спасли меня от смерти и рассказали, что синий ангел спас меня, я был настолько благодарен, что произнес молитву. Конечно, я сделал это тихо. Однако я знаю, что Бог меня услышал. Я хорошо мог понять реакцию Галлатина на вид идола. Как-то раз, когда мне был всего шесть, родители сводили меня на фильм ужасов. Это был один из множества кинофильмов об ацтекской мумии. Сам монстр не сильно меня пугал. Зато вид молодых дев, которых приносили в жертву злые священники, в течение недель был моим кошмаром. Их идол был похож на Молоха.
Когда я вырос, я начал искать изображение Молоха. Я нашел его в старом немецком кино под названием “Metropolis”, и оно было представлено как пугающая картина о поклонении дьяволу. Но я никогда не забуду, как этот образ использовался в других фильмах, начиная со старых серий “Звевздный путь Десять”, и заканчивая новыми, “Звездный путь: Побег”.
Эти странные существа, с которыми мы боролись, очевидно, умели пробираться в наши умы и извлекать самые ужасающие образы из прошлого человечества. Зеркальные отражения наших кошмаров не способствуют подъему боевого духа. Сержант Таггарт и младший капрал Сандерс следили за тем, как я наблюдаю за Галлатином. Таггарт хотел было подойти к нему, но я дал приказ его не трогать.
- Галатин, - сказал я, выдерживая низкий тон. - Приди в себя, морпех.
Он, казалось, слышал меня так, будто я звал его с другого берега. Его глаза были стеклянными. Но он прекратил издавать вопли, не подобающие морпеху.
- Смотри, - сказал я, указывая на землю. - Здесь нет человеческих костей. Нет никакого огня в утробе, ждущей человеческих рабов, чтобы сожрать их.
Да, валялся какой-то череп, уставившийся на нас пустыми впадинами. Но даже слепому было ясно, что в нем не было ничего, даже отдаленно напоминающего человека.
Галлатин успокоился.
- Виноват, сэр! - сказал он своим прежним, сильным голосом. Я был чертовски рад. Если бы слова не помогли, пришлось бы прибегнуть к рукам. Галлатин не был трусом. Он бы никогда не сорвался и не убежал. Сейчас он выглядел бодро, а значит, он таки сумел взять себя в рки.
- Это Врата, - сказал Флай, проверяя свои координаты.
- Как вы думаете, почему они разукрасили здесь все, как на Хэллоуин? - спросил я любого, кто захочет ответить.
- Это для них обычное дело, - отозвалась Сандерс, все время держа взгляд на Галлатине. Я ее не винил. Пока что их чувства друг к другу не мешали миссии. Если их и можно было здесь как-то проявить, то сейчас было самое время.
- У меня от этого мурашки по коже, - признался я.
- В стиле Лавкрафта, - обронила Сандерс.
- О, нет, - сказал Таггарт. - Только не надо снова про фантастику.
Если бы синий ангел не вернул меня из мертвых, то я положил бы конец этим подшучиваниям. Я всегда был сторонником устава, но смерть заставила меня взглянуть на все поновому. (Сандерс сказала, что я был почти мертв, но я то знаю лучше.) Наш график миссии не был таким уж напряженным, чтобы нельзя было потратить несколько минут. До этого момента, Таггарт и Сандерс были нашими гидами, но как только мы переступим через эту дверь, они

станут не более опытны, чем мы с Альбертом. Никто не имел представления, чего ожидать. У нас были

приказы. И надеяться не запрещалось.
- Я бы никогда не стала описывать это как сверхъестественное, - бросила она Таггарту. - Я лишь хочу обратить твое внимание на зловещее мерцание каменной кладки, а также на нависающие над нами отвратительные тайные символы, намекающие на опасность.
- Ну, хорошо, - сказал Таггарт, сдаваясь. - Похоже, ты права.
Теперь не осталось зацепок, чтобы отложить работу. Поскольку морская пехота была не в состоянии предоставить нам глаза на затылках наших голов, я приказал принять оборонительный строй. Все четверо из нас не могли очень хорошо контролировать четыре основных направления.
Двое из нас должны были подготовиться к вылазке. Затем нужно будет поменяться.
Мой костюм был порван вокруг шеи, там, где меня укусили. Шлем Таггарта был поврежден, но все еще годен к использованию; вмятина не мешала надеть шлем на голову, а лицевая панель не была сломана. Очевидно, единственный негодный костюм принадлежал мне.
При моем вопросе, Таггарт вновь повторил свое убеждение, что костюмы, оружие и все остальное, с чем мать не родила, пропадет. Приготовления могли бы стать лишней тратой времени, но я не собирался оставлять все здесь. Это было бы глупо.
Делать ставки было совершенно другой вещью. Шансы были целиком на стороне сержанта Флинна Таггарта. Именно поэтому я спросил его в последний раз, на что это походило, когда он прошел сквозь Врата.
Он сообщил:
- Я оставался в сознании, сэр. Тебя не волнует, находится ли все еще снаряжение у тебя в руках, потому что у тебя нет рук. Нет никакого ощущения тела вообще. Затем внезапно ты возвращаешься по частям. Как будто бы ты думал о них как о чем-то стороннем, и вот вы снова одно целое, или наоборот. Трудно сказать.
- Был ли ты бодр и активен, когда оказался на той стороне?
- Был, сэр!
До этого мы шли тем же путем, но в данный момент мы не были под огнем. Я снова, в последний раз, пробежался по контрольному списку. И наше время истекло.
Я дал команду.
- Двигайтесь, морпехи!
Согнувшись, мы полезли молоху в рот.
Сначала возникло ощущение перемещения, движения, светового падения, или падения в свет… это трудно увидеть, не посмотрев самому. Впрочем, у нас не было галлюцинаций. Разум был при нас. Ты можешь сказать “нет” галлюцинациям, но тебе необходим язык, чтобы сказать “нет”. Понимаете, что я имею в виду?
ЭСТЕБАН ИДАЛЬГО: Кто-нибудь слышит мой голос? Я слышу его, но у меня нет ушей.
Вы не говорили, что мы сможем общаться, пока проходим сквозь Врата, сержант Таггарт.
ФЛИНН ТАГГАРТ: Никогда раньше не делал это в группе, сэр! Арлин и я проходили через Врата по отдельности, когда перемещались с Фобоса на Деймос. Врата отличаются от телепортаторов короткого действия.
АРЛИН САНДЕРС: Можешь сказать это еще раз, Флай!
ИДАЛЬГО: На них я также не пробовал. Что вам нравится больше, сержант?
ТАГГАРТ: Трудно сказать, сэр! То, что не требует дурацких карт-ключей для прохода в секретную дверь, мне больше по душе. В последний раз, когда я был на Фобосе, я по-настоящему это возненавидел.
ИДАЛЬГО: Это довольно исльно раздражает меня, сержант.
АЛЬБЕРТ ГАЛЛАТИН: Мне здесь нравится.
САНДЕРС: Альберт, ты не чувствуешь, что тебя принесли в жертву Молоху?
ГАЛЛАТИН: Наоборот. Это чудесно. Это лучше, чем секс.

САНДЕРС: Что ж, я предоставлю тебе это там.
ИДАЛЬГО: Что вы об этом думаете, сержант Таггарт?
ТАГГАРТ: О чем, сэр?

ИДАЛЬГО: Вам тоже кажется, что это бестелесное состояние лучше, чем секс?
ТАГГАРТ: Нет ничего лучше, чем ясно очерченная линия приказов, сэр!
ИДАЛЬГО: Это сарказм, сержант?
ТАГГАРТ: Нет, сэр!
ИДАЛЬГО: Мне не нравится это ощущение. Как долго, как вы думаете, это будет еще длиться?
САНДЕРС: Могу я ответить, сэр?
ИДАЛЬГО: Вы оба ветераны по части путешествий сквозь Врата, младший капрал.
САНДЕРС: Время здесь не имеет значения.
ТАГГАРТ: Здесь нету здесь.
ИДАЛЬГО: Я боялся, что вы это скажете.
ТАГГАРТ: Поскольку мы не знаем, как далеко нам до цели, и как быстро мы двигаемся, нельзя ничего рассчитать, сэр!
ГАЛЛАТИН: Позвольте сказать, сэр.
ИДАЛЬГО: Вот что я вам скажу. Пока мы в этом непонятно-где, можно опустить все формальности. Можете не называть меня сэр. Итак, о чем ты хочешь меня спросить?
ГАЛЛАТИН: Если мы встретимся с Богом, следует ли нам говорить ему “сэр”?
ИДАЛЬГО: Если ответ “нет”, я еще больше за то, чтобы опустить все формальности. Ты это слышал, Флай?
ТАГГАРТ: Да.
ИДАЛЬГО: Я бы хотел поблагодарить всех вас за спасение.
ТАГГАРТ: Это не мы, а голубая сфера.
ИДАЛЬГО: Может быть, она появилась потому, что вы захотели, чтобы она появилась.
САНДЕРС: Мне это тоже приходило в голову.
ИДАЛЬГО: Странно быть возвращенным из мертвых неким существом, которого не видел.
САНДЕРС: Пока вы были в отключке, вы не видели лица сферы.
ИДАЛЬГО: Я был мертв. Я видел свет. У сферы было лицо?

ТАГГАРТ: Интересно, будет у когонибудь из наших гостеприимцев на другом конце этого рейса лицо, похожее на это? Оно не было похоже ни на одного из демонов суда
******
.

ИДАЛЬГО: Суда?
ТАГГАРТ: Мы называем их так иногда, после того, как узнали, что вторжение названо “судным днем”.
ГАЛЛАТИН: Вы это почувствовали?
САНДЕРС: А мы можем что-нибудь почувствовать?
ГАЛЛАТИН: Я почувствовал что-то теплое. Я почувствовал, будто вернулся на “Бову”… невесомость. Нужно чувствовать тело, чтобы это почувствовать.
САНДЕРС: Подождите. Я что-то чувствую. Но это прохлада, а не тепло. Я тоже чувствую, будто я в свободном падении.
ИДАЛЬГО: Может быть, наше путешествие подходит к концу.
НЕ ИДАЛЬГО-ТАГГАРТ-САНДЕРС-ГАЛЛАТИН: Мы - приемная комиссия. У вас было долгое путешествие, долгий сон. Вы только сейчас возвращаетесь.
ТАГГАРТ: Но мы испытываем то, что случается к концу пути сквозь Врата.
НЕ И-Т-С-Г: Нет, вы вспоминаете чувства, сопровождающие переходное состояние.
Путешествие окончено. Вы прибыли. Для повторной сборки вы должны начать с последних воспоминаний. Вам нужна помощь на психотическом эпизоде.

ИДАЛЬГО: Психотическом…
ТАГГАРТ: Эпизоде?
НЕ И-Т-С-Г: Фантазия. Мертвая фантазия. Не беспокойтесь. Повторная сборка.
ИДАЛЬГО: Если мы куда-то прибыли, можно узнать, куда?

НЕ И-Т-С-Г: Здесь многие встречаются, и здесь приветствуется дипломатия. Истинная Эстетичность приветствуют вас. Сэр, сэр, сэр, сэр!
ТАГГАРТ: Что-то подсказывает мне, что мы говорим с партийной линией.
21
Я никогда не мог объяснить Арлин, почему я столь убежден, что Бог есть. Она живет в мире логики и науки. Тайны беспокоят ее. Это проблемы, которые нужно решить; и она настаивает на определенном типе ответа заранее. Ее упорство лишь заставляет меня любить ее еще больше.
Я не глуп. Я понимаю, что объект, нависаюший над моей головой - не ангел. Но лежа на спине и наблюдая за медленными движениями этого почти невесомого существа со сверкающими глазами, похожими на драгоценные камни, я чувствовую глубокое спокойствие. Похожие на бабочек создания, которые порхают вокруг его имеющей форму цветка головы, притягивают взгляд. Воздушное существо ест этих маленьких порхаюших существ. Этот летающий инопланетянин - не животное. Это - гений своего вида. Но он не обращает на меня внимания.

Если бы бедный доктор Эйкерман был жив и отправился бы с нами на эту миссию, он обрел бы здесь воплощение всех своих жизненных амбиций. На инопланетной базе собралось замечательное сборище гениев; это была своего рода галактическая «Менса»
**
.

Я не смог узнать, где мы находимся, но я буду продолжать спрашивать. Единственная проблема этого места в том, что большинство этих воздушных созданий полностью нас игнорирует. Вот уж чего я совсем не ждал - что мы будем скучны для инопланетян.
Это их к нам отношение изматывает. Я сыт нашей компанией по горло. Если это будет продолжаться, я потеряю желание стрелять в тварей. Не знаю, как это скажется на моей карьере в морской пехоте. Мы, Мормоны, верим в воина-бога, воинов-ангелов, просто воинов, но во все этой гиганстской среде обитания нет ни одного огненного меча. Что же делать?
Я знаю, что. Я заведу дружбу с кем-нибудь из местных. Должен быть кто-то в этом городе, кто захочет показать новому парню, как здесь хорошо.
- Здорово снова обрести свои тела, - сказала Арлин, сидя за чашкой H2O и тарелкой маленьких красных глазных яблок. Правда, это не были настоящие глазные яблоки. И они не были и по-настоящему красными.
- Неплохо, - согласился я. - Думаю, я сбросил несколько фунтов.
- Флай, в тебе не было лишних фунтов.
Я помотал головой.
- Наши каникулы на Гавайях прибавили мне веса.
- Не замечала, - ответила она веселым голосом. - Знаешь, Флай, я чувствую, будто нахожусь на каникулах.
Я тоже это чувствовал. Трудно было поверить, что мы находимся на инопланетной базе, Бог знает где. Мы сидели за столом, парящим в воздухе между нами. Мы не были в невесомости, но стол, похоже, был. Я никогда не сидел в более удобном кресле. Он изменял свою форму, подстраиваясь под каждое мое, даже самое легкое, движение. Мы приняли наши пилюли и теперь наслаждались самым лучшим обедом для людей, который только был здесь доступен. Одним единственным.
- Капитан Идальго не на каникулах, - заметил я. С ним случилась проблема. Странное существо, которое мы нарекли медботом, сообщило нам, что мозг и тело Идальго еще не пришли в гармонию, но обязательно придут. Когда мы спрашивали, как много времени уйдет у Идальго, чтобы снова встать на ноги, медбот начинал производить вычисления в воздухе. Честно сказать, я не был полностью уверен, что это была машина, но Арлин настаивала на обратном.
Арлин понимала кое-что, уносившее ее на километры вперед от вашего покорного слуги.
Она говорила, что в квантовой физике нет такого понятия, как абсолютное время. Есть лишь время, относительное к местонахождению и скорости наблюдателя.

Очень хотелось узнать, сколько времени уйдет у Идальго, чтобы снова присоединиться к нам. И не у кого было спросить, когда к Альберту вернется нормальное настроение.
Арлин, похоже, снова прочла мои мысли. А может быть, здесь у нее это действительно получалось.
- Альберт тоже не на каникулах.
- По крайней мере с ним все в порядке.
- Физически - да, но я никогда не видела его раньше в таком странном настроении.
- Он сказал мне, что медитирует.
Она мотнула головой.
- А мне он сказал, что пытается общаться.
- С этими существами это может быть одним и тем же. Мы можем потратить остаток наших жизней в попытке приспособиться и так этого и не добиться.
Я вспомнил возвращение в свое тело. Когда мы вновь обрели зрение, я увидел голые тела Арлин, Альберта и Идальго. Мы были не одни. Рядом были инопланетяне, но я на них никак не реагировал. Я даже не беспокоился о том, есть ли у чужих оружие или угрожают они нам какимнибудь образом. В отличие от предыдущего путешествия сквозь Врата, во мне произошла перемена во взглядах на вещи. Я воспринимал голые тела своих товарищей совершенно по новому. Я понял, что изменения произошли больше оттого, где мы находились, чем из-за того, как мы прибыли.
Я не чувствовал влечения к Арлин. Я не оценивал тела двух других мужчин. Я не чувствовал никакого стеснения или конкуренции. Но я не был безразличен. Человеческое тело было мне любопытно, как если бы я видел его впервые. Я чувствовал то же самое и к инопланетянам, странные формы которых внезапно оказались не более странными, чем эти мясистые двуногие, называемые людьми.
Причудой момента был медбот, который и был всей приемной комиссией. Он был похож на живую вешалку в парикмахерской. Когда Идальго рухнул, ни один из нас не бросился к нему на помощь. Мы все еще пребывали в том странном состоянии, которое я могу описать только как “созерцание”. В тот момент не существовало никакого боевого отряда морских пехотинцев.
Медбот водрузил на себя простертое тело Идальго, ничего не сообщив нам о его состоянии. Самым странным было то, что никто из нас об этом не спросил. Если бы комната наполнилась гигантскими пауками, наши указательные пальцы не спустили бы курка. У нас в принципе отсутствовали все стремления.
Постепенно мы вновь обретали себя. Это было как возвратиться в дом, который ты покинул в детстве, и заново изучать каждую комнату, только уже как взрослый. Сейчас этим домом были наши тела. Когда мы стали менее чужими к себе, инопланетяне начали казаться страннее.
У Арлин хватило мужества сделать первое движение. Жаль, но у нее ничего не вышло.
- Я всегда говорил, что ты самый храбрый человек, которого я знаю, Арлин. Пока я пялился на свой пуп, ты уже попыталась начать беседу с… другими.
- Что ж, ты всегда считал себя пупом земли, - ответила она. И уловив мое выражение лица, добавила: - Ты не расслышал, Флай? Ты слишком прожженный морпех, чтобы быть годным для другой роли.
Да, мы приходили в норму. Не было похоже, что мы находились где-то на этом галактическом Хилтоне, который они называли базой. Наверное, нам не нужно было жаловаться.
Мы были живы. Медбот это видел и отвечал на большинство наших вопросов, касающихся медицины. Были и вопросы, на которые он просто не мог ответить, по поводу где и что и кто и почему. Они были вне поля его компетенции. Но я обязательно найду когонибудь, кто расскажет нам, где мы находимся.

Медбот намеренно уклонился лишь от одного вопроса, когда Арлин спросила, как он научился такому ровному английскому. “Английский данного устройства не не кривой” - неуклюже ответил тот. Когда же он спросила прямо, как он научился говорить по-английски вообще, медбот ответил: “Секрет гильдии”, и вновь вернулся к вопросам биологии! Их у нас тоже было много.
- Как тебе эта еда в сравнении с армейской? - спросил я Арлин, когда она попыталась проживать один из маленьких мячиков, которые казались мне похожими на глаза, а ей напоминали совсем другую часть человеческой анатомии.
- Холодной или горячей?
- Холодной, какую мы ели на Бове.

- Эта еда лучше.
- А горячей?
Она пожала плечами.
- Хуже. Но я не ругаю повара. Главное, что есть можно.
- Медбот сказал, что поставщик этого пиршества хочет с нами встретиться. И он не совсем повар; он скорее химик.
Она сделала очередной глоток воды. Мы оба весьма пристрастились к воде.
- Я встречусь с кем угодно, - сказала она, и я кивнул. Когда она обращалась к различным созданиям, окружавшим нас, с вопросом о нашем прибытии, они поворачивались к нам спинами - те, у кого были спины - и удалялись прочь. Поначалу я принимал это за пренебрежительное отношение. Но это было не так. Шоу закончилось. Они знали, чего хотят, и лучше нас понимали, что нужно делать.
- Как думаешь, повар - один из тех, кто послал нам сообщение?
- Боже, я так надеюсь на это!
Когда слышишь, как такая атеистка, как Арлин, призывает Бога, понимаешь, что она говорит от сердца. Я чувствовал то же самое. Что может быть бессмысленнее, чем пройти так много (и кто-нибудь из этих проклятых инопланетян скажет мне, насколько много, даже если придется действовать силой) и не найти на другом конце никого из тех, кто послал сигнал.
- Мы знаем, что повар помог медботу разобраться с химией нашего тела, так что могу поставить на то, что он хочет видеть нас живыми.
Первое, что мы узнали от живой вешалки - это что все живые существа на базе являлись формами жизни на основе углерода. Насколько я знал, других форм и не существует. До сих пор все, кого мы здесь встречали, были одинаковы с обеих сторон, или, как выразилась бы Арлин, были двусторонне симметричны. Я был благодарен за две вещи: земную гравитацию и возвращение в клуб дышащих кислородом! Но это не значило, что мы не можем столкнуться с некоторыми другими проблемами. Идальго тому доказательство.
Поэтому для них имело смысл держать нас здесь, в этом своего рода заточении, пока они не удостоверяться, что мы нормально переносим новую окружающую среду. Когда Арлин и я перенеслись на Деймос через Врата на Фобосе, это был переход через искусственные зоны, имеющие земные условия. Это были хорошие новости для нас. Когда ты, голый, появляешься на другой планете, остается лишь надеяться, что здесь можно дышать, и что твоя кожа нормально все перенесет. Я был чертовски рад, что здешние ребята умели обращаться с человеческими особями. И я надеялся, что капитан Идальго сможет выкарабкаться.
- Тебе не нравится еда? - спросила Арлин, заметив, что я оставил половину своей порции недоеденной.
- Все нормально. По правде сказать, я не слишком-то голоден. Мой желудок провел столько времени в нулевой гравитации на борту “Бовы”, что ему потребуется время, чтобы вернуться в норму. К тому же, хочу тебе кое-что открыть.
- Что? - спросила она, сговорчески наклонившись ко мне.

- Практикой достигается совершенство. Со временем они станут готовить лучше.
Арлин потянулась, как кошка.
- Хорошо бы, - сказала она. - Кто бы мог подумать, что самой большой проблемой в поддержании в нас жизни окажется кормежка?
Медбот говорил с гордостью, когда отбарабанивал информацию. Первые анализы сказали им большую часть того, что они хотели знать, но не все. Они знали, что нам нужны калории, протеины, аминокислоты, витамины, но не знали, в каких они должны быть комбинациях и пропорциях! Большой проблемой для наших гостеприимцев было то, как синтезировать аминокислоты, которые мы едим.
Это был предмет, в котором я был полным невеждой. С тех пор, как я начал истреблять импов, мертвяков и уродливых монстров всех мастей, мое образование улучшилось. Сражение с монстрами должно стать основной темой книг, которые нужно читать в публичных библиотеках.
И тому, и этому делу необходимо учиться в колледже, как это можно судить по обычному задоголовому, который думает, что он гений, потому что сумел вставить кусок алфавита возле своего имени.
Небезупречный английский медбота имел слегка техническую направленность, но “доктор Сандерс”

помогла мне в ключевых моментах. Инопланетный повар взял часть своей собственной пищи и начал смешивать ее с аминокислотами, пригодными для людей. Первые попытки были спущены в хай-тековский мусоропровод. Арлин давала мне общую информацию о случайных комбинациях четырех аминокислот, пока все не закончилось.
Похожие на веревки предметы на живой вешалке начали пульсировать, и из макушки вылезла бутылка белых пилюль - подарок от инопланетных гурманов. Теперь нам придется принимать эти пилюли, если мы хотим жить.
Пилюли были блокаторами. Пока высшая кухня продолжает эксперименты, пилюли обеспечивают безопасность. Где же мы слышали об этом раньше? Они будут химически блокировать все вредоносное. Без них нам настанет полный думец.
Конечно, я хотел встретить нашего благодетеля так же сильно, как и Арлин. Мы исчерпали попытки беседы с медицинской вешалкой. Поэтому, когда медбот сказал нам, что мы можем встретить нашего любимого инопланетянина, мы были готовы тянуть любую баржу, поднять любой груз, переплыть самую высокую гору… все что угодно.
Инструкции медбота были четкими. “В следующий раз когда вы едите оставайтесь там где едите”. Так мы и сделали. У нас не было причин куда-то убегать. Арлин попыталась уговорить Альберта присоединиться к нам, но у него, похоже, было еще меньше аппетита, чем у меня. Он снова погрузился в медитацию. Мне казалось, что он просто сидел. Вряд ли он на кого-то дулся.
Идальго все еще находился под медицинским надзором. Так что Арлин и я были единственными, кто пойдет на встречу двух миров.
- Смотри! - проговорила Арлин, еле сдерживаясь.
Приближался шеф-повар. Приближался химик. Тот самый инопланетянин, который экспериментировал с нашей пищей, вышагивал по серебрянной дорожке, и, похоже, тоже жаждал встречи с нами. Это было видно по его очень человеческим улыбкам. Двум улыбкам, абсолютно одинаковым, потому что это был не он, а они - два идентичных близнеца, двигающихся в унисон.
Они были больше, чем близнецы. Они были зеркальными отражениями друг друга. Арлин начала смеяться. Я пытался ее утихомирить, но не выходило.
- Ничего не могу с собой поделать, - произнесла она.
- Арлин, это очень важно. Перестань.

- Ничего не могу с собой поделать, - повторила она. - Они похожи… они похожи на Маниллу Гориллу
***
!
22
Один. В тишине. Он дрейфовал.
Это было иначе, чем прежде; тогда он не был один. Сейчас не было слышно голосов.
Последние слова прозвучали металлическим голосом, что-то о возникшей маленькой проблеме.
Теперь же не было слышно ничего.
Затем появился голос. Он ясно слышал ее. Его мертвая жена решила его навестить. Рита.
Она была мертва. Разрезана и рассыпана по косточкам паровым демоном, еще на земле. Ее не могло быть здесь.
- Эстебан, - прошептала она в темноте, как она делала это, когда просыпалась раньше него перед рассветом.
- Тебя здесь нет, - сказал он ей. Он услышал свои мысли впервые с тех пор, как был отрезан от остальных и помещен в это непонятное место.
- Ты звал меня.
- Ты сон, - мрачно ответил он. - Я не хочу говорить с тобой. Я хочу встретиться с чужаками.
- Но я и есть чужак, Эстебан. Единственный настоящий чужак, которого ты когда-либо встречал.
- Нет, я сражался с чужаками. Красными дьяволами. Стрелял в летающие черепа и был разорван их бритвенно острыми зубами.
- Но прежде ты ощущал мои зубы. И губы.
- Уходи. Оставь меня в покое, ты предательница. Я должен вернуться к моим людям. К моим парням и

Сандерс. Я нужен им. Я должен завершить миссию вместе с дружественными инопланетянами.
Голос Риты был как песня, которую он слышал много-много раз.
- Я была твоим другом.
- Никогда. Ты была моей женой.
Голос ее был печален.
- Ты и не пытался стать мне другом. Мне всегда казалось, что ты не любишь меня.
Поэтому я не захотела того чужака, зреющего внутри меня.
Гнев заслонил его сознание, и теперь в нем не было больше ничего, кроме гнева. Холод.
Жар. Желание причинять боль. Палить из чейнгана. Распиливать цепной пилой. Стрелять из ракетницы, только лишь бы стереть все воспоминания об этом браке. Паровой демон не сумел этого сделать.
- Пожалуйста, оставь меня, - взмолился он. - Я должен сконцентрироваться на миссии.
Дисциплина. Ответственность. Команда. Я должен туда вернуться. Спасти Землю. Уничтожить врагов. Уберечь… любимых.
- Любовь, - повторила она. - Прощение - это часть любви.
- Ты разбила нашу…
- Любовь.
- Ты убила нашего…
- Чужака.
- Ты…
- Мертва! - прокричала она. - Как и наш чужак, я мертва. И ты тоже умрешь, если не откроешь себя для нового опыта. Ты должен знать, за что сражаешься. Не может быть, чтобы ты дрался бесцельно, ведь иначе голубая сфера не стала бы тебя спасать.
Идальго услышал собственную речь.
- Я до смерти истек кровью. Почему я должен был быть спасен и закончить путешествие только для того, чтобы умереть, когда мы уже добились успеха?

Он почувствовал, как его язык ворочается во рту. Он почувствовал, что его горло снова может глотать. Теперь, если бы он только мог узнать, что они сделали с его глазами, он смог бы их открыть.
- Извини, Флай - сказала я, сумев наконец себя успокоить. После столкновения со столькими чудовищными мордами, я была потрясена, увидев нечто столь дружественное и забавное. Я перестала смеяться. Но инопланетяне действительно были похожи на персонажей из мультфильма.
Описать одного значило описать другого. Головы были большими, как у гориллы, с огромными лбами. Глаза были широко разведены. Нос был аккуратным, как маленький арахис.
Волосы были коричневыми, цвета орешника. Их тени смотрелись как старые карикатуры на президента Никсона. Цвет лица был желтовато зеленым: возможно, у них имелось немного меди в крови.
Тела были массивными и выглядели сильными. Их руки привели бы в восторг любого культуриста. Они были длиннее человеческих; готова поспорить, что они были точно в той же пропорции с телом, что и у гориллы. С другой стороны, я все еще могла оправдать свою первую реакцию: предплечья слишком сильно выпирали по сравнению с обезьяной. Они были в точности как мультяшки - мне на ум сразу приходили моряк Папайя и комикс «Алли Уп». Не могу понять, как Флай удерживался от смеха!
На фоне узких запястий могучая грудь казалась еще больше. Я не могла не заметить одну деталь, которую Флай, скорее всего, упустил: пошив их одежды был первоклассным. Они носили лётный костюм приглушенно оранжевого цвета, с большим количеством карманов. Если не считать этих карманов, костюм был удивительно сходен в плане дизайна со стандартной военной формой хомо сапиенс. На некоторых из пришедших и вовсе не было одежды, а может быть, и была, трудно было определить. Было приятно обнаружить в наших новых друзьях столько сходств с нами. На ногах были маленькие аккуратные бутсы, поэтому я не могла проверить, насколько глубоко уходило схожесть с гориллой.
Не было сомнений, что эти ребята были друзьями.
- Приветствуем к вам, - сказали они в унисон. Единственное, чего не хватало, так это отсылки к гильдии леденцов. Здесь явно имелась серьезная школа английского.
- Вы братья? - спросил Флай, опередив меня.

- Мы от Клейва, - сказали они.
- Вы можете говорить по отдельности? - спросила я.
- Да, - сказали они одновременно.
Я была молодец. Я не смеялась. Пока я пыжилась, чтобы выдержать ровное лицо, контроль над ситуацией принял Флай. Он встал из релакс-кресла, которое, казалось, при этом вздохнуло, и дотронулся до одного из участников дуэта.
- Как твое имя? - спросил он.
- Мы от Клейва.
Он повторил эту же процедуру с другим и получил тот же ответ. Затем он продолжил:
- Это ваша раса? Ваш, ммм, вид?
Магилла номер один посмотрела на Магиллу номер два. Я подумала, что они решают, кто из них будет говорить, так что мы не будем больше страдать он недостатков двойного голоса.
Один из них сказал:
- Клейв Р Ас.
- Сколько вас?
Настала очередь второго.
- Доходит до триллиона. Уходит от ста.

Генералу нужна была слегка более точная информация. Я присоединилась к Флаю. Он был ближе к одной стороне собеседника, так что я присоединилась к другой. У нас образовался своеобразный квартет.
Я коснулась того, что был ближе ко мне, и спросила:
- У вас есть имена, отдельно у каждого?
- Отдельно? - спросил он. Очевидно, были некоторые проблемы с уроками английского.
- Эта часть нас? - спросил мой. Я кивнула. Они сомкнули головы вместе. Они не пытались общаться через какую-нибудь телепатию. Эти ребята шептались одинаковыми предложениями. Это походило на звук спускающейся шины. Затем они одновременно повернулись к нам. Мой заговорил первым:
- Послушав ваш особенный английский…
- Американийский, - подхватила горилла Флая.
- Мы даем себе имена, - закончил мой.
После этого мы просто стояли, как четыре идиота, ожидая, что кто-то что-нибудь скажет.
Мы преуспели в том, что заставили их говорить отдельно, но теперь они играли в игру в духе “закончи предложение”. Наконец они соизволили:
- Мы Сеарс и Роэбак. Мы ваши друзья. Мы возьмем битву со всеми врагами, и вместе мы сражаться с Фредами.
Одна. В тишине. Она брела по покинутым улицам. Поздним днем температура быстро спадала. Джилл накинула свою ветровку, но это не сильно помогло. Она не любила кофе, но ей было приятно держать горячую чашку в руке; и она нуждалась в кофеине. Разбалтывая остатки в чашке, она задумчиво смотрела на светло-коричневый цвет, который образовали порошковые сливки. Но они все еще имели горький вкус, похожий на кофейный. Хорошо, что она сумела найти еду в заброшенном гастрономе.
Стояло позднеполуденное солнце, и объекты, пойманные его светом, выделялись из окружения. Она была рада иметь при себе темные очки. А вот то, что она потерялась, радовало ее гораздо меньше. Действовать по плану Кена не получилось. Он говорил, что капитан субмарины встретит ее, но только если она уложится в график. Но она не уложилась. К этому моменту субмарина уже давно уплыла. Нельзя было ждать от капитана Эллисона, что он станет подвергать опасности свою команду дольше, чем необходимо. Как обычно, предоставленная сама себе, Джилл двигалась по пути назад в ЛосАнджелес. Там ее приветствовал зомби, бывший мойщик окон. Тварь посмотрела на нее своими водянистыми глазами и начала волочить ноги в ее направлении, размахивая пластмассовой бутылкой, наполненной грязной водой. У Джилл не было боеприпасов.
Она ненавидела убегать, особенно от зомби, низшего звена в пищевой цепочки монстров.
Но лучше уж бегство, чем быть схваченной этими гниющими руками с желтыми ногтями.
Рассудив так, она рванула. Обычные зомби не умели быстро бегать. А у этого так вообще не хватило

энергии сделать что-либо, кроме как выругаться. Только когда Джилл достаточно отдалилась от него, она задалась вопросом, действительно ли это создание было мертвецом.
Мысль о том, что какой-то бездомный не был замечен обеими воюющими сторонами, поразила Джилл. Черт побери, ведь это возможно. Зомби могли бы не заметить бродягу, особенно если он спал в “правильном” мусоре, придававшем ему кислый аромат. И большие монстры, и люди, проходившие через эту область, могли бы принять его за зомби.
От этой идеи ей сделалось дурно. Она легла на землю, окунув себя в аромат кислых лимонов; это сослужит ей службу, если придется пересечься с зомби. Выглядела она вполне соответствующе. Ведь она не спала несколько дней. Круги под глазами и могильная бледность придавали ей вид живого мертвеца.

Боль в животе доставляла ей дискомфорт. Вблизи показался значок аптеки. Она решила зайти, надеясь найти что-нибудь, что успокоит боль.
Джилл не была настолько истощенной, чтобы забыть о предосторожности. Она вынула свое оружие, несмотря на то, что в нем не было патронов. Это увеличивало шансы уйти от неприятностей, если столкнешься с человеческим противником.
Первым же предупреждением стал чистый пол. В заброшенных магазинах царил чудовищный бардак, но это место было безупречно. Сломанные окна были заколочены. Она укорила себя, что не заметила всего этого, когда находилась еще снаружи. И вдруг она услышала низкие голоса. Явно человеческие. Это были не разрозненные кусочки речи, повторяющиеся без смысла. Кто бы это ни был, это точно были не зомби. Хотя бы потому, что зомби не слушали идиотский альтрок. Что за люди могли быть на оккупированной врагом территории? Это могли быть только либо диверсанты, либо предатели. Она рассмотрела свое окружение более тщательно. Изначальное содержание полок отсутствовало. Она сделала плохой выбор, если верить ее животу.
Вместо стандартных аптечных товаров стояли большие коробки. Лучи солнечного света пробивались сквозь окно и падали на ящик рядом с ее коленями. Она заглянула внутрь и увидела бутылку питательного вещества, сделанного из водородного цианида.
Она чуть ли не присвистнула, но сдержалась. Было бы неплохо сначала удостовериться, кому принадлежат голоса: друзьям или врагам. Внутреннее чувство подсказывало, что это были враги. А эта химия могла использоваться на определенных стадиях производства монстров.
Нужно было выяснить это, пока еще светло. При всей своей физической завершенности, Джилл была достаточно легкой, чтобы уметь ходить беззвучно. Кошачьими шагами она подкралась к вентиляции, где голоса слышались гораздо отчетливей.
Двое мужчин разговаривали в соседней комнате. Она не могла их видеть, но она слышала каждое слово, громко и отчетливо.
- Хозяева говорят, что мы унаследуем Землю, - проговорил низкий голос.
- Они уже начали работы по усмирению, - ответил, хихикнув, голос повыше. Он звучал, как у Питера Лорра из старого фильма ужасов.
Джилл не нуждалась в выслушивании дальнейшей беседы: это были предатели. Самые настоящие.
Этих падших людишек не собирали на заводах. Джилл была потрясена, что они не могли придумать лучшего имени для Фредов, кроме как “хозяева”.
- Я был на брифинге генерала, - произнес глубокий голос. - Он сказал нам, что сопротивление настолько отчаянное, что они начали пропагандистскую кампанию, чтобы убедить людей, что хозяева имеют врагов и в другом месте во вселенной.
- Да, я тоже об этом слышал, - Второй снова хихикнул. - Хозяева - это единственная форма жизни, помимо нас. Они сами нам так говорили. Конечно, это если не считать ту жизнь, которую они создают. Вот почему мы для них так важны: мы - единственные носители интеллекта во всей галактике.
Для Джилл этого было достаточно. Флай часто спрашивал, что она сделала бы, окажись в ее руках предатели. Она также задавалась этим вопросом. Сейчас у нее появился шанс получить ответ.
Доктор Эйкерман считал Джилл гением. Несмотря на свой юный возраст и увлеченность виртуальностью, у нее имелись навыки и для реальной жизни. Она имела много интересов - таких как химия, например.

Пока те двое продолжали беседовать, Джилл проверила содержимое остальных коробок.
Враг использовал эту аптеку, как резервный склад… и здесь у Джилл было все, чтобы сделать циан.

Предатели все еще разговаривали и продолжали играть свою паршивую музыку, издавая достаточно шума, чтобы скрыть Джилл, пока она мастерила свой кустарный химический набор.
Они не услышали, как она поставила портативный вентилятор, снабженный питанием рядом с вентилем. Смешав компоненты, она приступила к приготовлениям. После этого она отошла назад, подальше от смертельного газа цианида, прикрывая рот тряпкой, которую она нашла в корзине с вентилятором. Последние слова, которые она уловила от предателей, были произнесены тем, кто имел глубокий голос, а потом он начал хрипеть, кашлять и задыхаться.
- Хозяева говорят, что Земля для них сейчас самое важное место в галактике, - говорил он, - и мы находимся в самом центре действия.
Когда Джилл покинула аптеку, она устремила ищущий взгляд в темнеющее небо. “Сейчас вы на пути к Фобосу. После этого вы уйдете так далеко, что я, вероятно, уже никогда не увижу вас снова. Я сделала это с ними ради вас. Прощайте, Альберт, Арлин… Флай.
23
- Земля не очень важна.
- Опять за свое? - возмутилась Арлин.
Сиарс и Роэбак не заметили ее раздражительного тона. Они просто честно отвечали на мой вопрос. Интересно, весь народ Клейв такой же, как они?
- Они не придают оценки суждениям, Арлин, - сказал я. - Если факты оскорбляют нашу гордость, это не их вина.
Если бы взгляд мог убивать, ее взгляд поджарил бы меня на вертеле.
- Не пытайся мне покровительствовать, - сказала она, и это было худшей подколкой моему самолюбию.
- Я была удивлена, только и всего. Просто почему же тогда Фреды наплодили столько тонн мерзких чудовищ и наводнили собой Солнечную систему, если Земля для них не важна?
- Спрашивай не меня. Спрашивай их.
Мы повернулись к Сеарсу и Роэбаку. Они молчали. Поэтому Арлин вежливо задала вопрос персонально им.
- Земля оказалась в зоне перекрестного огня. Их не заботит, что будет с людьми. Галактика - это место действия игры. Вы бы назвали галактическую дипломатию другими словами. Нет войны за Землю. Ваше пространство слишком мало. Земля - всего лишь один шаг в игре. Это произошло с вами, потому что вы имеете значение. Все части имеют значение для Клейва. Вся игра имеет значение для…
Он использовал слово, чтобы назвать Фредов. Этому слову не было англоязычного эквивалента. Для человеческих ушей это был шум.
- Только ли народ Клейв сражается с Фредами? - спросила Арлин.
Сиарс и Роэбак поняли, что мы говорим о врагах. По каким-то чуждым нам причинам, они не называли их Фредами. Мне захотелось убедить их использовать любое наше слово, только бы не слышать этот звук, от которого болели зубы.
Отвечая на вопрос Арлин, они использовали другой шум, похожий на скрип ногтями по доске, чтобы описать большую общину инопланетян, в которой народ Клейв составлял лишь малую часть.
- Все, кто здесь, противостоят %$ amp;*@@+.
- Пожалуйста, - попросила Арлин, - не могли бы вы называть их Фредами? Это то слово, которое мы можем понять.
- Фреды, - повторили наши новые товарищи.
- Видите, это не трудно.
Я поблагодарил их.
- Сиарс и Роэбак настоящие джентльмены, - сказала Арлин.
С amp;Р заулыбались. Это было великое открытие - найти внеземных обитателей, умеющих улыбаться, даже если бы это была их версия хмурого взгляда. Мы не стали расспрашивать. Мы не хотели в этом путаться. Они делали все в своих обычаях. Они старательно проделали еще одну попытку дать нам на своем специфическом английском урок галактической истории. Я даже не представлял, сколь многое

стояло за атакой на человечество. Внезапно зомби, импы, демоны, призраки, летающие черепа, тыквы и супертыквы, князья ада, паровые демоны, умные пауки и паучки?, толстяки, костлявые, пожиратели огня и неведомая хрень из моря - все они показались такими незначительными в той грандиозной схеме, которая была сейчас раскрыта перед нами.
Монстры, с которыми мы бились, были всего лишь пешками. И это не удивляло. Человечество тоже было пешкой в галактической шахматной игре, развернувшейся между Фредами и вестниками.

И так же внезапно стало ясно, почему нас не приветствовали с духовым оркестром и ключом от города, когда мы прибыли. Мы не были для них кем-то значимым. Но в то же время было очевидно, почему мы были приглашены. Мы были в низшей лиге, но тем не менее мы были в игре. Выяснилось, что это был не единственный комок грязи, который не оценивался как звезда.
Были другие базы, куда более важные, чем эта. Я потряс головой. Я чувствовал себя деревенским мальчишкой, попавшим в большой город. Для меня это все равно была межгалактическая база, несмотря на то, что по здешним меркам это захолустье.
Когда я объяснил Сиарсу и Роэбаку, как я себя чувствовал, они посмотрели друга на друга так, будто всматривались в отражение в зеркале. Затем сказали:
- Скоро мы информировать вас о вашем нахождении. Вы попали не в захолустье, если вашими словами.
Они вернулись к старой теме. Я в очередной раз был впечатлен тем, как Клейвиане беспокоились обо всех жизненных формах, пострадавших от злодеев. Так что неудивительно, почему мы получили от Сиарса и Роэбака столь тщательный уход. Они были самыми благородными существами на всей этой колоссальной базе… но они все равно выглядели так, будто только что вылезли из детских мультиков.
Мультиков, которые я каким-то образом пропустил, когда рос. Арлин была моложе меня, но она пересмотрела куда больше развлекательных передач. Она спрашивала меня, почему я был настолько культурно ограничен. Я знал, как заткнуть ее: “Потому что был занят, готовясь ментально, физически и духовно к роли спасителя Земли. У меня не было времени, чтобы тратить его на медиа-развлекаловки”. На нее это подействовало.
Я не мог дождаться, чтобы найти Альберта и рассказать ему хорошие новости. Как только капитан Идальго встанет на ноги, ему тоже нужно зачитать краткий бриффинг. В конце концов, наша миссия была успешной. Мы нашли инопланетян, которые не хотят, чтобы Фреды оккупировали солнечную систему. Земля для них могла быть равносильна деревне или маленькому городку, но мы, по крайней мере, могли рассчитывать на этот уровень помощи. Мы видели Третью Мировую глазами высших существ.
Голос в задней части головы начал нашептывать, что директор Вилльямс был бы более доволен этим открытием, чем адмирал Киммел или полковник Хукер. Черт, хотел бы я увидеть лица людей на общечеловеческом собрании, когда они услышат, какое место им уготовано во вселенской иерархии.
Затем эта вечная читательница мыслей Арлин задала С amp;Р вопрос на миллион:
- Так за что же вы сражаетесь, ребята?
Мы допытывались от С amp;Р ответа на этот вопрос целый час (по земным меркам).
Проблема была не в их странном синтаксисе, но в том, что мы просто не понимали, о чем речь.
И тут мы получили неожиданную помощь от нашей четвертинки: к нам присоединился Альберт; он двигался, как бы плывя сквозь воздух. Не в действительности, конечно. Просто так выглядело. База имела гравитационные зоны и участки свободного падения. Что бы Фреды не сделали на Фобосе, эти ребята делали все еще лучше! Альберт как будто двигался на эскалаторе.
Сначала он парил высоко, возле потолка. Затем он медленно спланировал вниз, будто включился эскалатор гравитационного перехода! Именно так все и выглядело. Он двигал руками и ногами так, будто плыл брассом, глядя на нас с улыбкой.
Я надеялся, что с его плохим настроением и обидами покончено. Я сильно недооценил пользу от медитации. По нему было видно, что он был рад с нами воссоединиться. И он выбрал отличный момент, чтобы встретиться с Сиарсом и Роэбаком.
Когда Альберт приземлился, он вынул маленький фиолетовый шар и сжал его. Появилась копия Альберта. Я видел эти игрушки раньше. Этот шар создавал впечатление виртуальной реальности. Двойник в точности повторял движения Альберта.

- Зачем это? - спросил я.

- Верь мне, - ответил он. - Расскажу вам позже.
Все остальное время он был с нами, а его трехмерное изображение повторяло его движения, находясь в нескольких футах от него.
Арлин пожала плечами. Мол, что с того, что Альберт решил развеять скуку? Она представила его:
- Сеарс и Роэбак, хочу представить вам еще одного члена нашей команды.
Лица Магиллы Гориллы растянулись в улыбке шире, чем это казалось возможным.
Выглядело, будто их головам грозила опасность расклеиться.
- Мы уже общались с этими солдатом раньше, - сказали они.
Что ж, я вляпался в субстанцию, которую очень успешно перерабатывали на этой базе.
Пожалуй, я сильно недооценил медитативные практики Альберта. Он помахал рукой двойникам, и они махали ему в ответ.
Альберт взял со стола стакан с водой и отпил из него.
- Вы, должно быть, засыпали их вопросами, - сказал он.
Арлин игриво потянула за рукава Альберта. Ему, казалось, было очень удобно в мерцающих одеждах, которые он выбрал. Стиль показался мне слегка восточным.
- Ты уже разговаривал с ними?
- Да.
- Ты понял, из-за чего идет война? - спросила Арлин.
Альберт занял одно из кресел, которые мы освободили.
- Насколько я вообще в состоянии понять, речь идет о религиозной войне.
С amp;Р упоминали дипломатию. В случае с Арлин лучше было бы использовать это слово.
Она фыркнула, когда Альберт произнес слово на букву “р”.
- Я ожидала этого от тебя, - сказал она с презрением.
- Арлин! - вклинился было я.
- Все нормально, Флай, - остановил меня Альберт. - Я понимаю, почему Арлин так реагирует.
- Прошу прощения, - сказала Арлин, но звучали эти слова совсем не вежливо. - Пожалуйста, не говори обо мне в третьем лице, когда стою я рядом.
Альберт не был в настроении отступать.
- Но мы же говорим о Сеарсе и Роэбаке, когда они рядом.
Парень говорил мысль. С amp;Р всегда вежливо ждали, когда кто-нибудь из нас обратится к ним напрямую. Сейчас они не двигались с места и даже не смотрели на нас.
Альберт смотрел на Арлин сильным, ровным пристальным взглядом, которого я никогда не замечал у него прежде. Мне определенно нужно было пересмотреть свои взгляды относительно медитации.
- Арлин, - начал он мягко, - вполне возможно, что мы в принципе не способны понять, почему эти высокоразвитые существа находятся в конфликте. Они обладают такими продвинутыми технологиями и мощностями, что не может быть, чтобы им нужна была территория или ресурсы друг друга. Война для них - это некая галактическая шахматная игра.
Мы не способны добраться до корневой причины этой войны. Думаю, лучшее, что мы можем - это привести аналогию. Лично мне удобнее всего сравнить эту ситуацию с разными направлениями Южных Баптистов, или, скажем, с суннитскими и шиитскими мусульманами.
Если смотреть изнутри, между ними огромная пропасть. Если смотреть снаружи, различия могут показаться незначительными. Если вы найдете мои рассуждения недопустимыми, мы не скажем об этом больше ни слова, но мне бы хотелось элементарной вежливости, если это возможно.
Впервые за все время их отношений Альберт дал моей подруге сдачи, хорошей и крепкой.
По крайней мере, я заметил это впервые. Альберт позволил себе использовать

покровительственный тон. Я подумал, что на Арлин это окажет нужное воздействие. Так оно и оказалось.
- Прости, Альберт, - сказала она. - Твое объяснение логично. Ты знаешь, я нетерпелива, но признаю - нет оправдания для грубости.

- Спасибо, - ответил он.
Настало то самое время, когда нужно было хватать мяч и бежать к воротам.
- Сеарс и Роэбак, - обратился я к ним.
- Да? - отозвались они.
- Разговор, который у нас только что был… мм… прояснил для вас проблему? Конечно, если вы нас слышали. Мы не пытались беседовать приватно, находясь при этом рядом с вами.
- Приватно?
- Ну, вы понимаете, что я имею в виду. Приватно! Ну, в смысле, у вас такой большой словарный запас английского… вы должны были все услышать и понять.
- Свободная база, - сказали они.
Мы все втроем издали большое дружное “А?”. Тогда они сделали вторую попытку.
- База с данными. Мы располагать большими скоплениями словарей. Приватный - это низший ранг земной армии.
- Да, ну, в общем… - произнес я. - Мы вернемся к этой теме позже.
Я посмотрел на их комические лица. Они посмотрели на меня.
- Я забыл, о чем вас спрашивал, - признался я.
- Неясные религиозные хождения от объекта к субъекту, - ответили Сеарс и Роэбак. - Мы сожалеем, что не смогли сделать объедение.
- Объяснение, - поправил я, уже даже не задумываясь. Боже, я привыкал к их говору. - Я не хотел вас критиковать, - извинился я, - но мы говорим о другом. Спасибо за попытку объяснить.
- Критиковать, - повторили С amp;Р. - Кинокритики. Книжные критики. Критики искусства.
Критики научной фантастики.
Альберт смотрел в том же направлении, что и я.
- Это правда? - спросил он нетерпеливо. - У вас имеются эстетические разногласия с Фредами?
- Война идет сотни тысяч лет, - сказали С amp;Р. - Это приводит к изменениям планетарных систем. Разные расы - это субъекты, объекты.
- Как это началось? - спросила Арлин, вдруг с таким же энтузиазмом, как Альберт.
- Вы можете называть их книгами, - ответили С amp;Р. - Священными тестами.
- Текстами, - снова поправил я, почти бессознательно.
- Текстами, - повторили они. Мне захотелось поставить им плюсик. - Книгам двенадцать миллионов лет. Фреды несогласны с нами.
- С народом Клейв? - спросил я.
- Со всеми нами. Не один Клейв, а все, кто здесь. Мы принесли вас, чтобы идти на войну.
- Литературное толкование, - удивилась Арлин. Я не собирался забывать, что она некоторое время специализировалась на английском языке.
Альберт хлопал в ладоши, как ребенок, которому только что дали подарок, который он всегда хотел - понимание.
- Две стороны - это толкователи, которые захватывают звездные системы, чтобы распространить свой вариант учения. Мне это нравится. Звучит слишком безумно, чтобы не нравиться. В чем заключается их основное несогласие с книгами, которым двенадцать миллионов лет?
Тут С amp;Р выдали одну из своих лучших фраз:
- Фреды хотят их демонтировать.
Арлин закричала, но это был крик восторга.

- О Боже, - проговорила она, - они деконструкционисты!
24
- Ты должна объяснить мне, что это означает, - прошептал Флай мне в ухо.
Я еще не успокоилась от того, что наболтала. Я смотрела на Флая самым чистым взглядом, имеющимся в моем репертуаре.
- Ты о деконструкционизме? - спросила я.
- Ага.
Я не готова была признаться великому Флаю Таггарту, что идея моя была простенькой. Я не завершила

свою научную работу, пока училась в колледже. Я боялась, что если начну коллекционировать медали в гуманитарных науках, это помешает жизни в реальном мире. Но я успела нахватать несколько умных словечек. Настало время проверить свои знания на прочность.
- “Деконструкционизм”. Как звучит, так и понимается, - сказала я. - Профессора литературы разбирают тексты по кусочкам и исследуют их.
- Чем это отличается от того, что делают другие профессора? - поинтересовался Флай. У него было такое стойкое предубеждение о высшем обучении, что я удивлялась, почему он вообще меня дергает. Я была для него официальным исключением из правила о том, что колледж вредит мозгам.
Еще один комментарий - и я исчерпаю свой багаж знаний по данному предмету.
- Ну, они выдвигают разные мнения по поводу того, что хотел сказать автор текста.
Я расстреляла всю обойму. Прежде, чем Флай потребовал уточнений и примеров, я поспешила свалить все на плечи наших новых друзей.
- Я уверена, Сеарс и Роэбак ответят лучше, - сказала я, - ведь в их распоряжении информация обо всем нашем мире, которую они носят в своих симпатичных головах.
- Хорошая попытка, - сказал Альберт, пытаясь удержаться от смеха. Не уверена, что он знал о предмете больше меня, но готова поспорить, что он все еще не отошел от обиды за мой сарказм. Арлин, что за глупости тебя занимают! Все, что нам действительно нужно сейчас знать, так это содержание тех старинных книг, если мы вообще в состоянии их понять. Сеарс и Роэбак не спасли меня. Их головы были наполнены информацией о нашем языке, но у них был талант все путать в самые неподходящие моменты. Такие, как сейчас.
- Деконструкция, - проговорили они. - Приставка “де-” предшествует существительному “конструкция”, как в словосочетании “деконструкция дома”.
Великолепно. Они действовали по шаблону Чико Маркса! Флай и Альберт сначала растерялись, а потом разразились смехом. Ну что ж, если им можно смеяться над Магиллой Гориллой, то можно и мне. Наши инопланетные товарищи не присоединились к нам, но не думаю, что они были оскорблены. Они не понимали нашего юмора. Что ж, не удивительно.
Юмор - это последний слой культуры, который может быть усвоен чужеземцем. Если имеет место быть такой феномен, как юмор Клейва, у нас так же мало шансов его понять. Альберт пришел на выручку. Интересно, сколько времени он провел в беседах с двойниками, в то время как я думала, что он пребывает в медитации? Он объяснил все просто:
- Мы говорим о литературной теории. Фреды имеют одну. Ваша сторона - другую.
Деконструкционизм в литературе - это, например, когда вы натыкаетесь на противоположную версию того, кем является ваша сторона в этой галактической войне.
Стоило немного подтолкнуть С amp;Р в нужном направлении, и произошло чудо.
- Поджигать одну минуту, - сказали они. - Мы учимся через обращение к фотогеничной памяти. Деконструкция - это не то, что мы сказали. Теперь мы понимаем, в чем различение.
Была моя очередь шептать на ухо Альберту. Я старалась быть ласковой к своему большому детине, чтобы окончательно убедить его простить меня.
- Подозреваю, Сеарсу и Роэбаку труднее понять нас, когда они думают, что им все понятно.

- Аминь, - сказал он. По крайней мере, наполовину я была прощена.
- Мы знаем, чем был народ Клейв в войне, - сказали С amp;Р.
И снова затишье. Такие моменты меня страшно раздражали.
- И кем вы были? - поторопила я наших иноземцев.
- Мы гиперреалисты, - ответили они. - Мы оставляем книги вместе.
- И вы оставляете миры в одиночестве, - закончил Альберт, радуясь направлению, которое приняла наша беседа. С amp;Р наконец поняли нас.
- Когда ваш юнит восстановится, мы пойдем на базу Фреда и продолжим ваше участие в войне. Мы драться вместе с вами.
У меня заняло несколько секунд, чтобы понять, о чем они говорили. Наш юнит не досчитывал капитана Идальго. Я никогда бы не подумала, что мы пройдем все эти невероятные километры лишь для того, чтобы взять в команду еще двух членов. Даже не знаю, как такую новость воспримет Идальго.

- Как далеко эта база? - спросил Альберт.
Я хотела было упрекнуть Альберта, но сдержалась. Как можно спрашивать о расстоянии до Фредов, когда мы даже не знаем, где находимся? Мне было непонятно, почему наши собеседники не желали дать прямой ответ на этот вопрос. А может быть, Альберт делал это намеренно, чтобы выведать у С amp;Р наше местоположение?
Вне зависимости от его устремлений, ответ был такой:
- База Фредов в двух стах ярких лет отсюда.
- Световых лет, - поправил их Флай. Если он будет продолжать в том же духе, его ждет успешная карьера… редактора!
Я поняла, что настала моя очередь.
- Это не говорит нам о том, как далеко находятся Фреды от нашей солнечной системы.
С amp;Р ответили немедленно:
- В двух стах световых лет.
Пока я раздумывала над новым ответом наших гостеприимцев, в дело вступил Флай:
- Прошу прощения, - произнес он таким голосом, что ясно было, что новых сюрпризов он больше не потерпит. - Что вы только что сказали?
С amp;Р повторили:
- Две сотни световых лет.
- Это расстояние до них с этой базы? - переспросил Флай. Двойники кивнули. Таким макаром они скоро доведут нас до точки кипения. - И такое же расстояние до них от солнечной системы? - вбил он последний гвоздь. Двойники снова кивнули.
Голос Флая звучал так спокойно и размеренно, что мне стало жутко. Это было хуже, чем когда он психовал по поводу “одного с половиной месяца!” на “Бове”.
- Спрошу для полной ясности, - начал он. - Находясь на этой базе, мы находимся конкретно где…?
Если до этого Сиарс и Роэбак походили на мультяшек, то сейчас это сходство стало еще более явным. Было одно слово, которое, очевидно, отсутствовало в их неисчерпаемом багаже.
Этим словом было “Упс!”.
С amp;Р решили больше не секретничать:
- Мы за орбитой Харона-Плутона.
- Почему вы не сказали нам это раньше? - спросила я.
- Необходимо было знать, - ответили они. - Вскоре часть вашего юнита, зовут Идальго, будет возвращен к вам, и боевая единица будет целой.
- Они дожидались, чтобы рассказать это всем, - услужливо перевел Альберт.
- Позвольте спросить прямо, - спросил Флай, решив разобраться с главным вопросом и не обращая внимание на все остальное. - Только что мы были убеждены, что Земля имеет

относительно малую важность в гигантской схеме вещей. А теперь вы шокируете нас новостью, что этот гигантский музей построен совсем вблизи от нашей ничего не значащей солнечной системы.
Мне показалось, что Флай слегка не рассчитывает силы, налегая на этот вопрос. Я бы посоветовала ему принять пилюли от стресса и успокоиться… но у нас не было пилюль от стресса. С amp;Р, похожи, не были осведомлены о человеческих расстройствах.
Говоря о Флае, нужно отметить одну вещь: когда он сталкивается со стеной, он всегда пытается идти напролом. Настоящий морпех. Когда Флай успокоился, двойники принялись за объяснения.
Все мы были уверены, что пролетели много световых лет, перед тем как попали на эту базу. Но нет. Ошиблись. Мы думали, есть большая вероятность, что мы были в пути много лет, по меркам Земли. Нет. Снова ошиблись. Несколько других предположений также можно было бросить в печку. Я вспомнила, как директор говорил, что не было способа определить местонахождение секретной базы, и тут же вспомнила Джилл, которая над этим смеялась. До чего же отчаянно Уоррен Вильямс хотел раскрыть секреты звезд.
Бедняга был бы разочарован, наверное, так же, как и Флай, узнавший, что не существует такой вещи, как перемещение со сверхсветовой скоростью. Многие люди никогда и не думали иначе, однако эти же люди никогда не думали и о войне с мириадами инопланетных захватчиков.

До сего момента, находясь на этой гигантской галактической базе (которую, как ни странно, построили на нашем, можно сказать, заднем дворике), я думала, что галактическая война станет доказательством существования сверхсветовых скоростей.
Я выросла на книгах всех великих авторов жанра научной фантастики. Э. Э. Док Смит и его безынертный двигатель. Джон В. Кэмпбелл младший со своей дюжиной способов обойти лимит скорости Эйнштейна. Артур К. Кларк с целой кипой трюков, до которых остальные не додумались. Но от галактической войны без перемещений со сверхсветовыми скоростями мой мозг взорвался еще сильнее, чем тот каркас паука-мозга на Деймосе.
Сеарсу и Роэнбаку наконец удалось объяснить нам реальную ситуацию. Флай не был поклонником научной фантастики и поэтому крайне тяжело воспринимал информацию.
Наверное, единственное, что связывало его с этой темой, был “Стар Трек” - его не мог не посмотреть даже он. Или, может быть, одна лишь любовь к приключениям. Мы думали, будто путешествуем сквозь вселенную, а тут выясняется, что мы в гостях у старого соседа. Зато Альберт вообще не выказывал признаков волнения. В священных писаниях ничего не сказано о сверхсветовых перемещениях, а значит и нет поводов для беспокойств.
Извлекать факты из С amp;Р было непростой работенкой, но они были готовы отвечать на любой наш вопрос. Реальность была такова: во-первых, нет такого понятия, как гиперпространство. Гиперактивные дети, такие как Джилл - да, есть. Гиперпространства - нет.
Все происходит в релятивистских скоростях. Когда мы вошли во врата на Фобосе, путешествие заняло у нас почти семь с половиной часов по земному времени, и шло со скоростью, лишь едва дотягивающей до световой.
Галактическая игра в шахматы растянулась на тысячелетия. Мы об этом еще не спрашивали, но я была готова поспорить на что угодно, что некоторые из этих сосунков жили чертовски долго. Так должно было быть. Иначе как могли индивидуумы сохранять интерес к этим пропитанным кровью играм?
В самом начале у Фредов заняло более двух сотен наших лет, чтобы достичь Земли. Это была моя идея относительно планирования дальнего действия. Это была моя идея относительно непримиримого врага. Подумать только, эти ребята сражались за книги, которым двенадцать миллионов лет, и сражались лишь потому, что какой-то комментатор неправильно их интерпретировал! И сколько же инопланетных рас было истреблено всего лишь из-за плохой рецензии? Флаю, Альберту и мне

ничуть не стало легче, когда мы узнали, что сейчас наступило относительно спокойное время, лишь с периодическим вспышками войн на периферии.
Миллионы гниющих человеческих трупов даже как-то не обсуждались. Монстры, посланные Фредами поработить человечество, были лишь очередным шагом в игре про литературную критику. Пока мы все вместе мучительно постигали историю жизни в галактике, у меня было странное чувство, что Фреды взялись за человеческую расу более серьезно, чем за остальных “хороших ребят”. Ах, да, нам удалось поговорить с Сеарсом и Роэбаком. Возможно, весь народ Клейв действовал в своих рамках высокой этики и благопристойности. Но даже если так, лучшее, что мы могли ждать - это шанса снова стать морпехами.
Фреды послали сотни, тысячи, может, миллионы своих демонических монстров, чтобы истребить род людской. Элементарная человеческая гордость заставляла меня чувствовать в первый - и, я надеялась, в последний - раз, что Фреды были нашими злейшими врагами. Они должны бояться нас. Деконструкционисты думали, что мы можем деконструировать их.
Гиперреалисты же были заняты своим дерьмом.
25
- Я люблю тебя.
Арлин коснулась моего лица и сказала:
- Тебе не нужно было этого делать.
Я думал, мы так и не сможем побыть одни. Но Флай сделал мне одолжение, уведя с собой Сеарса и Роэбака. Они все еще пытались ему объяснить, почему мы существуем во вселенной Эйнштейна, где нет сверхсветовых скоростей. Арлин была слишком расстроена, чтобы вникать сейчас в детали. Кроме того, я мог выключить мой проектор прямо сейчас. Неприятно было наблюдать за собой. Да и глупо

делать это все время. Конечно, я имел очень серьезное основание, чтобы принести это устройство. Еще в самом начале проведенного с C amp;P времени, я многое узнал об их особенностях. Об этом можно рассказать ребятам попозже. Когда зайдет речь о работе. Бизнесе. Миссии.
В данный же момент меня волновало кое-что более важное: моя возможность побыть наедине с Арлин! Наша маленькая размолвка была забыта, стоило ей надеть свое золотое кольцо.
Думаю, то, что я углядел в уголках ее глаз, были намечающиеся слезы. Кольцо было приложением к ожерелью.
- Как тебе это удалось? - спросила она. То, первое, кольцо исчезло вместе со всем остальным, когда мы прошли сквозь врата.
- Сеарс и Роэбак, - ответил я. - Мы не можем и мечтать о лучших ангелах-хранителях.
Она кивнула в знак согласия.
- Сколько времени ты провел с ними перед тем, как мы с Флаем их встретили?
- Достаточно.
Она хихикнула.
- Ты не любишь раскрывать подробностей своих сюрпризов.
- Ты сама можешь догадаться. У Сеарса и Роэбака в рукавах есть фокусы и покруче, чем синтезированная еда. Они синтезировали кольцо, стоило мне их попросить. Мне пришлось лишь объяснить им детали. При этом я не стал снова просить у них эти собачьи номерки.
- Я это переживу. Скажи, ты не пробовал научиться отличать Сеарса от Роэбака?
- Не думаю, что на это стоит тратить время.
- Знаю, что ты хочешь сказать. Скажи, ты просил их держать кольцо в секрете, чтобы потом удивить меня?
- Нет. Как только они сделали кольцо, они отдали его мне. Теперь это было только мое дело. К тому же, не думаю, что они хорошо держат секреты. Похоже, у них в принципе нет понятия приватности.
- Меня это тоже интересовало. Не думаю также, что они разделяют наше понятие индивидуальности. Видимо, народ Клейв представляет собой коллективистское общество.
- Или даже больше того, - добавил я.
- Да. Интересно, как далеко заходит этот коллективизм. Было бы любопытно это разузнать.
Она остановилась, ожидая, что я что-нибудь скажу. А я просто смотрел на нее и слушал стук собственного сердца. Затем я специально отвел взгляд в сторону. Мы стояли лицом друг к другу, возле нас в воздухе парил стол. Над головами дрейфовал аквариум, в нем лениво плавали какие-то морские животные. В моей душе царил мир. Я наконец увидел странных существ из других миров, и никого из них не нужно было убивать. Не нужно было окунаться в мусор. Не нужно было палить из ракетницы и выпускать кому-то кишки в паре со своей дамой сердца.
Я устал от наших профессиональных бесед. Я ждал, когда Арлин снова захочет говорить о нас. Кольцо оправдало надежды. Ее глаза смотрели на меня, затем соскальзывали на кольцо, а затем снова поднимались на меня.
- Это для меня - мир, - сказала она. - Целая вселенная.

Это были слова от самого сердца.
Я хотел, чтобы у нее были длинные волосы вместо военной стрижки. И взялся же откудато парикмахер на Гавайской базе, черт возьми! Если бы они были длинными, прядь волос могла бы случайно соскользнуть на ее глаза, и я мог бы ее убрать. Она вызывала во мне самые нежные чувства. Я не нарушил бы ради нее табу на секс, но это не значит, что я не чувствовал желания.
Всякий раз, когда выдавался случай, я намеревался напомнить ей о предложении.
С ней было нелегко. Флай не уставал говорить, что она самый храбрый человек на свете.
Сравнения с мужчиной напрашивались сами. У нее были нравы самого настоящего современного мужчины. Это - проблема. Ее проблема.
- Альберт, - хрипло проговорила она, - ты не пересмотрел мой вариант?
- Арлин, ты не пересмотрела мое предложение?
Она начала было отвечать, но оставила рот открытым на полуслове. Так она выглядела очень мило. Затем она проговорила:

- Ты произнес слово на букву “п”.
- Да, произнес.
- Кто нас поженит?
- Капитан Идальго - капитан нашего “корабля”. Медбот сказал, что он поправляется.
- Могу только представить, как он среагирует, когда мы попросим обвенчать нас.
Я не согласился.
- Капитан заметно поменялся за время миссии. Он тал лучше как человек Его горизонты расширились.
- Трудно не поменяться здесь, - пошутила она. Я не засмеялся. Иногда бывает время, когда нужна серьезность. Этот момент был как раз таким.
- Арлин, ты выйдешь за меня?
Она была явно разочарована мной. Мы играли в игру, где предполагалось, что я не буду действовать так прямо. Вполне можно было ожидать от нее каких-то непристойных действий, сейчас это было бы приемлемо. Не было определенного правила: я не предполагал использовать слово на букву “п”. Сейчас она не была крутой подругой Флая, сейчас она выбрала манеру поведения современной женщины, которая мне, кстати, не очень нравилась:
- Это было бы несправедливо по отношению к тебе.
Не думаю, что от начала времен нашлась бы хоть одна женщина, которая верила бы в эти слова.
- Я не верю в справедливость. Я верю в обещания. Ты - женщина своего слова. Ты соблюдаешь свои обязательства. Мы оба это знаем. Ты боишься пообещать, потому что сомневаешься, что сможешь сдержать свое слово.
- Тогда почему ты продолжаешь меня спрашивать?
Я пожал плечами.
- Мы принадлежим друг другу. Я чувствую это мозгом костей.
Она вздохнула.
- Мы не можем планировать будущее.
Я взял ее за руку, на которой было кольцо. Она сжала кисть в кулак.
- Арлин, женитьба - это не планирование будущего. Это обещание, которое может продлиться пять минут или пятьдесят лет. Будь честной. Ты боишься не того, что у нас не будет времени побыть вместе. Ты боишься, что у нас его будет слишком много.
Она вырвала руку, да так быстро, что ожерелье, зажатое в ее кулаке, зацепилось за мой палец. Выглядело, как будто мы были соединены пуповиной… а затем разъединились.
Ее голос звучал, словно девичий, когда она сказала:
- Я люблю тебя, Альберт, но никогда не говори мне, что я чувствую. И чего я боюсь.

Мы встретились с нашими худшими демонами. Мы распространяли смерть и разрушение среди уродцев, пришедших из тьмы. Но пропасть между нами было глубже, темнее и страшнее, чем задница парового демона.
В этот раз мы были спасены сержантом - старым добрым Флинном Таггартом. Он вернулся со своей последней сессии с Сеарсом и Роэбаком.
Наконец, он выглядел радостным.
- Если так будет продолжаться, я попробую себя в новом деле - межзвездного переводчика.
Капитан Идальго будет с нами на обеде. Сеарс и Роэбак рассказали мне о своем плане.
- А не лучше ли им было подождать обеда, когда все соберутся? - спросил я.
Он помотал головой.
- Не этим ребятам, Альберт. Они считают, что если они что-то говорят одному, это узнают и все остальные. Сдается мне, что у народа Клейв нет даже системы рангов.
Мы ждали, пока Арлин скажет что-нибудь. Это была наша привычка. Должно быть, я расстроил ее сильнее, чем думал. Она не участвовала в разговоре. Поэтому я спросил:
- Как думаешь, капитан снова захочет, чтобы мы ходили по струнке, когда поправится?
Я не хотел, чтобы это звучало с сарказмом. Я ничего не имел против капитана. Арлин могла бы за это поручиться… если бы не была на меня обижена. Но Флай принял это за сарказм.
- Поосторожнее, мистер! Капитан - все еще наш командир.

- Да, - наконец заговорила Арлин. - Идальго ответственен за выполнение миссии. И мы должны сделать все, чтобы поддержать его в этом.
Они с Флаем обменялись взглядами. Все таки между ними есть связь, которую ничто не ослабит. Даже женитьба.
- Что ты узнал от Сеарса и Роэбака? - спросила она.
И Флай нам рассказал.
Вместе с Сеарсом и Роэбаком мы устроим небольшой пикник на базе Фредов. Цель миссии - некое супертехнологичное оружие, способное вызывать резонансную обратную связь, которая вырубит все компьютерные системы плохих ребят.
По мне так звучало неплохо, но была помеха. Вражеская база была в двадцати световых годах отсюда, и жестокая правда заключалась в том, что “Стар Трек” был всего лишь принятием желаемого за действительное. Реальность же более сурова.
Путешествие займет двадцать лет! Затем пройдет еще двадцать лет, пока вирус обратной связи не будет передан на все компьютеры Фредов. Вирус может быть установлен в систему лишь на нашей базе. Мне захотелось, чтобы с нами была Джилл.
Я получил небольшие знания в школе. Еще я работал на кассовом аппарате - это была моя первая настоящая работа. Так что я умел складывать числа. Сорок лет!
- На этом задании мы проведем остаток жизни, - вырвалось у меня.
- Нет, - сказал Флай радостно. - Я тоже так сначала подумал. Но все не так плохо. Может быть, у нас нет сверхсветовых скоростей, но у нас есть корабли, которые летают достаточно быстро для наших целей. Путешествие займет всего лишь несколько недель, несмотря на то что по земным меркам пройдет сорок лет.
- На что будет похожа Джилл, когда мы вернемся? - задумалась Арлин.
Мы помолчали минуту, раздумывая над этим. Затем Флай возобновил свой спич о том, как спасти вселенную. План был прост. Он казался куда более выполнимым, чем многие из тех вещей, которые нам уже доводилось делать. Мы покинем корабль на орбите тамошней луны, эта зона вне поля видимости Фредов. На этой луне имеется экспериментальный телепортатор, основанный на технологии Врат. Мы можем воспользоваться им - теоретически, и с Божьей помощью, - чтобы достичь базы Фредов, не нуждаясь при этом в выводящем телепортаторе. Как мы узнали на Фобосе, телепортаторы можно настраивать. План должен сработать.

Так получилось, что вестники, они же гиперреалисты, впервые обнаружили Врата примерно три тысячи лет назад, и с тех пор сделали несколько улучшений. Да, обнаружили.
Никто не знает, кто изобрел врата. По самым крайним оценкам, это случилось столько лет назад, что от цифр у меня начинала болеть голова. Когда-то по телевиденью выступал какой-то астроном, который постоянно говорил о “миллиардах и миллиардах” лет. Ну, может ошибся на несколько миллиончиков, что с того?
Я спросил:
- Вы не разузнали, как Фредам удалось захватить наших парней врасплох? Это интересует меня с тех пор, как Сеарс и Роэбак начали делиться уроками истории.
Флай взял красный шарик из тарелки с несъеденной порцией, лежащей на парящем столе.
Я не переносил вкус этих штуковин и надеялся, что они в скором времени сделают что-нибудь получше. Внезапно Флай сделал дьявольское выражение лица.
- Интересно, можно будет выбросить это, когда начнется нулевая гравитация, которую ты так легко переносишь, Альберт.
- Может быть, но это будет невежливо.
Арлин согласилась со мной.
- Не делай этого, Флай.
- Ну что ж, у них должна быть замечательная система мусоропровода, - сказал он, - но я пока не видел, как она работает.
- Не надо думать, что она представляет собой порабощенных морпехов, - мудро заметила Арлин. Я был рад видеть, что чувство юмора снова при ней.

- Ладно, - сказал он, суя сферу в рот и гримасничая, перед тем как проглотить. - Я должен был с вами этим поделиться. А теперь позвольте мне ответить Альберту. У наших инопланетян весьма необычное понимание фразы «неожиданность». Я не стал бы нанимать их водителями такси. Уйдет слишком много времени, пока дождешься. Они берут вечность, чтобы изменить всё!
Миллионы лет им потребовались, чтобы достичь такой же цивилизации, какую воздвигли мы за… я не знаю, сколько… десять тысяч лет?
Арлин присвистнула.
- Медленно же они учатся.
- Да, - продолжил Флай. - Вот и причина, по которой Фреды застали их врасплох. Сеарс и Роэбак сказали, что атака пришла гораздо раньше, чем они ожидали - всего лишь через тридцать тысяч лет с того момента, как хорошие ребята основали эту наблюдательную базу.
- Вот уж действительно, не успеешь и глазом моргнуть, - прокомментировал я. - Скажи, Флай, ты знаешь, чего нам ждать на новой миссии?
- Да, Альберт. После того, как я описал Сеарсу и Роэбаку некоторые наши приключения, например, как мы прикончили паука-мозга на поезде, они сказали только одну вещь.
- Мы - сам слух, - ответила Арлин.
- Они сказали: “Вы ничего еще не видели!”.
26
Я открыл глаза и увидел нечто ужасное. Пульсирующая стойка стояла надо мной, ее бешенные глаза мигали. Слышался трескающий звук, и я ощутил вкус меди во рту. И затем боковым зрением я уловил, что что-то метнулось за угол. Казалось, это «что-то» кружилось и готово было атаковать.
Затем стойка отодвинулась в сторону, расчистив летающей штуке путь для атаки! Я попытался шевельнуться, но мои конечности были неподвижны. Я попытался закричать о помощи, но мое горло было заморожено. Прямо перед тем, как летающий объект врезался мне в лицо, я увидел… лицо голубого шара. Знакомое дружелюбное лицо. Голубая сфера. Одна из них уже спасала мне жизнь. Сейчас это случилось снова. Если она снова спасет меня, нужно будет перейти на витамины. Жизнь инвалида не для меня.
Голубая сфера обволокла меня, и я снова почувствовал миллион молоточков внутри.
Теперь я мог двигаться, куда захочу. Я сел и увидел капрала Арлин Сандерс.
- С возвращением, - сказала она.
- Не возражаешь, если я накину на себя одежду?
- Нет, сэр, - сказала она.
Неужели это улыбка намечается в уголках ее рта? Я был определенно жив. Команда готова на сто процентов. Что бы Таггарт, Сандерс и Галлатин не делали, пока я лежал здесь, для них это прошло с пользой. У них есть столько всего, чтобы рассказать мне, что формальности нужно просто убрать. Мы так далеко вышли за привычные рамки миссии, что я понял полное значение старой пословицы Гордона Диксона: “Адаптируйся или умри”. Сейчас проблема стояла в одном - не давать Флаю, Арлин и Альберту перебивать друг друга, пока они наперебой рассказывали мне о состоянии миссии за обедом. Мать Мария! Что это мы едим? Интересно, что еще мне придется проглотить вместе с этими красными штучками, которые на вкус как очень старые помидоры в уксусе. Флай уверил меня, что они обещали в скором времени улучшить еду. Арлин и Альберт это подтвердили. Если сержант и два капрала так сильно верили в это, что ж, я готов съесть все эти красные штуковины прямо сейчас.
Серьезно, я увлечен их рассказами о том, что они делали, пока я был под бережным уходом того, что Арлин назвала медицинским роботом. Проснуться и стать свидетелем чегонибудь подобного было бы не лучшей рекомендацией больному.
Едва я успел привыкнуть к медботу, как пришли Сеарс и Роэбак. Мне было приятно, что они были на нашей стороне. Не хотелось бы стрелять в существ, имеющих такую внешность.
- Мы рады, что ваш юнит теперь целый, - сказали они нам. У меня никогда не было таких необычных компаньонов за обедом. Они принесли с собой маленькие пирамидки, сделанные из гелеобразной субстанции. Пирамидки были точно такого же голубого цвета, как те сферы, которые дважды спасли мою жизнь. Арлин предупредила меня, что не нужно есть пищу, не одобренную для потребления людьми. Но ей не следовало волноваться. Хоть я и был лидером команды, это не значило, что я первым

пойду на самоубийство. Куда больше мне хотелось пообщаться с нашими новыми инопланетными союзниками.
Медбот не собирался меня покидать, пока не убедится, что я поправился целиком. Пока мы жевали, он выдавал некоторую информацию.
- Вы - особи хомо сапиенс, предрасположенные к военной деятельности.
- Я надеюсь на это, - сказал я.
- Вы относитесь к допаминовому типу.
- Что?
- Это нейротрансмиттер, тесно связанный с любовью к приключениям. У вас имеется много повторений экзона в гене допаминового рецептора. Генетическая связь рецептора D4.

- Подожди минутку, - вмешался Альберт. - Ты хочешь сказать, что желание драть демонам задницы у нас в генетике?
- Да, - сказал медбот.
Арлин хлопнула в ладоши.
- Это уже не тот сопливый робот, что выражался фразами типа: “Это невозможно компьюторить”. У этого английский гораздо лучше.
- И никакого колледжа не надо, - усмехнулся Флай.
- Зачем вы это делаете? - спросил медбот.
- Делаем что? - спросила Арлин.
- Называете меня роботом. Я не тостер. Я не видеопроигрыватель. Я не бортовой навигатор.
Арлин приподняла бровь и спросила:
- Тогда что ты?
- Органическая ткань. Основанная на углероде жизнь, такая же, как и вы.
- Как тебя зовут? - спросил я вешалку. Ее ответ не переводился на английский. Я тоже решил попробовать себя в дипломатии. - Не будешь возражать, если мы продолжим называть тебя, мм, медбот?
- Не буду. Это хорошее имя. Пожалуйста, не называйте меня робот.
Сеарс и Роэбак вернули нас обратно к теме.
- Ваш юнит и наш юнит готовы скоро ходить на войну.
Их английский нуждался в доработке, но значение было кристально ясным. Нам не следовало ссориться друг с другом, даже если в наших привычках было раздражаться и выискивать различия.
Сеарс и Роэбак посмотрели друг на друга. Черт побери, до чего же похоже было, будто один из них просто посмотрел в зеркало. Они достигли какого-то согласия и встали из-за стола со словами:
- Мы идем кое-куда. Мы вернемся сюда.
Пока они отсутствовали, существо, катящееся на роликах на одной руке, выходящей из его головы, принесло другую порцию обеда. Эта пища выглядела почти как земная. Блюдо вполне походило на энчиладу.
- Кто попробует это первым? - спросил я.
- Высокое звание имеет свои привилегии, - сказал Флай. Смышленный парень.
Мексиканский спор без победителя. Арлин решила сыграть в героя и взяла первый кусок. Мне хотелось иметь под рукой камеру, чтобы запечатлеть это.
- Это ужасно, - проговорила она, вытворяя со своим лицом такое, что вполне могла бы сойти за одного из пришельцев.
- Дай попробую, - сказал Альберт, доказывая, что между ними двумя настоящая любовь.
Они не держали этого в секрете. Он доказал твердость в своей вере. Его лицо не изменилось вообще, но слова звучали будто бы из очень мощного трансформатора.
- Это ужасно, но как-то знакомо.
- Да, - согласилась Арлин. - У меня тоже название на языке вертится.
- Это не то, чего я ждал, - сказал Флай, еще даже не попробовав. - Это месиво должны были улучшить.
- Точно, это месиво, - согласилась Арлин.
Пока Флай восстанавливал бодрость духа, я попробовал еду. Черт побери, на вкус это точно не энчилада, но привкус сразу же показался мне знакомым.

- Карамба! Не удивительно, что привкус показался знакомым! Это же холиновая солянка!
Самая невкусная штука по эту сторону ада.

- О нет, - простонал Флай. Ведь он отказался есть те красные шарики, потому что решил подождать “настоящей еды”.
Когда-то мы использовали холиновую солянку как пищевую добавку. Она была неотъемлемой частью солдатских тренировок. Ребята узнали ее именно поэтому. Я все еще использовал ее, иначе давно бы отправился в отставку. Также этой штукой пользовались бодибилдеры; она была так же хороша для мускул, как ужасна на вкус.
- Интересно, а что на десерт? - сказал Флай с надеждой. Сеарс и Роэбак наконец вернулись. Но ничего съедобного у них с собой не было.
- Мы принесли космические костюмы для вашего юнита, - сказали они.
- Зачем вы принесли нам костюмы? - спросил я, не видя ничего на них похожего. С собой у них была только тонкая коробочка, идеально подходящая для поставки пиццы кинг-сайз со всеми приправами.
- В них вы пойдете на ваш новый корабль, - провозгласили они. Меня интересовало, как я восприму новое инопланетное судно. Я уже побывал на той старой бадье, “Бове”.
- Где скафандры? - спросила Арлин.
Один из них открыл ящик. Второй вытащил то, что было похоже на лист пленки для продуктов. И тогда единственное, что мне пришло в голову, было: уж лучше б я оставался в постели.
Никогда бы не подумал, что скажу это об офицере, но я был рад, что Идальго снова с нами. Поначалу он казался типичным придирчивым задоголовым начальником. Теперь же он все больше проявлял себя, как человек. Наверное, если оставить офицера в мире, наполненном инопланетянами и сверхъестественными созданиями, у него просто не останется другого выбора, кроме как стать человеком. Эта база, должно быть, изменила меня как следует: Флай Таггарт, приятель офицера!
С того момента, как мы прошли через радугу, я перестал волноваться об отношении Арлин к Идальго. До этого я беспокоился о том, что буду делать, если парень все таки окажется вторым Вимсом. Несмотря на мои жалобы, я не думал, что смогу остаться в стороне, позволив Арлин избавиться от товарища. Это было бы правильно, даже когда речь идет о таких людях. Конец цивилизации не означает, что можно спокойно фраггить офицеров. В любом случае, это история была в прошлом. Теперь мы были самой настоящей командой.
Когда C amp;P презентовали нам хай-тековские скафандры, это был тест для способностей Идальго к командованию. Он пролежал на койке довольно долго, за это время случилось много интересностей, но он знал, что мы не были сумасшедшими, когда рассказывали ему обо всем. У каждого из нас был момент, когда мы думали, что двойники решили над нами пошутить. Идальго был командиром. Он должен был решать, нужно ли нам идти весь путь с нашими иноземными товарищами. Мы входили в область, где незнание могло оказаться фатальным. Капитан принял решение, которое в душе приятно каждому из нас. Альберт выбрал правильное слово: “Вера”.
Мы просто поверили нашим Гориллам.
Конечно, мы могли все рационализировать. До тех пор, пока мы не вышли за пределы базы, я не верил по-настоящему, что костюмы работают. Мы застегнули их так, будто это были сумки для сэндвичей, и я молился, чтобы они не стали сумками для трупов.
Внутри переходного шлюза мы чувствовали себя смешно. Прозрачный материал был надет на нас, как неудачный костюм для Хэллоуина. Только две части костюма выделялись. Вопервых, шлем: он походил на капюшон и свисал прямо с основного костюма. Во-вторых, пояс: он был как твердый кусок пластмассы.
- А где подача воздуха? - спросила Арлин. C amp;P сказали, что весь воздух находится в поясе.
- А где двигательная установка, чтобы перемещаться? - спросил я.

Тот же ответ.
- Как насчет коммуникаторов? - захотел узнать Идальго. И снова. Снова тот же ответ.
Только один вопрос заслужил иного ответа.
- Насколько прочен материал? - спросил Альберт.

- Может быть поврежден, - сказали С amp;Р. Никаких ошибок в этом предложении. Это простое предостережение, что какими бы продвинутыми не были эти костюмы, риск все равно не исключается. Как только мы оказались снаружи, костюмы надулись. Внутри них было удобно и прохладно. Со светом не было проблем, даже при том, что отсюда солнце казалось лишь яркой звездочкой. База давала нам весь свет, который был нужен. Если бы мы находились ближе к дому, мы могли бы смотреть прямо на Солнце, не нанося урона глазам. Мы были защищены от всякой космической радиации. Черт, я даже захотел, чтобы старшина второго класса Дженифер Стивен имела одну из таких штуковин в своем шкафчике.

Первой вещью, которую я заметил, было знакомое созвездие. Уверен, созвездия смотрелись отсюда немного по-другому на небе. Моем небе. Небе Флая. Если бы на базе были окна, я бы сам смог убедиться, что мы не так уж далеко от дома, как я думал. Второй вещью, которую я заметил, был корабль, который обещали нам С amp;Р. Он был прямо возле базы, и, надо сказать, это была большая мамочка. Свет с базы четко выделял его, словно прожектор. Мы могли рассмотреть все детали. Черные тени перекрестием лежали на льду. Да, на льду. С amp;Р рассказали нам много интересных вещей. Например, что корабль имел ионовый привод, или что двигатель занимал большую часть места. Но они забыли упомянуть, что весь корабль был заключен в гигантский кусок льда. Голосок внутри головы взял с меня обещание спросить, зачем это надо.

У С amp;Р был с собой какой-то маленький объект с ящиком на одном конце и трубкой на другом. Они объяснили, что это маленькое непонятно что было лазерным резаком. Мы же не несли с собой ничего. Они подошли к ледяному кубу и включили свою мощную игрушку.

Мы были заняты, разбираясь со своими скафандрами. Трудно было поверить, что в этих поясах умещалось столько сжатого воздуха. Когда я выдвинул свою правую руку вперед - это движение можно назвать “ткнуть ножом” - оболочка вокруг предплечья стала твердой.

Скручиванием рук активировались двигатели костюма. Рука вперед - и костюм подается вперед.

Рука назад - костюм назад. Безукоризненно!

Альберт был первым, кто разобрался с костюмом. Он направился к С amp;Р, чтобы помочь им.

Арлин была следующей и также присоединилась к ним. Я же считал, что Сеарс и Роэбак не нуждались в помощи. Все мы думали о поездке, о том, чтобы скорее посмотреть на задание, и о том, чтобы научиться пользоваться этими высококачественными скафандрами. Мы слышали голоса друг друга так же чисто, как если бы снова сидели в “кафетерии”. Идальго сказал слово или два, но он не пытался давать С amp;Р советы. Я не видел причин, чтобы идти к ним. Я развернулся и принял дозор, на случай, если покажется космический монстр или что-нибудь в этом роде.

Когда я услышал хлопающий звук, я не сразу понял, что это был шлем Альберта. Я услышал, как Арлин кричит его имя. Возникли обломки, которые заслоняли обзор. А затем я сложил все это вместе: в Альберта ударил лазер.

27

- Альберт!

- Я не могла поверить в это, пока была вдалеке. Он слабо называл мое имя внутри своего капюшона: “Арлин, Арлин…” Инопланетные костюмы были такими продвинутыми, что казались волшебными. Но вот свершилось грозное напоминание, что в них нет ничего сверхестественного. Пока Сеарс и Роэбак работали со своей лазерной сваркой, пузырь, находящийся под высоким давлением, лопнул. Взрыв достиг Альберта. Можно было подумать, что материал не мог порваться так легко.

Но взрыв был слишком силен, и костюм все таки прожгло.

Сеарс и Роэбак отключили свой лазерный агрегат. Я поддерживала Альберта. Я видела его скорченное лицо и удушливый кашель. Пятна крови появились на его лице. Я не могла сказать, была ли эта кровь из поврежденного запястья или она текла из головы. Когда он начал задыхаться, пытаясь поймать воздух, я увидела струйку крови из его десен. Его лицо стало белым.

- Занесите парня внутрь! - скомандовал Идальго.

Сеарс и Роэбак не шевельнулись, пока я тащила Альберта, изо всех сил стараясь не замечать его стоны. Внезапно сзади меня появился Флай и начал мне помогать. Я слышала голос Идальго, разговаривающего с двойниками.

- Они занесли его, - сказал он. - Вы можете возобновить операцию.

С amp;Р были тихими, словно глубины космоса. Но сейчас я не могла об этом беспокоиться.
Мои руки были заняты. В ситуации, подобной этой, самой худшей вещью для нас была бы паника. Флай продолжал повторять: “Осторожно”, но я в этом не нуждалась. Я приказала себе двигаться медленно и аккуратно. Мы все еще были в процессе изучения костюмов. В них еще могло быть что-нибудь, что могли нас удивить… но нельзя было думать об этом, нужно было скорее отыскать путь. Мы двигались к открытому шлюзу, как будто у нас имелось все время во вселенной. Шлюз был островком спасения во время шторма. Движущая сила могла быть другом или монстром, поэтому мы не торопились, несмотря на глупого ребенка внутри меня, желающего всего и сразу.
Скорее в госпиталь. Первая помощь для храброго морпеха. Мы не позволим Альберту умереть. Интересно, что они делают с трупами на базе? Выбрасывают их за борт?
Перерабатывают?
Нет! Нельзя позволять себе думать об этом. Альберт расстреливал мертвецов, подрывал гигантских пауков, сметал паровых демонов, драл задницы костлявым и делал пироги из тыкв.
Все не может закончиться таким вот образом.
Все, что мы должны были сейчас делать, - это выиграть в гонке со временем и уделять внимание законам физики. Нам не нужно было бежать и ползти, стрелять и отступать, или даже сменять друг друга на посту. Нам просто нужно было спокойно пройти через бездну вечности, сквозь звезды, целясь не в бочку с ядовитой жижей, а в черную точку, растущую в размерах, и так до тех пор, пока до нее не останется несколько футов.
Мы прошли сквозь люк. Я так волновалась за Альберта, что только сейчас заметила, что его костюм починился сам собой. К сожалению, способность регенерации пластикового покрова не передавалось человеческим тканям.
- Голубые сферы, - произнес Флай, когда мы сняли свои капюшоны.
- Да! О Боже, ты гений. Мы должны связаться с медботом прямо сейчас.
Мы направились в главный сектор базы, держа Альберта с разных сторон. Мы не стали снимать с него костюм. Решение не претендовало на гениальное, но поскольку костюм восстанавливался, он мог немного унять кровотечение.
Медбот нашел нас!

Его голос как всегда был вежлив. Сейчас это была музыка для моих ушей:
- Сеарс и Роэбак послали сообщение. Часть вашего юнита повреждена.
Я замедлилась и отдышалась. Стараясь быть последовательной, я сказала:
- Нам нужна твоя помощь. Нам нужна одна из тех… ну ты знаешь… тех голубых сфер, которые помогают раненным.
- Они называются сферами души.
- Как… приспособить, - прошептал Альберт, находившийся на краю сознания.
- Да, - вступил Флай, - как та, что ты использовал для Идальго.
Голос медбота был безэмоциональным, но не монотонным. Это могло быть игрой воображения, но мне показалось, что он звучал как извиняющийся, когда сказал:
- Это была последняя.
- Что? - спросила я, на самом деле прекрасно все расслышав.
- На этой базе всего по минимуму, - ответил медбот. - У нас есть все необходимое, но у нас минимум запасов.
Все это время я думала, что мы находились в своего рода продвинутом отеле. Это была их идея отполировать его? Может быть, поэтому мы должны были высвободить корабль от льда.
- Эта часть вашего юнита будет жить, - сообщил медбот. Снова музыка для моих ушей. - Ему потребуется долгое восстановление без сфер души.
Мне было страшно спрашивать, насколько долго. Пока я обдумывала вопрос, медбот начал уводить его.
- Подожди! - слабо произнес Алберт. - Я должен им кое-что сказать.
- Что бы ты не хотел сказать, это подождет, здоровяк, - сказал Фай. - Тебе срочно нужен ремонт.
- Нет, я должен сказать вам это, - сообщил Альберт, его голос стал тверже. - Это сохранит вам время в делах с Сеарсом и Роэбаком. Нужно было сообщить вам это раньше, но не позволяла ситуация.

- Постой, - сказал Флай, когда медбот начал увозить моего Альберта.
Альберт попросил медика подождать минутку. И ошарашил нас вот чем:
- Идальго может говорить с ними, как с двумя разными существами, так же, как это делаешь ты, Флай. Но я понял кое-что, когда попросил их синтезировать кольцо для Арлин - тогда у меня появилась возможность пообщаться с другими существами на базе. Есть одна уловка в общении с Сеарсом и Роэбаком. Они думают, что мы единое целое.
- Я ожидала, что их коллективизм может зайти так далеко, - призналась я.
- Не коллективизм, - возразил Альберт. - Они - часть настоящего коллектива. Это полностью разные вещи! Они могут понимать только групповые образования, сформированные силами двух индивидуумов. Они просто не способны воспринимать трех человек за раз.
Так вот почему Альберт принес свою голограмму, когда присоединился к нам на встрече с C amp;P. Но они явно поняли, что это был какой-то виртуальный трюк. Либо C amp;P, в силу каких-то особенностей, просто отказывались иметь дело с неприемлемыми комбинациями. Такова их культура.
- Вам требуется медицинский надзор, - сказал медбот. Это прозвучало вспыльчиво.
Учитывая отсутствие голубых сфер, мы не собирались больше удерживать Альберта. Стойка укатилась, везя Альберта на специальном “подносе”.
- Так вот вы где, - сказал капитан Идальго, подходя к нам. Его сопровождали двойники. - Надеюсь, капрал Галлатин восстановится, - произнес он, наблюдая за удаляющимися фигурами. - Они сотворили чудо со мной, так что думаю, и Альберт будет в порядке.
Похоже, пришло время проверить теорию Альберта. Флай, этот старый читатель мыслей, приступил к делу:
- Сеарс и Роэбак, не могли бы вы ответить нам, почему ваш корабль заключен в лед?

C amp;P впали в возбуждение. Они совершили свой фирменный взгляд друг на друга и при этом начали трясти головами. Причем не синхронно. Наконец они решились на попытку общаться с нами троими.
- Флай и Арлин, корабль был помещен в лед, как часть кометного ореола, так легче избежать детекторов.
Затем они начали заново.
- Флай и Эстебан, корабль был помещен в лед, как часть кометного ореола, так легче избежать детекторов.
И затем:
- Арлин и Эстебан, корабль был…
- Спасибо, этого достаточно, - сказал Флай. - Мы скажем остальным.
Иногда капитан Идальго становился похож на человека, чей мозг отослали в химчистку, в результате чего он стал слишком церемонным.
Арлин приняла это, как мужчина. Ей следовало быть счастливой. Идальго отдал мудрый приказ. Меня оставят здесь. Я буду жить. Я восстановлюсь через несколько месяцев, по временным стандартам Земли. Миссия не может ждать. Идальго потребовалось всего несколько дней, чтобы вылечиться. Он был командиром. А я бы был балластом.
И пока я буду стареть, Арлин будет оставаться молодой. Может быть, так и должно быть.
При всей ее крутизне и силе, она производила на меня впечатления ранимого ребенка. Я всегда хотел быть старейшиной, и похоже, я буду выглядеть как один из них к тому времени, когда снова ее увижу. Если увижу вообще.
Я предвидел это прежде, чем она сказала:
- Ты мужчина, за которого я хотела выйти замуж. Ты мой мужчина.
Я поверил этому. Я верил в то, что это были не просто слова. Пока она стояла у моей кровати и мы держались за руки, я произвел несложные расчеты в уме. Мне будет шестьдесят семь лет, когда она вернется.
- Я люблю тебя, Арлин.
- Это не то, что я хотела от тебя услышать.
Я сжал ее руку и сказал:
- Я знаю, что ты по-настоящему любишь меня, Арлин. И не имеет значения, что ты адский морпех,

выполняющий свой долг, не важно какой.
Остальные ждали, чтобы сказать свои прощальные слова.
- Пусть войдут, - сказал я.
- Нет. Только после того, как мы кое-что уладим.
Мы не планировали бракосочетания. Эта женщина была непослушной. Она легла на кровать рядом со мной. Думаю, это можно назвать кроватью, даже при том, что это было куда лучше кровати. Что-то вроде «сверхкровати» или «суперкровати».
- Арлин, - пытался я привлечь ее внимание. - То, что я лежу, не значит, что правила изменились.
- Что значит это “лежу”? - спросила она, озорно улыбаясь.
- Арлин.
- Альберт.
- Ты не собираешься снова говорить мне о занятии любовью, ведь так?
- Ты займешься любовью только со своей женой, - выдохнула она мне в ухо.
- Верно.
- Все в порядке.
Столь многое случилось со мной за последнее время, что я больше не доверял своим ушам. Мои барабанные перепонки все еще болели после приключений за дверью.

- Арлин, что ты только что сказала?
- Я сказала “да”, мой большой дурачок. Я принимаю твое предложение.
Я готов был закричать “Ура!” и отплясывать джигу. Но поскольку я не мог этого сделать, я просто обнял ее со страшной силой и поцеловал ее. И это был не братский поцелуй. В тот момент, когда мы задержали дыхание, мой мозг снова начал работать на всех оборотах.
- Но что будет с миссией? - спросил я.
Она положила свою голову на мою грудь, а я положил свои руки на этот рыжий ковер.
Затем она подняла голову и посмотрела на меня самыми красивыми изумрудно-зелеными глазами в галактике.
- Я по прежнему лечу, - сказала она. - Но у нас будет время для медового месяца.
- Сколько? - осмелился я спросить.
- Шесть дней, - сказала она мягко. - Капитан Идальго сказал, что у нас будет шесть дней.
Мы можем на них рассчитывать. Он нас поженит.
Я снова поцеловал ее.
- Ты ведь не станешь одевать эти глупые стринги и стриптизерские лифчики? - спросил я.
- Я и не смогу. Эти вещи остались на Бове.
Она легонько укусила меня за ухо.
- Но Сеарс и Роэбак могут синтезировать все что угодно, - упорствовал я.
Ее губы прошлись по моим векам и перешли к левой щеке.
- Они не могут синтезировать всего.
Ее голос приглушился моей кожей.
- Чтож, мне нравится, когда ты… натуральная, - признался я, и подтвердил эти слова, облизывая ее натуральную шею.
- Я буду девочкой по соседству, - пообещала моя будущая жена.
- Нужно ли мне спрашивать, выбрала ли ты лучшего мужчину?
Мы оба засмеялись. Не то чтобы мы не оставили Флаю Таггарту никакого выбора. Я решил попросить Сеарса и Роэбака сделать на скорую руку смокинг для морпеха. Было что-то в их именах, что вдохновляло на эту мысль.
28
Дорогой Альберт.
Если я напишу это письмо достаточно быстро, то есть шанс, что ты получишь его до того, как пройдет много лет. Сеарс и Роэбак подали мне эту идею. Та же технология, которая делает возможным и путешествие сквозь Врата, и быстрое передвижение этого потрясного корабля, позволяет мне пользоваться почтой пре-световой скорости. Лазерные сообщения не намного быстрее максимальной

скорости корабля, но вспомни, как быстро движется корабль! Если бы я сошла с ума и прямо перед нашим отбытием послала Фредам весточку, чтобы они расстилали для нас красные ковры, мы бы прибыли примерно через полчаса после того, как они получат сообщение.
“Пре-световой” - это термин, который не воздает здешним скоростям должное. На самом деле это едва-едва не скорость света. Фреды и наши ребята могут перемещаться как раз на ней.
Максимальная скорость корабля Сеарса и Роэбака - 99 99967 миль в земной час. Разве это не невероятно? Фактически, это путешествие сквозь врата без использования врат.
Мне хотелось бы, чтобы ты увидел наружность корабля, когда тот оттаял ото льда.
Клянусь, он выглядит точно как сигара. Флай не понимает моих отсылок к Фрэнку Р. Полу, художнику 1930, писавшему на научно-фантастические темы. Он создал множество космических кораблей именно такой формы. Этот стиль вышел из моды в 1950-х, когда началось умопомешательство с космическими тарелками. А мне кажется, есть еще очень много обликов и форм. Человеческая раса израсходовала так много энергии, пытаясь получить выгоду из каждой мелочи, что нам не доступно понимание многих вещей. Между прочим, я хотела поговорить об это раньше, но лучше об этом написать: я действительно верю, что в религии столько же воображения и интеллекта, как и в научной фантастике. Так должно быть. Просто вы принимаете все за истину, а я - за богатое воображение.
Перед появлением демонов, я считала вселенную унылой и предсказуемой. Но стоило мне увидеть первого замби на Фобосе, как я сменила свое мнение. Навсегда.
Возьмем, к примеру, это судно. Мне оно нравится. А бедный Флай его ненавидит. Он не перестает орать. Это не жалобы. Это не ворчание. Это именно крик. Он был разбалован искусственной гравитацией на базе. Зато я чуть ли не сожалела, покидая “Бову”. Нулевая гравитация прекрасна для моих сисек. Ах, забыла, тебе не нравится это слово. Грудей, конечно.
Женское тело просто лучше устроено для открытого космоса, чем мужское. Почему, ответь мне, Бог так с вами поступил, несчастные мальчики? Прости, ты знаешь, это просто шутка. Ах да, я сказала, что Флаю тяжело, но потом отвлеклась, не объяснив, в чем проблема. На клейвском корабле тоже нулевая гравитация, как и на “Бове”. Если бы ноги могли говорить, мои пищали бы от радости. Я могу провести всю жизнь в невесомости. Ты смог убедиться в этом после нашего медового месяца. Я так рада, что мы нашли тот запечатанный отсек в одной из зон с нулевой гравитацией. Нужно было держаться подальше от моих ног, дорогой.

Когда Флай узнал, что ему снова предстоит жить в невесомости, его первыми словами были: “О, черт!”. Ты знаешь, каким раздражительным он становится. Несмотря на это, Идальго убедил его, что корабль смоделирован блестяще. Его длина два километра. Ну, ты уже об этом знаешь. Мы могли видеть, что это далеко не шлюпка, еще когда он был во льду. В нем имеется основной коридор, и к нему примыкают остальные двигательные ответвления. Но это не настоящие отсеки. Сеарс и Роэбак не верят в уединение. Клейв был бы кошмаром Айн Рэнд
****
.

Так или иначе, здесь нет центрифужного вращения или какойлибо искусственной гравитации. И тому есть важная причина. Сеарс и Роэбак объяснили, что здесь не может быть генераторов гравитации, которые были на базе. Это просто невозможно. Прибор, создающий гравитацию, использует имеющиеся свойства материи. Двойники утверждают, что использование каких-либо других устройств на корабле сделает невозможным перемещение с пре-световой

скоростью. Масса, как ты знаешь, растет настолько, насколько много физических объектов задействовано в данной зоне. Судно Клейва увеличивает гравитацию до нужно степени самостоятельно. Другими словами, если бы они использовали генератор гравитации, было бы невозможно развить необходимую скорость. Поэтому спасибо этим законам физики, мои груди и ноги от них только выигрывают, в то время как желудок Флая - в проигрыше.
Как тебе это чудесное любовное письмо, дорогой? Тебе надоело читать про технику? Что ж, я не хочу увеличивать твое расстройство. Так что я снова расскажу тебе о Флае.

Кресла - да, у нас есть кресла - могут быть поставлены в любую позицию в пределах корабля. Они примыкают к потолку, когда мы замедляем ход. Флай постоянно утверждает, что они не такие удобные, как те, что были у нас на базе. Видишь, я не шутила, когда говорила, что нашего большого сурового морпеха разбаловали.
С amp;Р гордятся своим кораблем. До этого я не знала, что они способны гордиться. Иногда вообще кажется, что их легче понять, когда они хвастаются. Вообще я могла бы представить ихгордящихся, но еще с самого начала мне показалось, что у Клейва нет понятия сентиментальности. У них не принято давать кораблям имена. Я предложила назвать это судно “Короткин”, в честь моего любимого коллективиста - анархиста комунны левого крыла.
На минуточку: ты знал, что Сеарс и Роэнбак прибыли с планеты, где гравитация более сильная, чем на Земле? Представь себе боли в пояснице, когда коэффициент гравитации составляет 1,5. Неудивительно, что им нравится корабли с нулевым тяготением.
Возвращаясь к теме корабля, у него есть еще несколько особенностей. От трех до четырх дней уходит на то, чтобы разогнать эту махину до максимума, а потом от трех до четырех дней, чтобы полностью ее остановить. Когда Сеарс и Роэбак сказали, что корабль движется на релятивистской скорости, я спросила, кем приходятся друг другу Клейв - кузенами, братьями или сестрами. Они не поняли шутки, но Идальго прорвало смехом.
Мы узнали много такого, что будет тебе интересно, любимый. Вопервых, то, что продолжает беспокоить Флая все время. Почему Фреды первым делом атаковали Землю? Какова была их мотивация? Самое большее, что они могли извлечь из выживших землян - это рабский труд, а содержание рабов стоит дорого; куда экономичней использовать машины.
Флай, капитан и я бились над этим вопросом до тех пор, пока не задали его Сеарсу и Роэбаку. У нас нет каких-то уникальных натуральных ресурсов, все это можно добыть где-то еще, к тому же с меньшими усилиями. С amp;Р рассказали нам, как их сторона поняла, что Фреды нацеливаются на Землю. Они сделали этот вывод, анализируя игру вплоть до этого момента.
Конечно, такой анализ не ответил на вопрос, почему именно Земля была выбрана первоочередной целью.
Десять тысяч лет хорошие парни находились на орбите около Земли и, прилагая все усилия, наблюдали, чтобы понять привлекательность этого, как говорит Флай, старого грязного шара.
Идальго предположил, что еще до этого Фреды могли установить на Земле наблюдательный пункт. За эту мысль двойники провозгласили нас “самым логичным юнитом”.
Отсюда становится понятным, почему гиперреалисты рисковали маленькой базой и единственным межзвездным судном.
С amp;Р признают, что есть что-то необычное в ситуации с людьми, подразумевая под этим вовсе не странные комбинации собеседников. Я никогда не думала, что С amp;Р понимают какиелибо тонкости, потому что такие вещи неразлучны с понятием приватности, однако они намекнули, что есть что-то странное в человеческих созданиях. Очевидно, этот факт напрямую связан с планами Фредов. Но С amp;Р не хотели говорить, в чем эта странность заключается! Тогда мы проделали над двойниками следующий трюк. Когда мы убедились, что корабль находится на автопилоте, Идальго, Флай и я окружили бедных близнецов и начали быстро осыпать их вопросами. Смысл вопросов не имел значения. Флай спросил, кто выиграет чемпионат по

бейсболу. Идальго поинтересовался, рухнул бы Советский союз без участия Рональда Рейгана или нет. Я спросила, каков будет результат, если подерутся один паук-мозг и десять тыкв. С amp;Р не могли сообразить, кто их спрашивает. Они настолько обалдели от диалога с тремя субъектами одновременно, что я бы не удивилась, если бы они выпрыгнули из корабля! Давай признаем это, Альберт: мы пытали наших новых друзей таким вот образом. Но у нас не было иного выбора.
Нам нужна была эта информация.
Когда все мы начали говорить одновременно, С amp;Р не могли вычислить нужную пару.

Должно быть, это все равно что оказаться в середине геометрической фигуры Эшера
*****

, которая не может существовать в реальном мире, или по крайней мере в этой вселенной. С amp;Р сжались так, как будто мы выкачали из них воздух.

Флай и Идальго порядком напугались. Если бы мы их убили, то миссия была бы провалена, а человечество лишено всякой надежды. К счастью, то, что мы сделали с ними, доставило им лишь сильную головную боль - как от старой рекламы по ТВ, вызывавшей такую головную боль, что одного тебя не хватало, чтобы почувствовать ее полностью. Мы получили то, что хотели, - жаль только, что таким некрасивым путем. Когда С amp;Р пришли в себя, они сказали нам то, что знали. Люди, как выяснилось, отличаются от абсолютно всех прочих носителей интеллекта в галактике. Ты никогда не поверишь, чем именно. С другой стороны, может быть и поверишь.
Люди умирают.
Идальго высказал то, что думали и мы: “Ну и что? А кто не умирает?” Мы не желали слушать об остальных разумных формах жизни, кроме нас. Я никогда не была сторонником равноправия, но эти новости не казались мне справедливыми.
Когда представитель какой-нибудь разумной расы (не человеческой) получает невосстановимый ущерб, тело становится полностью выведенным из строя, так же как и у нас.
Но это еще не конец. Личность (к данному понятию можно отнести и двойников) все еще в сознании. Если тело уничтожено целиком, сознание остается. Мы называем это призраком.
Эти духи-призраки легко обнаруживаемы. Они просто вселяются в новые тела, как бы рождаясь заново - в тех редких случаях, когда имеется такая возможность. Как только физические компоненты назревают достаточно, чтобы позволить общение, они сообщают, кем они были в предыдущей инкарнации. И тогда они могут продолжить то, что когда-то оставили. Когда я узнала это, я тут же вспомнила о наших с тобой спорах. Возможно, мы не так уж далеко друг от друга, как думаем. Мой материализм столкнулся с кирпичной стеной спиритуализма. Основа твоей веры может только укрепиться от этого знания, но детали способны разрушить любые ортодоксальные убеждения. Я никогда не спрашивала, беспокоит ли тебя ближайший перевод с английского имени спасительных сущностей: “сферы души”.
Даже при том, что Сеарс и Роэбак ничего намеренно от нас не утаивали, трудно было объединить все в этом письме. Иногда кажется, что они начинают справляться с нашим языком, но затем они снова коверкают предложения.
Пизрак-дух-сознание высвобождается только тогда, когда тело тотально уничтожено.
Естественно, Флай спросил, что они имеют в виду под “тотально”. Ни Идальго, ни я не хотели знать этих подробностей. Мы еще не пришли в себя от открытия, что смертность - уникальное свойство людей. Флай же действовал так, будто находился на рынке инопланетных тел и хотел проверить пробег.
С amp;Р ответили, что тотальное уничтожение происходит, когда от изначальной массы тела остается меньше восьми процентов; впрочем, для разных особей разные правила. Я не знаю, как поступает народ Клейв, но другие виды берут особо полезных представителей и уничтожают тело, не дожидаясь последнего вздоха, тем самым высвобождая призрак-дух, чтобы он был реинкарнирован и продолжил свою деятельность намного раньше.

Ты думал, что достаточно лишь победить смерть. Но погоди, это еще не все. С amp;Р описали, как работала система раньше, в тумане времен. Но наука идет вперед, пусть и медленными шагами. Техника научилась восстанавливать почти уничтоженные тела. Мертвые люди могут быть восстановлены в изначальном виде. Как бы то ни было, чужие с нашей галактики победили смерть до того, как мы впервые столкнулись с первым роковым демоном.
Смерть с ними просто не происходит. А почему она должна происходить? У них были все пути к бесконечному ожиданию. Им не нужно было иметь дело со смертью. Это было справедливо и для хороших парней, и для плохих. Они собирали своих мертвецов и устраивали их в храмах и театрах, где те организовывали сложные представления, на дебатах, занятиях, лекциях - лишь бы как-то занять “покойника”. Это было необходимо, потому что рождающихся было гораздо меньше, чем душ. Огромное число призраков остаются в смертном трансе в ожидании тела.
Альберт, ты был ближе к истине, ведь ты утверждал, что сознание существует вечно. Мой атеизм не

способен описать действительность. Но с нашей точки зрения, с точки зрения человечества, это выглядит победой для меня. Я этому не счастлива. Они говорят, никто полностью не умирает, кроме людей!
Я слышу, как ты отвечаешь мне прямо сейчас. Я представляю, как твой рот прижат к моему плечу, и как ты произносишь слово, решающее для тебя все эти проблемы: “Бог”. Что ты скажешь, если я сообщу тебе, что ни одна другая форма жизни в галактике, обладающая интеллектом, не верит в богов или Бога? В него верим только мы, Альберт. Только человеческая раса.
Наконец у меня есть вера, такая же глубокая, как твоя, любимый. Мы заключили контракт, и я намереваюсь жить согласно ему. Вот почему тебе было так трудно убедить меня в этом. Когда я разрабатываю план, или я соглашаюсь на что-то еще, я придерживаюсь этого. И я не изменяю этому из-за прихотей. Контракт - это священное доверие.
Так что я знаю во что верю в конечном итоге. Это не религия. Это не Бог. Это ты, дорожайший мой Альберт. Ты - смысл моей жизни.
Твоя верная Арлин.
29
Это моя вина. Старый добрый Флай Таггарт единственный, кому здесь плохо. Миссия шла без помех. Что с того, что я недоволен тем, чтобы снова оказаться в невесомости? Арлин, как обычно, здесь нравится. У Идальго тоже все хорошо. Один только ваш покорный имеет с этим проблемы.
Мне ужасно скучно. Мы покинули базу всего лишь несколько недель назад по земному времени. Мы достаточно узнали о галактике, в которой человечество было не значительнее какой-нибудь паршивой деревеньки. Открытие того, что ты являешься частью общины самого невежественного “разумного вида” во вселенной, угнетает. По крайней мере, меня.
На этом корабле мы были так же полезны, как девочки-скауты при Арденнском наступлении. Пока C amp;P везли нас на планету Фредов, нам не оставалось ничего, кроме как сидеть и бездельничать.
Мне не следует кричать. Подумать только, Арлин наконец уложила в постель мужчину своей мечты, а затем вынуждена лететь с нами. Впрочем, у моей подруги есть свои причуды.
Даже если бы им с Альбертом не нужно было расставаться таким вот образом, я с трудом представлял, как она откладывает момент истины. Она никогда не колеблется, следовать приказу или нет. Идальго завоевал ее уважение, но даже если бы у него это не получилось, она не стала бы действовать в ущерб миссии. Я знаю Арлин Сандерс.
То есть, Арлин Галлатин. Я никогда не забуду, что Альберт приказал мне заботиться о ней.
Так, что еще нового? Глупейшая вещь, которую может сделать солдат - это захотеть избежать скуки. В случае со мной проблема в том, что я никогда не был солдатом. Я воин. Это значит, что мне не по душе долгие периоды праздности, особенно когда приходится плавать, словно олива в дьявольском мартини.
Сеарс и Роэбак пытались найти для нас работу. Но этот корабль был гораздо более автоматизирован, чем “Бова”. Это то же самое, как для воина Апачи на борту авианосца нашлось бы меньше занятий, чем в каноэ. На “Бове” ответственным был флот. Здесь же технологии были такими продвинутыми, что никто не мог быть за них ответственным, кроме S amp;R. Я не знаю, почему считал, что может быть иначе. Глупая человеческая гордость - не монополия морской пехоты, что бы не говорили всякие идиоты из других профессий.
Была одна полезная задача. Кто-то должен был подготовить программу, с которой мы будем действовать, когда снимем восминедельную-сорокалетнюю блокаду и вернемся. Один вопрос: кто из команды был наименее подготовлен для этой работы! Не то чтобы я на этом спотыкался. Да и моя подруга была бы первой, кто признал бы, что Джилл более пригодна для этого, чем Идальго или она сама. (С каким бы удовольствием я передал бы эти слова моему любимому подростку).
Я так отчаялся, что буквально охотился на все, чем можно было бы заняться. У нас было достаточно космических спецкостюмов, но не было нужды выходить наружу. Я намекнул капитанам, что, может быть, кому-то из нас следует вести надзор сверху, но в ответ они просто посмотрели сквозь меня, с такой же легкостью, с какой смотрели сквозь наши прозрачные скафандры. Наконец они показали мне оружие, которое мы будем использовать на базе Фредов.
Лучевые пушки! Клянусь Богом, это лучевые пушки! Они совершенно не требовали ухода.
На “Бове”, по крайней мере, были книги. Я нашел копию “Лагеря всех святых” (The Camp of All Saints).

У меня не было такой памяти, как у Альберта, но я запомнил одну фразу о том, что цивилизация - это то, что стоит за твоим оружием, а тот, кто стоит перед ним - это противник цивилизации. Хороший девиз для морпеха. Я размышлял, что было бы, если б мы были на базе гиперреалистов. Было странно не иметь при себе оружия все время, пока мы там находились. Но на нас так ничто и не напало. Эта тема так и не всплыла в наших разговорах, если не считать слов Альберта: “Нет оружейного контроля там, где разум - единственное оружие”.

Когда мы только прибыли на ту базу, Альберт, должно быть, подумал, что попал на небеса.
Перед нашим отлетом Арлин сделала все, чтобы убедить его, что это действительно так. Я буду скучать по Альберту.
Арлин показала мне копию письма, которую она написала своему любимому. Она втиснула в него очень многое. Она бесконечно очарована Сеарсом и Роэбаком и их кораблем. А я все еще пребываю в депрессии. Мне бы хотелось, чтобы сверхсветовые скорости все-таки были возможны. Независимо от того, выполним мы нашу миссию или провалим ее, меня грызет предчувствие, что мы уже не увидим нашу цивилизацию вновь. И если это случится, то можно считать, что Фредам с их бесчисленными демоническими ордами все же удалось отобрать Землю персонально у меня.
- Ты должен благодарить Сеарса и Роэбака, - сказал капитан Идальго. - Еда становится лучше.
Тут он был прав. Последний обед был вполне терпим. На вкус он был как смесь мяса и шоколадного пуддинга. Главное, что есть было можно.
- Да уж, они настоящие товарищи, - сказал я. Поняв, как это прозвучало, я добавил: - Я их не критикую. Они единственные друзья человечества по эту сторону пропасти.
Арлин влилась в беседу:
- Они были официальные экспертами по людям. Остальные инопланетяне-вестники не очень-то желали иметь с нами дело.
Это было открытие.
- А может быть, остальным было с нами до смерти скучно? - спросил я, стараясь звучать не автобиографично.
- Может быть и так, - задумчиво произнесла Арлин. - Это означает, что Сеарса и Роэбака интересует Земля. Они не имеют представления, почему мы так от них отличаемся. Нас считают противобиологичными, потому что вселенский разум привык считать разумными только вечных существ.
Идальго потряс головой в сомнении:
- Если у тебя идет кровь, значит ты живешь, - сказал он. - Монстры, должно быть, думают, что мы живем достаточно долго, чтобы уничтожить нас.
- Помните, что мы говорим о том, как эти высокоразвитые создания смотрят на человека, - сказала Арлин. - Мы признаём себя биологичными, потому что определяем биологическую систему как работающую так же, как наша.
- У этих ребят совсем другие представления обо всем, - предположил я.
- Вот именно, - согласилась Арлин. - И давайте признаем, у них эти представления более универсальны. Точно так же, как они расширили наши горизонты, мы расширили их.
- Тогда под какую категорию попадают у них монстры? - спросил Идальго. Чертовски хороший вопрос. Похоже, прошло порядочно времени, когда мы в последний раз встречались со всякими князьями ада, импами и пауками.
- Я много думала об этом, - ответила Арлин. - Фреды понимают людей лучше, чем Клейв и остальные вестники. Я верю, что Фреды боятся людей. И их конечная цель - не поработить, а стереть нас с лица Земли.
- У них вышел хороший старт, - пробормотал Идальго. С этим было не поспорить. Но Арлин все же упорно пыталась взбодрить нас:
- Сеарс и Роэбак посвятили себя, чтобы спасти нас от Фредов. Их логика очевидна. Если бы мы не были угрозой для Фредов, они бы никогда не стали разворачивать полномасштабное вторжение.
Мне нравилось то, как думали С amp;Р. Они не имели представления, что делает нас особенными, как и я. Но мы не потратили все время, плавая в грязи, дерьме и крови без какойлибо цели. Нас ценили,

потому что нас ненавидели.

Эта беседа стала самым ярким приключением за весь день. По земным. Стандартам.
Времени. Двадцать четыре часа. Много-много минут. Приказ отдыхать не так прост, как кажется.
Нужно быть гением, чтобы не делать вообще ничего. Поэтому я, как сырой новичок, только и желал, чтобы случилось хоть что-нибудь, что развеет скуку. И это “что-нибудь” случилось. И я почувствовал, что в этом целиком моя вина. Я не был суеверен. Или, по крайней мере, был, но не слишком. Но кое-что произошло за несколько дней до Фобоса, перед Деймосом, перед Солт Лейк Сити и Лос-Анджелесом. Тогда еще я наивно думал, что Кефиристан - это проблема.
Тогда вселенная имела для меня смысл, и я не верил в космических монстров. Я не говорю о монстрах, которые приходят из космоса. Это было действительно дико - поверить в смотрящего искоса красного гнома, спотыкающегося при проходе сквозь Врата. Однако, некоторые вещи должны быть невозможны. Как, например, космический монстр, пришедшие изниоткуда - а здесь было много пространства, которое можно так назвать - и атакующие клейвский корабль.
Поначалу я думал, что Сеарс и Роэбак разрабатывали увеселительную программу.
Трехмерный объект, устремленный в сторону нашего корабля, выглядел как беглец из японского фильма про монстров. Я никогда ими не увлеклся в детстве, но когда Арлин и я пошли в кино вместе, она продержала меня там весь день, и целый день мы смотрели фильмы про Годзиллу и Гамеру, спонсором которых был журнал “Чудо”. Арлин была его подписчиком, поэтому у нее были бесплатные билеты.
Меня не впечатлили эти фильмы, но монстры были слишком смешными, чтобы их забыть.
Естественно я предположил - как всегда неверно - что эта штука на дисплее (любезно предоставленном капитанами) была им роднёй. У нее был панцирь, несколько щупалец и г о ловы, торчащие под странными углами. Хорошо хоть, крыльев не было. Это было бы уж совсем нелепо.
- Желчное рыло! Желчное рыло! - закричали Сеарс и Роэбак. Я и не знал, что они могут кричать. Они были так встревожены, что их маленькие ноги начали быстро двигаться, хотя это было бесполезно в невесомости. Внезапно я осознал, как быстро эти сосунки могли двигаться на поверхности с нормальной гравитации. Здесь же их ноги выглядели забавно, они мелькали, как крылышки колибри. Эти парни были определенно расстроены.
- Желчное рыло? - повторила Арлин.
- Ближайший перевод на английский, - ответили они, теперь более спокойно, отойдя от начального шока. Их ноги также успокоились.
Я подумал, что больше скучать не придется. С amp;Р не только опознали эти летающие космические органы, они даже знали его название. Точно так же в тех японских фильмах дети знали по имени каждого морского конька-переростка, имеющего злые умыслы к Токио.
- Судно привлекает их, - сказали двойники. - Энергия инерции превращается в тепло.
С Божьей помощью, я предельно четко их понял.
- Снаружи корабль должен выглядеть, как звезда, - сказал я.
- До тех пор… пока мы не замедлимся, - напомнил Идальго скорее себе, чем всем остальным.
- Получается, что этот монстр преследует маленькую звезду, - сказала Арлин. - Что они едят?
- Все, - ответили капитаны. - Не только углерод. Любое вещество! Но только изнутри. Мы должны уйти отсюда. Мы уже сжигаем топливо.
- А нет способа, чтобы сразиться с этим созданием? - спросил Идальго ледяным голосом.
На С amp;Р напала кратковременная шизофрения. Одна голова кивала, в то время как вторая моталась в стороны. Эти движения не означали того же, что они значат у нас; однако было ясно, что ситуация - дрянь.
- Нет времени для маневров, - сказали они. - Желчное рыло уже рассчитало нужную сырость.

- Скорость! - прокричал я. Я не мог перестать поправлять этих ребят, но я понял проблему.

Это корабль был не Millennium Falcon
****
, на котором можно было сражаться с монстрами.

Это судно использовало инерционные глушители. Благодаря ним оно избавлялось от гигантского количества энергии, которую мы использовали. Находясь на 100 000 гравитационном ускорении, С amp;Р не хотели допускать глупой ошибки, которая сделает из нас желе.
Это было все, что я понял. Желчное рыло было у меня за спиной. Прямо снаружи корабля.
И ускорялись ли мы, замедлялись ли, эта штука держалась за нас, словно кровь в боевом ботинке.
- Как она будет атаковать? - спросил Идальго.
- Она станет единым юнитом, - ответили двойники. Это следовало понимать так, что тварь разделится надвое. - Внутри корабля.
- У меня идея, - произнесла Арлин с пылом, что говорило о том, что идея была хорошей. - Как скоро какая-нибудь из половин монстра будет внутри корабля?
- Прямо сейчас, - сказали С amp;Р взволнованно.
Она кивнула, и я знал, что сейчас пришло ей в голову!
- Скажите, если мы раним одну из частей, как на это ответит вторая?
- Желчное рыло уйдет куда-либо, - сказали С amp;Р. В их голосах послышалась надежда.
- Окей, - сказал Арлин. Я понял ее фирменную улыбку птички-которая-съела-червячка.
- Приготовьтесь, морпехи, - сказал Идальго, так же обнадеживающе.
Арлин сказала:
- Принесите мне три космических скафандра, все портативные реакторные пакеты, и самый, черт возьми, большой ботинок, какой сможете достать!
30
Это были лучшие морпехи, с которыми я когд-либо служил. План капрала Таггарта и Галлатин был блестящим. Я никогда бы не додумался до такого сам. И сомневаюсь, что двойники бы додумались, потому что они были слишком напуганы той штукой, которую они называли “желчного рыла”. Пока мы надевали скафандры, мы могли воочию разглядеть данный комический субъект, расположившийся прямо рядом с кораблем. Трудно было отличить головы от щупалец - если это вообще были головы. Новая угроза напомнила мне морское чудовище, с которым мы встретились в Тихом океане. Я не понимал, как обе эти создания вообще были пригодны для жизни - если хорошо присмотреться, было видно, что их форма была в постоянном перетекании и изменении.
Самая большая голова желчного рыла, которая была прямо возле корабля, являла собой вихрь самых разных цветов, в которых одна и та же форма повторяла себя: что-то вроде вороньей головы, с яркой точкой на месте глаза. Похоже, для этой проклятой твари корабль был все равно что пироженное.
Сеарс и Роэбак уверяли нас в том, что существо не опасно до тех пор, пока одна их ее половин не окажется внутри корабля. План Арлин не мог предотвратить того, что тварь явится на нашу маленькую вечеринку, но Сандерс была женщиной, которая умела обходиться с безбилетниками. С amp;Р настаивали, чтобы пойти с нами. Они действовали не так, будто они капитаны и мы находимся под их командованием. Работа сообща была для них более свойственна, чем командование. Несколько лет назад я думал, что Земля единственная населенная планета. Теперь же, когда мне открыли глаза на правду, я не ждал, чтобы все во Вселенной будут следовать моему военному кодексу. Только задоголовый придирчивый начальник мог ожидать такого.
Морпехи могли и сами справиться с этим заданием, но С amp;Р, вероятно, боялись оставаться внутри. Я не мог их винить, потому что прямо перед тем, как мы откупорили шлюз, некая непонятная штуковина материализовалась в нескольких футах от нас.
- Поспешите! Выходите наружу, - торопили С amp;Р.
К счастью, монстр еще не до конца сформировался. Когда он наконец стал полностью твердым, мы были первым блюдом в его меню. Если верить двойникам, монстр любил начинать трапезу с углеродных объектов. И только после этого он принимался за сам корабль.
Перед тем, как мы вышли наружу, у меня появилась отличная возможно рассмотреть морду твари: она была так близко, что я мог достать до нее плевком. Паровой демон в сравнении с ней был просто симпатяшка. Князь ада рядом с ним был бы первым номером в очереди на свидание. А большинство отвратных импов так и вовсе могли взять титул “Мистер Америка”.
Три глаза были расположены по сторонам от пылающего шара внутри вороньей головы.

Каждый был горящей черной точкой, они напоминали глаза пожирателя огня. Они были присоединены к трубе, заканчивающейся отверстием, которое, очевидно, было одновременно и ртом и носом. Желтая жидкость, льющаяся из трубы, с шипением растворялась на одной из сторон судна. Кислота издавала звук в точности как жаренный бекон. Все это происходило, пока голова размывалась, пытаясь завершить себя. Создание издавало сопящий звук.
“Желчное рыло” было подходящим именем.
Арлин первая пробежала от перемычки к шлюзу. Мы вышли с правой стороны судна.
Похоже, это была хорошая идея, потому что остаток монстра был на левом борту. Мы действовали быстро, чтобы у чудовища не успело проснуться любопытство.
С каждым разом меня все меньше беспокоило то, что наши скафандры были такими тонкими. Если бы на капрале Галлатине был его обычный костюм в тот момент, когда произошел несчастный случай, его легкие был разорвало в вакууме. Я начинал понимать слова Галлатина о вере. У меня тоже была вера в эту инопланетную технологию.

Мы осуществили план Арлин до того, как монстр обо всем догадался. Наша работа в открытом космосе состояла в помещении реактивного снаряжения снаружи корабля. Затем нужно было просто включить их и дать им сделать свою работу.
Медленно, ах, как же медленно, реактивные блоки начали поворачивать корабль. Мы рассчитывали на одну вещь: что существо, проведшее всю жизнь в условиях невесомости, не сможет дружить с силой тяготения. Если наше судно будет вращаться, тварь оставит нас в покое.
Если теория Арлин верна, желчное рыло испытает новое для него ощущение: отказ в приглашении. Эдакий тонкий намек на то, чтобы он шел в другое место. Или “куда-нибудь”, как сказали бы Сеарс и Роэбак.
Перед тем, как монстр понял, что у него проблемы, он издал что-то вроде довольного храпящего звука. Не требовалось многого, чтобы привлечь внимание твари. Когда корабль набрал гравитацию 0.1, храп превратился в вой ярости и отчаяния. Тяжелый стук и звуки жидкости предшествовали его уходу. Мы не смогли увидеть, как части воссоединяются в одно целое. Но мы увидели кое-что получше: как громадное создание - размером, возможно, с треть корабля, - удаляется в вечность. С этого угла мы могли рассмотреть, что осталось от твари на: ряд труб рассыпался в облачную вихрящуюся массу. Затем эта масса, как нам показалось, стала твердой, она превратилась в нечто вроде панциря черепахи. Если бы мне довелось когда-нибудь снова встретить коммандера Тейлор, я бы порекомендовал ей эту вещь для членства в Обществе Морских Волков.
Я так никогда и не узнал, зачем Арлин потребовался самый здоровенный ботинок, который мы только смогли найти.
Когда мы оказались внутри, в безопасности, возникли новые проблемы. Корабль не был смоделирован, чтобы вертеться вокруг своей оси на такой скорости. Структура судна понесла серьезный ущерб и пропускала воздух, как последняя сука. Было так много швов раскола, что мы бы никогда не смогли залатать их всех.
- У нас нет плана, как использовать корабль без воздуха, - признались С amp;Р, - но не волнуйтесь.
Не волноваться? Где же я это раньше слышал? А, это было в журнале “Mad”. Альфред Э.
Ньюман на его обложке выглядел в точности как последний президент США. Пожиратель огня сделал из последнего тост. Это было хуже, чем любое исследование конгресса.
- Почему мы не должны волноваться? - поинтересовался я.
- Космические костюмы, - ответили они.
- Мы потеряли время, пока возились с этим монстром, - заметила Арлин. - Не может быть, чтобы в костюмах было достаточно воздуха, чтобы его хватило на весь остальной путь.
Арлин и Флай настаивали, что С amp;Р не имели чувства юмора, но то, что слышалось сейчас из их уст, звучало для меня как насмешка.
- Не беспокойтесь, - повторили они. - В поясах достаточно воздуха для человека!
Я не был сильно удивлен. Мы готовы были доказать, какие жесткие мы ребята. Морская пехота! Мы могли задерживать дыхание на большее время, чем кто-либо другой, даже дольше, чем те пилоты на “Бове”. Мы могли сесть на корточки в своих костюмах и просидеть так, пока воздух медленно не

исчерпается… и при этом не жаловаться. Жесткие парни никогда не жалуются. Нам это было под силу. Мы умерли бы, так и не пожаловавшись, потому что мы не были слабаками. Мы не были какой-нибудь низшей формой жизни. Мы не были гражданскими.
Когда я посмотрел на Флая и Арлин - теперь они будут для меня первыми именами на всю оставшуюся жизнь - я задался вопросом, чувствовали ли они то же, что и я. Я никогда не встречал нормального морпеха. Я не уверен, что такой вообще существует. Именно поэтому моя жена развелась со мной. Проклятая гражданская.
Арлин выстрелила одним из своих метких замечаний:
- Передовая технология очень сильно сокращает число кульминаций.

Вот к чему мы пришли: мы были на попечении высших созданий. Это была наша удача - стать баловнями одной из сторон галактической войны. Другая сторона смотрела на нас, как на помеху.
Флай говорил за все человечество, когда требовал узнать больше об этой самой другой стороне.
- Больше никаких сюрпризов, - сказал он близнецам. - Вам следует предупреждать нас о тварях вроде желчного рыла. Его послали Фреды?
- Не от Фредов, - уверили они нас. - Просто другое создание, которое получило от Лорда дар жизни.
Флай усмехнулся.
- Это не имеет значения сейчас, когда мы уже дали ему пинка. Расскажите нам о Фредах.
Что они из себя представляют?
С amp;Р сражались с Фредами очень долго, и они не могли не знать о них хоть что-нибудь.
Наши инопланетные союзники не были идиотами. Это я был идиотом, потому что не спросил об этом сам. Когда дьяволы сначала появились на Фобосе и Деймосе, это было неожиданностью для компании “Фокс”. Не было никакого брифинга для Флая и Арлин. Было только выживание.
Прежде, чем моя боевая команда вступила на Фобос, я выкачивал из наших бесстрашных героев все, что они помнили о спутниках Марса. Теперь настало время выкачивать все из Сеарса и Роэбака.
Брифинг состоял из спроектированных картинок и базового описания главного врага, которое Сеарс и Роэбак давали на забавном английском языке. Я перестал дышать, когда увидел, что голова Фреда была похожа на артишок. Глазные яблоки были раскиданы по куполу, как изюм на пироге. Головы казались мне немного маленьким, но на то было серьезное основание: за умственные способности отвечали не они. Серое вещество было размещено в более безопасном месте, ниже, в бронированной груди. Это было место для очень большого мозга. Руки, прикрепленные к груди, выглядели словно эластичные, с палочками для еды на месте пальцев.
- Избегайте их, они вонзаются в вас, - сказали S amp;R.
- Пальцы? - уточнил я. Изображение показало нам, что могли сделать эти самые пальцы.
Находящиеся в жесткой, но гибкой коже, палочки для еды были твердыми и острыми. Резким движением своих эластичных рук, Фред мог сделать любой из своих пальцев оружием.
- Избегайте их, они вонзаются в вас, - предостерегли S amp;R.
- Пальцы? - уточнил я. Изображение показало нам, что могли сделать эти самые пальцы.
Находящиеся в жесткой, но гибкой коже, палочки для еды были тверды и остры. Резким движением своих эластичных рук, Фред мог сделать любой из своих пальцев оружием.
Спускаясь вниз по туловищу, мы остановились на талии, настолько узкой, что я не понимал, как она могла держать на себе тот вес, который несла. Затем шли две толстые ноги, кончики которых очень походили на человеческую ногу, за исключением одной особенности, похожей на коготь птицы: палец ноги, высовывающийся из пятки. Я задавался вопросом, как выглядели ноги Сеарса и Роэбака, но я не был настолько любопытным, чтобы попросить, чтобы они сняли свои ботинки. Флай сказал нам, что Фреды носят очень удобную обувь.
- Магнитят при ходьбе, - сказали С amp;Р. - Они не любят невесомость.
- Как разумно! - ляпнул Флай, но затем его пребольно стукнула действительность. - Вот дерьмо. Вы хотите сказать, что в их кораблях тоже невесомость?
- Проверяются те же принципы, - ответили С amp;Р.
- Применяются те же принципы, - на сей раз Арлин поправила их.
- Расскажите мне что-нибудь еще, - потребовал раздраженный Флай. Я не останавливал сержанта,

потому что был с ним согласен. - Вы собирались позволить нам сражаться с Фредами, не дав нам никаких данных?
- Люди любят сюрпризы, - ответили S amp;R.

- Может быть, кто-то и любит, - поправил Флай. - Но военные имеют больше мозгов, чем они.
И их мозги находятся в правильном месте, добавил я мысленно.
Затем мы дошли до такого важного предмета, как оружие. Фреды не держали у себя на корабле такого оружия, которое было у любого уважающего себя импа или зомби. Они просто не ожидали, что на них будут нападать.
Но несмотря на всю такую уверенность, каждый Фред носил личное оружие, которое было довольно мерзким. S amp;R сказали нам не спускать с него глаз. Оружие было похоже на рогатки с большим количеством перемещающихся частей и использовало электромагнитное поле, чтобы запускать небольшие летающие тарелки. S amp;R сказали:
- Мы не имеем никакого плана, как драться, когда окажемся на базе Фредов. Они могут принести и другое оружие уничижающее.
- Вы хотите сказать, уничтожающее? - переспросил Флай.
Этот брифинг поднял мой боевой дух.
- Что бы вы ни хотели сказать, капитан Сеарс и Роэбак, будьте уверены, что у морской пехоты Соединенных Штатов Америки всегда есть план, как надирать задницы.
После аварии, случившейся в ходе курса 101 “Фреды”, остаток поездки был ничем не примечателен. Он походил на первую часть поездки. Единственное различие было в том, что теперь мы были обернуты в целлофан, так что к пункту назначения мы прибудем в свежем виде.
Все хорошие вещи заканчивались. Все плохие вещи заканчивались.
- Здешний телепортатор будет для вас легкотней после того, что случилось во Вратах, - сказала Арлин, пытаясь ободрить меня. Повреждение нашего судна привело к неожиданному тактическому преимуществу. Мы могли никогда не возвратиться на базу чужих-вестников, но теперь мы имели хорошую приманку, чтобы отвлечь Фредов, в то время как сами будем использовать телепортатор. S amp;R направили остатки своего судна прямо на защитный спутник Фредов. Было ужасно смотреть, как оно уходит. Это было хорошее судно.
Высадка с корабля никогда не была легче. С воздухом в скафандрах все было отлично. Мы уже готовы были начать охоту на телепортатор.
Я думал, что если увидел одно перемещающее устройство, значит, видел и остальные, но это была не правда. У этого телепортатора не было каменной арки со всяким сверхъестественным дерьмом.
Я, возможно, ссылался на свой неприятный опыт с Вратами на Фобосе, как оправдание за то, чтобы быть суеверным, но в этом не было никакого смысла. Нам не оставалось ничего, кроме как верить, что конструкция работает. Ведь все-таки ни одно из удивительных инопланетных изобретений не подвело меня, кроме одного маленького затруднения на входе во Врата.
Я дождался своей очереди и задержал дыхание. Затем я шагнул вперед, навстречу судьбе.
31
Со мной никогда еще не случалось, чтобы волосатый мешок протоплазмы звал меня по имени:
- Флай!
Посмотрев вниз, я заметил что-что блестящее на полу рядом с моим ботинком. Я не спешил это поднимать, потому что всему свое время. Вопервых, ботинок. Значит, одежда и оружие все еще при нас. Во-вторых, действовала гравитация. Ничего, спина потерпит.
Гравитация, милая гравитация. В-третьих… в-третьих, имелась некоторая проблема.
Жидкость просачивалась из мешка плоти. Жидкость была какого-то выцветшего розового цвета, я бы никогда не принял ее за кровь. Я рассмотрел мешок поближе и узнал человеческий рот. Я никогда прежде не видел один только рот, окруженный морщинистой массой кожи, потеющий розовой жидкостью. Голосок в задней части головы собирался дать мне совет не наблюдать и вообще не думать. Но тут Арлин спасла меня от него своим криком. Я не винил ее за крик. Я тоже закричал, в этот момент мой мозг словно опалило огнем. Тот кретин, который выдумал идею, что сильная женщина никогда не должна кричать, имел задницу на месте головы.

S amp;R не понимали, что произошло. Они спросили, что случилось с остальными юнитами. Они подразумевали Идальго-Флая и Идальго-Арлин. Мы попытались объяснить, что умирающее на полу существо было Идальго. Но у S amp;R всегда быи проблемы, когда речь шла о смерти.
Зато Арлин и я были лучше знакомы с этой темой. В тот момент, когда кусок протоплазмы попросил нас “прикончить” его, мы одновременно нажали на курок. Два раскаленных луча пересекли друг друга, разрезая кусок на части, которые уже не говорили..
- Почему вы отослали новый юнит прочь? - спросили Сеарс и Роэбак. Мозг клейвских созданий нашел то, что произошло, занятным. Может быть, они подумали, что Идальго трансформировался во что-то более близкое к ним, своего рода раздвоился. Я не знал. И не хотел знать.
Офицер, человек, которого Арлин собиралась когда-то выкинуть из воздушного шлюза, оказался одним из лучших землян. Он был лидером нашей боевой команды. Мы должны были сделать то для него, что только что сделали.
Забавная вещь. Он поубивал кучу монстров. Паровой демон убил его жену. Он драл задницы принцам ада и пауками. На Фобосе он был парнем, помогавшим выносить импов, летающие черепа и супертыкву. Он был ветераном Роковой Войны.
И какой-то телепортатор убивает его. Дерьмо. Произошла какая-то неисправность с технологиями. Это так меня разозлило, что я начал видеть все в марсианско-красных тонах. Мы были должны ему больше, чем просто освобождение от страданий. Мы должны были сказать ему слова прощания, которые надлежит говорить благородному человеку.
Но мы попрощались с ним по-другому, так, как подобает морпеху. Первые Фреды допустили большую ошибку, показавшись именно сейчас. Я не дал шанса Арлин или S amp;R.
Лучевая пушка сделала мою работу слишком легкой.
Да, верно. Какая ирония. Сначала пушка поджарила Идальго, и тут же дала мне возможность отомстить за него. Мы драли им задницы. Ничто так не улучшало мое самочувствие. Оружие было легким, и оно не нуждались в перезарядке. S amp;R упоминали, что в конечном счете их все же придется перезарядить, но одного заряда хватало для тысячи убийств. Я старался израсходовать все.
Несколько Фредов выстрелили своими тарелочками. Но их меткость не соответствовала нормативам морпехоты.
S amp;R целились в грудь Фредов, чтобы попасть сразу в мозг. Когда я понял, что инопланетяне могли чувствовать боль, я начал целиться в их артишоковые головы, руки и ноги.

Арлин напомнила мне, что мы пришли сюда выполнить миссию. Но это не помогло. Я бездействовал слишком долго, сдерживался слишком сильно. Теперь пришло время расплаты.
Мы натолкнулись на двух Фредов, занимавшихся любовью. Я распознал этот процесс благодаря урокам S amp;R. Нормальная высота Фреда - шесть футов. Если один из них удлиняется до более чем семи футов, значит, он готов совокупляться; но второй должен к этому приготовиться, сократившись до пяти футов. Тогда высокий вставлял свою пирамидальную голову во впадину в голове коротышки.
Так они делились генетической информацией. “Мужчина” становился ярко красным, а “женщина” - ярко фиолетовой. Ученый нашел бы этот процесс бесконечно очаровательным. А я нашел, что более полезным будет прервать празднество, и начал стрелять, старательно подключая воображение. Прежде, чем эти Фреды умерли, я уверен, они почувствовали частичку того, что перенес Идальго.
Пока я развлекал себя, S amp;R и Арлин нашли главный компьютер и загрузили программу.
Когда они зашли в комнату, где был я, она была просто заполнена кровью. Цвет напомнил мне замороженный чай.
- Что теперь? - выдавил я слова. Они попробовали сказать мне, что миссия завершена. Но это было не так. Тем более, мы израсходовали еще не все боезапасы.
- У нас нет другого корабля, - вздохнула Арлин. Она повернулась к S amp;R и спросила, имели ли они какие-нибудь мысли. Эти мальчики явно имели. На базе был функционирующий телепорт.
Выражаясь бессмертными фразами C amp;P, “Врата должны вести к судну Фредов. Но вести небезопасно”.
Голосок внутри меня указал, что здесь больше не кого было убивать. Меня совершенно не беспокоило, что твари превратились в духов. Эти инопланетные монстры были в полной мере мертвы для меня.

Я водрузил бремя командования на себя. У сержанта Таггарта был план.
- Вперед! - вот и вся моя тактика и стратегия.
Мы приобрели билеты. В своем гневе я забыл, что на судне будет нулевая гравитация. Но в то мгновение, когда я почувствовал, как невесомость начинает вращать мои внутренности, я напомнил себе, что замечательные лучевые пушки были в отличном состоянии и прекрасно подходили для данной обстановки.
Как жаль, что они не переместились вместе с нами. Как и наша одежда с прочим оборудованием. Да, все было так же, как при переходе сквозь Врата Фобоса. Мы были голыми. Я увидел Арлин, ее длинные, мускулистые ноги легонько пинали воздух, как будто она плыла.
Классная задница, надо заметить. А еще были Сеарс и Роэбак. В голом виде они даже еще сильнее походили на Магилла Гориллу. Но их ноги были намного более человеческими, чем у обезьян. Меня это удивило.
Что будем делать теперь, сержант? - спросила Арлин. Она произнесла это не как мой лучший друг. Она произнесла это как кто-то, кто думал более четко, чем ее старший по званию.
S amp;R пришли мне на помощь.
- У нас не остается выбора, кроме как остаться не на базе.
Пока я пытался сообразить, что означали эти слова, Арлин начала плакать. Это было настолько непохоже на нее, что быстро вернуло меня к реальности. Я заметил ее руку, лежащую на шее. Тогда я понял то, что было не так. Ее последняя связь с Альбертом была оборвана - второе кольцо, кольцо, подаренное в медовый месяц. S amp;R не могли создать его заново вне своей лаборатории. Впрочем, мы не успели уделить этой проблеме должного времени. Фреды на корабле вскоре заметили нас - безбилетников-пиратов-нахлебников. Здесь мы были более удобной мишенью, чем на базе. Они пришли, топая по переборке своими намагниченными ботинками; некоторые были ниже нас, некоторые выше. Блюдца, которые они запускали, пролетали все ближе и ближе, в то время как мы барахтались в вакууме, голые и беспомощные.

Но тут я понял, что, возможно, проделал лучшую работу планирования непредвиденных обстоятельств. За несколько секунд оставшейся жизни, я уделил некоторое поверхностное внимание судну. Детали могли бы оказаться полезными в следующей жизни, если предположить, что эта теория о смерти людей была неверна.
Судно было сконструировано так же, как клейвский крейсер, но было намного длиннее.
Предположительная длинна была 3,7 км от носа до хвоста. Космический корабль Фредов, должно быть, был самой большой сигарой во вселенной.
Пока мы уворачивались от маленьких летающих тарелок, я быстро рассмотрел то, что я узнал и усвоил из лекций Сеарса и Роэбака. Они были слишком заняты уклонами, чтобы участвовать в диалоге, так что мне оставалось лишь довериться собственной памяти.
S amp;R никогда не говорили об этом, но в одном важном аспекте Фреды походили на людей больше, чем народ Клейв - они также были индивидуалистами. Это приводило к дикой неорганизованности среди демонических захватчиков. Я потерял счет того, сколько раз Арлин и я спасались тем, что заставляли монстров драться друг с другом. Когда был выбор, убивать людей или друг друга, князья ада и тыквы всегда выбирали последний вариант.
Если это сотни раз срабатывало раньше, то почему бы не добиваться сто первому?
- Врукопашную! - прокричал я. - Не думаю, что они намного сильнее нас.
Я был уверен, что ни один из нас на этом судне не был так силен, как S amp;R.
- Возможно, мы можем захватить одно из их оружий, - предложила Арлина.
- Ни одно оружие Фредов не может использоваться против них, - сказали S amp;R.
Потребовалась минута, чтобы впитать смысл этих слов. Все ясно, оружие могло быть активизировано только Фредом.
Как бы я ненавидел невесомость, после того, как я провел в нем достаточно времени за последнее время, я научился использовать его в свою пользу. В нулевой гравитации можно было создать новый вид воинского искусства.
Оттолкнувшись ногами от стены, я схватил ближайшего Фреда и выдернул сосунка прямо из его

магнитных ботинок. Импульс был на моей стороне; это был мой новый приятель. Я швырнул пришельца в двух его товарищей. Впрочем, они не действовали как товарищи. Если бы они имели хоть какие-то мозги в своих здоровенных грудях, они бы все обдумали, сделали бы выводы и начали сотрудничать друг с другом.
Какая ирония. Арлин и я были двумя самыми ярыми индивидуалистами, каких только может встретить на свое горе коллективист. В то же время коллективисты Клейв своими противоположными качествами дополняли нас в борьбе против общего противника.
Могла ли элементарная ошибка плохих парней стать причиной, за которую их нарекли деконструкционистами? Они демонтировали все, не оставляя никакого основания для рационального личного интереса.
Пища для размышления. Философский вопрос, с которым мы будем коротать время после того, как зачистим это судно от ее владельцев. S amp;R использовали иную технику боя. Они просто крушили своих противников, выдирая из их груди целые куски. Арлин и я сосредоточились на том, чтобы стравливать Фредов между собой.
Внезапно S amp;R забили тревогу. Фред, подошедший ко мне снизу, очевидно, носил знаки отличия, которые S amp;R признали как символ некоего биологического ученого, Фреда-медика.
Когда он схватил меня и потянул к себе, я понял, что этот пытался разобраться с физиологическими особенностями нашего вида.
Вместо того чтобы тыкать своими пальцами-палочками в мою грудь, чтобы проколоть мне сердце, он потянулся к моему мозгу, предполагая, что единственная реальная слабость Фредов должна также быть и человеческой слабостью.
Никогда не предполагайте.

Он ткнул своим убийственным пальцем в область, где, как он думал, люди держат свои мозги - в голову. Но исследования этого инопланетянина было немного неверны. Игла впилась в меня и обожгла болью, но она прошла сквозь мою щеку, не попав в мозг.
Тогда настала моя очередь. Я набросился на его голову так, будто это была гнилая капуста. Я думаю, что он кричал, поскольку я спускался все ниже, ниже, ниже, к той части живого существа, которое может ожидать плохие вещи прежде, чем они случаются. Я засмеялся.
Я вернулся к тому делу, которое знал лучше всего.
Каким-то чудом мы зачистили секцию, в которой находились. Тогда мы двинулись дальше.
В плане внутренней проектировки, как и клейвское судно, это было составлено из отдельных купе. Пока мы плавали от одной секции к следующей, как ангелы смерти, моя теория получила прочное подтверждение: Фреды не общались друг с другом! Мы просто повторяли процесс до тех пор, пока наши руки и ноги не устали так, что мы вынуждены были остановиться. Затем мы возобновили наши атаки, а монстры так и не сообщились друг с другом. Только в конце мы столкнулись с другим видом Фреда.
Этот, должно быть, был капитаном корабля. Он был самым умным, и он имел оружие, которое почти скосило нас.
- Следите за лучом Фреда! - прокричали S amp;R без единой ошибки, спасая Арлин и меня от смертельного лазера. Пока мы отскакивали от переборок и отпрыгивали во все стороны, как пробки в бутылке, раскаленный луч белой энергии прошел мимо нас и расплавил стену. К счастью, целостность переборки судна не была поставлена под угрозу.
S amp;R позаботились об этом Фреде лично. Четыре сильных руки вырвали капусту с корнем.
Позже мы обнаружили, что это нужно было сделать с самого начало. Но как мы могли знать, что именно этот конкретный артишок имел доступ к главному компьютеру корабля? Проклятая штуковина даже не была похожа на компьютер. Как по мне, так она напоминал блендер.
Главный Фред запрограммировал судно, чтобы оно летело… куда-то вдаль. Мы ничего не могли сделать, чтобы изменить программу. Мы преуспели в том, что перебили всех наших врагов.
Но мы застряли на их Галактическом Экспрессе с билетом в один конец. Арлин это не радовало.

Эпилог

Я никогда не увижу Альберта вновь. Я смогла примириться с тем, что при нашей встрече ему будет шестьдесят. Я, возможно, все еще любила бы его. По крайней мере, мы снова были бы вместе.
Но Флай должен довести миссию до конца. Я видела, как он обрел взгляд берсеркера после того, как Идальго умер, и я его поняла. Я также знала, что мы, возможно, не прошли бы через все это живыми, если бы не этот огонь внутри него. Когда я снова смогу думать, я скажу Флаю, что все понимаю. Теперь я могу лишь ощущать свою потерю. К тому времени, когда мы все сделаем и вернемся, Альберт уже будет лежать в могиле много-много столетий. Я сижу одна на одном конце корабля, в то время как Флай сидит на другом. На корабле Фредов огромные иллюминаторы.
Я наблюдаю, как звезды превращаются в маленький красный диск в центре линии горизонта. Флай смотрит на точно такой же диск, но у него он синий. Мы не разговариваем. Он ищет слова, которые я не хочу слышать.
Мы задаемся вопросом, что будет делать человечество в следующие несколько тысяч лет.

Пояснения

* Авторы продолжают играть с именем главного героя: Flynn = сокр. Fly = в пер. «муха».

** «Менса» - некоммерческая организация людей с высоким IQ.

*** «Magilla Gorilla» - мультсериал шестидесятых. Назван в честь главного персонажа - гориллы.

**** Айн Рэнд - писательница, противник коллективизма.

***** М. К. Эшер - голландский художник. Знаменит благодаря своим «невозможным» гравюрам. Посмотрите на них и поймете, о чем речь:
http://im-possible.info/russian/library/index.html

****** Термин «doom» встречается в тексте очень часто. На русский его можно переводить поразному: «гибель» (этот вариант встречается в этом тексте чаще всего), «судьба», «рок», «фатум» и т. д. В словосочетании «doom’s day» («судный день») оно имеет значение «суд».

******* Millennium Falcon - если кто не знает, это корабль из «Звездных войн».